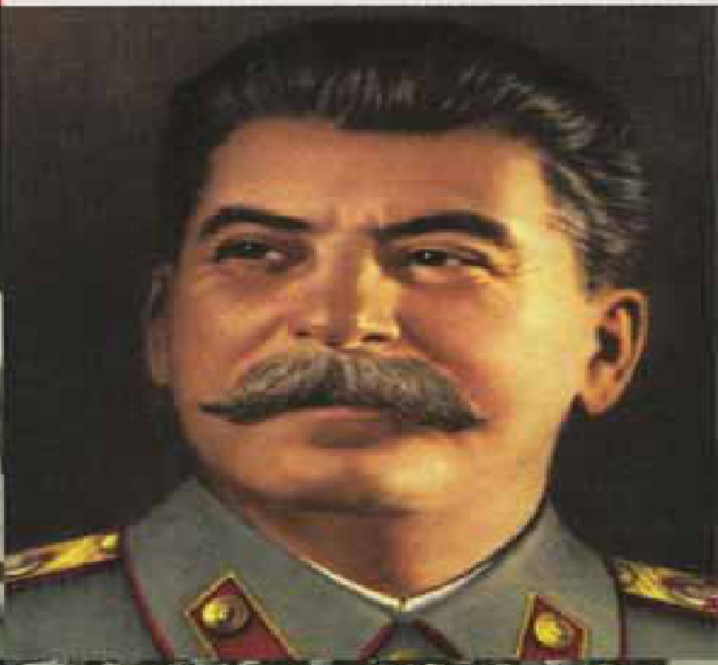
ОКРУЖЕНИЕ СТАЛИНА



Рой Медведев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга известного историка Роя Александровича Медведева рассказывает о людях, в разное время входивших в ближайшее окружение Сталина: Молотове, Кагановиче, Микояне, Ворошилове, Маленкове, Суслове и Калинине. Автор выбрал именно этих кремлевских долгожителей, чтобы проследить политическую и личную судьбу тех, кто начал свою карьеру еще при жизни Ленина. Десятилетиями они заседали в политбюро и Совете Министров, диктуя правила жизни миллионам людей…

- Рой Медведев
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ОБ ОДНОМ МОСКОВСКОМ ДОЛГОЖИТЕЛЕ
    - «ЧАСЫ У МЕНЯ ЕЩЕ ОСТАЛИСЬ»
    - КАРЬЕРА ПРИ ЛЕНИНЕ
    - КАРЬЕРА ПРИ СТАЛИНЕ
    - МОЛОТОВ: НА ВОЛОСОК ОТ АРЕСТА
    - АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В МАССОВЫХ РЕПРЕССИЯХ
    - ПАКТ МОЛОТОВА — РИББЕНТРОПА
    - МОЛОТОВ В ГОДЫ ВОЙНЫ
    - О ЛИКВИДАЦИИ КОМИНТЕРНА И ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЦЕРКВИ
    - ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ВОЙНЫ
    - МОЛОТОВ В ОПАЛЕ
    - ПЕРВЫЙ ГОД ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА
    - ОППОЗИЦИЯ РУКОВОДСТВУ ХРУЩЕВА
    - НА ТРЕТЬИХ РОЛЯХ
    - МОЛОТОВ НА ПЕНСИИ
  - СУДЬБА СТАЛИНСКОГО НАРКОМА ЛАЗАРЯ КАГАНОВИЧА
    - В ДОМЕ НА ФРУНЗЕНСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ
    - САПОЖНИК-РЕВОЛЮЦИОНЕР
    - НА РАЗНЫХ МЕСТАХ
    - В ЦЕНТРЕ ПАРТИЙНОГО АППАРАТА
    - ВО ГЛАВЕ УКРАИНЫ
    - ВНОВЬ В МОСКВЕ
    - НА ПОДЪЕМЕ
    - КАГАНОВИЧ И СУДЬБА МОСКВЫ
    - В ЗЕНИТЕ
    - КАГАНОВИЧ И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ

- ДЕЯТЕЛЬ ТЕРРОРА
- КОНЪЮНКТУРА МЕНЯЕТСЯ
- ПЕРЕД БУРЕЙ
- В ГОДЫ ВОЙНЫ
- ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ
- В «АНТИПАРТИЙНОЙ» ГРУППЕ
- МОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР ЛАЗАРЯ МОИСЕЕВИЧА
- В ОПАЛЕ
- БЕСПАРТИЙНЫЙ ПЕНСИОНЕР

○ ОТ ИЛЬИЧА ДО ИЛЬИЧА
- ПРИМЕР ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОЛГОЛЕТИЯ
- БОЛЬШЕВИК ИЗ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
- БАКИНСКАЯ КОММУНА
- ВО ГЛАВЕ КРУПНЕЙШИХ ОБЛАСТЕЙ РСФСР
- НАРОДНЫЙ КОМИССАР ТОРГОВЛИ И СНАБЖЕНИЯ СССР
- ВО ГЛАВЕ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР
- В ГОДЫ ТЕРРОРА
- МИКОЯН В ГОДЫ ВОЙНЫ
- ТРУДНЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ
- МИКОЯН В 1953–1956 ГОДАХ
- ОТ ИЮНЬСКОГО ПЛЕНУМА ДО XXII СЪЕЗДА КПСС
- КАРИБСКИЙ КРИЗИС
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
- МИКОЯН В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ
- СМЕРТЬ МИКОЯНА

○ КРАСНЫЙ МАРШАЛ
- ЧЕЛОВЕК И ЛЕГЕНДА
- ТРУДНОЕ ДЕТСТВО
- ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР
- ГОД НОВЫХ РЕВОЛЮЦИЙ
- ВО ГЛАВЕ 5-Й УКРАИНСКОЙ АРМИИ
- В БОЯХ ПОД ГОРОДОМ ЦАРИЦЫНОМ
- ВО ГЛАВЕ ПЕРВОЙ КОННОЙ АРМИИ
- ВО ГЛАВЕ ВОЕННЫХ ОКРУГОВ
- В ГОДЫ ТЕРРОРА (1936–1938)
- НЕУДАЧИ В СОВЕТСКО-ФИНСКОЙ ВОЙНЕ
- ВОРОШИЛОВ В ГОДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
- ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ВОЙНЫ
- ВОРОШИЛОВ — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

        - НА XXII СЪЕЗДЕ КПСС
        - ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ
    - НЕСОСТОЯВШИЙСЯ «НАСЛЕДНИК» СТАЛИНА
        - ОН МОГ БЫ ЕЩЕ ЗАСЕДАТЬ В ПОЛИТБЮРО
        - ЧЕЛОВЕК БЕЗ БИОГРАФИИ
        - УСПЕХИ В КАБИНЕТНОЙ РАБОТЕ
        - ТАЙНЫЕ ПРУЖИНЫ ТЕРРОРА
        - ПОЯВЛЕНИЕ НА ОТКРЫТОЙ СЦЕНЕ
        - МАЛЕНКОВ В ГОДЫ ВОЙНЫ
        - «ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»
        - ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК В ПАРТИИ
        - XIX СЪЕЗД ПАРТИИ
        - ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК В ПАРТИИ
        - ОСЛАБЛЕНИЕ ВЛАСТИ И ВЛИЯНИЯ МАЛЕНКОВА
        - В АНТИПАРТИЙНОЙ ГРУППЕ
        - МАЛЕНКОВ НА ПЕНСИИ
    - СЕРЫЙ КАРДИНАЛ
        - ГЛАВНЫЙ ИДЕОЛОГ ПАРТИИ
        - О ЛИЧНОСТИ, СУДЬБЕ И ЭПОХЕ
        - В НАЧАЛЕ ПУТИ
        - 37-Й И ДРУГИЕ ГОДЫ
        - СОЛДАТ ПАРТИИ
        - В ГОДЫ ВОЙНЫ
        - ЭМИССАР СТАЛИНА
        - СВЕРЯЯ ВРЕМЯ ПО КРЕМЛЕВСКИМ…
        - «ЗАКОНСЕРВИРОВАННЫЙ СВОБОДОЛЮБЕЦ»
        - БЕГ НА МЕСТЕ ИЛИ ДВИЖЕНИЕ ВСПЯТЬ?
        - «И В ГРОБ СХОДЯ, БЛАГОСЛОВИЛ…»
        - ПОСЛЕ СМЕРТИ
    - ВСЕСОЮЗНЫЙ СТАРОСТА
    - БИБЛИОГРАФИЯ
    - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54

- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98

- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142

- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186

- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230

- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274

- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318

- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362

- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406

- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450

- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494

- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538

- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560

Рой Медведев
ОКРУЖЕНИЕ СТАЛИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Моя работа над книгой об окружении Сталина началась еще в конце 1970-х годов, и первые очерки об отдельных людях из сталинского окружения публиковались в разных газетах и журналах в странах Запада в 1980–1983 годах. Первое английское издание книги («All Stalin's Men») вышло в свет в 1984 году, после чего переводы как с английского, так и с русского изданий были опубликованы во многих странах, включая Японию, Китай, Польшу и Венгрию. Значительно дополненное советское издание этой книги под названием «Они окружали Сталина» вышло в свет в 1989 году. Это были годы перестройки и гласности, и автор попытался в последующие два года о каждом из шести главных персонажей книги написать отдельную небольшую книгу. Мне удалось выполнить лишь часть этой задачи. В киевском журнале «Вітчизна» (№ 5 и № 6 за 1991 год) и в воронежском журнале «Подъем» (№ 8 и № 9 за 1991 год) была опубликована книга «Лазарь Каганович». Издательство «Республика» выпустило в свет в 1992 году книгу «Серый кардинал» о М. Суслове. В 1992 году я написал также очерк «Всесоюзный староста» — о Михаиле Калинине. В настоящем издании я объединил все эти работы под одной обложкой. За период с 1992 по 2005 год в Российской Федерации было опубликовано много работ об окружении Сталина. В России и США издано несколько томов переписки Сталина с Молотовым, Кагановичем и Калининым. Вышли в свет мемуары А. И. Микояна — «Так это было», а также записи бесед с Молотовым и Кагановичем. Книгу о своем отце написал сын Г. Маленкова. Внук Молотова В. Никонов опубликовал в двух томах подробную биографию своего деда. Большая часть этих работ имеет, однако, академический интерес. Люди из окружения Сталина не были выдающимися личностями или великими политиками, и для широкой публики, на которую рассчитана серия «ЖЗЛ», нет нужды знать все подробности жизни и деятельности этих людей. Я поэтому не стал расширять написанные ранее тексты, а ограничился исправлением некоторых неточностей. В России в последние 15 лет появилось новое поколение читателей, для которых, как я надеюсь, моя книга будет интересной.

Хочу выразить глубочайшую признательность моим коллегам *Василевскому Алексею Александровичу, Ермакову Дмитрию Артуровичу и Хмелинскому Петру Вадимовичу* за творческую помощь в подготовке материалов книги.

Октябрь 2005

ОБ ОДНОМ МОСКОВСКОМ ДОЛГОЖИТЕЛЕ (В. М. Молотов)

«ЧАСЫ У МЕНЯ ЕЩЕ ОСТАЛИСЬ»

Одна из моих знакомых, торопясь на работу, забыла дома часы. Проходя по улице Грановского, она увидела стоявшего на тротуаре старичка небольшого роста. «Скажите, пожалуйста, сколько сейчас времени?» — спросила женщина. «Слава богу, часы у меня еще остались», — произнес старик и назвал время. Когда он поднял лицо, женщина, дочь одного из расстрелянных в 1937 году старых большевиков, с удивлением узнала в старике Молотова, человека, который в 30-е годы возглавлял советское правительство и имя которого еще в конце 40-х годов при перечислении членов Политбюро ЦК ВКП(б) неизменно стояло на втором месте после Сталина.

Однако многие молодые люди, с которыми мне приходилось беседовать в последнее время, даже не знают имени Молотова. Мне это не кажется странным, хотя очень удивило однажды такого вдумчивого американского журналиста, как Хедрик Смит.

«Люди Запада забывают, — пишет он в своей книге „Русские“, — что из своего далека они подчас знают о некоторых исторических событиях в Советском Союзе больше, чем русская молодежь. Для меня наиболее наглядным примером этого явления служит один эпизод, произошедший с Аркадием Райкиным, знаменитым советским эстрадным актером. Как-то зимой с ним случился сердечный приступ, и его положили в больницу, где актера навестил его 18-летний внук. Вдруг Райкин подскочил на кровати, пораженный тем, что мимо палаты прошел Вячеслав Молотов, ближайший из оставшихся в живых соратников Сталина, в прошлом председатель Совета Министров и министр иностранных дел.

— Это он! — ахнул Райкин.

— Кто? — спросил внук; лицо человека, прошедшего по коридору, было ему незнакомо…

— Молотов, — пробормотал Райкин.

— А кто это, Молотов? — спросил юноша с ошеломляющим неведением. Такая историческая глухота, как сказал один ученый средних лет, привела к развитию поколения молодых, не знающих ни злодеев, ни героев и поклоняющихся разве что звездам западной рок-музыки»[1].

Конечно, люди более старшего поколения хорошо помнят Молотова. Однако и они, в сущности, ничего не знали о судьбе экс-премьера в последние 20 лет и даже о том, жив ли он. Поэтому они с большим удивлением прочли в конце 1986 года короткое извещение Совета Министров СССР о смерти на 97-м

году жизни Молотова В. М., бывшего с 1930 по 1941 год председателем Совета народных комиссаров. Это прозвучало для многих и как извещение о смерти, и как возникновение имени Молотова из политического небытия.

Молотов вступил в партию большевиков в 1906 году, и он, вероятно, был в последний год своей жизни самым старым из членов партии. До конца 70-х годов старейшим членом партии в нашей стране была Фаро Ризель Кнунянц, которая примкнула к движению социал-демократов в 1903 году. Однако она умерла в конце 1980 года в возрасте 97 лет. В 1983 году в возрасте 99 лет умер Тимофей Иванович Иванов, член КПСС с 1904 года. Летом 1985 года также в возрасте 99 лет умерла Анна Николаевна Бычкова, вступившая в партию в июне 1906 года. Теперь умер и Молотов…

Но если Молотов мало побыл самым старым членом партии, то он, несомненно, был долгое время единственным из оставшихся в живых членов ЦК партии начала 20-х годов. Лишь немногие из них умерли естественной смертью, большинство было расстреляно или погибло в тюрьмах и лагерях. И Молотов приложил немало стараний к уничтожению всех этих людей.

КАРЬЕРА ПРИ ЛЕНИНЕ

Настоящая фамилия Молотова *Скрябин.* Когда он начал впервые печататься в большевистских газетах, его небольшие заметки и статьи появлялись под разными псевдонимами. Только в 1919 году на брошюре об участии рабочих в хозяйственном строительстве автор поставил псевдоним «Молотов», который вскоре и стал его постоянной фамилией.

Многие считали почему-то, что Молотов происходил из дворянской семьи. Это не так. Он родился 9 марта 1890 года в слободе Кукарка Вятской губернии и был третьим сыном мещанина Михаила Скрябина из города Нолинска. Отец Молотова был обеспеченным человеком и дал своим сыновьям неплохое образование. Вячеслав окончил в Казани реальное училище и получил даже музыкальное образование. В России происходила революция, и большинство казанской молодежи было настроено весьма радикально. Молотов вступил в один из кружков самообразования, где изучали марксистскую литературу. Здесь он подружился с Виктором Тихомирновым, сыном богатого купца и наследником крупного состояния, который тем не менее вошел в большевистскую группу в Казани еще в 1905 году. Под влиянием Тихомирнова Молотов также вошел в эту группу в 1906 году. В 1909 году Молотов был арестован и сослан в Вологду. По окончании ссылки он приехал в Петербург и поступил в Политехнический институт. В 1912 году в столице начала выходить первая легальная большевистская газета «Правда». Одним из ее организаторов был Тихомирнов, передавший на нужды газеты крупную сумму денег. К работе в газете Тихомирнов привлек и Молотова, который опубликовал здесь несколько статей. Позднее, уже в 30-е годы, Молотов всячески покровительствовал дочери своего друга — балерине И. Тихомирновой, танцевавшей в Большом театре.

Из-за арестов и эмиграции многих лидеров партии не только петербургская, но и вся российская организация большевиков оказалась в начале войны без руководителей. Только осенью 1915 года под руководством А. Шляпникова в Петрограде было вновь создано Русское бюро ЦК. Годом позже в него вошел и 26-летний Молотов. Естественно, что в первые дни Февральской революции он оказался заметной фигурой. В марте 1917 года входил в редакцию «Правды» и в исполком Петроградского совета.

Но после возвращения из ссылки и эмиграции руководителей партии Молотов отошел на вторые роли. Он не обладал ни ораторским талантом, ни сильной волей, ни революционной

энергией. Поэтому не смог сколько-нибудь отличиться ни в бурные месяцы революции 1917 года, ни в годы последовавшей за ней Гражданской войны. Но Молотов показал себя человеком исполнительным, усидчивым и старательным. К тому же он имел почти законченное техническое образование. В 1918 году Молотов возглавил Совет народного хозяйства Северного района, в который входили тогда 7 губерний бывшей России и Карельская трудовая коммуна. В 1919 году он руководил восстановлением хозяйства и советских организаций в Поволжье. Летом 1919 года во время совместной поездки на агитпароходе «Красная звезда» Молотов познакомился с Н. К. Крупской. Знакомство с Лениным произошло еще раньше, в апреле 1917 года.

Вскоре у Молотова стали возникать острые конфликты с местными работниками. Это привело к тому, что его отозвали из Поволжья и направили на Украину, где он работал всего несколько месяцев. В этот период центральный аппарат РКП(б) значительно увеличился, что было естественно в условиях однопартийной системы. К тому же в марте 1919 года умер Я. М. Свердлов, который почти единолично и оперативно руководил до тех пор аппаратом партии. Было решено создать секретариат ЦК на коллегиальной основе, и в 1920 году пленум ЦК избрал секретарями ЦК Н. Н. Крестинского, Е. А. Преображенского и Л. П. Серебрякова. Все они были сторонниками Троцкого, и после «профсоюзной дискуссии» Ленин принял решение полностью обновить состав секретариата. Это удалось сделать после X съезда РКП(б), на котором платформа Троцкого и его группа потерпели поражение. В новый секретариат и в состав ЦК был избран Молотов. Он стал не только секретарем ЦК, но и кандидатом в члены Политбюро. Работая в секретариате, Молотов проявил чрезвычайную усердность в канцелярской работе, однако ему не хватало самостоятельности и авторитета. К тому же Ленина крайне раздражал столь ненавистный ему бюрократизм, которым с самого начала характеризовалась работа многих созданных при ЦК РКП(б) вспомогательных отделов. Весной 1922 года было решено реорганизовать секретариат, расширить его права и функции и поставить во главе этого органа одного из членов политбюро. Зиновьев и Каменев предложили кандидатуру Сталина, и Ленин согласился с этим предложением.

КАРЬЕРА ПРИ СТАЛИНЕ

Новый секретариат ЦК был сформирован после XI съезда партии в составе Сталина, Молотова и Куйбышева. Сталин, ставший теперь генеральным секретарем, оставил Молотова в секретариате не только потому, что последний проявил по отношению к нему полную и безусловную лояльность. Сталин оценил также бюрократическую старательность и работоспособность Молотова. Тот не был создан для первых ролей, и его почти не видели среди рабочих и крестьян. Зато он аккуратно вел бесчисленное количество дел, выполняя ту канцелярскую часть работы секретариата, которую не слишком любил делать Сталин. Большевики первого поколения, не особенно ценившие кабинетную работоспособность, уже тогда дали Молотову презрительную кличку «каменная задница».

На похоронах В. И. Ленина Молотов нес гроб вождя вместе с другими членами и кандидатами в члены политбюро. Хроникеры «Правды» писали 28 января 1924 года: «4 часа. Тт. Сталин, Зиновьев, Каменев, Молотов, Бухарин, Рудзутак, Томский и Дзержинский поднимают гроб и, обойдя помост со стороны Красной площади, следуют с телом Владимира Ильича к склепу. Впереди знаменосцы».

В 20-е годы мы видим Молотова почти всегда рядом со Сталиным. Молотов активно участвует в борьбе против троцкистской, а затем против зиновьевской и «объединенной» оппозиций. На съездах партии он делает обычно доклады по организационным вопросам, часто пишет для «Правды», выпускает одну за другой брошюры и книги: «Вопросы партийной практики», «Партия и ленинский призыв», «Ленин и партия за время революции», «Об уроках троцкизма», «Политика партии в деревне». Хотя Молотов никогда не был знатоком аграрного вопроса, но именно он возглавил с 1924 года комиссию ЦК по работе в деревне. В 1928–1929 годах Молотов, теперь уже полноправный член политбюро, без колебаний поддержал Сталина в борьбе с так называемым «правым уклоном».

Особое усердие он проявил в борьбе с правыми в Московской партийной организации, неистово обвиняя «оппозицию» и ее лидера Н. А. Угланова. И если на XV съезде партии Молотов фактически высказался против принудительного изъятия хлеба и предупреждал, что подобная линия «ведет к разрушению Советского государства», то месяц спустя он уже настаивал на диаметрально противоположной точке зрения, резко раскритиковав решения пленума МГК ВКП(б), выступившего

против чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок. Молотов и здесь следовал за «хозяином». В ноябре 1928 года он стал первым секретарем МГК ВКП(б), оставаясь одновременно одним из секретарей ЦК. В газете «Московская правда» приведены интересные факты его руководства: за сто тридцать дней пребывания на посту первого секретаря МГК Молотов действительно «сплотил» коммунистов столицы вокруг «вождя», перетряхнув практически все руководство Московской партийной организации. Из шести заведующих отделами МГК четверо были освобождены, из шести секретарей райкомов столицы продолжали выполнять партийные обязанности только двое. По сравнению с прошлыми выборами почти на 60 процентов был обновлен состав бюро МГК. Из 157 избранных членов Московского комитета в прежний его состав входили 58. Из членов МГК выбыли Бухарин, Рютин, а избрали Кагановича и других явных сталинцев. Молотов с блеском выполнил поручение Сталина, разрубив «тугой узел» в столичной парторганизации[2].

Сухой, деловитый, как бы лишенный эмоций, Молотов беспрекословно выполнял любые указания и директивы Сталина. И Сталин оценил эту покорность. Когда после отставки А. И. Рыкова оказался вакантным пост председателя Совета народных комиссаров, Сталин предложил именно Молотова избрать главой советского правительства. На заседании ЦК и ЦКК ВКП(б) в декабре 1930 года Молотов выступил с речью, в которой сказал:

«Сейчас, ввиду моего нового назначения, я не могу не сказать несколько слов о себе, о своей работе. У меня как у коммуниста нет и не может быть большего желания, чем быть на деле учеником Ленина. Мне недолго пришлось работать под непосредственным руководством Ленина. В течение последних лет мне пришлось… проходить школу большевистской работы под непосредственным руководством лучшего ученика Ленина, под руководством товарища Сталина. Я горжусь этим. До сих пор мне приходилось работать в качестве партийного работника. Заявляю вам, товарищи, что и на работу в совнарком я иду в качестве партийного работника, в качестве проводника воли партии и ее Центрального Комитета»[3].

Конечно, Молотов немало поработал в годы первой и второй пятилеток, хотя основная тяжесть работы по созданию советской промышленности легла на плечи народных комиссаров и их главных помощников. Не со всеми Молотов ладил; частыми были, например, его конфликты с наркомом тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе, а также с наркомом С. С. Лобовым и некоторыми другими. Но Сталин обычно всегда поддерживал Молотова. Сталину нравилась не только неутомимая и лояльная

деятельность Молотова, но и то, что тот был человеком маленького роста. Крупные, высокие и красивые люди раздражали низкорослого и рябого диктатора. В знаменитом стихотворении О. Мандельштама о Сталине, которое стоило поэту жизни, есть строка:

> А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
> Он играет услугами полулюдей…

Как писала позднее вдова Мандельштама, «тонкую шею» Осип приметил у Молотова — она торчала из воротничка, увенчанная маленькой головкой[4].

МОЛОТОВ: НА ВОЛОСОК ОТ АРЕСТА

Еще при проведении коллективизации и насильственном выселении богатых, да и многих бедных крестьян и середняков в 1930–1931 годах Молотов выезжал в отдельные районы страны в качестве чрезвычайного уполномоченного, наделенного неограниченными правами. Особенно зловещую роль играл он на Украине, где в 1932 году руководил хлебозаготовками в южных областях.

Страшная хроника пребывания Молотова на Украине такова. В один из первых приездов туда в конце декабря 1931 года Молотов выступил на заседании политбюро ЦК КП(б)У, отметив крайнюю неудовлетворительность выполнения плана хлебозаготовок и возникшую прямую угрозу их срыва. Он потребовал применения «особых мер» и повышения «большевистской бдительности в отношении классового врага». Достижение плана любой ценой означало усиление карательных мер. В октябре 1932 года Молотов вновь на Украине, чтобы обеспечить выполнение хлебозаготовок. При его непосредственном участии осуществлен ряд репрессивных мероприятий. На очередном заседании политбюро Украины, на котором присутствовал Молотов, вся вина за невыполнение плана была возложена на местные парторганизации. Кроме того, было решено применять взыскания, штрафы и судебные репрессии к единоличникам, уклонявшимся от хлебозаготовок. Согласно специальной инструкции допускалось изъятие земли и высылка за пределы области. Затем 17–18 ноября на специальном заседании политбюро Украины также с участием Молотова были ужесточены меры по отношению к колхозам-должникам. В проведении репрессий использовался весь «богатый» опыт насилия, разработанный комиссией Кагановича на Северном Кавказе. Предполагалось провести массовые чистки среди сельских коммунистов[5]. Результаты «аграрной политики» Молотова — тысячи жизней, тысячи искалеченных судеб. Но последствия кампании хлебозаготовок были еще более ужасны. Украину охватил страшный голод, унесший миллионы жизней.

Однако, когда в 1936 году в Москве под руководством Сталина, Ежова и Ягоды началась подготовка первого «открытого» судебного процесса над группой Зиновьева — Каменева, реальная опасность нависла и над самим Молотовым. У него были на этот счет какие-то разногласия со Сталиным. Об этом писал в своей книге, впервые увидевшей свет в США еще в 1953 году[6], Александр Орлов (Лев Фельдбин), крупный советский разведчик,

бывший генерал НКВД, работавший в Испании и отказавшийся вернуться в СССР на верную гибель. Он тщательно скрывался в США даже от американских властей и сумел пережить Сталина на 20 лет. Вот что писал А. Орлов:

«Из официального отчета о процессе „троцкистско-зиновьевского центра“ видно, что, перечисляя на суде фамилии руководителей, которых центр намеревался убить, никто ни разу не упомянул фамилию Молотова. Между тем Молотов занимал в стране первое место после Сталина и был главой правительства. Подсудимые заявляли, что они готовили террористические акты против Сталина, Ворошилова, Кагановича, Жданова, Орджоникидзе, Косиора и Постышева, но к Молотову подобные злодейские замыслы почему-то не относились. Сейчас мы увидим, что ничего таинственного в этом нет. С самого начала следствия сотрудникам НКВД было приказано получить от арестованных признания, что они готовили террористические акты против Сталина и всех остальных членов политбюро. В соответствии с такой директивой Миронов потребовал от Рейнгольда, который согласился… давать показания против старых большевиков, чтобы тот засвидетельствовал, что бывшие лидеры оппозиции готовили убийство Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Кирова и других вождей. В СССР принято перечислять эти фамилии в строго определенном порядке, который показывает место каждого из „вождей“ в партийной иерархии; сообразно этому порядку Молотов и был назван в показаниях Рейнгольда сразу после Сталина. Но когда протокол этих показаний был представлен Сталину на утверждение, тот собственноручно вычеркнул Молотова. После этого следователям и было предписано не допускать того, чтобы имя Молотова фигурировало в каких-либо материалах будущего процесса.

Этот эпизод вызвал в среде руководителей НКВД понятную сенсацию. Напрашивался вывод, что логически должно последовать распоряжение об аресте Молотова, чтобы посадить его на скамью подсудимых вместе с Зиновьевым и Каменевым как соучастника заговора. Среди следователей начал циркулировать слух, что Молотов уже находится под домашним арестом. В НКВД никто, исключая, быть может, Ягоду, не знал, чем Молотов навлек на себя сталинское недовольство, но, если верить тогдашним упорным слухам, Сталина рассердили попытки Молотова отговорить его устраивать позорное судилище над старыми большевиками.

Вскоре Молотов отправился на юг отдыхать. Его неожиданный отъезд был тоже воспринят верхушкой НКВД как зловещий симптом, больше того — как последний акт

разворачивающейся драмы. Все знали, что не в обычаях Сталина убирать наркома или члена политбюро, арестовывая его на месте, при исполнении служебных обязанностей. Прежде чем отдать распоряжение об аресте любого из своих соратников, Сталин имел обыкновение отсылать их на отдых или объявлять в газетах, что такой-то получил (либо получит) новое назначение. Зная все это, руководство НКВД со дня на день ожидало распоряжения об аресте Молотова. В „органах“ были почти уверены, что его доставят из отпуска не в Кремль, а во внутреннюю тюрьму на Лубянке.

Сталин держал Молотова между жизнью и смертью шесть недель и лишь после этого решил „простить“ его. Молотов все еще был ему нужен. Среди заурядных, малообразованных чиновников, коими Сталин заполнил свое политбюро, Молотов был единственным исключением. Его отличала невероятная работоспособность. Он освобождал Сталина от тяжкого бремени управления текущими государственными делами. Кроме того, Молотов оставался единственным, не считая самого Сталина, членом политбюро, кто с полным правом мог назвать себя старым большевиком, так как оставил определенный след в предреволюционной истории партии.

К удивлению энкавэдэшной верхушки, Молотов вернулся из отпуска к своим обязанностям председателя Совета народных комиссаров. Это означало, что между Сталиным и Молотовым достигнуто перемирие, хотя, может быть, и временное»[7].

АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В МАССОВЫХ РЕПРЕССИЯХ

После описанного выше эпизода Молотов перестал возражать против проведения репрессий, более того, он принял самое активное участие в организации массового террора 1937–1938 годов.

Из двадцати пяти народных комиссаров, входивших в СНК СССР в 1935 году, не погибли в годы репрессий лишь Микоян, Ворошилов, Каганович, Литвинов да и сам Молотов. Из двадцати восьми человек, составивших Совет народных комиссаров в начале 1938 года, были вскоре репрессированы 20 человек. И Молотов отнюдь не был пассивным наблюдателем этой страшной «мясорубки». Он активно помогал крутить ее ручку Сталину, Ежову и Берии. Именно Молотов выступил на февральско-мартовском (1937 года) пленуме ЦК с большим докладом, в котором призвал всю партию усилить борьбу с «вредителями» и «шпионами» внутри партии, то есть с теми «вредителями», которые носят в своем кармане партийный билет и громче других кричат, что они защищают интересы и линию партии. Этот доклад был опубликован отдельной брошюрой под заголовком «Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецких троцкистских агентов». Молотов не только подписывал после Сталина многие из проскрипционных списков, прибавляя нередко к своей подписи и матерную брань в адрес осужденных. Он был инициатором многих арестов в аппарате СНК СССР. По его требованию были арестованы Г. И. Ломов и К. В. Уханов, а также первый секретарь Уральского и Свердловского обкомов партии И. Д. Кабаков и многие председатели облисполкомов.

В ходе развернувшихся массовых репрессий ни суд, ни «тройки» не справлялись с «напряженной» работой. Чтобы упростить и ускорить процесс, Молотов внес «рационализаторское предложение» не разбираться с каждым отдельно, а наказывать и судить списками.

Были случаи, когда при просмотре поданных списков вместо санкции на тюремное заключение Молотов ставил рядом с некоторыми фамилиями зловещие буквы «ВМН», то есть «высшая мера наказания». Но, как уже говорилось, рукой Молотова делались и некоторые другие категорические надписи. Так, в ответ на записку Сталина, как поступить с Ломовым, однозначно заключил: «За немедленный арест этой сволочи Ломова».

Пожалуй, исключительный для биографии Молотова случай

приводит в своих воспоминаниях известный в прошлом футболист «Спартака» Николай Старостин: против братьев Старостиных Берией было сфабриковано обвинение в создании террористической организации среди спортсменов. Однако случилось непредвиденное. Молотов не подписал ордера на этот арест. Редчайший случай — Берии не удалось осуществить задуманное[8].

В годы массовых репрессий как рядовые коммунисты, так и многие из видных деятелей науки и культуры обращались не только к Сталину, но и к Молотову, Калинину с просьбой защитить арестованных или подвергшихся несправедливым преследованиям людей. Особенно активно защищал видных советских ученых П. Л. Капица. И многие из его усилий увенчались успехом. Но не тогда, когда он обращался к Молотову. Так, например, подробное письмо Капицы Молотову с просьбой прекратить начавшуюся в печати недостойную травлю крупнейшего советского математика академика Н. Н. Лузина было доставлено обратно Капице с резолюцией: «За ненадобностью вернуть гр-ну Капице. В. Молотов»[9].

Более красноречивой была переписка Молотова с выдающимся русским ученым И. П. Павловым. Поводом для обращения послужило убийство С. М. Кирова и развернувшаяся после него кампания массовых репрессий. В письме от 21 декабря 1934 года с присущими ему бесстрашием и откровенностью Павлов называет вещи, происходящие в стране, своими именами: «Вы делаете… эксперимент… эксперимент страшно дорогой (и в этом суть дела), с уничтожением всего культурного покоя и всей культурной красоты жизни… Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия…» Нравственно последовательной и бескомпромиссной позиции русского ученого противостояли казуистика и псевдонаучная объективность ответа Молотова с его общими абстрактными словами об «успешно строящемся бесклассовом социалистическом обществе, обществе подлинно высокой культуры и освобожденного труда, несмотря на все трудности борьбы с врагами этого нового мира»[10]. В том же духе, со ссылками на историческую и государственную необходимость (с некоторыми ошибками) Молотов оправдывает многочисленные репрессии в Ленинграде, против которых постоянно выступал И. П. Павлов.

Необходимо также сказать, что многие арестованные и невинно осужденные направляли прошения на имя Молотова. Среди них было и полное отчаяния заявление В. Э. Мейерхольда с отказом от признаний, выбитых из него жестокими пытками. Впрочем, это письмо, как и тысячи других, оставалось без ответа.

Как известно, Н. С. Хрущев был назначен Первым секретарем ЦК КП Украины только в январе 1938 года, когда почти весь партийный и государственный актив этой республики уже был разгромлен. Главными дирижерами и руководителями погромной кампании на Украине были Молотов и Каганович. Во второй половине 30-х годов Молотов был, безусловно, вторым человеком в государстве и обладал громадной властью.

Один из советских музыкантов, Юрий Елагин, оказавшийся в эмиграции после Второй мировой войны, опубликовал в 1952 году книгу «Укрощение искусств». В ней он описывает посещение Молотовым Театра имени Вахтангова, в котором тогда работал Елагин:

«Как-то раз, вскоре после начала нового сезона осенью 1938 года, я шел, как обычно, на очередной вечерний спектакль. По пустынной всегда в это время улице Вахтангова неторопливо шагали личности в штатских пальто и в военных сапогах, пытливо вглядываясь в каждого прохожего. У недавно выстроенного подъезда правительственной ложи стояло несколько автомобилей.

…В нашей раздевалке поразило меня молчание и серьезная обстановка, без обычных шуток и смеха. Я разделся и со скрипкой в руках направился к двери, ведущей в большой коридор.

— Предъявите документы, товарищ, — услышал я тихий, но очень уверенный голос. Тут только я обратил внимание на человека в синем костюме и в военных галифе, стоявшего у этой двери и проверявшего документы у всех входивших.

Подавив возникшее у меня инстинктивно чувство внутреннего протеста, я достал театральное удостоверение и протянул его человеку в галифе. Он долго, внимательно читал его и сверял фотокарточку с моей собственной физиономией.

— Проходите, — тихо сказал он, разрешая мне пройти в фойе нашего оркестра, в которое я входил каждый вечер вот уже в течение семи лет моей службы в театре. Некоторые наши актеры не вытерпели и возмутились.

— Зачем я буду показывать документы в моем театре? — сказал артист Шухмин человеку в галифе. — Я здесь двадцать лет служу. Меня каждая собака здесь знает. А вот я-то вас не знаю и в первый раз в жизни вижу.

— Предъявите документы, — еще тише и серьезнее произнес человек в галифе. — Иначе вы не будете допущены к участию в спектакле и пойдете под суд как прогульщик…

…Я хотел было пройти к моему месту, как вдруг отделившаяся от стены фигура загородила мне дорогу.

— Вам что здесь нужно, товарищ? — Вопрос этот, как ни

странно, задал не я незнакомой личности, а личность мне.

— Я играю в оркестре, — ответил я. — Я хотел бы настроить скрипку.

— Еще рано, товарищ, — сказала личность. — Очистите помещение.

Позже, когда спектакль начался, личность молча сидела в углу на стуле рядом с контрабасами и внимательно наблюдала за каждым из нас. В перерыве между музыкальными номерами мы любили подходить к барьеру оркестра и смотреть действие на сцене. Кто-то из нас попробовал сделать это и на этот раз. Но личность с быстротой молнии вскочила со своего стула, подошла к любопытному и сказала очень кратко, но твердо:

— Товарищ, сядьте на ваше место.

В тот вечер впервые был гость в новой правительственной ложе. Сам Молотов приехал смотреть наш спектакль»[11].

Не только Сталин, но и Молотов прекрасно знал в 1937 году об огромном масштабе проводившихся в стране репрессий. По свидетельству Д. А. Волкогонова, в наших архивах есть материалы, из которых видно, что В. Ульрих, заместитель председателя Верховного суда СССР, вместе с Вышинским регулярно докладывали Сталину (чаще одновременно Молотову и Ежову) о процессах и приговорах. В 1937 году ежемесячно Ульрих представлял «сводку» об общем числе приговоренных за «шпионско-террористическую и диверсионную деятельность»[12].

В 1937 году в Москве проходил Первый Всесоюзный съезд архитекторов. По свидетельству С. Е. Чернышева (он входил в состав делегации съезда, посетившей Молотова), кто-то из архитекторов стал критиковать постройки немецкого архитектора Эрнста Мая, работавшего в СССР в качестве иностранного специалиста.

— Жаль, что выпустили, — заметил Молотов. — Надо было посадить лет на десять.

Молотов обладал огромной властью в стране. Его 50-летие было отмечено в марте 1940 года не только высокими наградами и приветствиями со всех сторон. Крупнейший промышленный центр страны — город Пермь был переименован в Молотов. Появились на карте СССР и три Молотовска, два Молотовабада, мыс Молотова и пик Молотова. К этому надо прибавить тысячи колхозов, предприятий и институтов имени Молотова.

ПАКТ МОЛОТОВА — РИББЕНТРОПА

В 30-е годы Молотов и как член политбюро, и как председатель СНК должен был заниматься различными вопросами внешней политики. Он далеко не всегда был согласен с мнением и предложениями наркома иностранных дел М. М. Литвинова. Об отношениях Молотова и Литвинова бывший ответственный сотрудник НКИД Е. А. Гнедин свидетельствует:

«В американской книге Поупа „Литвинов“ высказано совершенно нелепое предположение, будто Литвинов сам предложил в качестве своего преемника на пост наркома „своего друга“ Молотова. Хотя Литвинов нам никогда не говорил о своих отношениях с Молотовым, все же было известно, что отношения плохие. Литвинов не мог уважать ограниченного интригана и пособника террора Молотова. Тот, в свою очередь, явно не любил Литвинова, единственного наркома, сохранившего самостоятельность и чувство достоинства. Неприязнь председателя Совнаркома к наркому иностранных дел, между прочим, сказывалась на положении центрального дипломатического аппарата. Молодые карьеристы жаловались, что ставки в НКИД ниже, чем на соответствующих должностях в других наркоматах»[13].

В мае 1939 года Литвинов был смещен с поста наркома и заменен Молотовым, который оставался также главой советского правительства. В окружении Сталина Молотов считался сторонником сближения между СССР и Германией. Еще в 1937 году торгпред СССР в Германии Д. В. Канделаки вел переговоры от имени Сталина и Молотова с советником Гитлера министром Шахтом об улучшении политических и экономических отношений между Германией и СССР. Эти переговоры велись в обход наркомата иностранных дел. Поэтому назначение Молотова наркомом иностранных дел было воспринято как приглашение Германии к переговорам. Для западных демократий решение Сталина о смещении Литвинова оказалось полной неожиданностью. Как вспоминал позднее посол США в Москве Ч. Болен: «…Мы в посольстве плохо понимали, что происходит. Британский посол Вильям Сиде рассказывал нам, что разговаривал с Литвиновым за несколько часов до сообщения о его смещении и не заметил никаких намеков на предстоящую перестановку. Такого же мнения были и другие работники дипкорпуса»[14].

Ответственный сотрудник НКИД А. Рощин описывал недавно ту обстановку, которая сложилась в этом наркомате после

смещения Литвинова:

«На другой день после сообщения о назначении В. М. Молотова наркомом иностранных дел… мне позвонили и предложили срочно прибыть в наркомат. Когда я приехал, в приемной наркома уже находились заведующие отделами и начальники управлений, члены парткома. Все настороженно ждали вызова в кабинет, где заседала правительственная комиссия по передаче дел прежнего наркома вновь назначенному…

Вторым в кабинет наркома вызвали меня. За столом для заседаний сидели Г. М. Маленков, В. М. Молотов, М. М. Литвинов, Л. П. Берия, В. Г. Деканозов. Маленков был одет в защитного цвета гимнастерку с широким ремнем военного типа. Литвинов был в синем кителе, в котором он обычно работал в НКИД. Молотов и Берия были в гражданских костюмах, а Деканозов, только что назначенный замнаркома иностранных дел, был в форме офицера госбезопасности. Литвинов представил меня членам комиссии.

Мне стали задавать вопросы. Наибольшую активность при этом проявил Берия. Молотов и Литвинов в основном молчали. Маленков ходил по кабинету, засунув руки за пояс, изредка спрашивая. Деканозов, видимо, чувствовал себя неловко в столь именитой компании руководящих деятелей страны. Он смотрел немигающими глазами и молчал.

К вопросам, которые задавал мне Берия, приходилось быть особенно внимательным…»

Впоследствии выявились причины смещения М. М. Литвинова…

В. М. Молотов говорил на собрании НКИД в июле 1939 года: «Товарищ Литвинов не обеспечил проведение партийной линии, линии ЦКВКП(б) в наркомате. Неверно определять прежний НКИД как небольшевистский наркомат… но в вопросе о подборе и воспитании кадров НКИД не был вполне большевистским, так как товарищ Литвинов держался за ряд чуждых и враждебных партии и Советскому государству людей и проявил непартийное отношение к новым людям, перешедшим в НКИД»[15].

Еще в 1937–1938 годах во время массовых репрессий и террора его жертвами стали многие дипломаты, служащие посольства, работники Наркомата иностранных дел. Эти аресты стали затихать в первые месяцы 1939 года. Однако, как только Литвинов был смещен со своего поста и главой НКИД был назначен Молотов, репрессии возобновились с новой силой. Решение о смещении Литвинова было объявлено 3 мая 1939 года, а уже 4 мая была арестована группа ближайших его сотрудников,

включая П. С. Назарова, работавшего секретарем Литвинова. Выступая на партийном собрании НКИД в июне 1939 года, Молотов заявил, что Назаров оказался итальянским шпионом. Излишне говорить, что все эти сотрудники НКИД в 50-е годы были реабилитированы[16]. Среди арестованных был и заведующий отделом печати НКИД Е. А. Гнедин. Из тюрьмы на Лубянке он написал большое заявление на имя Молотова. В воспоминаниях Гнедина можно прочесть: «Неловко признаться, но я тогда еще не потерял надежды, что обращение к председателю Совнаркома, составленное в решительной форме, может положительно отразиться на исходе следствия. Я не ожидал, что Молотов сам вмешается в ход дела, но думал, что во всяком случае заявления из тюрьмы где-то регистрируются, а может быть, и учитываются. Позднее я понял, что наши жалобы и заявления из тюрем и лагерей не играли никакой роли. Уже вернувшись в Москву, я узнал от бывшего работника секретариата Молотова, что тот не только не отзывался на заявления невинных репрессированных людей, не только не читал эти заявления, но приказал не включать заявления репрессированных в реестр поступивших бумаг. Мы были списаны в расход, а наши заявления о нашей невиновности списывались в макулатуру»[17].

Из резолюции собрания в НКИД от 23 июля 1939 года: «Только с приходом нового руководства во главе с товарищем Молотовым в наркомате начал наводиться большевистский порядок. За этот короткий промежуток времени проделана огромная работа по очищению НКИД от негодных, сомнительных и враждебных элементов»[18].

Узнав о смещении Литвинова, Германия не заставила себя ждать, и Гитлер немедленно дал инструкции германскому послу Шуленбургу «прощупать» настроения в Москве. Вскоре по инициативе немецкой стороны Вернер фон Шуленбург встретился с Молотовым и его заместителем В. Потемкиным. Посол Германии известил Молотова о готовности Гитлера изменить свое отношение к Советскому Союзу и просил советское правительство рассмотреть возможность начать новый цикл германо-советских переговоров. Молотов ответил уклончиво и заявил, что советской стороне необходимо время, чтобы обдумать предложения Берлина. Со своей стороны он выдвинул перед Шуленбургом ряд вопросов, например, об отказе Германии поддерживать японские притязания на Дальнем Востоке. Над этим должны были думать Гитлер и Риббентроп. Разумеется, контакты между СССР и Германией были в центре внимания всех иностранных дипломатов в Москве. Тогдашний посол США Болен писал позднее в своей книге «Свидетель истории»:

«Дипломатический корпус в Москве напоминал жужжащий улей — все обсуждали, в каком направлении будут развиваться события. Опасность предстоящего советско-германского сговора видели не все. Были такие, кто считал, что цель всех этих демаршей Молотова состояла в том, чтобы оказать давление на англичан и французов и добиться от них недвусмысленного обещания защищать советскую западную границу. Другие же были уверены, что Сталин на самом деле стремится к сближению с Германией»[19].

Эту уверенность разделял тогда и сам Ч. Болен, у которого в 1939 году оказался верный и близкий к послу Шуленбургу осведомитель.

Июнь 1939 года не ознаменовался, однако, никакими важными событиями и переговорами в Москве, хотя тайная подготовка к ним велась и в Москве, и в Берлине.

В разгаре лета 1939 года в Ленинград морем прибыли наконец британская и французская делегации для обсуждения в Москве вопроса об оборонительном пакте. Эту англофранцузскую делегацию возглавляли французский генерал и престарелый английский адмирал, у которых не было достаточно больших полномочий. Сталин поручил вести с ними переговоры наркому обороны К. Е. Ворошилову. Даже Ч. Болен отмечает, что ни состав этих делегаций, ни их долгий морской путь в СССР не свидетельствовали о серьезных намерениях Англии и Франции в этих переговорах. Между тем как раз в июле активизировались переговоры Молотова и Шуленбурга, и при взаимном желании сторон изменить отношения на этих переговорах отпадали одна за другой накопившиеся трудные проблемы. В начале августа Ч. Болен известил свое правительство, что, по данным его осведомителя, СССР и Германия вплотную приблизились к соглашению. Американское правительство сообщило об этом правительствам Англии и Франции, но это не повлияло на их позиции и инструкции, которые они дали своим делегациям в Москве. Впрочем, и Болен ошибся в предположении, что переговоры СССР и Германии будут продолжаться еще два-три месяца. Сомнения Сталина и Гитлера развеялись к 19 августа, и было объявлено, что 23 августа Риббентроп прибудет в Москву. Болен свидетельствует:

«После шести лет официально проповедуемой вражды к Гитлеру и нацизму такой поворот событий в глазах многих был подобен землетрясению. Возникшее замешательство отразилось даже на самой церемонии приема Риббентропа в Москве. У русских не было нацистских флагов. Наконец их достали — флаги с изображением свастики — на студии „Мосфильм“, где

снимались антифашистские фильмы. Советский оркестр спешно разучил нацистский гимн. Этот гимн был сыгран вместе с „Интернационалом“ в аэропорту, куда приземлился Риббентроп. После короткой церемонии Риббентропа увезли в Кремль, где немедленно начались переговоры. В два часа ночи был подписан советско-германский пакт о ненападении»[20].

Переговоры вели лично Сталин и Молотов, не думая советоваться с остальными членами Политбюро. Не поставили в известность даже Ворошилова, который еще вел переговоры с англо-французской делегацией.

От Советского Союза договор был подписан, как известно, Молотовым, и поэтому он получил неофициальное название «пакт Молотова — Риббентропа». К этому договору Молотов и Риббентроп подписали секретные протоколы. В одном из них территория Литвы объявлялась сферой влияния СССР. Одновременно были оформлены довольно поспешно и некоторые другие секретные соглашения о разделе «сфер влияния» в Восточной Европе и в Прибалтике. Их оригиналы в советских дипломатических архивах не сохранились, и можно предположить, что после начала войны они были уничтожены. Однако практика советско-германских отношений в 1939-м — начале 1941 года, несомненно, базировалась на официально подписанных соглашениях. В Бонне оригиналов также до сих пор не обнаружено, но имеются фотокопии, которые признаются всеми западными историками за копии подлинных соглашений. На первом Съезде народных депутатов СССР в Москве в мае-июне 1989 года М. С. Горбачев сообщил, что германский канцлер Г. Коль передал эти копии советскому правительству. Поэтому Съезд народных депутатов образовал специальную комиссию по изучению всего комплекса вопросов, связанных с советско-германскими отношениями 1939–1940 годов.

На втором Съезде народных депутатов СССР по докладу комиссии было принято постановление «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года», где говорится, что договор заключался в критической международной ситуации и имел одной из целей отвести от СССР угрозу надвигавшейся войны. Что касается секретных протоколов, подписанных с Германией в 1939–1941 годах, то съезд осудил факт их подписания и констатировал, что они были отходом от ленинских принципов советской внешней политики. «Переговоры с Германией по секретным протоколам, — сказано в постановлении, — велись Сталиным и Молотовым втайне от советского народа, ЦК ВКП(б) и всей партии, Верховного Совета и Правительства СССР»[21].

31 августа 1939 года на внеочередной сессии Верховного Совета СССР Молотов сделал доклад о неожиданном для всех договоре. Сессия единогласно одобрила договор, а следующий день — 1 сентября — был уже днем начала Второй мировой войны. Германия напала на Польшу, а еще через день Англия и Франция объявили войну Германии.

Из речи того же Молотова 17 сентября по радио советские люди узнали о вступлении Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. В этой речи Молотов прямо заявил о «внутренней несостоятельности и явной недееспособности польского государства».

28 сентября 1939 года Молотов подписал еще один договор с Германией — «Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией».

Для ратификации нового договора в Москве было решено снова созвать сессию Верховного совета СССР. 31 октября Молотов сделал доклад на этой сессии. Два положения из него следовало бы напомнить. Так, например, говоря о нацистской и фашистской идеологии, Молотов сказал:

«Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с ней войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за „уничтожение гитлеризма…“[22]»

На этом основании Молотов издевался над Англией и Францией, которые заявили, что цель объявленной ими войны — «уничтожение гитлеризма». Конечно, уже через два года эти слова были полностью забыты, так как и Советскому Союзу пришлось вести не только Отечественную войну, но и войну за уничтожение гитлеризма и фашизма — эта цель была прямо провозглашена Сталиным.

В другой части своего доклада Молотов сказал:

«Правящие круги Польши немало кичились „прочностью“ своего государства и „мощью“ своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей»[23].

Эти высказывания Молотова, оскорбительные для чести и достоинства польского народа, героически сражавшегося и в сентябре 1939 года, и на протяжении всей Второй мировой войны против гитлеровского нападения и оккупационного режима, еще долго отравляли атмосферу дружбы между Польшей и СССР.

9 сентября 1939 года через германского посла в СССР Шуленбурга Молотов передал свои личные поздравления германскому правительству по случаю вступления немецких войск в столицу Польши Варшаву. Когда в апреле 1940 года в Москву пришла весть о вторжении германских войск в Норвегию и Данию, Молотов направил Шуленбургу послание с выражением понимания и пожеланием успехов. Такое же письмо было получено германским посольством при вторжении немецких войск в Бельгию, Голландию и Люксембург, начавшемся в мае 1940 года. Именно Молотов вел еще осенью 1939 года переговоры с финским правительством об обмене части советской территории в Карелии на Карельский перешеек и часть финских земель близ Ленинграда. Переговоры не принесли успеха, и Молотов потерял терпение. 3 ноября, прервав переговоры, он в угрожающей форме заявил финской делегации: «Мы, гражданские люди, не достигли никакого прогресса. Теперь будет предоставлено слово солдатам».

Фашистская Германия не слишком заботилась о точном соблюдении всех пунктов заключенных с СССР договоров и соглашений. Немецкие войска появились в Финляндии и Румынии. Это вызывало беспокойство в СССР, и Сталин направил Молотова осенью 1940 года для переговоров в Берлин. Он был единственным из советских политических лидеров, кому выпала сомнительная честь пожимать в рейхсканцелярии руку Гитлеру. Однако переговоры в Берлине ни к чему не привели. Гитлер отказался вести переговоры по проблемам, которые особенно волновали советское руководство. Он предложил вместо этого провести переговоры о присоединении СССР к «антикоминтерновскому пакту» и о разделе Британской империи. Молотов вернулся в Москву, ничего не добившись. Впрочем, вслед ему посол СССР в Берлине представил в Кремль специальный доклад о разного рода событиях и слухах, ходивших в Берлине после отъезда Молотова. В этом докладе была и такая подхалимская фраза: «Гитлеру очень понравился товарищ Молотов».

Через дипломатические каналы Молотов также получал важные сведения, которые говорили о подготовке Германией нападения на СССР. Но новый нарком иностранных дел игнорировал эти данные, опасаясь вызвать раздражение Сталина. Когда уже после нападения Германии посол Шуленбург, вызванный в Кремль к Молотову, передал ему формальное объявление войны, Молотов смог произнести лишь жалкую фразу: «Чем мы это заслужили?»

МОЛОТОВ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Именно Молотов в 12 часов дня 22 июня 1941 года выступил по радио с краткой речью, из которой наша страна узнала о нападении Германии на СССР и о начале войны. Речь Молотова заканчивалась словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Эти слова помнят все советские люди старшего поколения. Почти во всех мемуарах, относящихся к этому периоду, можно найти описание обстоятельств, в которых находился тот или иной человек, когда он услышал речь Молотова и узнал о начале войны. Многие недоумевали, почему выступил не Сталин, а Молотов. Но долго раздумывать было некогда: уже шла война.

Еще 6 мая 1941 года председателем Совета народных комиссаров СССР стал сам Сталин. Молотов остался его заместителем. Он вошел также в качестве заместителя Сталина в первый состав Государственного Комитета Обороны, которому после начала войны передавалась вся власть в стране. В ГКО на Молотова были возложены главным образом дипломатические задачи — переговоры с политическими руководителями Великобритании, США и других стран. Еще до создания ГКО — всего через несколько дней после начала войны — Молотов пригласил в Кремль посла Великобритании Криппса и сказал ему во время беседы, что в мире сложилась теперь такая ситуация, когда можно было бы обусловить взаимную помощь в войне «каким-то соглашением на определенной политической базе». В 1942 году Молотов выезжал в Лондон, чтобы оформить англо-советский военный союз. С такой же миссией он прибыл в Вашингтон для встречи с Рузвельтом и военными и дипломатическими лидерами США.

Фактически лишь однажды Молотову пришлось заниматься в ГКО чисто военными делами. После прорыва немецких войск в октябре 1941 года и окружения под Вязьмой крупной группировки советских армий по заданию ГКО в район Гжатска и Можайска выехали члены ГКО Молотов и Ворошилов. Сталин был близок к панике, к тому же он все еще не вполне доверял военным. По заданию Сталина Молотов и Ворошилов должны были как можно точнее выяснить оперативную ситуацию и рекомендовать меры по локализации немецкого прорыва, непосредственно угрожающего Москве. От Молотова в этой поездке было мало пользы. Конкретные меры были предложены группой офицеров Генштаба, возглавляемой А. М. Василевским.

В годы войны у некоторых новых видов оружия появились не

только официальные, но и неофициальные названия. Так, например, советские реактивные системы получили у солдат прозвище «катюша». В первые же недели войны против танков стали применяться бутылки с зажигательной смесью. Их изготовляли химические службы полков и дивизий сначала просто из бензина с добавками. Потом они стали прибывать из тыла как боеприпасы. Их производили в самых различных артелях или даже на лимонадных заводах, причем рецепты зажигательной смеси были различны. Немцы прозвали эти бутылки «коктейлем Молотова». В Советской армии это название не применялось, но на Западе оно бытует до сих пор. Предложение относительно снабжения войск подобным оружием исходило не от Молотова, но постановление о массовом производстве этих бутылок как противотанкового оружия было подписано заместителем Председателя ГКО Молотовым. Отсюда, по-видимому, и пошло их неофициальное название. В книге Вильяма Стивенсона «Человек, которого звали неустрашимый» — о работе западных разведок в годы войны — утверждается, что в 1943 году Молотов ездил за 300 километров от линии фронта, чтобы вести с германским руководством переговоры о сепаратном мире. Нам этот факт неизвестен.

Молотов участвовал во всех межсоюзнических конференциях — в Тегеране в 1943 году, в Ялте и в Потсдаме — в 1945 году. Речь шла здесь о координации военных усилий и о послевоенном устройстве Германии, Польши, Балканского полуострова. Еще до конца войны США, СССР, Великобритания и Китай приняли решение о создании после войны организации государств, которая должна будет следить за сохранением мира. Переговоры по этому вопросу велись в 1944–1945 годах и закончились разработкой Устава Организации Объединенных Наций (ООН).

Некоторые из западных дипломатов и государственных деятелей, часто встречавшихся с Молотовым, позднее в своих мемуарах давали ему обычно очень сходную характеристику. Весьма обстоятельный портрет Молотова мы можем найти в мемуарах у Черчилля о Второй мировой войне. Черчилль писал:

«Фигура, которую Сталин двинул теперь на престол советской внешней политики, заслуживает некоторого описания, которое в то время не было доступно ни английскому, ни французскому правительству. Вячеслав Молотов был человеком выдающихся способностей и хладнокровной беспощадности. Он пережил ужасающие случайности и испытания, которым все большевистские лидеры подвергались в годы победоносной революции. Он жил и преуспевал в обществе, где постоянно меняющиеся интриги сопровождались угрозой личной

ликвидации. Его подобная пушечному ядру голова, черные усы и смышленые глаза, его каменное лицо, ловкость речи и невозмутимая манера себя держать были подходящим выражением его качеств и ловкости. Больше всех других он годился для того, чтобы быть представителем и орудием политики не поддающейся учету машины. Я встречал его на равной ноге только в переговорах, где иногда проявлялись проблески юмора, или на банкетах, где он благодушно предлагал длинную серию традиционных и бессмысленных тостов. Я никогда не встречал человека, более совершенно представляющего современное понятие робота. И при всем том это все же был, видимо, толковый и остро отточенный дипломат… один за другим щекотливые, испытующие, затруднительные разговоры проводились с совершенной выдержкой, непроницаемостью и вежливой официальной корректностью. Ни разу не обнаружилась какая-либо щель. Ни разу не была допущена ненужная полу-откровенность. Его улыбка сибирской зимы, его тщательно взвешенные и часто разумные слова, его приветливая манера себя держать делали его совершенным орудием советской политики в дышащем смертью мире.

Переписка с ним по спорным вопросам всегда была бесполезна и, если заходила далеко, кончалась лганьем и оскорблениями. Только раз я как будто видел у него нормальную человеческую реакцию. Это было весной 1942-го, когда он остановился в Англии на обратном пути из Соединенных Штатов. Мы подписали англо-советский договор, и ему предстоял опасный полет домой. У садовой калитки на Даунинг-стрит, которой мы пользовались для сохранения секрета, я крепко взял его за руку, и мы посмотрели друг другу в лицо. Внезапно он заволновался. За маской оказался человек. Он ответил мне таким же рукопожатием, и это было жизнью или смертью для многих… В Молотове советская машина, без сомнения, нашла способного и во многих отношениях типичного для нее представителя — всегда верного члена партии и последователя коммунистической доктрины… Мазарини, Талейран, Меттерних приняли бы его в свою компанию, если бы существовал другой мир, в который большевики позволяли себе входить»[24].

Чарльз Болен, который нередко встречался с Молотовым и Сталиным в 1945–1946 годах, отмечает в своих мемуарах не только несколько унизительное и даже презрительное отношение Сталина к своему министру иностранных дел, но и раболепное отношение Молотова к Сталину. Ч. Болен, в частности, писал:

«Подозрительный по природе и благодаря сталинской

выучке, он (Молотов. — *Авт.*) не рисковал. Где бы он ни был, за границей или в Советском Союзе, два или три охранника сопровождали его. В Чеквере, доме британского премьер-министра, или в Блэйтер-хаусе, поместье для важных гостей, он спал с заряженным револьвером под подушкой. В 1940 году, когда он обедал в итальянском посольстве, на кухне посольства появлялся русский, чтобы попробовать пиццу.

Молотов был прекрасным помощником Сталина. Он был не выше пяти футов четырех дюймов роста, являя пример сотрудника, который никогда не будет превосходить диктатора. Молотов был также великолепным бюрократом. Методичный в процедурах, он обычно тщательно готовился к спорам по ним. Он выдвигал просьбы, не заботясь о том, что делается посмешищем в глазах остальных министров иностранных дел. Однажды в Париже, когда Молотов оттягивал соглашение, поскольку споткнулся на процедурных вопросах, я слышал, как он в течение четырех часов повторял одну фразу: „Советская делегация не позволит превратить конференцию в резиновый штамп“, — и отвергал все попытки Бирнса и Бевина сблизить позиции.

В том смысле, что он неутомимо преследовал свою цель, его можно назвать искусным дипломатом. Он никогда не проводил собственной политики, что открыл еще Гитлер на известной встрече. Сталин делал политику; Молотов претворял ее в жизнь. Он был оппортунистом, но лишь внутри набора инструкций. Он пахал, как трактор. Я никогда не видел, чтобы Молотов предпринял какой-то тонкий маневр; именно его упрямство позволяло ему достигать эффекта.

Невозможно определить действительное отношение Сталина к любому из его помощников, но большую часть времени Молотов раболепно относился к своему хозяину»[25].

О ЛИКВИДАЦИИ КОМИНТЕРНА И ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЦЕРКВИ

Еще в 20-е годы Молотов активно участвовал в работе Коминтерна под руководством Зиновьева и Бухарина, потом под руководством Сталина. Так, в 1928 году Бухарин попытался утвердить на VI конгрессе Коминтерна значение нэпа для мировой социалистической практики. Но уже на X пленуме ИККИ в июле 1929 года Молотов объявил Бухарина «правым уклонистом, проповедником развязывания нэпа и свободного товарооборота, то есть в конечном счете развязывания капиталистических элементов в нашей стране». Тогда же Молотов раскритиковал и отверг плодотворную идею Бухарина о союзе с социал-демократами, чтобы остановить германский фашизм. Он указал на невозможность подобного союза якобы из-за «перерождения» левого крыла социал-демократов в «социал-фашизм».

Молотов входил в делегации СССР и на всех последующих конгрессах Коминтерна. А в 1943 году именно ему пришлось вести от имени Сталина переговоры с представителями Рузвельта и Черчилля о ликвидации Коминтерна и легализации Русской православной церкви.

В кругах русской эмиграции на Западе, да и среди многих советологов давно уже высказывается мнение о том, что Сталин после тяжелых поражений на фронте в 1941 году обратился за поддержкой к православной церкви. Таким образом он якобы хотел опереться не столько на социалистический патриотизм, сколько на национальные и религиозные чувства русского народа. Но это ошибочное мнение. В речи Сталина от 3 июля 1941 года говорится о защите национальной культуры и государственности не только русского народа, но всех народов СССР, о защите советской власти и необходимости сплотиться вокруг советского правительства и «партии Ленина — Сталина». Ни слова нет о церкви и в речи Сталина от 6 ноября 1941 года, но здесь есть слова об укреплении союза рабочих и крестьян, всех народов СССР, о защите социализма. Торжественное заседание в этот день закончилось пением «Интернационала».

Несомненно, кое-что изменилось в отношениях между Советским государством и церковью сразу же после начала войны. Антирелигиозная пропаганда прекратилась, Союз воинствующих безбожников был распущен, и их журнал «Безбожник» не выходил с июня 1941 года. Но было временно

ликвидировано и множество других журналов и обществ, не имеющих отношения к обороне. В кадрах кинохроники иногда показывали разрушенные немцами церкви. Однако в целом к концу 30-х годов Русская православная церковь была фактически разгромлена. Сохранившиеся еще в Москве священники и архиереи были эвакуированы — многие в Ульяновск, и про них в руководящих кругах Москвы никто не вспоминал в течение всего 1942 года. Однако уже во второй половине 1943 года, то есть после победы под Сталинградом, после разгрома немецких армий на многих фронтах и после боев на Курской дуге, когда победа Советского Союза над Германией для многих наблюдателей уже определилась, западные союзники СССР стали проявлять беспокойство перед перспективой появления Красной Армии в Западной Европе. Надо было как-то успокоить Рузвельта и Черчилля и доказать им, что СССР в данном случае не помышляет о «мировой революции», но только о разгроме немецкого фашизма. С этой целью было решено несколько «перекрасить фасад». В основном это была чисто косметическая операция. Сталин был уверен, что он и после войны сумеет сохранить контроль за деятельностью всех коммунистических партий. Что касается церкви, то никто не собирался восстанавливать ее прежние позиции. То обстоятельство, что частичное восстановление прав церкви отвечало настроениям многих миллионов простых людей, потерявших в войне своих отцов, мужей и сыновей и потянувшихся за утешением, которое давала церковь, было фактором вторичным.

Решение о роспуске Коминтерна было принято еще в мае 1943 года. Это решение, несомненно, было уступкой западным союзникам СССР, хотя оно отвечало желанию и самого Сталина, никогда не жаловавшего Коминтерн особым вниманием или симпатиями. Что касается церкви, то существенные перемены в ее положении произошли осенью 1943 года. В моем архиве есть несколько свидетельств о встрече Сталина и Молотова с руководителями православной церкви. Эти свидетельства различаются между собой в деталях, но не по существу. Наиболее точное описание дает, по-видимому, А. Э. Левитин-Краснов, находившийся в 1943 году в Ульяновске и хорошо знакомый с некоторыми из видных архиереев. Он свидетельствует:

«3 сентября митрополит Сергий и его приближенные — Колчицкий с семьей и архимандрит Иоанн Разумов — были уже в вагоне. Отъезд проводился в такой спешке, что не успели даже упаковать вещи. Взяли лишь все самое необходимое… События развертывались с кинематографической быстротой. На другой день рано утром поезд был в Москве. На вокзале митрополита

встречали приехавший из Ленинграда столь же внезапно митрополит Алексий (будущий патриарх) и митрополит Киевский Николай… Неожиданность следовала за неожиданностью: митрополита повезли не в его резиденцию в Баумановском переулке, где он жил 15 лет, а в Чистый переулок, в роскошный особняк, который был до войны личной резиденцией германского посла графа Шуленбурга… 4 сентября утром было объявлено, что вечером предстоит визит в Кремль. В 9 часов вечера в Чистый переулок приехал правительственный автомобиль. В него усадили митрополитов Сергия, Алексия и Николая… Через 10 минут автомобиль въехал в Кремль, а еще через 10 минут они вошли в обширный кабинет, облицованный деревом, где за столом сидели два человека… Сталин и Молотов. Обменялись рукопожатиями, уселись. Беседу начал Молотов сообщением о том, что правительство СССР и лично товарищ Сталин хотят знать нужды церкви. Два митрополита, Алексий и Николай, растерянно молчали. Неожиданно заговорил Сергий… Митрополит заговорил спокойно, слегка заикаясь, деловым тоном человека, привыкшего говорить о серьезных вещах с самыми высокопоставленными людьми. (Когда Сталин был семинаристом, митрополит Сергий был уже в сане епископа, ректором Петербургской духовной академии.)

Митрополит указал на необходимость широкого открытия храмов, количество которых совершенно не удовлетворяет религиозные потребности народа. Он также заявил о необходимости созыва Собора и выборов патриарха. Наконец, он заявил о необходимости широкого открытия духовных учебных заведений, так как у церкви отсутствуют кадры священнослужителей. Здесь Сталин неожиданно прервал молчание. „А почему у вас нет кадров? Куда они делись?“ — спросил он, вынув изо рта трубку и в упор глядя на своих собеседников. Алексий и Николай смутились… всем было известно, что „кадры“ перебиты в лагерях. Но митрополит Сергий не смутился… Старик ответил: „Кадров у нас нет по разным причинам. Одна из них: мы готовим священника, а он становится маршалом Советского Союза“.

Довольная усмешка тронула уста диктатора. Он сказал: „Да, да, как же. Я семинарист. Слышал тогда и о вас“. Затем он стал вспоминать семинарские годы… Сказал, что мать его до самой смерти сожалела, что он не стал священником. Разговор диктатора с митрополитом принял непринужденный характер. Затем после чаепития началась деловая беседа.

Беседа затянулась до трех часов ночи. В ней помимо Сталина и Молотова участвовали также технические эксперты. Беседу эту

можно назвать в полном смысле этого слова исторической. Во время беседы были выработаны устав Русской церкви и те условия, в которых она существует до сего времени. Как известно, этот порядок в настоящее время вызывает множество нареканий… Но в тот момент, после десятилетнего террора, направленного против церкви, новый порядок являлся, несомненно, прогрессивным шагом, так как означал возможность легального существования для православной церкви.

В конце беседы престарелый, больной митрополит был страшно утомлен. Тут и последовал тот эпизод, о котором упоминает Солженицын. Сталин, взяв митрополита под руку, осторожно, как настоящий иподьякон, свел его по лестнице вниз и сказал ему на прощание следующую фразу: „Владыко! Это все, что я могу в настоящее время для вас сделать“. И с этими словами простился с иерархами.

Через несколько дней в особняке на Чистом переулке был созван Собор епископов (собрать его было нетрудно: в русской церкви было в то время 17 епископов), а в воскресенье 12 сентября, в день Александра Невского, в Елоховском Богоявленском соборе произошла интронизация вновь избранного патриарха, каким стал митрополит Сергий. Русская церковь после 18-летнего перерыва вновь увенчалась патриархом»[26].

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

В первые годы после войны проведение внешней политики СССР оставалось главной заботой Молотова, хотя по своим личным качествам он мало подходил для работы на дипломатическом поприще. Молотову приходилось не раз выезжать в Нью-Йорк для участия в работе ООН. Его речи на Генеральных Ассамблеях были обычными для него — обстоятельными, сухими и скучными. В тот период у союзников и сторонников США в ООН было большинство голосов, и в Совете Безопасности Молотову очень часто приходилось прибегать к праву вето. В кругах ООН его прозвали в этой связи «Господин НЕТ», слово «нет» Молотов произносил много раз. В его обязанности входило и поддержание связей с НКВД (МГБ) по вопросам разведки.

Разумеется, как член политбюро Молотов несет ответственность и за все репрессии послевоенных лет: за «ленинградское дело», за арест почти всех членов Еврейского антифашистского комитета, а еще ранее — за выселение многих народностей СССР с их национальной территории. Жертвой одной из этих репрессивных кампаний стала жена самого Молотова — Полина Семеновна Жемчужина.

Еще юной девушкой Полина Жемчужина вступила в партию в 1918 году. Через несколько лет она уже возглавляла женский отдел одного из обкомов партии на Украине. В начале 20-х годов в Москве проходил съезд женотделов, на который приехала и Жемчужина. Но здесь она тяжело заболела и попала в больницу. Молотов, который отвечал за проведение съезда, решил навестить заболевшую делегатку. Потом он приходил к ней еще несколько раз, а после выздоровления Жемчужина уже не вернулась на Украину, а осталась в Москве и стала хозяйкой в доме секретаря ЦК Молотова. Вскоре у них родилась дочь Светлана.

В Кремле Полина Жемчужина очень подружилась с женой Сталина Надеждой Аллилуевой. Молодые женщины часто встречались, были откровенны друг с другом, и для Жемчужиной не было секретом, что отношения между Сталиным и его женой становились все более тяжелыми. В роковой ноябрьский день 1932 года, когда на ужине у Ворошилова Сталин грубо обошелся с Надеждой Аллилуевой, она покинула квартиру Ворошилова вместе с Полиной Жемчужиной, которая долго пыталась успокоить оскорбленную Надежду. Когда утром следующего дня жену Сталина нашли в своей спальне с пистолетом в руке и с простреленной головой, первыми были вызваны сюда

Орджоникидзе с женой Зинаидой и Молотов с Полиной. Только после этого разбудили Сталина и сообщили ему о самоубийстве Надежды Сергеевны.

Для мстительного и подозрительного Сталина Полина Жемчужина уже тогда стала персоной non grata. Но Сталин умел ждать и тщательно скрывать свои чувства. Чистки 30-х годов обошли Жемчужину. Более того, она стала занимать во второй половине 30-х годов ответственные посты в аппарате Совета народных комиссаров. Некоторое время была заместителем наркома пищевой промышленности, наркомом рыбной промышленности, затем начальником Управления косметической промышленности, или Главпарфюмера. На XVIII съезде ВКП(б) она была избрана кандидатом в члены ЦК.

Жемчужина была еврейкой, и, когда во время Отечественной войны в нашей стране был создан Еврейский антифашистский комитет, жена Молотова стала одним из его руководителей.

В 1948 году на Ближнем Востоке появилось еврейское государство Израиль, созданное по решению ООН при активном содействии СССР. Советский Союз был первым государством, которое объявило об установлении с ним дипломатических отношений. Вскоре в Москву приехала посол Израиля Голда Меир. Было естественным, что на различного рода приемах, которые устраивало в Москве израильское посольство, присутствовали и члены Еврейского антифашистского комитета. Голда Меир и Полина Жемчужина не раз беседовали друг с другом.

К этому надо добавить, что у Жемчужиной была родная сестра, которая еще в годы Гражданской войны уехала из России. Полина переписывалась с ней до 1939 года. Если Молотову приходилось заполнять анкету и, в частности, отвечать в ней о «родственниках за границей», то он должен был писать о сестре и племянниках жены, которые теперь жили в Израиле. Хорошие отношения между Израилем и Советским Союзом длились, однако, недолго. В 1948–1949 годах стала набирать силу пресловутая кампания против «безродных космополитов». Начались массовые репрессии против еврейской интеллигенции и ликвидация почти всех еврейских общественных и национальных организаций. В это время для Сталина и наступил удобный момент расправиться с Полиной Жемчужиной, когда-то ближайшей подругой его жены. По мнению Сталина, она знала слишком много. Конечно, на первый план выдвигались другие обвинения.

П. С. Жемчужина была обвинена в «измене Родине», в связях с международным сионизмом. Вопрос о ее аресте обсуждался на

политбюро. После того как Берия изложил данные своего ведомства, все члены политбюро проголосовали за арест Жемчужиной. Молотов воздержался, но и не выступил с опровержением.

Вернувшись домой, Молотов должен был первым сообщить жене и о решении политбюро, и о ее близком аресте.

— И ты поверил во всю эту клевету! — кричала в отчаянии Полина Семеновна.

— Но там были представлены такие убедительные документы, — отвечал растерянный и подавленный Молотов.

На следующий день Жемчужину арестовали. Бывший генеральный секретарь ЦК компартии Израиля С. Микунис рассказал в своих воспоминаниях об одной из встреч с Молотовым:

«…В 1955 году у меня произошла довольно любопытная встреча с Молотовым… В Кремлевской больнице в Кунцеве, куда меня положили после того, как я немного прихворнул… Здесь совершенно случайно в одном из больничных корпусов я и встретил Молотова. До этого я его видел только один раз в Париже, когда он выступал на съезде сторонников мира… Теперь, в Кунцеве, Молотов был, как и я, в больничной пижаме, но, несмотря на это, он выглядел, как всегда, надменным, выражение лица холодное, жесткое. Увидев его, я подошел к нему и спросил: „Почему вы как член Политбюро позволили арестовать свою жену?“ Он окинул меня холодным взглядом и спросил, а кто я, собственно, такой. Я ответил: „Я генеральный секретарь коммунистической партии Израиля, и поэтому я вас спрашиваю, и не только вас, я спрошу об этом ЦК… Почему вы дали арестовать свою жену Полину Жемчужину?“ Он с тем же стальным лицом, на котором не дрогнул ни один мускул, ответил: „Потому что я член Политбюро, и я должен был подчиниться партийной дисциплине… Я подчинился политбюро, которое решило, что мою жену надо устранить…“ Вот какая любопытная была сценка»[27].

МОЛОТОВ В ОПАЛЕ

В 1949 году Сталин часто и подолгу болел и при решении проблем, не терпящих отлагательства, его заменял Молотов, конечно, консультируясь с другими членами политбюро. Когда в декабре 1949 года отмечалось 70-летие Сталина и каждый из членов политбюро должен был опубликовать большую статью с восхвалениями «вождя и учителя», Молотов первым получил такую возможность. Через несколько месяцев отмечалось 60-летие самого Молотова. Его наградили четвертым орденом Ленина (еще в 1943 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, а в 1946 году Молотов был избран почетным академиком Академии наук СССР). На карте нашей страны появилось еще несколько поселков и кишлаков, названных в честь Молотова. В бывшем городе Нолинске (ставшем Молотовском), в доме, где жила семья Скрябиных, работал теперь дом-музей Молотова. Но хотя все почти западные наблюдатели продолжали считать Молотова вторым после Сталина человеком в советской и партийной иерархии, однако именно в этот период Молотов стал постепенно попадать в опалу у Сталина. Арест жены был только одним из признаков недоверия Сталина. Неожиданно Молотов был освобожден от обязанностей министра иностранных дел. Вместо него на этот пост был назначен А. Я. Вышинский, который давно уже показал себя непревзойденным мастером демагогических речей. Он хорошо натренировался по этой части на разного рода «показательных» и «открытых» процессах над «врагами народа» еще в 30-е годы, когда он выступал на фальсифицированных спектаклях в качестве прокурора СССР. Теперь речи Вышинского стали звучать с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН. Конечно, Молотов оставался членом политбюро и заместителем Сталина в Совете Министров. Но Сталин все реже и реже давал Молотову какие-либо ответственные поручения. Вскоре Сталин перестал приглашать его на свою дачу, где во время продолжительных обедов и ужинов, затягивавшихся обычно далеко за полночь, решались важные государственные дела. Хрущев вспоминал: члены политбюро иногда сами приглашали Молотова присоединиться к ним, что очень сердило Сталина. В конце концов Сталин просто запретил приглашать к себе Молотова. Однажды Сталин при Хрущеве высказал подозрение, что Молотов был завербован во время своих поездок за границу и стал «агентом американского империализма». Сталин попросил узнать через Вышинского, который был в это время в США, каким

образом Молотов ездил по стране в период своего пребывания в Америке и не выделялся ли ему специальный вагон, как будто это могло быть важной уликой против Молотова. Многих из арестованных в это время людей заставляли давать ложные показания на Молотова, а также на Кагановича, Ворошилова и Микояна. Тем не менее на XIX съезде партии Молотов не только вошел в состав небольшого президиума съезда, но и открыл этот съезд краткой вступительной речью. В конце съезда Молотов был избран в состав ЦК и в расширенный, согласно пожеланиям Сталина, Президиум ЦК КПСС (36 членов и кандидатов). Для постоянного руководства партийными делами Сталин предложил избрать Бюро Президиума и продиктовал список из девяти фамилий. Среди них не было фамилии Молотова. В высоких кругах стали смотреть на Молотова как на обреченного человека. Имелось много признаков того, что Сталин хочет провести после XIX съезда новую террористическую чистку партийных верхов и что Молотов станет одной из ее первых жертв. Подробно атмосферу готовившегося нового погрома «кадров» отчетливо передает в своих воспоминаниях К. Симонов. Речь идет о пленуме 16 октября 1952 года. «Главной особенностью речи Сталина было то, что он не счел нужным говорить вообще о мужестве или страхе, решимости и капитулянтстве. Все, что он говорил об этом, он привязал конкретно к двум членам политбюро, сидевшим здесь же, в зале…

Сначала со всем этим синодиком обвинений и подозрений, обвинений в нестойкости, в нетвердости, подозрений в трусости, капитулянтстве он обрушился на Молотова. Это было настолько неожиданно, что я сначала не поверил своим ушам… Он говорил о Молотове долго и беспощадно… Он обвинялся во всех тех грехах, которые не должны иметь места в партии, если время возьмет свое и во главе партии перестанет стоять Сталин»[28].

Позднее, в 70-е годы, на вопрос Ю. Идашкина, были ли возможны его арест и физическое уничтожение, Молотов ответил: «Да, я был готов ко всему!» Правда, вину на Сталина он и в этом случае не возлагал, объясняя причину событий казенной фразой: «Революций без жертв не бывает!»[29]

ПЕРВЫЙ ГОД ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА

Физическая дряхлость Сталина прогрессировала, и это было очевидным для его ближайшего окружения, однако его смерть застала врасплох не только всю страну, но и верхи партии. Трудно было поверить, что человек, на которого смотрели как на божество, может умереть от спазма сосудов мозга или сердечной недостаточности. И народ, и партия настолько привыкли к необходимости иметь вождя, что сразу же после смерти Сталина повсюду раздавались вопросы: кто теперь заменит? Имя Молотова называлось при этом чаще других, и это неудивительно. Сам Н. С. Хрущев писал позднее в своих мемуарах, что все люди довоенного руководства рассматривали Молотова как будущего вождя, который заменит Сталина, когда Сталин уйдет из жизни. Хрущев мотивировал это не только высоким положением Молотова в партии, но и тем, что он был наиболее известным партийным и политическим деятелем после Сталина.

Конечно, никто не думал сравнивать тогда Молотова со Сталиным. Помню, что через день после смерти Сталина ко мне, работавшему тогда преподавателем в одном из рабочих поселков на Урале, пришли местные учителя. Это были мужчины, прошедшие войну и фронт. Один из них, сильно выпивший, плакал. «За кого мы теперь воевать будем, — повторял он. — За Сталина мы умирали. А теперь? За Молотова? Нет, за Молотова я умирать не пойду». Популярностью среди бывших солдат и офицеров Молотов явно не пользовался.

Вскоре из газет мы узнали, что считавшийся тогда главным пост Председателя Совета Министров СССР будет занят Г. М. Маленковым, а Молотов, Берия, Булганин и Каганович станут его заместителями. Маленков, Молотов и Берия выступали на траурном митинге во время похорон Сталина. При этом во всех официальных сообщениях фамилии вождей перечислялись в следующем порядке: Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян. В своей речи на траурном митинге Молотов, в частности, сказал: «Мы по праву можем гордиться тем, что последние тридцать лет жили и работали под руководством товарища Сталина… Мы — ученики Ленина и Сталина. И мы всегда будем помнить то, чему до последних дней учил нас Сталин…

Вся жизнь товарища Сталина, освещенная солнечным светом великих идей вдохновенного народного борца за коммунизм, — живой и жизнеутверждающий пример для нас»[30].

Молотов вошел в новый, более узкий состав Президиума ЦК

КПСС и вновь был назначен министром иностранных дел СССР.

Сразу же после смерти Сталина начались реабилитация и освобождение отдельных людей. Видимо, первым из них был киносценарист А. Я. Каплер, арестованный в годы войны за связь с дочерью Сталина Светланой Аллилуевой. Сталин не желал этого брака. Каплер был освобожден 6 марта 1953 года. Еще через несколько дней освободили и жену Молотова Полину Жемчужину. День похорон Сталина 9 марта совпал с днем рождения Молотова. Спускаясь с трибуны Мавзолея, Хрущев и Маленков все же поздравили его с днем рождения и спросили, что бы он хотел получить в подарок.

«Верните Полину», — сухо сказал Молотов и прошел мимо. Просьбу немедленно передали Берии. Последний, впрочем, и сам понимал, что неразумно держать жену Молотова в заключении. Жемчужина в этот момент была уже в Москве. В 1949 году ее приговорили к нескольким годам ссылки. Но в январе 1953 года она была включена в число участников «сионистского заговора» вместе с группой еврейских врачей и уже покойным к тому времени Михоэлсом. Ее начали допрашивать с применением пыток. Допросы прекратились только 1 или 2 марта. А 9 или 10 марта ее вызвали в кабинет к Берии. Она не знала о смерти Сталина и готовилась к худшему. Но Берия неожиданно вышел из-за стола, обнял свою гостью и воскликнул: «Полина! Ты честная коммунистка!» Жемчужина упала на пол, потеряв сознание. Но ее быстро привели в чувство, дали немного отдохнуть и переодеться и отвезли на дачу к Молотову — весьма необычный подарок к уже прошедшему дню рождения.

Молотов поддержал Хрущева и Маленкова, когда они, сохраняя все меры предосторожности, обсуждали с другими членами руководства вопрос об аресте Берии. На следующий год Молотов принял сторону Хрущева и Булганина, когда на одном из пленумов ЦК против Маленкова были выдвинуты различные обвинения, и в частности, в плохой работе по руководству сельским хозяйством. В последние годы при Сталине именно Маленков отвечал в Политбюро за состояние дел в сельском хозяйстве. Молотов обвинил Маленкова также в недооценке развития тяжелой индустрии. В результате Маленков был освобожден от обязанностей Председателя Совета Министров СССР, а на его пост был назначен Н. А. Булганин. Однако согласие между Молотовым и Хрущевым продолжалось недолго. Они слишком отличались друг от друга и по взглядам, и по стилю работы.

ОППОЗИЦИЯ РУКОВОДСТВУ ХРУЩЕВА

Уже к концу 1954 года влияние Хрущева в новом составе руководства страной и партией становится преобладающим. Изменился не только стиль, но и содержание руководства; в Президиуме ЦК КПСС постоянно шло обсуждение множества новых инициатив и предложений. При этом руководящая роль Хрущева проявилась при проведении не только внутренней, но и внешней политики СССР, что особенно раздражало Молотова, который все еще оставался не только членом Президиума ЦК КПСС, но и министром иностранных дел. Уже при обсуждении вопроса об освоении целинных земель Молотов и Ворошилов высказали рад возражений. Они критиковали проект постановления о новом порядке планирования в сельском хозяйстве. Молотов был также против безоговорочной «реабилитации» Иосипа Броз Тито, который оставался для него если не «фашистом», то «ревизионистом». Поэтому предварительные переговоры о нормализации отношений с Югославией проводились помимо МИДа, и Молотов не принял участия в поездке Хрущева и Булганина в Югославию. Молотов во многом мешал нормализации отношений с Японией и особенно заключению государственного договора с Австрией. Предполагалось объявить Австрию нейтральной страной, гарантировать ее нейтралитет специальным соглашением великих держав. Однако на значительной части Австрии, включая Вену, еще находились советские войска, и Молотов считал, что, уходя из Австрии, СССР делает слишком большую уступку «империалистам». В своих воспоминаниях лидер австрийских социал-демократов и будущий канцлер Австрии Бруно Крайский писал, насколько трудными были переговоры. По его словам, во время одной из встреч на переговорах Молотов повторил австрийским лидерам: «Обдумайте проект договора еще раз. Мы дадим вам всю власть в стране, мы отзовем советские войска и демонтируем все советское управление. Вы станете полностью свободными и суверенными. Но мы хотим только в одной части страны зафиксировать свое присутствие»[31]. В Австрии находились в 1954 году советские войска численностью в 46 тысяч человек. Молотов предлагал вывести из страны 41 тысячу и оставить там 5 тысяч. На уступки пошли Хрущев и Булганин, и Молотов должен был отступить. Не участвовал он и в поездке Хрущева и Булганина в Индию и Бирму в 1955 году. Консервативная позиция Молотова во внешней политике была подвергнута критике на июльском пленуме ЦК в 1955 году.

Была поставлена под сомнение и его роль как теоретика. Выступая на одной из сессий Верховного Совета СССР, Молотов сказал, что в нашей стране построены «основы социалистического общества». Это высказывание вызвало возражения у других членов ЦК, которые утверждали, что «основы социализма» были построены в СССР еще в начале 30-х годов, а в начале 50-х уже построено и само социалистическое общество. Хотя, в сущности, Молотов был более прав, чем его оппоненты, он проиграл в этом догматическом споре и вынужден был публично признать свою ошибку. В журнале «Коммунист» было опубликовано его письмо в редакцию, в котором он заявлял:

«…Считаю свою формулировку по вопросу о построении социалистического общества в СССР, данную на сессии Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 года, из которой можно сделать вывод, что в Советском Союзе построены лишь основы социалистического общества, теоретически ошибочной и политически вредной»[32].

Уже в 1953–1955 годах в Советском Союзе было реабилитировано около десяти тысяч человек, главным образом партийных и советских работников, о восстановлении честного имени которых просили достаточно влиятельные люди. Но Молотов после освобождения своей жены скорее противился, чем способствовал новым реабилитациям. Многие заявления шли из бесчисленных лагерей на его имя. Написал Молотову свою просьбу о реабилитации и бывший видный работник МИДа Е. А. Гнедин. Но он получил быстрый и решительный отказ. В своих воспоминаниях Гнедин писал: «…Отказ в реабилитации, мотивированный с бесстыдством худших сталинских времен, был ответом на заявление, адресованное мною Молотову. В письме прокуратуры имелось на это точное указание. Адвокат, с которым советовалась моя жена, сказал, что было ошибкой обращаться к Молотову, хотя мы одновременно обратились в различные инстанции. К Молотову не следовало обращаться, потому что в 1953 году именно он был еще способен предложить генеральному прокурору отказать мне в реабилитации. Молотов, казалось, не был исполнителем чужой воли. Разве что тень диктатора благословила Молотова и Руденко на новые беззакония»[33].

XX съезд КПСС и закрытый доклад Хрущева на этом съезде «О культе личности и его последствиях» привели к еще большему расхождению между Хрущевым и Молотовым, которого поддержали на этот раз и такие люди, как Маленков, Каганович и Ворошилов. Д. Т. Шепилов вспоминает о неожиданном звонке, прозвучавшем в его кабинете главного редактора «Правды» после XX съезда:

«— Товарищ Шепилов?

— Да, это я.

В голосе говорившего со мною слышалось едва сдерживаемое раздражение, он слегка заикался:

— Прекратите ругать в „Правде“ Сталина.

Я сразу понял: это был В. М. Молотов.

— Я Сталина не ругаю. Я выполняю решения XX съезда.

— Я еще раз прошу вас: прекратите ругать Сталина.

— Товарищ Молотов, — отвечаю ему. — Я могу только повторить, что сказал: я выполняю решения XX съезда. Вы недовольны? Тогда выносите вопрос на Президиум ЦК»[34].

О разногласиях в Президиуме ЦК КПСС мало знали рядовые коммунисты, а тем более рядовые граждане страны. Но они не были секретом для многих ответственных работников, о них догадывались и многие дипломаты западных стран, которые строили на этот счет различные догадки. Эти разногласия не были тайной и для почитателей Сталина в Грузии. Когда в марте 1956 года в Тбилиси состоялись массовые манифестации, направленные против решений XX съезда и лично против Хрущева и Булганина, то среди лозунгов, которые выкрикивали участники демонстрации, можно было услышать не только «Долой Хрущева!» или «Долой Булганина!», но и «Молотова — в премьер-министры СССР!», «Молотова — во главе КПСС!». Эти манифестации были, как известно, подавлены с применением военной силы. После съезда Молотов фактически не выполнял большинства своих обязанностей по Министерству иностранных дел. Когда в Москву в качестве посла Югославии прибыл в конце марта 1956 года Велько Мичунович, он должен был перед вручением верительных грамот Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову посетить В. М. Молотова как министра иностранных дел. После этой встречи посол записал в своем дневнике:

«Встреча с Молотовым проходила в атмосфере благожелательности. Беседа была искренней, временами даже сердечной, как будто речь шла о разговоре двух старых знакомых, которые долго не виделись друг с другом. Не было заметно даже следа от нашего идеологического и политического конфликта, когда именно Молотов вместе со Сталиным составлял и подписывал угрожающие письма югославскому руководству. Хотя я и не настаивал на быстрой аккредитации, Молотов обещал мне переговорить с Ворошиловым и сделать все, чтобы эта процедура произошла так скоро, как возможно… У меня, однако, осталось впечатление: хотя Молотов и был министром иностранных дел, он уже не держал всех нитей советской внешней политики. Это

было очевидно по крайней мере в отношении Югославии. Хотя нормализация советско-югославских отношений была важнейшим внешнеполитическим актом Советского Союза, Молотов не принимал в этом никакого участия… Мы знали, что он был против поездки советской делегации в Белград. Он был, вероятно, также заинтересован в нормализации отношений между СССР и Югославией. Но, по его мнению, все же именно югославы должны были приехать в Москву, чтобы вести переговоры… создавалось впечатление, как будто русские приехали в Белград, дабы просить прощения»[35].

Молотов не был включен в советскую правительственную делегацию, которая в апреле 1956 года посетила Англию, еще раньше он не был вместе с Хрущевым в Китае. В середине 1956 года, всего за день до начала визита в СССР президента Югославии Иосипа Броз Тито, Молотов был освобожден от обязанностей министра иностранных дел. Это было сенсацией для иностранных наблюдателей, которые считали это «подарком» для Югославии. Но Молотов оставался заместителем Председателя Совета Министров СССР и участвовал во всех праздничных церемониях в честь Тито и даже произносил речи на приемах. Он оставался и членом Президиума ЦК КПСС.

Политический кризис в Польше в октябре 1956 года и драматические события в Венгрии осенью того же года, казалось, подтверждали многие из предсказаний Молотова. Большая речь Тито с критикой Советского Союза, его внешней политики и лично Хрущева, речь, в которой Тито говорил о всех советских руководителях как о сталинистах и о сохранении сталинизма в СССР, также крайне задела Хрущева и усилила в определенных кругах аппарата влияние Молотова. Уже в январе 1957 года в Москве стали распространяться слухи о возможной отставке Хрущева и возвышении Молотова. Правда, было немало разговоров и об отставке Молотова.

Известно, что в 1956 году в СССР был собран рекордный урожай зерна. Хрущев использовал это как доказательство правильности своей сельскохозяйственной политики. Было решено наградить несколько сотен наиболее отличившихся колхозов и совхозов орденами. В большом списке преобладали колхозы и совхозы имени Сталина. На втором месте стояли колхозы и совхозы имени Молотова, на третьем — имени Хрущева и только на четвертом — имени Ленина, их было вдвое меньше, чем имени Сталина.

Удаленный от дел международных, Молотов продолжал играть в партии заметную роль. Постепенно вокруг него образовалась группа недовольных членов ЦК, многие из которых

входили и в Президиум ЦК КПСС. Их число стало быстро расти после того, как Хрущев начал энергично проводить в жизнь свою административную реформу, ликвидировать промышленные министерства и создавать областные и региональные управления промышленностью — совнархозы (советы народного хозяйства). Эта перестройка не устраивала многих министров и ответственных работников министерств, значительная часть которых должна была покинуть Москву, чтобы возглавить местные совнархозы и их управления. Часть руководителей обкомов партии была недовольна Хрущевым, который неожиданно выдвинул лозунг об увеличении производства мяса в СССР в три раза в течение всего трех-четырех лет. Все это использовали Молотов и члены его группы, о существовании которой некоторые дипломаты уже сообщали в своих донесениях из Москвы.

22 апреля 1957 года, в день рождения Ленина, в «Правде» была опубликована большая статья Молотова «О Ленине». Из нее можно было легко заключить, что Молотов — единственный человек в Президиуме ЦК, кто работал непосредственно под руководством Ленина и встречался с ним еще с апреля 1917 года. О преступлениях Сталина Молотов говорит в этой статье только как об «ошибках». Он писал: «Мы знаем, что отдельные ошибки, и иногда тяжелые ошибки, неизбежны при решении столь больших и сложных исторических задач. Нет и не может быть гарантии на этот счет ни у кого».

В целом же политика партии, по утверждению Молотова, была всегда правильной, и она всегда была «верна знамени ленинизма».

Тем временем в условиях строгой конспирации продолжались встречи и беседы участников оппозиции Хрущеву. На пост первого секретаря ЦК предполагалось избрать Молотова. Хрущева, если он добровольно сложит с себя полномочия главы партии, намечалось назначить министром сельского хозяйства или на какой-либо иной пост. В случае его отказа подчиниться большинству Президиума не исключался и арест Хрущева. События приняли, однако, иной оборот.

Решающее столкновение между Молотовым и Хрущевым произошло в июне 1957 года на заседании Президиума ЦК КПСС. У группы Молотова было большинство: к ней присоединились также Н. А. Булганин, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров и Д. Т. Шепилов, не говоря уже о Кагановиче, Маленкове и Ворошилове. Но Молотов просчитался. Он не имел большинства на пленуме ЦК, который был созван по требованию сторонников Хрущева. Молотов не пользовался поддержкой ни КГБ, во главе которого

стоял И. А. Серов, ни армии, во главе которой стоял Г. К. Жуков. Большинство членов ЦК КПСС опасались, что с приходом к власти Молотова снова начнутся репрессии среди партийного и государственного аппарата. Поражение группы Молотова на июньском пленуме ЦК КПСС было настолько полным, что даже его сторонники проголосовали за принятие постановления, осуждающего его деятельность. Воздержался при голосовании лишь сам Молотов. Пленум вывел Молотова, Кагановича, Маленкова и Шепилова из состава Президиума и исключил их из ЦК КПСС. Это был единственный случай в истории партии, когда Центральный комитет не подчинился решению своего Президиума (политбюро) и отменил его решение. Политическая карьера Молотова фактически закончилась.

НА ТРЕТЬИХ РОЛЯХ

После июньского пленума Молотов и его ближайшие союзники опасались ареста, но Хрущев воздержался от подобного шага и даже не настаивал на исключении «фракционеров» из партии. Молотов получил относительно ответственное поручение — его назначили послом СССР в Монголии. Работа в Монголии не требовала от Молотова значительных усилий. Еще в прежние годы он претендовал не только на роль политика, но и на роль теоретика марксизма-ленинизма. Теперь он продолжил свои занятия теорией. Внимательно следил за всеми событиями в Москве и в мире и не боялся их комментировать в беседах с немногими из посетителей советского посольства в Улан-Баторе. Так, например, он одобрял основные решения по внешней политике СССР, но критически высказывался по поводу поспешной ликвидации МТС (машинно-тракторных станций) и продажи всей техники МТС колхозам. Впрочем, он был в этом прав, так как ликвидация МТС производилась действительно в крайней спешке и это нанесло немалый ущерб колхозам нашей страны.

В марте 1958 года в Улан-Баторе состоялся очередной съезд правящей Монгольской народно-революционной партии. В Улан-Батор прибыла и советская делегация, возглавляемая членом Президиума, секретарем ЦК КПСС Н. Г. Игнатовым. Советская делегация бойкотировала Молотова. Игнатов не только не встретился с новым советским послом в Монголии, но не приглашал его на встречи с лидерами Монголии и МНРП, хотя это и противоречило общепринятому протоколу. Прибывшие в Улан-Батор делегации других социалистических стран также игнорировали советское посольство. Только Велько Мичунович, югославский посол в Москве, которому было поручено представлять в Монголии Союз коммунистов Югославии, нанес визит Молотову. Они беседовали несколько часов, вспоминая общих московских знакомых и обсуждая международные события. Молотов говорил, что он сам хорошо переносит монгольский климат, но что его жена чувствует себя в Улан-Баторе очень плохо.

Молотов присутствовал на первых заседаниях съезда, но покинул зал при выступлении Игнатова. Последний говорил об успехах Советского Союза и КПСС, но не преминул упомянуть о разгроме антипартийной группы Молотова и других и высказал резкие критические замечания о самом Молотове. Это было воспринято как бестактность монгольскими руководителями,

которые рассматривали Молотова как посла СССР и не хотели, чтобы споры внутри КПСС выносились на заседания монгольской правящей партии. Не слишком понравилось выступление Игнатова и делегациям других коммунистических партий. Когда советская делегация покидала Улан-Батор, то Молотов, естественно, был среди провожающих. Однако Игнатов прошел мимо него, не подав ему руки и не попрощавшись, как со всеми другими.

Совершенно иначе относились к Молотову представители различных китайских делегаций, которые посещали Монголию. Китай выстроил в Улан-Баторе огромное здание своего посольства, рядом с которым советское казалось небольшим домиком. При всяком удобном случае китайские деятели демонстрировали свое уважение к Молотову как ближайшему ученику и соратнику Сталина.

Бывали случаи, когда Молотов проявлял и свою собственную, то есть не санкционированную Москвой, дипломатическую активность. Однако Хрущеву трудно было бы придраться к подобным действиям своего недавнего и опасного противника. Так, например, в начале 1958 года из-за разногласий между Хрущевым и Тито, стремившимся сохранить во что бы то ни стало независимость Югославии и не входить в так называемый социалистический лагерь, отношения между СССР и СФРЮ вновь ухудшились. В советской печати был подвергнут резкой критике проект программы Союза коммунистов Югославии. Прекратились поставки оборудования в Югославию по уже обусловленным кредитам. В разгар этой полемики посольство Югославии в Москве получило теплую поздравительную телеграмму, отправленную обычной почтой из советского посольства в Улан-Баторе и подписанную Молотовым. «…Я желаю Вам (то есть послу. — *Авт.*) и всем сотрудникам Вашего коллектива, — говорилось в телеграмме, — здоровья и дальнейших успехов в Вашей работе по развитию дружбы между нашими странами, нашими народами и посвященную укреплению мира и социализма».

Это была единственная телеграмма, которая пришла к празднику Первого мая в югославское посольство, других телеграмм от советских дипломатов или обычных граждан нашей страны не поступило. Югославский посол В. Мичунович ответил Молотову краткой телеграммой, отправленной также не по дипломатическим каналам, а с московского телеграфа[36].

При подготовке к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина Молотов прислал в редакцию журнала «Коммунист» большую статью «О Владимире Ильиче Ленине». Эта статья, однако, не

была опубликована.

В конце концов Хрущев решил перевести Молотова на работу подальше от китайских границ. Как раз в это время член-корреспондент АН СССР В. С. Емельянов, перегруженный множеством обязанностей и должностей, попросил освободить его от должности советского сопредседателя Международного агентства по атомной энергии при ООН. Штаб-квартира этого агентства располагалась в Вене. Вскоре решением Совета Министров СССР руководителем Советского представительства в упомянутом агентстве ООН был назначен Молотов. Общее руководство было оставлено, однако, за Емельяновым. Молотову пришлось переехать из Монголии в Австрию.

Во время венской встречи Хрущева с новым американским президентом Дж. Кеннеди среди приглашенных можно было увидеть и медленно передвигающегося старого человека небольшого роста в пенсне с золотой оправой. Это был Молотов, советский представитель в агентстве ООН по атомной энергии. Когда появился Хрущев, Молотов приветствовал его с непроницаемым лицом. Хрущев небрежно ответил на приветствие и прошел мимо.

Летом 1961 года в СССР началась активная подготовка к очередному, XXII съезду партии. Был опубликован проект новой программы КПСС для его всенародного обсуждения. В печати, однако, публиковались только такие статьи, которые полностью одобряли проект программы или вносили в него не слишком существенные добавления и исправления. Молотов также решил принять участие в этом обсуждении. Незадолго до начала съезда он направил в ЦК КПСС заявление, содержащее подробный и критический разбор проекта Программы КПСС. Молотов утверждал, что этот проект — ошибочный и «ревизионистский» документ. Его критические замечания не были опубликованы. Краткий и, возможно, не вполне точный разбор письма Молотова можно найти лишь в речах на съезде П. А. Сатюкова и П. Н. Поспелова. Сам факт выступления Молотова против Программы КПСС вызвал раздражение у Хрущева. Несомненно, это было одной из причин включения в его отчетный доклад специального раздела, посвященного критике «антипартийной группы» Молотова, Маленкова, Кагановича и других «фракционеров». Резкая критика Молотова содержалась и в речах других делегатов съезда. На этот раз о преступлениях Сталина, Молотова и прочих ближайших помощников вождя говорилось не в закрытом докладе, а в открытых выступлениях делегатов и докладчиков съезда. Многие из делегатов требовали исключить Молотова и его политических союзников из партии. И действительно, вскоре

после окончания съезда Молотов был снят со всех своих постов. Первичная организация, в которой он состоял на учете, исключила его из партии.

В феврале 1962 года бюро Свердловского райкома партии Москвы исключило Молотова из рядов КПСС за антипартийную фракционную деятельность, активное участие в массовых репрессиях. Молотов направил письмо в МГК КПСС с просьбой оставить его в партии. На заседании бюро горкома тогдашний первый секретарь МГК П. Н. Демичев задал ему вопрос: «Мы спрашиваем вас как человека: почему вы, подписывая списки, безвинных людей направляли на расстрел?» Молотов ответил: «Я считаю это ошибкой»[37].

Бывший советский премьер был отправлен на пенсию. Что касается городов и поселков, носящих имя Молотова, то им были возвращены прежние названия еще в 1957 году. В стране не осталось больше ни одного предприятия или учреждения «имени Молотова».

Вскоре после XXII съезда, как вспоминает А. И. Аджубей, Полина Семеновна Жемчужина добилась приема у Хрущева! «В ответ на ее просьбу восстановить мужа в партии Никита Сергеевич показал ей документ с резолюцией Молотова о расстреле жен Косиора, Постышева и других ответственных работников Украины, затем спросил, можно ли, по ее мнению, говорить о восстановлении Молотова в партии или надо привлекать к суду»[38].

МОЛОТОВ НА ПЕНСИИ

В 1961 году Молотов вернулся в Москву. После исключения из партии он лишился многих пока остававшихся у него привилегий. Однако часть из них была сохранена для жены Молотова. Вместе с ней и немногочисленной семьей Молотов жил или в своей квартире на улице Грановского или на даче в Жуковке, дачном поселке для привилегированных лиц. Мало кто навещал его кроме родственников.

Однажды его посетила дочь Сталина Светлана Аллилуева. В книге «Только один год» Аллилуева писала:

«Я видела постаревшего, поблекшего Молотова — пенсионера в его небольшой квартире уже после того, как Хрущева сменил Косыгин. Молотов, по обыкновению, говорил мало, а только поддакивал. Раньше я всегда видела его поддакивающим отцу. Теперь он поддакивал жене. Она была полна энергии и боевого духа. Ее не исключили из партии, и она теперь ходила на партийные собрания на кондитерской фабрике, как в дни молодости. Они сидели за столом всей семьей, и Полина говорила мне: „Твой отец был гений. Он уничтожил в нашей стране пятую колонну, и, когда началась война, партия и народ были едины. Теперь больше нет революционного духа, везде оппортунизм. Посмотри, что делают итальянские коммунисты! Стыд! Всех запугали войной. Одна лишь надежда на Китай. Только там уцелел дух революции!“ Молотов поддакивал и кивал головой. Их дочь и зять молчали, опустив глаза в тарелки. Это было другое поколение, и им было стыдно. Родители походили на ископаемых динозавров, окаменевших и сохранившихся в ледниках»[39].

Эта беседа происходила в разгар «культурной революции» в Китае.

В 1963–1967 годах они часто выходили погулять по арбатским переулкам, при этом оживленно беседуя, нежно прижавшись друг к другу. Через несколько лет П. С. Жемчужина умерла. Организацию похорон взяла на себя та фабрика, в которой Жемчужина состояла на партийном учете. На этих похоронах были также представители райкома партии. На траурном митинге выступил и Молотов. Это было его первое и последнее публичное выступление после ухода на пенсию. Он говорил о том пути, который прошла покойная, и одновременно о той большой работе, которую проделали партия и советское государство в 30—40-е годы. Но Молотов конечно же умолчал об аресте и ссылке своей жены и о преступлениях прошлых лет.

Еще в середине 60-х годов Молотов начал писать мемуары. Он работал над ними не только дома, но регулярно приходил в профессорский зал Государственной библиотеки имени Ленина. Конечно, Академия наук уже давно исключила Сталина и Молотова из списка «почетных» академиков. Но за Молотовым было сохранено право посещать зал для профессоров и академиков. Этот же зал обычно посещают и иностранцы, которым приходится работать в Москве над своими дипломами или книгами. В 1968 году рядом с Молотовым занималась одна французская студентка. Заметив, что молодая женщина слишком часто и с любопытством смотрит на него, он, проходя мимо, положил на ее стол клочок бумаги, на котором было написано: «Молотов — правая рука Сталина в прежние времена».

Закончив первую часть своих мемуаров — о временах революции 1905 и 1917 годов, — Молотов позвонил писателю Борису Полевому, который был главным редактором журнала «Юность». Именно в этом журнале в 1967 году была опубликована первая часть мемуаров А. И. Микояна, также о временах революции. Но Борис Полевой явно не торопился принять предложение Молотова. Он попросил позвонить еще через несколько дней. Когда Молотов позвонил Полевому во второй раз, тот сухо ответил, что «Юность» не будет печатать его мемуаров и что он советует передать их в Институт марксизма-ленинизма. Неизвестно, последовал ли Молотов этому совету. Однако все, кто знал его, убеждены, что в своих мемуарах он не стал бы ни в чем раскаиваться и ничего пересматривать, а только искал бы любые доводы для оправдания своего прошлого.

В своей квартире Молотов жил с дочерью Светланой, историком по профессии. Ему не полагалось никакой охраны, и он мог свободно ходить и ездить по Москве и стране, куда ему заблагорассудится. Кроме библиотеки он часто посещал различные выставки и концерты. Но особенно часто Молотов ходил в театры. У него были и любимые постановки. Так, например, в Театре имени Вахтангова он несколько раз смотрел пьесу Корнейчука «Фронт», в которой по ходу действия боец говорил: «Я написал письмо Молотову».

В Театре на Таганке Молотов несколько раз побывал на пьесе «Десять дней, которые потрясли мир». В одной из сцен после 1964 года долгое время сохранялся замаскированный, но понятный тогда всем критический выпад против Хрущева, которого в конце 1964 года Пленум ЦК отправил на пенсию. Очень часто Молотов посещал небольшой кинотеатр в Жуковке, построенный для обитателей привилегированных дач. Там показывали фильмы западного производства, которые не выходили на массовый

экран. Среди публики было немало «отставников», хорошо знавших Молотова, но относившихся к нему с видимым равнодушием.

Молотов почти не встречался ни с кем из общественных деятелей или журналистов. Но иногда он делал исключения. Так, например, он несколько раз виделся с писателем Юлианом Семеновым, которого познакомил с Молотовым в Кремлевской больнице хорошо известный советским людям старшего поколения писатель Лев Шейнин, автор весьма популярной в свое время книги «Записки следователя». Однако мало кто знал тогда, что Шейнин был не только следователем по уголовным делам, но и ближайшим помощником Вышинского по многим политическим делам. Именно Шейнин был одной из ведущих фигур при подготовке политических процессов 1935–1936 годов. Молотову это, конечно, было известно, и рекомендация Шейнина служила для него показателем «благонадежности». О своих встречах с Молотовым Юлиан Семенов рассказал впоследствии на страницах журнала «Нева»:

«…Именно он, Шейнин, и завел меня в большую палату государственного пенсионера СССР, бывшего члена партии Молотова и его жены, ветерана партии Жемчужиной. Разговор был светским; Молотов шутил, говоря, что, прочитав мою „Петровку, 38“, он начал с опаской гулять по улицам, расспрашивал, над чем я работаю, как начал писать… Когда я попросил о следующей встрече, он ответил согласием, написал свой телефон на улице Грановского, попросив при этом никому его более не передавать…

Позвонил я ему, однако, только через год…

Первый раз я поднялся к нему на Грановского, когда Полины Семеновны не стало уже; мы сидели в маленьком кабинете Молотова, обстановка которого напоминала фильмы тридцатых годов: кресла, обтянутые серой парусиной, стол с зеленым сукном, маленький бюст Ленина, в гостиной — книги в скромных шкафах, китайский гобелен и портрет Энгельса в деревянной рамке.

Молотов рассказал ряд эпизодов, связанных с январем сорок пятого, когда Черчилль обратился к Сталину за помощью во время Арденнского наступления немцев, дал анализ раскладу политических структур в тот месяц, — как он ему представлялся…

Знал я тогда и то, что над Молотовым собрались тучи и накануне смерти Сталина, — жена арестована как „враг народа“, а сам он оттерт на третий план группой Маленкова — Берии. Поэтому меня потрясала та нескрываемая нежность, с которой он

произносил имя Сталина; нежность была какой-то юношеской, восторженной, она даже несколько выпячивалась им, хотя Молотов, казалось, не был человеком позы.

— А как Сталин относился к Макиавелли? — спросил я, несколько опасаясь его реакции…

Молотов ответил сдержанно:

— Сталин понимал, как чужд самому духу нашего общества строй мыслей этого философа. Сталин говорил правду, а Макиавелли всегда искал путь, чтобы ложь сделать правдой…»[40]

Эти свидетельства не нуждаются в комментариях. Все же Ю. Семенов критически относится к Молотову. Полностью лишены такой критики воспоминания писателя И. Стаднюка, которому Молотов помогал в написании нескольких романов о войне. Еще в конце 60-х годов Стаднюк передал Молотову несколько глав романа «Война». «Мне казалось, — вспоминает писатель, — что для прочтения части моей рукописи Вячеславу Михайловичу понадобится несколько недель… И вдруг в квартире раздался телефонный звонок.

— Иван Фотиевич? Я прочитал ваши главы…

— Будете ругать? — с робостью спросил я у него.

— Нет… Наоборот… Приезжайте…

Начался разговор… Я с жадностью впитывал все услышанное от Молотова… Я с восхищением рассматривал тщательно подобранную библиотеку, картины на стенах, написанные его братом художником Николаем Михайловичем Скрябиным, удивлялся тесноватому кабинету с зачехленными в белую парусину двумя-тремя креслами и небольшим столом.

— Почему не садитесь? — удивился Молотов.

— Не смею, — ответил я, пытаясь придать своему голосу шутливый тон. — Ведь придет время, и я тоже, как и многие, буду писать мемуары… Разве я удержусь не написать, что мне выпал счастливый случай сидеть в кресле бывшего главы советского правительства?!

Вячеслав Михайлович, весело сверкнув глазами, вдруг посерьезнел, помолчал какое-то время и сказал:

— Вы мне напомнили, как в Кремле, после подписания пакта о ненападении, вскоре нацистскими преступниками нарушенного, фон Риббентроп разговаривал по телефону с Берлином… С кем, вы думаете, разговаривал?.. С Гитлером!.. Мы получили колоссальное удовольствие, поняв по его болтовне, сколь глуп имперский министр…

За двадцать лет я частенько утруждал Вячеслава Михайловича Молотова своими звонками и визитами. Несколько раз бывал он и у меня на даче в Переделкине. И каждое общение с

ним, все его суждения о написанном мною повышали мою ответственность перед читателями…»[41]

Первая часть романа «Война» И. Стаднюка вышла в свет в конце 1970 года и вызвала сразу же весьма обоснованные и резкие отзывы многих читателей. Достаточно сказать, что в этом романе не только крайне искаженно представляется обстановка предвоенных и первых месяцев войны, но недвусмысленно и кощунственно оправдываются жестокие сталинские репрессии против лучших военных кадров страны. О Тухачевском, Якире или Уборевиче Стаднюк пишет так, как будто все они не были уже давно реабилитированы. Конечно, Молотов мог быть доволен. Тем не менее этот роман много раз переиздавался, еще в 1981 и 1988 годах он был переиздан большими тиражами в двух издательствах. Чтобы представить идейный и художественный уровень романа, приведем из него одну, хотя и пространную цитату. Речь идет о том, как Сталин и Молотов отреагировали на известие о пленении фашистами сына Сталина Якова Джугашвили, которое, если верить версии Стаднюка и Молотова, произошло в октябре 1941 года под Вязьмой при окружении группы армий, обороняющих Москву.

«…Мехлис доложил:

— Начальник политуправления Западного фронта сообщает, что, по всей вероятности, ваш сын, Яков Иосифович, попал к немцам в плен…

Сталин даже не пошевельнулся, ибо заранее знал, с чем пожаловал к нему Мехлис. Молотов и Калинин, оглушенные дурной вестью, сочувственно и с болью смотрели на отвернувшегося к окну Сталина, не в силах понять, расслышал ли он в шуме ливня слова армейского комиссара или нет…

— Коба, ты что, не слышишь?! — возвысив голос, взволнованно спросил Молотов. — Немцы схватили Яшу!..

Сталин медленно, будто тело ему плохо подчинялось, отвернулся от окна и посмотрел на Молотова пасмурным и каким-то затравленным взглядом. Затем неторопливо направился к своему столу, сел в кресло и спокойно, со скрытой укоризной сказал:

— Сталин не глухой… Мне уже известно о пленении старшего лейтенанта Якова Джугашвили. Сейчас его допрашивают в штабе фельдмаршала Клюге… Так как теперь решать с товарищем Сталиным? Будем назначать его народным комиссаром обороны?.. — Видя, что его не поняли, с горькой усмешкой, похожей на гримасу боли, добавил: — По нашему закону близкие родственники тех, кто сдался врагу в плен, ссылаются. Я бы в таком случае выбрал себе Туруханск — все-

таки знакомые места…

— Вопрос серьезный, — с легкой усмешкой заметил Молотов и, забарабанив пальцами по зеленому сукну стола, повернулся к Калинину: — Или в Сибирь, или в наркомы… Есть предложение похлопотать перед товарищем Калининым как Председателем Президиума Верховного Совета… Как, Михаил Иванович, может, посодействуете по знакомству?

— Это называется „по блату“. — Калинин, приняв шутку Молотова, невесело засмеялся. — А закон-то наш и без блата твердит, что наказанию подлежат только те родственники изменника, которые проживали совместно с ним или находились на его иждивении… Товарищ Сталин к таким родственникам, по-моему, не относится».

Далее в романе говорится, что Мехлис предлагает устроить побег Якову или «поторговаться» с Гитлером и обменять его. Но Сталин против.

«— Коба, ты, по-моему, перегибаешь палку, — поддержал Мехлиса Молотов, обращаясь к Сталину. — Ведь действительно существует международная практика обмена пленными между воюющими сторонами. (Сталин, по роману Стаднюка, заявляет вначале, что переговоры с Гитлером немыслимы, но потом выражает надежду, что Яков не сам сдался в плен, и высказывает предположение, что как сыну Сталина ему в плену будет тяжелее, чем другим. Потом он говорит другое. — *Авт.*)

— А ваша мысль, товарищ Мехлис, насчет обмена немецких генералов заслуживает внимания… Не торговля, а именно обмен… — Затем повернулся к Молотову, взмахнул рукой в его сторону и уточнил: — Это по твоей части, товарищ нарком иностранных дел, — Сталин продолжал то ли вопросительно, то ли утверждающе смотреть на Молотова, — обратиться к этому людоеду Гитлеру с предложением: пусть возьмет у нас своих генералов, кто ему нужен. Даже всех, сколько будет!.. Не жалко! А взамен пусть отдаст нам пока только одного человека… Эрнста Тельмана!..

Все потрясенно молчали, размышляя об услышанном. Наконец тишину нарушил Молотов. Чуть заикаясь, он сказал:

— Такая операция даже в нынешней трудной обстановке вполне под силу нашим дипломатам… Но пойдет ли на это Гитлер? Ведь освободить из тюрьмы и отдать нам Тельмана — равнозначно что позволить взметнуть над головами революционных рабочих не только Германии, но и всей Европы боевое Красное знамя!..

— Правильно говоришь, товарищ Молотов! Поэтому-то игра и стоит свеч. — Сталин, пососав мундштук трубки, с

поощрительным прищуром посмотрел на Молотова. — Если есть хоть один из тысячи шансов на успех такой операции, ее надо планировать и при первой возможности попробовать осуществить. Это была бы огромная победа в борьбе за будущее Германии, за новую Германию…»[42]

Вполне возможно, что Молотов с большим удовольствием читал роман Стаднюка и особенно страницы, подобные приведенным выше. Но здесь все фальшиво, начиная от ливня за окном кабинета Сталина. В действительности сын Сталина был захвачен в плен 16 июля 1941 года во время боев в Белоруссии, а не осенью в дни боев под Москвой.

К середине июля 1941 года (да и к октябрю) германская армия уже захватила в плен немало советских генералов, но немецких генералов в советском плену еще не было, и потому вопрос об обмене их на Якова Джугашвили или даже на Тельмана обсуждаться не мог. Подробности о пленении Якова Джугашвили можно узнать из документальной повести Семена Апта «Сын Сталина», опубликованной в № 4–5 журнала «Подъем» (Воронеж) за 1989 год.

Столь же фальшивы образы Сталина и Молотова и в другом романе Стаднюка — «Москва, 41-й». Молотов у Стаднюка распутывает сложнейшие международные проблемы, «как скульптор ударами молотка по резцу откалывает от мрамора ненужные осколки, медленно и упоенно освобождая из-под них свое творение». Неутомима его «ищущая мысль», «интуиция», «огромен его опыт». Не без сложностей, но он преодолевает «бескрайнее море трудностей и необъяснимостей» и т. д. и т. п.

Нередко навещал Молотова старейший писатель Сергей Иванович Малашкин. Они познакомились еще в 1918 году, когда Малашкин издал и подарил Молотову свою первую книгу стихов «Мускулы», а через несколько лет и книгу «Мятежи». Позднее он стал прозаиком, опубликовал немало романов и повестей, не оставивших, однако, заметного следа в советской литературе. На этих встречах нередко присутствовал писатель Н. И. Кочин. Среди почитателей и «приверженцев» Молотова оказался и поэт Ф. Чуев. Он весьма гордился близким знакомством с бывшим премьером, публично демонстрируя фотографии Молотова и всячески подчеркивая значение его «личности» для отечественной истории.

К своим доброжелателям Молотов мог бы причислить и албанского диктатора Энвера Ходжу. Описывая встречи с советскими лидерами в опубликованной в Тиране книге мемуаров, Ходжа с симпатией говорил только о Молотове. Он, правда, считал, что Молотов был слабой в личном и политическом отношении фигурой, но только он заслуживает

якобы уважения в послесталинском руководстве.

Происходили у Молотова, конечно, и случайные встречи. Известный спортивный комментатор Николай Озеров ехал однажды по улице на своей автомашине. На обочине он увидел старика, лицо которого показалось ему знакомым. Подъехав ближе, он узнал Молотова и предложил подвезти его до дома. Прощаясь у своего дома, бывший премьер сказал: «Внуки не поверят, что меня довез до дома сам Николай Озеров».

Однажды в середине 70-х годов встретил Молотова на улице и грузинский писатель К. Буачидзе, немало лет отсидевший в тюрьмах и лагерях как «враг народа». В одной из своих неопубликованных работ он писал:

«Это произошло примерно лет десять назад в Москве: жил я тогда у брата, и мне часто приходилось пересекать Тверской бульвар. И вот однажды вечером мне бросилось в глаза как будто где-то да еще много раз виденное мною чуть плосковатое лицо одного невысокого старика…

И на второй день я к нему присмотрелся, и на третий. Боже мой, как мне его очки знакомы, да где же я его видел? Не на фотографиях ли?

Ба, да это же сам Молотов, Вячеслав Михайлович, в юные годы носивший прекрасную музыкальную фамилию Скрябин!.. Долгие годы — и еще какие годы! — был вторым человеком в великом государстве, да еще после кого? После великого Сталина!

…И вот я, теперь уже бывший „враг народа“, а следовательно, в те времена его личный „враг“, хотя был он тогда для меня так далек и недосягаем, как Полярная звезда, могу сейчас пройти мимо него совсем близко и, если совесть позволит, даже не извинившись, как бы случайно, задеть его серый пиджак, на (лацканах которого уже нет никаких знаков отличия, словно мы с ним равноправные из равноправных: и он избиратель, и я избиратель, но не избираемые…

А было время, когда я на коленях (в буквальном смысле — столика-то не было!) писал ему (и разве только ему?!) из мест заключения…

А не подойти ли мне к нему, не представиться ли? С малых лет привыкший почитать старших по возрасту, я очень вежливо, но не так уж робко подошел к бывшему председателю Совета Министров СССР, подошел как равный к равному… И когда я с ним поздоровался, по моему акценту он сразу же узнал:

— А-а, вы грузин? Что же, никогда не скрывал и сейчас не скрываю: я всегда питал слабость к грузинам.

— Это из-за Сталина, наверное.

— Пожалуй, да.

После любезных расспросов о здоровье:

— Вот вы, Вячеслав Михайлович, многие годы — да еще какие годы! — плечом к плечу работали со Сталиным, это только вы один имели право разговаривать с ним на „ты“, называть его юношескими именами: то Коба, то Сосо. Не думаете ли вы написать о нем правдивые воспоминания? Для истории это, знаете, весьма важно.

— Ну и написал бы, но… А кто напечатает?!

„А кто напечатает?“ Вячеслав Михайлович с такой грустью произнес, словно не он (со Сталиным) насадил это самое в нашей стране, в нашей жизни, а кто-то другой, скажем, человек вроде меня, то есть враг народа, пусть даже реабилитированный…»[43]

Побывал в гостях на даче у персонального пенсионера и писатель Ю. Идашкин. Он так передает подробности встречи: «Ровно в двенадцать нас пригласили в столовую, смежную с гостиной комнату. В центре ее стоял небольшой круглый стол, уже накрытый к обеду. На одной из стен — фотографические портреты Ленина, Сталина и П. С. Жемчужиной. Молотов, которому тогда было уже за восемьдесят, твердой рукой разлил по небольшим рюмкам коньяк, не обойдя и себя. „За Сталина!“ — чуть громче обычного сказал он и выпил до дна. Едва мы закусили, как Молотов снова поднял рюмку: „За Ленина!“

У Молотова не изменился не только застольный ритуал, прежними остались оценки „хозяина“ и собственной роли в репрессиях и преступлениях: „Время было сложное, международная обстановка не позволяла расслабляться ни на миг. Поэтому мы не всегда могли соблюдать формальности, но волю партии и народа мы никогда не нарушали“. Более оригинальными и живыми оказались, правда, отзывы о других политических деятелях: „Да какой же он политик! Обыкновенный пропагандист…“ Это о Кирове. „А-а, этот уголовник…“ Это о Хрущеве»[44].

Однако чаще всего москвичи равнодушно проходили мимо Молотова. Люди помоложе просто не узнавали его, ведь они не видели его портретов в газетах и журналах. Люди постарше потом говорили знакомым: «Знаете, я вчера встретил Молотова. Очень старый, но еще бодрый. И никто его не охраняет». Но бывало и иначе. Однажды на Пушкинской площади к Молотову подошла пожилая женщина и стала громко поносить его как преступника и убийцу. Молотов, ничего не отвечая, втянул голову в плечи и поспешил домой. В другой раз в магазине в Жуковке возникла очередь за помидорами, и Молотов тоже встал в нее. Одна из женщин тут же вышла из очереди, громко сказав, что не желает

стоять вместе с палачом. Молотов молча покинул магазин. Здесь же его встречала первая жена Солженицына Н. Решетовская. Солженицын жил тогда также в Жуковке на даче у Ростроповича. Он спросил у жены: «И ты ничего ему не сказала? А я бы подошел и спросил: „Вы Молотов? А я — Солженицын. Как вы можете жить на свете с руками, с которых капает кровь?“»

Писатель А. Якобсон, умерший в эмиграции, однажды, еще в 60-е годы, встретил Молотова с Жемчужиной в районе Арбата. Будучи слегка выпивши, Анатолий на всю улицу закричал: «Как поживает твой друг Риббентроп?!» Молотов с каменным лицом прошел мимо.

На премьере пьесы «Сталевары» во МХАТе некоторые из зрителей, увидев Молотова, стали давать ему программки для автографа. Молотов оживился. Но неожиданно одна из молодых женщин, находившихся в фойе, закричала: «Что вы делаете? Ведь это палач, он истребил сотни людей!» Вокруг Молотова всех как ветром сдуло. Он опустил голову и быстро пошел к выходу из театра. Как-то, подъехав зимой на машине к дому, Молотов осторожно направился к своему подъезду, боясь поскользнуться. Навстречу ему шагнули двое рослых мужчин. Один из них — Георгий Иванович Меньшиков, околот двадцати лет проведший в заключении, талантливый инженер-строитель, остановился, узнав Молотова. «Ну что, еще ползаешь, упырь?» — спросил он.

Казалось бы, что мог ждать Молотов в свои девяносто четыре года? Но история все же еще раз зло подшутила над всеми нами, показав, насколько живучи силы догматизма и сталинизма в нашей стране.

В конце 1964 года, после октябрьского Пленума ЦК КПСС, Молотов подал заявление на имя Косыгина и Брежнева с просьбой восстановить его в партии. Таких заявлений от людей, «обиженных» при Хрущеве, было много, но почти все они, включая и заявление Молотова, были отклонены. Через несколько лет Молотов повторил свою просьбу. Это было в конце 60-х годов, когда в нашей печати шла подготовка к реабилитации Сталина, и имя Сталина, а иногда и Молотова можно было встретить на страницах газет и журналов. Но реабилитация Сталина не состоялась, и просьба Молотова была отклонена. Мы не знаем, сколько раз еще возобновлял он свою просьбу, но это было неоднократно. В начале 1984 года, когда генеральным секретарем ЦК стал К. У. Черненко, Молотов в очередной раз направил в ЦК КПСС просьбу о восстановлении в партии. Это заявление было активно поддержано А. А. Громыко, влияние которого в политбюро в 1984 году заметно возросло. Не желая разводить по этому поводу дискуссии, остальные члены политбюро не стали

возражать, и Молотов был восстановлен в партии. Об этом, однако, не было никаких сообщений в партийной печати, хотя сам факт возвращения Молотова в ряды КПСС был публично подтвержден на одной из пресс-конференций в МИДе для иностранных журналистов. В 1984–1986 годах имя Молотова, теперь уже члена партии, гораздо чаще, чем раньше, упоминалось в печати. Его образ появляется и в кино, например, в вышедшем на экраны в 1985 году помпезном фильме «Победа», главными героями которого были Сталин и Брежнев.

В июле 1986 года в газете «Московские новости» (еще при прежней редакционной коллегии) появилось интервью с 96-летним Молотовым. Журналистка Клара Абрамия, посетившая Молотова на его даче в Жуковке, писала:

«В кабинете, куда он нас пригласил, все стены в книжных полках. На рабочем столе „Анти-Дюринг“ и „Тихий Дон“. На открытой странице „Анти-Дюринга“ я заметила пометки карандашом. Словно прочитав мои мысли, он говорит о своем распорядке дня… Подъем — в 6.30 утра, в течение 20 минут занимается зарядкой на воздухе. После завтрака около часа гуляет в лесу, после чего читает газеты. Двухчасовой отдых, и вновь рабочий стол и книги, книги. Чтению посвящается 6 часов.

— Я в курсе всех событий, — говорит Вячеслав Молотов. — Меня воодушевляют перемены, происходящие в нашей жизни. Обидно, что возраст и здоровье не позволяют активно участвовать в них. Чем старше становится человек, тем больше он хочет быть полезным обществу… У меня счастливая старость. Хочу дожить до ста лет»[45].

Дожить до ста лет Молотову не удалось. Всего через несколько месяцев после приведенного нами интервью он умер. Западные газеты и журналы поместили по этому поводу немало статей. В советской печати появилось лишь краткое извещение: «Совет Министров СССР с прискорбием извещает, что 8 ноября 1986 года на 97-м году жизни после продолжительной и тяжелой болезни скончался персональный пенсионер союзного значения, член КПСС с 1906 года Молотов В. М., бывший с 1930 по 1941 год председателем Совета народных комиссаров СССР, ас 1941 по 1957 год — первым заместителем председателя Совнаркома СССР и Совета Министров СССР»[46].

Похороны Молотова проходили на Новодевичьем кладбище в присутствии лишь родственников и немногих друзей и почитателей, но без каких-либо корреспондентов.

Еще в 1984 году немецкий журнал «Дер Шпигель» поместил небольшую статью о сходстве судьбы Вячеслава Молотова и Рудольфа Гесса, который тоже подобрался к девяноста годам. Гесс

был в 30-е годы вторым после Гитлера лицом в нацистской партии, одним из организаторов террора против антифашистов. Гесс активно участвовал в подготовке пакта Молотова — Риббентропа и в переговорах между Молотовым и Гитлером в 1940 году. На фотографии, опубликованной в журнале, Молотов и Гесс обмениваются рукопожатиями, сдержанно улыбаясь. Как известно, Гесс также хотел дожить до ста лет, но умер или покончил с собой в возрасте 93 лет. Имеется в судьбе этих людей и существенная разница. С 1941 года Гесс находился в заключении, сначала в английской тюрьме, а с 1946 года как военный преступник — в одиночной камере берлинской тюрьмы Шпандау. Охрана его обходилась, впрочем, в десятки раз дороже, чем «содержание» Молотова на его комфортабельной даче в Жуковке. Приходится лишь сожалеть, что многие из лучших людей живут порой очень недолго, тогда как многие из худших наделены удивительным долголетием…

СУДЬБА СТАЛИНСКОГО НАРКОМА ЛАЗАРЯ КАГАНОВИЧА

В ДОМЕ НА ФРУНЗЕНСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ

Старый большевик А. Е. Евстафьев, около 20 лет проведший в тюрьмах и лагерях и вернувшийся в Москву лишь после XX съезда КПСС, должен был посетить друга, живущего на Фрунзенской набережной. По рассеянности он прошел мимо нужного ему подъезда, поднялся на лифте в другом подъезде и позвонил в квартиру на том же этаже, что и у друга. Дверь открыл очень старый человек, в котором Евстафьев узнал Лазаря Моисеевича Кагановича, в прошлом вождя московских большевиков и всесильного «сталинского наркома», которого Евстафьев считал прямым виновником своих несчастий. От неожиданности Евстафьев не мог произнести ни слова. Но Каганович не узнал его и, сказав: «Вы, наверное, ошиблись», — закрыл дверь. Рассказывая об этом, Евстафьев с удовлетворением заметил: «Каганович исключил меня из партии. Но сейчас я снова член партии, а Лазарь из нее исключен». Человеку, лишенному на 20 лет свободы и чести, казалось, что справедливость восторжествовала.

Когда-то Каганович обладал не только большой популярностью, но и огромной властью. Московский метрополитен, которым ежедневно пользуются миллионы москвичей и гостей столицы, более 20 лет носил имя Л. М. Кагановича. Во время праздников портреты Кагановича вместе с портретами других вождей несли через Красную площадь, где на трибуне Мавзолея всегда стоял и сам Каганович. Его появление в любой аудитории вызывало овации…

Но в последние 20 лет его жизни мало кто узнавал Кагановича. Однажды он вызвал к себе врача из местной поликлиники. Молодая женщина, беседуя с пациентом, несколько раз назвала его «гражданином Казановичем». Это вызвало у последнего вспышку раздражения. «Не Казанович, а Каганович, — сказал он и добавил: — Когда-то мою фамилию хорошо знал весь Советский Союз».

В разговоре со знакомыми он обещал прожить сто лет, почти осуществил это, немного не дожив до девяноста восьми. Он пережил и свою жену, и приемного сына, и всех братьев. Только его дочь — Майя, которой было уже за 60, два раза в неделю навещала отца, живущего в полном одиночестве.

САПОЖНИК-РЕВОЛЮЦИОНЕР

Лазарь Каганович родился 10 ноября 1893 года в деревне Кабаны Киевской губернии. Его биографии сообщают: «родился в семье кожевенника». Роман Степанович Федченко, учившийся в 30-е годы неподалеку от родины Кагановича, в Чернобыле, уточняет, что, по рассказам стариков, глава семьи Моисей Каганович был прасолом — то есть скупал скот и гуртами отправлял его на бойни Киева. Согласно этим сведениям, семья Кагановичей жила не бедно, но юный Каганович не пошел по стопам отца. Сведения о его юности противоречивы. По одним данным, изучив ремесло сапожника, Лазарь стал с 14 лет работать на обувных фабриках и в сапожных мастерских; согласно другим сведениям, работал на кожевенном заводе «Поставщик», а сапожником не был. Лишенная многих прав, которыми пользовались в России не только русские, но и другие «инородцы», еврейская молодежь была благодатной средой для революционной агитации. Все оппозиционные партии вербовали здесь своих сторонников. Молодой Каганович сделал выбор — он примкнул в 1911 году к большевикам. Непосредственно привлек его к революционной работе двоюродный брат — Самуил Хацкелевич Губерман (по словам его внука А. В. Губермана). Несомненно, здесь сказалось и влияние старшего брата — Михаила, который вступил в партию большевиков еще в 1905 году. Он тоже был рабочим, но не сапожником, а металлистом. Большевиками стали и двое других братьев Лазаря Кагановича.

Главной задачей Лазаря Кагановича партия поставила организацию большевистских кружков и групп на кожевенных заводах, которых было много на Украине. Переезжая с места на место и иногда подвергаясь кратковременным арестам, Каганович создавал нелегальные кружки и профсоюзы кожевников и сапожников в Киеве, Мелитополе, Екатеринославе и в других городах.

В 70—80-х годах получила распространение версия о том, что Каганович был сионистом и что в 1914 году, за полтора месяца до начала мировой войны, Лазарю в Гомель был прислан общий список доходов Всемирной сионистской организации за 1913 год. При этом ссылаются на книгу Ю. С. Иванова «Осторожно: сионизм!»[47]. Действительно, в этой книге приводится отрывок из списка доходов сионистов, включая доходы по Америке и Южной Африке, со ссылкой на архив Октябрьской революции. Однако читатели не обратили внимания на одну тонкость: Ю. С. Иванов НЕ УТВЕРЖДАЕТ определенно, что речь идет именно о

Лазаре Моисеевиче Кагановиче. Он просто упоминает некоего Л. Кагановича и дает его гомельской адрес. Но поскольку читатели, естественно, заключили, что адресатом был именно Лазарь, стоит сказать несколько слов об этой улике. Удивляет, что Ю. С. Иванов, публикуя столь сенсационную информацию, не приводит никаких подробностей. Сказано, кто адресат документа — а кто отправитель? Что вообще представляет собой эта бумага? Написана ли она от руки, напечатана ли на машинке или типографским способом? На каком языке составлена? Почему содержит лишь доходы без расходов? Ничего этого из книги Ю. С. Иванова узнать нельзя. Что касается адресата — тут тоже немало вопросов. Был ли 20-летний Лазарь главой всемирного сионизма «или только» министром финансов? Являлся ли Гомель «столицей» сионистов и если да, то почему? Может, сионисты чувствовали себя в Гомеле свободнее, чем в Нью-Йорке или Копенгагене? Или из Гомеля проще поддерживать связь с различными уголками земного шара? Ответов нет…

Во время Первой мировой войны Киевское жандармское управление арестовало Кагановича за антигосударственную пропаганду. Он был выслан по этапу на родину, в Кабаны, но через несколько месяцев бежал обратно в Киев, а оттуда с паспортом на имя Стомахина перебрался в Екатеринослав[48].

Перед революцией Лазарь работал на обувной фабрике в Юзовке, возглавляя и здесь нелегальный союз сапожников и кожевников. 1 мая 1916 года в городе прошла грандиозная по тем временам майская демонстрация. В Юзовке Каганович познакомился с молодым Н. С. Хрущевым, который еще не вступил в партию большевиков, но участвовал в революционной работе. Это знакомство и связь уже не прерывались полностью и в более поздние годы.

НА РАЗНЫХ МЕСТАХ

Каганович принадлежал к поколению, на детские годы которого пришлось потрясение 1905 года, а на юность и молодость — события 14-го и 17-го годов. Неудивительно, что именно у молодежи революция вызвала самые большие надежды и самую большую радость.

Весной 1917 года произошла большая перемена и в жизни Лазаря Кагановича: его призвали в армию. Он был направлен для военной подготовки в Саратов, в 42-й пехотный полк, где стал активным членом большевистской организации города, часто выступал на митингах, говорил ярко и подолгу. В июне от саратовского гарнизона Каганович участвовал во Всероссийском совещании большевистских военных партийных организаций; после возвращения в Саратов его арестовали, но молодой солдат бежал и нелегально перебрался в прифронтовую зону, в Гомель. Через несколько недель он стал здесь председателем местного профсоюза сапожников и кожевников, а также председателем Полесского комитета большевиков.

Маленький провинциальный Гомель был важным железнодорожным узлом, через который могли осуществляться переброски войск между Западным и Юго-Западным фронтами или с фронтов — в обе столицы России. Кроме того, от Гомеля было рукой подать до Ставки, располагавшейся в Могилеве. В первой половине июля на передовой командованию еще удавалось силой оружия «усмирять» взбунтовавшиеся полки, но с каждой неделей покорных становилось все меньше, а восставших — все больше. В пору бабьего лета попытался «навести порядок» поднявший мятеж генерал Корнилов. В гомельском совете в тот момент большинством обладали эсеры, меньшевики и бундовцы; телеграф и железную дорогу контролировал Викжель. В союзе с Полесским комитетом большевиков все эти силы внесли свой вклад в срыв мятежа.

Однако революция продолжалась, и день 25 октября разделил временных союзников навсегда.

О событиях в столице Гомель узнал в ночь на 26-е. Сведения были отрывочные и неясные. Начались стихийные собрания и митинги, но никто ничего не знал толком.

Прошло и 27-е число. Около 500 рабочих получили оружие. Полесский комитет двинул на железную дорогу агитаторов и красногвардейцев — в результате Гомель перестал пропускать воинские эшелоны на Москву и Петроград. В городке скапливались прибывавшие по железной дороге солдаты и казаки.

В части сразу же шли агитаторы. Разносились все новые слухи — о неудавшемся перевороте в Петрограде, о победе Керенского и Краснова, о боях в Москве, об ультиматумах Викжеля.

По инициативе большевиков 28 октября собрался на экстренное собрание гомельский совет. На повестке дня — вопрос о событиях в Петрограде. Кто-то зачитал телеграмму о бегстве Ленина и аресте большевистского правительства. Меньшевики и бундовцы предложили по примеру Петрограда создать Комитет спасения Родины и революции. Обладая большинством в Совете, они имели хорошие шансы на успех. Перелом в ход собрания внесло выступление лидера большевиков Кагановича. Вспоминает большевик Привороцкий: «Мне запомнилось несколько фраз из его речи. Обращаясь к соглашателям, он заявил: „От кого вы хотите спасти революцию? От петроградских рабочих, которые устлали своими трупами петроградские мостовые в 1905 году и теперь, или с помощниками Родзянко и Гучковым спасать революцию от нас, рабочих…“ Вот эти несколько фраз произвели такое сильное впечатление, что рабочий-меньшевик, который около меня стоял, голосуя за резолюцию большевиков, сказал: „Умеет же Каганович так говорить, что прямо дрожь по телу пробегает, и нельзя с ним не согласиться“. Это выступление произвело огромное впечатление»[49].

Резолюция большевиков была принята. Совет образовал Комитет революционной охраны (из 7 человек — 4 большевика). На улицах появились караулы Красной гвардии, начались аресты, была введена цензура. В Петроград и Москву послали людей с целью выяснить наконец, что там происходит.

Между тем Гомель по-прежнему не пропускал войска по железной дороге; их скопилось очень много. Обстановка менялась с каждым часом. Работа агитаторов принесла плоды, и уже в ночь на 30 октября Ставка в Могилеве почувствовала себя неуютно: Духонин послал телеграмму Брусилову на Юго-Западный фронт с просьбой срочно выслать 1-й ударный полк для охраны Ставки.

Не успели вернуться посланные за известиями гонцы, как 30 октября приехал в Гомель депутат II съезда Советов Леплевский. Весть об успешном восстании в Петрограде и Москве облетела город. Каганович сразу же созвал Полесский комитет. Леплевский сообщил о происшедшем. Тут же был созван и Совет. После яростной полемики, в которой участвовал и Каганович, была принята резолюция в поддержку съезда Советов. Провозглашалась власть Советов в Гомеле; все представители Временного правительства подлежали аресту.

17 ноября Каганович вошел в первый состав Военнореволюционного комитета Гомеля, а на следующий день

сюрпризом закончилось подведение итогов выборов в Учредительное собрание — вопреки всем ожиданиям в Гомеле победили не эсеры, а большевики. Депутатами стали Каганович и Леплевский.

В тот же день был послан первый вооруженный отряд из Гомеля в Могилев. Вскоре и в этом губернском центре установилась советская власть, и 15 декабря в Могилеве под председательством Кагановича открылся губернский съезд Советов. Выступая на нем, Каганович сказал: «Мы решили поддержать рабочее движение в Петрограде 25 октября 1917 года. Мы локализовали движение ударников-корниловцев, вошли в контакт с железнодорожным комитетом, организовали комиссариаты, и наладилась практическая работа. Мы опирались на мощный, дисциплинированный гарнизон… Мы провели закон об единовременных налогах, организуем теперь особый советский отряд, который будет существовать до окончательного закрепления революции, провели много начинаний в общественной жизни города и деревни. И если бы все Советы губернии подражали бы гомельскому, какая замечательная могла бы наладиться работа»[50].

Через несколько дней оратор уехал в Петроград на Учредительное собрание (он был также депутатом III съезда Советов) и, как это часто бывало с депутатами в те месяцы, на прежнее место не вернулся: Каганович был избран во ВЦИК РСФСР и остался в Питере, а вскоре стал одним из комиссаров Всероссийской коллегии по организации Красной Армии. В июне 1918 года он был направлен агитатором в Нижний Новгород. В тот момент это было довольно важное задание: на Волге спешно формировался Восточный фронт, и будущее этого фронта представлялось тревожным. Вначале Лазарь работал заведующим местным агитотделом и был малозаметен. В Нижнем Новгороде впервые пересеклись пути Кагановича и Молотова; благодаря последнему Каганович стал председателем Нижегородского губкома партии и губисполкома. Во время недолгой работы Кагановича весной 1918 года в Москве в аппарате советского правительства произошла неожиданная и памятная для участников встреча Лазаря Моисеевича с поэтом Сергеем Есениным и его друзьями: Рюриком Ивневым, Анатолием Мариенгофом и Матвеем Ройзманом. Вот как описывает подробности состоявшейся беседы Рюрик Ивнев в своем романе «Богема»:

«Мы поднялись на третий этаж. Впереди всех шел Есенин. Дойдя до дверей, на которых написано „Секретарь“, он приоткрыл дверь. „Товарищ, можно? — спросил он, — я вам вчера

звонил насчет приема к… товарищу Кагановичу…“ „Он на заседании, будет минут через двадцать, не раньше“. „Хорошо, мы подождем“, — сказал Есенин, закрывая дверь. Все отошли к окну. „Как? — воскликнул Мариенгоф, — ты же говорил, что звонил самому Кагановичу“. „Ну не все ли равно, — махнул рукой Есенин, — к Кагановичу или к секретарю, ведь это одно и то же…“ „Подождите, ребята, — вмешался Ройзман, — еще раз порепетируем, чтобы не напутать: сначала будет говорить Есенин… общие, так сказать, основы дела. Затем уж я коснусь деталей. Бумажка у тебя?“ — обратился он ко мне? „Да“. „Давай ее мне, я подсуну в подходящий момент, он подпишет“.

„Главное, не забывайте, — шептал Мариенгоф, — что произносить фразу „отдельные кабинеты“ ни в коем случае нельзя“. „Что ты нас учишь? — огрызнулся Ройзман, — мы это знаем не хуже тебя“. „Я напомнил… на всякий случай…“ „Тсс… вот, кажется, он сам“, — прошептал Есенин, кидаясь к поднимавшемуся по лестнице невысокому усатому брюнету в военной форме. „Здравствуйте, товарищ Каганович, — заулыбался Есенин. Военный пристально посмотрел на него равнодушными стальными глазами и, слегка кивнув, прошел мимо. Есенин почесал затылок. „Экой черт, не узнал, а ведь вместе пьянствовали в прошлом году…“ „Не надо было подскакивать“, — деловито вставил Ройзман. „Ну, теперь все равно, идем, он нас примет“. Под водительством Есенина мы вошли в комнату секретаря. Молодой человек в черной рубахе, затянутой тонким поясом, пропустил нас в кабинет Кагановича. „Только не слишком задерживайте Лазаря Моисеевича“, — бросил он в догонку.

Хозяин кабинета сидел у письменного стола, положив локти на стол. Видный большевик, уже известный партийным массам, одним глазом он смотрел на лежащую перед ним коричневую папку, другим — на вошедших поэтов. Первым выступил Есенин. „Здравствуйте, товарищ Каганович, вы меня не узнаете? Я Есенин, а это мои товарищи, тоже поэты, вы, конечно, слышали их имена: Рюрик Ивнев, Анатолий Мариенгоф, Матвей Ройзман“.

„Садитесь“, — сухо произнес Каганович. „Вот, товарищ Каганович, — продолжал Есенин, — мы имеем маленькое издательство, выпускаем журнал, ведем культурную работу, и так как для издания альманахов и сборников нужны средства, мы открыли кафе“. „Кафе?“ — переспросил Каганович, занятый, очевидно, своими мыслями. „Да, кафе-клуб, где наши нуждающиеся товарищи-поэты получают бесплатные обеды.“ „И при клубе образованы библиотека, шахматный и марксистский кружки“, — выпалил Ройзман. Анатолий наступил ему на ногу и

тихо прошептал: „Не лезь!“. „И вот, — распевал Есенин, — всей этой большой культурной работе грозит полное разрушение“. „Я не совсем вас понимаю, — устало произнес Каганович, — при чем тут я… и потом нельзя ли покороче, у меня тут дела… и заседание“. „Товарищ Каганович, — взволновался Есенин, — мы понимаем, что вы — человек дела, и если решились посягнуть на ваше время, то…“ — „Дело в том, — перебил его Ройзман, — что наше кафе помещается в двух этажах, так вот нижний этаж захлопнули“. — „Захлопнули?“ — „Ну да, закрыли“. — „Ничего не понимаю, кто закрыл?“ „Административный отдел Моссовета“. — „Как это можно — один этаж закрыть, а другой не закрыть?“ — „Вот и мы не понимаем этого… Мы пришли к вам… У нас приготовлены бумаги, вот, товарищ Каганович, подпишите… нам тогда откроют“. Каганович прочел вслух: „В Адмотдел Моссовета. Прошу оказать содействие Правлению Ассоциации поэтов, художников и музыкантов в деле полного функционирования их клуба 'Парнас'“.

„Что значит, 'полного функционирования'? А потом, товарищи, я не имею никакого отношения к Адмотделу…“ „Ну, товарищ Каганович, вас там так уважают“, — сказал Ройзман. „Товарищ Каганович, вы нас выручите“, — вставил Есенин. Я и Мариенгоф сидели молча и не могли выдавить из себя ни одного слова… „Я не могу ничего предписывать Адмотделу и не могу подписывать никаких бумаг. Самое большее, что я могу сделать, это позвонить“. Он взялся за телефонную трубку. Есенин переглянулся с Ройзманом. „Кабинет начальника Адмотдела… Да… Спасибо… Саша, ты? Говорит Каганович… Здорово… Послушай, в чем дело? Тут пришли поэты из 'Парнаса' — клуб-кафе… Их прихлопнули. Что? Не прихлопывали? Закрыли только отдельные кабинеты? Очаг проституции? Понимаю. Да. Да. Овечками. Ха-ха-ха. Ну будь здоров“. Он опустил голову.

„Все кончено“, — шепнул Есенин Мариенгофу. Каганович молча посмотрел на Есенина и Ройзмана. Я и Мариенгоф отвели глаза в сторону. „Ну, — вздохнул Есенин, — мы пойдем“. „Не задерживаю“, — буркнул Каганович, причем нельзя было разобрать, смеется он или сердится. Есенин вышел первым. За ним, точно сконфуженные школьники, шествовали я, Мариенгоф и Ройзман, крутивший прядь волос у виска и наверняка размышлявший, к кому бы еще пойти… Жаль, что Соня не в Москве. Спасти положение здесь могла бы только женщина. „Удивительно, — сказал Есенин, когда все вышли на улицу, — кто бы мог подумать, что он забудет, как мы проводили время. Можно сказать, друг закадычный, вместе пили, кутили, и вдруг такой пассаж…“[51]»

С востока наступали армии Колчака. Но после многих драматических и кровавых событий, к концу лета 1919 года, этот фронт перестал был главным. Теперь для советской власти наибольшая угроза исходила с юга, от Деникина. Его войска быстро продвигались на север, имея конечной целью взятие Москвы. Обстановка менялась каждый день. На южный фронт мобилизовывали большевиков и комсомольцев. В первых числах октября Каганович был направлен в Воронеж для инспектирования работы партийных и советских организаций города и губернии. В тот момент Воронеж еще был (а точнее — казался) тыловым городом. Но едва Лазарь успел прибыть на место, как все вокруг всполошилось: вспыхнули слухи о прорвавшей фронт и идущей с юга коннице Мамонтова. С той стороны все прибывали и прибывали в город люди с дурными вестями. Все партийцы получили на складе оружие, «забронировали» несколько вагонов мешками с песком, положенными вдоль стен, и покинули Воронеж. 11 сентября в город ворвался Мамонтов. Кое-где вспыхивали перестрелки, но настоящих боев не было. Проведя в Воронеже одну ночь, мамонтовцы двинулись дальше, взрывая мосты и грабя винные подвалы монастырей. Вышестоящие организации поставили короткое пребывание Мамонтова в вину воронежскому ревкому и назначали его новым председателем Кагановича, который тут же вызвал свою «команду» из Нижнего Новгорода (Сергушева, Белова, Миронова и др.). Но те прибыть не успели — с юга подходили теперь основные силы белых. Корпус генерала Шкуро преследовал разбитые части 12-й армии красных. 30 сентября утром началась бомбардировка города, около 11 часов терские и кубанские казаки генерала Губина появились на улицах, завязались уличные бои. На следующий день продолжались бои лишь на окраинах, в Монастырщенке и Придаче. Ко 2 октября Воронеж был полностью в руках белых.

Принимал ли Лазарь Каганович участие в боях? Никаких определенных свидетельств на этот счет пока не найдено. Нами просмотрено довольно много воспоминаний 30-х годов о боях под Воронежем. Руководящая роль Кагановича при этом непременно подчеркивалась, но ни одного боевого эпизода с его участием и ни одного твердого утверждения о том, что он действительно воевал, в нашем распоряжении нет. И только в статье самого Кагановича о событиях 1919 года присутствует намек на участие в боях, да и то очень туманный. Естественно предположить, что Каганович отнюдь не рвался в бой. Во всяком случае, с приходом белых Лазарь с остатками ревкома оказался не в подполье и не на передовой, а в тылу, на станции Грязи. К югу от нее Мамонтов

взорвал мост, и на путях стояли без движения эвакуированные с юга составы. Ревком поселился в пустых вагонах. На постройку временного железнодорожного моста собирали крестьян со всего Грязинского района. Вели агитацию в проходивших через станцию красных войсках — выступали на вокзале, на путях и в вагонах. Ни типографии, ни бумаги не было, и ревком от случая к случаю выпускал стенные газеты — на найденных где-нибудь листах писали синим карандашом текст и вывешивали на видных местах. Чувство неизвестности постоянно тяготило местных жителей и солдат, и у стенгазет каждый раз собирались толпы.

Тем временем в Воронеже открытые белыми газеты «Народное слово» и «Воронежский телеграф» сообщали об «ужасах чрезвычайки», склоняли лозунги «На Москву» и публиковали приказ начальника гарнизона: «26 сентября (9 октября) 1919 года в 12 часов дня на кадетском плацу, по случаю выступления 3-го конного корпуса (ген. Шкуро) на Москву будет отслужено торжественное Господу Богу молебствие и произведен парад войскам корпуса». Ходили слухи о ночных развлечениях Шкуро в гостинице «Центральная» с вином и балеринами. Действовал военно-полевой суд. В Круглых рядах стояли виселицы с повешенными, которых по нескольку дней не снимали с веревок.

Вскоре началось контрнаступление красных, и 24 октября Каганович, по-прежнему находившийся на станции Грязи, получил известие от Буденного: Воронеж взят. К Лазарю уже приехали вызванные им из Нижнего Новгорода работники губкома. И пока их поезд еле двигался к Воронежу, в вагоне шло долгое совещание. В Графской стала слышна отдаленная канонада. На станции Отрожек остановились: оказалось, дальше ехать нельзя, взорван мост. Долго шли пешком. На окраине Воронежа ревкомовцев встретили военные на автомобилях и развезли их по местам. Комнаты советских учреждений стояли разгромленные и пустые. Никого из оставшихся в городе работников не встретили.

К ночи оказалось, что света в городе нет: то ли на электростанции не было дров, то ли произошла поломка. Утром на видных местах был развешан подписанный Кагановичем приказ ревкома: «Городу Воронежу и части Воронежской губернии пришлось пережить временное господство белогвардейских банд. Ныне, 24 октября 1919 года, город занят красными геройскими войсками…

1. Вся власть в городе и губернии принадлежит военнореволюционному комитету.

2. Город объявляется на осадном положении, всякие попытки

нарушения революционного порядка путем ли активных действий, путем ли распространения ложных слухов будут пресекаться в корне по всем строгостям революционных законов вплоть до расстрела…

4. Все фабрики, заводы, мастерские и учреждения должны немедленно приступить к работам, вся милиция обязана немедленно явиться в управление городской милиции…

Да здравствует славная Красная Армия, дающая возможность пролетариату строить новую коммунистическую жизнь!»[52]

Война уходила на юг. Туда же проследовал Реввоенсовет Южного фронта, членом которого был Сталин. Судя по всему, он должен был разговаривать с Кагановичем в октябре 1919 года, хотя было ли это их первым знакомством — сказать трудно.

В Воронеже была напечатана «Памятная книжка советского строителя», написанная Лазарем. Вероятно, это была первая его книга. Он дал название воронежской газете «Коммуна», сохранявшееся более сорока лет.

В конце лета 1920 года Каганович был направлен на работу в Ташкент. *«Я* ехал тогда из Москвы до Ташкента 23 дня, — вспоминал он впоследствии. — Мы жили тогда в голоде и холоде. Промышленность и сельское хозяйство были как на костылях, еще не были ликвидированы врангелевский и польский фронты… Я помню, как рубили тополя и парки на дрова. Не было хлеба, и жить было тяжело. Даже незначительная промышленность Ташкента не работала. Железнодорожный транспорт был развален, школы закрыты…»[53]

Прибыл Каганович в Ташкент как раз к 11 сентября — к открытию V съезда компартии Туркестана. Его выступление на съезде было посбящено национальному вопросу. Каганович стал членом Туркестанского бюро ЦК РКП(б), членом Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК, членом Реввоенсовета Туркфронта, наркомом Рабоче-Крестьянской инспекции Туркестана. Вдобавок 20 ноября 1920 года его избрали председателем Ташкентского горсовета. Совмещение множества постов было в ту пору обычным явлением, и многие партработники даже делали ошибки при перечислении своих «титулов»[54].

Обстановка в Средней Азии была напряженной: не так давно был свергнут хивинский эмир, а за неделю до приезда Лазаря — изгнан из Бухары эмир бухарский, до того дня сохранявший нейтралитет по отношению к советской власти. Война с ним затянулась более чем на год (пока он не ушел в Афганистан), а за это время оживились ферганские басмачи. Дорог и связи практически не было. Огромные пространства гор и пустынь накладывали свой отпечаток и на ведение войны, и на

гражданское управление. В партии числились целые кланы киргизов, узбеков, казахов, продолжавших исповедовать ислам, плохо знавших или совсем не знавших русский. Вдобавок начались переформирование и частичная демобилизация армии, хотя бои шли своим чередом.

Ташкент делился на «старый» (узбекский) и «новый» (европейский) город. Спокойствие здесь было чисто внешним. Женщин, откликнувшихся на призывы снять чадру, немедленно убивали.

Каганович часто ездил на заводы, часто выступал, говорил горячо и ярко, «не скрывая тяжелых моментов». Его беспокоило, что «среди пролетариата было очень мало узбеков»[55].

В феврале 1921 года на краевой конференции КПТ Каганович сделал доклад о профсоюзах — острая и злободневная тема того года, предмет горячей внутрипартийной полемики.

В начале марта 1922 года он совершил последнюю поездку из Ташкента в область — на Сырдарьинскую партконференцию. Теперь ему предстояла дорога в столицу. Только сейчас возвращался Каганович из атмосферы гражданской войны в подлинно мирные места, хотя назвать его настоящим фронтовиком, видимо, нельзя. Он в прошлом уже однажды приступал к работе в Москве, прибыв туда из Петрограда вместе со всем советским правительством в марте 1918 года. С той поры безжизненная столица ожила, политический курс внезапно повернул к нэпу, а перед самим Кагановичем открылись большие перспективы.

В ЦЕНТРЕ ПАРТИЙНОГО АППАРАТА

Назначение Кагановича в Туркестане не могло пройти мимо Сталина, который был в это время и наркомом по делам национальностей, и наркомом РКИ РСФСР. Во второй половине 1921 года заболел Ленин. Он все меньше занимался делами. В этих условиях отношения в политбюро стали обостряться, хотя борьба еще не носила открытого характера.

Как только Сталин был избран в апреле 1922 года генеральным секретарем ЦК РКП(б), он отозвал Кагановича из Средней Азии. Лазарь был поставлен Сталиным во главе организационно-инструкторского, а вскоре и организационнораспределительного отдела ЦК. Это была, вероятно, самая важная позиция в непрерывно расширявшемся аппарате ЦК. Через отдел, которым руководил Каганович, шли все основные назначения на ответственные посты в РСФСР и СССР. Ключевая роль «орграспреда» ни для кого в партии не была тайной. В печати даже появились товарищеские шутки на этот счет.

Сталин был жестким и грубым шефом, который требовал безоговорочного и полного подчинения. Пределы его власти были пока довольно узкими, и он нуждался в верных сторонниках. Каганович также обладал сильным и жестким характером. Но он не вступал в споры со Сталиным и сразу же показал себя абсолютно лояльным работником, готовым к выполнению любого поручения. Сталин сумел оценить эту лояльность, и Каганович вскоре стал одним из наиболее доверенных людей своеобразного «теневого кабинета», или, как выражаются на Западе, «команды» Сталина, то есть того личного аппарата власти, который Сталин стал формировать внутри ЦК РКП(б) еще до смерти Ленина. Лазарь Каганович быстро обогнал в партийной карьере своего старшего брата Михаила, который в 1922 году был секретарем уездного комитета партии в небольшом городке Выксе, а затем возглавил Нижегородский губернский совнарком.

Первая крупная кампания, пришедшаяся на этот период работы Лазаря в ЦК, была связана с широкомасштабным изъятием церковных ценностей, что официально мотивировалось необходимостью оказать помощь миллионам голодающих Поволжья. Методы проведения этой акции вызвали множество конфликтов верующих с властями. Затем началась кампания борьбы со взятками.

В 1923 году в столице были изданы две брошюры Лазаря — «Местное советское самоуправление» и «Как построена

ВКП(б)», — не претендовавшие на теоретическую новизну. Однако его имя получило несколько большую известность. Этому способствовали и довольно частые выступления Кагановича на разного рода партийных собраниях в Москве. Лазарь выступал на них как представитель ЦК, что придавало ему в глазах слушателей дополнительный вес, которым он ранее не обладал. На XII съезде партии он исполнял чисто техническую должность председателя мандатной комиссии; это, однако, дало Кагановичу возможность выступить перед съездом с официальным докладом, что было для молодого аппаратчика важным шагом вперед.

21 января 1924 года умер Ленин, давно уже выключенный болезнью из политической борьбы. Не сохранилось ни одной записки или письма Ленина с упоминанием о Кагановиче. Вероятно, вождь большевиков никогда не слышал о молодом честолюбивом партработнике.

Стояли сильные морозы. Через Дом союзов несколько дней и ночей подряд проходила траурная очередь. На улице хвост ее тянулся по Охотному ряду к церкви Параскевы Пятницы. Люди отходили греться к кострам, в аптеки и подъезды. Кто-то из журналистов назвал эту очередь самой длинной из всех немыслимых очередей революции. Скорее всего, Каганович отстоял ее вместе со всеми. И конечно, он был на Красной площади в то утро, когда тело Ленина помещали в наскоро сколоченный деревянный Мавзолей. Через 29 лет на этой же площади будут вносить в Мавзолей другого покойника, и Лазарь вновь будет участвовать в церемонии. А между теми и этими похоронами уместятся его самые жестокие дела и самый большой страх.

А пока ему помогали расти. Летом Каганович стал членом ЦК ВКП(б) и секретарем ЦК. Ему было всего лишь 30 лет.

Самые значительные, имеющие далекие последствия поступки в момент их совершения нередко представляются малозначащими и даже пустяковыми. Так, Каганович в конце 20-х — начале 30-х годов сыграл определенную роль в успешной карьере Хрущева, не подозревая, что, быть может, роет могилу сталинизму. В начале 20-х годов он совершил похожую ошибку: среди работников, подрабатывавших по совместительству вечерами в орготделе ЦК, Каганович подобрал будущего личного секретаря Сталина и технического секретаря заседаний политбюро Бориса Бажанова. Проработав в ЦК несколько лет, Бажанов в ночь на 1 января 1928 года перешел советско-иранскую границу и вскоре опубликовал на Западе воспоминания, которые сразу же были переведены на многие языки. Их прочли с острым интересом — не только зарубежная публика, но и Сталин.

Далеко не все в книге Бажанова заслуживает доверия, но некоторые факты и обстоятельства, связанные с «политической кухней» начала 20-х годов, стоит привести:

«На заседаниях оргбюро, — пишет Бажанов, — председательствует Молотов. В оргбюро входят три секретаря ЦК, заведующие главнейшими отделами ЦК Каганович и Сырцов, начальник ПУР… а кроме того, один-два члена ЦК, избираемых в оргбюро персонально…

Сталин и Молотов заинтересованы в том, чтобы состав оргбюро был как можно более узок — только свои люди из партаппарата. Дело в том, что оргбюро выполняет работу колоссальной важности для Сталина — оно подбирает и распределяет партийных работников: во-первых, вообще для ведомств, что сравнительно неважно, и во-вторых, всех работников партаппарата — секретарей и главных работников губернских, областных и краевых партийных организаций, что чрезвычайно важно, так как завтра обеспечит Сталину большинство на съезде партии, а это основное условие для завоевания власти. Работа эта идет самым энергичным темпом; удивительным образом Троцкий, Зиновьев и Каменев, плавающие в облаках высшей политики, не обращают на это особенного внимания. Важность сего поймут тогда, когда уж будет поздно»[56].

Но, как ни важна была работа, в которой участвовал Каганович, в словосочетании «секретарь ЦК» партия и народ пока лучше слышали слово «секретарь». Войти в политбюро было нужно через какую-то другую дверь.

ВО ГЛАВЕ УКРАИНЫ

В развернувшейся после смерти Ленина острой внутрипартийной борьбе Сталину было крайне важно обеспечить себе поддержку Украины — самой крупной после РСФСР союзной республики. По рекомендации Сталина именно Каганович был избран в 1925 году генеральным секретарем ЦК КП(б)У.

Несмотря на продолжавшийся неуклонный рост влияния Сталина, пост генерального секретаря даже в центре никто еще не воспринимал как пост № 1. Официальной табели о рангах не существовало, однако на всех совместных документах партии и правительства Украины подпись Кагановича неизменно стояла лишь третьей — после фамилий Петровского и Чубаря. И, например, на похороны Фрунзе в Москву ездил именно Петровский.

В те времена Каганович разделял распространенные в партии идеи и представления, оказавшиеся в дальнейшем несостоятельными. Ожидалось, что ближайшие крупные революционные потрясения произойдут на Востоке, в Азии. Советская пресса с большим и пристрастным интересом следила за неутихающей многосторонней Гражданской войной в Китае. Компартия Китая была еще слишком молода и не могла играть заметной роли в происходящем, но было очевидно, что во всех борющихся друг с другом китайских армиях основную силу составляет крестьянская беднота, и это порождало среди большевиков большие надежды на появление в скором будущем сознательного и сильного союзника.

1 ноября 1925 года, говоря о внешней политике, Каганович привел положительный факт: на основе противоречий между Японией и Америкой мы добились того, что Япония нас признала. Велики симпатии широких масс трудящихся Японии и СССР. Далее следовала оговорка: «Конечно, мы пока не требуем, чтобы Япония присоединилась к Союзу Советских Республик, мы люди скромные. На первое время мы согласились бы, чтобы японцы организовали советскую республику у себя, а потом уже включили ее и в наш союз». Многие зарубежные революционные и даже просто оппозиционные партии и движения казались тогда чуть ли не большевистскими, что дало Кагановичу повод в том же выступлении с оптимизмом заявить: «Вместе с революционным Китаем, вместе с революционной Индией мы, как говорил Ленин, являемся большинством населения и, значит, — являемся огромной силой»[57].

Перевод Кагановича из Москвы совпал по времени с первыми,

пока еще не договариваемыми до конца, но уже публичными взаимными выпадами между сторонниками Зиновьева и Каменева, с одной стороны, и сталинским руководством — с другой. Тот факт, что Зиновьев возглавлял ленинградскую партийную организацию, делал его позиции достаточно прочными: в Ленинграде работало 10 процентов от общего числа членов партии, к тому же город на Неве по-прежнему принято было считать «второй столицей»; мнение Ленинграда всегда имело особенный вес в партийной жизни.

Троцкистская «оппозиция» временно была забыта. Сам Троцкий предпочитал в сложившейся ситуации отмалчиваться. Для довольно многих рядовых партийцев положение могло представляться запутанным, но сторонники Сталина в ЦК, очевидно, не сомневались в успехе.

Каганович и на Украине проявил готовность к конфликту с любыми противниками укрепляющего свою власть Сталина. Он буквально рвался в бой, выделяясь среди самых преданных сторонников «линии ЦК». Не успев обвыкнуться в Харькове, он вновь едет в Москву на XIV съезд партии, где произошло решающее столкновение сторонников Зиновьева и Каменева с большинством ЦК. Один из оппозиционеров, М. М. Лашевич, опровергая обвинения в адрес оппозиции, заявил, что ЦК сам плетет интриги, в течение многих месяцев постепенно устраняя неугодных ему секретарей местных организаций: «Если хотите, выйдет Зорин и расскажет вам, как технически подготовлялось снятие секретаря из Иваново-Вознесенска… Технически ловко было подстроено. (Голос: „Каганович знает“). И Каганович знает, он вам тоже расскажет…»

В свой черед выйдя на трибуну, Каганович, действуя по принципу «сам дурак», отвечает: «Когда я слышал здесь речь тов. Лашевича, который говорил о лицемерии, я был возмущен лицемерием тов. Лашевича… Совершенно недопустимо на партийном съезде и является оскорблением партии, когда Лашевич… говорит: „махинации“, „комбинации“ и т. д. Может быть, тов. Лашевич, вы по себе судите, может быть, вы занимаетесь комбинациями, а ЦК… комбинациями не занимается».

Критику в свой адрес молодой вождь трактует как оскорбление партии. Со временем этот прием станет классическим и войдет в боевой арсенал многих наших политиков.

Ленинградская делегация, хотя и многочисленная, оказалась на съезде в изоляции. Случайно или нет, ленинградцев рассадили компактно справа от трибуны, и их противники, выступая, не без

удовольствия упоминали ту или иную реакцию ленинградцев — зиновьевцев: «возмущение товарищей справа», «аплодисменты товарищей справа». Слово «правый» было для большевиков, как и для всех российских революционеров, синонимом слова «враг». Оказавшись в явном меньшинстве, сторонники «новой оппозиции» не могли оказать никакого, реального влияния на принимаемые съездом решения.

Съезд стал большой победой Сталина и его тогдашних союзников. Кагановичу открывалось многообещающее будущее. На Новый год он вернулся в Харьков и погрузился в дела Украины всерьез и надолго. Тем временем в Ленинград отправилась авторитетная делегация ЦК, чтобы нанести Зиновьеву еще один удар.

Политическая обстановка на Украине складывалась крайне сложно. Гражданская война была здесь ожесточенной и продолжалась дольше, чем в иных местах; среди крестьян оставались очень сильными националистические настроения. Большевики опирались главным образом на промышленные районы Украины с преобладавшим там русским населением. Значительную часть кадров партия черпала и среди еврейского населения республики, которое видело в советской власти гарантию и защиту от притеснений и погромов, прокатившихся по еврейским поселкам в годы Гражданской войны. Далеко зашедшая русификация по-прежнему давала себя знать. Не менее половины студентов украинских вузов составляла русская и еврейская молодежь.

Основой национальной политики на Украине были два курса: на украинизацию, то есть поощрение украинской культуры, языка, украинской школы, выдвижение украинцев в аппарат управления и т. п., и курс на борьбу с «буржуазным и мелкобуржуазным национализмом». Провести четкую границу между этими двумя курсами, особенно в городах и промышленных центрах, было нелегко, и Каганович явно тяготел ко второму курсу: он был безжалостен ко всему тому, что казалось ему украинским национализмом.

Он любил повторять, что каждый украинец — потенциальный националист, и со временем благодаря ему в Кремле именно к украинцам стали относиться с особой подозрительностью.

Курс на украинизацию стал проводиться Кагановичем в высоком темпе и носил явную политическую окраску. Уже к февралю 1926 года (то есть через месяц после возвращения Кагановича со съезда партии) весь управленческий аппарат должен был завершить проверку на знание украинского языка. Служащим, не знающим языка, предлагалось выучить его в

течение трех месяцев; при этом если соответствующая комиссия решала, что служащий до сих пор не знает украинский язык по своей собственной вине, то на эти три месяца человека временно увольняли с работы.

В эти годы столкновение мнений и острая полемика, хотя и имели свои границы, но все же были делом обычным, и показной характер украинизации нередко подвергался открытой критике. К примеру, газета «Труд» писала 5 октября 1926 года в заметке «Украинизация для массы или масса для украинизации?» следующее: «Киевская опера, стоящая на третьем или четвертом месте среди всех оперных театров Советского Союза, в наступающем сезоне ПОЛНОСТЬЮ УКРАИНИЗИРУЕТСЯ. Вернее не полностью, а на 85 %, ибо из семи опер первого цикла 6 будет дано на украинском языке и 1 на еврейском. А на русском языке, на котором разговаривают 70 % рабочих семей Киева, не будет ни одной оперы. Хорошо бы еще было, если бы на украинском языке составили такие чисто украинские оперы, как „Черевички“, „Майскую ночь“ и „Гальку“. Но курьез именно в том и состоит, что ни одной из этих опер в 1-м цикле нет, но зато украинизируются „Мадам Батерфляй“, „Пророк“ и т. п. Украинские национальные вещи!»

Впрочем, не приходится сомневаться, что главной заботой Кагановича была та политическая борьба, центром которой являлась Москва.

В 1926 году впервые после революции не было съезда партии. До этого раза съезды собирались ежегодно. В этот год была проведена Всесоюзная партконференция, что казалось, видимо, не очень существенной подменой. Никто не мог предположить, что в свои права вступает долгосрочная тенденция, которая однажды приведет к 13-летнему перерыву между съездами. Каганович вновь находился в Москве и на одном из фото был запечатлен сидящим вместе с Углановым — молодым и перспективным, как тогда казалось, секретарем ЦК, недавно заслужившим расположение Сталина своей твердой антизиновьевской позицией. Позднее, спустя два года, выяснилось, что Угланов излишне принципиален, и он разделил судьбу остальных людей, обладавших этим «недостатком».

На Всесоюзной партконференции все противники Сталина, успевшие ранее обозначить себя в этом качестве, предпочитали не выступать. На четвертый день работы Рыков констатировал в своей речи, что представители оппозиции воздерживаются от выступлений, и заявил, что «партия должна знать: продолжает ли оппозиция оставаться на тех позициях, которые она только что отстаивала, или от них отказывается»[58]. Вслед за тем Сталин

выступил с большим специальным докладом об оппозиции, в котором изображал ее как беспринципный союз Троцкого с ярым критиком «троцкизма» — Зиновьевым.

В ответ с большой и крайне неудачной речью выступил Каменев. Выступление Зиновьева было более продуманным, но уже не могло поправить испорченное впечатление. После этого в числе других сторонников большинства ЦК выступил и Каганович. Он сказал: «Когда мы слушали речи т.т. Зиновьева и Каменева, то грусть охватывала нас, ибо мы до некоторого времени считали т.т. Зиновьева и Каменева вождями нашей партии, учившими нас ленинизму. В их речах не оказалось ничего цельного, я бы даже сказал, ничего принципиально выдержанного, ничего, кроме повторения, поддакивания ошибкам троцкизма. А Троцкий выступил с новой защитой всей своей оппозиции… Их путь — путь обирания крестьянства — гибельный путь. Совершенно не случайно, что матерый меньшевик Дан, приветствуя съезд австрийской социал-демократии в Линце от имени „нелегальной социал-демократии России“, заявил: „Наша критика большевизма только что получила подтверждение не от кого иного, как со стороны наиболее компетентных в этом вопросе представителей старой большевистской гвардии“. Вот вам, т.т. Зиновьев, Каменев и другие, поцелуй от Дана. (*Смех. Голоса:* „Позор!“)…Мы требуем от оппозиции, чтобы она не только отказалась от фракционности, но чтобы она отказалась от тех взглядов, которые породили ту безумную, преступную политику разложения нашей партии… Партия не позволит играть словечками о версальском договоре и вести подготовительную работу к реваншу…»[59]

Фиаско группы Троцкого — Зиновьева на партконференции было легкопредсказуемым и имело прежде всего психологическое значение, снизив и без того подорванное влияние прежних лидеров партии. Каганович возвращался к повседневной работе как важная фигура, подтвердившая свою правоту и свой вес.

У него происходили частые конфликты с председателем СНК Украины В. Чубарем. Не уступая Кагановичу в весе и габаритах, Чубарь отличался от него не только взглядами, но и характером. Это был уравновешенный, спокойный и вежливый человек, никогда ни на кого не повышавший голоса, немногословный, ценивший и поощрявший самостоятельность и инициативу подчиненных.

Одним из наиболее активных оппонентов Кагановича был также член ЦК КП(б)У и нарком просвещения Украины А. Я. Шумский. Последний в 1926 году добился приема у Сталина и настаивал на отзыве Кагановича с Украины. Хотя Сталин и

согласился с некоторыми доводами Шумского, но одновременно поддержал Кагановича, направив специальное письмо в политбюро ЦК Украины.

Имел место и конфликт Кагановича с секретарем Харьковского (столичного в то время) окружкома КП(б)У, членом партии с 1910 года К. О. Киркижем. В декабре 1925 года К. О. Киркиж был избран в политбюро, оргбюро и секретариат ЦК компартии Украины, но менее чем через год, в ноябре 1926 года, переведен на другую работу, а еще через два месяца отправлен на работу в Узбекистан. Спустя пять лет К. О. Киркиж погиб в автомобильной катастрофе[60].

Возможно, какой-то отзвук всех этих раздоров присутствовал в выступлении Кагановича на Всеукраинском съезде Советов в апреле 1927 года.

«Т. Каганович читает заметку из газеты „Русь“. Под строгим заголовком „Независимость Украины“ белогвардейцы пишут, что в Харькове на съезде Советов будет обсуждаться вопрос о независимости Украины и создании национальной армии.

Весь съезд хохочет. А тов. Каганович говорит:

— Глупые сплетни. Они не знают, что независимость Украины уже провозглашена с начала Октябрьской революции…

Т. Каганович читает далее отрывок из белогвардейских газет о том, что сепаратизм развивается на Украине, что контрольная комиссия с Затонским во главе борется с сепаратизмом в партии, что к Петровскому приставили надежных чекистов. Зал трясется от смеха, когда т. Каганович говорит:

— Вы видите — 95 чекистов в президиуме окружают Петровского, а здесь, в зале — сотни делегатов — тоже надежные чекисты…»[61]

Влияние Кагановича неуклонно возрастало. При любых разногласиях между Москвой и Харьковом он становился на сторону Москвы. Украина поставляла другим республикам и регионам уголь, металл, пшеницу, сахар, спирт. Естественно, в украинском руководстве возникла идея — часть поставок направить на экспорт. Каганович в резкой форме выступил против, вновь козыряя обвинениями в национализме и лишь мимоходом поминая (но не обосновывая) «экономическую несостоятельность» развития связей с мировым хозяйством.

В своих действиях и речах он всегда шел от общих установок к конкретным фактам и делам, а не наоборот. В его представлении лозунги были высшей реальностью, а житейские нужды и проблемы — чем-то производным. А проблем хватало, и не только экономических. По Украине каждый год от лета до лета гуляла эпидемия скарлатины, в 1927 году добавился брюшной

тиф. Тогда же произошло сильнейшее землетрясение в Крыму, сопровождавшееся человеческими жертвами. Десятки тысяч людей остались без крова. Крым был тогда отдельной союзной республикой. В Харькове был образован Всеукраинский комитет помощи Крыму, Петровский подписал специальное обращение к украинским трудящимся с призывом о помощи. По-видимому, Каганович совершенно не участвовал в подобных, не имевших идеологического оттенка, делах.

Он усмотрел национализм в произведениях писателя М. Хвылевского, но вновь столкнулся с возражениями Шумского. Оппоненты Кагановича нашли поддержку в литературных кругах, а также в компартии Западной Украины. Эта партия действовала на территории Польши, но руководство ее находилось в СССР. Разгорелся острый конфликт. Каганович дошел до обвинений КПЗУ во вредительстве, а на одном из заседаний политбюро ЦК КП(б)У цинично заявил, что не знает, на чьей стороне в случае войны против СССР будет КПЗУ[62]. В результате Шумского перевели с Украины в другое место, часть руководителей КПЗУ арестовали, и о положении в этой партии была принята резолюция Исполкома Коминтерна, пространная и решительная: «КПЗУ должна повести борьбу со всякими шатаниями в национальном вопросе и, прежде всего, с опасностью украинского национализма».

Лазарь в 1927 году очень много ездил и часто выступал. Он объехал 10 приграничных округов (Волынь, Бердичев и др.), повсюду затрагивая одни и те же темы: обострение международной обстановки, борьба с оппозицией Троцкого — Зиновьева, украинизация и борьба с национализмом.

Центральное место, безусловно, занимал вопрос о партийной оппозиции. В конце года предстоял очередной съезд партии, и обе стороны понимали, что нынешняя схватка может оказаться последней. По указанию Москвы повсеместно организовывались «парттройки» для разбора персональных дел оппозиционеров. Исключения из партии следовали одно за другим. Появились и публичные заявления о разрыве с оппозицией. Раскаявшихся с легкостью принимали обратно в партию: в Гражданскую у всех большевиков были не только общие идеи и враги, но и общий риск, а это придавало человеческим отношениям оттенок, характерный для окопного братства. Поэтому даже исключенного оппозиционера на эмоциональном уровне многие еще воспринимали как «своего», и лидерам приходилось считаться с такими настроениями.

13 октября ЦК комсомола Украины исключил из организации 17 фракционеров, днем раньше в Москве из партии исключили

видных большевиков Е. Преображенского, Л. Серебрякова и Я. Шарова «за организацию нелегальной антипартийной типографии в союзе с беспартийными буржуазными интеллигентами»[63]. Такова была обыденная практика.

27—28 октября пленум украинского ЦК обсуждал республиканский пятилетний план. Каганович отмалчивался. Собравшиеся приветствовали исключение Троцкого и Зиновьева из ЦК ВКП(б) — известие об этом пришло на днях из Москвы. С этого дня для Кагановича началась длинная череда выступлений в районных организациях Харькова и в разных городах Донбасса.

День 7 ноября в Москве был отмечен не только военным парадом и докладом Бухарина в Большом театре, но и крупной демонстрацией сторонников оппозиции, закончившейся при встрече с официальной демонстрацией уличными потасовками. В Харькове празднество прошло довольно чинно: комсомольские батальоны в полувоенной форме промаршировали мимо деревянной трибуны, руководители республики выкрикивали лозунги в микрофон. На улицах Киева была разыграна инсценировка восстания завода «Арсенал» в 1917 году. Коминтерн обратился с воззванием ко всем трудящимся и угнетенным народам мира; в нем были, в частности, и слова о «советской крепости мирового пролетариата» и «восстании трудящихся во всем мире».

Харьковская газета «Пролетарий», рассказывая о праздновании, поместила фотографию, на которой Каганович оказался на первом плане, а остальные руководители республики — чуть сзади. Подпись была соответствующей: «Т. Каганович приветствует демонстрацию»[64]. До этого момента украинская пресса не выделяла своего генерального секретаря. Но теперь, на протяжении ноября, Каганович все увереннее и определеннее претендовал на первое место среди украинских большевиков. На состоявшемся в этом месяце съезде компартии Украины он выступил с главным докладом — отчетом ЦК, — тогда как Петровский делал доклад о сельском хозяйстве. Необычным было также и то, что один человек (Петровский) открывал съезд, а закрывал — другой (Каганович). По окончании съезда Каганович оказался единственным человеком, избранным во все три исполнительных органа (политбюро, оргбюро, секретариат) ЦК КП(б)У.

В ноябре, в последние недели перед съездом в Москве, конфликт с оппозицией обострился до предела. Сторонников Зиновьева и Каменева на Украине почти не было, зато троцкистов насчитывалось довольно много, особенно в Киеве, Николаеве и Одессе. Из Москвы приехал видный оппозиционер Христиан

Раковский, только что снятый с поста полпреда СССР в Париже. Он проводил собрания оппозиции в Харькове и Запорожье и попытался выступить в Харьковском горсовете. Недоброжелательно настроенный зал стал его освистывать, сгонять с трибуны. Тогда Раковский обратился к иностранным крестьянским делегациям, присутствовавшим на заседании: «Смотрите, как здесь, у нас, можно СВОБОДНО высказываться представителям рабочего класса. Это социал-фашизм»[65]. Впоследствии эти слова без конца ставились в вину Раковскому и Кагановичем, и другими политическими противниками. Любые апелляции к иностранцам уже считались недопустимыми. Из известных оппозиционеров кроме Раковского на Украине побывали Вуйович и Смирнов. Сторонники ЦК, со своей стороны, провели около 900 собраний, принявших резолюции в их пользу.

Каганович ездил и выступал непрерывно. В Луганске его застала секретная телеграмма, предлагавшая всем членам ЦК ВКП(б) высказаться «за» или «против» исключения Троцкого и Зиновьева уже из партии, а не только из ЦК. Им инкриминировалась организация контрдемонстрации на октябрьские праздники. Тем самым, очевидно, Сталин, Бухарин, Рыков и их союзники предрешали исход борьбы за две недели до съезда. И сам способ голосования, навязанный членам ЦК, был явно лукавым и опасным. Каганович, не колеблясь, дал телеграмму в поддержку исключения лидеров оппозиции[66].

Каганович отлично уловил, куда дует ветер, и бил все рекорды враждебности к бывшим партийцам. Он один, раньше всех, потребовал их физического уничтожения. Так, говоря о рабочем движении, он заявил: «…Когда мы с величайшими трудностями и лишениями добрались только до середины горы… появились в армии отдельные единицы, которые начали разлагать ее… Если эти единицы будут продолжать в великой армии свою раскольническую работу, перед нами останется один путь, один выход: сбросить их с этой горы вниз, в бездну, пусть погибает один, зато останется твердая крепкая армия»[67].

Аргументация Кагановича неизменно сводится к старинной идее: «Кто не с нами, тот против нас». В 1927 году Лазарь не произносил это открытым текстом, но 10 лет спустя центральная печать даже выносила эту фразу в заголовки. А пока Каганович лишь разъяснял заветную мысль применительно к конкретной ситуации: «Буржуазия и меньшевики поддерживают оппозицию потому, что, разлагая партию, оппозиция делает их дело… Все честные элементы, которые сейчас поддерживают оппозицию, должны понять, куда она их ведет, и вовремя одуматься. Наступит жестокое похмелье. Если бы мы сделали то, чего

добивается оппозиция, то мы бы разбазарили все завоевания Октября и заварили бы такую кашу, которую пришлось бы расхлебывать в крови. Революция дает два выбора: либо партия, либо контрреволюция. Среднего быть не может»[68].

Иной раз речь Кагановича прямо-таки дышит ненавистью к свободе и правам человека: «Мы имеем и рост реакционных настроений со стороны нэпманских и кулацких элементов. Они наглеют, они требуют свобод… И в пролетариате есть отдельные круги и отдельные группы, которые подвержены мелкобуржуазному влиянию… Мелкобуржуазная стихия прет, она хочет свободы, ей душно в диктатуре пролетариата, которая не дает ей свободы слова, свободы собрания… Вот почему оппозиция, когда она выдвигает лозунг свободы… является по существу организатором контрреволюционных сил»[69]. Пушкин утверждал, что слова поэта — его дела.

В неменьшей степени это справедливо и для политического деятеля. Если бы Каганович только дрался и оскорблял окружающих, он был бы примитивным грубияном и не оставил бы следа в истории. Самые страшные преступления были им совершены не своими руками, но посредством написания, подписания и произнесения тех или иных слов.

Как оружие политической борьбы он рассматривал и «октябрьский призыв» в партию, проводившийся в связи (а вернее — в увязке) с юбилеем. Каганович говорил: «Мы должны… за неделю, за две организовать активное вовлечение в партию»[70], — мотивируя это необходимостью противостоять активности оппозиции, ищущей поддержки у беспартийных, собирающей подписи в поддержку своих лозунгов. Но по другому поводу он не стеснялся изобразить массовый приток в партию как стихийное явление, проводя аналогию со столь же «стихийным» призывом 1924 года: «Несколько часов, когда умер Ильич, мы переживали период упадка, но вдруг у нас появилась могучая волна подъема. Первым ответом трудящихся на смерть Ленина был ленинский набор»[71]. Эта спонтанность и даже внезапность («вдруг») притоков в партию не мешала Кагановичу во вполне застойно-разнарядочном духе рассуждать о должном или не должном проценте принятых женщин, батраков, рабочих со стажем свыше 5 лет и так далее[72].

Тема «международной обстановки», по 10-летней традиции превалировавшая в политической пропаганде, лишь изредка отступая на второе (но иногда — на третье) место, тоже обыгрывалась Кагановичем в интересах внутренней борьбы: «Может показаться противоречивым наше утверждение, что у нас растут социалистические элементы нашего хозяйства. И

одновременно с этим происходит обострение международного положения и нашей внутрипартийной борьбы… Ничего противоречивого здесь нет. МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОСТРЕНИЕ ЕСТЬ РЕЗУЛЬТАТ ИМЕННО НАШЕГО РОСТА… ОСНОВНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ОППОЗИЦИИ заключается в том, что она отрицает, будто обострение нашего международного положения есть результат нашего роста… Мы с вами… будем идти вперед через трупы врагов до конца, до полной победы коммунизма во всем мире. *(Шумные аплодисменты, переходящие в овацию.)*»[73]. Эти слова были произнесены на партконференции Украинского военного округа.

Судя по всему, политика украинизации тоже была призвана служить прежде всего победе над оппозицией. Правда, с 1922 по 1927 год число украинских школ возросло с 6150 до 15148, а украинских литературных журналов — с 3 до 8[74]. Но возможно, это был всего лишь побочный эффект совсем иного замысла. Обращает на себя внимание тот факт, что Каганович, занимавшийся делами Украины и в 20-х, и в 40-х годах, больше никогда не заботился об украинизации и вообще не поднимал этот вопрос, а также не подчеркивал опасности великорусского шовинизма, что было для него характерно в 20-е годы (с меньшим напором он возражал против украинского и еврейского шовинизма, а об остальных национальностях в этом контексте не упоминал).

Говоря об украинизации, Каганович неизменно делал ударение на украинизацию партии. К его приходу украинцев в КП(б)У было немного меньше половины, причем в аппарате процент украинцев был еще ниже, чем в партии в целом. В 1927 году доля украинцев и в партии, и в аппарате превысила 50 процентов. От остальных Каганович настойчиво требовал выучить украинский язык. Сам он владел им свободно (возможно, с детства), делал на украинском доклады.

Если где-нибудь в Твери или Чите для удаления неугодного деятеля требовалось подыскивать повод, то на Украине Каганович мог заменить большинство работников, просто отметив незнание (или недостаточное знание) языка. Не зря против лозунга украинизации возражали Ларин и Зиновьев.

Итак, в декабре 1927 года в Москве прошел XV съезд партии. Оппозицию уже не били, а добивали. Рыков с иронией заявлял: «Товарищи, т. Каменев окончил свою речь тем, что он не отделяет себя от тех оппозиционеров, которые сидят теперь в тюрьме… Я не отделяю себя от тех революционеров, которые некоторых сторонников оппозиции за антипартийные и антисоветские действия посадили в тюрьму. *(Бурные аплодисменты, крики*

„ура“.)»[75]. На этом столичном фоне Каганович выделялся не столько своими нападками на оппозицию, сколько постоянными упоминаниями Сталина. Выступавшие не восхваляли Иосифа Виссарионовича, да и вообще не упоминали о нем. Это было не в обычае. К тому же даже беспринципные подхалимы не могли бы с первого взгляда определить, предстоят ли в будущем столкновения, например, Сталина с Бухариным, и если да, то чем они закончатся. Делать окончательную ставку на кого-то одного было все еще рано. Каганович подстраивался под общий тон и, когда бывал в глубинке, имя Сталина в выступления не вставлял; а в важных докладах в Харькове или в Москве произносил слово «Сталин» обязательно, но только один раз за одно выступление и как бы вскользь, между прочим. Аудитория не могла ничего заметить, а сам Сталин должен быть заметить непременно. Так и на XV съезде: в речи Кагановича проскочила фраза: «Прав тов. Сталин — нет у нас еще полного стопроцентного благополучия»[76]. Неделей раньше, на съезде украинском, этот прием был исполнен так: «Оппозиция пытается всегда доказать, что у нас все делается по наказу верхушки и, в частности, Сталина. Эта ложь целиком опровергается теми фактами, которые мы имеем… Мы сделали все за последние 2 года, чтобы спасти оппозицию. Кое-кого ЦК спас. Некоторые товарищи, которые пошли было с Троцким, пришли к партии. Например, т.т. Николаева, Бадаев, Сокольников, Крупская»[77]. Сказано вроде бы не о Сталине…

В начале съезда Каганович был впервые избран в президиум; в конце — стал кандидатом в члены политбюро (вместе с Петровским и Чубарем). В новом составе ЦК был и противник Кагановича Киркиж.

Уже после отъезда Кагановича в Москву, в 1928 году, В. Я Чубарь, выступая на объединенном заседании политбюро ЦК и Президиума ЦК КП(б)У, таким образом характеризовал обстановку, созданную Кагановичем в партийном руководстве Украины: «Взаимное доверие, взаимный контроль у нас нарушались, так что друг другу мы не могли верить… Вопросы решались за спиной Политбюро, в стороне… Эта обстановка меня угнетает»[78].

К Сталину приезжали Г. Петровский и В. Чубарь с просьбой об удалении Кагановича. Сталин вначале сопротивлялся, обвиняя своих собеседников в антисемитизме, но все же в конце концов возвратил Кагановича в Москву. За время работы на Украине Лазарь успел издать книжку «Два года от IX до XI съезда КП(б)У».

«Вместо Кагановича к нам на Украину был прислан товарищ Косиор, — вспоминал Н. С. Хрущев. — В Киеве меня считали

близким Кагановичу человеком, а это так действительно и было… Косиор был довольно мягкий, приятный человек. Я бы сказал, что в отношениях с людьми он был выше, чем Каганович, но как организатор он, конечно, уступал Кагановичу. Каганович — более четкий и более деятельный. Это — буря. Он может и наломать дров, но непременно решит задачу, поставленную Центральным комитетом. Он был более пробивной, чем Косиор»[79].

Как мы увидим ниже, Каганович еще много раз приезжал на Украину со срочными заданиями, и многие трагические события и повороты в жизни республики совершались под его руководством и в те годы, когда формально он к Украине отношения не имел.

ВНОВЬ В МОСКВЕ

Вернувшись в Москву, Каганович снова стал секретарем ЦК партии, а также приступил к работе в Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин), уже знакомой ему по Туркестану. Нет оснований предполагать, будто Сталин остался недоволен его деятельностью на Украине.

К этому времени Рабкрин проявлял особую активность в преследовании «бывших людей», «осколков разгромленных классов», добиваясь увольнения их с работы, что, как правило, означало и лишение средств существования, так как уровень безработицы был весьма высок. Под удар попадали не только бывшие дворяне или капиталисты, но и все государственные служащие царской России, вплоть до простых регистраторов. Если обнаруживалось, что на каком-либо заводе, железнодорожной станции или в магазине рядом работают несколько «бывших людей», это расценивалось как заговор против советской власти, и в некоторых случаях дело доходило до смертной казни «виновных». При этом не имело никакого значения, насколько хорошо работают «бывшие». Например, некоторые монастыри были преобразованы в колхозы, сохранив за собой часть земель и построек. В них жили и работали те же монахи, что и до революции, официально называвшиеся теперь «колхозниками». Несмотря на то что власти на местах чаще всего были довольны работой таких «колхозов» и даже называли их образцовыми, после вмешательства Рабкрина такой практике был положен конец.

И хотя Рабкрин достаточно решительно и резко выступал по конкретным вопросам и против руководителей-коммунистов, главной его заботой было то, что считалось «классовой борьбой».

Лазарь обладал теперь несравненно большим опытом, а главное — зарекомендовал себя ревнивым и опасным сталинцем, способным самостоятельно побеждать неугодных, точно угадывать желания Хозяина и бескомпромиссно проводить их в жизнь. Он был уже проверен в больших делах и представлял собой весьма ценную для Сталина фигуру.

Москва переменилась мало. На кремлевских башнях еще красовались двуглавые императорские орлы. Тут и там проглядывали старорежимные черты и обычаи. Дискуссии и ссоры 20-х годов еще не отшумели, а многие думали — не отшумят никогда. Еще попадались в городе нэпманы, а в деревне — коммуны. Работал политический Красный Крест. Маяковский свободно ездил в Париж.

Первое время в политической жизни столицы Каганович был незаметен, да и пост секретаря ЦК многими все еще не воспринимался как особо важный — по старой памяти. Важнейшим его делом становилась борьба с инакомыслием в партии. 24 сентября 1928 года на заседании оргбюро ЦК ВКП(б) под председательством Кагановича в острокритическом духе обсуждалась работа Краснопресненского райкома Москвы, глава которого М. Н. Рютин не проявил должного рвения в связи с начинавшейся травлей пока еще анонимных «правых». В течение двух недель последовало еще несколько заседаний за закрытыми дверями, на которых Рютина обвиняли в «примиренчестве». В итоге он был снят со своего поста. Спустя восемь лет непокорного Рютина расстреляют[80].

В конце 1928 года Каганович «всплыл» в президиуме съезда рабселькоров. Впрочем, всесоюзные съезды, слеты и т. д. были еще очень частыми и будничными. В Москве одновременно проходили в различных залах три-четыре подобных мероприятия. Открыла съезд рабселькоров Мария Ульянова; с сообщением о «текущем моменте» — обязательная в те годы тема — выступил Бухарин. Каганович вообще не выступал.

В конце декабря он в качестве представителя Рабкрина участвовал в VIII съезде профсоюзов. На этот раз в президиум Каганович не попал, зато выступил в прениях. Скромное это выступление было посвящено рационализации производства и прошло незамеченным. В конце съезда Кагановича как представителя Рабкрина избрали в ВЦСПС, а на первом же его пленуме — в Президиум ВЦСПС, состоявший из 20 членов и 74 кандидатов, последним среди которых значился «Бочинин, пионер московской организации»[81].

Тут с Кагановичем произошла малозаметная, но важная и любопытная метаморфоза. Попав в Президиум ВЦСПС, он вдруг превратился из «представителя Рабкрина» в «представителя ЦК ВКП(б)». Неизвестно, кто и каким образом произвел подтасовку статуса, но перемена была большая. Каганович занял совершенно особенное положение в Президиуме ВЦСПС. Глава профсоюзов и член политбюро Томский не участвовал в текущей работе Президиума. Ее организовывал и вел секретарь ВЦСПС Догадов. Каганович занимал второе по значению место после Догадова. Но в отличие от него и других членов Президиума, Каганович ни разу не принял участия ни в одной временной комиссии из тех, что во множестве образовывались для решения разных вопросов; он также не готовил никаких докладов для ежедневных заседаний. А через месяц после избрания стал пропускать многие заседания.

Лишь 26 февраля 1929 года, при обсуждении острейшего вопроса о последствиях «Шахтинского дела», Каганович впервые выступил в прениях на Президиуме ВЦСПС.

Рассмотрение вопроса о «Шахтинском деле» ярко и выразительно иллюстрирует, как работал Президиум ВЦСПС в год Великого перелома.

Судебный процесс о «вредительстве» инженеров Донбасса — «Шахтинское дело» — проходил летом 1928 года. В сравнении с московскими процессами 1936–1938 годов он был длительным и не слишком громким. По его окончании ВЦСПС разослал во многие города Союза комиссии с целью установить, имеется ли в работе профсоюзных организаций на местах надлежащий благотворный эффект «Шахтинского дела». Сама постановка вопроса означала, что карательные меры всерьез рассматриваются как инструмент развития общества.

Комиссии обследовали рабочие казармы, больницы, бани и т. д.; беседовали с рабочими и проводили совещания. В итоге 26 февраля Президиуму была предъявлена поразительная докладная записка — в связанных с нею бурных прениях и выступил Каганович[82].

«Везде рабочие и местные организации, — говорилось в докладной, — ждут решений и мероприятий центра, везде спрашивали, „какой толк будет от проверки“… После „Шахтинского дела“ во многих предприятиях Донбасса союзные органы стали несколько быстрее реагировать на материально-бытовые запросы рабочих и несколько энергичнее предъявлять свои требования хозорганам».

В докладной с удовлетворением констатировалось, что «в ряде мест специалисты жаловались на то, что их слишком часто стали судить за несчастные случаи, что косвенным образом подтверждает более энергичное реагирование союзных органов». (Здесь имеются в виду профсоюзные органы.)

Но оказывается, что чуда в результате «Шахтинского дела» не произошло: «Методы руководства не изменились. По-прежнему преобладает бумажная связь. Инструкции и циркуляры также не уменьшились… Не уменьшилось число всяких заседаний».

Констатируется «усталость части профработников от истекшей полосы самокритики».

Но самое яркое и печальное место в докладной — это описание отношений, сложившихся после «Шахтинского дела» между рабочими и техническим персоналом. В документе много раз употребляется бывшее в то время в ходу слово «спецеедство», обозначавшее отрицательное отношение к специалистам и связанные с этим явления и происшествия.

«Даже сами специалисты считают, что спецеедства как массового явления — нет, — оптимистично начинается эта тема в докладной. — Отношения рабочих и специалистов удовлетворительные».

И тут же эти удовлетворительные отношения обрисованы подробно.

«…Случаи проявления спецеедства после „Шахтинского дела“ не уменьшились. Не уменьшились и случаи физической расправы над отдельными специалистами… Новое (помимо спецеедства) явление, характеризующее происшедшие изменения во взаимоотношениях рабочих и специалистов после „Шахтинского дела“, заключается в том, что рабочие более критически и с большим недоверием относятся к мероприятиям административно-технического персонала. Часто простую ошибку техн. персонала рабочие расценивают как вредительство, контрреволюцию, называя тех. персонал „шахтинцами“, „шанхайцами из сетельмента“ или просто вредителями… Особенно это имеет место в Донбассе».

Единственный раз в этой большой записке упоминается о том, что таково отношение к специалистам не только рабочих, но «и даже ответработников».

«…У специалистов упадочное настроение, которое выражается в стремлении свалить с себя ответственность на своих помощников-иждивенцев и на производственные совещания, в замкнутости и в отношении к труддисциплине в том смысле, что техперсонал стал менее требователен к рабочим, слабее, а местами и вовсе не применяет правил внутреннего распорядка… В результате на многих предприятиях, особенно Донбасса, имело место ослабление труддисциплины».

Казалось бы, не может слышавший все это человек быть сторонником репрессивных методов развития экономики — Каганович смог. Но продолжим цитату:

«Падение дисциплины… выражается в новых явлениях… Не столько увеличились прогулы по неуважительным причинам — наоборот, на ряде предприятий есть даже уменьшение этих прогулов… выросло потребление рабочими спирта (в Сталинском округе в этом году продано спирта в два раза больше прошлого года). Сильно распространилась картежная игра… Наблюдаются частые случаи появления рабочих в грязном виде на производстве, а также и драки на производстве, чего не было раньше… Прибавилась новая причина — различные очереди: за хлебом, за водой, за мясом, в больнице и даже… в уборной».

И, наконец, уже в полном противоречии с утверждением об удовлетворительных отношениях говорится: «Чуть ли не каждый

шаг техперсонала расценивается как „Шахтинское дело“. Рабочие говорят, что „Шахтинское дело“ „продолжается“, „Шахтинское дело“ еще будет, как было до „Шахтинского дела“, так и теперь. Среди отдельных рабочих проскальзывают нотки отчаяния: „как будто мы осуждены на всю жизнь только и говорить о неполадках“… Летом по всему Донбассу проводились широкие производственные совещания… были приняты громадные резолюции о мерах по устранению выявленных неполадок, но все эти резолюции не проводятся в жизнь…»

Президиум ВЦСПС после небывало долгого обсуждения сложившегося положения принял спокойную резолюцию, не содержавшую никаких идей, кроме усиления воспитательной работы и вовлечения масс в производственные совещания[83]. Этот случай показывает, что Каганович — как и другие высокопоставленные лица — был достаточно хорошо осведомлен об отрицательных последствиях террора в экономике, и объяснять принимавшиеся решения неведением нет оснований.

Чем еще занимались профсоюзы?

Занимались «чисткой» библиотек (60 процентов библиотек в стране принадлежали профсоюзам) — уничтожались религиозные книги, книги с портретами царей и т. д. Уничтожение книг сопровождалось обвинением библиотекарей: «Библиотечные работники, в значительной своей части выходцы из интеллигентских слоев, стоят в стороне от политических задач рабочего класса… среди библиотечных работников есть и ПРЯМЫЕ КЛАССОВЫЕ ВРАГИ, использующие библиотеку в качестве орудия контрреволюционной деятельности…» — писала, например, газета «Труд»[84].

Кроме того, профсоюзы заботились и об организации демонстраций. Городские организации подробно инструктировали предприятия, как построить колонну, кто за кем пойдет и что будет демонстрировать; не забывали напомнить: «Изготовить различные украшения, лозунги, политигрушки…»[85]

Впрочем, до политигрушек у Лазаря руки не доходили. Молодой и напористый секретарь ЦК был нацелен лишь на то, что имело значение для борьбы за власть в партии и государстве. Сталин теперь наступал на новом фронте, против недавних союзников — членов политбюро: Бухарина, Рыкова, Томского. В открытой печати публиковались сообщения из разных уголков страны о борьбе с «правыми» на местах, но кого имеют в виду под этим словом в центре — было известно лишь посвященным. Попавшие под удар члены политбюро довольно резко спорили со сторонниками Сталина, но избегали каких-либо действий и жестов, которые могли бы быть истолкованы как сколачивание

оппозиции. Они, очевидно, сделали выводы из поражения Троцкого и Зиновьева, но все равно проигрывали раз за разом, так как соотношение сил было явно неравным. И все-таки поводы для обвинений «правых» приходилось выискивать не без труда. Разыгрывали как козырную карту факт разговора Бухарина с Каменевым тет-а-тет, что вполне сошло бы в 1937 году, но для 1929-го было неловкой натяжкой. Сталин не ввязывался в полемику, отводя роль «экстремистов» своим приверженцам.

И здесь Каганович был впереди. В апреле 1929 года на пленуме ЦК партии он выступил как главный обвинитель «правых». На другой день Бухарин ответил ему очень длинной речью, без стеснения вскрывая двуличие Сталина, Молотова и др. Его постоянно перебивали Орджоникидзе, Каганович, Микоян, Рудзутак — что вызвало со стороны Бухарина реплику: «Я не люблю, когда другие КРИЧАТ И МЕШАЮТ МНЕ ГОВОРИТЬ. Нужно все-таки вам УСПОКОИТЬСЯ И НЕ ВПАДАТЬ В ПАНИКУ! И не нужно, тов. Каганович, скрывать громким деревянным смехом своего глубокого смущения! (*Смех.*)»[86]. Фраза насчет паники дословно повторяла недавние антитроцкистские лозунги, что, очевидно, и смутило Кагановича.

Ранее на этом же пленуме Куйбышев подтверждал и развивал теорию обострения классовой борьбы по мере строительства социализма. Бухарин же заговорил об этой теории с иронией: «Она смешивает известный временный этап обострения классовой борьбы — один из таких этапов мы сейчас переживаем — с общим ходом развития… По этой странной теории выходит, что чем дальше мы идем вперед в деле продвижения к социализму, тем больше трудностей набирается, тем больше обостряется классовая борьба, и у самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть Гражданскую войну, или подохнуть с голоду и лечь костьми.

КАГАНОВИЧ. Не делайте шаржа из речи тов. Куйбышева. *(Шум.)*»[87].

Обмен выпадами продолжался. Бухарин говорил: «Вчера тов. КАГАНОВИЧЕМ была вытащена залежавшаяся в троцкистском мусоре клевета о бухаринской „теории мирного врастания кулака в социализм“. Это, с позволения сказать, „обвинение“^ было впервые пущено ТРОЦКИСТСКОЙ ОППОЗИЦИЕЙ… Вчера с этим же обвинением выступил здесь тов. Каганович и был сфотографирован на месте преступления. Итак, на чем основывала троцкистская оппозиция свою клевету?.. Они, по Троцкому, стали опираться на то место, которое я сейчас зачитаю и которое тов. Каганович вчера здесь приводил, УМЫШЛЕННО НЕ ДОЧИТАВ ЦИТАТУ ДО КОНЦА. У меня сказано было:

„Таким образом, основная сеть наших кооперативных крестьянских организаций будет состоять из кооперативных ячеек НЕ кулацкого, а ТРУДОВОГО типа, ячеек, врастающих в систему“.

КАГАНОВИЧ. Врастающих в систему?

БУХАРИН. Я все прочту, тов. Каганович, я не жульничаю с цитатами, как вы, тов. Каганович!

КАГАНОВИЧ. Вы зато с Каменевым жульничаете…»[88]

Заметна уверенность Лазаря в своей силе. Он аргументирует в манере коммунальной кухни, не утруждая себя логически строгими умозаключениями. Бесконечные грубости, доносящиеся из президиума, заставили одного из участников пленума воскликнуть: «Ну дайте же говорить. Что же засели тут эти новые крикуны»[89].

Все бухаринские опровержения и острые слова пропали понапрасну. Борьба с «правыми» неторопливо и неуклонно раскручивалась, набирала обороты, и никакие апелляции к здравому смыслу партийных аудиторий ничего не могли изменить. Логика вообще была не в почете. Прямой вопрос Томского: «Где мы выступали, на каком собрании мы выступали против линии большинства политбюро?» — попросту проигнорировали[90].

Летом на коротком пленуме ВЦСПС Томский был освобожден от поста председателя ВЦСПС. Предложение об этом внес Догадов. Каганович присутствовал на пленуме, но не выступал. Строящаяся радиостанция ВЦСПС имени Томского была построена уже без этого имени. Вскоре утратила окончание «им. Томского» и Высшая школа профдвижения.

Во время октябрьских праздников Каганович внес свой вклад в теоретическое обоснование беззаконий. «Наши законы, — заявил он в докладе, — определяются революционной целесообразностью в каждый данный момент… Ведь мы отвергаем понятие правового государства даже для буржуазного государства. А применять это к советскому государству — значит идти на поводу у буржуазных юристов»[91]. В данном случае расхождения между словом и делом воистину не было.

Октябрьские праздники 1929 года не были похожи на торжества 30-х годов: Красная площадь оживленно реагировала на демонстрацию, как реагирует стадион. Зрители аплодировали, смеялись, шумели. Сама демонстрация тоже была иной: разыгрывались сценки — «похороны субботы и воскресенья»; какая-то кляча с ободранным хвостом бросалась наперерез колонне тракторов, видимо, изображая попытки кулачества остановить шествие колхозного строя.

Шло строительство нового каменного Мавзолея, вдоль

площади стоял забор, и правительственная трибуна помещалась на этот раз в нише забора. На трибуне не было Кагановича, но уже со следующего года его фигура обязательно будет появляться на Мавзолее в течение почти трех десятков лет[92].

В середине ноября состоялся важный пленум ЦК партии, который вывел Бухарина из состава политбюро. Еще через 10 дней открылся 3-й пленум ВЦСПС, с большой речью на нем выступил Каганович. Газета «Труд» обещала опубликовать эту речь, но не опубликовала. Видимо, Каганович был слишком откровенным.

Ухудшалось положение в экономике, второй год подряд ощутимо снижался уровень жизни; в работе профсоюзов было много трудностей, порой она превращалась в театр абсурда. На фоне всего этого удивляет склонность Кагановича к теоретизированию. Он основательно и толково обосновывает концепцию «обострения классовой борьбы» по мере продвижения вперед: «Некоторые понимают это дело так: раз мы в первом периоде пролетарской диктатуры подавляли классового врага, значит, в нынешний период классовой борьбы и обострения классовой борьбы быть не может, так как мы перешли ко второму периоду. Это неправильно. Все периоды пролетарской диктатуры до окончательной победы социализма и начала коммунистического общества сохраняют все функции пролетарской диктатуры… Сегодня мы с вами делаем ударение на хозяйство, однако мы расстреливаем так же, как расстреливали в первые годы революции. Иначе говоря, задачи подавления классового врага, разрушения старого аппарата и строительства нового остаются в силе. Возьмите государственный аппарат. Мы разрушили старый царский аппарат, но, товарищи, мы его не разрушили… Бюрократизм у нас есть, и борьба с бюрократизмом есть продолжение задачи разрушения старого государственного аппарата…»[93]

Может быть, в этих «революционных» представлениях сталинского руководства кроется объяснение террора против управленческих кадров и командиров Красной Армии? Ведь Каганович в этой речи открытым текстом говорит, что вскоре кровь польется еще обильнее: «Реконструктивный период означает, когда мы с вами не просто уничтожили буржуазию, а когда мы, засучив рукава, начинаем выкорчевывать корешки этого капитализма, когда перестраиваем все, обострение классовой борьбы необычайно велико, необычайно жестоко… Мы строили новые заводы, но не будет кому управлять — нас вредители будут разъедать…»

Разоблачив ошибки «правых», Каганович заговорил об их

работе в профсоюзах: «Они продолжали отстаивать „наше дело“ и говорили — мы должны заботиться о защите интересов рабочих. Приходит время заключения колдоговоров — давайте „поторгуемся“ немного. Дальше, снабжение рабочих плохое — давайте покритикуем, поставим вопрос, выступим, скажем НКТоргу, что это не дело…»

Казалось бы, чем плоха эта «правая» позиция? Каганович разъясняет: «Товарищи, это значит — становиться в позу…» Он расценивает такой подход как противопоставление профсоюзов государству и партии.

«И вот, когда вопрос встает о хлебе, о масле, о картошке, о капусте — рабочие недовольны. Придите на заводы, ведь это не секрет, вам скажут: черт возьми, картошка гниет, капусты не хватает, яиц не хватает, масла не хватает… дело не в том, чтобы предъявлять требования, а чтобы, закатав рукава, всем профсоюзам работать… Сейчас ЦК партии поставил так, что мы через 2 года нуждаться в мясе не будем. Мы будем иметь 100 млн голов крупного рогатого скота…»

Как известно, за годы коллективизации поголовье крупного рогатого скота сократилось примерно на 25 миллионов голов. А пока Каганович призывает «год перетерпеть и через год получить всего вдоволь». К этой мысли он возвращается неоднократно. Вот речь заходит о простом рабочем человеке: «Он иногда говорит — на кой черт мне ваша индустриализация? Вы мне показываете в диаграммах и в цифрах всякие там достижения, вы строите Днепрострой, вы под Москвой начинаете строить Бобриковский комбинат, который обойдется в 150 млн рублей, да к черту эти ваши миллионы, когда у меня сегодня нет масла. А жена пошла в очередь и простояла 4 с половиной часа. А я пришел обедать — обеда не оказалось. На кой черт мне ваши достижения?»

Что можно возразить на это? Каганович возражает — обещаниями: «Люди не понимают того, что, если мы упорно проработаем год, мы будем иметь все…»

По-своему замечательна и такая фраза: «Несмотря на то, что масса недовольна трудностями, она все-таки чувствует, что мы творим что-то новое». Здесь фактически признано, что творцом перемен является НЕ МАССА.

Доходчиво разъясняет Каганович и следующий принцип: всякий несогласный должен быть устранен. «Завод можно поставить так-то, и если вы этого не понимаете, то вы либо вредители, либо дураки. Если вы вредители, то мы найдем вам место, а если дураки, то мы вас просто выбросим, хотя бы вы были и коммунистическими дураками — и такие бывают».

В заключение Каганович вновь напомнил о борьбе с правым

уклоном: «Нужно, чтобы профсоюзы эту борьбу продолжали систематически, не думая — ну что же, сейчас все кончилось, раз уж заявление подали, раз уж ошибки свои признали. Сейчас уж, значит, нет правого уклона… Правый уклон остался, он жив, он не может не быть, он не может не жить… Сегодня мы одного приводим в „христианскую веру“ — завтра появляется другой… мы вступили в такой период развития, когда мы не живем, а насмерть боремся с классовыми врагами…»

В следующем месяце, в самом конце 1929 года, был отпразднован юбилей Сталина. Демьян Бедный, именовавшийся тогда «великим пролетарским поэтом», опубликовал в связи с этим любопытное стихотворение. Несколькими годами ранее или несколькими годами позднее стихи по такому случаю были бы совсем другими.

Вдруг из «Правды» резко-звонная
Трескотня телефонная:
«Демьян!» — «Я не слышу! Оглох!» —
«Брось шутить!» — «Ну, не буду!» —
«В редакции переполох:
Телеграмм — груда на груду…
Вся редакция ими завалена —
По случаю полустолетия Сталина!
Пусть там Сталин как хочет —
Сердится, грохочет,
Но „Правда“ не может больше молчать.
Пиши о Сталине безотлагательно,
Сталинский номер сдается в печать
Двадцатого декабря обязательно!..»

И действительно, 21 декабря большая часть 8-страничного номера «Правды» была посвящена 50-летию Сталина. Ничего подобного до того дня никогда еще не бывало. То был новый шаг к грядущему — уже близкому — культу. Среди многих статей о Сталине (Куйбышева, Калинина и пр.) выделялись и были гвоздем номера две — статья Ворошилова «Сталин и Красная Армия» и Кагановича «Сталин и партия». Как известно, с партийной точки зрения у Сталина бывали в прошлом ошибки, бывали и расхождения с Лениным, и это для очень многих не было секретом. Каганович в своей статье отутюжил биографию Сталина до идеально гладкого облика: «Самой замечательной и характерной чертой т. Сталина является именно то, что он на протяжении всей своей партийно-политической деятельности не отходил от Ленина, не колебался ни вправо, ни влево, а твердо и

неуклонно проводил большевистскую выдержанную политику, начиная с глубокого подполья и кончая всем периодом после завоевания власти». В данном случае Каганович сыграл ту роль, которую он часто и охотно брал на себя и в дальнейшем: он произнес и сделал официально установленным то, что хотелось бы, но было неудобно произнести от первого лица самому Сталину.

Работа по трансформации образа Сталина была на этом этапе составной частью более широкого идеологического процесса, мыслившегося как «наступление пролетариата на идеологическом фронте». Как представляется, функции текущего управления этим «наступлением» выполнял именно Каганович. О том, как виделась продолжительная акция, дает представление передовая статья одного из политико-литературных журналов: «Своеобразие теперешнего периода состоит в том, что успехи социалистического наступления на всех фронтах, в том числе на идеологическом фронте, ВПЛОТНУЮ поставили пролетариат перед задачей завоевания гегемонии во всех идеологических областях… Гегемония диалектического материализма во всех идеологических областях стучится в двери, становится ПЕРВООЧЕРЕДНОЙ И БЛИЖАЙШЕЙ ЗАДАЧЕЙ рабочего класса на идеологическом фронте… Одной из форм последнего сопротивления теснимой пролетариатом буржуазной реакции является ИДЕЙНАЯ МАСКИРОВКА… Пролетариат должен усилить свое наступление на все и всяческие виды идейной маскировки буржуазной реакции, на все лжемарксистские извращающие марксизм теории»[94]. Дальнейшее развитие событий показало: это были не пустые слова. Установка на «идеологическое наступление» воплощалась в конкретных акциях и сломала многие человеческие судьбы, научные, художественные и литературные школы и течения.

В начале 1930 года Лазарь Каганович стал первым секретарем Московского городского и областного комитетов партии, а также полноправным членом политбюро ЦК ВКП(б).

Летом 1930 года перед XVI съездом партии в Москве происходили районные партийные конференции. На Бауманской конференции выступала вдова В. И. Ленина — Н. К. Крупская, не раз выступавшая в 20-е годы на стороне оппозиции. Она подвергла критике методы сталинской коллективизации, заявив, что эта коллективизация не имеет ничего общего с ленинским кооперативным планом. Крупская обвиняла ЦК партии в незнании настроений крестьянства и в отказе советоваться с народом. «Незачем валить на местные органы, — заявила Крупская, — те ошибки, которые были допущены самим ЦК».

Это было прямое возражение статье Сталина «Головокружение от успехов», в которой местные власти с раздражением обвинялись в «перегибах», допущенных ими при осуществлении якобы безупречного замысла коллективизации.

Когда Крупская еще произносила свою речь, руководители райкома дали знать об этом Кагановичу, и он немедленно выехал на конференцию. Поднявшись после нее на трибуну, Каганович подверг ее речь грубому разносу. Отвергая ее критику по существу, Каганович заявил также, что она, как член ЦК, не имела права выносить свои критические замечания на трибуну районной партийной конференции. «Пусть не думает Н. К. Крупская, — заявил Каганович, — что если она была женой Ленина, то она обладает монополией на ленинизм»[95].

Последние слабые отголоски открытых дискуссий в партии затихали. Высказывание неортодоксальных мнений (или хотя бы сомнений) вскоре должно было окончательно замкнуться на доверительных разговорах близких людей.

НА ПОДЪЕМЕ

Первая половина 30-х годов — время наибольшей власти Кагановича. Интересно, что в 1930 году он еще носил небольшую аккуратную бородку, подобно Ленину, Троцкому, Калинину, Каменеву, Рыкову, Бухарину, Дзержинскому и многим другим видным большевикам. Но вскоре Каганович оставил одни усы, попав тем самым по своему внешнему облику в другой ряд: Сталин, Молотов, Орджоникидзе, Ворошилов, Шверник, Микоян… В сталинском политбюро со временем остались люди низкорослые, под стать вождю. Каганович был исключением — высокого роста, тяжелый, с большими руками и толстыми пальцами. И взгляд у него был невероятно тяжелый, проницательный, бычий. Большие вытаращенные глаза, если он всматривался в лицо человеку, становились еще больше. Первенство Сталина в 1930 году было уже несомненным, но абсолютной властью он еще не обладал, а начинавшийся культ его личности лишь немного «превышал отметку», обычную для довольно многих руководителей 20-х годов. Газеты тоже пока еще позволяли себе опасные шалости. Так, в «Известиях» от 7 марта 1930 года можно было прочесть поразительный заголовок: «Сталинщина не выполняет своих обязательств». Под ним было помещено совершенно безобидное сообщение из города Сталино (ныне Донецк) о том, что в Сталинской области плохо идет работа по ликвидации безграмотности.

В высшем партийном руководстве также еще случались разногласия. Хотя «правые» лидеры — Бухарин, Томский и Рыков были уже выведены из политбюро, этот орган не был еще полностью послушен воле Сталина. По ряду вопросов Киров, Орджоникидзе, Рудзутак, Калинин, Куйбышев иногда возражали Сталину. Но Каганович всегда голосовал на стороне последнего.

В 1930 году, после внезапного появления статьи Сталина «Головокружение от успехов», внутренняя политика на какое-то время смягчилась. Деревня вздохнула свободнее. Люди почувствовали послабление, и в течение нескольких недель многие крестьяне вышли из колхозов. Тогда из центра на места выехали руководители высшего уровня с задачей: положить конец саботажу колхозного дела. Начиналась новая волна репрессий на селе. Каганович отправился в Воронеж, знакомый ему по Гражданской войне.

Молодой летчик Иосиф Ханнович Явно служил в то время под Воронежом. Как-то под утро, после ночных полетов, он пешком возвращался домой с аэродрома. Светало. Пешехода

догнал длиннейший обоз телег, прикрытых рогожами. Мрачные возчики молчали, на летчика не глядели. Когда последняя телега ушла вперед, стало видно, что обоз оставляет за собой на дороге полосу крови. В последующие дни, после осторожных расспросов, И. Явно узнал, что под рогожами лежали мертвые крестьяне, расстрелянные по приказу Кагановича за отказ возвращаться в колхоз.

В эти месяцы Лазаря заметили за рубежом. О нем стала упоминать иностранная пресса.

В 1930 году какому-нибудь не знакомому с жизнью СССР новоприбывшему политическому наблюдателю должно бы было, вероятно, показаться, что Каганович — человек № 2 в партии и государстве; при том, что никому в Союзе это, наверное, пока не приходило в голову. Своеобразие положения Кагановича заключалось в том, что он все еще был сравнительно новым человеком в Москве, его имя до сих пор никогда еще не звучало на всю страну, и всерьез воспринимать его как выдающегося лидера было невозможно. Используя его в качестве противовеса другим, не столь покорным деятелям, Сталин мог до поры не опасаться, что верный соратник захочет стать великим вождем. Поэтому активность Кагановича не ограничивалась, и его выступления звучали чаще и были больше по объему, чем 4–5 лет спустя, когда его влияние действительно достигло апогея. На XVI съезде партии в июне 1930 года Каганович выступил с большим докладом, не уступавшим по объему докладу Сталина. Обсуждение двух докладов шло на съезде параллельно, благодаря чему словосочетание «Сталин и Каганович» примелькалось и впервые сделалось привычным.

Трудно сейчас осознать, что Кагановичу в пору его возвышения было всего 37 лет. Даже в обновленном сталинском политбюро он был самым молодым. Это также делало его временно неопасным для Сталина. Не укладывается в голове, что многие из тех, кому пришлось публично восхвалять «мудрость нашего Лазаря Моисеевича» и с замиранием сердца выслушивать его указания и разносы, по возрасту годились ему в отцы. Тут проявился характер эпохи. Дело не только в том, что молодежь сыграла огромную роль в революции и Гражданской войне. В 20-е годы многим подсознательно казалось, что строить новое — означает делать все наоборот. В частности, ставились с ног на голову отношения между возрастами. Так, на XIII съезде партии Бухарин говорил: «После того как они (пионеры. — *Авт.*) несколько окрепли, они стали действовать по линии влияния на родителей, что чрезвычайно важно, потому что центр новой борьбы — это современная организация семьи. И здесь мы имеем

детскую организацию, которая своими слабыми ручонками разрушает старые отношения в этой семейной организации, то есть ведет медленный подкоп под консервативную твердыню всех гнусностей старого режима… Таким образом, создается новый тип отношений»[96]. Раннее (даже по тем временам) возвышение Кагановича все же не было совершенно необычным, как это может показаться нам теперь.

О его деятельности, связанной с Москвой, ниже будет сказано в отдельной главе. Но и будучи первым секретарем московской парторганизации, Каганович, как член политбюро, занимался самыми разными делами, часто выезжал в различные области страны, участвовал в организации и осуществлении всевозможных государственных и партийных акций и кампаний.

Первой постоянной его заботой был «подъем авторитета» Сталина. Тут Каганович опережал свое время. В июне 1930 года на Московской областной партконференции он выступал трижды, гораздо чаще других цитируя Сталина и ссылаясь на вождя. Остальные почти не упоминали Сталина в выступлениях — в крайнем случае лишь как автора каких-либо статей и заявлений, не выражая никакого отношения к его личности. Но Каганович настойчиво повторял весьма положительные оценки деятельности генерального секретаря ЦК[97].

На XVI съезде партии он играл куда более значительную роль, чем на предыдущих, — не только на трибуне, но и за кулисами. Каганович неожиданно подошел к опальному Мартемьяну Рютину и предложил ему выступить по политическим вопросам, сказав при этом: «Мы решили выставить вашу кандидатуру в ЦК»[98]. Рютин расценил это как приглашение к публичному покаянию и, по его выражению, «увильнул от этого дела». Сделанное предложение звучало тем более неестественно, что за несколько месяцев до этого Рютин направил в политбюро записку с критикой методов коллективизации, вызвав неудовольствие Сталина и Кагановича.

Ревностно исполнял Каганович и обязанности идеологического полицейского. На съезде партии он атаковал выдающегося философа и ученого А. Ф. Лосева: «…Последняя книга этого реакционера и черносотенца под названием „Диалектика мифа“, разрешенная к печати Главлитом, является самой откровенной пропагандой классового врага»[99]. В результате тираж книги (всего 500 экземпляров) подвергся уничтожению — чудом уцелел, по-видимому, лишь один экземпляр; сам же «реакционер» был приговорен к 10 годам лишения свободы. Работа А. Ф. Лосева действительно не была ортодоксальной; показательно, однако, что Каганович не обратил

внимания на прямые и аргументированные возражения официальной философской доктрине. Больше всего его разгневали ироничные пассажи автора, вроде следующего: «Говорили, идите к нам, у нас — полный реализм, живая жизнь; вместо ваших мечтаний откроем живые глаза и будем телесно ощущать все окружающее, весь подлинный реальный мир. И что же? Вот мы пришли, бросили „фантазии“ и „мечтания“, открыли глаза. Оказывается — полный обман и подлог. Оказывается: на горизонт не смотри, это — наша фантазия, на небо не смотри — никакого неба нет; границы мира не ищи — никакой границы тоже нет; глазам не верь, ушам не верь, осязанию не верь… Батюшки мои, куда же это мы попали? Какая нелегкая занесла нас в этот бедлам, где чудятся одни только пустые дыры и мертвые точки? Нет, дяденька, не обманешь. Ты, дяденька, хотел с меня шкуру спустить, а не реалистом меня сделать. Ты, дяденька, вор и разбойник». Неудивительно, что Каганович расценил такие интонации как проявление неслыханного нахальства, и в ряду прочих политических ругательств применил к философу и выражение «наглейший наш классовый враг».

Кампания травли А. Ф. Лосева была широкой. При обсуждении доклада Кагановича Киршон, говоря о «Диалектике мифа» как «оттенке философской мысли» заявил: «А я думаю, нам не мешает за подобные оттенки ставить к стенке. (*Аплодисменты. Смех.)*»[100].

Но не Лосев был в центре философских дискуссий 1930 года. Если он и ему подобные еще пока кое-где выступали, то это происходило скорее по недосмотру, и не ударить такого «высунувшегося» мог только ленивый. А на главном направлении шел горячий спор между близкими по духу философами. Молодые сталинисты — М. Б. Митин, В. Ф. Ральцевич, П. Ф. Юдин — обвиняли «философское руководство» во главе с А. М. Дебориным в признании общечеловеческих норм морали.

Всего двумя-тремя годами ранее сам Деборин в дискуссии с Л. И. Аксельродом заявлял: «Что полезного для класса, что соответствует его общим интересам, то нравственно; то, что вредно для общих интересов класса, то безнравственно. Как только вы попытаетесь построить НАДКЛАССОВУЮ этику, она по необходимости… лишается всякого содержания… бесклассовой или надклассовой морали вообще не существует».

При этом философ прежде всего доказывал несоответствие воззрений оппонента взглядам классиков марксизма: «Энгельсовская постановка вопроса логически исключает всякие „общеобязательные, объективные нравственные законы“… навязывая Энгельсу общеобязательные… нормы, Аксельрод

просто клевещет на основоположника марксизма…»[101]

Теперь с ним воевали его же оружием: «ДЕБОРИН СЛЕПО ПОШЕЛ ЗА КАУТСКИМ, забыл, игнорировал или не понял Маркса, Энгельса и Ленина». По содержанию обвинения также остались прежними: «Деление нравственных явлений, предпринимаемое Каутским и вслед за ним тов. Дебориным, неправомерно и бессмысленно. Единственный „смысл“ или, лучше, УМЫСЕЛ в этом делении тот, чтобы таким путем оставить место неизменному нравственному закону»[102].

Обе стороны обращались с жалобными и обвинительными письмами к начальству. В науке такой метод полемики всегда был неприемлемым и бесперспективным (с точки зрения развития науки), но в эти годы он входил в привычку и многим начинал казаться чем-то естественным. Сталин предпочитал не вмешиваться в конфликт, роль главного арбитра исполнял Каганович, вставший на сторону «молодежи». В конце концов, под напором зловещих обвинений в «меньшевиствующем идеализме» Деборин и его сторонники капитулировали и перешли к публичным покаяниям. Осенью согласился еще раз отречься от своих взглядов и Бухарин. Год назад, в ноябре 1929 года, он уже объявлял о признании своих ошибок вместе с Рыковым и Томским. Повторно он выступал в одиночестве. Его открытое письмо в ЦК редактировал Каганович[103].

«Наступление на идеологическом фронте» разворачивалось все шире.

В апреле 1931 года Сталин впервые лично вмешался в дела исторических журналов, настояв на публикации одной из статей в «Историке-марксисте». 8 июня Емельян Ярославский, один из активных партийцев-историков, в письме Кагановичу предложил несколько вариантов редколлегий исторических журналов[104]. Однако кадровые перестановки последовали лишь в середине октября. При этом в ЦК ВКП(б) прозвучала критика в адрес журнала «Пролетарская революция». Редколлегия не почуяла опасности и отправила в ЦК недостаточно самокритичное письмо. Редакции тут же ответил сам Сталин, и этот ответ мгновенно превратили в политическое событие. Еще до публикации его (письма) оно стало обсуждаться на партийных собраниях. Корифей всех наук придрался к опубликованной в «Пролетарской революции» дискуссионной статье А. Г. Слуцкого об отношениях большевиков и немецких социал-демократов до революции. Обвинив историков в «троцкистской контрабанде», а редакцию — в «гнилом либерализме» (эти слова тотчас стали крылатыми), Сталин с гневом и раздражением подчеркивал ненужность дискуссий: «Вместо того, чтобы заклеймить этого новоявленного

„историка“, как клеветника и фальсификатора, ввязываетесь с ним в дискуссию, даете ему трибуну… Вы намерены вновь втянуть людей в дискуссию по вопросам, являющимся аксиомами… Вы беретесь дискутировать против этой галиматьи, против этого жульнического крючкотворства… Разве не ясно и так, что разговорами о документах Слуцкий старается прикрыть убожество и фальшь своей так называемой установки?.. Допустим, что кроме уже известных документов будет найдена куча других документов… Значит ли это, что наличия только лишь бумажных документов достаточно для того, чтобы демонстрировать действительную революционность?.. Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии и лидеров надо проверять по их ДЕЛАМ прежде всего?.. Редакция совершила ошибку, допустив дискуссию с фальсификатором…»[105]

В первый момент выступление генсека вызвало недоумение. За ним еще не закрепился статус теоретика, и многие историки по традиции 20-х годов восприняли письмо Сталина просто как одно из выступлений в дискуссии. Не было ясно, отчего вдруг внимание вождя привлекла малоприметная статья по второстепенному вопросу. Но в ходе развернувшегося обсуждения письма началась «охота на ведьм», к названным Сталиным трем фамилиям прибавлялись все новые и новые. Впоследствии почти все подвергшиеся в те недели осуждению были арестованы. Сталин больше не включался в кампанию, ею теперь руководил Каганович.

На собрании, посвященном 10-летию Института красной профессуры, он как член президиума института сделал доклад «За большевистское изучение истории партии», тут же изданный отдельной брошюрой (и несколько раз переизданный). Докладчик нагнетал подозрительность: «…оппортунизм пытается поэтому пролезать сейчас в наши ряды, прикрываясь, примазываясь, прикрашиваясь, ползая на брюхе; пытается проникнуть в щели и в особенности — влезть через ворота истории нашей партии». Изучение документов было охарактеризовано как «формально-бюрократическое ковыряние в бумажках»[106].

Доклад был направлен прежде всего против «правых» (давно и многократно раскаявшихся), что обретало особое звучание в стенах института, в котором на протяжении 20-х годов большую роль играл Бухарин и где сложилась «бухаринская школа».

В январе 1932 года развитие темы было продолжено на Московской партконференции, где Каганович сказал: «В самое последнее время, как вы знаете, вскрыты серьезные извращения в освещении истории большевистской партии. Эти извращения прямым образом вели и ведут к ревизии основных вопросов

ленинизма, к ревизии явно троцкистского характера»[107]. В очередной раз был проклят «гнилой либерализм» по отношению к инакомыслящим, мягкотелость и примиренчество.

Расширялся масштаб перетасовки кадров историков. В учреждениях царила напряженная атмосфера. К Кагановичу поступало все больше жалоб и контржалоб. На несколько месяцев прервалось издание исторических журналов, так как редколлегии не могли прийти к единому мнению о подготовленных к публикации материалах, не зная, как застраховаться от обвинений. Таким образом, зимой 1931/32 года история вслед за философией была заведена в тупик страха и боязни ответственности. На многие десятилетия вперед свободное и естественное развитие исторической науки стало невозможным.

В 1932 году Каганович был председателем комиссии, решавшей судьбу прекрасной пьесы Эрдмана «Самоубийца». На репетиции во МХАТе, когда герой пьесы Подсекальников в минуту самоубийства вдруг ощутил себя свободным и независимым и, пораженный, произнес: «На любом собрании, на любом, товарищи, могу председателю язык показать!», Каганович, Молотов и Жданов встали и ушли[108].

С той же жестокостью и убежденностью в своей правоте (а скорее — в своей силе и безнаказанности) действовал Каганович и по отношению к рабочим. Когда в том же 1932 году в Иваново-Вознесенске начались забастовки рабочих и работниц, вызванные тяжелым материальным положением, то именно Каганович руководил расправой с активистами этих забастовок. Досталось от Кагановича и местным руководителям, часть которых бойкотировала организованные тогда закрытые распределители для партийных работников, посылая своих жен и детей в общие очереди за продуктами.

Каганович расценил такое поведение как «антипартийный уклон».

Для выдвижения человека требовалось порой так же мало труда, как и для опалы. Как-то раз Лазарю понравилась статья в «Правде» — «О троцкистских контрабандистах», написанная молодым коммунистом И. П. Алексахиным. Он тут же позвонил в Бауманский райком партии: «Молодцы! Кто этот парень у вас — Алексахин! Привлекайте его к работе!» О дальнейшем рассказывает Алексахин: «Да, моя статья в „Правде“ была замечена. Каганович умел находить кадры и выдвигать их. Меня отозвали из института, при Бауманском райкоме создали журнал „Политработник“ (в других райкомах таких изданий не было) и поручили там работать. Мое имя стало постоянно появляться в печати. Пишущих людей тогда очень ценили…»[109] Несмотря на

все это, в 1937 году Алексахин был арестован.

Одну из первых ролей играл Каганович в деле коллективизации. Однажды он так подвел ее итоги: «Мы… превратили наше сельское хозяйство в самое крупное сельское хозяйство в мире… Мы ликвидировали… обнищание деревни и подняли бедноту до уровня середняков… Мы… сделали значительный шаг вперед по превращению всех колхозников в зажиточных»[110]. Но он отнюдь не ограничивался жизнерадостными теоретическими выводами. Лазарь выезжал с чрезвычайными полномочиями на Украину, в Западную Сибирь, в Воронежскую и другие области. И всюду его приезд означал массовое применение насилия в отношении крестьянства, депортацию не только десятков тысяч семей «кулаков», но и многих тысяч семей так называемых «подкулачников», то есть всех, кто сопротивлялся коллективизации.

Особенно зловещую роль сыграл Каганович в хлебозаготовках зимы 1932/33 года.

Еще летом 1932 года обнаружилось, что важнейшие зерновые районы страны — Поволжье, Северный Кавказ и Украина, — видимо, не справятся с планом поставок хлеба. Около трети посевных площадей остались незасеянными из-за чрезмерных изъятий зерна в общегосударственный фонд. Колхозникам было нечего сеять и нечем питаться, к тому же пропали и всякие стимулы трудиться. 11–13 июня Матэ Залка, венгерский коммунист, участник Гражданской войны, работавший теперь в аппарате ЦК ВКП(б), записал в дневнике: «Признаки тяжелого заболевания налицо. Украина, несмотря на нормальный урожай, обречена на голод»[111].

Простые партийцы и беспартийные пытались достучаться до «вождей», посылая им отчаянные письма с описаниями сцен голодной смерти на улицах городов и сел и доказывая: не может быть, чтобы это и был социализм.

В июле Молотов и Каганович участвовали в III конференции КП(б) Украины, посвященной итогам хлебозаготовок предыдущей осени и зимы. К концу месяца стали повсеместными хищения зерна рядовыми колхозниками. Чтобы хоть как-то прокормить себя и детей, люди уносили немного зерна в карманах, в узелках; ночью стригли колоски на полях ножницами — таких при поимке называли «кулацкими парикмахерами». 7 августа последовал «Указ об охране общественной собственности», назначавший расстрел за малейшие хищения, и лишь при наличии смягчающих обстоятельств — лишение свободы не менее, чем на 10 лет. Действие Указа распространялось и на детей начиная с 12 лет.

В 20-х числах сентября Каганович вместе с Калининым и

Орджоникидзе посетил Днепрогэс, а еще через месяц Сталин решил спасать нереальный план хлебозаготовок при помощи чрезвычайных мер и направил в хлебные районы три комиссии: на Украину — во главе с Молотовым, на Северный Кавказ — во главе с Кагановичем и на нижнюю Волгу — во главе с Постышевым. Из них лишь комиссия Постышева стремилась действовать на основе здравого смысла и несколько смягчила новый удар, наносимый крестьянству.

В комиссию Кагановича входили также Микоян, Шкирятов, Ягода, Гамарник, Косарев, Чернов и Юркин. Насколько велика еще путаница вокруг исторических фактов той поры, показывает публикация Владимира Левченко в «Литературной России», где утверждается, что данная комиссия выезжала на Кубань «для претворения в жизнь директивы Оргбюро ЦК РКП(б) от 29 января 1919 года, подписанной Я. М. Свердловым»[112]. Это, конечно, абсурдное утверждение.

4 ноября комиссия совместно с Северо-Кавказским крайкомом приняла постановление о хлебозаготовках: невыполнение заданий истолковывалось как кулацкое сопротивление и саботаж. Виновными в «злостном саботаже» решено было объявить целые станицы, к которым применялись следующие меры:

прекращение подвоза товаров, свертывание всех форм торговли с вывозом из магазинов всех товаров;

полный запрет торговли и колхозникам, и единоличникам;

досрочное взыскание кредитов и других финансовых обязательств;

чистка местного аппарата, в первую очередь райкомов партии;

аресты «организаторов» саботажа[113].

В тот же день, 4 ноября, первые три станицы — Ново-Рождественская, Медведковская и Темиргоевская — были занесены на «черную доску». В дальнейшем этот список постепенно пополнялся. 23 ноября по докладу Кагановича на Ростовском партактиве было принято новое постановление о хлебозаготовках[114].

Молотов, как и Каганович, не возвращался в Москву и стремился не отстать в хлебозаготовках. Печально знаменитым стал Ореховский район Днепропетровской области. Секретарь райкома В. П. Головин, уговаривая колхозников принять планы, говорил, что «РКП (райпарткому. — *Авт.*) известно, что планы нереальны, но план нужно принять, выполнить на 40–50 процентов, а там на нет и суда нет». Кто-то донес самому Сталину, что в Ореховском районе разрешили колхозам оставить

себе посевной и страховой фонды. 7 декабря генсек разослал всем партийным органам циркуляр, объявлявший таких руководителей «обманщиками партии и жуликами, которые искусно проводят кулацкую политику под флагом своего „согласия“ с генеральной линией партии» и потребовал давать им от 5 до 10 лет тюремного заключения[115]. Вот что последовало за этим циркуляром на Северном Кавказе…

Василий Николаевич Щека, назначенный в феврале 1932 года руководителем Березанского зерносовхоза, в декабре был вызван в Ростов. В крайкоме партии происходило следующее:

«Собралось нас там немало — руководителей хозяйств разных рангов. Сидим в большой комнате. Тут же — вооруженная охрана. По одному вызывают в кабинет первого секретаря крайкома Шеболдаева. Некоторых людей после беседы сразу берут под стражу и куда-то уводят. На них лица нет. Да и мы в смятении. Что будет?

Назвали мою фамилию. Захожу в кабинет. За большим столом — Каганович, радом с ним — Шеболдаев.

— Расскажи о хлебозаготовках, — предложил Каганович.

— Туго дело идет, — ответил я.

— Знаем, что туго. Саботажников развелось… Когда закончишь? В семь дней управишься или нет?

— Я управлюсь, но…

— А без „но“? Мы дадим тебе две тысячи подвод.

— Смогу.

— Вот и действуй. Только учти: неделя сроку.

Я вышел в общую комнату. Охрана ко мне не подошла. Значит, мне поверили…

Что это была за хлебосдача!.. Дожди, грязь непролазная. Некоторые ездовые сваливают кукурузу в грязь и бегут вместе со своими подводами по домам. Выбираем из грязи початки, моем их в бочках. Прошло семь дней. У меня всего 10 процентов вывезенного зерна. Получаем телеграмму за подписью Кагановича: „На окончание сдачи зерна даю три дня“… Сдали мы еще 10 процентов зерна. Вскоре в райком партии приходит телеграмма Кагановича: „За саботаж хлебозаготовок директора Березанского зерносовхоза Аникина, его заместителей Щеку и Бухтиярова из партии исключить, отдать под суд“.

В тот же день приехал из райцентра прокурор. Нас арестовали и посадили в сельсовет под охраной милиционера…»[116]

Уже на следующий день состоялся суд, приговоривший В. Н. Щеку к 10 годам лишения свободы.

Была в ходу и такая, ныне труднопостижимая, формулировка

осуждения руководителей как «дезертирство с низовой работы».

Всего на «черную доску» на Северном Кавказе было занесено 15 станиц. Три из них (Полтавская, Медведковская и Темиргоевская) были выселены на Север поголовно (45 тысяч человек), остальные — частично[117]. Что означала эта «частичность», еще предстоит выяснить историкам. Каганович несет всю ответственность за это зверство.

Опустевшие дома были заселены колхозниками из северных районов и красноармейцами. Станица Полтавская была переименована в Красноармейскую. Другая станица стала называться Ленинградской потому, что в ней поселились демобилизованные из Ленинградского военного округа.

10 декабря было принято постановление ЦК о крупномасштабной чистке партии[118]. Каганович стал председателем Центральной комиссии по проведению этой чистки. Таким образом, на Кубани параллельно с хлебозаготовками проходила как бы «эталонная» чистка. В печати назывались следующие касающиеся Кубани цифры: 1296 коммунистов проверено, 396 — исключено из партии (30 %). В действительности было исключено из партии 26 тысяч человек, то есть 45 процентов всех коммунистов Кубани[119].

Умерших от голода на Кубани хоронили в большие общие ямы, которые из протяжении многих недель не засыпали землей: каждая такая яма заполнялась постепенно, день за днем.

Встань, Ленин, подивися,
Как колхозы поднялися:
Хаты раком, гарбы боком,
Две кобылы с одним оком.

Такие частушки пели в станицах[120].

В конце 1932 года лично Сталину доложил о массовом голоде на Украине секретарь Харьковского обкома Р. Терехов. Сталин ответил ему: «Нам говорили, что вы, товарищ Терехов, хороший оратор, оказывается, вы хороший рассказчик — сочинили такую сказку о голоде, думали нас запугать, но не выйдет! Не лучше ли вам оставить посты секретаря обкома и ЦК КП(б)У и пойти работать в Союз писателей: будете сказки писать, а дураки будут читать»[121].

20 декабря Каганович перебрался с Кубани на Украину. На следующий день политбюро ЦК КП(б)У отправило телеграммы обкомам о «позорном» положении организаций с требованием «мобилизовать все силы для выполнения плана хлебозаготовок»[122]. 29 декабря украинское политбюро при

участии Кагановича выработало директиву обкомам и райкомам: колхозам, не выполняющим планы хлебозаготовок, следовало сдать все имеющееся зерно, в том числе и так называемые семенные фонды[123]. На это давалось 5–6 дней, любая задержка заранее объявлялась саботажем.

Голод продолжался.

В селах и станицах нередки были случаи людоедства.

И спустя полвека можно было услышать в тех местах поговорку: «Каганович проехал — как Мамай прошел».

Миссия Кагановича была завершена. Новый год он встретил в Москве. Там на столах, за которыми он сидел, по-прежнему стояли деликатесы, и охранники изредка, в нарушение инструкции, позволяли поварам тайком взглянуть на «соратников», но ни в коем случае не на Самого.

2 января 1933 года в Кремль прибыла колонна из 25 первых легковых автомобилей Горьковского автозавода имени Молотова. В церемонии встречи и осмотра советских «фордов» участвовали Каганович, Орджоникидзе, Постышев и Енукидзе[124].

Но забота о сельском хозяйстве на этом отнюдь не кончилась.

Под траурную музыку сообщений с Запада — «Капитализм вступил в четвертую голодную зиму», «Всюду нужда и нищета», «Горькие признания банкротов», «Из бездны кризиса»[125] — Сталин 7 января 1933 года в праздничном тоне сообщил о досрочном выполнении невыполненной пятилетки. Это произошло на открывшемся в тот день совместном пленуме ЦК и ЦКК партии.

На пленуме с большими речами выступили Бухарин, Рыков и Томский. В них содержалось признание былых ошибок и вины перед партией, однако основное внимание бывшие «правые» уделили обсуждению наравне со всеми текущих партийных и государственных дел. В частности, все они довольно эмоционально поддержали политику ЦК в области сельского хозяйства.

Сталин выступил на пленуме и со вторым докладом — о работе в деревне.

Кроме Сталина с докладами выступили Молотов, Куйбышев и Каганович; причем доклад Кагановича в отличие от остальных не был опубликован. Он был посвящен созданию политотделов в совхозах и на машинно-тракторных станциях. Из резолюции пленума по докладу Кагановича Сталин собственноручно вычеркнул слова: «Пленум ЦК одобряет решения политбюро по разгрому кулацких организаций (Северный Кавказ, Украина) и принятые политбюро жесткие меры по отношению к лжекоммунистам с партбилетом в кармане»[126]. Иосиф

Виссарионович не хотел брать на себя ответственность за массовое убийство посредством голода. Перед лицом будущих поколений «крайними» должны были оказаться Молотов и Каганович.

Резолюция по докладу Кагановича утверждала: «Борьба за дальнейший подъем сельского хозяйства и завершение его социалистического переустройства является в настоящее время важнейшей задачей партии»[127]. С тех пор на протяжении десятилетий этой задаче суждено было оставаться важнейшей, а подъему — «дальнейшим». Единственное препятствие, упоминаемое в резолюции, — жестокое сопротивление антисоветских элементов села (против такой логики выступил на пленуме Постышев). В связи с этими «элементами» многословная и вялая резолюция содержит одно поразительное заявление. Грубо говоря, авторы проболтались. Они вдруг заговорили о врагах с чувством признательности и одобрения!

«Что касается явлений вредительства и саботажа в колхозах и совхозах, то они должны сыграть в конце концов такую же благодатную (!) роль в деле организации новых большевистских кадров для колхозов и совхозов, какую сыграли вредительство и шахтинский процесс в области промышленности»[128]. После таких слов остается только заключить: если бы вредителей не было, их надо было бы придумать. Политически наивным резолюция разъясняет: «Шахтинский процесс послужил поворотным пунктом в деле усиления революционной бдительности коммунистов и организации красных специалистов в области промышленности. Нет оснований сомневаться в том, что явления вредительства и саботажа в некоторых колхозах и совхозах, проявившиеся в нынешнем году, послужат таким же поворотным пунктом в деле развертывания революционной бдительности наших сельских и районных коммунистов и подбора новых большевистских кадров для колхозов и совхозов».

17 января Киров в Ленинграде, а Каганович в Москве выступили на пленумах горкомов с докладами о завершившемся пленуме ЦК. Слова Кагановича: «На то мы и свершили Октябрьскую революцию, чтобы избавить крестьян от „идиотизма деревенской жизни“[129]», — звучат, как черный каламбур: именно в те дни и часы тысячи людей благодаря ему в мучениях избавлялись от идиотизма деревенской (и всякой другой) жизни на вечные времена.

Суть текущего момента Каганович видел вот в чем: «Кулак, как выразился тов. Сталин, „перешел от прямой атаки против колхозов к работе тихой сапой“. Кулак ведет главным образом борьбу с нами не столько вне колхозов, сколько внутри колхозов.

Это тем более легче ему, что наши коммунисты в деревне, к сожалению, не поняли нового в деревне». Точно такая же схема рассуждений будет на устах у Сталина в 1937 году, только вместо слова «кулак» в ней слово «враги», а вместо «колхозов» — «партия».

«Политотделы в МТС и совхозах, — сказал далее Каганович, — должны быть в известной мере партийным глазом». В стремлении завинтить гайки организаторы коллективизации дошли до предела: всяких «глаз» у них в деревне было достаточно, и добавлять ко всем имеющимся политотделы было незачем. Отметим, что политотделы не организовывались в колхозах. Дело в том, что МТС и совхозы представлялись как бы троянскими конями пролетариата в мелкобуржуазной деревне. Сталин утверждал: колхозники — не единоличники, но сознание у них частнособственническое. И, например, не было термина «совхозник» по аналогии с «колхозником», но — «рабочий совхоза».

Каганович в официальных выступлениях охотно вспоминал поездку на Северный Кавказ и часто ссылался на этот опыт. 24 января было опубликовано постановление Совнаркома за подписью Сталина и Молотова о весеннем севе на Северном Кавказе: главной заботой оставалась борьба с вредительством и воровством.

15 февраля 1933 года в Москве открылся съезд колхозников-ударников. Стиль таких мероприятий всего за 3–5 лет резко изменился. Теперь они проводились гораздо реже, стали намного пышнее и бессодержательнее. Председательствовавший на первом заседании Каганович обратил внимание собравшихся на то, что до сих пор проводились съезды и слеты лишь ударников-рабочих. Раз теперь собрались ударники-колхозники — значит, колхозы идут в гору[130].

Выступление Кагановича на этом съезде дает хорошее представление о его ораторском стиле, поэтому стоит процитировать несколько характерных мест[131].

«Выполнив пятилетку в четыре года, мы, товарищи, к буденновской кавалерии прибавили еще „кавалерию“ техническую, „кавалерию“ летающую, ползающую, плавающую и ныряющую…

…Что это значит — пакт о ненападении?.. По-дипломатически это называется пакт, а по-простому можно бы сказать: не лезь на нашу землю, мы на твою не полезем; полезешь на нашу — по морде дадим. *(Бурные аплодисменты.)*

…Продуктов много, и конкуренция уменьшает прибыли капиталистов. Попы, которые служат помещикам и капиталистам,

устраивают молебны, чтобы была засуха. Пожалуй, можно было бы им отправить для этих молебнов значительную часть наших безработных попов. *(Смех, аплодисменты.)* Они быстро приспособятся к американским капиталистам и молебны перестроят: вместо просьбы бога о дожде начнут просить бога о засухе. *(Смех.)*

…Ученые Америки бьются, бьются, а план у них не выходит. А у нашего вчерашнего единоличника Митюхи, сегодняшнего колхозника, план в колхозе выходит *(смех)*… вместо баланса он говорит „баланец“. *(Смех.)* И все-таки выходит у него план лучше, чем у американцев. *(Аплодисменты.)*

…Жалко, конечно, наше рабоче-крестьянское золото давать капиталистам! Но, покупая у них эти машины, мы знаем, что этими машинами мы перестроим нашу страну, потом перестроится и весь мир так, что, как писал Ленин, наступит время, когда из золота будем уборные строить *(смех.)»*.

И, наконец, Кагановичем было произнесено и новое слово в марксистско-ленинской теории: «Пролетариат — руководитель крестьянства».

Тем временем на Кубань и Украину уже в этом месяце пришлось отправлять из госрезервов миллионы пудов зерна — семенного и продовольственного[132]. Такова была кровавая бестолковщина «хлебозаготовок». «В стране миллионы голодающих, — записал Мате Залка в дневник 6 марта. — Гадко коммунисту, который видит ошибки и не может об этом сказать»[133].

В начале марта прошел процесс над работниками Наркомзема и Наркомсовхозов, выходцами «не из тех слоев». 75 человек обвинялись во вредительстве «с целью подорвать материальное положение крестьянства и создать в стране состояние голода»[134]. При помощи такой формулировки факт голода и не признавался открыто, и в то же время получал объяснение. 35 человек были расстреляны, остальные получили различные сроки заключения. Нельзя назвать методы Сталина разнообразными: чтобы замаскировать одно убийство, он совершал другое.

Здесь уместно привести стихи Осипа Мандельштама, относящиеся к маю 1933 года:

> Холодная весна. Голодный Старый Крым,
> Как был при Врангеле — такой же виноватый.
> Овчарки на дворе, на рубищах заплаты,
> Такой же серенький, кусающийся дым…

…Природа своего не узнает лица,
А тени страшные — Украины, Кубани…
Как в туфлях войлочных голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца.

Правда о коллективизации оставалась в СССР запретной вплоть до доклада Горбачева к 70-летию Октябрьской революции. Умолчания, подтасовка фактов и эмоциональный пропагандистский напор принесли свои плоды. Вологодский писатель Анатолий Ехалов описывает разговор в избе у старушки, перенесшей все испытания «единственно правильной политики» в деревне: «А вот, — показала она на портрет вождя всех народов, — Иосиф Виссарионович. Они со Владимиром-то Ильичем у Карса Марса обучались за границей. Их тамот-ко много училось, а вот на большое правление только эти двое и вышли. Уж ницево худова не про которова не скажу. Особенно Иосиф Виссарионович, представительный такой мушщина. Он умственно правил, безо всяких секлетарей да министров. Вот только Каганович ему помогал да Ворошилов. Всю-то жись с врагами боролся…»[135] Такие образы политических деятелей остались в памяти людей.

Но вернемся в 1933 год. Осенью Каганович повторил свои прошлогодние деяния, но не на Украине, а в Московской области. Прибыв в Ефремовский район, он потребовал от председателя РИКа Уткина выполнить план заготовок зерна и продовольствия в течение трех дней. На резонные возражения Уткина о том, что урожай определялся на корню, а в действительности собрано продукции вдвое меньше, Каганович ответил площадной бранью и обвинениями в «правом оппортунизме». Как ни старались уполномоченные МК, хотя они забрали у крестьян и колхозов даже продовольственное зерно, картошку и семена, план заготовок был выполнен по району на 68 процентов. После этого Уткин был исключен из партии. После такой «заготовительной» кампании почти половина населения района уехала, забив свои избы. В течение трех лет в район завозили зерно и картофель[136].

Добившись таких успехов, Каганович стал заведующим вновь созданного Сельскохозяйственного отдела ЦК партии. Он же был — по совместительству — и руководителем Транспортной комиссии ЦК. Когда Сталин уезжал в отпуск к Черному морю, именно Каганович оставался в Москве в качестве временного главы партийного руководства. Многие письма с мест в то время адресовались «товарищам И. В. Сталину и Л. М. Кагановичу».

Кагановичу приходилось решать и вопросы внешней

политики. Как свидетельствует бывший сотрудник Наркомата иностранных дел СССР Е. А. Гнедин, основные внешнеполитические решения принимались не в Совнаркоме, а в политбюро. «В аппарате (НКИДа), — пишет Гнедин, — было известно, что существует комиссия политбюро по внешней политике с меняющимся составом. В первой половине 30-х годов мне случилось присутствовать на ночном заседании этой комиссии. Давались директивы относительно какой-то важной внешнеполитической передовой, которую мне предстояло писать для „Известий“. Был приглашен и главный редактор „Правды“ Мехлис. Сначала обсуждались другие вопросы. Решения принимали Молотов и Каганович; последний председательствовал. Докладывали зам. наркома Крестинский и Стомоняков; меня поразило, что эти два серьезных деятеля, знатоки обсуждавшихся вопросов, находились в положении просителей. Их просьбы (уже не доводы) безапелляционно удовлетворялись либо отклонялись. Но надо заметить, что Каганович не без иронии реагировал и на замечания Молотова»[137].

Впрочем, участие Кагановича во внешних делах государства и партии было лишь эпизодическим. В работе Коминтерна, он, по-видимому, не участвовал совершенно.

Правда, 9 ноября 1933 года Каганович выступал от ВКП(б) на похоронах японского коммуниста Сен-Катаямы, происходивших на Красной площади при большом стечении народа. Кроме него выступали Вильгельм Пик, Окано и Ван Мин. «Японский рабочий класс и все трудящиеся, — заявил Каганович, — должны вести лишь одну войну, и эта война — против помещиков и буржуазии своей страны»[138].

В конце этого месяца Кагановичу исполнилось 40 лет. Но ни одна газета не обмолвилась об этом ни единым словом. Видимо, молодость столь влиятельного лица решили не афишировать. Как мы убедимся ниже, Кагановичу как-то не везло с юбилеями. Ни разу в жизни ему не довелось отметить день рождения с такими почестями, каких удостаивались по случаю круглых дат Сталин, Молотов, Калинин, Ворошилов, Хрущев или Брежнев.

Приближался XVII съезд партии. В парторганизациях изучали тезисы докладов Молотова и Куйбышева о второй пятилетке и Кагановича — по оргвопросам. На предсъездовской партконференции в Ленинграде писатель Юрий Либединский говорил: «Ленин и Сталин — какая громадная тема… Какие силы нужны для того, чтобы подойти к изображению таких характеров, чтобы изобразить таких людей как Ленин, Сталин, Киров, Каганович, этих гениальных людей нашей партии»[139]. О выборах

на съезде центральных органов партии рассказывает Хрущев: «Перед голосованием Каганович инструктировал нас, молодых. Он доверительно, чтобы никто не знал, рекомендовал вычеркнуть из списка тех или иных кандидатов, в частности Ворошилова и Молотова. Мотивировал тем, что заботится, как бы Сталин не получил меньше голосов, чем Ворошилов, Молотов и другие члены политбюро. Говорилось, что все это делается из высших соображений политики, и мы относились с пониманием…»[140]

Каганович, как председатель оргкомитета по проведению XVII съезда, организовал фальсификацию результатов тайного голосования, уничтожив около 300 бюллетеней, в которых была вычеркнута фамилия Сталина.

В дальнейшем большинство делегатов этого съезда и большая часть избранного на съезде ЦК партии подверглись репрессиям вместе со своими родственниками и детьми. Важным нововведением стала на этом съезде замена Центральной контрольной комиссии (ЦКК) партии на Комиссию партийного контроля, которая, в отличие от ЦКК, обязана была подчиняться Центральному комитету. Это был еще один большой шаг к окончательному выводу руководства партии из-под контроля нижестоящих организаций и рядовых партийцев. Теперь на действия ЦК даже теоретически можно было бы пожаловаться лишь самому же ЦК. Во главе новообразованной КПК стал Каганович.

По окончании съезда были предприняты меры по усилению контроля над Украиной. Вторым секретарем ЦК КП(б)У стал Постышев, заместителем Чубаря — Любченко. Новички вели себя напористо, оттесняя первых руководителей от реального руководства. Съездил в Харьков и Каганович. Он выступил на собрании в оперном театре с политическими обвинениями в адрес Скрыпника, также занимавшего не последнее место в правительстве Украины. Вскоре Микола Скрыпник застрелился. Это был старый член партии, имевший неосторожность спорить со Сталиным еще в 1917 году.

В середине 30-х годов отделом науки в Московском горкоме партии некоторое время заведовал А. Кольман. В своих воспоминаниях об этом периоде жизни он писал: «Из секретарей нашим отделом руководил Каганович, а потом Хрущев, и поэтому я, имея возможность еженедельно докладывать им, ближе узнал их, не говоря уже о том, что я наблюдал их поведение на заседаниях секретариата и бюро ЦК, как и на многочисленных совещаниях. Я помню их обоих очень хорошо. Оба они перекипали жизнерадостностью и энергией, эти два таких разных человека, которых тем не менее сближало многое. Особенно у

Кагановича была прямо сверхчеловеческая работоспособность. Оба восполняли (не всегда удачно) пробелы в своем образовании и общекультурном развитии интуицией, импровизацией, смекалкой, большим природным дарованием. Каганович был склонен к систематичности, даже к теоретизированию, Хрущев же к практицизму, к техницизму…

…И оба они, Каганович и Хрущев, — тогда еще не успели испортиться властью, — были по-товарищески просты, доступны, особенно Никита Сергеевич, эта „русская душа нараспашку“, не стыдившийся учиться, спрашивать у меня, своего подчиненного, разъяснений непонятных ему научных премудростей. Но и Каганович, более сухой в обращении, был не крут, даже мягок, и уж, конечно, не позволял себе тех выходок, крика и мата, которые — по крайней мере такая о нем пошла дурная слава — он в подражание Сталину приобрел впоследствии»[141].

А. Кольман в данном случае, несомненно, приукрашивает облик и образ Кагановича середины 30-х годов. Разумеется, Каганович совсем иначе вел себя с некоторыми ответственными работниками горкома и обкома партии, а тем более на заседаниях секретариата и Бюро ЦК, чем с работниками и организациями на более низком уровне.

В августе 1934 года многие члены ЦК ВКП(б) были вновь разосланы в разные концы страны для организации хлебозаготовок. И вновь Украине достался Каганович. Молотов на этот раз поехал в Западную Сибирь.

26 октября праздновалось 15-летие «освобождения Воронежа от белых банд»[142]. На проспекте Революции была устроена выставка. В центре ее на фоне большого красного полотнища висел портрет Кагановича, ниже был помещен текст его приказа об освобождении Воронежа. Совсем скоро подобные почести никому кроме Сталина оказываться не будут.

В конце ноября 1934 года, за несколько дней до убийства Кирова, Каганович на пленуме ЦК обосновывал ликвидацию политотделов в деревне — с той же уверенностью, с какой за полтора года до этого дня обосновывал обратное.

1 декабря было страшным ударом. Узнав об убийстве Кирова, Бухарин, побледнев, сказал: «Теперь Коба сделает с нами все, что захочет». Рыков, которого эта весть застала на спектакле в филиале МХАТа, обреченно произнес: «Это сигнал к развязыванию террора». О «средневековых мыслях», ощущении резкой перемены всей жизни, предчувствии нависшей впереди опасности вспоминали впоследствии Вера Панова и Константин Симонов. О реакции Кагановича на это событие оставил свидетельство Хрущев: «Вечером телефонный звонок. Каганович

говорит: „Я звоню из Политбюро, прошу вас, срочно приезжайте сюда“. Приезжаю в Кремль, захожу в зал. Каганович меня встречает. Страшный вид у него, какой-то настораживающий: „Несчастье. Кирова убили в Ленинграде…“ Каганович был потрясен и, по моему, даже напуган»[143].

В Колонном зале в Москве Каганович стоял у гроба Кирова вдвоем со Сталиным. Звезда его была в зените…

КАГАНОВИЧ И СУДЬБА МОСКВЫ

Каганович — исключительно удобная мишень, если постигать историю «методом поиска врагов». Его участие в разрушении старой Москвы — особенно выигрышная тема. Дело в том, что, как поросенок любит, чтобы его жарили целиком, враг «любит», чтобы его можно было легко отличить от прочих граждан. Для этого нужен какой-то «признак врага» — не обязательно справедливый, но обязательно четкий и недвусмысленный. Так, в 20-е годы случалось, что из комсомола исключали за применение одеколона (не вовнутрь, а снаружи), и в этом не было какой-то особой глупости: просто в обстановке Гражданской войны классового врага часто приходилось различать буквально с первого взгляда, и впоследствии, при встрече с надушенной комсомолкой (или комсомольцем) срабатывал условный рефлекс.

Самый простой и удобный признак врага — национальность. Каганович долгие годы был единственным евреем в политбюро. И ни один из постов, которые он занимал на протяжении своей политической карьеры, не представляет сторонникам версии жидомасонского заговора таких идеологических возможностей, как факт пребывания Кагановича на посту первого секретаря МГК ВКП(б). Трагедия исчезновения красивейшего русского города, растянувшегося на десятилетия, непоправимая и очень сложная, упаковывается иногда в одну фразу: «Каганович разрушил Москву».

Но, во-первых, деятельность Кагановича, как будет показано ниже, не исчерпывалась одним только разрушением; во-вторых, до и после Кагановича Москва понесла намного больше невозвратных потерь, чем за пять лет его руководства; в-третьих, для осуществления разрушений в обществе должна сложиться (и сложилась) благоприятствовавшая им психологическая ситуация; и, наконец, возложение на Кагановича всей ответственности за происшедшее с Москвой — сталинская традиция.

«Огромна роль в строительстве новой Москвы Лазаря Моисеевича Кагановича. Лазарь Моисеевич каждодневным своим участием и руководством в создании генплана совершенно справедливо заслужил звание главного и первого архитектора Москвы», — писал секретарь Союза советских архитекторов К. С. Алабян в 1935 году[144]. Эти слова близки к истине. Небольшое упрощение, таящееся в них, мало заметно.

Свою практическую деятельность в Москве Каганович начал в обычном для него духе: в сентябре — ноябре 1930 года в областном коммунальном хозяйстве, в сельскохозяйственных и

других организациях были «раскрыты» контрреволюционные заговоры[145].

К 1930 году население Москвы выросло, в сравнении с довоенным, более чем на миллион человек. «За годы революции», как тогда выражались, переселилось в новые дома около 500 тысяч человек[146]. Жилищный кризис становился реальностью. Естественный прирост населения в Москве был втрое выше, чем в Лондоне[147]. К нему добавлялась волна переселенцев из деревни. Уже существовали поселки Сокол и Дукстрой, осуществлялось строительство 3—5-этажных жилых домов по типовым секциям, причем на Шаболовке был построен экспериментальный комплекс — попытка совместить дешевизну строительства с художественной выразительностью[148]. При строительстве Всесоюзного электротехнического института в Лефортове впервые были использованы горизонтальные окна, плоская крыша, поперечные несущие стены[149]. Уже были построены три знаменитых клуба архитектора К. С. Мельникова, стадион «Динамо», Центральный телеграф, здание газеты «Известия», Планетарий, Мавзолей В. И. Ленина[150]. Среди архитекторов шли горячие дискуссии о путях развития городов.

Трамвай перевозил 90 процентов пассажиров. Автобусов в Москве насчитывалось менее двухсот, их маршруты соединяли город с пригородами, где не было трамвайных рельсов. Троллейбусов не было, 90 процентов площади улиц составляли булыжные мостовые[151]. Больше половины домов были одноэтажными, среди них очень много деревянных. В некоторых частях города не было канализации и водопровода. Но и там, где водопровод был, летом, когда потребности города в воде возрастают, на третьих и четвертых этажах домов воды нередко не было. Отапливалась Москва в основном дровами и донецким углем[152].

Архитектурными памятниками официально были признаны лишь 216 зданий, но и этот список на союзном уровне не был никем утвержден[153]. Еще с 1918 года в городе сносили памятники, срывали иконы с башен Кремля и соборов[154]. В 20-е годы продолжался снос церквей (например, на Мясницкой) и разгром монастырей (в их числе — Данилов монастырь). В 1927 году были снесены Красные ворота.

Могущественные предприятия и организации, размещавшиеся в Москве, вели несогласованную, хаотичную застройку. До 1930 года на планировку Москвы тратилось 50 тысяч рублей; на планировку Харькова — 100 тысяч, Ленинграда — 130 тысяч[155].

К многочисленным разрушениям 20-х годов Каганович не

имел, да и не мог иметь никакого отношения. Однако он сам нередко подчеркивал малоценность, никчемность старой Москвы: «…пролетариату в наследство осталась весьма запутанная система лабиринтов, закоулков, тупичков, переулков старой купеческо-помещичьей Москвы… плохонькие, старенькие строения загромождают лучшие места нашего города»[156]. Признание хоть какой-то ценности, хоть какой-то части архитектурного наследства Москвы полностью отсутствует в речах и докладах Кагановича.

В свое время А. В. Луначарский возражал против сноса древних Иверских ворот с часовней, располагавшихся при входе на Красную площадь у Исторического музея. Там же предполагалось снести церковь на углу Никольской улицы. А. В. Луначарского поддерживали ведущие архитекторы. Каганович, подводя итог обсуждению, безапелляционно сказал: «А моя эстетика требует, чтобы колонны демонстрантов шести районов Москвы одновременно вливались на Красную площадь».

Замахнулись и на храм Василия Блаженного. Помешал архитектор, реставратор и историк П. Д. Барановский. Он добился встречи с Кагановичем и решительно выступил в защиту замечательного храма. Увидев, что Кагановича не убедили его доводы, Барановский отправил резкую телеграмму Сталину. Храм Василия Блаженного удалось отстоять, но Барановскому пришлось явно не без «помощи» Кагановича пробыть несколько лет в ссылке. Его жена рассказывала: «Петр Дмитриевич одно только и успел спросить у меня на свидании перед отправкой: „Снесли?“ Я плачу, а сама головой киваю: „Целый!“[157]»

Как видим, в этих случаях Каганович сам принимал варварское решение и категорически настаивал на его исполнении. В других случаях (и это как правило) его роль и долю ответственности невозможно установить точно. Видимо, многие «белые пятна» останутся белыми, несмотря на усилия историков; и в этом есть своя мрачная логика: преступления — и малые и большие — всегда совершаются подальше от людских глаз, и дефицит сведений у историков сам по себе дает почувствовать дух эпохи: «Мы живем, под собою не чуя страны, наши речи за десять шагов не слышны» (О. Э. Мандельштам). Но — возвращаясь к Кагановичу — даже если инициатива уничтожения была не его (пример — храм Христа Спасителя), от него исходило отнюдь не молчаливое согласие.

Да и Сталин, позволивший Василию Блаженному остаться в живых, сделал это отнюдь не из любви к старине: «Как-то Хрущев доложил Сталину о протестах по поводу сноса старинных зданий. Сталин задумался, а потом ответил: „А вы взрывайте ночью“[158].

В начале связанной с Москвой деятельности Кагановича, в декабре 1930 года, по его инициативе и с одобрения Сталина была произведена административная реорганизация: вместо шести районов стало десять, было закрыто управление коммунального хозяйства и появились тресты при Моссовете: Трамвайный, Мосавтотранс, Гордоротдел и другие[159]. Вместо Мослеспрома, заготовлявшего дрова для всего города, стали выделять лесные участки районам, которые сами должны были себя обеспечить[160].

В эти месяцы впервые был поднят вопрос о новом Генеральном плане для Москвы — пока еще не на трибунах, а в кабинетах. Сам Каганович так описывал это: „Началось с того, что в связи с некоторыми заминками в снабжении населения топливом и водой на политбюро товарищем Сталиным был поставлен вопрос об обеспечении населения топливом, водой, о жилищном хозяйстве и о плохом состоянии мостовой на Арбатской площади. По мере рассмотрения этих вопросов товарищ Сталин все расширял и расширял рамки обсуждения до вопроса о Генеральном плане перестройки города Москвы… выросли вопросы о канале Москва — Волга, строительстве водопроводных станций, обводнении реки Яузы, постройке новых мостов, сооружении метро, сносе Китайгородской стены…“[161]

Обращает на себя внимание странное соседство в предложениях товарища Сталина — в ряд общегородских проблем (вода, топливо и т. д.) почему-то попала разъезженная арбатская мостовая. Если вспомнить, что Сталин ездил в Кремль через Арбат, можно предположить, что Генплан начался с какой-нибудь дорожной выбоины, на которой в одно прекрасное утро слегка подбросило пассажира правительственной автомашины…

В июне 1931 года на пленуме ЦК Каганович сделал доклад, сыгравший, по-видимому, ключевую роль в судьбе Москвы и советской архитектуры в целом[162]. В нем говорилось о строительстве метро и о составлении Генерального плана реконструкции Москвы, о канале Москва — Волга. Предполагалось сделать Москву „лабораторией“ строительства и „образцовым“ городом — эта идея впоследствии оказалась удивительно живучей. 40 лет спустя лозунг „Превратим Москву в образцовый коммунистический город“ произнес с трибуны сам Брежнев, и в течение нескольких лет слова эти не сходили с плакатов и газетных полос.

А пока, в 30-е годы, только начали утверждать, что законы роста городов для нас не писаны — Каганович даже применил термин „социалистический тип роста столицы“. Он считал реальным равномерно распределять население по площади

города и столь же равномерно „растить“ город по всей территории страны, равномерно распределяя промышленность. Было провозглашено решение не строить новых заводов в Москве и Ленинграде — оно осталось на бумаге.

Двумя фразами было покончено с целым направлением архитектурной мысли — „дезурбанистами“: „Болтовня об отмирании, разукрупнении и самоликвидации городов — нелепость. Больше того — она политически вредна“. Развитие города мыслилось как развитие прежде всего городского хозяйства — механизма, в котором житель будет винтиком, как и в сталинском государстве в целом. Лишь в самом конце раздела „жилищное хозяйство“ Каганович сказал пару слов об эстетической стороне дела: „Точно так же мы должны поставить перед собой задачу наилучшей планировки города, выпрямления улиц, а также архитектурного оформления города, в целях придания ему должной красоты“. Примитивное понятие „оформление“ Каганович применял очень часто. Говоря об „оформлении“ всех городов СССР, он смог додуматься лишь до того, что улицы должны быть „ровными“ и „широкими“, а дома в центре — „большими“. Но зато он многословно опровергал идеи вроде массовой ликвидации индивидуальных кухонь, и „никаких комнат для общего пользования мужа и жены“.

Но кроме слишком бедных и грубых архитектурных концепций пленум наметил много полезных практических работ, о которых будет сказано ниже.

В тот год на улице Фрунзе была снесена Знаменская церковь, впервые упоминавшаяся в 1600 году. По имени этой церкви улица до 1925 года называлась Знаменка. 30 августа закрыта церковь на Вознесенской улице (у Никитских ворот), в которой ровно за 100 лет перед этим венчался Пушкин (здание церкви сильно пострадало, но уцелело и впоследствии, в 70-е годы, было отреставрировано).

В том же 1931 году было заасфальтировано Можайское шоссе. Впервые Москву асфальтировали не иностранные фирмы (американские и немецкие), а дорожный отдел Моссовета[163].

Началось строительство метрополитена. О некоторых первых трудностях свидетельствовал впоследствии сам Каганович: „Подавляющая часть набранных рабочих совершенно не была знакома не только со строительством метро (никто из нас, понятно, не имел ранее опыта подобного строительства), но и с теми отраслями земляных, бетонных, арматурных и прочих работ, на которые они были поставлены“[164].

В 1932 году при Моссовете было создано Архитектурнопланировочное управление (АПУ); в конце мая в

него был передан для согласования новый список московских памятников архитектуры, опять вдвое „похудевший“: из 216 зданий, перечисленных в 1928 году, в нем осталось 104[165].

В 1932 году в Кремле завершен снос монастырей — Вознесенского и Чудова (XIV век), Николаевского дворца и старейшего в Москве строения — храма Спаса на Бору (XII век). Кроме того, на улице Фрунзе снесена церковь Святого Николая Чудотворца, построенная в 1682 году „по прошению стремянного полка стрельцов“.

На совещании архитекторов-коммунистов Каганович произнес несколько фраз, звучащих ныне как саморазоблачение: „…ведь характерно, что не обходится дело ни с одной завалящей церквушкой, чтобы не был написан протест по этому поводу“. Уже из этих слов ясно, что московская интеллигенция сделала все от нее зависящее, чтобы остановить разрушения. Но какой вывод следует из этих многочисленных протестов? Тот же самый, какой Каганович делал всегда, при любых возражениях — вывод о враждебности оппонента: „Ясно, что эти протесты вызваны не заботой об охране памятников старины, а политическими мотивами — в попытках упрекнуть советскую власть в вандализме. А создают ли коммунисты-архитекторы атмосферу резкого отпора и общественного осуждения таким реакционным элементам архитектуры? Нет, сейчас не только не создают, но и потворствуют этим реакционерам…“[166]

Ведал Каганович, что творит. И предупреждений услышал достаточно.

Между тем объявленный в конце 1930 года конкурс на новый план реконструкции Москвы тихо, без некрологов скончался: не дожидаясь официального утверждения победителя, как и официального утверждения списка неприкосновенных памятников, АПУ приступило к осуществлению проекта В. Н. Семенова, ставшего главным архитектором Москвы. Началось осуществление с того, что в 1932–1933 годах при строительстве Дома Совета труда и обороны (ныне — здание Госплана) в Охотном ряду снесли церковь Параскевы Пятницы; в разгар очень тщательной, с большим искусством выполнявшейся под руководством П. Д. Барановского реставрации — снесли палаты В. Голицына (1687). Напротив, в Охотном ряду, стали строить гостиницу Моссовета (впоследствии гостиница „Москва“), начисто позабыв о принятом в 20-х годах по предложению С. М. Кирова решении построить на этом самом месте Дворец труда, на проект которого уже был проведен громкий международный конкурс. Почти все 104 еще оставшихся в официальном списке памятника попадали по проекту В. Н. Семенова в зону

реконструкции[167].

Многие молодые руководители 20-х и 30-х годов проявили желание и способность осваивать новые для себя сферы деятельности. Каганович, не в пример им, не пытался расширить свой кругозор. Его суждения об архитектуре оставались столь же примитивными и самоуверенными.

Осенью 1933 года он говорил о строительстве Москвы так: „Построили мы много. Но среди многого хорошего настроили много неумелого, некрасивого. Некоторые считают, что упрощенное грубое оформление — это стиль пролетарской архитектуры. Нет уж, извините, пролетариат хочет не только иметь дома, не только удобно в них жить, но также иметь дома красивые. И он добьется того, чтобы его дома, его архитектура были более красивыми, чем в других городах Европы и Америки“[168]. Архитектура Азии и Африки, видимо, представлялась Кагановичу неконкурентоспособной.

В 1933 году было создано свыше 20 проектных и планировочных мастерских[169]. Какую роль в разработке нового Генплана играл лично Каганович, можно понять из похвального слова В. А. Дедёхина, начальника отдела проектирования Моссовета: „Я вспоминаю одно из многочисленных совещаний у Лазаря Моисеевича, посвященное реконструкции Москвы.

На этом совещании был создан ряд комиссий и подкомиссий. Мне пришлось работать председателем исторической подкомиссии. К работам в ней были привлечены виднейшие историки и архитекторы. Мы изучали и анализировали планировку Москвы, ее рост, развитие, начиная с XIV века…

Когда эта работа была проделана, нас опять собрал Лазарь Моисеевич, снова обсуждал вместе с нами все вопросы, говорил, что и как надо исправить. Его указания были так четки, замечания сделаны с таким знанием дела, что вызывали восторг у каждого из нас“[170].

Под „четкостью“ указаний, видимо, имеется в виду не их категоричность (что разумелось само собой), а предельная конкретность вплоть до мелочей. Это подтверждал архитектор Д. Ф. Фридман, с энтузиазмом отрекавшийся от творческой самостоятельности: „Лишь тогда, когда я впервые попал на заседание Моссовета, где Лазарь Моисеевич Каганович дал установки по реконструкции столицы, я увидел и почувствовал в конкретных и ясных образах, какой должна быть новая Москва.

Речь Лазаря Моисеевича была настолько конкретна и ясна, что после нее архитектору оставалось сделать лишь одно: поскорее взяться за карандаш“[171].

Важное свидетельство, не оставляющее сомнений в

ответственности Кагановича за печальную судьбу Москвы, оставил руководитель 7-й архитектурно-планировочной мастерской Н. Х. Поляков: „Архитектурно-планировочное решение центра, пожалуй, самая трудная из всех мыслимых задач планировки любого города, тем паче Москвы. ДО ПОЛУЧЕНИЯ УКАЗАНИЙ ТОВ. Л. М. КАГАНОВИЧА МЫ С ОПАСКОЙ ПОДХОДИЛИ К РЕШЕНИЮ ЦЕНТРА… Лазарь Моисеевич и тут разрешил все сомнения, развязал творческую инициативу архитекторов и планировщиков. По его предложению весь центр, то есть Китай-город, будет путем сноса всей мелкой застройки и озеленения превращен в огромный парк“[172].

Устная легенда рисует „конкретные указания“ Кагановича более простыми по форме и содержанию, чем их преподносят письменные свидетельства: он якобы вошел в комнату, когда архитекторы обсуждали Генплан, стоя над макетом центра; подошел, смахнул рукой со стола какие-то памятники и сказал: убирайте.

Одновременно вождь московских большевиков забраковал предложение архитекторов возвести на Красной площади, на месте ГУМа огромный небоскреб Наркомтяжпрома. Каганович „перенес“ высотное здание в Зарядье, на Варварку. Единожды принятое решение повлияло на судьбы нескольких поколений архитекторов: и после войны, и после смерти Сталина различные коллективы разрабатывали все новые и новые проекты высотных доминант, предназначавшихся на указанное место, пока наконец там не появилась гостиница „Россия“. Получается, что ее местоположение определил человек, к началу строительства давно уже отстраненный от руководства и исключенный из партии. В 70-е годы архитекторы и проектировщики продолжали также работать и над идеей прокладки четырех скоростных магистралей в обход центра города. А как этот замысел в свое время возник и утвердился, рассказал тот же Н. Х. Поляков: „Первый этап нашей работы был посвящен проектированию обходных магистралей. Наша бригада разработала ряд эскизов и проектов, в отдельности неплохих, но в сумме своей в целом только усложнявших сеть улиц и схему движения. Мы сами не могли прийти к единому плану. Тогда Лазарь Моисеевич, тщательно ознакомившись с материалом, просто и ясно, наилучшим образом разрешил все наши сомнения“.

Решения июньского (1931) пленума ЦК были рассчитаны на три года, и действительно, Москва в это время быстро становилась качественно иным городом. К началу 1935 года, еще до постройки канала Москва — Волга, был реконструирован водопровод (в частности, построены Рублевская и Истринская

плотины), благодаря чему подача воды в город удвоилась. Впервые появился водопровод в Кожухове, Ростокине, Кутузовской слободе, в Филях. Было проложено 59 километров канализационных труб и ликвидированы старые свалки в черте города: Калужская, Алексеевская, Сукино болото. Площадь асфальта выросла с 1928 года в семь раз и составила 25 процентов площади города, хотя мощение улиц брусчаткой и булыжником продолжалось. С улиц исчезли последние газовые и керосиновые фонари[173].

При Кагановиче был похоронен опыт 20-х годов (впрочем, небольшой и не особенно пышный) по борьбе с нищенством, бродяжничеством и проституцией. Начиная с 1926 года специальные комиссии пытались обеспечить взрослых беспризорников (преимущественно выходцев из деревни) хоть каким-то жильем и работой. В 1929–1930 годах в Москве открылись пункты социальной помощи — на Казанском вокзале, при женском ночлежном доме и в других местах. Примеру Москвы последовали еще 8 городов. Однако в дальнейшем решено было не помогать проституткам и нищим (среди которых было много инвалидов), но объявить их врагами. В конце 30-х годов было объявлено, что этих социальных язв в нашей стране больше нет[174]. Трудно установить, какую роль сыграл в бездумном откладывании этих проблем на будущее лично Каганович. Как и в ряде других случаев, можно лишь констатировать, что он мог сделать многое и не сделал ничего.

Положение с жильем обострялось, несмотря на рост строительства. В эти годы был преодолен сезонный характер строительства, в 4 раза выросла кирпичная промышленность Москвы. Однако уничтожилось много старого жилья, а вводившиеся ежегодно 500–700 тысяч квадратных метров жилой площади не могли компенсировать рост населения, составлявший в начале 30-х годов около 200 тысяч человек ежегодно.

Хотя Каганович и говорил о необходимости иметь в Москве не менее двух тысяч автобусов, в намеченный срок эта цифра достигнута не была: в 1934 году в Москве насчитывалось 422 автобуса. В ноябре 1933 года первые два московских троллейбуса были пущены по Ленинградскому шоссе от Тверской Заставы до Окружной железной дороги[175].

Той же осенью была решена судьба Сухаревой башни, замечательного памятника архитектуры Петровского времени, стоявшего на месте нынешней Колхозной площади. Вопрос о ее сносе как будто решили еще летом (таким образом от Сретенки на 1-ю Мещанскую открывалось уличное движение, которому башня препятствовала). Но несколько видных архитекторов

написали письмо Сталину с предложением решить проблему движения без сноса башни. На время вопрос повис в воздухе. Затем из Сочи последовала телеграмма Кагановичу от Сталина и Ворошилова (многие важные решения Сталин оформлял именно такими телеграммами с юга в Москву за двумя подписями — Сталин и Жданов, Сталин и Молотов и т. д.):

„Мы изучили вопрос о Сухаревой башне и пришли к тому, что ее надо обязательно снести. Предлагаем снести Сухареву башню и расширить движение. Архитекторы, возражающие против сноса, слепы и бесперспективны. Сталин. Ворошилов“[176].

Через день — услужливый и циничный отклик Кагановича: „…я дал задание архитекторам представить проект ее перестройки (арки), чтобы облегчить движение. Я не обещал, что мы уже отказываемся от ломки, но сказал им, что это зависит от того, насколько их проект разрешит задачу движения. Теперь я бы просил разрешить мне немного выждать, чтобы получить от них проект. Так как он, конечно, не удовлетворит вас, то мы им объявим, что Сухареву башню ломаем. Если вы считаете, что не надо ждать, то я, конечно, организую это дело быстрее, то есть сейчас, не дожидаясь их проекта“.

Архитекторы еще трудятся в надежде спасти памятник, а все уже решено. Когда разборка башни началась, было отправлено новое отчаянное письмо Сталину, на которое тот спокойно ответил: „Лично считаю это решение правильным, полагая, что советские люди сумеют создать более величественные и достопамятные образцы архитектурного творчества, чем Сухарева башня“[177].

На этом примере хорошо видно, кто персонально несет наибольшую долю ответственности за разрушение архитектурных памятников Москвы.

Роль Кагановича в новом строительстве, осуществлявшемся в Москве в 30-е годы, исключительно велика. Приведем рецензию тех лет на новую книгу о Москве[178].

„Москва“ — так называется эта прекрасно изданная книга — документ о реконструкции старой, купеческой Москвы и сказочного превращения ее в молодую, жизнерадостную столицу социалистической родины… Не узнаешь старых мест, где лишь несколько лет назад бывал неоднократно… Там, где когда-то стоял Симонов монастырь, выросло красивое, монументальное здание Дворца культуры…

И красной нитью по всей книге проходит могучая личность нашего вождя товарища И. В. СТАЛИНА, гений его ума, вдохновляющий социалистическую реконструкцию нового города, и фигура его соратника, непосредственного организатора побед,

руководителя московских большевиков Л. М. КАГАНОВИЧА.

Какой теплотой и любовью к уму великого человека, к его ученику и соратнику пронизаны строки всей книги…

Тов. Кагановича авторы книги именуют запросто Лазарем Моисеевичем. Именно так звали его тысячи строителей московского метро, так зовут пролетарии столицы, вкладывая в эти слова свое уважение к крупному организаторскому таланту, к пылкому темпераменту и пламенным речам этого большого человека…»

Далее в этой рецензии следуют, казалось бы, все такие же дежурно-проникновенные восторги, но сквозь них начинает проступать и угадываться реальный стиль Кагановича-руководителя.

…Для него не существует «мелочей». От разрешения сложнейших технических вопросов строительства метро, над которыми задумывались крупнейшие специалисты, до определения ширины Моховой улицы… Ничто не ускользает от взора и внимания Лазаря Моисеевича.

«Если бы меня спросили, кто является автором проектов реконструкции московских улиц, мостовых и набережных, то я с полной уверенностью заявил бы, что в основу каждой детали, вплоть до выбора цвета облицовки, ложатся четкие и бесспорные указания нашего любимого руководителя и организатора — Л. М. Кагановича», — пишет начальник городского дорожного отдела П. Сырых.

Как представляется, все это — не пустая лесть. Работавшие с Кагановичем вспоминают его как энергичного, работоспособного, дотошного руководителя, умелого организатора. Кроме того, данное свидетельство доказывает, что доля ответственности Кагановича за все, творившееся в Москве в 30-е годы, очень велика. А стиль его работы по-своему эффективен, но от совершенства далек, ибо нельзя объять необъятное. Если политический руководитель вникает во все «вплоть до цвета облицовки», то что же остается архитектору и зачем он, архитектор, нужен? В кого превращается художник, творец? Видимо, не случайно при Кагановиче прокатилась волна разоблачения «формалистов», «урбанистов», «дезурбанистов» — и архитектурные дискуссии, и конкурсы сменились диктатом и интригами.

Но закончим прерванную цитату: «…И с гордостью носят ударники метро почетный значок им. Кагановича, знак ударной работы по созданию лучшего в мире метро под руководством нашего железного народного комиссара».

Первый проект метрополитена в Москве был представлен

Городской думе в августе 1902 года инженером П. И. Балинским. Единогласное решение думы и Московского митрополита: «Господину Балинскому в его домогательствах отказать». Объяснялась причина отказа: «Тоннели метрополитена в некоторых местах пройдут под храмами на расстоянии всего лишь 3 аршин, и святые храмы умаляются в своем благолепии»[179].

В 30-е годы «умаление благолепия» считалось, конечно, не минусом, а плюсом. Первая очередь Московского метрополитена — возможно, главная стройка, связанная с именем Кагановича. Печать называла его «Магнитом Метростроя» и Первым Прорабом. Бывший репортер газеты «Вечерняя Москва» А. В. Храбровицкий вспоминает: «Роль Кагановича в строительстве первой очереди метро была огромной. Он вникал во все детали проектирования и строительства, спускался в шахты и котлованы, пробирался, согнувшись, по мокрым штольням, беседовал с рабочими. Помню техническое совещание, которое он проводил под землей в шахте на площади Дзержинского, где были сложности проходки. Было известно, что Каганович инкогнито ездил в Берлин для изучения берлинского метро. Вернувшись, он говорил, что в Берлине входы в метро — дыра в земле, а у нас должны быть красивые павильоны.

Желанием Кагановича было, чтобы первая очередь метро была готова „во что бы то ни стало“ (помню эти слова) к 17-й годовщине Октября — 7 ноября 1934 года. На общемосковском субботнике 24 марта 1934 года, где Каганович сам действовал лопатой, его спросили о впечатлениях; он ответил: „Мои впечатления будут 7 ноября“. Поэт А. Безыменский написал в связи с этим стихи: „То метро, что ты готовишь, силой сталинской горя, пустит Лазарь Каганович в день седьмого ноября“. Сроки были передвинуты после посещения в апреле шахт метро Молотовым в сопровождении Хрущева и Булганина, в отсутствие Кагановича. Стало известно (очевидно, были серьезные сигналы) о низком качестве работ, вызванном спешкой, грозившем неприятностями в будущем. О сроках пуска перестали писать… Рядом с Кагановичем я всегда видел Хрущева. Каганович был активен и властен, а реплики Хрущева помню только такие: „Да, Лазарь Моисеевич“, „Слушаю, Лазарь Моисеевич…“»

Заметим, что в воспоминаниях А. В. Храбровицкого присутствует та же характерная черта: «вникал во все детали».

Первая очередь метро была пущена 15 мая 1935 года. На станциях висели огромные портреты Сталина и Кагановича, красочные лозунги с приветствиями Кагановичу. Сталин прокатился «вместе с народом» из конца в конец линии, туда и

обратно. Московскому метрополитену тут же было присвоено имя Кагановича. Первое время многие москвичи ходили в метро просто «посмотреть», как на аттракцион или в цирк, и даже старались по такому случаю одеться получше.

Немного ранее, когда строительство метро только завершалось, 14 июля 1934 года, Сталин устроил совещание по Генплану Москвы. Кроме членов политбюро в нем участвовали, как выразился Каганович, «более 50 архитекторов и планировщиков, работающих по оформлению нашей столицы»[180]. Как видим, слово «оформление» не только было у Кагановича случайным, но выражало его понимание роли и места архитекторов. «Товарищ Сталин дал нам основные важнейшие установки дальнейших путей развития и планировки города Москвы»[181], — говорил об этом совещании Каганович. В действительности Сталин предложил лишь создать по всему городу крупные зеленые массивы. В проект немедленно включили (в интересах озеленения) ликвидацию кладбищ — Дорогомиловского, Лазаревского, Миусского, Ваганьковского, что и было в дальнейшем осуществлено — к счастью, не до конца.

После встречи в Кремле началась вакханалия разрушений: Златоустовский, Сретенский, Георгиевский, Никитский монастыри; церковь Сергия Радонежского (XVII век) на Большой Дмитровке; церкви Крестовоздвиженская и Дмитрия Солунского; напротив Большого театра идут разрушения в Никольском греческом монастыре — вместе с собором 1724 года постройки уничтожаются могилы поэта и дипломата А. Д. Кантемира и его отца, молдавского господаря начала XVIII века; в октябре сносят церковь Троицы на Полях (1566) — на ее место перенесен и поныне стоит памятник Ивану Федорову (1909); рядом с этой церковью сносят дом, в котором в 1801 году жил Н. М. Карамзин.

Но, может быть, главная утрата 1934 года — Китайгородская стена (1535–1538). Вместе с Варварскими ее воротами снесена пристроенная к ним часовня Боголюбской богоматери. Вместе с Владимирскими (Никольскими) воротами на Лубянской площади снесена давшая им название Владимирская церковь и высокая часовня Святого Пантелеймона, принадлежавшая ранее Афонскому Пантелеймоновскому русскому монастырю; годом раньше на этом же небольшом участке снесена церковь Николы Большой Крест.

Перечень утраченного при Кагановиче можно продолжать и продолжать: храм Христа Спасителя, церковь Михаила Архангела на Девичьем поле, красивейшая церковь Святой Екатерины в Кремле у Спасской башни, дома, в которых родились Пушкин и Лермонтов. К тому же рядовую застройку вообще никто не

рассматривал как культурную и историческую ценность, то есть «сохранение старины» понималось всего лишь как сохранение отдельных зданий в качестве музейных экспонатов. Среда города, его неповторимая атмосфера были обречены.

Но даже и включавшиеся в списки памятников постройки отнюдь не были застрахованы от уничтожения. Из трех упоминавшихся выше в списке ни один не был утвержден на союзном уровне. Из 104 зданий списка 1932 года погибло 29. 20 марта 1935 года ВЦИК своей властью наконец-то взял под охрану государства 74 московских памятника архитектуры. То есть предыдущий перечень уменьшился почти на треть. 74 — это шестая часть списка 1925 года, или одна треть списка 1928 года. 74 — это 5 процентов того, что ныне, после всех разрушений, считается в Москве памятниками архитектуры и охраняется государством. Но даже из этих 74 два — Успенская церковь на улице Чернышевского и Никольская в Армянском переулке — были снесены[182].

Каганович был рьяным сторонником такой «градостроительной» политики. Разумеется, остановить ее было не в его власти, но попытаться спасти хотя бы что-то он мог.

В марте 1935 года, только что назначенный наркомом путей сообщения и занятый срочными делами по «наведению порядка» на железных дорогах, он нашел время внезапно нагрянуть посреди рабочего дня в Архплан. Потребовав карту рельефа Москвы, Каганович несколькими штрихами синего карандаша очертил будущий юго-западный жилой район и тут же открыл совещание архитекторов, продолжавшееся до трех часов ночи. В 6 часов утра он повез участников заседания на Воробьевы горы. В рассветных сумерках, проваливаясь в талом снегу, они долго ходили по пригороду. Каганович дал указание не уничтожать овраги, но использовать необычные ландшафты в сочетании с мостами и зеленью. Разъехались по домам засветло[183].

Принятое решение тоже было выполнено много лет спустя, уже после отставки его автора.

10 июля 1935 года Генеральный план реконструкции Москвы был утвержден. Один из участников его разработки, А. Кольман, вспоминает: «В 1933 или 1934 году Л. М. Каганович пригласил меня — как математика — принять участие в возглавляемой им комиссии по составлению Генерального плана реконструкции города Москвы. Задачей этой многочисленной комиссии… было окончательно сверстать план, над которым уже много времени трудились сотни специалистов. Нам нужно было проработать, на основе несметной кучи материалов, компактный документ и представить его на утверждение политбюро.

Наша комиссия работала в буквальном смысле днем и ночью. Мы заседали чаще всего до трех часов утра, а то и до рассвета, — таков был в те годы и до самой смерти Сталина стиль работы во всех партийных, советских и прочих учреждениях. Трудоспособность нашей комиссии и ее председателя была в самом деле неимоверна. На окончательном этапе работы Каганович поселил пятерых из нас за городом на одной из дач ЦК, где мы, оторванные от отвлекающих телефонных звонков, быстро завершили всю работу, составили проект постановления политбюро.

Нас пригласили на его заседание, на обсуждение плана. В громадной продолговатой комнате, за длиннющим столом буквой „Т“ сидели члены политбюро и секретари ЦК, а мы, члены комиссии, разместились на стульях вдоль стен. В верхней, более короткой стороне буквы „Т“ восседал в центре только один Сталин, а сбоку — его помощник Поскребышев. Собственно, там было только место Сталина, а он безостановочно, как во время доклада, так и после него, прохаживался взад и вперед вдоль обеих сторон длинного стола, покуривая свою короткую трубку и изредка искоса поглядывая на сидящих за столом. На нас он не обращал внимания. Так как наш проект был заранее роздан, Каганович лишь очень сжато доложил об основных принципах плана и упомянул о большой работе, проделанной комиссией. После этого Сталин спросил, есть ли вопросы, но никаких вопросов не было. Всем было все ясно, что было удивительно, так как при громадной сложности проблемы нам, членам комиссии, проработавшим не один месяц, далеко не все было ясно. „Кто желает высказаться?“ — спросил Сталин. Все молчали.

Сталин все прохаживался, и мне показалось, что он ухмыляется в свои усы. Наконец, он подошел к столу, взял проект постановления в красной обложке, полистал и, обращаясь к Кагановичу, спросил: „Тут предполагается ликвидировать в Москве подвальные помещения. Сколько их имеется?“ Мы, понятно, были во всеоружии, и один из помощников Кагановича… тут же подскочил к Кагановичу и вручил ему нужную цифру. Она оказалась внушительной, в подвалах, ниже уровня тротуара теснились тысячи квартир и учреждений.

Услышав эти данные, Сталин вынул трубку изо рта, остановился и изрек: „Предложение ликвидировать подвалы — это демагогия. Но в целом план, по-видимому, придется утвердить. Как вы думаете, товарищи?“ После этих слов все начали высказываться сжато и одобрительно, план был принят с небольшими поправками… В заключение Каганович взял слово, чтобы извиниться за подвалы. Этот пункт, дескать, вошел в

постановление по оплошности… Это была неуклюжая и лживая увертка… Ведь каждый понимал, что перед тем, как подписать столь ответственный документ, Каганович несколько раз внимательнейшим образом перечитал его…»[184]

Вскоре после утверждения состоялось посвященное Генплану общемосковское собрание архитекторов, превратившееся в ритуал поклонения принятому документу. Докладчик А. Я. Александров утверждал, что такой план не был бы возможен «ни при какой другой общественной формации»; что он «формулирует основные принципы планирования социалистических городов» и т. п. В несколько туманных выражениях критиковались архитектурные мастерские: «многие из них построили свою работу не на принципах, указанных т. Л. М. Кагановичем, и выродились в деляческие проектные конторы»[185].

В Ленинграде последовали аналогичные мероприятия со Ждановым в главной роли. На октябрьские праздники в Москве на улице Горького в витринах выставили проекты будущих площадей и проспектов — и это стало традицией на все предвоенные годы.

Генплан 1935 года по сей день оказывает влияние на принимаемые градостроительные решения. Прихотливая «вязь» московских улиц и архитектура должна была, согласно Генплану, погибнуть первой. По плану не только прорубались прямые и широкие проспекты к самому центру — расширялось и спрямлялось все, включая московские бульвары и переулки. Предполагалось огромное количество площадей — все открытые, парадные, удобные для транспорта. Город проектировался, как на ровном месте. Но составители Генплана демагогически изображали его как «золотую середину» меж двумя крайностями.

«ЦК отвергает предложения сохранить Москву вместе с Кремлем на положении музейного города старины, со всеми недостатками его планировки, и создать новый город за пределами Москвы. ЦК также отвергает предложения, сводившиеся к сплошному сносу всех зданий города, уничтожению нынешних улиц и прокладке новых улиц на нынешней территории города», — говорилось в постановлении о Генплане[186].

Безусловно, при осуществлении Генплана было много сделано для развития города: перекинуты новые мосты через Москву-реку, прорыт канал Москва — Волга, решивший проблему водоснабжения. Были устроены новые набережные, построен стадион в Лужниках… Но какой ценой? А были и образцы прямо-таки черного юмора: так, на месте Страстного монастыря спроектировали Дворец литературы; снесли монастырь,

поставили на новое место памятник Пушкину — «как бы» перед дворцом; а самого Дворца литературы нет и теперь уже не будет. Аналогичная история (но еще в большем масштабе) повторилась с Дворцом советов.

Сами методы, какими велось строительство и развитие Москвы, эволюционировали при Кагановиче не в лучшую сторону. В 20-е годы советская архитектура выдвинула много новых идей. С приходом Кагановича к руководству Москвой большая часть этого опыта была всерьез и надолго забыта. Пресеклось строительство домов-коммун и домов «переходного типа» — впоследствии эти идеи были позаимствованы и получили распространение в Швеции. Архитектурные конкурсы постепенно теряли значение.

Во все времена и во всех странах политическое руководство активно участвует в принятии решений о строительстве крупных объектов. Но в СССР в 30-е годы роль политиков оказалась гипертрофированной и в этой области. Не будучи архитектором, Каганович лично указал, что новое здание театра Красной Армии нужно строить в форме пятиугольной звезды — это было, конечно, бессмысленное решение, так как форму нового здания можно видеть ныне разве что с вертолета.

В разгар строительства дома Радиокомитета на Колхозной площади кто-то из руководителей страны высказал нечто отрицательное о вырисовывавшихся формах здания. Главный архитектор был отстранен. Каганович пригласил большую группу архитекторов и за столом с обильным угощением предложил «спасти» стройку. Никто не хотел браться за опасный для жизни объект. Тогда Каганович взял список приглашенных и назвал первую по алфавиту фамилию — архитектор Булгаков[187]. Знакомые «избранника» восприняли это назначение чуть ли не как смертный приговор, но в дальнейшем все, к счастью, обошлось благополучно. И хотя проект Булгакова тоже был не во всем доведен до конца, архитектор обрел известность и авторитет.

При Кагановиче были построены Дом общества политкаторжан (ныне — Театр-студия киноактера), Военная академия имени Фрунзе, Военно-политическая академия имени Ленина на Садовой, возле знаменитой ныне булгаковской квартиры № 50; Северный речной вокзал, здание комбината газеты «Правда», здания наркоматов — Наркомлес, Наркомзем, Наркомлегпром; одна из бывших гимназий была перестроена в Наркомат путей сообщения…[188]

Уже во время войны советский теоретик архитектуры Н. А. Милютин (одно время работавший председателем малого

Совнаркома РСФСР) в неопубликованной тогда рукописи подводил итоги начатых в 1931 году под руководством Кагановича градостроительных работ: «Десятилетний опыт реконструкции Москвы показывает: 1) При реконструкции улиц (напр., улица Горького) жилая площадь не увеличивается, а сокращается.

2) В реконструируемых районах города зеленые насаждения не увеличиваются, а резко сокращаются.

3) Не сокращается, а увеличивается число людей, живущих за городом и тратящих по 2–3 часа ежедневно на дорогу.

4) Не сокращаются, а увеличиваются задымление, запыление и шумы города…»

Об эстетических достоинствах нового строительства архитектор высказывается еще резче: «Сплошная, без зеленых разрывов застройка улиц (ул. Горького, 1-я Мещанская, Можайское шоссе и др.), мещанская безвкусица и эклектика архитектуры, особенно жилых зданий, застройка зеленых массивов и закрытие от улиц имеющихся парков… небрежная планировка улиц, отсутствие видовых раскрытий, низкое качество строительства… вот скромная характеристика нашей градостроительной практики»[189].

Примерно в таком же духе высказался посетивший в 1935 году СССР французский писатель Ромен Роллан: «Москва становится одним из заурядных европейских городов. Я не ощущаю в ней особой прелести. Меня поражает банальность ее застройки. Толпа на улице выглядит намного более по-московски, нежели новостройки, в которые ее одевают»[190].

В ЗЕНИТЕ

В 1935 году Г. Я. Сокольников предложил в политбюро разрешить издание беспартийного журнала. Он подвергся жестокому разносу, причем первой скрипкой в этом деле стал Каганович[191]. И на этот раз он был верен себе. На прошедшем в январе в Ленинграде судебном процессе впервые бывшие лидеры партии — Зиновьев и Каменев обвинялись не в каких-либо искривлениях «генеральной линии», а в уголовных преступлениях (причастности к убийству Кирова и других террористических замыслах). Эти, как и другие, бывшие оппоненты Сталина давно уже не представляли реальной опасности для его власти, и их возвращение на политическую арену было совершенно исключено по множеству причин. Невзирая на это, долгая и тщательная работа по подведению их под смертную казнь продолжалась. Тут сыграли свою роль и неограниченная мстительность Сталина, и расчетливый замысел использовать намеченные жертвы в качестве объектов идеологических кампаний, нагнетающих шпиономанию, недоверие и страх.

От либеральных надежд 1934 года не осталось и следа. Всю зиму 1935 года не прекращалась интенсивная всесоюзная кампания пропаганды необходимости, неотложности террора.

Тот год был особым годом Кагановича. Особым, но не безоблачным, как мы убедимся ниже.

7 января колхозник Поляков приветствует III съезд Советов Московской области. «Заключительный возглас Полякова:

— Да здравствует великий Сталин! Да здравствует его ближайший соратник, любимый руководитель московских большевиков тов. Л. М. Каганович! — тонет в аплодисментах, которые с новой силой возобновляются и переходят в бурную продолжительную овацию при предложении послать приветствия товарищам Сталину и Кагановичу»[192].

Сталин отсутствует. Каганович сидит в президиуме и выслушивает ритуальное послание, которое ему собираются направить. Это не первый и не последний случай, когда его величают «ближайшим соратником», «лучшим учеником» Хозяина. Впрочем, подобные эпитеты звучат лишь от имени восторженных рабочих и колхозников, в лучшем случае — в редакционных статьях. Официально никаких заявлений об особой близости Кагановича к Сталину не делается. Сам Сталин не опровергает и не подтверждает восклицания трудящихся.

28 февраля, в последний день зимы, происходит «частичная рокировка» должностей: наркомпути А. А. Андреев становится

секретарем ЦК ВКП(б), а Каганович занимает его место в НКПС, сохраняя за собой пост секретаря ЦК; однако он теряет два других важнейших поста — секретаря Московского комитета партии и председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б)[193]. Освободившиеся места занимают молодые и «растущие» — Хрущев и Ежов соответственно.

Назначение виднейших руководителей партии в хозяйственные наркоматы было в обычае еще со времен Гражданской войны. Железнодорожный транспорт для огромной страны был не просто важен — то было «узкое место» народного хозяйства, сдерживающее экономический рост. Назначение Кагановича на такой участок работы не выглядело опалой, однако преподнесено было чуть ли не как повышение. Всюду подчеркивалось, что железнодорожникам оказана большая честь. На всех вокзалах были вывешены портреты Кагановича. На Северном (Ярославском) вокзале Москвы буквы лозунга «Привет железному наркому т. Кагановичу» сделали такими крупными, что они целиком закрывали окна фасада второго этажа[194]. Без конца повторялись слова «под руководством тов. Л. М. Кагановича выведем транспорт на широкую дорогу побед». На несколько дней эта «широкая дорога» стала таким же вездесущим штампом, как минувший «перелом с перегибом» или грядущие «ежовые рукавицы». На полные обороты был запущен локальный ведомственный культ Кагановича в системе НКПС, о котором будет рассказано ниже. Пленум Московского комитета партии, заменивший Кагановича Хрущевым, принял в адрес уходящего руководителя большое послание, полное похвал и славословий[195].

В действительности новое назначение никак не могло способствовать росту влияния Кагановича, какие бы бури организованного энтузиазма ни бушевали вокруг. В то же время сравнительно «тихие» назначения Хрущева и Ежова были несомненным шагом наверх для них обоих. Уже не за горами было время, когда Каганович, оставаясь наркомом путей сообщения, навсегда уйдет во «вторую шеренгу» Политбюро; но пока на первый взгляд его роль и значение даже еще больше возросли.

Впереди было присвоение имени Кагановича московскому метро; но уже носили его имя — завод в Ташкенте и железная дорога в Сибири, Днепропетровский институт инженеров транспорта, подшипниковый и кожевенный заводы в Москве; в Воронеже привокзальный поселок был переименован в Кагановичский район, а также имелся Парк культуры и отдыха имени Кагановича. Был Кагановичский район и в Новосибирске, а

в Николаевске-на-Амуре закладывался огромный по тем временам ледокол «Лазарь Каганович».

Судя по всему, Лазарь Моисеевич, в отличие от Горького, испытывал не смущение, а удовольствие от вторжения своей фамилии в топонимику страны.

15 марта Каганович был награжден еще очень редким в ту пору орденом Ленина[196]. Поздней весной 1935 года Каганович, Постышев и нарком внутренних дел Украины Балицкий посетили Чернобыль. Для маленького городка это было выдающееся событие. Встречать дорогих вождей (в тот год это слово еще официально употреблялось во множественном числе) вышло все городское руководство, учащиеся двух средних школ, значительная часть рядовых жителей. Районная газета поместила стихи, специально сочиненные по этому случаю. Они были исполнены перед гостями на мелодию песни «По долинам и по взгорьям». Руководитель Метро-строя посетил свое родное село, которое с того дня стало именоваться «Кагановичи». Лучшее здание Чернобыля, в котором размещался райисполком, было отдано под Дворец пионеров. В те времена районный центр не мог об этом и мечтать[197].

Новая демонстрация любви к Лазарю Моисеевичу была связана с пуском метро в середине мая. Через несколько дней произошла авиакатастрофа — разбился самолет «Максим Горький», на борту которого находились многие известные стране ударники труда. Вскоре в печати появились резолюции собраний трудящихся о сборе средств на постройку новых самолетов-гигантов, причем первые дни упоминались лишь два имени для этих самолетов: «Максим Горький» и «Лазарь Каганович»[198].

10—11 июля прошел объединенный пленум МГК ВКП(б) и Моссовета, посвященный новому Генеральному плану реконструкции Москвы. Каганович выступил с большой речью. Пленум послал два приветствия: одно — Калинину и Молотову; другое, втрое больше, — Кагановичу. В последнем говорилось: «Во всей своей работе ты неуклонно проводил и проводишь в жизнь гениальные указания товарища Сталина. Изо дня в день ты учишь нас и показываешь нам всей своей работой, что высшим законом для большевика и каждого пролетария является преданность и горячая любовь к вождю пролетариев всего мира — товарищу Сталину…

Да здравствует лучший сталинец товарищ Каганович!

Да здравствует наш великий вождь, учитель и друг товарищ Сталин!»[199]

Но напомним: и 1935 год не был для Кагановича безоблачным.

Как известно, и при самом высоком полете попадаются воздушные ямы. Сталин периодически делал зловещие намеки каждому из приближенных, находящихся как будто бы на вершине власти — точно так же, как он подавал неожиданную надежду многим обреченным накануне предрешенной казни.

12 июля 1935 года Каганович участвовал в поездке на Тушинский аэродром в компании со Сталиным, Ворошиловым, Андреевым, Хрущевым и Косаревым. Был устроен воздушный праздник. Четыре парашютистки, приземлившись на виду у гостей, преподнесли вождям цветы, обделив при этом Кагановича и его протеже — Хрущева. Участники праздника могли и не заметить такую мелочь, но сам Каганович должен был задать себе вопрос: случайность это или сигнал? Если сигнал, то что он означает? Когда гости уехали, аэроклуб, по традиции тех лет, принял восторженные обращения — но только к Сталину и Ворошилову, начисто позабыв о «ближайшем соратнике»[200].

Общение с массами — и ритуальное, и неформальное — занимало сравнительно много времени. Через четыре дня после посещения аэроклуба Каганович, выступив днем на пленуме Моссовета, вечером поехал вместе со Сталиным, Орджоникидзе, Калининым, Чубарем и Ждановым в НАТИ, где они два часа наблюдали за испытаниями тракторов[201]. 30 июля, во время физкультурного парада, на трибуне Мавзолея рядом с Кагановичем посасывал трубку Горький; стоял на трибуне и приехавший в Союз Ромен Роллан[202].

В следующем месяце в течение всего лишь четырех дней — с 26 по 29 августа — Каганович принял конников Туркмении, совершивших переход Ашхабад — Москва, велосипедистов-железнодорожников, участвовавших в велопробеге Хабаровск — Москва, и участников совещания графистов[203]. Причем встреча с графистами была сугубо деловая, без всяких общих слов.

Между прочим, Ромен Роллан упомянул о Кагановиче в своих записках о поездке в СССР: «…Кто может быть уверен, что знает его? Из всех народных комиссаров он самый замкнутый. Что он представляет собой на самом деле, о чем думает — нелегко догадаться… Он холоден и никогда не смеется. (Это поражало на ужине у Горького среди всеобщего шумного веселья.) Если бы он не был старым испытанным революционером, соратником Сталина по Гражданской войне, я подумал бы: „Берегись будущего соперника!“ Но, как бы то ни было, я думаю, что это руководитель завтрашнего дня»[204].

Но было бы ошибкой думать, что Каганович хотя бы на время занял положение, подобное тому, которое занимали какой-то срок Геринг при Гитлере или Линь Бяо при Мао Цзэдуне.

Фактически Сталин никому не позволял быть «человеком номер два». Даже на пропагандистском уровне такой статус ни за кем не был жестко зафиксирован. Когда тем же летом 1935 года был опубликован список именных самолетов-гигантов, намеченных к постройке взамен погибшего «Максима Горького», самолет «Лазарь Каганович» шел в списке лишь восьмым — пропустив вперед имена Калинина, Молотова, Ворошилова, Орджоникидзе. Каждый из этих четверых тоже время от времени изображался «ближайшим». Этим же четверым (не считая Калинина и включая Кагановича) рассылались важнейшие секретные документы, предназначенные для сведения лично Сталина.

Прошло всего десять лет с того дня, когда Лазарь отправлялся руководить компартией Украины, будучи малоизвестным в партии и стране аппаратчиком. А ныне ему давно уже было некуда дальше расти, и лучшее, что могло бы произойти с его карьерой, — это если бы не происходило ничего. Он довольно легко выдерживал сталинский режим рабочего дня почти без сна, почти без выходных; но многих подчиненных доводил до нервного истощения. Он полностью вписывался в распространенный в то время среди управленцев тип человека — дисциплинированного, работоспособного, фанатичного, подозрительного и грубого.

Наивысший взлет Кагановича не имеет четких временных границ, и о причинах последовавшего в дальнейшем уменьшения его влияния можно лишь догадываться. Впрочем, догадки требуются при поисках истины. При поисках же врагов требуется другое — упрощение. «Кто таков Каганович, чей план последовательного разрушения исторического центра Москвы тоже приписывается Сталину? Каганович, долгие годы бывший, по сути, вторым лицом в партии?» — вопрошает Анатолий Иванов[205], имея, по-видимому, за пазухой точный ответ, «кто таков» Каганович. Насколько это «второе лицо» было вторым, мы уже увидели. Насколько эти годы окажутся долгими — увидим ниже.

КАГАНОВИЧ И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ

Мы не напрасно отметили, что Каганович пришел к руководству НКПС на исходе зимы. Самый трудный для железных дорог период заканчивался, на переломе к лету продемонстрировать первые успехи в руководстве было, конечно, легче.

Здание наркомата было построено совсем недавно — в прошлом, 1934 году, и было по тем временам крупным. Напротив него, на той стороне Садового кольца, видна была новенькая станция метро «Красные Ворота». Сам предмет забот наркомата — железные дороги — начинался всего в трехстах метрах к западу: там шумели знаменитые московские три вокзала.

Каганович был не первым из лидеров партии, поставленных «на транспорт». Среди его предшественников были Дзержинский и Рудзутак. В 20-е годы железные дороги оправлялись от нокаута, в который их послала Гражданская война. И хотя к 1935 году взорванные мосты были давно уже восстановлены и последние разбитые вагоны, долгие годы ржавевшие на откосах, сданы в металлолом, работа железных дорог все еще не была по-настоящему отлажена. Систематически срывался план погрузок. В порожнем, непроизводительном пробеге находилось около 30 процентов товарных вагонов. Из фактического оборота вагон находился в движении лишь 34 процента времени, а 66 процентов времени — в простое. Погрузка достигала максимума в конце календарного месяца, а в начале каждого следующего месяца падала примерно на 10 тысяч вагонов в сутки. Затем история повторялась. Эта неритмичность не позволяла полностью использовать пропускную способность дорог. Крушения и аварии были совершенно обыденным явлением, к ним привыкли. За 1934 год проезды закрытых семафоров составили 6 тысяч случаев, крушений или аварий из-за излома осей бандажей и рельсов произошло 4 тысячи, в том числе 1700 сходов поездов с рельсов. За 1934-й и первые два месяца 1935 года произошло 26 тысяч разрывов поездов. 65–70 процентов всех аварий и крушений происходило по прямой вине железнодорожных агентов[206].

Одно из знаменитых русских стихотворений — «С любимыми не расставайтесь» — было написано после страшной железнодорожной катастрофы, унесшей больше сотни жизней.

В связи с назначением Кагановича газета «Гудок» писала 1 марта: «Железные дороги сейчас самый отсталый участок

социалистического строительства, но 1935 год должен стать годом настоящего перелома и улучшения в работе транспорта». Утверждалось, что Каганович «всегда и везде, куда бы ни ставила его партия, добивался победы».

Непосредственный предшественник Кагановича — нарком пути А. А. Андреев на совещании эксплуатационников 2 октября 1934 года так описывал положение на железных дорогах: «… происходит накопление запасов угля в Донбассе и Кузбассе, большого количества металла на заводах, хлеба и овощей на станциях, руды и другого сырья для металлургии в Кривом Роге при недостатке этого сырья на заводах. Я уже не говорю о громадном накоплении лесных и строительных материалов… На Октябрьской, Казанской, Курской, Северной дорогах имеются грузы для юга и, однако, с этих дорог вагоны уходили на юг порожними…» Аварийность была названа «невероятно высокой» и «безобразной»[207]. К моменту прихода Кагановича в НКПС дороги задолжали народному хозяйству 400 тысяч непогруженных вагонов.

Кроме того, назначение Кагановича в точности совпало по времени с подписанием соглашения по КВЖД: Советский Союз продавал эту огромную дорогу Маньчжоу-го. Тысячи квалифицированных специалистов возвращались в марте-апреле из Маньчжурии в СССР, и это тоже должно было положительно повлиять на работу транспорта внутри страны. Через полтора-два года почти все эти «красные спецы» были, с благословения своего наркома, репрессированы.

Первым нововведением был старт особого «железнодорожного» мини-культа нового наркома. Украсившись однажды портретами и приветствиями, вокзалы уже не снимали его имя со своих фасадов: портрет сменялся цитатой из приказа, цитата из приказа сменялась цитатой из последней речи. По всему Союзу у железнодорожников на всевозможных собраниях и совещаниях большой портрет сталинского наркома за спиной у президиума стал непременным атрибутом[208]. Правда, прославление ведомственного или местного начальства давно уже было элементом политической традиции страны. И все же А. А. Андреев в 1934-м — начале 1935 года отнюдь не подвергался подобному поклонению. А 3 марта 1935 года в газете «Гудок» среди заголовков «Будем работать, как работает тов. Каганович», «Верного руководителя дал нам товарищ Сталин» и т. п. был и такой: «Лазарь Моисеевич был у нас на станции». Далее сообщалось: «Ровно год тому назад — 4 марта 1934 года — станцию Москва-товарная Павелецкая посетил Лазарь Моисеевич Каганович. И именно благодаря этому посещению 4 марта 1934

года стало днем решительного перелома во всей работе станции…» Здесь не было помещено приветствие Кагановичу от собрания рабочих станции с вариациями на тему «заверяем тебя, дорогой Лазарь Моисеевич»[209]. «Гудок» в тот же год время от времени публиковал на первой полосе изображения сталинского наркома со сталинскими усами на лице и с подписью: «новое фото товарища Кагановича» или «новый портрет Л. М. Кагановича». Еще в первую декаду марта на Трехгорной мануфактуре, шефствующей над поездом № 10 вагонного депо Москва-Смоленская, изготовили в подарок «подшефникам» 10 ткано-шелковых портретов Кагановича, которыми были украшены вагоны[210].

На Кзыларватском заводе в Узбекистане было устроено соревнование за чистоту рабочего места. Победившей бригаде присвоили имя Кагановича[211].

19 марта Каганович подписал очень большой и необычный приказ «О борьбе с крушениями и авариями». Собственно пункты приказа составляли лишь одну шестую всего текста. Основная — констатирующая — часть содержала нехарактерные для такого рода документов эмоциональные выражения вроде: «казенное, бездушно, чиновничье отношение к борьбе с крушениями», «крушение или авария подобны поражению отдельной воинской части в бою», «глупо-хулиганская ухарская езда» и т. д. Объявлялось, что «в крушениях концентрируются все недостатки в работе железных дорог»; первым пунктом приказа значилось: «Считать основным показателем улучшения работы дорог сокращение из месяца в месяц числа аварий и крушений»[212].

Для сравнения заметим, что в упоминавшемся выше докладе А. А. Андреева недостатки в работе железных дорог были перечислены в таком порядке: 1) плохой план перевозок; 2) неправильная группировка вагонных парков; 3) медленный оборот вагонов; 4) наличие «узких» по пропускной способности мест и неритмичность погрузки; 5) аварии; 6) канцелярщина и косность в управлении. Однако в рамках сталинской системы Андреев оказался, по-видимому, менее эффективным руководителем, нежели Каганович, несмотря на откровенное обсуждение минусов и попытку комплексного подхода к проблеме. Система управления, не желавшая базироваться на интересе и инициативе снизу, могла либо апеллировать к нравственности и чувству долга, либо полагаться на террор. Андреев не был мягкотелым и все-таки «главное» видел в том, что все «товарищи должны понять, что так работать нельзя»[213]. Каганович определенно полагался на кнут, пряник и политические кампании.

В сравнении с Андреевым, Каганович произносил больше общих слов, больше говорил о намерениях и меньше — о проблемах. Он больше наказывал и больше награждал. Впрочем, постоянное «выжимание» все новых рекордов, мания перевыполнения всего и вся приводили к курьезным достижениям вроде такого: «Товарищ Огнев первым провел трехтысячетонный состав быстрее, чем нужно по расписанию»[214]. Это строки из областной газеты, но и сам Каганович лично пропагандировал опережение расписания как трудовую победу. «Паровоз и вагоны в полной исправности, поезд пришел в Москву раньше определенного для него срока. (*Аплодисменты.*)»[215] — так рассказывал он на митинге о молодом машинисте Макарове.

31 марта последовал приказ Кагановича об организации индивидуальных огородных хозяйств железнодорожников. Надлежало обеспечить организацию 350 тысячами личных огородов на 250 тысячах гектаров, прирезать для этого новые земли в железнодорожной полосе, продать железнодорожникам из совхозов ОРС 5 тысяч телят, 40 тысяч поросят, 50 тысяч кроликов, 2 тысячи ульев с пчелами[216]. Лучший сталинец не стеснялся «поощрять частнособственнические инстинкты», когда считал это целесообразным. По вопросу об огородах было созвано специальное совещание 65 лучших ударников-железнодорожников и их жен-домохозяек[217].

По свидетельству И. Ю. Эйгеля, много лет связанного с железнодорожным транспортом, у многих работников НКПС остались добрые воспоминания о Кагановиче как руководителе, который «умел казнить, умел миловать», «поднимал рабочий класс», в частности, «поднял машиниста даже выше, чем он был до революции» — хороший машинист паровоза получал больше, чем начальник депо (правда, перед самым приходом Кагановича в НКПС, в январе 1935 года, Андреев подписал приказ о повышении зарплаты машинистам на 28 процентов). В заслугу Кагановичу ставится введение платы за выслугу лет.

Каганович довольно часто принимал чем-либо отличившихся работников, лично вручал им значки «Почетный железнодорожник», именные часы и другие награды, присуждал денежные премии, фотографировался на память. Он придавал большое значение ритуальной стороне дела.

Уже летом 1935 года 56 работников железных дорог были награждены различными орденами СССР[218].

3 июля новый нарком присутствовал на собрании выпускников московских железнодорожных вузов. На следующий день Орджоникидзе и Каганович подписали приказ об усилении ответственности заводов Наркомтяжпрома за качество

поставляемой железнодорожному транспорту продукции[219]. Несколько торжественные приказы Кагановича следовали один за другим, но вскоре он отказался от такого стиля работы.

25—29 июля в НКПС состоялось уже второе за четыре месяца совещание работников железнодорожного транспорта. Каганович мог сообщить, что за короткое время его руководства среднесуточная погрузка увеличилась с 56,1 тысячи вагонов до 72,9 тысячи, оборот вагона сократился с 8,65 суток до 6,81 суток, сократилось число аварий[220]. Громадный долг по погрузке был ликвидирован.

По окончании совещания, вечером 30 июля, четыреста его участников были приняты Сталиным в Большом Кремлевском дворце. К этому вечеру Каганович приготовил любимое блюдо Сталина с новой, «железнодорожной», начинкой. Назвав Хозяина «первым машинистом Советского Союза», он продолжил так: «Машинист революции внимательно следил за тем, чтобы в пути не было перекосов вправо и влево. Он выбрасывал гнилые шпалы и негодные рельсы — „правых“ и „левых“ оппортунистов и троцкистов… Большая беда железнодорожников — разрывы поездов. Они бывают от неумелого управления… Наш великий машинист Сталин умеет вести поезд без толчков и разрывов, без выжимания вагонов, спокойно, уверенно проводя его на кривых поворотах.

Машинист социалистического строительства Сталин твердо изучил и отлично знает, не в пример многим нашим машинистам, тяговые расчеты своего непобедимого локомотива… При этом форсировка котла, техническая и участковая скорость локомотива революции куда выше нашей железнодорожной *(оживление в зале)*… А если кто-нибудь спускал революционный пар, то товарищ Сталин нагонял ему такого „пара“, что другому неповадно было *(веселое оживление в зале, аплодисменты)*».

В ответ Сталин предложил тост «за всех вас и за вашего наркома»[221].

Словосочетание «великий машинист социалистического локомотива» еще не один год кочевало из газеты в газету. Возможно, этот поэтический образ невольно подсказал Кагановичу Троцкий, заявивший на одном авиационном празднике 20-х годов: «Ленин был величайший пилот революции»[222]. А день 30 июля в память об этих исторических речах был объявлен Днем железнодорожного транспорта.

Умение льстить легко уживалось в Кагановиче с хамством и грубостью по отношению к подчиненным и, в сущности, беззащитным перед ним людьми. По словам того же И. Ю. Эйгеля, в 50-е годы бывший начальник Управления кадров НКПС с

восторгом («вот это был руководитель!») вспоминал, как Каганович схватил его, в чем-то провинившегося, за грудки «так, что пуговицы отлетели» и сказал: «Уходи отсюда, а то убью».

В 1962 году, на бюро МГК партии знавшая Кагановича по работе Тюфаева говорила ему: «Вам ничего не стоило плюнуть в лицо своему подчиненному, швырнуть стул в него, когда вы вели заседание… Вас многие знали как руководителя-грубияна, который не уважал людей…»

22 декабря на пленуме ЦК Каганович с оптимизмом докладывал: «Впервые в 1936 году на железнодорожном транспорте получит распространение новый тип паровоза — с конденсацией пара… Этот паровоз совершит целую революцию в паровозном хозяйстве»[223]. Лишь спустя десятилетия противники такой технической политики смогли высказать свое мнение о ней. Железнодорожник Жигалин вспоминал: «Мы были свидетелями, когда, руководя транспортом, Каганович отстаивал паровоз, противясь всему новому, передовому и новой технике на транспорте, особенно внедрению электровозов, тепловозов…»[224] Как известно, технический прогресс обеспечивается не столько модернизацией уже существующих изделий, сколько разработкой и внедрением чего-либо принципиально нового. Чтобы пойти таким путем, Кагановичу не хватало компетентности и готовности рисковать.

Приход Кагановича в НКПС отмечен пароксизмом насилия и обвинений. Стартовала кампания борьбы против «предельщиков». Говорилось о них примерно так: «Среди многих работников транспорта имеют еще некоторое распространение вредные и безграмотные теорийки, что без полного технического перевооружения транспорта невозможно серьезно поднять погрузку, что дороги работают „на пределе своей пропускной способности“[225]. Сам Каганович характеризовал „предельщиков“ так: „…частью грамотные, но антисоветские, частью малограмотные“[226]. Это не мешало ему проводить в жизнь „вредные“ и „безграмотные“ рекомендации казненных и сосланных о необходимости технического перевооружения.

А в газетах и журналах исправно появлялись рассказы и статьи, повествующие о гуманности Кагановича и его заботе о простом человеке, что отчасти соответствовало фактам, так как почти все вожди время от времени демонстрировали „низам“ свою человечность. К сожалению, в эту кампанию по восхвалению Кагановича включился и такой выдающийся писатель, как Андрей Платонов. Автор „Котлована“ и „Чевенгура“, после прочтения которых Сталин сказал: „Талантливый писатель, но сволочь“, оказавшийся в немилости и получавший теперь отказы от

журналов и издательств. А. Платонов опубликовал в конце 1936 года рассказ „Бессмертие“, центральный эпизод которого — неожиданный звонок Кагановича уже под утро начальнику дальней станции „Красный перегон“ Левину:

— Вы почему так скоро подошли к аппарату? — спросил нарком. — Когда вы успели одеться? Вы что, не спали? (А Левин еще и не ложился.) Люди ложатся спать вечером, а не утром… Слушайте, Эммануил Семенович, если вы искалечите себя в Перегоне, я взыщу как за порчу тысячи паровозов. Я проверю, когда вы спите, но не делайте из меня вашу няньку…

— В Москве сейчас тоже, наверное, ночь, Лазарь Моисеевич, — тихо произнес Левин.

Каганович понял и засмеялся. Нарком спросил, чем надо помочь.

— Вы уже помогли мне, Лазарь Моисеевич…

На следующий день Левин вернулся домой в полночь. Он лег в постель, стараясь скорее крепче заснуть, но не для наслаждения покоем, а для завтрашнего дня. Но через час его разбудил телефон. Дежурный по станции доложил, что только что звонил из Москвы Каганович и справлялся, как здоровье Левина, начальника станции, и спит ли он или нет. Левин уже не уснул. Он посидел немного, оделся и ушел на станцию. Ему пришли соображения об увеличении нагрузки нормы вагона»[227].

А вот правдивый рассказ о человечности Кагановича ташкентского рабочего М. Чечина: «…Мне неожиданно передали телеграмму. Любимый нарком приглашал меня в Москву на слет стахановцев-кузнецов. Мы ехали в мягком вагоне… поезд прибывал в Москву поздно ночью, и мы еще дорогой решили обождать на вокзале до утра. Но только мы вошли в помещение Казанского вокзала, как услышали сообщение по радио: „Стахановцев-кузнецов, прибывших на слет, приглашают пройти в кабинет дежурного по вокзалу“. Там нас встретил представитель НКПС. Нас ждал автомобиль… Приветливый, ласковый, внимательный Лазарь Моисеевич часто шутил. Обратившись к нам, он сказал: „Да, знаете, ваша высокая производительность труда выше той, которую позволяет природа. Расскажите, как вы этого достигли?..“[228]»

Сталинисты 80-х годов иногда говорят о «сталинской гласности», утверждая, будто для получения полного представления о репрессиях достаточно открыть газеты 50-летней давности. Как образец резкой и сравнительно откровенной публикации можно привести приказ Кагановича «Об антигосударственной линии и практике в работе Научно-исследовательского института эксплуатации и отдела восточных

дорог эксплуатационного управления НКПС». В нем говорилось: «…Вся линия и практическая деятельность института и отдела идут вразрез с решениями партии, правительства и НКПС о выполнении государственного плана погрузки, в особенности об ускорении оборота вагона… руководящие работники института и отдела восточных дорог… составили группу, задавшуюся целью обосновать невозможность ускорения оборота вагонов… лжеученые фальшивыми и льстивыми рассуждениями о том, что наш транспорт по своим показателям работает якобы лучше американского, демобилизовывали и вводили в заблуждение даже некоторых руководящих работников НКПС…»[229]

И при таких обвинениях в приказе сообщается лишь о понижении в должности пяти человек! Насколько это соответствовало истинному характеру и масштабу репрессий? Вновь обратимся к заседанию бюро МГК КПСС 23 мая 1962 года. Свидетельство Иванова: «Мой отец был старый железнодорожник, жили мы рядом с наркоматом в доме комсостава железнодорожного транспорта. Это те люди, которые восстановили железнодорожный транспорт нашей страны. А как Каганович разделался с нами? Как он расправился со слушателями Высших курсов комсостава железнодорожного транспорта? Однажды я пришел домой, а мой отец держит коллективную фотографию старых партийцев и плачет. Ни одного не осталось в живых из тех людей, которые были на той фотографии».

Обращаясь к Кагановичу, выступает Дыгай: «Вот там фотокопии ваших писем в НКВД о необходимости арестовать сотни руководящих работников транспорта, и все они написаны по вашей личной инициативе на основе ваших личных впечатлений и умозаключений. В этом томе указаны только работники транспорта, арестованные по вашим письмам…»[230]

К примеру, на Дальнем Востоке, совершив поездку по краю, Каганович сам принял решение о разделении Уссурийской дороги на Дальневосточную, Амурскую и Хабаровскую. Естественно, связанные с этим новые назначения производились не без его ведома. Но прошло совсем немного времени, из Москвы приехал капитан Грач и подвел под расстрел начальника Амурской дороги Рутенберга и 45 его подчиненных. Начальник Дальневосточной дороги Лемберг, когда в его кабинет внезапно вошли сотрудники НКВД, связался с Кагановичем по прямому проводу, надеясь на спасение, но получил приказ подчиниться аресту и тут же застрелился. Его собирались обвинить в подготовке взрыва знаменитого Амурского моста.

Многие руководители (например, Орджоникидзе) стремились

защитить подчиненных от репрессий. Изредка это удавалось; чаще непокорные уступали давлению или гибли сами. Но Лазарю вообще не приходило в голову кого-либо спасать. В НКПС надолго запомнили случай, когда личный представитель наркома сообщил с одной из станций об опоздании поезда и запросил разрешение на расстрел виновных. Ему тут же по телеграфу отстучали ответ: «Приветствую расстрел нерадивых железнодорожников. Каганович»[231]. Начальник другой станции послал телеграмму Сталину о том, что «остался совсем один — трудовой коллектив арестован полностью, включая грузчиков и стрелочников, — пришлите хоть кого-нибудь!» Такой ценой достигались крепкий чай и чистые салфетки в купе (а они действительно были при Кагановиче).

В 1937 году на одном из собраний актива железнодорожников нарком заявлял: «Я не могу назвать ни одной дороги, ни одной сети, где не было бы вредительства троцкистско-японского… И мало того, нет ни одной отрасли железнодорожного транспорта, где не оказалось бы таких вредителей»[232]. В полном соответствии со сказанным были арестованы заместители Кагановича, почти все начальники дорог и политотделов дорог. Спустя много лет А. П. Кириленко рассказывал о происходившем в Свердловске: «Почти полностью были выведены из строя два состава обкома партии, все секретари горкомов и райкомов, руководители предприятий и высших учебных заведений. — А затем добавил: — Особенно много пострадало кадров на Свердловской железной дороге»[233]. Из этого следует, что наркомат, возглавляемый Кагановичем, был, вероятно, самым страшным местом среди всех гражданских ведомств, не занимавшихся террором специально, по долгу службы.

Другая черта Кагановича-руководителя, не совсем точно именовавшаяся современниками «вниманием к мелочам», оставалась при нем и на новой работе: он между делом указывал техническое решение, связанное с конструкцией тепловоза, — так же, как диктовал решения архитектурные[234].

Каганович руководил железнодорожным транспортом дольше, чем его предшественники; ниже мы еще не раз обратимся к его работе на этом участке. Сама продолжительность пребывания Кагановича наркомом путей сообщения указывает на то, что Сталин был удовлетворен функционированием железных дорог, в том числе и в военное время. Другая точка зрения выражена в анекдоте, ходившем в иностранном дипкорпусе Москвы перед 22 июня 1941 года: «Как могут русские выиграть войну, спрашивается, если Гитлер и Муссолини сумели

обеспечить движение поездов строго по расписанию, а Сталину и Кагановичу это никак не удается!»[235]

ДЕЯТЕЛЬ ТЕРРОРА

Звучало у нас Кагановича слово,
Он в Гомеле партию нашу растил.
Рабочие Витебска помнят Ежова,
Отдавшего много для партии сил.

Из «послания белорусского народа товарищу Сталину»

Лазарь Каганович был одной из ведущих фигур той страшной террористической «чистки» партии и всего общества, которая проходила волна за волной в СССР в 1936–1938 годах. Именно Каганович руководил в Москве репрессиями в наркоматах путей сообщения и тяжелой промышленности, в руководстве Метростроя, а также по всей системе железных дорог и крупных промышленных предприятий. При расследовании, которое проводилось после XX съезда КПСС, были обнаружены десятки писем Кагановича в НКВД со списками множества работников, которых Каганович требовал арестовать. В ряде случаев он лично просматривал и редактировал проекты приговоров, внося в них произвольные изменения. Каганович знал, что делал. Сталин настолько доверял ему в тот период, что поделился с ним планами великой чистки еще в 1935 году.

После окончания в августе 1936 года первого из московских процессов — процесса Зиновьева — Каменева — сразу же началась подготовка к последующим. 8 сентября Каганович в компании с Ежовым и Вышинским провел очную ставку Бухарина и Рыкова с арестованным Сокольниковым, дававшим на них «обличающие» показания[236]. В том же месяце наркомом внутренних дел стал вместо Ягоды Ежов, а 29-го числа Каганович, по указанию Сталина, подготовил директиву «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам», которая была принята политбюро и привела к многочисленным повторным арестам участников всевозможных былых «уклонов» и «оппозиций»[237].

Аресты и казни происходили почти буднично, на фоне обычных, не связанных с террором дел. Ломая и калеча судьбы людей, Каганович, например, в конце 1936 года выполнял довольно безобидную работу: просматривал по ходу монтажа кадры готовящегося документального звукового фильма «Доклад тов. Сталина И. В. о проекте Конституции Союза ССР на Чрезвычайном VIII съезде Советов»[238]. Мимоходом он потрепал нервы Соломону Михоэлсу, посетив премьеру спектакля Еврейского театра «Разбойник Бойтро». В антракте Каганович громко возмущался: «Где вы видели таких кривых евреев?» Старшая дочь Михоэлса вспоминает: «Его начальственному гневу мы так и не нашли тогда объяснения. Установившийся советский стандарт предусматривал четкую границу в изображении „до“ и „после“ революционного периода… Если действие… протекало при советской власти, то героям следовало отличаться богатырским здоровьем и красотой пластмассового пупса. Если же действие происходило в „царской России“, то тут допускалось большее разнообразие и не возбранялось даже показывать всевозможные бедствия, свойственные капиталистическому обществу, в том числе и „кривых евреев“. Почетный гость предпочел тем не менее рассердиться…»[239]

В ту же зиму прошумело довольно короткое, но громкое торжество в связи с пробегом нового паровоза «СО» («Серго Орджоникидзе») по маршруту Москва — Владивосток — Москва. Идея пробега принадлежала Кагановичу. Печать подчеркивала, что это — «небывалый на транспорте рейс»[240]. Некоторые детали этого торжества указывали на то, что влияние Кагановича как будто начинает сокращаться.

В новогодней «Пионерской правде» Сеня Гинзбург из Гомеля рассказывал о своей учительнице, участвовавшей в VIII съезде Советов: «На съезде Мария Марковна беседовала с Лазарем Моисеевичем Кагановичем. Он в годы революции работал в Гомеле. И теперь обещал приехать к нам.

И вот мы снова мечтаем…

Приезжает Лазарь Моисеевич. Он, конечно, в той самой вышитой рубашке, которую ему преподнесли делегаты нашей республики. И мы сразу же ведем его на нашу железную дорогу — „малую Белорусскую“. Потом показываем ему пионерский парк, детскую техническую станцию, лучшие отряды…»

В таком же тоне Лёня Капторов из Днепропетровска вспоминал о посещении в прошедшем году Кагановичем их «малой Сталинской» детской железной дороги.

Но праздник прошел, и наступил год 1937-й…

Начался он еще одной поездкой Кагановича на Украину. 13

января была принята (но не опубликована) резолюция ЦК, критиковавшая работу Киевской парторганизации, возглавлявшейся в тот момент вторым секретарем ЦК КП(б)У П. П. Постышевым. «Три „П“», как его называли подчиненные, не согласился с критикой, после чего в Киев и прибыл Каганович, обеспечил снятие Постышева с его поста в Киевском комитете и вернулся в Москву[241].

В январе прошел процесс «параллельного центра» Пятакова — Радека. Поэт Виктор Гусев писал в те дни:

> …Родина!
> Видишь, — как мерзок враг.
> Неистовый враг заводов и пашен,
> Как он пробирался с ножом в руках К сердцам вождей,
> а значит — и к нашим.
>
> Суд окончит свои заседания.
> Огни погасит судебный зал.
> В конце их гнусного существования
> Волей народа
> раздастся
> залп[242].

Населению всячески разъясняли, что нынешние враги на вид — самые обыкновенные люди, практически неотличимые от честных граждан, что враги в целях маскировки стараются хорошо работать, публично проклинают троцкизм, ходят на праздничные демонстрации и т. д.

Трое из 17 подсудимых работали в НКПС под руководством Кагановича и, несомненно, попали за решетку не без его участия. На суде они высказывались не как разоблаченные преступники, но как провинившиеся работники. Так, заместитель Кагановича Я. А. Лившиц говорил: «Я был окружен доверием партии, я был окружен доверием соратника Сталина — Кагановича. Я это доверие растоптал…» Другая жертва — И. А. Князев — работал начальником различных дорог и, как он сказал на процессе, «по существу техническим руководителем» эксплуатационного управления НКПС; его последнее слово было как бы наглядной иллюстрацией приказа Кагановича 1935 года о крушениях и авариях, начиная с заявления о том, что «вся система нашей подрывной, вредительской, диверсионной работы сосредоточивается на крушениях», и кончая такими словами, более уместными в передовице «Гудка», нежели в устах «неистового врага»: «…несмотря на огромную созидательную и

творческую работу, которую проделал Лазарь Моисеевич за полтора с небольшим года работы на транспорте, в сознании рада работников и большинства специалистов не изжито понятие, что без крушений и аварий на транспорте работать нельзя, что крушения и аварии являются неизбежным следствием и спутником сложного производственного процесса на транспорте…» Далее в словах обреченного сквозит абсурдное для преступника чувство вины перед начальством: «Поднявшись до больших постов, я пользовался исключительным доверием и партии, и правительства, и Л. М. Кагановича. Я искренне скажу, что эти полтора года, когда мне приходилось не раз встречаться с Лазарем Моисеевичем один на один, у нас было много разговоров, и всегда в этих разговорах я переживал чудовищную боль, когда Лазарь Моисеевич всегда мне говорил: „Я тебя знаю как работника-железнодорожника, знающего транспорт и с теоретической, и с практической стороны. Но почему я не чувствую у тебя того размаха, который я вправе от тебя потребовать?“ Вероятно, выговоры Кагановича „облагорожены“ в этом пересказе; но за этим следует крик души: „Надо было нечеловеческое усилие, чтобы пройти эти разговоры…“[243]»

Через три недели после окончания процесса «параллельного центра» открылся очень продолжительный февральско-мартовский пленум ЦК 1937 года, ставший одним из ключевых, поворотных пунктов в развитии террора. Пленум не только предрешил судьбу Бухарина и Рыкова; руководители выступали с отчетами о разоблачении врагов в своих ведомствах после сентября 1936 года (окончание процесса Зиновьева-Каменева и назначение Ежова в НКВД). Двухчасовой доклад о чистке в НКПС сделал Каганович: «Мы в партийном аппарате дороги НКПС разоблачили 220 человек, с транспорта уволили 485 бывших жандармов, 220 эсеров и меньшевиков, 572 троцкиста, 415 белых офицеров, 282 вредителя, 449 шпионов. Все они были связаны с контрреволюционным движением»[244]. Но апогей террора был еще впереди.

Пространный доклад Сталина на пленуме недвусмысленно сулил небывалую интенсивность террора в ближайшем будущем. «Гениальный вождь» объявил, что вредительство и шпионаж задели «все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные». Он убеждал собравшихся (нисколько, впрочем, не оспаривавших его установки), что врагов внутри страны не может быть мало: «Доказано, как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц. Спрашивается, почему буржуазные государства должны засылать

в тылы Советского Союза меньше шпионов, вредителей, диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных и буржуазных государств? Откуда вы это взяли?»

Очевидно, многие партийные работники на местах проводили курс на репрессии без особого рвения; Сталину пришлось подчеркнуть, что в сложившейся обстановке партийцам «не хватает только одного: готовности ликвидировать свою собственную обеспеченность, свое собственное благодушие… Но неужели мы не сумеем разделаться с этой смешной и идиотской болезнью, мы, которые свергли капитализм, построили в основном социализм и подняли великое знамя мирового коммунизма?»[245]

Каганович, очевидно, не принадлежал к числу тех, кто страдал болезнью беспечности и благодушия.

На этом пленуме ЦК Сталин выступил также за развитие критики и самокритики, против парадности и культа вождей. Повсеместно произошло коллективное прозрение. Московский партактив по итогам пленума ЦК принял лицемерную резолюцию: «…собрание актива считает совершенно недопустимым такое положение, когда в ряде партийных организаций Москвы и области партийные собрания и пленумы райкомов превратились из арены большевистской критики и самокритики в арену нескончаемых парадов, шумливых рапортов об успехах, никому не нужных приветствий по адресу руководителей партии»[246]. Повторялся маневр типа «головокружение от успехов»: вновь жизнерадостные недотепы где-то внизу поторопились торжествовать, но их вовремя одернули. Итак, борьба с культом личности как принципом, а также с его конкретными проявлениями успешно велась задолго до XX съезда. Культ самого Сталина, естественно, затронут не был, и психологическая дистанция между «гением» и «соратником» еще более возросла. Стало ощутимым некоторое отдаление Кагановича от вершины власти: «ближайшим» к Хозяину его больше никто не именовал, даже в Наркомате путей сообщения культ Кагановича стал чуть потише. Статья в «Правде», посвященная прокладке вторых путей на Транссибирской магистрали, ни единым словом не упоминала о наркоме путей сообщения, что совсем недавно было бы абсолютно немыслимо[247]. На похоронах Орджоникидзе Сталин стоял у гроба вместе с Молотовым, Калининым и Ворошиловым. Теперь Кагановича рядом с ним не было. Даже в День железнодорожного транспорта восхваления Кагановича не превысили будничный уровень.

Впрочем, хоронить Железного Наркома было рано.

В конце мая — начале июня он, вместе со Сталиным и

Молотовым, анализировал «показания» арестованных по делу Тухачевского — Якира военных, определял состав подсудимых на процессе, утверждал текст обвинительного заключения[248]. Временами к решению этих вопросов подключались Ворошилов или Ежов.

10 июня перед началом суда обвиняемым разрешено было обратиться с заявлениями к Сталину и Ежову. На этих письмах Сталин с соратниками начертали грубые резолюции с требованием казни. Впоследствии наиболее известной из них стала резолюция Кагановича на письмо Якира: «Мерзавцу, сволочи и бляди одна кара — смертельная казнь. Л. Каганович»[249]. В тот же день в присутствии Молотова, Кагановича и Ежова Сталин принял председателя суда Ульриха и фактически продиктовал ему будущий смертный приговор[250]. После этого, уже третьего по счету, московского процесса кровавая кампания достигла кульминации. Как сказала Анна Ахматова, «это было, когда улыбался только мертвый, спокойствию рад».

Все лето велась невиданная по накалу пропаганда шпиономании. Утверждалось, что мировая война капитала против Советского Союза должна была начаться уже сейчас, в 1937 году, и только трудами НКВД, разоблачившего вражескую агентуру, начало схватки было пока предотвращено и отодвинуто. Даже пионерские газеты без конца инструктировали детей, как надо отличать и вылавливать шпионов. Ставились в пример пионеры, совершившие донос на родителей или незнакомых встречных и прохожих. Ни один гражданин страны не знал в точности, откуда к нему может прийти беда. Любая личная связь, включая обычное знакомство по службе, могла назавтра стать поводом для смертельно опасных обвинений. В отличие от более ранних волн террора, в эти месяцы беспрецедентные репрессии обрушились и на проверенные временем кадры, ничем не провинившиеся перед партией и даже по жестким анкетным признакам («сын священника», «участник оппозиции» и т. д.) не вызывавшие никаких подозрений. Семьи арестованных партийцев, если и оставались на свободе, попадали в тяжелое положение еще и потому, что у них, как правило, не было сбережений: ведь члены партии долгие годы получали зарплату не выше сравнительно небольшого «партмаксимума». Закрытые магазины-распределители обеспечивали им уровень жизни выше среднего, но после ареста главы семьи положение резко менялось, жена и дети репрессированного руководителя нередко становились беднее самых бедных. И это происходило в течение одного дня или одной ночи.

Однако «большой террор» был направлен отнюдь не только против партии. Жертвами становились люди, подпадавшие под самые разные критерии отличения «врагов народа». Так, в это лето прошла еще одна антирелигиозная кампания. Религия вновь была объявлена «орудием классового врага». Творившееся избиение не было и не могло быть делом рук одного вождя, его соавторами были и тысячи исполнителей, обладавших большим или меньшим объемом власти и различной степенью свободы в своих действиях. Известны случаи, когда отдельные сотрудники НКВД по своей инициативе тайком оказывали помощь родственникам арестованных. Среди партийных и государственных функционеров имели место самоубийства и (хотя и редкие) открытые выступления против репрессий. Но что касается героя этой книги, нам пока не известно ни одного, хотя бы малейшего, скрытого его поступка, который обнаружил бы сочувствие к пострадавшим или внутреннее несогласие с «генеральной линией».

Каганович выезжал для руководства чисткой во многие районы страны: он руководил репрессиями в Челябинской и Ярославской областях, в Ивановской области и в Донбассе. Так, например, не успел Каганович приехать в Иваново, как сразу дал телеграмму Сталину: «Первое ознакомление с материалами показывает, что необходимо немедленно арестовать секретаря обкома Епанчикова. Необходимо также арестовать заведующего отделом пропаганды обкома Михайлова». Вторая его телеграмма из Иванова гласила: «Ознакомление с положением показывает, что правотроцкистское вредительство здесь приняло широкие размеры — в промышленности, сельском хозяйстве, снабжении, торговле, здравоохранении, просвещении и политработе. Аппараты областных учреждений и обкома партии оказались исключительно засоренными»[251].

Получив санкцию Сталина, Каганович организовал подлинный разгром Ивановского обкома партии. Выступая в начале августа 1937 года на пленуме уже весьма поредевшего обкома, Каганович обвинил всю партийную организацию в попустительстве «врагам народа». Сам пленум проходил в атмосфере страха. Стоило, например, секретарю Ивановского горкома А. А. Васильеву усомниться во «вражеской деятельности» арестованных работников обкома, как Каганович грубо оборвал его. Тут же на пленуме А. А. Васильев был исключен из партии, а затем и арестован как «враг народа». Такая же судьба постигла и члена партии с 1905 года, председателя областного Совета профсоюзов И. Н. Семагина[252].

Если остановиться на примере Ивановской области,

обнаруживается, что под колеса террора благодаря Кагановичу попали и сами исполнители террористической кампании. Впрочем, это в 1937 году было общим правилом: для Сталина не существовало «своих», которые бы моги чувствовать себя в безопасности.

Ивановская газета «Рабочий край» задолго до приезда Кагановича пестрела заголовками: «Подозрительное поведение тов. Фрумкина», «Перерожденцы из облсовета ОСОАВИАХИМа», «Двурушник Крутиков исключен из партии» и т. д.[253] Какую роль во всем этом играл обком партии, видно из происшедшего в апреле случая, когда управляющий Шуйским хлопчатобумажным трестом Гусев, обвиненный в приеме на работу 12 троцкистов (то есть на его предприятии было арестовано 12 человек, что становилось поводом для ареста руководителя), был «оправдан» партийным собранием треста. Обком вмешался и восстановил несправедливость[254]. К концу мая «врагов» обнаружили во всех крайкомах города Иваново, в горкоме и облисполкоме. Первый секретарь обкома Носов на областной партконференции сделал вывод: «Было бы вредным думать… что все враги народа — троцкисты и правые контрреволюционеры уже разоблачены и обезврежены»[255]. Но после приезда Кагановича «врагом народа» оказался и сам Носов. Это посещение Кагановичем Иванова было бесшумным — не только не было никаких торжеств, но и вообще ничего не сообщалось о факте приезда в город секретаря ЦК партии.

С такой же грубостью и жестокостью, что и в Иванове, действовал Каганович и в давно знакомом ему Донбассе. Он созвал сразу же совещание областного хозяйственного актива. Выступая с докладом о «вредительстве», Каганович прямо с трибуны заявил, что и в этом зале среди сидящих руководителей имеется немало «врагов народа» и «вредителей». В тот же вечер и ночью было арестовано органами НКВД около 140 руководящих работников Донецкого бассейна, директоров заводов и шахт, главных инженеров и партийных руководителей. Списки для ареста были утверждены накануне лично Кагановичем.

10 августа 1937 года он отправил в НКВД письмо с требованием арестовать 10 ответственных работников Наркомата путей сообщения. А буквально накануне «любимый нарком» встречался с выпускниками и студентами Московского института инженеров железнодорожного транспорта, которые должны были вскоре сменить казненных и сосланных, а может быть, и разделить когда-нибудь их участь.

В конце августа Каганович участвовал в пленуме ЦК комсомола, собранном по инициативе Сталина с единственным

вопросом в повестке дня — «Сообщение о работе врагов народа внутри комсомола». К тому моменту уже были арестованы по политическим мотивам 35 членов и кандидатов в члены ЦК ВЛКСМ, многие местные организации были обезглавлены. Но руководство комсомола во главе с его генеральным секретарем Косаревым не проявляло достаточного рвения в этой чистке, а в ряде случаев стремилось защитить комсомольцев, на которых падали обвинения в шпионаже и вредительстве.

Фактически комсомольский пленум проводили представители ЦК партии. Кроме Кагановича здесь были Жданов, Андреев и молодой Маленков, имевшие в то время меньший политический вес, чем Лазарь Моисеевич. В навязанной ими резолюции говорилось: «В бюро ЦК ВЛКСМ и среди многих комсомольских работников существовала прямая недооценка проникновения врагов народа в комсомол и отсутствие политической засоренности… Среди актива комсомола были широко распространены вредные, политически ошибочные настроения, что врагов в комсомоле нет»[256]. В результате работы пленума было арестовано 42 члена ЦК комсомола и еще 13 секретарей различных обкомов ВЛКСМ, за оставшиеся месяцы 1937 года более тысячи комсомольских работников всех уровней были обвинены в связях с «врагами народа». В редакции «Комсомольской правды» были репрессированы десятки сотрудников, главный редактор В. Бубекин — казнен.

23 августа 1937 года Каганович был назначен наркомом тяжелой промышленности. Ровно за две недели до этого в связи с критической статьей в подведомственному Кагановичу «Труде» был разгромлен нарком Наркомтяжа. Таким образом, Каганович внес свой вклад в чистку наркомата, еще не успев возглавить его. Начатая с приходом нового руководителя перестройка структуры управления тяжелой промышленностью вскоре была объявлена в Совнаркоме «примером для перестройки работы других хозяйственных наркоматов»[257]. Никогда не забывавший о наградах, Каганович учредил переходящие Красные знамена победителям социалистического соревнования в Наркомтяжпроме, «Похвальный лист» ударникам и значок «Отличник социалистического соревнования Тяжелой промышленности»[258].

Как теперь становится известным, в начале ноября прокатилась волна арестов — большая и страшная даже на общем невеселом фоне 1937 года. Быть может, в руководстве партии и страны вспоминали 10-летие Октября, когда оппозиция устроила альтернативные демонстрации, и перед новым юбилеем решили перестраховаться. Но в данном случае, в отличие от многих

других, о проводившемся «мероприятии» ни слова не говорилось открыто. Официально главной темой было начавшееся 1 ноября выдвижение кандидатов в депутаты Верховного совета. В течение десяти дней ежедневно публиковались цифры: кто из членов политбюро на скольких собраниях был выдвинут кандидатом. Цифры эти, естественно, с каждым днем возрастали; однако числовая пропорция между вождями оставалась одной и той же. Пожалуй, это можно истолковать как некоторый «индекс влияния». К примеру, на 5 ноября расстановка была следующей: Сталин выдвинут на 742 собраниях, Молотов — на 270, Каганович — 235, Ворошилов — 189, Ежов — 165, Калинин — 97, Микоян — 91… С докладом о 20-летии революции выступил 6 ноября Молотов.

Баллотировался в Верховный совет и Юлий Моисеевич Каганович, глава Горьковского обкома партии.

Затем начались предвыборные митинги. Кандидатами на два места от Ленинского избирательного округа Ташкента были В. Я. Емцов и Л. М. Каганович. Интересно, что на митинге в поддержку Емцова 19 ноября говорилось преимущественно о Кагановиче[259].

23—25 ноября Каганович, по совету Сталина, провел в Свердловске совещание работников медной промышленности с целью «выяснить причины плохой работы»[260]. И хотя разговор был предметным и деловым, первая и главная причина отставания подотрасли была предопределена заранее: «Мы проглядели вредительство в медной промышленности, а после того, как факты подлого вредительства были вскрыты, мы не выполнили до конца указаний товарища СТАЛИНА по ликвидации последствий вредительства японо-германских, троцкистско-бухаринских шпионов[261]». В конце совещания Каганович премировал всех его участников именными часами.

Вскоре после этого Каганович принимал в Москве главного инженера Ново-Тагильского металлургического комбината Анания Демьяновича Скрыпника. При рассмотрении проектного задания гость не согласился с предложениями хозяина о специализации завода, так как они означали торможение технического прогресса. Спутники Скрыпника ждали его на вокзале и, не дождавшись, решили, что он задержался у наркома. В действительности Скрыпник был арестован[262]. Каганович приложил руку и к гибели строителя Магнитки и Тагила К. Д. Валериуса.

Примером некомпетентного и самоуверенного вмешательства Кагановича в вопросы производства является его указание об изменении технологии изготовления автомобильных покрышек на заводе в Ярославле. В результате формальный показатель

производительности труда резко возрос, зато качество упало. Километраж пробега покрышек сократился в несколько раз, и спустя какое-то время пришлось возвращаться к старой технологии[263].

В начале декабря Каганович в третий раз в жизни отправился в Ташкент. Здесь он работал в Гражданскую, а теперь произносил предвыборные речи, воспевая НКВД и предупреждая, что ловля шпионов еще не закончена[264]. Его доверенное лицо — рабочий А. Замышляев — говорил: «После прихода на транспорт сталинского наркоматов. Кагановича работа нашей мастерской и жизнь ее рабочих круто изменилась. Чужаки из мастерской были изгнаны… я, столяр, в 1934 году… получал 218 рублей. А после того, как тов. Каганович по-сталински, по-большевистски стал поднимать транспорт… я стал зарабатывать больше 500 рублей»[265].

9 декабря на Красной площади Ташкента состоялся невиданный в городе 200-тысячный митинг в честь Кагановича. А на следующий день на трибунах городского стадиона «расположились раскрепощенные женщины Узбекистана», как выразилась газета «Правда Востока»[266]. Каганович воспевал самые свободные, самые демократичные в истории выборы: «За границей при выборах тоже опускают бюллетени в избирательные урны. Сегодня опустят, а завтра самих избирателей выгоняют на улицу, и они, голодные, придушенные капиталистами, месяцами и годами ходят безработными». Закончил он свою речь лозунгами на узбекском языке. Само собой, на выборах кандидат получил почти 100 процентов голосов.

Завершился 1937 год празднованием 20 декабря 20-летия ВЧК — ГПУ — НКВД. Всюду висели портреты Дзержинского и Ежова. По просьбе трудящихся имя Ежова присвоили одной из шахт Донбасса. Теперь «ближайшим соратником» Сталина называли руководителя НКВД. Казалось, он меньше, чем кто-либо другой, может беспокоиться за свою судьбу…

КОНЪЮНКТУРА МЕНЯЕТСЯ

Сталин поручал Кагановичу самые различные карательные акции. Так, например, Каганович имел непосредственное отношение к разгрому театра Мейерхольда, а стало быть, и к судьбе великого режиссера. По свидетельству Д. Шостаковича, Сталин ненавидел Мейерхольда, но это была, так сказать, ненависть на расстоянии, ибо Сталин никогда не посещал ни одного спектакля Мейерхольда. Неприязнь Сталина была основана исключительно на доносах. Непосредственно перед закрытием театра одну из его постановок посетил Каганович, обладавший тогда громадной властью. Спектакль не понравился Кагановичу. Верный «соратник» Сталина покинул театр, не дождавшись и середины постановки. Мейерхольд, которому было за шестьдесят, бросился за Кагановичем на улицу. Но Каганович сел со своей свитой в машину и уехал. Мейерхольд бежал за машиной, пока не упал[267].

7 января 1938 года в театре Мейерхольда с огромным успехом было дано последнее представление. На следующий день пришедшие в театр зрители обнаружили в том же здании совсем другую организацию.

В январе 1938 года был избран первый Президиум Верховного Совета СССР во главе с Калининым. Наиболее влиятельные в стране деятели в него не вошли. Среди членов Президиума был и руководитель Горьковской парторганизации Юлий Моисеевич Каганович, брат Лазаря Кагановича. Был избран и маршал Блюхер, которому предстояло погибнуть под пытками осенью этого же года.

19 января прогремела на всю страну новость — пленум ЦК принял постановление об ошибках при исключении из партии. У множества оклеветанных людей, у их родственников и близких появилась надежда на восстановление справедливости. В постановлении пленума цитировались различные официальные документы прошлых месяцев и лет, в которых говорилось о «внимании к людям». Делался вывод: «Как видно, предупреждающие указания местным партийным организациям были. И все же, несмотря на это, многие партийные организации и их руководители продолжают формально и бездушно-бюрократически относиться к судьбам отдельных членов партии. Известно немало фактов, когда партийные организации без всякой проверки и, следовательно, необоснованно исключают коммунистов из партии, лишают их работы, нередко даже объявляют, без всяких к тому оснований, врагами народа… Так,

например: ЦК ВКП(б) Азербайджана на одном заседании 5 ноября 1937 года механически подтвердил исключение из партии 279 чел… Еще не вскрыты и не разоблачены отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключении из партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий… Пора всем партийным организациям и их руководителям разоблачить и до конца ИСТРЕБИТЬ ЗАМАСКИРОВАННОГО ВРАГА, пробравшегося в наши ряды и старающегося фальшивыми криками о бдительности скрыть свою враждебность…»[268]

Авторы текста глубоко и тонко понимали психологию доносчика.

В течение последнего года Сталин в среднем раз в два дня подписывал очередной список обреченных на расстрел; каждый раз это был приговор десяткам или сотням людей. Член политбюро Ежов совместно с Вышинским за один день 18 октября прошлого года приговорили к высшей мере 4551 человека. Об успехах Кагановича на этом направлении работы мы уже писали выше. Согласно здравому смыслу, именно их постановление должно было бы назвать главными клеветниками и карьеристами. И это была не единственная фальшь: говорилось о несправедливостях только по отношению к коммунистам, как будто беспартийных репрессии не коснулись; говорилось лишь об исключениях из партии, но не об арестах и казнях. Имелись и другие натяжки и умолчания. Тем не менее и в пропаганде того времени, и в позднейших ортодоксальных курсах истории данное постановление изображалось как поворотное решение, остановившее прошлогодние беззакония или, во всяком случае, уменьшившее их размах. В действительности это было еще одно исправленное и дополненное переиздание «Головокружения от успехов».

Промышленность лихорадило. Не было в стране предприятия, на работе которого не отразилась бы террористическая акция 1937 года. На некоторых заводах осталось всего по 2–3 неарестованных инженера или техника. Например, Ижевский машиностроительный завод, выпускавший винтовки, в течение двух месяцев не мог сдать заказчику ни одного изделия: все стволы подряд браковались. Руководителей завода без конца вызывали в местное отделение НКВД, грозили и запугивали, требуя повысить качество, но это не помогало. Внезапно в дело вмешался Сталин, велел освободить всех арестованных инженерно-технических работников завода и обратил свой гнев на «перестраховщиков»[269]. Это слово после

январского пленума вошло в число политических ругательств. С января же вновь стали брать на работу родственников арестованных, и толпы несчастных, собиравшиеся у ВЦСПС, как у биржи труда, рассосались.

Весной Каганович пытался толкать вперед забуксовавшее производство при помощи серии всесоюзных совещаний. 3 марта, в день открытия судебного процесса Бухарина — Рыкова, он поехал в Воскресенск, где посетил цементные заводы «Гигант» и «Красный строитель». Назавтра в Наркомтяжпроме открылось и продолжалось до Женского дня 8 марта, совещание по цементной промышленности. Каганович предложил построить в каждой области свой цементный завод, а кроме того, выдвинул идею строительства цементных заводов при металлургических предприятиях с целью максимального использования шлаков доменных цехов. Атмосфера совещания ощутимо отличалась от той, что царствовала еще осенью — никаких подарков участникам, ритуальная часть сведена к минимуму. В принятом обращении упоминались только Сталин и Ежов.

Тем временем в Колонном зале Дома союзов бывший руководитель Госплана Украины Гринько, хорошо знакомый Кагановичу еще с 20-х годов, подтверждал сфабрикованные обвинения в создании национал-фашистской организации: «Я стою перед судом как украинский буржуазный националист… Две террористические группы изо дня в день вели слежку за Сталиным и Ежовым с целью убить их»[270].

В эти дни германский рейх поглотил Австрию. По Вене шел военный парад войск вермахта и СС. Гитлер посетил свою родину, австрийский городок Браунау, где произнес подобающую случаю речь. В те же часы в Москве казнили Бухарина, Рыкова и их однодельцев. В отличие от прошлогоднего процесса «параллельного центра», не устраивалось демонстраций ни на Красной площади, ни в Ленинграде. Поэты не писали яростных стихов, а Ежов не получил нового ордена.

Каганович на этот раз был в стороне от главных событий. С 14 по 20 марта он руководил еще одним совещанием — работников электростанций и сетей. Москва с ликованием встречала четверку папанинцев, прибывших прямо с Северного полюса, где они работали всю зиму. Сталин принимал их с женами один, без соратников. Это было явное нарушение традиции последнего десятилетия. Приглушались культы всех личностей, кроме одной, что и в те времена именовалось «борьбой с культом личности». «Правда» критиковала газету «Советская Украина» за помещенное в ней фото: секретарь Кировского райкома вручает партбилет. Снимок трактовался как

«возрождение шумихи и кампанейщины»[271]. Участники проводившихся Кагановичем совещаний тоже фотографировались теперь без него. 26 марта началось еще одно совещание — по золотой и платиновой промышленности.

В апреле Кагановича вернули на пост наркома путей сообщения. Страх ответственности и утрата множества специалистов сказались и на работе транспорта. На протяжении зимы железные дороги создавали дополнительные трудности для всех отраслей народного хозяйства. На этот раз демонстрация радости в связи с назначением «сталинского наркома» была скромной и носила дежурный характер.

Набирала обороты «борьба с клеветниками». Как типичную в своем роде можно привести заметку «Правды» под заголовком «Дело агронома Шамшина». Речь шла о работнике МТС в городе Шацке (Рязанская область). Описывается заседание бюро райкома партии в августе 1937 года:

«В прениях выступил Лизунов — заместитель директора по политчасти. Он говорил о том о сем и договорился до того, что в МТС… вредительство.

— Как? Вредительство? — переспросили присутствовавшие члены бюро райкома.

— Да, — подтвердил Лизунов.

— А кто же возглавляет это вредительство?

— Шамшин!

С этого и началось. Сразу „обнаружили“, что Шамшин — вредитель и очковтиратель. Шацкая районная газета „Советская деревня“… истерически кричала о том, что „открылась мерзкая картина вредительской работы врага народа Шамшина“. Секретари райкома Лавникевич и Юньков пустили в ход все средства…»[272] Заканчивался газетный материал благополучным для агронома Шамшина финалом разбирательства и намеками на предстоящие преследования гонителей честного человека. Пропаганда подобных случаев велась на протяжении 1938–1939 годов постоянно, хотя никогда не становилась темой № 1. В качестве гонимых, но в конце концов побеждающих фигурировали члены партии со стажем, как правило — рабочие. Показная борьба с «перестраховщиками» вызвала сильный отклик снизу. В газету «Правда» и ЦК приходили тысячи писем от рядовых членов партии с требованиями положить конец террору и наказать его организаторов. Подавляющее большинство авторов писем было дезориентировано и смутно представляло, где следует искать этих организаторов репрессий.

А заведенная машина все работала. В 1938 году Каганович приложил руку к аресту Николая Чаплина — генерального

секретаря ЦК ВЛКСМ с 1924 по 1928 год: он отозвал Чаплина из командировки, и в ночь после приезда за ним пришли[273]. Осенью Каганович вместе с Молотовым и Маленковым руководил пленумом ЦК ВЛКСМ, за которым последовало «дело Косарева». Из 93 участников пленума было арестовано 77 и расстреляно 48 человек[274]. Месяцем раньше на другом, юбилейном (к 20-летию комсомола) пленуме ЦК ВЛКСМ Косарев выступил с нестандартными восхвалениями в адрес Сталина: он дважды подчеркнул в своем докладе, что репрессии в комсомоле начались только после личного вмешательства вождя. Похоже, что это была отчаянная попытка дать понять современникам или потомкам, кто автор совершающейся трагедии. Во всяком случае, на фоне других официальных выступлений 1938 года заявление Косарева прозвучало резким диссонансом. Не исключено, что оно и было подлинной причиной его гибели. А ведь всего шестью годами раньше Косарев и Каганович вместе выкачивали зерно из Северного Кавказа. Теперь пути их разошлись.

Подписи Кагановича обнаружены на списках к расстрелу 36 тысяч человек. В одном из таких списков из 223 перечисленных жертв 23 — члены ЦК партии, 22 — члены КПК, 21 — наркомы и их замы. Многих из них Каганович не мог не знать лично.

ПЕРЕД БУРЕЙ

В феврале 1939 года после небывало долгого пятилетнего перерыва в Москве состоялся XVIII съезд партии. Но это была совсем не та партия, что прежде. Неузнаваемо изменился и состав делегатов съезда, и царившая на нем атмосфера. Впервые партийцы с дореволюционным стажем составляли незначительную долю делегатов. Впервые множество известных всей партии имен ни в коем случае нельзя было упоминать не только с трибуны, но и в кулуарах. Каганович на этот раз не был избран секретарем ЦК, что свидетельствовало о снижении его влияния.

С начала 1939 года Каганович стал наркомом топливной промышленности, а в 1940 году возглавил Наркомат нефтяной промышленности. Он был заместителем председателя СНК — вторым человеком в Совнаркоме после Молотова. Забот у него прибавилось также и потому, что даже в Наркомате путей сообщения стали изготавливаться некоторые виды вооружения.

Зимой 1939/40 года, во время неудачной, неоправданной и кровавой советско-финляндской войны началась новая перетряска руководящих кадров, затронувшая часть армии и работавшие на нужды обороны промышленные наркоматы. Был снят со своего поста и нарком авиационной промышленности, брат Лазаря — Михаил Каганович. Сменивший его А. И. Шахурин вспоминал: «Наутро началось знакомство с работой наркомата… Сначала встретился с М. М. Кагановичем, которого мне предстояло сменить на посту наркома. С ним я был знаком и до этого, когда работал парторгом ЦК на авиационном заводе. Каганович приезжал на наш завод, а я — в наркомат. Кабинету Кагановича предшествовали две приемные — одна побольше, другая поменьше. В маленькой сидел его секретарь. В приемных, как правило, всегда было полно народу. По тому, с каким видом выходили из кабинета, узнавали о состоянии наркома. Чаще всего оно было возбужденным. Михаил Моисеевич слыл человеком резким в суждениях, вспыльчивым и экспансивным. Под горячую руку ему лучше было не попадаться.

Когда мы с ним встретились, он все еще находился под впечатлением своего освобождения и не скрывал свои чувства. Беседы, из которой я мог бы составить представление о положении дел в промышленности, у нас не получилось».

Как показало будущее, у Михаила Кагановича были все основания «находиться под впечатлением» происшедшей перемены: ему оставалось не так уж долго жить.

Между прочим, годом раньше Шахурин сменил еще одного из братьев Кагановичей — Юлия — на посту первого секретаря Горьковского обкома партии. Его предшественника тогда охарактеризовали в ЦК как «неплохого товарища», не обладающего, однако, инженерной подготовкой, необходимой для руководства такой крупной индустриальной областью. В Горьком в 1937 году уцелело несколько больше партийных работников, чем в иных местах[275]. Юлий Каганович был переведен в Москву, в Наркомат внешней торговли, где числился членом коллегии. После войны он работал торговым представителем СССР в Монголии. В начале 50-х годов умер после продолжительной болезни.

…В начале 1941 года дистанция между Лазарем Кагановичем и Сталиным обозначилась еще четче, чем прежде. На долгие ночные обеды на кунцевской даче Сталина Каганович приглашался очень редко. С ответственными политическими заявлениями стали выступать деятели нового поколения, еще моложе совсем нестарого политбюро — Щербаков, Маленков. На прошедших в феврале XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) и VIII сессии Верховного Совета Каганович не только ни разу не выступил, но и не председательствовал ни на одном из заседаний. В президиуме он теперь сидел в заднем ряду, вместе со Сталиным не появлялся.

На исходе партконференции Сталин загадал своему «экс-ближайшему» соратнику одну из самых грозных загадок: конференция приняла необычную резолюцию по кадровым вопросам из девяти пунктов. В ней сообщалось о довольно многочисленных перемещениях вверх и вниз по партийной линии, а также с мрачной торжественностью делались предупреждения нескольким «нерадивым» работникам, которые, впрочем, оставались на своих местах. То был, несомненно, театральный жест, рассчитанный на рядовых, плохо осведомленных зрителей; и до, и после конференции руководитель любого уровня отправлялся на тот свет или, наоборот, изымался из лагерного ада безо всяких резолюций и публикаций в печати, если почему-либо Хозяин решал не устраивать шума. Из девяти пунктов лишь один был посвящен персонально одному человеку и звучал так: «Предупредить т. Кагановича М. М., который, будучи наркомом авиационной промышленности, работал плохо, что, если он не исправится и на новой работе, не выполнит поручений партии и правительства, то будет выведен из состава членов ЦК ВКП(б) и снят с руководящей работы»[276]. Вероятно, какая-то часть читателей газет и радиослушателей не поняла, о каком именно Кагановиче идет

речь, и перепутала знаменитого Лазаря Кагановича с его братом Михаилом. Не исключено, что именно на такой эффект и рассчитывал автор резолюции. В таком случае это мог быть первый шаг — пока еще двусмысленный и осторожный — к будущей кампании дискредитации Кагановича.

На протяжении предвоенных месяцев подведомственная Кагановичу печать все реже именовала его «сталинским наркомом», чаще просто — «наркомом» и даже еще проще «тов. Л. М. Кагановичем»[277]. Передовицы почти не цитировали его, а письма трудящихся почти не упоминали. В апреле прошло совещание производственно-хозяйственного актива НКПС. Ни доклад Кагановича, ни изложение доклада, ни хотя бы портрет не были опубликованы; зато все остальные выступления (с портретами выступавших) публиковались в «Гудке» в течение двух недель[278].

Едва ли когда-нибудь будет точно установлено, что все это значило и как сложилась бы судьба Кагановича, если бы все планы всех людей в стране не смешались в самую короткую ночь того лета…

В ГОДЫ ВОЙНЫ

Автор изданной в США книги о Кагановиче «Кремлевский волк» Стюарт Кэхан утверждает, что в ночь на 22 июня начальник Генштаба Г. К. Жуков, получив сообщения о начавшихся бомбежках и артобстрелах и не дозвонившись до Сталина, стал просить разрешения открыть огонь у Кагановича.

«Он попросил позволения немедленно начать боевые действия. Молчание.

— Вы меня поняли? — повторил Жуков.

Опять молчание.

— Вы понимаете, что происходит?

Лазарь был потрясен. Он старался придумать вопрос, любой вопрос.

— Где комиссар обороны?

— Разговаривает с Киевским округом.

— Приезжайте в Кремль немедленно. Я посоветуюсь со Сталиным»[279].

Это образец преднамеренного, ничем не обоснованного раздувания роли Кагановича. Весь разговор подозрительно напоминает телефонный диалог Жукова и Сталина, описанный в мемуарах маршала. Между тем в ночь с 21 на 22 июня 1941 года Каганович, как член политбюро, не мог не участвовать в потрясающих, хотя на первый взгляд и «тихих» событиях. К тому моменту близость вражеского нападения ощущали уже все сколько-нибудь осведомленные люди[280]. Тем не менее члены политбюро, наравне с менее высокопоставленными работниками, могли лишь догадываться о причинах бездействия Сталина. Поздним вечером 21 июня их вызвали в Кремль, где они узнали о немецком перебежчике, сообщившем, что вторжение начнется в 3 часа ночи. На вопрос Сталина: «Что будем делать?» — никто не ответил. В эти минуты через западную границу в районе Бреста проследовал последний поезд из Москвы в Берлин. Утвердив новую директиву войскам, Сталин отпустил членов политбюро и остался один, хотя до указанного перебежчиком момента оставалось менее четырех часов, да и обычно Сталин ложился спать намного позже. Неизвестно, что чувствовали члены политбюро, вынужденные в самые критические минуты разъезжаться из Кремля, но не успело пробить четыре, как Поскребышев вызвал их обратно. Предсказание перебежчика сбылось[281].

Все молчали. Сталин, не зная, что теперь решать, послал Молотова разговаривать с германским послом Шуленбургом. В

ожидании заранее очевидного исхода этой беседы все бездействовали. На дворе было уже совсем светло. Самая короткая ночь кончилась, начинался самый длинный день. Наконец, вошел Молотов: «Германия объявила нам войну». Прохаживавшийся по кабинету Сталин опустился на стул…

На рассвете Каганович разослал на все железные дороги запоздалую телеграмму: «Вручить немедленно. Начальнику дороги. Находящиеся на дороге транзитные грузы, а также экспортные грузы, следующие в Германию, задержите на дороге нахождения. Погрузку экспортных и перегрузку транзитных грузов назначением в Германию перекрыть…»[282] А в приграничных районах уже попали под удар 11 железных дорог. Связь с военным командованием у них полностью отсутствовала, местные власти, запуганные годами террора и страшащиеся ответственности, расценивали эвакуацию «как создание паники, как нарушение государственной дисциплины»[283].

Многие мемуаристы называют июнь 1941 года поворотной точкой в своем отношении к Сталину. В один из первых дней войны он заявил: «Ленин нам оставил пролетарское Советское государство, а мы его просрали! Я отказываюсь от руководства»[284]. И уехал на свою Ближнюю дачу в Кунцево. Скорее всего, Каганович тоже был потрясен поведением того, о ком привык знать: «страшнее зверя кошки нет». Время шло, Сталин не появлялся. Надо было что-то делать. Молотов, Берия, Каганович и Ворошилов, посовещавшись, поехали на Ближнюю дачу уговаривать главу партии и правительства приступить к работе. Увидев их, входящих, Сталин в первую секунду изменился в лице от страха.

Война все переменила. Политические кампании и ритуалы ушли для Кагановича в прошлое. На перегруженного работой наркома путей сообщения обрушилась лавина дел. Единого плана перевозок на случай войны не было. 24 июня под председательством Кагановича создан Совет по эвакуации. В тот день у невоенной части руководства, по-видимому, еще теплилась слабая надежда на то, что отступление не будет очень уж большим и долгим. Однако, как вспоминал первый зам Кагановича в Совете по эвакуации А. И. Микоян, «через два дня стало ясно, что эвакуация принимает огромные масштабы. Невозможно было эвакуировать все подряд. Не хватало ни времени, ни транспорта. Приходилось буквально с ходу выбирать, что в интересах государства эвакуировать в первую очередь. Надо было также решать, в какие районы страны эвакуировать те или иные заводы и предприятия…»[285].

А железные дороги задыхались. Требовалось обеспечить

прохождение потока войск на фронт, потока эвакуируемых материалов и людей с фронта на восток и «обычных» грузопотоков — ибо экономика должна была функционировать и ее потребность в перевозках с началом войны никак не могла снизиться. Еще больше усложняло положение господство противника в воздухе. Железные дороги были одной из главных целей для немецкой авиации. В дневнике начальника немецкого генштаба неоднократно упоминаются образовавшиеся в те дни в тылу Красной Армии огромные скопления вагонов на станциях[286].

Яркий эпизод, характеризующий как работу железных дорог, так и стиль руководства Кагановича, содержится в мемуарах работавшего в ВОСО генерала З. И. Кондратьева. 30 июня его направили в Смоленск организовать вывозку имущества со складов. Заметим, что в тексте мемуаров, изданных в 1968 году, автор не имеет возможности назвать Кагановича по имени и обозначает его лишь словом «нарком».

«Тихая, не тронутая войной улица, огромное каменное здание. У входа вывеска: „Управление западной железной дороги“. Зашел в кабинет начальника. За резным дубовым столом — молодой чернобровый Виктор Антонович Гарнык, мой давний знакомый. Увидев меня, он обрадовался. Я рассказал о цели своего приезда. Виктор Антонович… распорядился приступить к погрузке и отправке в тыл боеприпасов и всего, что у них есть из военного имущества.

Управление дороги работало в полном составе.

„Что за беспечность? — удивился я. — Город эвакуируется, бои идут под Оршей и Витебском, магистраль непрерывно укорачивается…“

— Почему медлите с отправкой людей? — спросил у Гарныка. — Оставьте себе небольшую оперативную группу, а остальные пусть едут в тыл. Там станции забиты, нужны специалисты.

— Нет распоряжения наркома, — ответил Виктор Антонович. — А напрашиваться не хочу, скажет: трус, испугался, убегаешь с боевого поста…

Неожиданно здание качнулось, задрожали оконные стекла, и только после этого послышался взрыв. Над крышей прогудел немецкий бомбардировщик. Зениток здесь нет. Фашисты летают безнаказанно и бомбят на выбор. Настаиваю, чтобы Гарнык немедленно доложил в Москву о сложившейся обстановке. В случае чего я помогу убедить наркома в необходимости немедленной эвакуации управления. После долгих колебаний Гарнык снимает телефонную трубку. Короткий разговор!..

Разрешение на эвакуацию получено»[287].

Оба собеседника уверены в целесообразности эвакуации людей. Но Гарнык боится Кагановича сильнее, чем немецкого бомбардировщика. Ведь даже после близкого разрыва бомбы его колебания были «долгими»! Однако здесь же ощущается, насколько необходимо жесткое руководство в условиях войны.

Тогда же, 30 июня, при фронтах были учреждены должности уполномоченных НКПС с широкими правами, подчинявшиеся непосредственно Кагановичу[288].

А в Москве в этот день было объявлено о создании Государственного Комитета Обороны. Каганович не вошел в его первый состав, но вскоре был включен в ГКО вместе с Булганиным, Микояном и Вознесенским.

За первые 10 дней войны была потеряна шестая часть железных дорог страны.

К 5 июля положение на железных дорогах Москвы было таково:

«Станционные пути, ветки, тупики столичного узла оказались забитыми вливавшимися со всех направлений поездами. Выхода на запад почти не было. Железнодорожные магистрали, идущие к фронту, представляли собой обрубки. Москва превратилась в головную базу снабжения войск и перевалки военных грузов с железной дороги на автомобильный транспорт»[289].

На западных дорогах скопилось почти 90 тысяч вагонов сверх нормы. Зачастую поезда шли один за другим на расстоянии нескольких сотен метров. Небывалую нагрузку испытывали дороги, бывшие до войны второстепенными. А на Кавказе, в Средней Азии и Сибири вагонов катастрофически не хватало[290].

Тем временем на железных дорогах стали теряться вагоны с оружием и боеприпасами. Оказалось, что по настоянию Кагановича и с согласия маршала Кулика ВОСО перестало присваивать номера воинским транспортам. Они отправлялись на фронт мелкими партиями по 3–5 вагонов, что привело к утрате контроля над движением этих составов, нередко начальники станций загоняли эти бесконтрольные, но крайне необходимые армии грузы в тупики. За этот крупный промах поплатился жизнью начальник ВОСО генерал Н. И. Трубецкой. По словам его преемника, И. В. Ковалева, «он неожиданно, причем незаметно для всех, исчез, и никто в управлении не мог сказать, куда он убыл»[291].

«Уже в июле, — вспоминает А. И. Микоян, — стало ясно, что Л. М. Каганович, будучи перегружен делами на транспорте, не может обеспечить надлежащую работу Совета по эвакуации…»[292]

16 июля председателем Совета по эвакуации вместо Кагановича был назначен Шверник. Все исследователи, как отечественные, так и зарубежные, называют массовую эвакуацию советской промышленности одним из выдающихся технических достижений Второй мировой войны. В связи с этим значительная доля заслуг принадлежит Кагановичу как наркому путей сообщения.

22 июля Москва — не только столица, но и крупнейший железнодорожный узел страны — подверглась первой массированной бомбардировке.

Днем и ночью к Кагановичу в кабинет стучался то один, то другой нарком-хозяйственник: они лично прибывали в НКПС, чтобы разыскать потерявшиеся в дороге остро необходимые грузы. Но нередко и сам Каганович, несмотря на беспрекословное подчинение исполнителей и военное время, не мог добиться от подчиненных никаких сведений о пропавших вагонах. Типичный эпизод описывает нарком авиапромышленности Шахурин: «Докладывали: „Завтра завод станет, если не будет поковок или подшипников“… Оказывается, поковки есть. Они отгружены, однако потерялись в пути. А поковок — 20 тонн. Это сотни самолетов. В поиски включается даже НКВД. Поковки находят где-то в Актюбинске, где они, естественно, никому не нужны. Там наших заводов нет. Срочно переправляем все по назначению…»[293] Заводы чуть ли не на каждый эшелон вынуждены были назначать своих сопровождающих. Наиболее влиятельные наркоматы всеми правдами и неправдами доставали транспортные самолеты и в критических ситуациях перебрасывали крохи производственного дефицита по воздуху.

В любое время дня и ночи вызывали Кагановича в Совнарком, где его, как правило, ждали Микоян и председатель Госплана Н. А. Вознесенский, лично распределявшие уголь между предприятиями, а также кто-нибудь из Наркомата угольной промышленности и из других ведомств. Разгорались горячие споры из-за каждого вагона с углем, принимались решения о переназначении и повороте эшелонов.

При вызовах к Сталину нередко приходилось ждать и в приемной, чего в мирное время не бывало никогда и ни с кем.

В конце августа по инициативе Кагановича начались работы по сооружению большого (534 км) железнодорожного кольца вокруг Москвы для разгрузки московского узла от транзитных перевозок. Это была несвоевременная идея, и вскоре трагические события на фронте поставили на ней крест[294].

В первые месяцы войны жертвой шпиономании стал старший брат Кагановича — Михаил Моисеевич, который еще в 1940 году

был снят с поста министра авиационной промышленности, а на XVIII партийной конференции весной 1941 года был выведен из состава членов ЦК ВКП(б).

Он был обвинен во вредительстве в области авиационной промышленности и в тайном сотрудничестве с гитлеровцами. Утверждалось даже, что Гитлер собирается включить Михаила Моисеевича в марионеточное русское правительство. Эти вздорные обвинения рассматривались на политбюро. Докладывал Берия. Каганович не защищал своего брата. Сталин лицемерно похвалил Лазаря за «принципиальность», но столь же лицемерно предложил не торопиться с арестом Михаила Моисеевича, а создать комиссию для проверки выдвинутых против него обвинений. Во главе этой комиссии был поставлен Микоян. Через несколько дней в кабинет Микояна был приглашен Михаил Каганович. Приехал и Берия вместе с человеком, который дал показания против М. М. Кагановича. Тот повторил свои обвинения. «Этот человек ненормальный», — сказал Михаил. Но он также по-над, что для него означает весь этот спектакль. У него в кармане был пистолет. «Есть в твоем кабинете туалет?» — спросил он Микояна. Анастас Иванович показал нужную дверь. Михаил вошел в туалет, и через несколько мгновений там раздался выстрел. После самоубийства Михаил Каганович был похоронен без почестей.

2 октября немецко-фашистские захватчики начали операцию «Тайфун» с целью окружения Москвы. На первом этапе крупные силы Резервного, Брянского и Западного фронтов попали в окружение. Все теперь зависело от того, насколько быстро железные дороги смогут перебросить под Москву новые войска с других участков фронта и из глубины страны. Именно в эти дни, например, была быстро перевезена из Сталинграда в Мценск 1-я танковая бригада Катукова, сыгравшая ключевую роль в задержке продвижения танковой армии Гудериана от Орла на Тулу.

Утром 15 октября на заседании политбюро принято решение о немедленной, в течение суток, эвакуации советского правительства, наркоматов, иностранных посольств. Сталин предлагал политбюро выехать из Москвы в ночь с 15-го на 16-е число, а сам намеревался уехать утром 16-го. Но, по предложению Микояна, было решено, что политбюро выедет только вместе со Сталиным. Микоян вспоминает:

«Запомнился разговор с Л. М. Кагановичем. Когда мы вместе спускались в лифте, он сказал фразу, которая меня просто огорошила:

— Слушай, когда будете ночью уезжать, то, пожалуйста, скажите мне, чтобы я не застрял здесь.

Я ответил:

— О чем ты говоришь? Я же сказал, что ночью не уеду.

Мы поедем со Сталиным завтра, а ты уедешь со своим наркоматом»[295].

Ближе к полудню начальник одного из отделов метрополитена С. Е. Теплов вместе с начальником метрополитена был вызван в НКПС.

«В наркомате мы увидели нечто невероятное: двери раскрыты, суетятся люди, выносят кипы бумаг, одним словом, паника. Нас принял нарком Каганович. Он был, как никогда, возбужден, отдавал направо и налево приказания.

И вот от человека, чье имя носил Московский метрополитен, мы услышали:

— Метрополитен закрыть. Подготовить за три часа предложения по его уничтожению, разрушить объекты любым способом. Поезда с людьми эвакуировать в Андижан. Что нельзя эвакуировать — сломать, уничтожить.

Каганович сказал, что Москву могут захватить внезапно»[296].

И вновь обратимся к свидетельству А. И. Микояна, относящемуся к все тому же дню 15 октября 1941 года:

«В Совете по эвакуации мы все время проверяли ход выполнения решения. Каганович, который составил план отъезда наркоматов, звонил чуть не каждый час, докладывая, как идет процесс эвакуации. Все было организовано очень быстро, и все шло нормально»[297].

Утром 16 октября отправлявшиеся на работу москвичи вдруг обнаружили, что метро закрыто. Это оказалось наиболее явным и красноречивым признаком серьезности положения и вызвало панику. Во второй половине дня метро вновь пришлось открыть, чтобы как-то успокоить людей.

В. И. Рыхлов, начальник политотдела одной из железных дорог, провел весь этот день на Казанском вокзале, с которого шла эвакуация в Куйбышев. В середине дня ему сообщили, что отправка одного из эшелонов задерживается из-за конфликта: «У одного из вагонов суматоха… Вижу: одна половина загружена мебелью, домашними вещами, а на второй — генерал НКВД, его жена, двое детей.

— В чем дело, товарищ генерал? — спрашиваю его.

— Мне товарищ Каганович лично выделил вагон, — раздраженно говорит он. — И вы ответите за самоуправство.

— Не знаю, разрешил ли Лазарь Моисеевич, — делаю упор на имени и отчестве наркома, — а начальник станции справедливо требует разместить людей на свободной половине.

— Я не могу позволить…

— Тогда отцепляйте этот вагон и прицепляйте другой, — приказываю начальнику станции. — Вы срываете график отправления поездов.

Генерала смутил такой поворот дела:

— Пусть размещаются…»

Ни этот генерал, ни сам Каганович в дальнейшем не мстили Рыхлову за принятое решение.

К вечеру обозначилась новая проблема: массовая отправка эшелонов из Москвы на восток привела к нехватке вагонов для продолжения эвакуации. У Рыхлова состоялся разговор с начальником дороги:

«— Собирайте с линии электросекции, готовьте из них поезда по 12 вагонов.

— Иван Федорович, — спрашиваю, — а чем же будем доставлять в Москву рабочих из пригородной зоны?

— Ты, Василий Иванович, философию не разводи. Это приказ Кагановича, и если вы не выполните его, знаете, чем это грозит?»[298]

Вместе с другими наркомами Каганович отбыл в Куйбышев. Вернуться в прифронтовую столицу ему было суждено лишь в следующем, 1942 году.

Зима, самое трудное для железнодорожников время, была в 1941/42 году особенно суровой. Положение на транспорте было критическим. К декабрю для замены дефектных рельсов требовалось 846 километров новых рельсов, а получили железнодорожники лишь 8 квадратных километров. Из-за нехватки угля простаивали сотни паровозов. Многие вагоноремонтные заводы были перепрофилированы на производство военной продукции. В январе по сравнению с декабрем общая погрузка снизилась на 3295 вагонов, а выгрузка — на 3813 вагонов. Северная железная дорога, перевозившая грузы, поступавшие из Великобритании и США, была, по выражению А. В. Хрулева, «близка к параличу»[299].

Но Каганович еще пытался участвовать в развитии всевозможных «починов снизу», ограничиваясь, правда, лишь короткими одобрительными телеграммами на места[300].

14 февраля при ГКО был образован Транспортный комитет, председателем которого стал Сталин, а его заместителем — не Каганович, а А. А. Андреев. Каганович же оказался лишь одним из членов комитета[301].

Тогдашний начальник Военных сообщений И. В. Ковалев свидетельствовал: «Обстановка на железных дорогах в феврале-марте 1942 года по-прежнему оставалась напряженной. Несколько раз вопрос об этом рассматривался на заседаниях

Транспортного комитета. Л. М. Каганович признавал серьезность положения, заверяя, что примет необходимые меры, однако вновь возвращался к своему излюбленному методу „мобилизации масс“ — частым и продолжительным совещаниям — „накачкам“, и УП ВОСО было вынуждено направить в ГКО записку „О тяжелом положении на железнодорожном транспорте, грозящем остановкой всего движения“… ГКО решил освободить Л. М. Кагановича от обязанностей наркома[302]».

25 марта, накануне особо важного военного совещания, определившего советскую стратегию на будущее лето, Каганович был отстранен от должности наркома путей сообщения. Было заявлено, что он «не сумел справиться с работой в условиях военной обстановки». ГКО при этом принял постановление «Об НКПС», критиковавшее работу Наркомата[303]. Руководителем НКПС стал по совместительству начальник тыла Красной Армии А. В. Хрулев.

Каганович не был арестован, не был отстранен от государственных дел, но положение его стало очень тревожным. По-видимому, в печати совершенно перестали упоминать многочисленные объекты, носящие его имя (это наблюдение требует, впрочем, дальнейшей проверки). Летом он был назначен членом Военного совета Северо-Кавказского фронта, и после знаменитого приказа Сталина № 227 — «Ни шагу назад!» — вводившего штрафные роты и заградотряды, Каганович вылетел на юг с особой миссией: наладить работу военной прокуратуры и военных трибуналов. В отличие от Хрущева, он задержался на фронтовой работе недолго. Так, в конце лета 1942 года он руководил ликвидацией нефтепромыслов на Северном Кавказе, оказавшихся под угрозой захвата фашистами. Вот как описывает эти события их участник — Николай Байбаков[304]: «Не успел я доехать до станицы Апшеронской, как меня тотчас разыскал член Военного совета Каганович и дал команду приступить к ликвидации промыслов. Теперь пришлось это делать вблизи немцев, когда они уже подошли к станице Апшеронской, где начинались нефтяные промыслы Краснодарского края. Электростанции в Апшеронской уничтожили под автоматным и пулеметным обстрелом гитлеровцев… В Хадыжах взрывники и специалисты-нефтяники подчищали последние „мелочи“, когда прибыл Каганович. Сюда перебазировался штаб фронта из станицы Белореченской, и Каганович на правах члена Военного совета осматривал промыслы. Ни одна скважина уже не работала, наземное оборудование — компрессорные, станки-качалки, подстанции — было в основном демонтировано. Остальное подлежало уничтожению. Дотошно ознакомившись с одной из

ликвидированных скважин, Каганович поинтересовался: „Сколько потребуется времени, чтобы снова пустить скважину?“ „Трудно сказать“, — ответил я. Ровно через сутки наступила критическая необходимость уничтожить все, что еще подлежало уничтожению. С промыслов сообщили мне, что в районе Кабардинки появились немецкие части, идет перестрелка, уничтожаются последние объекты. Учитывая близость немецких войск к штабу фронта, я срочно сообщил Кагановичу о том, что есть угроза прорыва немцев в районе Хадыжей, где находился штаб фронта. „Что вы паникуете!“ — закричал по телефону Каганович. „Посылайте разведку, убедитесь!“ — „Войска надежно держат район!“ — не слушая возражений, кричал он. Однако не прошло и пятнадцати минут, как был дан приказ о срочной эвакуации штаба фронта в Туапсе. Мы остались уничтожать промыслы и только когда взорвали последний объект — электрогазо-станцию, двинулись по Малому Кавказскому хребту…»[305]

Сталинградская битва означала несомненный перелом в ходе войны. После ее успешного окончания, в конце февраля 1943 года, Сталин позвонил Хрулеву и спросил, от какой должности он хотел бы освободиться: наркома путей сообщения или заместителя наркома обороны в тылу? Хрулев предпочел оставить работу в НКПС, и через несколько часов Каганович был возвращен на этот пост[306].

15 апреля 1943 года на всех железных дорогах было введено военное положение; 25 апреля — утвержден новый дисциплинарный Устав. Работа транспорта ощутимо улучшалась. В сентябре 1943 года ГКО принял характерное для Кагановича решение об увеличении числа наград железнодорожникам: вместо 9 знамен ГКО учреждалось 17, вместо 52 знамен ВЦСПС и НКПС — 88. Выделялись дополнительные средства для премирования победителей[307]. Самому Кагановичу было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Правда, это было награждение к 50-летию Кагановича. Если не считать ордена, круглая дата никак не была отмечена. В марте 1940 года финская война не помешала отметить 50-летие Молотова с большим шумом. А на долю Кагановича не досталось даже газетной заметки.

Всю войну страна голодала. Но Сталин не находил неуместным устраивать официальные банкеты по разным поводам. На одном из банкетов, данном в конце 1944 года в честь французской делегации во главе с Шарлем де Голлем, он произнес шутливый тост: «За Кагановича! Каганович — храбрый человек, он знает, что, если поезда не будут приходить вовремя, его расстреляют!» Похожий тост он произнес и в честь маршала

авиации Новикова — с той разницей, что Новикова Сталин пообещал не расстрелять, а повесить[308].

В декабре 1944 года Каганович в третий и последний раз оставил пост наркома путей сообщения. Перед уходом он настаивал на перешивке железных дорог восточноевропейских стран на более широкую советскую колею. После замены Кагановича в наркомате ощутимо уменьшилось число совещаний и составляемых документов. Работавшие и соприкасавшиеся с ним люди оценивают его работу на железнодорожном транспорте во время войны, как правило, отрицательно.

И. В. Ковалев так комментирует окончательный уход Кагановича от руководства железными дорогами: «Он и на этот раз не сделал надлежащих выводов из суровых уроков войны. НКПС по-прежнему недопустимо медленно реагировал на частые изменения транспортной обстановки и внезапно возникающие запросы армии»[309].

Уже в 1944 году Каганович все более и более переключается на мирную хозяйственную работу. Оставаясь заместителем председателя Совета министров СССР и председателем Транспортной комиссии, Каганович был назначен на пост министра промышленности строительных материалов, это была одна из наиболее отстающих отраслей.

ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Влияние Кагановича продолжало меняться в течение войны. Он выполнял важные задания, но общее руководство военной экономикой по линии Совета министров и ГКО осуществлял в первую очередь И. Вознесенский, а по партийной линии — Г. Маленков. Вознесенский в 1945–1946 годах нередко руководил заседаниями Совета министров СССР. В партийно-государственной иерархии имя Кагановича стояло и в 1946 году лишь на девятом месте — после Сталина, Молотова, Берии, Жданова, Маленкова, Вознесенского, Калинина и Ворошилова.

Почти для всех руководителей война стала жестоким испытанием на эффективность. В результате завоевали авторитет кадры нового поколения — Косыгин, Устинов, Кузнецов, Барабанов, Шахурин и многие другие, внесшие ощутимый вклад в победу. После Хиросимы лучшие силы и огромные средства были брошены на осуществление атомного проекта. Каганович не принимал в нем участия и, по-видимому, вообще не был в курсе производившихся сверхсекретных работ.

Но и производство стройматериалов для разрушенной войной страны было отнюдь не последним делом. В первый раз приехав в министерство, Каганович у себя в кабинете выстроил в шеренгу замов. Они оказались как на подбор физически крепкие, высокие. «Я не плох, — сказал их новый шеф, — но и замы у меня хороши». Начал он свою деятельность с прорубания в здании министерства нового персонального лифта для себя. Возле лифта поставили охрану. В середине дня министру привозили опломбированный обед. Начальник личной охраны, генерал-майор, пробовал блюда в комнате отдыха, после чего к ним приступал и хозяин.

И на этом посту рукоприкладство было стилем его работы. Ни разу непонравившаяся бумага не была возвращена в руки подчиненного — комкал и швырял в лицо. Седой зав-секретариатом ползал по полу и собирал; вскоре у него начала трястись голова, и Каганович сказал: «Тебе, старый баран, надо отдохнуть, пойти в другое место, вместо тебя возьму твоего сына». Завотделом стройматериалов Совмина Владимир Александрович Коленков говорил впоследствии: «Когда мы думали о том, что надо идти на работу, — лучше б, казалось, под трамвай попасть, чем идти на работу».

Однажды Каганович замахнулся на одного из своих заместителей, но тот пообещал дать сдачи. «Ух, какой смелый», — сказал Лазарь, и на этом инцидент был исчерпан.

Весь аппарат министерства сидел на рабочих местах практически круглосуточно. Если кто-нибудь и успевал приехать домой, чтобы отдохнуть и пообедать, — не проходило и получаса, как работника вызывали обратно в министерство по срочному делу. Дети не видели отцов месяцами. Болезни на нервной почве были обычным явлением.

По праздникам Каганович посылал подчиненного объехать Москву и посмотреть: как висят его портреты? Точно ли на том же месте от портрета Сталина — или перемещены?

Когда про одного из работников нашептали, что он много пьет, Лазарь при очередной встрече у себя в кабинете спросил у него: ты, мол, сколько можешь выпить? «Пол-литра», — ответил тот. «Ну, пол-литра и я могу», — заявил министр и потерял интерес к вопросу.

Как-то раз, зайдя в кабинет к своему заместителю И. П. Гвоздареву, Каганович случайно увидел там его 16-летнего сына и взял его с собой в поездку на кирпичный завод. Ехали на семиместных «паккардах», закупленных за границей в 1933 или 1934 году, с бронированными 10-сантиметровыми зелеными стеклами, со спецсигналом и двумя машинами охраны. По дороге встретился железнодорожный переезд с опущенным шлагбаумом. Один из охранников с красным флагом бросился останавливать подходивший к переезду поезд, другой поднял шлагбаум.

На завод уже были доставлены 5 автобусов охранников. Они стояли шеренгами. Бледный директор со своей свитой ждал министра. «Ты что трясешься заранее? — сказал ему Каганович. — Я же тебя не съем. Вот если найдем неполадки — будешь трястись».

Подросток Гвоздарев-младший 20 лет спустя случайно ехал с Кагановичем в лифте жилого дома. «А я вас знаю, — сказал тогда пенсионер Каганович, — вы ездили со мной на кирпичный завод». Чтобы узнать в человеке средних лет однажды виденного юношу, надо обладать очень цепкой памятью на лица.

Один из членов коллегии Министерства стройматериалов во время войны занимал более высокий пост, работал под непосредственным руководством Сталина и много сделал для победы. Это был хороший руководитель, уже не молодой человек. Во время одного из докладов Сталин вдруг приказал ему раздеться. Он разделся. Сталин примерил его одежду и сказал: «Как раз впору. Будешь примерять мои костюмы». И во время заседаний коллегии бывало, что Каганович снимал трубку зазвонившей «вертушки» и, выслушав сказанное, произносил фамилию невольного живого манекена: «На примерку». И заслуженный, солидный мужчина стремглав, бросив все дела,

мчался на примерку.

А в общем, и на этом месте Каганович оставил память о себе как о начальнике энергичном, с большими организаторскими способностями, но нечеловечески жестоком[310]. Его гипнотизирующий, тяжелый взгляд люди и здесь запомнили на всю жизнь.

С другой стороны, у многих простых рабочих предприятий, подчиненных его министерству, остались самые лучшие воспоминания о своем министре. Так, в дни субботников он обязательно приезжал на какой-нибудь завод и трудился вручную наравне со всеми, всегда бывая при этом очень приветливым и простым в обращении. Это неизменно производило очень хорошее и глубокое впечатление.

В 1946 году Каганович принял участие в совещании высших военных и государственных руководителей, на котором по инициативе Сталина были заслушаны сфабрикованные компрометирующие материалы на маршала Жукова. Обвинения были достаточно серьезные, и при дурном обороте дела маршал мог быть арестован. Но военные почти единогласно выступили в защиту Жукова, и он остался на свободе, хотя и был переведен на более низкую должность — командующим Одесским военным округом. В этот день Каганович, как и Берия, выступал против Жукова.

В том же году во время одной из поездок по стране Кагановичу довелось заехать и в город Асбест, куда 11 лет спустя он был отправлен в почетную ссылку. Министр остался недоволен состоянием местной строительной промышленности и устроил местным руководителям крупный разнос.

В феврале 1947 года Каганович был направлен Сталиным на Украину в качестве первого секретаря ЦК КП(б)У. Одновременно секретарем по сельскому хозяйству назначили Патоличева. Республика не выполнила в 1946 году плана хлебозаготовок из-за тяжелой засухи, и Сталин был недоволен Хрущевым, который вот уже девятый год стоял во главе ЦК КП(б)У. Между тем зерна в фонд государства было отобрано слишком много; как и в 30-е годы, на Украине начался голод, в укромных местах находили останки съеденных людей. А Сталин, не торгуясь, удовлетворял просьбы восточноевропейских стран о поставках зерна.

Каганович совершил поездку по Полтавской области, в ходе которой у него вышел конфликт с председателем колхоза Могильченко, применявшим метод мелкой вспашки.

Когда-то Лазарь отдавал за мелкую вспашку под суд. Его разговор с Могильченко пересказывает Хрущев:

«Нужно хорошо знать Кагановича, чтобы представить себе,

как он, наверное, гаркнул на этого председателя колхоза:

— Почему, черт возьми, вы пашете так мелко?

Могильченко, который хорошо знал свое дело, ответил:

— Я пашу так, как надо.

Каганович резко парировал:

— Если вы будете пахать так мелко, то кончите тем, что будете выклянчивать хлеб у государства.

— Только не я, товарищ Каганович, только не я, — гордо возразил Могильченко. — Я никогда не просил хлеба у государства. Я сам кормлю государство хлебом. И вообще я не посмотрю на то, что вы первый секретарь, и буду продолжать пахать так, как считаю нужным…»[311]

Переезд в Киев был для Кагановича явным понижением, и он работал здесь без прежней энергии. К тому же Хрущев не был освобожден от работы в республике, он остался здесь на посту председателя Совета министров УССР. Если в 30-е годы в Москве Хрущев склонен был говорить: «Да, Лазарь Моисеевич», «Слушаю, Лазарь Моисеевич», то теперь на Украине между ними часто возникали конфликты. Каганович не слишком много времени уделял сельскому хозяйству, но стал привычно раздувать кадило борьбы с «национализмом», переставлять кадры, удаляя нередко хороших и ценных работников.

Обстановка на местах была тревожной. Продолжала действовать в подполье украинская повстанческая армия (УПА), вооруженная некогда фашистским командованием. Террористические акты совершались ежедневно. В среднем каждые один-два дня убивали кого-либо из руководящих работников. Наиболее крупные формирования бандеровцев были разгромлены за несколько месяцев до приезда Кагановича, но борьба с мелкими отрядами и боевыми группами продолжалась с тем же ожесточением, и конца ей не было видно. Впрочем, Каганович никогда не занимался специально делами военными.

Мимоходом он сыграл огромную роль в стремительной карьере 23-летнего В. Е. Семичастного — будущего генсека комсомола, грубого хулителя Пастернака и председателя КГБ. Вспоминает В. Е. Семичастный: «Тогда на Украину приехал Каганович… а с Кагановичем приехал и Патоличев, который был тогда секретарем ЦК. Но они скоро переругались, и Патоличев уехал в Ростов — первым секретарем обкома. Каганович вообще со всеми тогда переругался… он, по существу, разогнал руководство ЦК комсомола Украины, обвинив его во всех смертных грехах… Я был в Харькове, и вдруг меня срочно ночью вызывают: „Тебя требует Каганович“. Ну, думаю, очередь и до меня дошла, приехал в Киев, три дня сижу в ЦК, смотрю,

помощники Кагановича по всем делам комсомола советуются со мной, ничего не понимаю, и вдруг меня действительно приглашает к себе Каганович. Мы, говорит, решили, что вы будете первым секретарем. Я говорю: „Лазарь Моисеевич, куда мне первым…„…А я хотел, чтобы первым был Митрохин, он старше меня, опытнее, но Каганович говорит — нет, нельзя, потому что он не украинец, а вы — украинец, ну и сделали меня первым, а Митрохин был при мне вроде как дядька“[312]».

Кстати, Патоличева Каганович успел выжить в то время, когда Хрущев тяжело болел (у него было воспаление легких). Никита Сергеевич вспоминает: «Он совершенно затравил Патоличева. Тот пришел ко мне, когда я еще лежал в постели… и с трудом выговорил: „Я больше не в силах терпеть помыканий Кагановича. Не знаю, как быть дальше“. Я видел, что он доведен до отчаяния. Потом он написал письмо товарищу Сталину с просьбой освободить его от занимаемой должности, так как он не может работать с Кагановичем…»[313] Это было не в сталинских традициях — жаловаться на начальство и просить отставку. Но что такое «помыкания» в исполнении Кагановича — представить нетрудно…

В сентябре того года было с размахом отмечено 800-летие Москвы. Колхозы голодной страны направили в столицу массу продовольствия в качестве подарков к годовщине. Была иллюминация, торжественное заседание в Большом театре, танцы на улицах и спортивный праздник на стадионе «Динамо». Сталин, отдыхавший на Черном море, не приехал на торжество. Газеты пытались сделать его отсутствие незаметным, публикуя в праздничные дни картины разных художников, изображавшие Сталина в гуще народа. Присутствовали в Москве многочисленные иностранные делегации, зато отсутствовали сыгравшие большую роль в судьбе города Каганович и Хрущев. Это по нынешним временам кажется странным, но оба они оставались в Киеве и лишь появились в президиуме торжественного заседания, посвященного московскому юбилею.

Через несколько дней состоялся пленум правления Союза писателей Украины; ночью в ЦК КП(б)У для его участников был устроен прием, на котором Каганович выступил с резкой речью. Он усмотрел враждебный умысел в романе Юрия Яновского «Живая вода». Рисуя весенний пейзаж, писатель употребил военные сравнения: «Зима отступала, удерживаясь, подобно армии, на промежуточных рубежах, словно она получила приказ ни за что не сдаваться весне… Зима была загнана в доты — овраги, чащи, обрывы, где она еще имела возможность цепляться за клочок скрытой от солнца территории. Валом повалили под

облаками птицы с юга — гуси, лебеди, аисты, жаворонки. Они летели через море, неся на крыльях колхозную весну, атаковали последнее сопротивление зимы». Бдительному Кагановичу не понравились слова «парашютный десант». Что это еще за десант? Значит, Яновский мечтает о десанте? Ясно, что имеется в виду вражеский десант на нашей земле! Значит, и сам Яновский — враг. Затем грозный оратор обрушился на Максима Рыльского, обвинив его в идейных связях с петлюровщиной. Но тут коса нашла на камень: Рыльский встал с места и, перебив Кагановича, сказал, что никогда, ни в каком смысле связей с петлюровщиной не имел. Каганович смутился и перешел на другую тему. Теперь был не 1935 год, и смелые возражения экс-ближайшему соратнику вождя иной раз сходили с рук.

Гораздо больше, чем Каганович, Украине помогли обильные весенние дожди, обеспечившие в республике в 1947 году высокий урожай. Не имея на этот раз чрезвычайных полномочий, Каганович часто посылал записки Сталину, не показывая их перед этим Хрущеву. Но Сталин потребовал, чтобы и Хрущев подписывал все эти записки, что было явным выражением недоверия к Кагановичу. Вскоре стало ясно, что от пребывания Кагановича на Украине нет никакой пользы. Хрущев имел здесь гораздо большее влияние, тогда как у Кагановича была не слишком добрая слава еще с середины 20-х годов. В конце 1947 года Каганович вернулся в Москву, возобновив свою работу в Совете министров СССР.

По свидетельству Валентина Александровича Зайцева, дед которого работал в сороковых — пятидесятых годах в Лечупре Кремля, Каганович отличался хорошим природным здоровьем и, как и другие члены политбюро, имел личного врача, ежегодно проходил санаторно-курортное лечение в местных санаториях или на Черноморском побережье. Каганович, Молотов, Маленков и Ворошилов, в отличие от других руководителей, внимательно и серьезно относились к своему здоровью, регулярно проходили медицинское обследование, тщательно выполняли все советы и рекомендации врачей, что не избавляло самих врачей от проявлений начальственной грубости.

Вскоре после возвращения в столицу Каганович принял попросившегося к нему на прием председателя Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), театрального режиссера Соломона Михоэлса. Члены ЕАК, образованного в начале войны, еще в 1944 году написали письмо Сталину, предлагая создать на территории Крыма Еврейскую Социалистическую республику. Теперь, три года спустя, обсуждалась идея о заселении трех районов Крыма, где до войны существовали еврейские колхозы.

Работающие в ЕАК не подозревали, что ими заинтересовались органы госбезопасности, уже составлены секретные документы, оценивающие деятельность комитета как политически вредную. Их действия внутри страны рассматривались как претензия на роль посредника между еврейским населением и властями, выступления в зарубежной печати, как считалось, преувеличивают вклад евреев в достижения СССР. Суслов уже обращался к Сталину с предложением о ликвидации ЕАК. Примерно в те же дни, когда в Москве были арестованы и начали под нажимом давать сфальсифицированные показания против ЕАК научные сотрудники И. И. Гольдштейн и З. Г. Гринберг, — Михоэлс попытался обсудить с Кагановичем вопрос о Крыме. Каганович сразу перевел разговор на спектакль «Фрейлахс». Вот эта беседа в передаче А. Борщаговского.

«— Лазарь Моисеевич, я пришел посоветоваться. Кое-кто в комитете хочет просить жилья в Крыму…

Каганович не слышит собеседника, его голос делается громче, раскатистее, он заполняет все пространство кабинета:

— Каждый сезон хорошо бы ставить такой спектакль, как „Фрейлахс“! Его могут смотреть и не евреи; танцы, песни, всем весело, все понятно.

— Да… Мы ищем, это не так просто, Лазарь Моисеевич… Как говорится, свадьба бывает раз в жизни. Говорят о Джанкое, но это чужая земля…

— Как студия при театре? — гремит голос Кагановича. — Студийцы участвуют в „Фрейлахсе“, и очень к месту… Прибавилось молодости.

— У нас споры, я хочу посоветоваться с вами.

— Без молодых актеров у театра нет будущего, — бодро говорит „оглохший“ Каганович. — Хорошо, что вы добились создания школы-студии, дальновидно.

Каганович поднимается, берет Михоэлса под локоток, ведет через весь кабинет к двери, громко говорит пустяки, любезности, обещает при нужде помочь театру и выпроваживает растерянного посетителя…»[314]

Не прошло и двух недель, как Михоэлс был по приказу Сталина убит вечером на улице в Минске. Официально было объявлено о смерти в автомобильной катастрофе. Многие впоследствии утверждали, что сразу все поняли. Наталия Вовси-Михоэлс рассказывает о семье погибшего: «Мы же ничего не поняли. Нам было не до того. Мы не поняли даже тогда, когда в нашу набитую людьми квартиру пришла вечером того же дня Юля Каганович, моя близкая подруга и родная племянница Лазаря Кагановича. Она увела нас в ванную комнату —

единственное место, где еще можно было уединиться, и тихо сказала:

— Дядя передал вам привет… И еще велел сказать, чтобы вы никогда никого ни о чем не спрашивали»[315].

Вскоре стартовала кампания борьбы с «безродными космополитами». От евреев очищали партийный и государственный аппарат, их не принимали на дипломатическую службу, в органы безопасности, сократился прием евреев в институты, готовящие кадры для военной промышленности и наиболее важных отраслей науки. Евреев перестали принимать в военные училища и академии, в партийные школы.

Сам Лазарь Моисеевич в это время нередко вел себя как антисемит, раздражаясь присутствием в своем аппарате или среди «обслуги» евреев. Удивляла мелочность Кагановича. Так, например, на государственных дачах для членов политбюро часто устраивались просмотры иностранных кинолент. Текст переводился кем-либо из вызванных переводчиков. Однажды на даче Кагановича это была еврейка, прекрасно знавшая итальянский язык, но переводившая его на русский с незначительным еврейским акцентом. Каганович распорядился никогда больше не приглашать к нему эту переводчицу.

Среди еврейской интеллигенции прошли массовые аресты. Хотя Каганович и не был инициатором этих арестов, он не протестовал против них и никого не защищал, хотя под удар попали и его родственники. Вот какую сцену, относящуюся к 1949 году, сообщила нам Клавдия Васильевна Генералова: «В один из сизых дней, не столь уж частых в центральном Казахстане… когда с неба сыпалось нечто вроде абразивного ледяного порошка и порошило дали, пара мохноногих и шустрых казахских лошадок бодро подкатила наши сани к зоне Кингирлага, в районе Балхаша… Только-только вышедший из проходной дежурный распахнул перед нами ворота, как с другой стороны степи к зоне подкатили другие сани…

В этих вторых санях сидели двое: конвоир, как водится, и второй — рослый и грузный, богато-тепло одетый в черное длинное пальто с большим меховым воротником и такого же меха пушистую шапку… Я внимательно посмотрела на этого человека, чем-то напоминавшего русского боярина. Лицо его, крупное, упитанное, сразу напомнило мне знакомое по бесчисленным фотографиям в газетах, журналах, плакатах лицо Л. М. Кагановича, но еще более мясистое. Да и выражало оно нечто прямо противоположное самодовольному и победительному чувству Лазаря Моисеевича. Тоска в глазах, уныние и безнадежность в поникшей фигуре…

Вахтер в это время принял от обоих конвоиров наши формуляры и вызвал поочередно:

— Генералова!

— Петренко!

— Шишкина!

— Каганович!

Мы должны были назвать свои имена и отчества. Каганович ответил невнятно… вахтер с веселым смехом крикнул другому стражу, стоявшему на пороге проходной: „Во! У нас теперь есть Генералова, Каганович…“ В его голосе явно ощущалось удовольствие коллекционера…» Возможно, именно об этом представителе фамилии Кагановичей И. Бергер писал в своей книге: «Один из моих собратьев по лагерю был близким родственником Л. М. Кагановича. В 1949 году его арестовали. Тогда его жена стала добиваться приема у Кагановича. Каганович принял ее только через 9 месяцев. Но прежде чем она начала говорить, Каганович сказал: „Неужели вы думаете, что, если я мог что-то сделать, я бы ждал 9 месяцев? Вы должны понять — есть только одно Солнце, а остальные только мелкие звезды“[316]».

Старший из братьев Кагановичей, Арон Моисеевич, работал после войны в Киеве директором кожевенно-обувного треста. Он был малограмотным, но неглупым, стриг усы «a La Лейзерка», как он называл брата Лазаря. Рассказывает об Ароне Кагановиче его бывшая подчиненная М. А. Корнюшина: «Он был доброжелателен, демократичен, патриархален, очень проницателен, произношение выдавало его национальную принадлежность.

В это суровое и очень голодное время Арон Моисеевич, используя свое служебное положение и связи в верхах, добывал продукты и устраивал в тресте празднования всех революционных праздников и встречу Нового года, причем разрешалось, за умеренную плату, приводить своих жен и мужей. Благодаря Арону Моисеевичу его подчиненным несколько раз в году удавалось поесть досыта… С Ароном Моисеевичем Л. Каганович поддерживал родственные отношения. Арон Моисеевич с восторгом рассказывал своим сотрудникам, к которым питал доверие, подробности придворной жизни своего брата, которого обязательно посещал во время каждой командировки в Москву…

Когда на Украине у власти пребывал Хрущев, по какому-то чрезвычайному вопросу в Киев прибыл Лазарь Моисеевич и уведомил старшего брата о своем намерении посетить родственников.

Собралась вся родня в ожидании Лазаря, который прибыл под усиленной охраной глубокой ночью. По обе стороны лестницы и по периметру лестничной площадки расположились вооруженные

люди в форме, а его сопровождали товарищи в штатском. Отчаяние Арона Моисеевича было неописуемо, так как Лазарь к приготовленным с такой любовью кушаньям не прикоснулся и даже не выпил чаю с лимоном, опасаясь, как бы его не отравили…

Не помню, в каком году Арона Моисеевича отправили на пенсию. Тогда по всему Союзу прокатились судебные процессы по делу „Заготживсырье“, и, хоть он к этому делу был непричастен, только высокое родство избавило его от суда.

Похороны Арона Моисеевича были пышными и многолюдными… Все надеялись увидеть на похоронах Лазаря Моисеевича, который ограничился тем, что прислал представительствовать своих дочь (редкой красоты женщину) и зятя (морского офицера в высоком чине)».

…В декабре 1949 года Сталину исполнилось 70 лет. Уже в течение четырех лет он время от времени серьезно болел, но об этом знал лишь узкий круг людей, да еще догадывались по косвенным признакам иностранные наблюдатели.

Очевидцы помнят этот юбилей. Выставки подарков Сталину, поздравления Сталину, сочинения о Сталине в школах, песни о Сталине по радио… Теперь был уже не 29-й год. Каганович не был запевалой, да это и не требовалось. Тем не менее на торжественном заседании он сидел в первом ряду президиума, рядом с Мао Цзэдуном, чьи войска за три месяца до этого вступили в Пекин.

Поэт Алексей Сурков, обращаясь к Сталину, выражал абсолютную уверенность то ли в скором построении коммунистического общества, то ли в физическом бессмертии вождя:

> …Настанет, в песнях солнечных воспетый,
> Обетованный, долгожданный час,
> Когда, исполнив Ленина заветы,
> В мир коммунизма вы введете нас…[317]

По аналогии с «первой империей» и «первой республикой» во Франции последние годы жизни Сталина можно назвать первым застоем. Сам Сталин как-то в разговоре назвал это «центростопом». Вождь почти стал соответствовать древнекитайской пословице: «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует». Изредка, впрочем, он подавал признаки жизни, что начинало восприниматься как сюрприз, особенно молодежью. Когда над столицей стал подниматься третий десяток этажей Московского университета,

Сталин вспомнил обычаи 20-х годов и посетил стройку, но не поддался искушению поглядеть на Москву с высоты, не решился подняться на верхний этаж — вместо него это сделал сопровождавший его Каганович.

Сталин все реже и реже встречался с Кагановичем, он уже не приглашал его на свои вечерние трапезы.

Сфера деятельности Кагановича, в сравнении с тем временем, когда он замещал Сталина во время его отпусков, сузилась в несколько раз. Он, по-видимому, не принимал участия в руководстве странами народной демократии, не говоря уже о других внешних делах; не чувствовал себя хозяином в «чужих» министерствах и областях, как бывало лет 15 назад; не участвовал в решении проблем столицы. Его роль в идеологической работе также ощутимо изменилась, но не стала нулевой. Так, в 1950 году Кагановичу и Ворошилову было поручено утвердить новый памятник Горькому, устанавливавшийся у Белорусского вокзала в Москве. К тому времени в изображении Горького предписывалось скучное единообразие. Писателя представляли таким, каким он был в последние годы жизни в СССР. Автор нового памятника, выдающийся скульптор В. Мухина, стремясь отойти от стандарта, вылепила Горького молодым, стройным и буйноволосым. Именно это не понравилось двум полуопальным полысевшим лидерам 30-х годов. Походив вокруг памятника, они потребовали срочно переделать Горького на привычный лад. Закипело неохотное, но торопливое исполнение указаний. Стояла сырая, холодная погода. Мухина, спеша довести работу до конца, слишком много времени проводила у памятника и серьезно заболела. Вероятно, эта работа ускорила ее смерть.

Тем временем в высшем руководстве страны постепенно нарастала напряженность. Сталин стал третировать старейших своих союзников — Ворошилова, Молотова, Микояна, встречая при этом сопротивление остальных приближенных. Исключением, как всегда, оказался Каганович, энергично нападавший на Молотова. Складывается впечатление, что ориентация на Сталина была для него единственно возможной тактикой при любых обстоятельствах.

По словам Хрущева, его коронная фраза была: «Я полностью согласен с товарищем Сталиным!» Никита Сергеевич рисует в своих воспоминаниях такую сцену: «Каганович, бывало, отодвигал стул, выпрямлялся во весь рост и начинал орать: „Товарищи! Пора сказать правду народу. В партии все продолжают толковать про Ленина и ленинизм. Надо быть честным перед самим собой. Ленин умер, сколько лет он проработал в партии? Что было

достигнуто при нем? Сравните с тем, что достигнуто при Сталине! Пришло время заменить лозунг „Да здравствует ленинизм!“ лозунгом „Да здравствует сталинизм!“. Пока он так разглагольствовал, обычно все молчали, опустив глаза. Первым и единственным, кто с ним вступал в полемику, был сам Сталин“[318]».

Необходимость занимать на пьедестале лишь второе (после Ленина) место все больше и больше тяготила Иосифа Виссарионовича. Постройка грандиозного Дворца Советов, например, опять была отложена из-за возникшей необходимости вместо одной статуи Ленина разместить на крыше две — Ленина и Сталина.

На XIX съезде КПСС Каганович был избран в состав расширенного Президиума ЦК и даже в Бюро ЦК, но не был включен в отобранную лично Сталиным «пятерку» наиболее доверенных руководителей партии. Он выступил на съезде с небольшой дежурной речью, о необходимости принятия новой Программы партии, а также был включен в комиссию по выработке программы, которая должна была проделать всю работу к следующему съезду.

В январе 1953 года после ареста группы кремлевских врачей, в большинстве евреев, которые были объявлены «вредителями» и «шпионами», в СССР началась новая широкая антисемитская кампания. В некоторых западных книгах и, в частности, в книге А. Авторханова «Загадка смерти Сталина», полной вымыслов и противоречий, можно найти версию о том, что Л. Каганович якобы бурно протестовал против преследования евреев в СССР, что именно Каганович предъявил Сталину ультиматум с требованием пересмотреть «дело врачей». Более того, Каганович якобы «изорвал на мелкие клочки свой членский билет Президиума ЦК КПСС и швырнул Сталину в лицо. Не успел Сталин вызвать охрану Кремля, как его поразил удар: он упал без сознания»[319].

Авторханов ссылается на какие-то слова и свидетельства Ильи Эренбурга. Старший из соавторов настоящей работы часто встречался с И. Эренбургом в 1964–1966 годах, не раз разговаривал с ним о Сталине, но ничего подобного Эренбург никогда не говорил, да он и не мог знать подробностей смерти Сталина. Все это чистый вымысел. Каганович не мог бы восстать против Сталина. Он никогда и ни в чем не противоречил вождю, а к началу 50-х годов к тому же и не располагал рычагами реальной власти. В начале 1953 года он молчал и со страхом ждал развития событий. Как и многих других, и отнюдь не только евреев, Кагановича, по-видимому, спасла смерть Сталина.

В «АНТИПАРТИЙНОЙ» ГРУППЕ

Итак, умер человек, на которого Каганович ориентировался на протяжении всей своей политической карьеры, чьей политике он стал служить задолго до того, как это стало обязательным для всех. Лазарю Моисеевичу было 59 лет, здоровье — отличное. Однако по ряду причин он не мог надеяться занять освободившееся первое место и выступал в начавшейся борьбе в качестве важной, но не главной фигуры.

В траурном марте 1953 года многие терялись в догадках и не могли представить, как дальше пойдет жизнь — до такой степени все зависело от Сталина. Но практически никто не предполагал, что начинается совсем иная эпоха. Не исключено, что люди, подобные Кагановичу, менее других были способны предвидеть грядущий крутой поворот, несмотря на всю свою осведомленность.

После смерти Сталина влияние Кагановича на короткое время вновь возросло. Он вошел в новый, более узкий состав Президиума ЦК и в качестве одного из первых заместителей Председателя Совета Министров СССР возглавил несколько важных министерств. В начале лета он совершил поездку по стране с целью проследить за ходом лесозаготовок. Вероятно, рабочей силой в увиденных им местах были заключенные. Вернувшись в Москву, он был вызван на откровенный разговор Хрущевым, заявившим о необходимости отстранения Берии от руководства и согласии на этот рискованный шаг большинства политбюро. Каганович сразу же охотно поддержал Хрущева и Маленкова, хотя в развернувшихся затем событиях сыграл пассивную роль. Еще раньше он активно поддержал все меры по пересмотру «дела врачей» и прекращению антисемитской кампании в стране. Был реабилитирован и брат Лазаря Кагановича — М. М. Каганович. В ноябре 1953 года Каганович получил к своему 60-летию очередной орден Ленина. Но никаких особых торжеств опять не было.

Начавшиеся в 1953–1954 годах первые реабилитации ставили Кагановича во все более трудное положение. Не все жертвы террора 1937–1938 годов были расстреляны или погибли в лагерях. В Москву стали возвращаться люди, которые знали о той ведущей роли, которую играл Каганович при проведении незаконных массовых репрессий. Так, например, в 1954 году был полностью реабилитирован А. В. Снегов, которого Каганович хорошо знал еще по партийной работе на Украине в середине 20-х годов. Снегов был назначен по предложению Хрущева на работу

в политотдел и коллегию МВД СССР. На торжественном заседании в Большом театре по случаю 38-й годовщины Октябрьской революции в перерыве Каганович увидел Снегова, он шел под руку с Г. Петровским, который все еще был тогда завхозом Музея Революции. Каганович поспешил к ним с приветствиями. Но Снегов не ответил на них. «Я не буду пожимать руки, запятнанные кровью лучших людей партии», — громко, чтобы слышали все вокруг, сказал Снегов. Каганович помрачнел и вместе с дочерью быстро отошел в сторону. Он уже не имел прежних возможностей карать и преследовать своих врагов.

В различных сферах жизни Союза продолжались перемены и небольшие подвижки, свидетельствовавшие об изменении характера политического режима, обещавшие отход от сталинской жестокости и жесткости. Реже и глуше стало упоминаться само имя Сталина. Прекратилась пропаганда (да и осуществление) некоторых крупномасштабных проектов — таких как, например, посадка лесополос в степях. Иногда и малозначительный эпизод превращался в красноречивый признак перемен.

Но в целом общественная и политическая жизнь изменилась пока незначительно. По-прежнему круг доступных для критики лиц и организаций был строго ограничен, а частота и тон публичных критических высказываний подвергались тщательной дозировке. Пропаганда сохраняла дух искусственной приподнятости, чрезмерной бодрости независимо от событий и обстоятельств. Для руководящих кадров наиболее ощутимым изменением оставалась пока отмена изматывающего режима рабочего дня с обязательными ночными бдениями. Ранее этот распорядок соответствовал режиму дня Сталина, а теперь стал ненужным.

Подлинные перемены принес 1956 год. В самом его начале, 3 января, было объявлено о назначении Кагановича председателем Комитета по труду и заработной плате, что, видимо, не имело никакого политического подтекста. Подготовка к намеченному на февраль XX съезду КПСС проходила в традиционном духе. Не было и намека на какие-либо политические дискуссии или хотя бы разницу во мнениях. Привычный образ «монолитного единства» всей партии оставался в неприкосновенности. В центре внимания прессы и радио были «предсъездовские вахты» рабочих и колхозников, сообщения о трудовых рекордах.

В такой атмосфере и начался первый съезд КПСС после смерти Сталина.

Каганович решительно протестовал против намерения

Хрущева доложить делегатам XX съезда КПСС о преступлениях Сталина. Когда было предложено дать слово на съезде нескольким вернувшимся из лагерей старым большевикам, Каганович воскликнул: «И эти бывшие каторжники будут нас судить?» В своей речи на съезде партии Каганович должен был все-таки мимоходом сказать несколько слов о «вредности» культа личности. Хрущев, однако, преодолел сопротивление и прочел в конце съезда свой знаменитый секретный доклад.

В прошлом Каганович был в очень плохих отношениях с Молотовым и Маленковым. Но теперь они стали сближаться на почве общей вражды против Хрущева и его политики. Они тщательно фиксировали все ошибки Хрущева в руководстве промышленностью и сельским хозяйством. Но главное, что им не нравилось, — это проведение «десталинизации» и освобождение и реабилитация миллионов политических заключенных.

2 июня 1957 года они в последний раз появились на людях все вместе — Хрущев, Брежнев, Молотов, Маленков, Каганович. Открывалась Всесоюзная сельскохозяйственная и промышленная выставка 1957 года. На открытие выставки пришли десятки тысяч москвичей, иностранные дипломаты и журналисты.

Обычно после осмотра экспонатов лидеры партии дегустировали вина в ресторане «Золотой колос», но на этот раз почти все члены Президиума ЦК после официальной части разъехались. С Хрущевым остались Микоян, Брежнев и Аристов.

Вскоре на заседании Президиума ЦК была предпринята попытка добиться отставки Хрущева. Перед его началом Каганович сказал Сабурову: «Или мы их уберем, или они нас»[320]. Каганович резко критиковал политику Хрущева в области сельского хозяйства. Он и Молотов припомнили первому секретарю разглашение цифр резервных запасов зерна на митингах в Алма-Ате и Оренбурге — что расценивалось ими как раскрытие государственной тайны. Как ни странно, при этом они намеревались назначить Никиту Сергеевича после снятия с поста первого секретаря ЦК министром сельского хозяйства. Каганович должен был стать секретарем ЦК партии и как бы разделить с Молотовым высший партийный пост. Но события обернулись по-другому.

Хрущева поддержали прибывшие в Москву рядовые члены ЦК. Мощной его опорой оказалась и армия во главе с министром обороны Г. К. Жуковым. Хрущев предъявил участникам пленума документы, доказывавшие, что его нынешние противники в годы террора активно участвовали в проведении репрессий по отношению к авторитетным и преданным членам партии. Когда стало ясно, что пленум поддержит Хрущева, многие его

оппоненты тут же выступили с покаянными речами, а за окончательную резолюцию, резко осуждавшую «антипартийную группу», проголосовали все, кроме Молотова. Исход этого пленума, несомненно, повлиял на всю дальнейшую историю СССР.

1 июля руководители партии и правительства присутствовали в Большом театре на концерте мастеров искусств Кабардино-Балкарской АССР. Среди них не было Молотова, Маленкова и Кагановича. Исторический июньский пленум ЦК партии уже закончился, но страна еще около недели пребывала в неведении.

Выступление антихрущевской группы закончилось полным поражением. Молотов, Каганович, Маленков и «примкнувший к ним Шепилов» были выведены из состава политбюро и ЦК КПСС. Их имена и их выступления обсуждались и осуждались на партийных собраниях. На полосы газет вернулись интонации и лексикон 30-х годов: «Подняли руку на самое святое», «Проявлять как можно больше партийной бдительности», «Нет слов, чтобы выразить возмущение», «Позорный провал антипартийной группы»… Причем из публикаций трудно было понять, что конкретно возмущает выступающих в печати. Через несколько дней кампанию оборвали на полуслове.

Едва закончилась решающая схватка, Комитет партийного контроля при ЦК КПСС начал проверку материалов о возможных былых преступлениях побежденных; но, видимо, перед сотрудниками были поставлены весьма ограниченные задачи — из всех многообразных «подвигов» Кагановича в отчетной записке вскрывались лишь те преступления, которые он совершал на посту наркома путей сообщения. Как только известие о переменах в руководстве облетело страну, в Президиум ЦК поступили заявления коммунистов Ю. В. Клементьевой и А. М. Набатчикова об «антипартийном» отношении Кагановича к работавшим с ним сотрудникам. И уже 13 июля Каганович первым из товарищей по несчастью получил партийное взыскание: строгий выговор в учетную карточку «за издевательство над подчиненными»[321].

Кагановича охватил страх. Он опасался ареста и боялся, что его постигнет судьба Берии. В конце концов, на совести Кагановича было не намного меньше преступлений, чем на совести Лаврентия. Каганович даже позвонил Хрущеву и униженно просил его не поступать с ним (Кагановичем) слишком жестоко. Он ссылался на прежнюю дружбу с Хрущевым. Ведь именно Каганович способствовал быстрому выдвижению Хрущева в Московской партийной организации. Хрущев ответил Кагановичу, что никаких репрессий не будет, если члены

антипартийной группы прекратят борьбу против линии партии и станут добросовестно работать на тех постах, которые им поручит теперь партия. И действительно, Каганович вскоре был направлен в город Асбест Свердловской области, где был назначен директором крупнейшего в стране Уральского калийного комбината.

В те летние вечера 1957 года многие знающие люди впервые рассказали за столом друзьям и детям о разных случаях с участием Кагановича — об издевательствах над людьми, произвольных арестах и т. д. Ведь до тех пор это было смертельно опасным, и даже после XX съезда нельзя было поручиться, что лишнее слово о Кагановиче не окажется для рассказчика когда-нибудь в будущем роковым. И вот можно было говорить без страха. Официально же имя, бывшее у всех на слуху столько лет (а у многих — всю жизнь), вскоре было предложено просто забыть.

Когда в 1933 году в нашей стране проходила чистка партии, перед комиссией по чистке должны были пройти и все ответственные партийные работники. Хрущев проходил чистку в партийной организации завода имени Авиахима. Его спросили, в частности, как он в своей работе применяет социалистическое соревнование? Хрущев ответил: «С кем же мне соревноваться? Только с Лазарем Моисеевичем, но разве я могу с ним тягаться…» В 30-е годы Хрущев, конечно, не мог «тягаться» с Кагановичем. Но в 40-е годы Хрущев нередко вступал с ним в споры и конфликты. А во второй половине 50-х годов именно Хрущев нанес политическое поражение группе членов Политбюро, в которую входил и Каганович.

МОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР ЛАЗАРЯ МОИСЕЕВИЧА

«Такое было время», — повторяют с 1956 года многие в оправдание своих (реже — чужих) некрасивых поступков. При этом добавляют или подразумевают, что «просто не было выбора», а значит, и осуждать никого нельзя.

Существует и другая точка зрения: дескать, все они одним миром мазаны, все они по уши в крови, и точка. При этом, говоря «все», — как правило, имеют в виду руководство страны, порой — членов партии, а иногда даже целые поколения советских людей поголовно. Не будем заявлять, что истина посередине — истина в другой плоскости.

В 1957 году завершилась политическая карьера Кагановича. Окидывая взглядом весь путь этого человека в целом, обнаруживаем множество случаев добровольного нравственного (точнее — безнравственного) ВЫБОРА.

Первый пример. Ноябрь 1925 года. В траурные дни похорон М. В. Фрунзе Каганович заявляет: «Мы не позволим ни врагам, ни друзьям сбить нас с избранного пути»[322]. Эта мелькнувшая и едва ли кем-либо замеченная фраза очень красноречива. Какая-то неестественная равноудаленность от друзей и врагов! Но еще красноречивее тот факт, что остальные три десятка речей и выступлений, опубликованных в «Правде» и «Известиях» в те дни, не содержат ни единого намека на внутрипартийные разногласия и борьбу. Да, до конфликта на XIV съезде партии остается чуть больше месяца. Но над гробом все соблюдают приличия. Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Ворошилов, Калинин, Рыков — все высказывают скорбь и призывают «сплотить ряды». Один Каганович считает обязательным сделать воинственный жест. Может, этим он и нравился Хозяину?

Пример второй. В январе 1933 года на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Каганович в обличительном тоне говорил о том, что в 40 процентах дел, проходящих по знаменитому Указу о десяти колосках судебные работники на местах дают наказание нарушителям НИЖЕ НИЖНЕГО ПРЕДЕЛА[323]. Вдумаемся: это те самые судьи, чьими руками только что производилась коллективизация. Это они приговаривали к расстрелу, к ссылке с детьми на Крайний Север… И все-таки у них в душах есть еще граница, которую трудно, а кому-то из них и невозможно перейти. Они были несправедливы и жестоки, но все же в их глазах это была хоть и

жестокая, но — НЕОБХОДИМОСТЬ. Указ же «семь восьмых» оказался, даже в их глазах, БЕССМЫСЛЕННОЙ жестокостью — и машина репрессий забуксовала. В том же докладе Каганович приводит пример судьи, заявившего, что у него не поднимается рука давать срок 10 лет за четыре украденных колеса телеги.

Подчеркнем: эти 40 процентов судей — НАРУШАЛИ нижнюю границу наказания. А сколько еще ПРИЖИМАЛИСЬ к этой нижней границе в своих приговорах? Да, давали 10 лет за четыре колеса, но не расстреливали, хотя и могли бы. Можно не симпатизировать этим недостаточно жестоким исполнителям террора (все-таки они — исполнители террора); но давайте отличать их от Кагановича, который выводил их на чистую воду, обвинял, что мало расстреливают, призывал исполнять не законы, а постановления партии и правительства, приучал к палачеству и прививал вкус к нему.

Нередко Каганович заявлял или делал нечто такое, что на первый взгляд не вписывалось в его образ убежденного сторонника и проводника террористических методов руководства. Так, в 1935 году Хрущев, видимо, не во всем кривил душой, хотя и преувеличивал человеколюбие Кагановича, говоря: «Он боролся за каждого секретаря РК. Были случаи, когда на том или другом участке стоит слабый человек, действительно слабый, и предлагают его заменить, а Лазарь Моисеевич говорил нам, что он слабый, но дело освоил, колхозы узнал, изучил район, поменяем — может быть, сильнее возьмем, а может быть, такого же, а пока он район узнает — шишку набьет.

— Слабы — это значит надо больше помогать, больше руководить, больше внимания уделять, — говорил тов. Каганович»[324].

При всех явных натяжках этой похвальной речи доля истины в ней была. Каганович, когда было нужно, претворял в жизнь индивидуальный подход, хотя человек оставался для него не целью, но средством, о чем свидетельствует и его выступление на IX съезде комсомола: «Надо не только считать 1000, 2000, 3000, 500000, миллионами, а изучать каждого: Ивана, Сидора, Петра и т. д. Каждый имеет свою особенность. Уметь нужно тысячами ворочать, но надо и уметь выявлять талант каждого в отдельности… Когда ты видишь не просто лицо, когда ты будешь считать не по головам, а когда будешь читать, что в этой голове находится, тогда увидишь, что ты гораздо богаче»[325]. Подчеркивая значение индивидуальности, Каганович отнюдь не высказывает какого-либо уважения к личности и достоинству «Ивана, Сидора, Петра»; он рекомендует индивидуальный подход в качестве средства стать «гораздо богаче» самому.

Зачастую 100 процентов лицемерия содержали не только какие-то ключевые высказывания Кагановича, но и обычные, проходные — вроде такого: «Первая очередь метрополитена показала, что трудящимся нравятся красивые, добротные сооружения, без мишуры, без „финтифлюшек“, что трудящийся любит строгие линии»[326]. Излишне говорить, что никакого опроса трудящихся, прежде чем сделать такое заявление, не проводилось. Более того: автор этих слов вскоре приложил руку к внедрению самого «финтифлюшечного» стиля в архитектуре.

Время действительно было ТАКОЕ: оно породило поговорку: «Порядочный человек тот, кто делает подлость неохотно». Но люди, как и во все другие времена, оставались разными, по-разному отвечая на вопрос «что такое хорошо и что такое плохо».

И в окружении Сталина, несмотря ни на что, люди были неодинаковы в моральном отношении. У Хрущева, по его собственному признанию, тоже «руки по локти в крови», но он пошел на риск разоблачения Сталина; Микоян тоже участвовал в терроре, но поддержал Хрущева в 50-е годы; маршал Жуков публично возносил хвалу Сталину на Параде Победы, но умел отстаивать перед Гениальным Стратегом свое мнение; безропотный Калинин в 20-е годы возражал против «закручивания гаек» в деревне; многие, подобно Фадееву, не выдержали тяжести грехов и заблуждений и покончили с собой.

Каганович не принадлежал к числу тех, кто пытался хоть как-то уменьшить свое участие во лжи и терроре или, считая себя бессильным что-либо изменить, испытывал муки совести. Наоборот, Каганович активно боролся с «ленью» таких невольных и полуневольных соучастников преступлений. Еще при жизни Кирова он с осуждением заявил, что в Ленинграде на собраниях и митингах присутствующие НЕ встают при упоминании имени Сталина, тогда как в Москве это давно стало правилом.

И тут Лазарь Моисеевич был отчасти прав: человека характеризует не только то, что он делает, но и то, чего он НЕ делает.

При исключении Кагановича из партии он не стал переосмысливать свой жизненный путь. Когда ему предоставили слово, он заговорил с обидой и возмущением: «Судя по тем обвинениям, которые мне предъявляют, я уже труп, нечего мне делать на земле, когда подо мной земля горит, как можно продолжать жить. Надо умирать. Но я этого не сделаю…

Я буду жить и жить для того, чтобы доказать, что я коммунист. Когда здесь говорят, что я нечестный человек, совершил преступление… да как вам не стыдно… Вы должны подумать и сказать: вот, Каганович, записываем решение, тебя

следовало бы из партии исключить, но мы тебя оставляем, посмотрим, как ты будешь работать, опыт у тебя есть, этого отрицать нельзя, этого отнять у меня никто не может…»[327]

Каганович не пустил себе пулю в лоб. Никогда не выказал раскаяния. Не поддержал хрущевские разоблачения в 50-е годы. Не возражал Сталину. Не просил облегчить чью-то участь, оставить в живых приговоренного к смерти. Каганович — не жертва обстоятельств, не жертва «такого» времени. Он сам, сознательно и неуклонно, творил «такое» время и поэтому стоит в одном ряду с Ежовым, Берией, Вышинским, Ворошиловым…

В ОПАЛЕ

Несмотря на предрешенный отъезд из Москвы, Лазарю Моисеевичу выделили квартиру в новом доме, построенном для работников Совета Министров. Вселившаяся в тот же дом М. П. Гвоздарева, идя утром из булочной, увидела, как разгружают фургон с мебелью — поразительно плохой, буквально рухлядью. На стульях и шкафах видны были казенные бирки. Мария Петровна поинтересовалась: кто владелец этого старья? Ей ответили: въезжает Каганович. В том же доме получил квартиру Маленков, а несколько позднее и Булганин. «Дом бывшего правительства», — говорили местные. Квартира Кагановича была двухкомнатная, с большим холлом и кухней, большими изолированными комнатами. Для вождя это было, конечно, скромное жилище, но семьи простых москвичей, едва начавшие переселяться из переполненных коммуналок в пятиэтажки с совмещенными санузлами и тонкими стенами, за которыми слышны разговоры соседей, не могли рассчитывать на жилье такого качества, какое получил Каганович.

А пока ему пришлось переехать в город Асбест. Он поселился в доме № 85, квартире № 9 на улице Уральской, где как раз в середине лета было закончено строительство новых 5-этажных домов.

Накануне приезда Кагановича первому секретарю горкома партии Л. И. Свиридову позвонил из Свердловска секретарь обкома А. П. Кириленко и предупредил, что Маленкова, отправленного на работу директором Усть-Каменогорской ГРЭС, встретили оркестром и цветами и этот промах не надо повторять при встрече Кагановича.

Уже вскоре после приезда отставной вождь обнаружил вопиющую безграмотность: асбест не был внесен в периодическую систему таблицы Менделеева. Ему разъяснили, что асбест — не химический элемент, а сложное соединение и в таблице Менделеева ему не место.

На предприятиях города шло соцсоревнование в честь 40-летия Октября. Лучшие комсомольцы получали путевки на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. Ветераны выступали с воспоминаниями. Но Каганович не принимал никакого участия в общественной жизни.

Через месяц после нового назначения он уехал с женой в отпуск в Сочи. Главный врач санатория «Новые Сочи» В. Н. Сармакешев вспоминает: «Странная это была пара. Попросили с ними в „люксе“ разместить женщину-домработницу, в том же

„люксе“ на электроплите варили кур себе на обед, избегая ходить в прекрасную, но общую столовую. Уже в те времена столовая была оборудована кондиционерами, и получить там отварную курицу никакого труда не представляло. Когда разнесся слух, что в „Новых Сочах“ отдыхает Каганович, началось довольно оживленное паломничество к нему. Это льстило Лазарю Моисеевичу. Он любил порассказать. Преобладали выражения: „Мы это тогда решили… Мы осваивали…“ Любил особенно говорить об освоении Арктики…»

11 сентября 1957 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР за подписями Ворошилова и Георгадзе, отменявший все названия в честь ныне (то есть тогда) здравствующих людей. Семь населенных пунктов утратили имя Кагановича, а наибольшие «потери» понес Молотов.

Работа Лазаря Моисеевича в Асбесте продолжалась. На новом своем посту он оказался весьма либеральным начальником. Стоило кому-нибудь из участвующих в совещании повысить голос, как он вставал и заявлял:

— Не кричите! В знак протеста я покидаю кабинет![328]

В первые недели пребывания Кагановича в Асбесте его приемная в тресте ежедневно набивалась до отказа — люди шли с различными просьбами и жалобами. У его дома на Уральской тоже каждое утро собиралась толпа просителей и зевак. Он не отказывался от встреч, многим помогал. Вскоре оказалось, что он совершенно не знает реальной жизни. У него легко можно было выпросить квартиру или запросить (на рынке) немыслимую цену за стакан ягод. Он не имел представления о том, сколько стоят деньги, о зарплате и тарифах, о продолжительности отпусков, не говоря уже о других сторонах хозяйственной жизни и деятельности, отлично известных любому директору.

Зато он собирал досье на своих подчиненных, вечерами вел с сотрудниками беседы тет-а-тет, выясняя, кто что говорит и думает. Начальнику производственного отдела Шорниковой однажды сказал:

— Вы, Мария Георгиевна, в группировке. Я вас вижу насквозь…

— Я даже не знаю, о чем вы…

— Не притворяйтесь…

При любой аварии Каганович сигнализировал о происках вредителей, требовал создавать комиссии и разбираться.

Работник комбината Ю. А. Надеждинский свидетельствовал:

«Узнав о „дележке“ жилья, обо всем этом, мы с ужасом поняли, какое у нас было правительство, кто нами повелевал! Это не Боги на Олимпе — баре и проходимцы…»

Город Асбест был ровесником Кагановича. В конце XIX века на этом месте в тайге возникло несколько приисков. Вокруг них постепенно росли поселки: добротный дом управляющего в центре, вокруг него — несколько домов для служащих и казармы для рабочих. Летом вокруг поселков возникали таборы крестьян-сезонников: землянки, времянки и т. д.

Образовывавшийся с годами поселок получил название Куделька. Первый клуб в нем появился в 1912 году, второй — в 1913 году, к 300-летию Дома Романовых. При советской власти город стал именоваться Асбестом.

Скорее всего, молчание Кагановича — и о Кагановиче — в год 40-летию Октября было результатом указаний сверху. Такой словоохотливости, как в Сочи, он не проявлял. В 1957–1958 годах Каганович приезжал в Москву на сессии Верховного Совета, однако на очередных выборах в Верховный Совет его кандидатура уже не выставлялась. В ноябре 1957 года в связи с 40-летней годовщиной Октября Каганович даже дал интервью одной иностранной корреспондентке.

В сентябре 1958 года на XXII городской партконференции первый секретарь горкома стал резко критиковать Кагановича:

«Тов. Каганович до сих пор не стремился освободиться от присущих ему порочных привычек: грубости и оскорблений. В работе треста ввел министерский стиль, заменив живую организаторскую работу заседательской суетней, сбором виз и справок при решении малозначительных и непринципиальных вопросов… Свое величие тов. Каганович пытается демонстрировать в публичных выступлениях, увлекаясь обсуждением вопросов общегосударственного значения, и массовых фотографированиях, в решении вопросов, в которых он некомпетентен…»

Ему вновь припомнили и участие в «антипартийной группе». В ответном слове Каганович сказал: «Я со всей резкостью признавал и сейчас признаю свои ошибки, осуждал свою политическую ошибку, первую и последнюю в моей жизни. Я всегда призывал и сейчас призываю к неуклонному выполнению решений XX съезда партии и всех последующих решений и постановлений ЦК партии…»[329]

В конце речи Кагановича раздались аплодисменты, за что первый секретарь горкома Свиридов получил устный выговор из Свердловска.

На дворе было время космических сенсаций: первый спутник, первые животные благополучно вернулись на Землю с орбиты, первая фотография обратной стороны Луны, первый космонавт — Гагарин… Если бы исторический июньский пленум ЦК

закончился по-другому, эти выдающиеся успехи науки и техники, возможно, связывались бы не с именами Хрущева и Брежнева, а с именами Молотова и Кагановича. Да и вся государственная мифология 60-х и 70-х годов могла бы быть другой. А теперь «железному Лазарю» приходилось выкручиваться из неприятных ситуаций.

В Асбесте на приеме в честь китайской делегации директор Северного рудоуправления Звездинский, выпив, подошел к Кагановичу, взял его за пуговицу и сказал:

— На вашей коже нет ни сантиметра чистого, все в крови…

— Так надо было, — ответил, не колеблясь, Каганович.

В конце 1958 года он покинул Урал, но в Москву его не пустили.

Некоторое время Каганович жил в Калинине, в Заволжском районе; имел персональную машину и как-то раз сказал водителю: «Не тормози сильно. Жутко ненавижу скрип тормозов. Особенно возле своего дома. Всю жизнь боялся». Сообщивший этот факт тверской строитель Е. К. Карасев замечает: «Представлять человека, всю жизнь боявшегося скрипа тормозов, вдохновителем и организатором сталинских злодеяний по меньшей мере наивно».

На последнем своем месте работы Каганович мирно, без конфликтов руководил строительством ведомственного дома отдыха у Волги. Впоследствии он не раз проводил там лето и, познакомившись с кем-либо из отдыхающих, с законной гордостью сообщал: «Это моя последняя работа».

Осенью 1961 года только что построенный в Кремле Дворец съездов впервые принял в своих стенах съезд КПСС. Главным вопросом повестки дня стала новая программа партии, обещавшая к 1980 году построение материально-технической базы коммунизма, что на практике должно было означать фантастическое наращивание «вала» различных видов продукции. В центре внимания был и острый спор с албанскими коммунистами. Тем не менее уже в первый день съезда Хрущев в своем докладе вернулся и к вопросу об антипартийной группе 1957 года. Это было тем более неожиданно, что с тех пор уже имел место XXI съезд партии, на котором эту тему не затрагивали.

В прениях по докладу Хрущева подробно об антипартийной группе решились говорить лишь некоторые влиятельные делегаты. Представители рабочих и крестьян посвящали свои выступления другим вопросам. Из опальных вождей больше всех досталось Молотову, который написал съезду большое письмо с критикой проекта программы партии, а до этого прислал в

«Правду» статью о Ленине. Его называли «идейным вдохновителем» антипартийной группы. Но не забыли и Кагановича. О некоторых его преступлениях 30-х годов рассказал Н. М. Шверник. Иногда критика носила верноподданный и странный характер. Так, редактор «Правды» П. А. Сатюков заявил, что после смерти Сталина «Каганович дошел до того, что цинично называл поездки руководителей партии на места ненужным „мотанием по стране“. Жили, мол, без этого и дальше проживем… Партия нанесла сокрушительный удар по таким антипартийным взглядам, по таким поборникам культа личности. (*Аплодисменты.*)»[330]. Нежелание куда-то ехать, разумеется, не является преступлением, а на фоне подлинно преступных деяний Кагановича подобное обвинение вообще было смехотворным. Н. В. Подгорный назвал Кагановича «большим мастером интриг и провокаций» и рассказал о его деятельности на Украине, ограничиваясь одним 1947 годом. По его словам, Каганович «окружил себя сворой беспринципных людей и подхалимов, избивал преданные партии кадры, травил и терроризировал руководящих работников. Как настоящий садист, Каганович находил удовлетворение в издевательствах над активистами, интеллигенцией… Он требовал, например, от художников в уже написанные картины по поводу освобождения Украины от немецких оккупантов дорисовывать и свой портрет, хотя к этим событиям он не имел никакого отношения. (*Смех, оживление в зале.*)»[331].

И делегаты съезда, и радиослушатели впервые узнавали такие факты, впервые слышали такие оценки с всесоюзной трибуны. Степень откровенности была выше, чем в 1956 или 1957 году, изменились и интонации. Однако и в речи Подгорного звучали фальшивые нотки: «В конечном итоге Каганович преследовал цель скомпрометировать и расправиться с руководящими кадрами компартии Украины, и в первую очередь он нацеливался на компрометацию товарища Хрущева. Это для нас сейчас совершенно ясно». Зато сам товарищ Хрущев «всеми мерами срывал провокации со стороны Кагановича». Сказанное Подгорным, вероятно, соответствовало истине, но главная вина Кагановича состояла вовсе не в этом, и явно недостаточным, не в меру мягким было требование об исключении из партии: «Это перерожденец, у которого давно уже нет ничего коммунистического»[332]. Оценку деятельности Кагановича на Украине, данную Подгорным, подтвердил в своей речи писатель Корнейчук.

Однако многие высокопоставленные ораторы не выражали солидарности с Хрущевым по этому вопросу. Умолчали об

антипартийной группе Кунаев и Рашидов. Скороговоркой сказали о ней Громыко и Брежнев. Леонид Ильич решил продемонстрировать свой радикализм и критический настрой применительно к менее опасным объектам: «Чимкентский горисполком Южно-Казахстанской области своим решением вдруг запретил продавать в городе Чимкенте шашлык после пяти часов вечера. В чем дело? Непонятно. *(Оживление в зале.)*»[333].

Что касается исключения Кагановича из партии, оно было предрешено. По стране шли партийные собрания, принимавшие резолюции за исключение из партии «антипартийной группы». Каганович вернулся в Москву. Парторганизация Московского отделения НИИ гидролизной и сульфатно-спиртовой промышленности, в которой он встал на учет, также высказалась за исключение его из партии. Но это было дело не одного дня. Бывшему «вождю московских большевиков» пришлось давать неприятные объяснения на бюро Фрунзенского райкома и в Комиссии партийного контроля при ЦК.

Окончательно вопрос решался на заседании бюро Московского горкома под председательством П. Демичева 23 мая 1962 года[334]. Кагановичу напомнили многое. Г. А. Иванов говорил: «Вы работали в Главснабе, это было в Свердловском районе. Коммунисты рассказывают столько возмутительных фактов о вашем поведении. Я напомню вам фамилию Черняка. Человека, который вместе с вами состоял в партии, вы оскорбляли, били по лицу. Это поведение садиста». Второй секретарь МГК КПСС Н. Г. Егорычев требовал объяснений: «Вот, посмотрите ваш документ об одном товарище, в котором говорится, что его отец крупный промышленник, три брата находятся за границей, поэтому вы полагаете, что он немецкий шпион. И вы требуете проверить и арестовать. А ведь для ареста нет никаких доказательств. Причем вы дописали своей рукой слово „арестовать“… Вашей рукой написано.

Или так вы пишете: завод работает плохо, я полагаю, что там все враги, и даете указание: расследовать и арестовать. Вы прямо пишете, прошу арестовать этих лиц… Вы в раде писем пишете, что требуете арестовать потому, что они не разоблачили врагов народа у себя в организации… Вы разъясните нам, почему писали такие, совершенно бездоказательные письма?»

Каганович неуклюже уклонился от ответа: «Я не помню о них, это было 25 лет назад. Если есть эти письма, значит, они есть. Это является, конечно, грубой ошибкой».

Напомнили выступавшие Нижний Тагил, Иваново, Москву, аресты железнодорожников. «Массовые расстрелы, — нехотя признался Каганович, — да, такое излишество было». Несмотря

на это, он защищался. Приводил факты: «Я на Украине был генеральным секретарем ЦК в 1925–1928 годах, и никого из работников не арестовывали». Теоретизировал: «Нельзя смотреть глазами 1962 года на события 1937 года».

Оправдания были слабы, исход дела — очевиден. Кагановича исключили из партии. Его можно было бы привлечь и к уголовной ответственности, однако по этому направлению развитие событий не пошло. Хрущев был против крупномасштабных репрессий в отношении не только невинных, но и виновных. Сын Лазаря Моисеевича энергично выступил в защиту отца и был направлен на работу из Москвы в Челябинскую область.

Итак, подошла к концу не только политическая карьера — подошла к концу официальная переоценка деятельности и жизненного пути Лазаря Кагановича.

БЕСПАРТИЙНЫЙ ПЕНСИОНЕР

Кагановичу было 67 лет. Начиналась жизнь пенсионера.

Ему была назначена персональная пенсия в 800 рублей в месяц и все положенные к ней льготы[335]. К тому же бывший «сталинский нарком» накопил достаточно средств для вполне обеспеченной жизни. Тем не менее Каганович позвонил однажды директору Института марксизма-ленинизма П. Поспелову и, пожаловавшись на маленькую пенсию, попросил бесплатно присылать ему издаваемый институтом журнал «Вопросы истории КПСС». Партийные журналы стоят у нас недорого, и тот журнал, о котором просил Каганович, стоил всего 40 копеек в месяц. Ясно, что Каганович просто хотел обратить на себя внимание.

Еще одну «денежную» сценку описал портной Ю. Д. Ефремов, реставрировавший для Кагановича шубу: «…А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху занимать — у той нету, у того нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. „Я, — говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу восемьдесят рублей возьму. Нельзя ли аванс?“ „Знаете что, — говорит, — из меня врага народа сделали, я пенсию семьдесят шесть рублей получаю…“ В конце концов с ценой согласился, но аванса не дал. Ну, а когда я сделал, принес ему, он меня усадил, работу принял и вышел. Я сижу тихо, смотрю на дверь. А у него в двери стекло такое дутое, я потом специально посмотрел — он из своей комнаты меня хорошо видит, а я со своей стороны — только тень смутную за стеклом. Шелестел-шелестел за дверью — выносит пятьдесят рублей, двадцать пять и пятерку, все новенькие. На том и распрощались»[336].

Когда был снят со своих постов Н. С. Хрущев, Каганович направил в ЦК КПСС заявление с просьбой восстановить его членство в партии. Но Президиум ЦК отказал Кагановичу в пересмотре ранее принятого решения. В дальнейшем его пенсия была снижена до 300 рублей. Но по-прежнему в случае надобности к подъезду подавали машину. Как-то раз в разговоре с молодыми родственниками о прошлом Лазарь Моисеевич воскликнул: «Разве сейчас могут так работать! Мы же горели, мы ночей не спали…» Видимо, это и есть его подлинная самооценка.

Каганович записался читателем в Историческую библиотеку. Его приняли без возражений. При заполнении анкеты его спросили об образовании. «Пишите — высшее», — сказал Каганович. Иногда Каганович приходил для работы и в Ленинскую публичную библиотеку. Он, как и Молотов, стал

писать мемуары. Это было видно уже по тем книгам и журналам, которые он подбирал с помощью библиографов: о событиях в Саратове и Гомеле в 1917 году, о Туркестанских делах 1920–1922 годов, об организационно-партийной работе в 20-е годы, об истории московской партийной организации.

Каганович часто работал и в газетном зале Ленинской библиотеки. Мимо него в эти дни проходило множество посетителей, некоторые из любопытства, но он не обращал на них особого внимания.

Однажды при сдаче книг в академическом зале Ленинской библиотеки из-за отсутствия библиотекарши у стойки перед выходом образовалась маленькая очередь ученых, хотевших сдать книги. Каганович подошел и встал первым. Ему спокойно заметили, что имеется небольшая, но очередь. «Я — Каганович», — заявил неожиданно Лазарь Моисеевич, обиженный невниманием к его персоне. Однако из очереди вышел ученый и встал перед Кагановичем, громко сказав при этом: «Я — Рабинович». Это был очень известный физик по проблемам плазмы М. С. Рабинович.

Ночами Лазарь Моисеевич ходил кругами с палочкой и в очках вокруг своего дома два-три часа подряд; во всех встречных внимательно вглядывался. Впрочем, жильцы обходили его стороной, как и Маленкова и Булганина. Между собой бывшие соратники и нынешние соседи не общались совершенно. Пока Каганович гулял, жена его сидела у подъезда и разговаривала с лифтершами, которые любили ее и не любили ее мужа. Мария Марковна Каганович была очень полной женщиной, у нее была водянка, и она с трудом передвигалась на распухших ногах. Она тоже была старой большевичкой, получала персональную пенсию и пользовалась кремлевской столовой и поликлиникой.

Каганович ежегодно отдыхал в пансионатах и санаториях 4-го управления Минздрава. Он не избегал общения с другими отдыхающими. Но в этих беседах Каганович не касался темы сталинских репрессий и своего участия в них. Он также очень любил кататься по Москве-реке на речном трамвае. Когда повысили стоимость билетов, Лазарь Моисеевич был крайне недоволен. Он ворчал: «При мне этого не было…» Когда-то он отвечал и за работу московского транспорта.

Однажды его видели на речном трамвае читающим «Грамматику русского языка».

Конечно, и у Кагановича было немало неприятных для него встреч. Однажды его увидела на улице группа немолодых мужчин — детей партийных работников, погибших на Украине в годы сталинских репрессий. Некоторые из них и сами провели немало

лет в лагерях. Среди них был, например, сын В. Чубаря. Они окружили Кагановича и стали ругать его как палача и негодяя. Лазарь сильно испугался. Он начал громко кричать: «Караул! Убивают! Милиция!» И милиция появилась. Всех участников этого инцидента задержали и препроводили в ближайшее отделение милиции. Дело кончилось лишь выявлением личности задержанных, которых после этого сразу же отпустили.

Разных слухов о драках Кагановича на улице существует очень много: то кто-то его побил, то кто-то напал, но победителем вышел Каганович, то он звал милицию, то просил милицию не вмешиваться. Надо полагать, нет дыма без огня, и вряд ли «заслуженный отдых» Кагановича мог протекать без неприятных встреч.

В конце 60-х годов у него умерла жена. Вскоре Каганович женился вновь на пожилой, приятной и крепкой даме; но через несколько лет она тоже умерла.

В начале 70-х годов знаменитая артистка Алиса Коонен, которой было уже за восемьдесят, пришла на Новодевичье кладбище к могиле своего мужа А. Я. Таирова. Таиров был основателем и неизменным руководителем Камерного театра. Еще в 1929 году Сталин назвал в одном из писем драматургу В. М. Биль-Белоцерковскому театр Таирова «действительно буржуазным Камерным театром». Тогда это не имело для театра существенного значения. Но в 1949 году в собрании сочинений Сталина указанное письмо было опубликовано и популярный в Москве Камерный театр, обвиненный в формализме, был закрыт. Вскоре Таиров умер. И вот теперь к Алисе Коонен подошел старик и стал выражать ей свое восхищение. Он действительно помнил многие ее роли: Эммы Бовари, Комиссара, Катерины из «Грозы» Островского. «Простите, с кем я имею дело?» — спросила артистка. «Я — Лазарь Моисеевич Каганович, — ответил старик. — Скажите, Алиса Георгиевна, — спросил Каганович, — после того, что случилось с Таировым и с вами, ваши друзья не отвернулись от вас?» «Нет, почему же, — ответила артистка, — когда закрыли наш театр, я уже не могла встречать своих поклонников у подъезда театра после спектакля. Но у нас много друзей и родных, и они всегда были с нами». — «Да, в вашем мире все это происходит иначе, чем в нашем», — заметил Каганович. Сухо простившись с собеседником, Алиса Коонен ушла. Своим знакомым она позднее говорила: «Мне стал выражать свое восхищение Каганович, одно слово которого в 49-м году могло спасти наш театр».

***

Мой коллега и помощник П. В. Хмелинский родился в 1958 году и впервые о существовании Кагановича узнал в возрасте 24 лет, случайно наткнувшись в каком-то старом журнале на фотографию с подписью «Московский метрополитен им Л. М. Кагановича» На протяжении школьного курса истории СССР и университетского курса истории партии о Кагановиче не было сказано ни слова Брежнев однажды сказал, что «нам не нужно» никакого Сталина — ни хорошего, ни плохого На самом же деле «нам не нужно» было никакой истории С момента исключения Кагановича из партии и до снятия Хрущева со всех постов участников антипартийной группы еще упоминали, в нейтральном или отрицательном тоне, в публикациях на исторические темы А затем настала долгая тишина Будто поставлена последняя точка.

Редко-редко, а все же приходилось автору какой-либо книги назвать имя Хрущева или Молотова Но Каганович принадлежал к числу приговоренных к абсолютному забвению (в качестве другой такой фигуры умолчания можно назвать, к примеру, Берию) Изданные когда-то книги «несуществовавших» деятелей не числились больше в каталогах библиотек Их имена отсутствовали в энциклопедиях Их лица не попадали в фото- и кинокадры прошлого О них попросту негде было узнать Особенность Кагановича в этом ряду состояла в том, что из-за него вычеркивались из мемуаров и монографий и имена его братьев У ортодоксальной идеологии не было никаких претензий к Михаилу и Юлию Кагановичам, и получалось, что они не упоминаются как «члены семьи фигуры умолчания» Впрочем, в одной братской могиле беспамятства по разным причинам хоронили очень разных людей — и известных, и безвестных, и гениев, и злодеев, и слова их, и дела Могло показаться пройдет время, и о Кагановиче и его «подвигах» уже никто никогда не узнает В такой политике по отношению к прошлому была какая-то наглая наивность.

Наверное, Кагановичу это замалчивание тоже казалось несправедливым, хотя вряд ли удивляло В сущности, таким способом безуспешно пытались замаскировать идеологическую импотенцию брежневского руководства Но в результате выросли поколения, с детства отученные интересоваться прошлым, привыкшие жить вне исторического времени Очень многие воспринимают всплеск исторических публикаций времен перестройки как очередную кампанию или как пустую блажь журналистов, никак не связанную ни с судьбой и заботами человека, ни с интересами и проблемами общества Но времена меняются, и скоро историки будут с трудом воссоздавать эту

причудливую игру белых пятен — брежневское мышление.

Среди множества других имен, идей и событий — имя Кагановича вернулось из небытия, как в фильме Тенгиза Абуладзе «Покаяние». Варлам Аравидзе возвращался с того света. Неизвестно, надеялся ли Каганович «вернуться», и если да, то на такое ли возвращение он рассчитывал. Во всяком случае, ничего уже поправить нельзя.

***

Лазарь Каганович отличался всегда крепким здоровьем. Но сказывался возраст. В 1980 году ему была назначена обычная для стариков операция. Его положили в урологическую больницу на Басманной улице, в палату, где стояло еще 20 коек. Со всех этажей приходили десятки больных, чтобы посмотреть на бывшего вождя. В подобного рода клиниках лежат обычно пожилые люди, которые хорошо помнили Кагановича. Главный врач больницы вынужден был положить Кагановича в свой кабинет и завесить стеклянную дверь большой занавеской. Даже персонал больницы разделился на два лагеря. Вечером старые нянечки бранились. «Опять ты положила ему четыре куска сахара, — выговаривала одна из них другой. — Хватит ему, старому хрычу, двух кусков. Клади как всем».

Во время короткого и ничем не примечательного правления Черненко к долгожителям-сталинцам из антипартийной группы 1957 года были проявлены внимание и чуткость. По случайному или неслучайному совпадению как раз в эти месяцы в Афганистане наши войска несли наибольшие потери за все время этой, замалчиваемой тогда, войны. Молотова восстановили в партии. Если поступать последовательно, Кагановичу тоже надлежало вернуть партбилет, но на это не решились. Зато ему повысили пенсию. Скорее всего, тогда же для него была вновь забронирована одна из палат кремлевской больницы, обнаруженная в таком качестве в 1990 году Комиссией по привилегиям Верховного Совета СССР[337].

С 1985 года Лазарю Моисеевичу стало трудно выходить на улицу. Балкона у него в квартире не было. Он предложил обменяться квартирами нескольким соседям по дому, но те отказались.

С началом политики гласности жить Кагановичу стало сложнее. Многие журналисты и историки искали свидания с ним, но безуспешно. В. Коротич рассказывал о попытке «Огонька» взять у Кагановича интервью: «Пришел наш сотрудник. Открылась

дверь на цепочке. В эту щель пожилая женщина спрашивает: „Кто?“ Он говорит: „Я из журнала, не согласился бы Лазарь Моисеевич дать интервью?“ — „У вас разрешение есть?“ — „Разрешения нет“. Дверь закрылась…»[338]

Теперь Каганович вновь смог услышать свое имя по радио или прочесть в газете. Он проявлял определенный интерес к таким публикациям и передачам.

Мир переменился. Родное село Кагановича давно уже не носило его имени, а после чернобыльской катастрофы попало в зону повышенной радиации. Ни в годы его детства, ни в годы его наивысшей славы и наибольшей власти о радиоактивности никто и понятия не имел.

Биография человека — это обычно биография профессионала: ученого или путешественника, полководца или спортсмена. В данном случае — биография политика. Но в конце ее стоит вспомнить о том, что человек, может быть, мог бы заниматься другим делом и прожить другую жизнь. Но прожил такую, какую прожил.

В конце жизни Каганович перенес инсульт. Но его крепкий организм выдержал и это испытание. Да и уход в кремлевской больнице гораздо лучше, чем в обычных городских больницах.

В 1988 году у него был перелом шейки бедра. В его возрасте после этой травмы не выживают, но он выжил. Тем не менее слухи о его смерти время от времени ходили по Москве.

Оказавшись единственным живым соратником Сталина, Каганович попал в центр внимания. Он отказался давать интервью и журналу «Известия ЦК КПСС», но просил передать привет Горбачеву. В 1989 году члены общества «Мемориал», собравшиеся под Киевом, в Быковне, на месте захоронения жертв сталинских репрессий, собрали мелкими монетками 30 рублей для Кагановича — на проезд от Киева и обратно — и направили ему письмо с предложением, если у него сохранились остатки совести, приехать и дать в Быковне показания об организации террора.

4 марта 1990 года, в день выборов народных депутатов РСФСР и местных Советов, Кагановичу на дом принесли избирательную урну, хотя обычно этого тогда уже не делали. Он сильно рассердился, но не отказался голосовать. Дочь Майя Лазаревна зачитывала полуслепому, полуглухому отцу содержимое бюллетеней и по его указаниям вычеркивала фамилии кандидатов. Каганович посетовал, что среди кандидатов мало представителей рабочего класса и добавил: «Вот откуда все наши беды».

В процессе работы над этой книгой обнаружилось, что

некоторые знавшие Лазаря Моисеевича люди категорически отказываются сообщить какие-либо сведения о нем. Разумеется, это их право; но читателю, как нам кажется, интересно будет узнать мотивировки таких отказов. Вариант первый: «Я ничего не знаю, кроме того, это было давно». Вариант второй: «Я знаю о Кагановиче только хорошее и ничего рассказывать не буду». Противоречивость обоих заявлений очевидна: если мы знаем о человеке только хорошее, то отчего бы не рассказать?

Он пережил обеих жен и сына, пережил долгожителей Молотова и Маленкова, не говоря о Ленине, Сталине, Хрущеве, Брежневе, Андропове, Черненко. И по-прежнему пребывал в здравом уме и твердой памяти. Каганович жил в большой пустой, без всякой роскоши, квартире. Зато у него была огромная библиотека — много тысяч томов, включая ценнейшие издания по искусству и философии. Когда-то ему привозили на просмотр книги из квартир арестованных, и он лично отбирал лучшие из них для себя. Кроме книг в квартире множество фотографий Кагановича со Сталиным.

В последнее время он пребывал в раздраженном состоянии, по-прежнему ни с кем не общался, никуда не звонил и продолжал жить по сталинскому режиму: спал примерно с 2 до 9 часов дня, затем смотрел программу «Время». У него был секретарь. Каганович выписывал газеты и в редких разговорах с несколькими давно знакомыми людьми обсуждал преимущественно текущие новости, а не дела минувшие. Осталась и черта, принесенная из отрочества: еще недавно он сам шил себе обувь. Есть сведения, что до последнего времени ему еженедельно доставляли продуктовые заказы — то ли из ЦК КПСС, то ли из Совмина, то ли откуда-то еще. Старушке, приносившей ему газеты и журналы, он как-то раз сказал, что надеется пережить «перестройку», и что тогда-то о нем еще услышат.

Скончался он в ночь на 26 июля 1991 года, не дожив до своего столетия менее двух с половиной лет.

По странной иронии судьбы умер Каганович в день, когда очередной пленум ЦК КПСС одобрил принципиально новый проект программы партии, порывавший со множеством стереотипов не только сталинских, но и ленинских времен. Похороны его совпали по времени с визитом в Москву президента США Буша и подписанием первого в истории договора о сокращении стратегических ядерных вооружений. Телевидение передало, а главные газеты Союза поместили краткие сообщения о кончине. Кремировали тело Кагановича в крематории Донского монастыря, в нескольких десятках метров от огромной братской

могилы, в которую в конце 30-х годов тайно хоронили расстрелянных и замученных в застенках НКВД, в том числе и тех, кто был арестован по приказу Кагановича. Через неделю после похорон Кагановича на той братской могиле был впервые установлен памятник жертвам репрессий.

На церемонию кремации пришли сотни людей, множество фотографов и журналистов, однако многочисленные силы милиции не пропустили их в зал, где собрались только родственники, приглашенные ветераны партии и избранные иностранные корреспонденты. Крышку с гроба родственники снять не разрешили, и сфотографировать покойного никому не удалось. Могила Кагановича находится на Новодевичьем кладбище рядом с могилой жены. Известие о его смерти было замечено общественностью, но не стало событием, затерявшись в бурных перипетиях 1991 года.

ОТ ИЛЬИЧА ДО ИЛЬИЧА
(А. И. Микоян)

ПРИМЕР ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОЛГОЛЕТИЯ

Анастас Иванович Микоян умер в октябре 1978 года, не дожив всего один месяц до своего 83-летия. Это был человек поучительной судьбы, показавший пример необычного в нашей стране политического долголетия. Еще в 1919 году Микоян был избран во ВЦИК РСФСР, затем — членом ЦИК СССР и Президиума Верховного Совета СССР (до 1974 года). Таким образом, в составе высших органов советской власти Микоян состоял 55 лет. Микоян 54 года подряд был членом ЦК партии и 40 лет работал в составе политбюро ЦК. Ни один из руководителей КПСС и Советского государства, кроме Ворошилова, не мог бы по стажу руководящей работы конкурировать с Микояном. Еще в конце 60-х годов, когда Микоян начал публиковать отрывки из своих мемуаров, кто-то пустил в ход меткую шутку: этим мемуарам следовало бы дать название «От Ильича до Ильича».

В наших условиях столь беспримерное политическое долголетие говорит не только о незаурядных способностях государственного деятеля, но и об умении быстро приспосабливаться к резко меняющимся политическим обстоятельствам. Конечно, иногда Микояну просто везло, но ведь и благоприятную случайность удается использовать не всякому. В партийной среде можно услышать и сегодня немало анекдотов о политической изворотливости Микояна. Вот лишь один из них: «Микоян в гостях у друзей. Неожиданно на улице начался сильный дождь. Но Микоян поднялся с места и стал собираться домой. „Как же вы пойдете по улице? — спрашивают его друзья. — На дворе ливень, а у вас нет даже зонтика!“ — „Ничего, — отвечает Микоян, — я пройду между струями“.»

БОЛЬШЕВИК ИЗ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Анастас Микоян родился в Армении в селе Санаин в семье бедного сельского плотника. По окончании начальной школы отец отдал способного мальчика учиться в армянскую духовную семинарию в Тифлисе. Это было одно из лучших учебных заведений в Закавказье, оно было доступно для всех слоев населения и давало лучшее образование, чем классическая гимназия. Мало кто из выпускников этой семинарии становился священником, но многие стали видными деятелями армянской интеллигенции. Как ни странно, но именно духовные семинарии дали России множество революционеров. В духовных семинариях учились Чернышевский и Добролюбов. В грузинской духовной семинарии в том же Тифлисе учился Сталин. Можно перечислить десятки видных советских государственных деятелей 20—30-х годов, которые окончили до революции духовные семинарии. Ближайшим другом Микояна в армянской семинарии был, например, Георг Алиханян, один из основателей советской Армении, крупный деятель Коминтерна, расстрелянный в конце 30-х годов.

Микоян стал членом социал-демократического кружка еще в стенах семинарии и прочитал здесь почти всю марксистскую литературу на русском языке. В 1915 году он вступил в партию большевиков. В этом же году Микоян блестяще окончил семинарию и в 1916 году был принят на первый курс Армянской духовной академии, которая находилась в Эчмиадзине — религиозном центре Армении. Микоян не окончил академию и не стал священником: началась Февральская революция, и именно он становится одним из организаторов Совета солдатских депутатов в Эчмиадзине.

БАКИНСКАЯ КОММУНА

Вскоре после Октябрьской революции Микоян оказался на партийной работе в Баку — этот город был главным промышленным центром и оплотом большевиков в Закавказье. В Бакинский совет входили большевики, меньшевики, дашнаки, эсеры и другие партии. Незначительное преимущество было все же у большевиков, они создали в апреле 1918 года Совет народных комиссаров во главе со Степаном Шаумяном, членом ЦК РСДРП(б), которого советское правительство по предложению Ленина еще в декабре 1917 года назначило чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа.

Молодой Микоян командовал боевой дружиной большевиков, он участвовал в подавлении восстания мусаватистов — азербайджанской буржуазно-националистической партии, которая вошла в союз с турецкими войсками, наступавшими на город. Затем Анастаса Ивановича послали на фронт комиссаром бригады. Оборонять Баку было трудно. Начиналась Гражданская война. Восстания казаков на Дону и Северном Кавказе, чехословацкий мятеж, наступление Добровольческой армии Деникина отрезали Бакинскую коммуну от России. Часть Средней Азии (Закаспийская область) была оккупирована англичанами, гражданская власть здесь оказалась в руках правых эсеров. Лишь морем через Астрахань бакинские большевики могли получать кое-какую помощь из советской России. В этих условиях эсеры и меньшевики предложили пригласить в Баку английские войска. Еще шла Первая мировая война, в которой Англия и Турция воевали друг с другом. Большевики были против. Однако бурное голосование Бакинского совета не принесло успеха большевикам. 258 голосов против 236 было подано за приглашение английских войск и создание коалиционного правительства из всех советских партий. Часть народных комиссаров предлагали сохранить Совнарком и провести перевыборы Совета. Но Шаумян не пошел на это. Большевики передали власть новому правительству, и скоро в Баку вошли немногочисленные английские отряды.

Узнав о перевороте, Микоян поспешил в город. Но здесь его ждало еще одно горькое известие — большинство активных деятелей Бакинской коммуны были арестованы. Впрочем, и новая власть — так называемая «диктатура Центрокаспия» — продержалась в Баку лишь до середины сентября. Англичане не сумели приостановить турецкое наступление. Началась поспешная эвакуация. В день вторжения турецких войск в Баку Микоян руководил освобождением Степана Шаумяна и других

большевиков из тюрьмы. С помощью командира небольшого отряда Т. Амирова все они успели занять место на пароходе «Туркмен», переполненном беженцами и солдатами. Корабль отплыл в Астрахань. Но ни группа дашнакских и английских офицеров, ни многие из солдат не хотели плыть в советскую Астрахань. Они сумели взбунтовать команду корабля и увести его в Красноводск, оккупированный англичанами. Эсеровские власти в этом городе арестовали всех большевиков. Портретов бакинских комиссаров тогда еще не было, документов тоже. Руководствуясь списком на тюремное довольствие, найденным у Корганова, исполнявшего роль старосты в бакинской тюрьме, эсеры отделили 25 человек во главе со Степаном Шаумяном. Сюда же включили командира партизан Т. Амирова. Так образовалась знаменитая цифра 26. Все они были увезены из Красноводска якобы для суда в Ашхабад. Однако вагон с арестованными не дошел до Ашхабада. 20 сентября 1918 года на 207-й версте красноводской железной дороги все 26 арестованных были расстреляны. Здесь были и коммунисты, и левые эсеры, народные комиссары и личные телохранители Шаумяна. Один из погибших оказался беспартийным мелким служащим. Но все они вошли в историю как «26 бакинских комиссаров». Микояна не было ни в списках на довольствие, ни в списках арестованных, опубликованных бакинскими газетами. Остались в живых и видные деятели Бакинской коммуны С. Канделаки и Э. Гигоян. Ни в Баку, ни в красноводской тюрьме долго никто не знал о гибели 26 бакинских комиссаров. Турки скоро покинули Азербайджан. Война закончилась победой Антанты. Мусаватистское правительство вступило в сговор с англичанами. Рабочие Баку объявили забастовку, требуя возвращения Шаумяна и его товарищей. Но в Баку вернулись в феврале 1919 года только Микоян, Канделаки и еще несколько большевиков. Лишь в сентябре 1920 года, уже после восстановления советской власти в Баку, были перевезены и торжественно захоронены на одной из центральных площадей города останки расстрелянных бакинских комиссаров.

ВО ГЛАВЕ КРУПНЕЙШИХ ОБЛАСТЕЙ РСФСР

Вернувшись в Баку, Микоян возглавил подпольную большевистскую организацию. Осенью 1919 года он побывал в Москве с докладом о положении на Кавказе, познакомился с Лениным, Кировым, Орджоникидзе, Куйбышевым, Фрунзе, Сталиным, Стасовой, был избран во ВЦИК. Весной 1920 года Красная Армия вступила в Баку, и здесь была провозглашена советская власть. Но Микоян недолго оставался на Кавказе. Неожиданно его вызвали в Москву и направили с мандатом ЦК РКП(б) на работу в Нижегородский губ-ком. Местные руководители встретили молодого кавказца с недоверием. Положение в городе и в губернии было критическим. Волновался измученный голодом и холодом 50-тысячный гарнизон, недовольство охватило не только крестьян, но и рабочих, месяцами не получавших зарплаты. Опытный пропагандист и агитатор, Микоян действовал не только умело, но и весьма решительно. Вскоре он был избран секретарем губкома и стал фактическим руководителем губернии, о которой знал еще недавно только по школьному учебнику географии. Он несколько раз встречался с Лениным, участвовал во всех съездах советов и съездах партии. Весной 1922 года 26-летний Микоян был избран кандидатом в ЦК РКП(б).

В 1920–1921 годах Микоян попадает в «сферу влияния» Сталина и еще перед X съездом партии выполняет ряд его конфиденциальных поручений. Весной 1922 года по рекомендации Сталина Микоян был назначен секретарем Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). Вскоре он возглавил Северо-Кавказский краевой комитет РКП(б) с центром в Ростове-на-Дону. В этом крае проживало около 10 миллионов человек. Сюда входили территории казачьих областей — Кубанской, Терской и Войска Донского, Ставропольской и Черноморской губерний, а также семь национальных округов, в которых проживали люди самых различных национальностей.

Проблемы, которые приходилось решать молодому Микояну, были исключительно сложными. Северный Кавказ еще недавно служил ареной жестоких боев Гражданской войны, отдельные отряды казаков и горцев еще скрывались в горах Кавказа. И все же в условиях нэпа Северный Кавказ быстро оправлялся от разрухи и становился снова житницей страны. Микоян весьма решительно требовал сближения с крестьянством и казачеством. В станицах сохранялся казачий быт, одежда, поощрялись даже военные учения, джигитовка, спортивные упражнения. Под лозунгом

«Сделать казачество опорой Советской власти» эти формирования включались в состав территориальных частей Красной Армии. Крайком разрешил не только горцам, но и казакам носить холодное оружие; было сохранено станичное управление и общий станичный бюджет.

Во многих выступлениях Микоян призывал коммунистов не разрушать церквей и мечетей и не ссориться с крестьянами и казаками на почве религии. Хотя богатые крестьяне и крупные торговцы были лишены избирательных прав, Микоян требовал соблюдения предоставленных им в рамках нэпа экономических прав. Для прекращения партизанской борьбы в крае несколько раз объявлялась амнистия. Были приняты меры для развития курортов Минеральных Вод и на Черноморском побережье. Все это создало Микояну репутацию умелого и опытного администратора и партийного руководителя. Он сблизился со Сталиным и выступал неизменно на его стороне в борьбе с так называемой новой оппозицией.

Сталину нравились энергия Микояна, его кавказское происхождение и полная лояльность. Еще в 1922 году Сталин, ставший генеральным секретарем ЦК партии, продолжал поручшь Микояну некоторые деликатные миссии, связанные с внутрипартийной борьбой. На пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1926 года вместе с Орджоникидзе, Кировым, Андреевым и Кагановичем Микоян был избран кандидатом в члены политбюро.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ТОРГОВЛИ И СНАБЖЕНИЯ СССР

В августе 1926 года один из лидеров оппозиции — Л. Б. Каменев был освобожден с поста наркома внешней и внутренней торговли. Новым народным комиссаром торговли неожиданно для многих был назначен 30-летний Микоян, который не стремился ни к переводу в Москву, ни к карьере хозяйственника. Сохранилась его телеграмма, посланная в ЦК и в Совнарком: «Категорически отказываюсь и заявляю, что такому решению не могу подчиниться… Я наркомторгом и вообще наркомом не гожусь и не могу взять на себя обязанностей сверх своих сил и способностей»[339]. Микоян все же был вынужден подчиниться партийной дисциплине. Самый молодой в составе политбюро, он стал и самым молодым наркомом СССР.

Микоян работал в Наркомторге много и напряженно. Было время нэпа. Не прошло и пяти лет с тех пор, как Ленин назвал торговлю тем «главным звеном», за которое должна ухватиться партия большевиков, чтобы вытянуть всю сложную цепь социалистического строительства. Именно Ленин выдвинул тогда лозунг «Учиться торговать», столь неожиданный для многих большевиков, еще недавно снявших военную форму.

Положение в торговле в 1926–1927 годах было исключительно сложным из-за недостатка промышленных товаров и связанных с этим трудностей в хлебозаготовках. Микоян решительно выступал тогда за экономические средства разрешения кризиса и против каких-либо чрезвычайных мер в отношении единоличников и кулачества, предлагаемых оппозицией. На XV съезде ВКП(б) Микоян заявил, что из создавшегося кризиса нужно выйти «наиболее безболезненным образом». Он предложил получить нужный городу хлеб «путем переброски товаров из города в деревню, даже за счет временного (на несколько месяцев) оголения городских рынков, с тем чтобы добиться хлеба у крестьянства». «Если мы этого поворота не произведем, — предупредил Микоян, — то мы будем иметь чрезвычайные трудности, которые отзовутся на всем хозяйстве».

Но Сталин не прислушался к голосу Микояна и других более умеренных членов руководства. Он пошел на принятие жестоких мер в отношении кулачества и основной части крестьянства, что привело вскоре к политике принудительной «сплошной» коллективизации и экспроприации, выселению и ликвидации кулачества. Эта политика встретила сопротивление не только

многих членов ЦК, но и таких членов политбюро, как Бухарин, Рыков, Томский, Угланов. Однако Микояна не было среди участников так называемого «правого» уклона. Вряд ли он сочувствовал новой политике Сталина, имевшей катастрофические последствия для деревни, включая и хлебородный Северо-Кавказский край. И все же он принял сторону Сталина.

К началу 1930 года вся система торговли в стране пришла в полное расстройство. Хлебозаготовки приняли характер продразверстки, ибо закупочные цены уже не соответствовали себестоимости сельскохозяйственной продукции. Наступила инфляция, бумажные деньги быстро обесценивались. Из-за недостатка продуктов в городах были введены строгое нормирование и карточная система. Во многих сельских районах свирепствовал жестокий голод, уносивший миллионы жизней. Для рабочих и служащих вводились пайки различных категорий в зависимости от работы, занимаемой должности и т. п. Торговля опять стала уступать место продуктообмену, при котором города снабжались продовольственными, а деревня — промышленными товарами. Новому положению в стране не соответствовали ни старые методы, ни прежнее название наркомата, во главе которого стоял Микоян. В 1930 году он был реорганизован в два наркомата — снабжения и внешней торговли. Для подавляющего большинства населения страны снабжение в начале 30-х годов было крайне скудным. Тогда-то и родилась в народе невеселая шутка: «Нет мяса, нет масла, нет молока, нет муки, нет мыла, но зато есть Микоян».

Впрочем, в одной торговой операции Микоян весьма преуспел: в продаже за границу части коллекций Эрмитажа, Музея нового западного искусства в Москве (вошедшего в Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина) и многих ценных предметов, конфискованных у царской семьи и высших представителей русского дворянства. Как раз в начале первой пятилетки Советскому Союзу остро не хватало валюты, чтобы оплатить импортируемое оборудование. Уменьшение сельскохозяйственного производства сократило до предела экспортные возможности страны. В это время и возникла мысль о продаже за границу картин знаменитых западных мастеров: Рембрандта, Рубенса, Тициана, Рафаэля, Ван Дейка, Пуссена и других. К вывозу были намечены многие золотые и ювелирные изделия, мебель из царских дворцов (часть этой мебели принадлежала еще французским королям), а также часть библиотеки Николая I. Ведавший музеями страны народный комиссар просвещения А. В. Луначарский был решительно против

затеваемой операции, но политбюро отвергло его возражения. Продать ценности Эрмитажа оказалось не очень просто — главным образом из-за протестов видных деятелей русской эмиграции. Аукцион, проведенный в Германии, дал плохие результаты. Во Франции Советский Союз также ждала неудача, потому что по некоторым из выставленных на продажу предметов эмиграция возбудила судебные дела. Первые крупные сделки Микоян заключил с известным армянским миллиардером Гульбенкяном. Затем картины стали покупать и американцы. Крупнейшие сделки были заключены также с миллиардером и бывшим министром финансов США Эндрю Меллоном. В меньших масштабах эти продажи происходили до 1936 года. Общая выручка СССР от них составила более 100 миллионов долларов[340].

Сталин полностью доверял в этот период Микояну. Когда тяжело заболел председатель ОГПУ В. Р. Менжинский, Сталин предполагал поставить на его место Микояна. Но Микоян не горел желанием переходить из сферы торговли и снабжения на руководство карательной системой Советского государства, и это назначение не состоялось.

Микоян не принимал непосредственного участия в карательных акциях времен коллективизации и принудительных заготовок в 1930–1933 годах. Но ему пришлось дать свою санкцию на арест многих беспартийных специалистов, в том числе и на занимавших важные посты в Наркомате торговли, клеветнически обвиненных во вредительстве. Микоян не был инициатором этих репрессий, но и не выступал открыто против них. Показательна история М. П. Якубовича, который еще в Наркомате торговли возглавлял управление промышленных товаров. Составляемые им планы снабжения весьма придирчиво изучал Микоян, потом они утверждались коллегией наркомата. Основные контрольные цифры снабжения рассматривались даже на политбюро ЦК ВКП(б). Однажды Микоян распорядился увеличить снабжение одних городов за счет других, что было связано с массовыми протестами рабочих. Якубович напомнил, что задания по снабжению уже утверждены политбюро. Но Микоян сослался на личное указание Сталина. Якубович подчинился. Вскоре, однако, и в других городах произошли вспышки недовольства. В «Правде» появилась статья, обвинявшая Якубовича и его отдел во вредительстве. Якубович был арестован. На первом же допросе он потребовал вызвать в качестве свидетеля Микояна. Но следователь только рассмеялся. «Вы что, сошли с ума? — сказал он. — Разве мы будем из-за вас вызывать наркома СССР свидетелем?» Якубович был осужден и провел в

лагерях и тюрьмах более 25 лет.

ВО ГЛАВЕ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

Тяжелый политический и экономический кризис 1930–1933 годов стал все же ослабевать. Раны, нанесенные стране и народу, постепенно затягивались. Одновременно стали давать плоды и те громадные усилия, которые были предприняты в эти же годы для создания промышленности. Хотя и более медленно, чем тяжелая, развивалась легкая и пищевая индустрия. В 1934 году в СССР был образован самостоятельный Наркомат пищевой промышленности, во главе которого был поставлен Микоян. В России в урожайные годы не было недостатка в натуральных продовольственных товарах. Однако пищевая промышленность была очень слабой. Почти не существовало и системы общественного питания. Инициативе и умелому руководству Микояна наша страна обязана сравнительно быстрым развитием в годы второй пятилетки многих отраслей пищевой промышленности (консервы, производство сахара, конфет, шоколада, печенья, колбас и сосисок, табака, жиров, хлебопечения и т. д.). Микоян предпринял длительную поездку в США для знакомства с различными видами и технологией пищевой промышленности. СССР в середине 30-х годов производил, например, в сто раз меньше мороженого, чем США. Именно Микоян помог быстрому развитию производства искусственного холода и разных видов мороженого в стране. Вообще мороженое было его настоящим увлечением. Даже Сталин как-то заметил: «Ты, Анастас Иванович, такой человек, которому не так коммунизм важен, как решение проблемы изготовления хорошего мороженого».

По инициативе Микояна в стране значительно увеличилось производство котлет.

В подчинении Микояна оказалась и вся ликеро-водочная промышленность. Выступая на Первом всесоюзном совещании стахановцев, Микоян говорил: «В 1935 году водки продано меньше, чем в 1934-м, а в 1934-м меньше, чем в 1933-м, несмотря на серьезное улучшение качества водки. Это единственная отрасль производства Наркомпищепрома, которая идет не вперед, а назад, к огорчению работников нашей водочной промышленности.

Но ничего, если огорчаются наши спиртовики… Тов. Сталин давно нас предупреждал, что с культурным ростом страны уровень потребления водки будет падать, а будет расти значение кино и радио»[341].

Огорчаться работникам водочной промышленности пришлось не так уж долго. Сегодня в нашей стране есть не только радио и кино, но и телевидение, а производство водки во много раз превысило довоенный уровень.

Во второй половине 30-х годов в СССР по инициативе Микояна была издана и первая советская поваренная книга — «Книга о вкусной и здоровой пище». Эпиграфом к ней могли бы послужить слова Сталина: «Жить стало лучше, жить стало веселее». К каждому из разделов книги было подобрано также в качестве эпиграфа какое-либо из высказываний Микояна или Молотова. Так, например, перед разделом «Рыба» можно было прочесть такую сентенцию:

«Раньше торговля живой рыбой у нас вовсе отсутствовала. Но в 1933 г. однажды товарищ Сталин задал мне вопрос: „А продают ли у нас где-нибудь живую рыбу?“ — „Не знаю, — говорю, — наверное, не продают“. Товарищ Сталин продолжает допытываться: „А почему не продают? Раньше бывало“. После этого мы на это дело нажали и теперь имеем прекрасные магазины, главным образом в Москве и Ленинграде, где продают до 19 сортов живой рыбы…»

Перед разделом «Мясо, птица, дичь» можно было прочесть:

«Товарищ Сталин еще в 1918 году в тогдашнем Царицыне, когда был занят ликвидацией южного фронта контрреволюции… с гениальной прозорливостью вплотную подошел к проблеме создания пищевой индустрии. Товарищ Сталин писал тогда Ленину об отправке мяса в Москву: „Скота здесь больше, чем нужно… Было бы хорошо организовать по крайней мере одну консервную фабрику, поставить бойню и прочее…“ Тогда, в 1918 году, товарищ Сталин говорил: „…по крайней мере одну консервную фабрику“. Теперь мы можем сказать, что нами строится и уже построено шесть мощных консервных фабрик там, где товарищ Сталин в 1918 году требовал построить хотя бы одну…»

Перед разделом «Холодные блюда и закуски» можно было прочесть:

«…Некоторые могут подумать, что товарищ Сталин, загруженный большими вопросами международной и внутренней политики, не в состоянии уделять внимание таким делам, как производство сосисок. Это неверно… Случается, что нарком пищевой промышленности кое о чем забывает, а товарищ Сталин ему напоминает. Я как-то сказал, что хочу раздуть производство сосисок; товарищ Сталин одобрил это решение, заметив при этом, что в Америке фабриканты сосисок разбогатели от этого дела, в частности от продажи горячих сосисок на стадионах и в других

местах скопления публики. Миллионерами, „сосисочными королями“ стали.

Конечно, товарищи, нам королей не надо, но сосиски делать надо вовсю».

Перед разделом «Горячие и холодные напитки» Микоян обошелся без ссылки на Сталина, а привел лишь отрывок из собственной речи:

«…Но почему же до сих пор шла слава о русском пьянстве? Потому что при царе народ нищенствовал, и тогда пили не от веселья, а от горя, от нищеты. Пили, именно, чтобы напиться и забыть про свою проклятую жизнь… Теперь веселее стало жить. От хорошей и сытой жизни пьяным не напьешься. Весело стало жить, значит, и выпить можно, но выпить так, чтобы рассудок не терять и не во вред здоровью»[342].

К началу войны товарооборот в стране удалось поднять до 18 миллиардов рублей. Это было заметное увеличение, но на душу населения товаров приходилось меньше, чем на сто рублей в год. Уровень благосостояния народа был еще очень низок, приоритет на многие десятилетия был отдан тяжелой промышленности. Жизнь и потребности простых людей мало интересовали Сталина и его ближайшее окружение. Микоян был здесь редким исключением. Он часто выезжал на предприятия своего наркомата, чтобы без посредников вникнуть во все производственные детали, поговорить с рабочими.

Как администратор Микоян был обычно вежлив со своими подчиненными. Но он был «сталинским» наркомом. В хорошем настроении этот человек мог одарить посетителей апельсинами из вазы на своем столе. Но в дурном расположении духа он порой швырял им в лицо подписанные (или неподписанные) бумаги, как это нередко делал и Каганович.

В ГОДЫ ТЕРРОРА

В 1935 году Микоян был избран полноправным членом политбюро, а в 1937 году назначен заместителем председателя Совнаркома.

Некоторые из близких друзей и родственников Микояна пытаются до сих пор утверждать, что Анастас Микоян не принимал никакого участия в репрессиях и терроре 30-х годов, хотя и не протестовал против них открыто.

К сожалению, эти утверждения не согласуются с действительностью. Конечно, Микоян никогда не был столь активен и агрессивен, как Каганович, но он не мог, оставаясь членом политбюро, вообще уклониться от участия в репрессиях. Во-первых, как член политбюро Микоян должен был нести свою долю ответственности за все решения политбюро, связанные с репрессиями. На многих подготовленных Ежовым списках людей, предназначенных к «ликвидации», Сталин не просто ставил свою подпись, но давал их также и другим членам политбюро. Во-вторых, каждый из наркомов должен был тогда санкционировать аресты руководящих работников в своей отрасли. Трудно предположить, что Микоян ничего не знал об арестах многих видных деятелей торговли и пищевой промышленности. С. Орджоникидзе, который пытался защищать своих подчиненных, был доведен еще в начале 1937 года до самоубийства. Микоян был другом Орджоникидзе, и младшего из своих пяти сыновей он назвал в его честь Серго. Выступая через 20 лет на партийном собрании завода «Красный пролетарий», Микоян сам рассказал, что вскоре после смерти Орджоникидзе Сталин вызвал его к себе и сказал с угрозой: «История о том, как были расстреляны 26 бакинских комиссаров и только один из них — Микоян — остался в живых, темна и запутанна. И ты, Анастас, не заставляй нас распутывать эту историю».

После такого предупреждения даже путь, избранный Серго, был сомнителен для Микояна, так как над ним все время висела угроза быть обвиненным в предательстве своих товарищей по Бакинской коммуне. И Микоян подчинялся Сталину. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) Микояну поручили возглавить комиссию, которая должна была решить участь Бухарина и Рыкова. Ее определение было кратким: Бухарина и Рыкова из кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из членов ВКП(б) исключить, дело их направить в НКВД. В тот же день Бухарин и Рыков были арестованы.

Вместе с Маленковым, тогда еще даже не членом ЦК, Микоян

выезжал осенью 1937 года в Армению для проведения чистки партийных и государственных органов этой республики от «врагов народа». Это была жестокая репрессивная кампания, в результате которой погибли сотни, а если учитывать и районные кадры, то тысячи ни в чем не повинных людей. Республиканская газета «Коммунист» в конце 1937 года писала:

«По указанию великого Сталина товарищ Микоян оказал громадную помощь большевикам Армении в разоблачении и выкорчевывании врагов армянского народа, пробравшихся к руководству и стремившихся отдать армянский народ в кабалу помещикам и капиталистам, презренных бандитов Аматуни, Гулояна, Акопова и других».

«Страстно ненавидя всех врагов социализма, тов. Микоян оказал огромную помощь армянскому народу и на основе указаний великого Сталина лично помог рабочим и крестьянам Армении разоблачить и разгромить подлых врагов, троцкистско-бухаринских, дашнакско-националистических шпионов, вредивших рабочей и крестьянской Армении».

«…Микоян, который по указанию великого Сталина выявил и вышвырнул заклятых врагов трудящихся — троцкистов, дашнаков Аматуни, Акопова, Гулояна, Мугдуси и других мерзавцев»[343].

Именно Микоян выступал от политбюро ЦК на торжественном собрании актива Москвы, посвященном 20-летию органов ВЧК — ОГПУ — НКВД. Он поносил при этом «врагов народа», в число которых к этому времени попали уже большинство членов ЦК ВКП(б), и восхвалял «сталинского наркома» Ежова. «Учитесь, — говорил Микоян, — у товарища Ежова сталинскому стилю работы, как он учился и учится у товарища Сталина!.. Он сумел проявить заботу к основному костяку работников НКВД, по-большевистски воспитать в духе Дзержинского, в духе нашей партии». Микоян даже воскликнул: «Мы можем пожелать работникам НКВД и впредь так же славно работать, как они работали!»[344] Он имел в виду 1937 год.

Один из случайных участников этого заседания вспоминал:

«Доклад читал Микоян, одетый в темную кавказскую рубашку с поясом. Слов я разобрать не мог, наверное, из-за того, что говорил он с сильным акцентом. Сталина в президиуме не было. Буденный появился с большим опозданием, и заседание было прервано овациями, какая-то женщина даже что-то прокричала. Потом снова вспыхнули овации — это Сталин возник в ложе — и не прекратились, пока он не скрылся. Но, пожалуй, самые бурные приветствия достались любимому „сталинскому наркому“ Ежову. Ежов стоял потупившись — густая черная копна волос — и застенчиво улыбался, словно не был уверен, заслуживает ли он

таких восторгов»[345].

В то же время Микоян оказывал в раде случаев материальную или иную помощь родственникам некоторых своих арестованных товарищей или даже обещал «при первой возможности» посодействовать в их освобождении. Так, например, он не забыл о семье Аркадия Брайтмана, ответственного работника Наркомата финансов, которого знал еще по Баку. Сам Брайтман был расстрелян, и ему уже ничем помочь было нельзя. Но его жену и двух малолетних детей все же оставили в Москве, а не сослали, как многих других. После смерти Сталина Микоян устроил жену Брайтмана в один из подведомственных ему институтов и помог вернуться из ссылки ее сестре.

Маршал И. Х. Баграмян, прославившийся в годы Отечественной войны, в 1937 году учился в Академии Генерального штаба. В это время там свирепствовали доносы и поощрялась «сверхбдительность». Между тем в биографии Баграмяна был крайне опасный по тем временам пункт: в 1918–1921 годах он служил в Армянской армии (дашнаков), созданной тогда главным образом для защиты от возможной турецкой оккупации: не прошло еще трех лет после страшного преступления — уничтожения в Турции полутора миллионов армян. Позднее Баграмян вышел из Армянской армии и вступил в Красную Армию, а потом и в Коммунистическую партию. Но в 1937 году он со дня на день ждал ареста. По совету друзей Баграмян написал Микояну, и тот помог своему земляку. Баграмян не был арестован, а следствие, начатое против него, было прекращено.

Показательна в этом отношении и история А. В. Снегова, который подружился с Микояном еще в дни X съезда РКП(б). Оба они были тогда молодыми партийными работниками. Снегова арестовали в Ленинграде и после тяжелых пыток приговорили к расстрелу. Его «однодельцы» были уже почти все расстреляны. В это время пришло известие об аресте начальника Ленинградского управления НКВД Л. Ваковского. Еще раньше был смещен со своего поста и Ежов. Через несколько дней Снегов был освобожден и получил справку о реабилитации. Он пошел в Смольный к Жданову и долго рассказывал ему о том, что происходило в недрах НКВД. Жданов был, видимо, осведомлен об этом лучше Снегова. Он посоветовал ему немедленно уезжать из Ленинграда и, если возможно, добиться партийной реабилитации. Снегов выехал в Москву. Здесь он обратился к А. А. Андрееву, который в эти месяцы возглавлял комиссию по расследованию деятельности Ежова. Снегов почти пять часов рассказывал Андрееву о том, что творилось в застенках

Ленинградского НКВД. Однако и для Андреева все это было не слишком большой новостью, он в 1937–1938 годах активно участвовал во многих репрессивных кампаниях. Снегов сообщил о своем освобождении Молотову, который сухо принял это к сведению, а также Калинину, который осведомился: «Ну что, здорово попало? Зайдешь?» Микоян, которому позвонил Снегов, попросил его немедленно приехать и внимательно выслушал его рассказ. О расстреле Заковского Микоян сказал: «Одним мерзавцем стало меньше». Узнав о самоубийстве партийного работника М. Литвина, который был назначен на работу в НКВД, но через неделю застрелился, оставив записку, что не желает участвовать в истреблении кадров партии, Микоян выразил сожаление. Анастас Иванович не советовал Снегову идти в КПК. Он выдал ему и его жене путевки в санаторий, немало денег и рекомендовал уехать и отдохнуть. Но Снегов настаивал, и Микоян позвонил Шкирятову, чтобы тот побыстрее решил его вопрос. И Шкирятов «побеспокоился» об этом. Когда Снегов пришел в КПК, Шкирятов попросил его подождать немного в приемной. Не прошло и получаса, как в приемную вошли четверо сотрудников НКВД. У них был подписанный Берией ордер на арест Снегова. Шкирятов был доверенным человеком Берии, а последний помнил и ненавидел Снегова еще по работе в Закавказье в 1930–1931 годах[346].

Страшная машина сталинского террора уничтожила в 1937–1938 годах большую часть партийных, советских, военных и хозяйственных кадров высшего и среднего звена. Но страна не могла оставаться без руководства, и на место уничтоженных или отправленных в заключение людей приходили новые. Для многих это было время стремительного продвижения вверх. Показательна в этом отношении судьба А. Н. Косыгина. Скромный работник из системы потребительской кооперации в Сибири, Косыгин в 1930 году поступил в Ленинградский текстильный институт, который окончил в 1935 году. Его направили мастером цеха на текстильную фабрику имени А. И. Желябова. Но уже в 1937 году Косыгин был назначен директором Октябрьской прядильно-ткацкой фабрики, в 1938 году он стал заведовать промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома партии, и в этом же году его избрали председателем Ленгорисполкома. В этот период с ним познакомился Микоян. Молодой и энергичный Косыгин понравился Микояну. Когда на следующий год было решено создать общесоюзный Наркомат текстильной промышленности, Микоян сказал Сталину, что в Ленинграде есть энергичный руководитель, который хорошо знает текстильное производство. Сталин согласился с Микояном, и Косыгин был

срочно вызван в Москву. По приезде на перроне Ленинградского вокзала Алексей Николаевич узнал, что он уже назначен наркомом текстильной промышленности СССР.

МИКОЯН В ГОДЫ ВОЙНЫ

В 1939–1940 годах, как нарком внешней торговли, Микоян вел переговоры с немецкими экономическими делегациями и следил за аккуратным выполнением заключенных соглашений. Хотя сроки поставок немецкого оборудования срывались уже в 1940 году, поезда с продовольствием и сырьем шли из СССР в Германию едва ли не до 21 июня 1941 года.

Война решительно изменила положение и обязанности Микояна.

Еще перед войной, когда под контролем Микояна находились торговля, снабжение, производство товаров легкой и пищевой индустрии, он заявлял: «Мы можем сказать, что когда Красной Армии потребуются во время войны продукты питания, то она получит вдоволь сгущенное молоко, кофе и какао, мясные и куриные консервы, конфеты, варенье и еще многое другое, чем богата наша страна»[347].

Конечно, снабжение Красной Армии в годы войны не было столь уж обильным, но в основном удовлетворительным. Сразу же после начала войны Микоян возглавил Комитет продовольственно-вещевого снабжения Красной Армии. В 1942 году Анастас Иванович был введен в Государственный Комитет Обороны (ГКО) — высший орган власти в стране на период войны. Заслуги Микояна в снабжении армии были столь бесспорны, что еще в 1943 году, в разгар войны, ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Вскоре после начала войны Микоян вошел в Совет по эвакуации. Этому совету пришлось провести громадную работу по эвакуации в восточные и южные районы многих миллионов рабочих и служащих и тысяч промышленных предприятий. К началу 1943 года общее число эвакуированных составило около 25 миллионов человек. Когда Красная Армия, добившись перелома в войне, стала продвигаться на запад, Микоян вошел в Комитет при СНК СССР по восстановлению хозяйства освобожденных районов.

В сентябре 1942 года под Сталинградом в воздушном бою погиб сын Микояна Владимир. За месяц до этого Анастас Иванович, ни раньше, ни позже не занимавшийся устройством судьбы своих сыновей, сам позвонил в командование ВВС и попросил учесть просьбу Владимира — направить его на Сталинградский фронт.

В это время Микоян был в Оренбургской области, где он, как уполномоченный ЦК, проводил хлебозаготовки. Печальную весть ему сообщил первый секретарь обкома Г. А. Денисов,

свидетельство которого сохранилось: «Я получил телеграмму из ЦК ВКП(б) с указанием срочно передать А. И. Микояну… Сообщать такую весть мне было крайне тяжело, но что делать. Я немедленно выехал в Павловский район, где находился Микоян. Передал ему телеграмму. Прочитав ее, он тихо сказал: „Поедем в Оренбург“. Всю дорогу он молчал. Приехали поздно вечером, вошли в вагон, в котором Микоян прибыл и жил все дни во время пребывания в области. Я и другие товарищи постарались отвлечь его от тяжелых дум. Он извинился и попросил нас оставить его одного, сказав, что ему нужно поговорить по телефону с женой.

На следующий день рано утром Микоян позвонил мне и попросил зайти к нему.

— Я должен сегодня уехать в Москву, — сказал он спокойным голосом, — а вы доведите до конца работу по заготовке хлеба, — и подробно пояснил, что следует сделать, чтобы обеспечить план поставок. Я удивился его самообладанию, о смерти сына он ничего не говорил, только бледность лица выдавала его горе»[348].

Мы должны здесь отметить, однако, не только заслуги Микояна в годы войны. Как член ГКО и политбюро он должен нести ответственность за все решения, принятые или одобренные этими высшими партийными и государственными инстанциями. Речь идет, в частности, о выселении целых народностей с их национальной территории на восток — в так называемые спецпоселения. В самом начале войны такая участь постигла немцев Поволжья, да и всех граждан СССР немецкой национальности. Затем были депортированы многие народности Северного Кавказа и татары из Крыма. В каждом случае вопрос о ликвидации той или иной национальной автономии и выселении целого народа Сталин выносил на утверждение политбюро ЦК ВКП(б) и ГКО СССР. Справедливости ради надо отметить, что и в данном случае позиция Микояна, пусть и очень незначительно, но отличалась от позиции других членов советского руководства.

Еще в 1951 году в журнале «Социалистический вестник», который издавался группой меньшевиков-эмигрантов и считался одним из органов Социалистического интернационала, было опубликовано свидетельство некоего полковника Токаева, осетина по национальности, перебежавшего якобы на Запад в конце войны или сразу же после ее окончания. Он сообщил, что решение о ликвидации Чечено-Ингушской АССР было принято после обсуждения на совместном заседании политбюро и ГКО И февраля 1943 года.

На заседании прозвучало два мнения. Молотов, Жданов, Вознесенский и Андреев предложили ликвидировать Чечено-Ингушскую АССР и немедленно выселить всех чеченцев и

ингушей с Северного Кавказа. Ворошилов, Каганович, Хрущев, Калинин и Берия предложили повременить с выселением до полного освобождения Северного Кавказа от немецкой оккупации. К этому мнению присоединился и Сталин. Лишь один Микоян, соглашаясь в принципе, что чеченцы и ингуши должны быть выселены, высказал опасение, что депортация повредит репутации СССР за границей.

ТРУДНЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

После окончания войны Микоян продолжал оставаться заместителем Председателя Совета Министров СССР, одновременно занимая и пост министра внешней торговли. Кроме того, он был вынужден решать и некоторые другие весьма «деликатные» вопросы. Именно Микояну было поручено разобраться в деле бывшего наркома авиационной промышленности М. М. Кагановича. Не были, конечно, секретом для Микояна и репрессии против большой группы ленинградских руководителей, а также аресты в Москве бывших ленинградцев А. А. Кузнецова, М. И. Родионова, председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского, нередко председательствовавшего на заседаниях Совета Министров СССР. Именно с Вознесенским Микоян должен был согласовывать свои проблемы. Лишь в редких случаях они обращались к Сталину, который не любил участвовать в заседаниях Совета Министров СССР.

В 1949 году состоялась свадьба Серго Микояна и дочери А. А. Кузнецова. Спустя 40 лет С. Микоян писал: «Мы оформили брак 15 февраля того года, в день его снятия с работы, что было знаком грядущей трагедии.

Горжусь своим отцом, хотя бы за его поведение в тот период. Он заставил А. А. Кузнецова приехать к нам домой на свадьбу 6 марта, когда тот уже понимал, что его появление никому не сулит добра. Разговор по телефону был при мне. Выслушивая аргументы Кузнецова (болен, устал, он нас уже поздравил в своем доме и т. д.), отец настаивал. Наконец тот сказал: „Я ведь далеко, на даче, у меня нет машины“. — „Я высылаю свою. Я жду, приезжай, обязательно приезжай“. Вот таким он тоже бывал в сталинские времена…»[349]

В 1949–1951 годах, после конфликта с Югославией, волна репрессий прокатилась по странам народной демократии. В период «Пражской весны» в Чехословакии были опубликованы материалы, из которых следует, что именно Микоян вел от имени Сталина переговоры с К. Готвальдом, настаивая на отстранении и аресте Р. Сланского.

Мы уже говорили выше о сталинских обедах или ужинах. После войны Сталин часто приглашал к себе на дачу членов политбюро, некоторых министров и военных поужинать и посмотреть кино. Это была почти всегда чисто мужская компания. Жена Сталина покончила с собой еще в 1932 году, и он после этого уже не женился. Члены политбюро приезжали к нему также без жен. Лишь иногда на этих вечерах присутствовала дочь

Сталина Светлана. Сталин часто заводил патефон, ставил пластинку и приглашал всех танцевать. Танцевали они плохо, но отказаться не могли, тем более что иногда и сам Сталин начинал танцевать. Единственным человеком, у которого это хорошо получалось, был Микоян, но он под любую музыку исполнял какой-нибудь кавказский танец, похожий на лезгинку.

С 1951 года Сталин все реже и реже приглашал к себе Микояна. Его не вызывали даже на заседания политбюро. На XIX съезде партии Микоян не был избран и в президиум съезда. Конечно же речь его на этом съезде изобиловала восхвалениями Сталину. Микоян был избран в ЦК КПСС, стал членом расширенного состава Президиума ЦК. Но не вошел в более узкий состав Президиума ЦК.

Сам Микоян спустя много лет так объяснял тучи, сгустившиеся над его головой: «За три или четыре месяца до XIX съезда партии на ближней даче Сталина после обеда, как обычно, в гостиной, члены политбюро вели между собой разговоры кто о чем, общей темы не было. Сталин, прохаживаясь посреди комнаты, неожиданно для нас сказал, что его годы дают себя знать, надо подумать, кто бы мог его заменить. „Как вы считаете, — обратился он к нам, — кого можно назвать преемником?“

Возникла пауза, такой необычный, лобовой вопрос поставил нас в тупик. Молчание затянулось, Сталин продолжал ходить теми же неторопливыми шагами, раскуривая трубку, поглядывая то на одних, то на других, ждал ответа.

И вот я возьми и скажи, что наиболее достойным преемником среди нас считаю товарища Молотова. Он старейший член политбюро, обладает опытом партийной работы, знает международные отношения, может продолжать проводимую вами политическую линию.

Когда я говорил, никто меня не перебивал, никаких реплик, только Сталин коротко сказал:

— Да, Молотов человек достойный.

На этом беседа закончилась.

Когда я вернулся к себе домой, продумав все, как было и что мною было сказано, пришел к выводу, что я допустил грубейшую ошибку, никто из членов политбюро меня не поддержал, а слова Сталина: „Да, Молотов человек достойный“ — были произнесены прохладным тоном… У меня с ним [Молотовым] были периоды дружной работы. Но были и острые разногласия, особенно из-за его отношения к руководящим кадрам. В работе у него преобладал стиль давления при обсуждении тех или иных вопросов, навязывания своей точки зрения даже в тех вопросах,

где он явно был не прав. И все же при всем моем отрицательном отношении к его поступкам я назвал его, так как другого преемника из того состава политбюро не видел.

Вскоре я заметил, что отношение Сталина ко мне круто изменилось, он избегал встреч со мной. На заседаниях политбюро делал колкие замечания в мой адрес.

Я ждал грозы, и она разразилась на первом организационном пленуме ЦК, сразу после XIX съезда партии. Аргументов против Молотова и меня у Сталина не было, ругани было много.

…Его недовольство Молотовым и мною, как я понимаю, вынашивалось им давно, скрытно, а приведенный случай дал ему повод ускорить решение. Молотов и я были старейшими членами политбюро, он видел в нас свидетелей его темных дел. Зачем оставлять таких людей? При его обострившейся с годами болезненной подозрительности мы должны исчезнуть. Но довести задуманное им злодеяние до конца помешала неожиданная его смерть»[350].

Многие считали, что Молотов и Микоян обречены, и ожидали скорой развязки. Внешне, однако, все продолжалось без изменений: Микоян напряженно работал в Совете Министров СССР.

МИКОЯН В 1953–1956 ГОДАХ

Сразу же после смерти Сталина составы Президиума ЦК КПСС, Секретариата ЦК и Совета Министров СССР были резко сокращены. Анастас Иванович вновь обрел твердое положение в самых высших звеньях советского и партийного руководства. В то время членов руководства в официальных сообщениях перечисляли не по алфавиту, а по месту в партийной иерархии. Хрущев стоял на пятом месте — после Маленкова, Молотова, Берии и Кагановича. Микоян занимал в этих списках восьмое место — после Ворошилова и Булганина.

Микоян воздержался, однако, от развернувшейся сразу после смерти Сталина борьбы за власть. Готовясь к аресту Берии, Хрущев посвятил в свой план Микояна в последний момент, уже перед заседанием Президиума ЦК. Но Микоян занял осторожную позицию и не спешил присоединиться к сговору. Позиция Микояна очень беспокоила Хрущева, и он поделился своими опасениями с Маленковым. Но отступать было нельзя, и они открыли заседание Президиума ЦК. Первым выступил Хрущев, подробно обосновал вопрос о необходимости отстранения Берии и выражения ему политического недоверия. После Хрущева выступил Булганин, потребовав удаления Берии из руководства. Все остальные участники заседания также поддержали Хрущева. Иначе выступил Микоян. Он согласился со многими обвинениями против Берии, но тут же добавил, что Берия «учтет эту критику, что Берия не безнадежный человек, что в коллективе он может работать и может быть полезным»[351].

После устранения Берии Микоян по всем основным вопросам поддерживал Хрущева. Он помог реабилитации и возвращению многих своих прежних друзей и сотрудников, некоторые из которых заняли ответственные посты в партийном и государственном аппарате. Он нередко встречался с родными тех своих прежних товарищей, которые были расстреляны. В 1954 году Микоян совершил поездку в Югославию, чтобы подготовить визит в эту страну советской партийно-правительственной делегации и соглашение о примирении.

Незадолго до XX съезда КПСС Хрущев предложил обсудить на съезде вопрос о преступлениях Сталина. Почти все члены Президиума ЦК были против. Микоян не поддержал Хрущева, но и не выступил против. Однако Хрущев вернулся к этому вопросу уже во время работы самого съезда. Он заявил, что он обратится за решением к делегатам съезда. После трудных дискуссий с членами Президиума было решено, что Хрущев сделает доклад о

Сталине на последнем заседании съезда, уже после выборов ЦК. Но еще раньше, за десять дней до того как Хрущев прочитал свой знаменитый секретный доклад, именно Микоян неожиданно, но вполне определенно и остро поставил вопрос о злоупотреблении Сталина властью. «В течение примерно 20 лет, — сказал Микоян, — у нас фактически не было коллективного руководства, процветал культ личности». Микоян подверг критике многие ошибки Сталина во внешней политике и заявил, что «Краткий курс истории ВКП(б)» неудовлетворительно освещает историю партии и что много ошибок имеется в работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Микоян не только сказал несколько теплых слов о Косиоре и Антонове-Овсеенко, репрессированных и погибших в конце 30-х годов, но и в более общей форме заявил, что в СССР нет еще настоящих марксистских трудов по истории Гражданской войны и что многие партийные деятели времен Гражданской войны были неправильно объявлены врагами народа и вредителями[352]. Большая речь Микояна сразу стала центральным событием съезда и вызвала оживленные комментарии международной прессы.

В своей книге «Великий поворот» бывший корреспондент итальянской коммунистической газеты «Унита» Дж. Боффо так описывал выступление Микояна:

«Микоян говорит страстно, быстро, наполовину глотая слова, как будто он боялся, что у него не хватит времени сказать все, что он хочет. Было очень трудно следить за его речью. Но даже немногих фраз в начале речи было достаточно, чтобы захватить общее внимание. Царило абсолютное молчание. Имя Сталина было упомянуто в его речи только один раз. Но критические замечания по адресу умершего вождя были почти свирепы в их категорической определенности. В предшествовавших речах не было ничего подобного этому решительному осуждению. Когда он кончил говорить, зал был охвачен возбуждением. Делегаты громко обменивались мнениями. Следующего оратора никто не слушал»[353].

После XX съезда именно Микоян руководил формированием примерно ста комиссий, которые должны были выехать во все лагеря и места заключения СССР, чтобы быстро осуществить пересмотр обвинений политических заключенных. Прокуратура СССР, которая до сих пор медленно занималась реабилитацией, вначале возражала против создания таких комиссий, наделенных правами реабилитации и помилования. Но после вмешательства Микояна Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко уступил. Однако тот же Микоян в своих выступлениях перед общественностью настойчиво призывал к соблюдению

осторожности и умеренности в критике Сталина. Когда на собрании московской интеллигенции некоторые писатели горячо и убедительно требовали расширения и углубления критики культа личности, Микоян не сдержался и крикнул одному из ораторов: «Вы хотите раскачать стихию?!»[354]

В октябре 1956 года во время политического кризиса в Польше Микоян первым прибыл в Варшаву для оценки его масштабов и характера. В начале ноября, в дни восстания в Будапеште, Микоян вместе с Сусловым и Жуковым принимал решения, которые привели к его подавлению и формированию новых органов партийного и государственного руководства Венгрии.

Известно, что Микоян был дружен с Б. П. Шеболдаевым, сменившим его на посту партийного лидера Северного Кавказа. В 1937 году Шеболдаев был расстрелян, и Микоян молча воспринял это известие. Но в 1956 году после реабилитации Шеболдаева Микоян пригласил к себе сына погибшего друга и долго говорил ему о том, каким хорошим человеком и большевиком был его отец, с которым они вместе работали еще в Бакинской коммуне 1918 года.

Светлана Аллилуева в своей книге «Только один год» рассказывает, что уже после XX съезда КПСС она была приглашена в гости к Микояну и тот подарил ей красивый медальон с портретом Сталина.

ОТ ИЮНЬСКОГО ПЛЕНУМА ДО XXII СЪЕЗДА КПСС

На июньском (1957 г.) пленуме ЦК КПСС, так же как и на предшествовавшем ему заседании Президиума ЦК, Микоян твердо стоял на стороне Н. С. Хрущева. Только на пленуме он выступал дважды и говорил каждый раз больше часа. В сущности, из членов сталинского политбюро Микоян оказался единственным человеком, который поддержал Хрущева. После июньского пленума Анастас Иванович входил в число трех-четырех наиболее влиятельных людей в партии и государстве. Он часто выполнял ответственные дипломатические поручения, совершая официальные и неофициальные поездки в Индию, Пакистан, Китай и некоторые другие страны. В январе 1959 года Микоян прибыл в США, чтобы открыть советскую выставку и провести переговоры о возможном визите Н. С. Хрущева в Америку. Он часто и успешно выступал в различных аудиториях в США, и ему даже задали в шутку вопрос: не собирается ли он выставить свою кандидатуру в сенат? Не слишком успешной была лишь встреча Микояна с руководством американских профсоюзов, где его встретили не особенно дружелюбно и почти загнали в угол вопросами. В конце встречи Микоян с удивлением заметил: «Руководители американских профсоюзов относятся к Советскому Союзу более враждебно, чем американские капиталисты, с которыми я встречался»[355].

Микоян оказался первым из советских руководителей, посетивших Кубу после победы там революции. На встречи с Микояном и Кастро стекались громадные толпы кубинцев. Анастас Иванович вел переговоры о советском кредите Кубе, закупке кубинского сахара и установлении дипломатических отношений. На Кубе жил в это время Эрнест Хемингуэй, и Микоян посетил его. Он подарил писателю двухтомник его избранных произведений, недавно вышедший в СССР, но не смог внятно ответить на вопрос писателя, почему в СССР не издан до сих пор его главный роман — «По ком звонит колокол», о гражданской войне в Испании. Микоян обещал разобраться в этом вопросе. Конечно, он знал, что против издания романа возражала Долорес Ибаррури; Хемингуэй отнюдь не идеализировал в романе эту прославленную революционерку. Все же после возвращения Микояна вопрос об издании романа обсуждался на Президиуме ЦК и был решен положительно. Роман был переведен на русский язык, отрывок из него опубликовала «Литературная газета». В

журнале «Звезда» (№ 1 за 1964 г.) появилась даже статья Р. Орловой «О революции и любви, о жизни и смерти…» (К выходу романа «По ком звонит колокол»). Роман вышел лишь тиражом в две тысячи экземпляров — «для служебного пользования», и только в 1968 году наконец был включен в собрание сочинений писателя.

На XXII съезде партии выступление Микояна не было в центре внимания, он мало говорил о преступлениях Сталина, но критиковал антипартийную группу Молотова, Маленкова, Кагановича.

Хрущев нередко привлекал Микояна и к решению различных идеологических вопросов. Именно Микояну было, например, поручено разобраться в деле академика А. М. Деборина. Деборин был одним из наиболее известных советских философов 20-х годов, видным организатором философского образования в стране. Он создал свою группу «диалектиков», или «деборинскую школу», которая вела активную дискуссию против так называемых «механистов». По инициативе Сталина школа Деборина была вначале идейно опорочена как группа «меньшевиствующих идеалистов», а в конце 30-х годов почти все «деборинцы» были репрессированы. Самого академика не тронули, но он не имел возможности ни выступать, ни печататься. Микоян, конечно, и сам не понимал, что означает словосочетание «меньшевиствующий идеализм». Однако он не стал разбираться в хитросплетениях философских дискуссий 20-х годов или добиваться формальной отмены постановлений ЦК партии по философским вопросам, но дал указание опубликовать ряд больших работ Деборина по истории социологии и философии, которые были написаны еще в 30—40-е годы. Деборину дали также возможность вести группу аспирантов.

Получив от Твардовского рукопись повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», Хрущев не только сам прочел ее, но и дал Микояну. Тот высказался положительно о публикации повести, после чего Хрущев передал решение этого вопроса на рассмотрение Президиума ЦК КПСС.

Конечно, Микояну поручались и более трудные деда. Когда в Грозном вспыхнули беспорядки в связи с непризнанными отношениями между русским населением и возвратившимися в республику чеченцами и ингушами, именно Микоян вылетел в Чечено-Ингушскую АССР, чтобы урегулировать конфликт. Дело обошлось без кровопролития и массовых арестов. Но на следующий, 1962 год в Новочеркасске во время волнений горожан, вызванных плохим продовольственным снабжением и повышением цен на мясо, молоко, масло и сыр, демонстрация

рабочих была подавлена с помощью войск. Многие были арестованы. Позднее в частных разговорах Микоян заявлял, что лично он считал возможным провести переговоры с представителями рабочих. Невозможно установить точность этих свидетельств.

КАРИБСКИЙ КРИЗИС

В конце 1962 года Микояну пришлось сыграть свою самую важную роль в мировой дипломатии. Это было в дни Карибского, или Кубинского, кризиса, когда СССР и США в течение нескольких дней находились на волосок от войны.

За весь период после Второй мировой войны мир не знал более опасного кризиса.

Карибский кризис был вызван, как известно, установкой на Кубе советских ракет среднего радиуса действия, оснащенных ядерным оружием. Это решение Хрущева было попыткой одним ударом изменить в пользу СССР стратегическое положение в мире и уравнять таким образом шансы СССР и США в возможностях нанесения ядерного удара с близкого расстояния. Известно, что Советский Союз был со всех сторон окружен американскими военными базами, а вдоль морских границ СССР в воздухе неизменно находились американские бомбардировщики с атомными бомбами на борту. Однако Хрущев и его советники неправильно оценили возможную реакцию США на советские действия. Неудача прямого вторжения на Кубу не остановила многочисленных попыток США свергнуть режим Фиделя Кастро. Когда президенту Кеннеди доложили данные фоторазведки, из которых было очевидно, что СССР начал размещение и монтаж на Кубе ракет «земля — земля», Национальный совет безопасности США принял решение любыми средствами воспрепятствовать установлению советских ракет, которых было достаточно, чтобы в несколько минут стереть с лица земли десятки американских городов. Воздержавшись от немедленной интервенции и бомбардировки острова, чего требовали многие американские политики и военные, президент Кеннеди принял твердое решение — начать военную атаку против Кубы, если дипломатические усилия не приведут к быстрому успеху. 250 тысяч солдат и 90 тысяч морских пехотинцев стали готовиться к этой операции. Армия, флот и авиация США были подняты по тревоге во всех частях света. С одобрения западных стран США объявили морскую блокаду Кубы.

Хрущев был обеспокоен реакцией США. Он не хотел войны, но события неумолимо развивались в сторону военного конфликта. В ответ на удар по Кубе советские войска могли оккупировать Западный Берлин, но и это было бы почти наверняка началом войны с Западом. Хрущев начал поиски компромисса.

22 октября 1962 года президент Кеннеди выступил по

телевидению с обращением к американскому народу, в котором подчеркнул, что блокада — это лишь первый шаг и что им отдан приказ о проведении в случае необходимости дальнейших военных действий. По свидетельству А. И. Алексеева, бывшего тогда послом СССР на Кубе, к этому времени все 42 советские ракеты и боеголовки к ним, а также воинский персонал находились на месте. Часть ракет была уже смонтирована и приведена в боевую готовность. Были также доставлены на Кубу стратегические бомбардировщики «Ил-28».

Положение ухудшалось с каждым днем, даже с каждым часом. Перелом в развитии кризиса определился только 26–27 октября, когда Хрущев впервые публично признал наличие советских наступательных ракет на Кубе и когда стало очевидно, что действия США — не простая демонстрация. Но и позиция президента Кеннеди подвергалась корректировке. 27 октября советскими зенитками над Кубой был сбит американский разведывательный самолет «У-2». Летчик погиб. «Обстановка в США накалилась до предела, — пишет А. И. Алексеев. — Президент, подвергавшийся сильному нажиму „ястребов“, требовавших немедленного возмездия, расценил это событие как решимость СССР не отступать перед угрозами, даже с риском начала ядерной войны. Если до этого он придерживался арсенала традиционных военно-политических средств, то теперь понял, что только дипломатия, только равноправные переговоры и компромиссы могут стать эффективным средством разрешения кризиса»[356].

Хотя понимание необходимости искать дипломатические пути выхода из тупика стало взаимным, опасность неконтролируемого развития событий сохранялась. С 23 по 28 октября Хрущев и Кеннеди ежедневно обменивались письменными посланиями. С этими документами Алексеев знакомил Ф. Кастро, который таким образом тоже участвовал в переписке. Положение затруднялось тем, что Кастро самым решительным образом возражал против удаления советских ракет с Кубы и даже распорядился окружить район установки ракет своими солдатами. США, в свою очередь, наотрез отказались вести любые переговоры с Кубой или же трехсторонние переговоры с ее участием — диалог шел только между Москвой и Вашингтоном.

Вечером 27 октября через брата президента Роберта Кеннеди, то есть по неофициальным каналам, советскому руководству была передана информация о том, что военное командование США готовится к началу непосредственных боевых действий против Кубы. Сопоставив эти сведения с позицией кубинского

руководства, Хрущев принял единственно правильное решение.

В ночь на 28 октября советское правительство без консультации с Кастро решило принять условия Кеннеди, по которым в обмен на демонтаж и вывоз советских ракет американцы обязались не нападать на Кубу и удержать от подобных действий своих союзников.

«Последнее письмо председателя Совета министров СССР Н. С. Хрущева, — вспоминает Алексеев, — было передано открытым текстом по московскому радио. Позднее, во время визита Ф. Кастро в СССР в мае 1963 года, Хрущев рассказывал, что такая поспешность была вызвана полученными из США достоверными данными о принятом американским военным командованием решении начать 29 или 30 октября бомбардировку советских ракетных установок и кубинских военных объектов с последующим вторжением на остров. Хрущев сказал, что ночь на 28 октября все члены Президиума ЦК КПСС провели в Кремле, готовя последнее письмо американскому президенту. По его словам, текст послания начал передаваться по радио, когда его конец не был отредактирован. Поэтому, говорил Хрущев, у советского руководства не оставалось времени, чтобы согласовать свое решение с Гаваной: мир висел на волоске»[357].

Кастро, однако, тогда не поддержал решение советского руководства. Он избегал встреч с советским послом, проводя в то же время совещания с кубинскими военачальниками и выступая на митингах с призывами «крепить единство» и «быть готовыми к отпору». В это же время Кастро предъявил США весьма радикальные «Пять требований кубинского народа», которые американцы не стали даже рассматривать. СССР формально поддержал эти пять пунктов, содержащие требование немедленного прекращения всех форм давления на Кубу, но не стал настаивать на том, чтобы они легли в основу переговоров с США. В этих условиях позиция Кастро, фактически блокировавшего достижение окончательной договоренности, ставила под угрозу мирное преодоление кризиса.

Нужен был умелый, авторитетный и пользующийся доверием как советского, так и кубинского руководства посредник, способный дать новый импульс готовым зайти в тупик переговорам. Выбор Хрущева пал на Микояна, который еще в 1960 году немало времени провел на Кубе, где подписал первые очень важные для нее соглашения по торговле и о хозяйственной помощи молодой республике. Микоян открыл здесь и первую советскую торгово-промышленную выставку. Он установил личные дружеские отношения с Фиделем Кастро и другими кубинскими руководителями, способствовал восстановлению

дипломатических отношений между нашими странами.

29 октября советское правительство приняло решение направить на Кубу Микояна, 2 ноября он прибыл в Гавану. Накануне его приезда Кастро категорически отверг предложение посетившего Кубу исполняющего обязанности генерального секретаря ООН У Тана об инспекции над демонтажом и вывозом советских ракет.

Вначале Кастро принял Микояна довольно натянуто. Но перед первой рабочей встречей 3 ноября, раньше, чем об этом сообщили самому Микояну, Кастро узнал о поступившей из Москвы телеграмме от Хрущева, в которой сообщалось о смерти жены Микояна Ашхен. Хрущев выражал свои соболезнования и писал, что Микоян должен сам принять решение, возвращаться ли ему в Москву.

Микоян уединился в своем номере в советском посольстве. С Ашхен он прожил в мире и согласии 40 лет, она родила ему пятерых сыновей. Когда-то он просил Ашхен не спешить выходить за него замуж, потому что не надеялся прожить долго и не хотел оставлять ее вдовой. И вот она умерла, и в последнюю минуту его даже не было рядом с ней…

Когда спустя некоторое время Микоян вышел к ожидавшим его сотрудникам посольства, он сказал, что в Москву вылетит прибывший вместе с ним сын Серго, а сам он останется вести переговоры.

Этот поступок Микояна сломал лед в начавшихся переговорах. Кастро не стал протестовать против одностороннего решения советского руководства, хотя и занимал по-прежнему радикальные позиции. Переговоры шли трудно, Микоян вел их почти круглосуточно. Путем взаимных уступок и компромиссов в конце концов удалось достичь соглашения по ключевым вопросам. Советские ракеты, самолеты «Ил-28» и торпедные катера были вывезены с Кубы. Инспекция могла фотографировать и наблюдать незачехленные ракеты на советских судах в международных водах.

20 ноября президент Кеннеди объявил о снятии блокады, а Хрущев отменил состояние повышенной боевой готовности в советских войсках. Карибский кризис был преодолен.

Кризис был ликвидирован с минимальной потерей престижа СССР. Отношения между СССР и США даже улучшились, что позволило в 1963 году заключить договор о частичном запрещении испытаний ядерного оружия — одно из важнейших соглашений в области ограничения гонки вооружений и охраны окружающей среды.

Роль Микояна в дни Карибского кризиса была очень

значительна, хотя он действовал чаще всего в тени как посредник между Хрущевым, Кеннеди и Кастро. Во время одного из полетов в Вашингтон у самолета «Боинг» загорелся сначала один, а потом и второй мотор. В салоне началась паника. Микоян был здесь с группой советских экспертов, среди которых находился и один из его сыновей. Микоян призвал к спокойствию. «Будьте мужчинами», — сказал он и продолжал беседовать со своими спутниками на темы, далекие от их вероятной и скорой гибели. К счастью, экипаж сумел справиться с ситуацией и посадить самолет.

Ровно через год после трудных переговоров с президентом Микоян снова вылетел в США во главе советской делегации на похороны Джона Кеннеди, убитого в Далласе из снайперской винтовки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

В 1963 году Л. И. Брежнев был избран вторым секретарем ЦК КПСС. Возник вопрос о переизбрании председателя Президиума Верховного Совета СССР. В июле 1964 года на этот пост был избран А. И. Микоян. В августе того же года Микоян подписал Указ о реабилитации немцев Поволжья и других лиц немецкой национальности, незаконно осужденных и депортированных в восточные районы СССР еще в 1942 году. Однако Автономная республика немцев Поволжья не была восстановлена, и многие проблемы национальной жизни советских немцев так и не были решены. Хрущев обсуждал с Микояном планы реорганизации Верховного Совета СССР и расширения его функций в системе высших органов власти. Предполагалось, в частности, сделать более длительными и деловыми сессии Верховного Совета. У Хрущева в этот период возникла идея превратить Верховный Совет в некое подобие социалистического парламента, и он считал Микояна подходящей фигурой для руководства этой реформой, которая, однако, не была даже начата.

Всего через три месяца после своего избрания главой государства Микоян подписал Указ об освобождении Хрущева от обязанностей Председателя Совета Министров СССР.

Первым секретарем ЦК КПСС стал Л. И. Брежнев, главой советского правительства — А. Н. Косыгин.

В западной печати появлялись сообщения о том, что Микоян якобы играл видную роль в подготовке смещения Хрущева и что он выехал в начале октября 1964 года на юг вместе с Хрущевым, чтобы отвлечь его и быстро парализовать его возможные ответные действия. Это явные домыслы. Микоян действительно отдыхал в октябре 1964 года недалеко от Хрущева, и их обоих вызвали в Москву на заседание Президиума ЦК. Но все факты свидетельствуют о том, что Микоян был единственным членом Президиума ЦК, кто не участвовал в предварительных переговорах о смещении Хрущева. На расширенном заседании Президиума ЦК КПСС 13 октября только Микоян защищал Хрущева. «Хрущев и его политика мира, — говорил Микоян, — это важный политический капитал партии, которым нельзя пренебрегать». Поздно ночью был сделан перерыв, и Хрущев вернулся домой отдохнуть. Здесь он понял, что сопротивление уже бесполезно, и первый, кому он позвонил, был Микоян. Хрущев сказал ему, что согласен написать заявление об отставке.

Микоян, вероятно, единственный из членов Президиума ЦК, кто в своих устных выступлениях о результатах октябрьского пленума ЦК КПСС говорил не только о недостатках, но и о заслугах Хрущева. Он говорил, например, на партийном собрании завода «Красный пролетарий» в декабре 1964 года:

«Заслуг Хрущева мы отрицать не можем, они большие — в борьбе за мир, в ликвидации последствий культа личности, в развертывании социалистической демократии, в подготовке и проведении важнейших съездов — XX, XXI, XXII, в принятии программы партии. Но чем дальше, тем больше у т. Хрущева накапливались ошибки и серьезные недостатки в его работе и руководстве. Эти недостатки были в значительной мере порождены субъективными моментами, влиянием возраста и склеротического состояния. Хрущев стал раздражителен, суетлив, несдержан, неспокоен. Больше трех часов на одном месте он работать не мог, он тянулся к беспрерывному движению, к поездкам. У него была склонность во всех своих мероприятиях к импровизациям, к решению задач с ходу… Раздражительность, нетерпимость к критике — эти черты не нравились даже тем товарищам, которых он выдвинул на руководящую работу. Когда стало плохо в сельском хозяйстве, Хрущев не стал искать глубоких объективных причин, а встал на путь дерганья людей, перемещения их… Хрущев страдал организационным зудом, склонностью к беспрерывным реорганизациям… Считаю, что с Хрущевым поступили по уставу. Весь состав Президиума остался почти без изменений. В составе Президиума три поколения: старое — это я и Шверник; среднее — это Брежнев, Косыгин, Подгорный; молодое — Шелепин, хотя по возрасту он не так уж молод. Брежневу и Косыгину по 56 лет. Шелепину — 46 лет… Итак, сделано хорошее дело. Сейчас в руководстве ЦК создана нормальная обстановка, все высказываются свободно, а раньше говорил один Хрущев. Сейчас на деле осуществляется ленинское руководство, ЦК имеет большой опыт, изменения пойдут на пользу народу, и скоро он почувствует это на деле»[358].

В нашей стране пост председателя Президиума Верховного Совета СССР до последнего времени не был особенно обременительным. Однако Микоян был не только формальным главой государства. Огромный опыт, знания, гибкий ум, авторитет одного из последних членов ленинской гвардии делали его весьма влиятельным в составе нового «коллективного руководства». С ним нельзя было не считаться. Умный и осторожный, он не давал, казалось бы, никакого повода для устранения его от власти. И все же такой повод был найден. Через некоторое время после октябрьского пленума в ЦК КПСС было

принято решение: не оставлять на активной политической и государственной работе членов партии старше 70 лет. В принципе это было разумное решение. В 1964 году большинству членов Президиума и Секретариата ЦК не исполнилось еще 60 лет. 82-летний О. В. Куусинен умер в мае 1964 года. 76-летний Н. М. Шверник занимал пост председателя Контрольной партийной комиссии — этот пост тогда не требовал слишком большой активности.

Из «стариков» под новое решение подпадал только Микоян — в ноябре 1964 года ему исполнилось 69 лет. Через год — в конце ноября 1965 года — Анастас Иванович подал заявление об отставке, ссылаясь на преклонный возраст. Отставка была принята.

Работа Микояна в Президиуме Верховного Совета не была отмечена особо яркими событиями. Упомяну лишь о Якубовиче, бывшем сотруднике Наркомата торговли, который был освобожден после 25-летнего заключения, но не был реабилитирован и остался жить в Караганде, в Тихоновском доме инвалидов. Здоровье Якубовича несколько поправилось, и он стал писать небольшие литературные эссе, пьесы на исторические темы и очерки о тех деятелях большевистской партии, которых он когда-то встречал (о Каменеве, Зиновьеве, Троцком, Сталине). В 1964 году Якубович смог приехать в Москву. Я помог ему тогда перепечатать его записи на пишущей машинке — это было время, когда начинался так называемый «самиздат». По совету друзей Якубович написал письмо Микояну с просьбой помочь в реабилитации. Многие думали, что новый «всесоюзный староста» не обратит внимания на трудности своего бывшего сотрудника. Но Микоян принял Якубовича. Он сразу сказал, что пока не может помочь в пересмотре политических судебных процессов 1930–1931 годов. Ведь еще не были пересмотрены политические процессы 1936–1938 годов. Однако Микоян позвонил первому секретарю ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаеву и попросил улучшить условия жизни Якубовича, который, как сказал Микоян, несправедливо пострадал в годы культа. Якубович не просил о переезде в Москву.

Ему выделили в доме инвалидов отдельную комнату и назначили пенсию 120 рублей в месяц, что позволило ему потом больше работать и чаще приезжать в Москву.

Микоян был осторожен и старался не вступать в конфликт с Брежневым.

Уже в мае 1965 года в связи с 20-й годовщиной победы в Отечественной войне нашей пропагандой все более настойчиво стала проводиться частичная реабилитация Сталина. Когда на

торжественном юбилейном собрании Брежнев произнес имя Сталина, большая часть зала зааплодировала. Микоян отнюдь не возражал против подобного изменения акцентов в агитации и пропаганде. На партийном собрании того же завода «Красный пролетарий», где Микоян 14 мая 1965 года выступил с небольшой речью, ему были переданы две записки, которые он прочел. В одной из них было сказано: «Я видел по телевидению, какими аплодисментами были встречены слова Брежнева о Сталине. Как Вы к этому относитесь?» В другой говорилось: «Почему, вспоминая о Сталине как главе Государственного Комитета Обороны, Брежнев ничего не сказал о вине Сталина в наших поражениях в первые месяцы войны? Почему Брежнев не сказал, что перед войной было арестовано и уничтожено много тысяч коммунистов, что Сталин отверг предупреждение о готовившемся нападении Гитлера?»

Отвечая на эти записки, Микоян заявил: «Брежнев совершенно правильно сказал о Сталине. Сталин действительно возглавлял Государственный Комитет Обороны и осуществлял руководство по мобилизации отпора врагу, и здесь он играл выдающуюся роль. Это соответствует исторической правде. Что касается виновности Сталина, затронутой в записке, то ЦК, обсуждая доклад Брежнева, не счел целесообразным в юбилейную дату на торжественном собрании, посвященном победе над гитлеризмом, говорить о недостатках и просчетах Сталина. Сталин во время войны делал меньше ошибок, чем до войны и после войны с 1948 года, хотя у него и в это время были серьезные ошибки: разгром кадров, выселение народностей с Кавказа, „Ленинградское дело“. А в целом его вклад в обеспечение победы не следует умалять… жизнь — сложное дело. Люди меняются, они совершают ошибки, их много у каждого. Наша жизнь полна страстей. Придет время, они улягутся, все успокоится, займет место здравый смысл»[359].

Процедура ухода Микояна с поста главы государства была обставлена весьма торжественно. Произносились благодарственные речи. Микоян был награжден шестым орденом Ленина. Он остался при этом не только депутатом Верховного Совета от одного из округов Армении, но и членом Президиума Верховного Совета СССР. На XXIII съезде КПСС в 1966 году и на XXIV съезде в 1971 году Микоян избирался членом ЦК. Но он уже не входил в состав политбюро.

МИКОЯН В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

В последние годы своей жизни Микоян все меньше и меньше уделял внимания государственным делам. Он не искал встреч с Брежневым или Косыгиным, но ни разу не посетил также и Хрущева. В 1967 году Микоян проявил интерес к судьбе советского историка А. М. Некрича, исключенного из партии за книгу «1941. 22 июня». Она вышла в свет еще в 1965 году и была разрешена к изданию советской цензурой. Микоян попросил своих друзей дать ему для чтения книгу Некрича и некоторые материалы по его делу. Он выразил удивление, что Некрича исключили из партии, но не стал вмешиваться.

Хотя Микоян отошел от власти без конфликтов и оставался все еще членом ЦК КПСС и членом Президиума Верховного Совета СССР, его неожиданно лишили ряда привилегий. Особенно болезненным было для него распоряжение покинуть государственную дачу под Москвой. Это был большой дом, почти имение, в котором до революции жил богатый кавказский купец и где после революции Микоян прожил с семьей половину своей жизни. В несколько раз было сокращено и число людей, обслуживавших Микояна.

Еще во времена Хрущева все ответственные работники ЦК КПСС были «раскреплены» по различным первичным партийным организациям. Микоян встал на учет в партийной организации завода «Красный пролетарий». Микоян регулярно приходил на партийные собрания и конференции этого завода, иногда выступал с речами или отвечал на многочисленные записки. Нередко выступал с воспоминаниями в других организациях.

Однажды, это было в 1969 или 1970 году, меня пригласили на собрание в научный институт, где работал директором П. Л. Капица. Ожидалось выступление Микояна. Зал был переполнен, но Микояна встретили более чем холодно, многие видели в нем в первую очередь соратника Сталина. Только один из сидевших в зале вдруг вскочил и стал аплодировать, но его никто не поддержал. Микоян не смутился. Без всяких бумажек, не поднимаясь на кафедру, Микоян рассказал нам несколько интересных эпизодов из истории 20-х годов. Потом он привел немало примеров бессмысленных и жестоких репрессий Сталина в среде ученых и технической интеллигенции. Микоян, естественно, осудил эти преступления. Аудитория слушала его со все большим вниманием. Рассказав о некоторых проблемах торговли и снабжения в 30-е годы и в годы войны, Микоян незаметно перешел к истории Карибского кризиса, и все мы

впервые узнали о той большой роли, которую сыграл он в предотвращении войны, да и вообще о том, насколько СССР и США были близки в те дни к катастрофе. В заключение Микоян рассказал о похоронах Кеннеди, в которых приняли участие почти все главные политические деятели западного мира. Микоян представлял СССР в Вашингтоне и вел с некоторыми из деятелей Запада неофициальные переговоры. Закончив свои воспоминания, Микоян умело и остроумно ответил на многочисленные вопросы, в том числе и весьма щекотливые. Когда председательствующий объявил об окончании вечера, слушатели встали и устроили ему овацию.

В середине 60-х годов Микоян начал писать мемуары. Отрывки из них публиковались в «Юности» и других журналах. Потом начали появляться книги «Мысли и воспоминания о Ленине» (1970), «Дорогой борьбы» (1971), «В начале двадцатых…» (1975).

Воспоминания Микояна вызвали большой интерес, их перевели и издали во многих странах. Но издавать да и писать эти мемуары становилось все труднее. Как свидетельствует сын Анастаса Ивановича Серго Микоян, уже «вторая книга, названная „В начале двадцатых…“, подверглась суровому редактированию и даже неавторским дополнениям, сделанным по требованию отнюдь не всегда последовательных рецензентов. Если речь, например, шла о том, что особенно запомнилось автору на X и XII съездах партии, рецензентом отмечалось, что работа съезда этим не ограничивалась и нужны дополнения. Вместе с тем автору бросался упрек, что он должен писать не историю партии, а личные воспоминания. Зато когда рецензент переходил именно к воспоминаниям личного характера, то обвинял автора в субъективных оценках или даже нескромности. Оценки дискуссий, отдельных лиц предлагалось переписать и дополнить в духе тогдашних изданий „Истории КПСС“. А. И. Микоян возмущался, спорил. Однако желание видеть свои воспоминания опубликованными при жизни (а ему уже было почти 75) заставляло уступать. Ему вписывали целые пассажи (например, против Бухарина), вычеркивая многое, что автору было дорого. Сегодня мы можем по-разному относиться к этому, даже упрекнуть его в подобной уступчивости, однако следует учитывать, что он не видел просвета в застойной атмосфере тех лет, а собственных лет ему оставалось все меньше и меньше… Эту вторую книгу все же выпустили в 1975 году, без фотографий и малым тиражом».

Было известно, что Микоян написал и даже подготовил к изданию еще одну книгу — «Годы, события, встречи». В

тематическом плане Издательства политической литературы она была объявлена на 1978 год. Как правило, я делал предварительные заказы на книги этого издательства. Но книгу Микояна я не получил, не появилась она и в библиотеках. Сегодня его сын внес на этот счет ясность:

«С третьей книгой дело обстояло еще хуже. Ко времени работы над ней А. И. Микоян уже не избирался членом ЦК КПСС (в котором состоял с 1922 года), не выдвигался в депутаты Верховного Совета СССР. Правда, иногда ему делались предложения развить в какой-нибудь статье или речи тему „От Ильича до Ильича…“, и тогда, мол, „все будет хорошо“. Но он категорически отвергал такого рода предложения…»[360]

«С рукописью третьей книги и вовсе не церемонились. Доктор наук Абрамов из ИМЛ написал разносную рецензию, местами просто оскорбительную по тону. Делалось это по команде Суслова. После смерти Микояна, выдержав для приличия месяца полтора, редактор из Политиздата вызвала меня, чтобы вернуть рукопись и сообщить, что ее больше нет в плане. От друзей в Госкомиздате я узнал, что это было сделано по личному распоряжению Суслова»[361].

По свидетельству Серго Микояна, литературное наследие его отца еще достаточно велико. Ожидают издания книга очерков о Великой Отечественной войне и книга очерков о различных зарубежных миссиях автора. Кое-какие из этих очерков уже опубликованы в «Огоньке», в журнале «Вопросы истории», в «Военно-патриотическом журнале». Но Микоян воздержался написать что-либо о временах и деяниях Сталина или Хрущева и их окружении. По этим книгам мы можем судить о его исключительной памяти. Микоян рассказывает читателям о мелких разногласиях в Нижегородском губкоме партии в 1921–1922 годах, но ничего не говорит о деятельности политбюро конца 20-х годов, а тем более о событиях 30-х годов. Осторожность оставалась характерной чертой Микояна до самых последних дней его жизни. «Какую бы историю мы имели, если бы Анастас Микоян дал нам свои истинные воспоминания!» — восклицал американский советолог и историк А. Улам в своей книге о Сталине. «Размышляя об искусстве политического продвижения, — писал далее Улам, — мы обращаемся обычно к примеру Талейрана. Но Талейран был дилетантом, а не профессионалом по сравнению с Микояном». Когда Улам писал свою книгу, Микоян был еще жив, и потому к сказанному выше Улам добавлял: «Когда Микоян умрет, мы можем быть уверены, что его убитые горем коллеги будут нервозно и тщательно изучать каждый лоскуток бумаги, который он оставит»[362].

Улам был близок к истине. Микоян мало писал, и свои воспоминания он наговаривал на магнитную ленту. Большая часть ее сохранилась у родных. Но, кроме того, в московской квартире Анастаса Ивановича имелся огромный сейф, о содержимом которого знал он один. Как только стало известно о смерти Микояна, в его квартиру пришли сотрудники из Института марксизма-ленинизма и из «органов», которые принято у нас называть «компетентными». У них был мандат на осмотр архива, и они унесли все бумаги, которые сочли нужным изъять. Однако никто из них не мог вскрыть сейф Микояна. Потребовалась тщательная работа специалистов по сейфам. Его содержимое также было изъято «для изучения». Такова, впрочем, судьба личных архивов почти всех людей, занимавших очень ответственные посты.

СМЕРТЬ МИКОЯНА

С 1975 года Микоян уже не участвовал в работе Верховного Совета и почти нигде не выступал. На XXV съезде КПСС в 1976 году он не присутствовал и не был избран в новый состав ЦК. Он вел теперь жизнь пенсионера, встречаясь с немногими из оставшихся в живых друзьями и многочисленными членами своей семьи. Микоян часто болел. В середине октября 1978 года у него появились признаки сильного воспаления легких. Спасти его не удалось, и 21 октября 1978 года Микоян умер.

В извещении о его смерти, появившемся 23 октября в газетах, ничего не говорилось о времени и месте похорон. Краткость этого извещения и фраза о смерти «старейшего члена КПСС, персонального пенсионера Микояна Анастаса Ивановича» давали повод предполагать, что похороны Микояна будут проходить так же, как и похороны Хрущева, гроб с телом которого сразу из морга отвезли на Новодевичье кладбище. Немногие знали, что такова была воля покойного. Даже сыновья и родственники Микояна не знали, будет ли вообще проводиться гражданская панихида. Решение о процедуре похорон было принято только 23 октября. 24 октября в «Правде» и других газетах был опубликован некролог, подписанный всеми членами политбюро ЦК. Однако и в этот день в печати не было никаких сведений о месте и времени прощания с бывшим председателем Президиума Верховного Совета. Это дало повод друзьям говорить о «полусекретных похоронах» Микояна. Гражданская панихида состоялась 25 октября в зале Дома ученых на Кропоткинской улице. Доступ к гробу не был свободным, и время прощания было ограничено несколькими часами. Мимо гроба проходили в основном специально отобранные делегации некоторых московских заводов и учреждений. «Неорганизованные» граждане в здание Дома ученых не допускались. В Москву прилетели представители Армении во главе с руководителями этой республики. Они встали в почетный караул у гроба своего земляка…

Молодой Микоян хоронил Ленина. Он сопровождал его гроб из Горок в Москву и стоял на сколоченной наспех трибуне на Красной площади. Микоян хоронил Сталина и выносил гроб с его телом из Дома союзов. Когда умер Хрущев, на его могилу был положен венок «Дорогому другу от А. И. Микояна». Теперь хоронили самого Микояна. В почетный караул возле гроба становились по очереди министры СССР, члены Президиума Верховного Совета СССР. В середине дня для прощания прибыли члены политбюро: Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, А. П. Кириленко,

А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов.

Мы не будем пересказывать здесь те речи, которые произносились в Доме ученых и на траурном митинге, состоявшемся в тот же день на Новодевичьем кладбище. Политическое долголетие Микояна объясняется не только удачей или хитростью, гибкостью, умением уступать силе или идти на компромиссы. Дело было, пожалуй, не в исключительных дипломатических, а скорее в деловых талантах этого человека.

Микоян часто смотрел смерти в лицо. Его могли бы похоронить в 1920 году в Баку среди его друзей — бакинских комиссаров. Его могли бы расстрелять в 1937 году, как многих других членов ЦК и народных комиссаров. Впрочем, его прах мог бы покоиться на Красной площади возле Мавзолея Ленина. Он же нашел последний приют рядом с могилой своей жены Ашхен на Новодевичьем кладбище.

КРАСНЫЙ МАРШАЛ ВОРОШИЛОВ

ЧЕЛОВЕК И ЛЕГЕНДА

Как политическая личность Климент Ефремович Ворошилов значительно уступал многим другим деятелям из окружения Сталина по своему влиянию, но столь же заметно превосходил их по своей легенде. Ворошилов не обладал умом, хитростью и деловыми качествами Микояна, у него не было организаторских способностей, активности и жестокости Кагановича, а также канцелярской работоспособности и «каменной задницы» Молотова. Ворошилов не умел ориентироваться, подобно Маленкову, в хитросплетениях аппаратных интриг, ему недоставало огромной энергии Хрущева, он не обладал теоретическими знаниями и претензиями Жданова или Вознесенского и даже, как полководец Ворошилов, больше понес поражений, чем одержал побед. Но, может быть, именно из-за отсутствия каких-либо выдающихся способностей он дольше других сохранил свое место в верхах партии и государства. И чем меньшими были реальные достижения Ворошилова как руководителя, тем больше различных легенд возникало вокруг его имени.

Ведь с нами Ворошилов,
Первый красный офицер.
Сумеем кровь пролить
За СССР, —

пели пионеры уже в 1926 году.

«Когда нас в бой дошлет товарищ Сталин, и первый маршал в бой нас поведет…», «Красный маршал Ворошилов, погляди на казачьи богатырские полки…» — это слова из предвоенных красноармейских песен.

Многочисленные биографии Ворошилова стали появляться еще в те годы, когда Сталин с показной скромностью говорил: «Не пришло еще время писать биографию Сталина».

Ворошилов обладал незаурядной личной храбростью, и как военному ему приходилось нередко оказываться в сложных переделках. Но он отдавал себе отчет в скромности своих умственных способностей и сам искал политического покровителя и руководителя. Именно такой человек был очень нужен Сталину во главе военного ведомства. Но такому человеку было легче сохранить свое место и при всех его преемниках.

ТРУДНОЕ ДЕТСТВО

К. Е. Ворошилов родился 4 февраля 1881 года в семье отставного солдата, сторожа на железной дороге Ефрема Ворошилова. Мать Клима — Мария Васильевна — работала кухаркой и прачкой. Это была бедная семья. Климу уже в 10 лет пришлось работать подпаском, а в 11 — подсобным рабочим на руднике недалеко от Луганска, одного из промышленных центров Донецкого бассейна. Вскоре мать забрала его с тяжелой работы на руднике, и он смог в течение двух сезонов посещать земскую начальную школу. С 15 лет Ворошилов начал работать на металлургическом заводе в городе Алчевске, сначала курьером, потом помощником машиниста на водокачке, слесарем в электротехническом цехе, машинистом крана в чугунолитейном цехе. Здесь, в Алчевске, 17-летний Клим вступил в социал-демократический кружок и прочел «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Он участвовал в первой забастовке, был арестован, уволен с работы и затем в течение трех лет скитался по южным губерниям России, перебиваясь случайными заработками.

В 1903 году Ворошилов возвращается в Донбасс и устраивается на работу в Луганске на паровозостроительный завод Гартмана. В Луганске в этом же году была создана городская социал-демократическая организация, в которую вступил и Ворошилов. Он примкнул к большевистской фракции и вскоре стал членом ее городского комитета.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

Революционные события 1905 года всколыхнули рабочий Донбасс. В Луганске Ворошилов возглавил не только городской большевистский комитет, но и Совет рабочих депутатов. Под его руководством проходили забастовки и манифестации луганских рабочих. Летом 1905 года Ворошилова арестовали, но вскоре он был освобожден под залог по требованию многотысячной демонстрации.

В начале 1906 года Ворошилова избрали от луганских социал-демократов делегатом на IV съезд РСДРП. Там он впервые встретился с Лениным. Он также познакомился и подружился со Сталиным, которого знали в партийных кругах еще под именем Коба, а также под партийным псевдонимом Иванович. У Ворошилова был партийный псевдоним Володя или Володин. Участие в работе Стокгольмского съезда Ворошилов сочетал с закупкой оружия для боевых групп луганских рабочих. Он организовал несколько транспортов с оружием из Финляндии. С помощью Ворошилова в Луганске была организована подпольная типография, и под его редакцией стала выходить местная большевистская газета «Донецкий колокол».

В 1907 году Ворошилов приехал в Лондон для участия в V съезде РСДРП. На съездах партии он познакомился со многими известными большевиками той эпохи, но особенно близко сошелся с М. В. Фрунзе и М. И. Калининым. В 1907 году Ворошилов встретился с Екатериной Давыдовной Горбман, которая стала вскоре его женой.

Революция 1905–1907 годов закончилась поражением. Была разгромлена и луганская организация большевиков. Ворошилова вновь арестовали и сослали в Архангельскую губернию. Он бежит из ссылки на юг, в Баку, где в 1908 году работает вместе со Сталиным в составе Бакинского комитета большевиков. В том же году вернулся в Питер и снова был арестован. До 1912 года Ворошилов побывал во многих тюрьмах и дальних поселениях архангельской ссылки. Освободившись, он вернулся в Донбасс, где возобновил свою деятельность среди рабочих. Но его опять схватили и отправили в пермскую ссылку, из которой он освободился через год по амнистии по случаю 300-летия царского Дома Романовых.

Оставаться в Донбассе Ворошилову было опасно, и он устроился рабочим на орудийный завод в Царицыне.

Началась мировая война.

Многие большевики не уклонялись от призыва в армию, они

шли на фронт, чтобы вести там большевистскую агитацию и готовить армию к участию в революции. Но Ворошилов решил избежать мобилизации. Поэтому он с семьей уехал из Царицына и через некоторое время обосновался в Петрограде, где стал работать на небольшом заводике и установил связь с нелегальным городским комитетом большевиков. Здесь, в Петрограде, Ворошилова и застала Февральская революция.

ГОД НОВЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

В решающие дни Февраля Ворошилов в гуще рабочих демонстраций. Еще в начале 1917 года он установил связь с некоторыми солдатами Измайловского полка. Теперь он приобрел влияние в гарнизоне. От солдат Измайловского полка Ворошилов был избран в первый же состав Петроградского совета. Однако его зовут в Луганск, и он с согласия руководства партии снова едет в Донбасс, где его избирают председателем городского комитета партии.

Февральская революция дала свободу всем политическим партиям и группам России. Вместе с различными националистическими организациями в одном лишь Луганске действовало 15 различных партий. Однако большевики стали здесь наиболее сильной революционной организацией. К концу июля в луганскую организацию большевиков входило уже больше 2500 человек. От Луганска Ворошилов участвовал также в VI съезде партии, взявшем курс на вооруженное восстание. Но в Луганске дело обошлось без восстания. Уже в августе большевики победили здесь при выборах в городскую думу, председателем которой был избран Ворошилов. В дни корниловского мятежа в Луганске было создано несколько отрядов Красной гвардии. А в сентябре на перевыборах Советов большевики получили две трети всех мандатов. К своей должности городского головы Ворошилов прибавил и пост председателя Совета. Не только фактически, но и формально большевистская организация Луганска взяла власть в городе в свои руки. Ворошилов не поехал на II Всероссийский съезд Советов, у него было слишком много дел в городе. От Луганска на съезде присутствовало двое большевиков. Однако именно Ворошилов был избран заочно на этом съезде Советов членом ВЦИК.

Только в ноябре 1917 года Ворошилов, делегат Учредительного собрания, выехал в Петроград. Он принял участие в работе III съезда Советов и был снова избран во ВЦИК. Вместе с Дзержинским занимался организацией ВЧК. Его пребывание в столице затягивалось из-за необходимости выполнить многие поручения ЦК, а также СНК РСФСР. В одном из постановлений СНК было, например, записано: «Поручить тов. Ворошилову ликвидацию бывшего Петроградского градоначальства согласно плану тов. Дзержинского и организацию специального органа для поддержания спокойствия и порядка в Петрограде…»

ВО ГЛАВЕ 5-Й УКРАИНСКОЙ АРМИИ

В феврале 1918 года после срыва мирных переговоров и окончания перемирия немецкие войска начали наступление на восток. Оно было приостановлено после подписания Брест-Литовского мирного договора между РСФСР и Германией. Однако на Украине немецкие войска по соглашению с так называемой Центральной радой продолжали продвигаться и заняли Киев. Советские отряды с боями отходили под давлением немецких дивизий. В городах Донбасса создавались рабочие отряды, оборудовались бронепоезда. В Луганске под руководством Ворошилова был сформирован 1-й Луганский социалистический партизанский отряд, который принял участие в боях под Харьковом. В промышленных районах Украины была образована Донецко-Криворожская республика. В ходе боев отдельные отряды объединялись в наспех сколоченные армии. Одной из наиболее крупных стала 5-я Украинская армия, командовать которой было поручено Ворошилову.

Немцы не признали Донецкой республики. Плохо вооруженные советские войска терпели поражения и отступали. Ворошилов приказал своей армии оставить Луганск и отходить в пределы РСФСР. Однако в Донской области, через которую должна была пройти армия Ворошилова, советская власть была свергнута. Казачье правительство генерала Краснова вступило в сговор с германским командованием. Это ставило бойцов Красной Армии в очень трудное положение. Уже в первом бою у станции Лихая они потерпели поражение и отступили к Белой Калитве. Было решено, однако, не бросать эшелонов, не оставлять беженцев, а продолжать движение вдоль линии железной дороги на Царицын. Позднее Ворошилов вспоминал:

«Десятки тысяч деморализованных, изнуренных, оборванных людей и тысячи вагонов со скарбом рабочих и их семьями нужно было провести через бушевавший казачий Дон. Целых три месяца, окруженные со всех сторон генералами Мамонтовым, Фицхелауровым, Денисовым и др., пробивались мои отряды, восстанавливая ж.-д. полотно, на десятки верст снесенное и сожженное, строя заново мосты и возводя насыпи и плотины. Через три месяца „группа войск Ворошилова“ пробилась к Царицыну…»[363]

В БОЯХ ПОД ГОРОДОМ ЦАРИЦЫНОМ

Участие в обороне Царицына составляет, несомненно, основной эпизод в военной биографии Ворошилова. Он привел в Царицын несколько тысяч бойцов, из которых сформировали одну из дивизий фронта. Кроме того, было образовано еще несколько дивизий и отдельных бригад. Все они приказом РВС были объединены в 10-ю армию, во главе которой был поставлен К. Е. Ворошилов. Политкомиссаром армии стал Е. А. Щаденко. В состав армии вошла и кавалерийская дивизия Б. М. Думенко, одной из бригад этой дивизии командовал С. М. Буденный. Общее руководство обороной Царицына взял на себя Сталин, который находился там еще с начала июня 1918 года в качестве руководителя продовольственного дела на юге России, облеченного чрезвычайными правами. В течение многих месяцев под Царицыном шли с переменным успехом тяжелые бои главным образом с казачьими полками генерала Краснова. Ворошилов показал себя храбрым командиром. Но скорее это можно было отнести на счет его личной храбрости, а не военного таланта. Казачий журнал «Донская волна» в феврале 1919 года писал: «Нужно отдать справедливость Ворошилову, что если он не стратег в общепринятом смысле этого слова, то во всяком случае ему нельзя отказать в способности к упорному сопротивлению».

В те годы такая резкая критика Ворошилова не была единичным фактом. Еще раньше А. Е. Снесарев, военрук Северо-Кавказского военного округа и командующий отрядами, оборонявшими Царицын, в своей докладной записке на имя председателя Высшего военного совета писал:

«…т. Ворошилов как войсковой начальник не обладает нужными качествами. Он недостаточно проникнут долгом службы и не придерживается элементарных правил командования войсками»[364].

Гораздо более категоричным было мнение членов революционного трибунала, разбиравшего обстоятельства сдачи Харькова деникинским войскам летом 1919 года. Город защищали части 14-й армии, которой командовал Ворошилов. Члены трибунала пришли к выводу, что военные познания командарма не позволяют доверить ему даже батальон. Выявившаяся некомпетентность Ворошилова оказалась столь велика, что стала смягчающим вину обстоятельством, и трибунал ограничился только снятием его с должности.

Белым дивизиям не удалось в 1918 году захватить Царицын, и это значительно облегчило общее военное положение Советской

республики. Красная Армия еще только создавалась, и у Ворошилова нередко возникали острые конфликты с председателем РВС республики Л. Д. Троцким. Действия 10-й армии несли на себе еще сильный отпечаток партизанщины. К тому же Ворошилов долгое время отказывался использовать военных специалистов из числа офицеров старой армии. Конечно, за спиной Ворошилова стоял в данном случае Сталин, которому он уже тогда подчинялся почти беспрекословно. Когда Сталин покинул Царицын, Ворошилов был отстранен Троцким от командования 10-й армией. Украина в это время уже освобождалась от немецкой оккупации, и Ворошилова назначили наркомом внутренних дел Украинской советской республики. На VIII съезде РКП(б) Ворошилов был одним из лидеров так называемой «военной оппозиции», осужденной большинством съезда. Выступая на съезде, Ленин говорил:

«…Старая партизанщина живет в нас, и это звучит во всех речах Ворошилова и Голощекина. Когда Ворошилов говорил о громадных заслугах царицынской армии при обороне Царицына, конечно, тов. Ворошилов абсолютно прав, такой героизм трудно найти в истории… Но сам же сейчас рассказывая, Ворошилов приводил такие факты, которые указывают, что были страшные следы партизанщины. Это бесспорный факт. Тов. Ворошилов говорит: у нас не было никаких военных специалистов, и у нас 60 ООО потерь. Это ужасно… Героизм царицынской армии войдет в массы, но говорить, мы обходились без военных специалистов, разве это есть защита партийной линии… Виноват тов. Ворошилов в том, что он эту старую партизанщину не хочет бросить.

…Может быть, нам не пришлось бы отдавать эти 60000, если бы там были специалисты, если бы была регулярная армия…»[365]

ВО ГЛАВЕ ПЕРВОЙ КОННОЙ АРМИИ

Гражданская война на Украине отличалась особой ожесточенностью и сложностью, и Ворошилову не довелось спокойно работать в советском правительстве Украины. Он участвовал в боях с отрядами мятежного атамана Григорьева, Махно, затем во главе 14-й армии оборонял Екатеринослав, командовал внутренним Украинским фронтом. Под напором войск генерала Деникина Красной Армии пришлось оставить большую часть Украины. После образования Первой конной Ворошилов назначается членом РВС этой армии. Буденный, Ворошилов и Щаденко стояли во главе Первой конной осенью 1919 года, когда она вела ожесточенные бои с кавалерийскими дивизиями белых в Центральной России, а затем преследовала отступающего Деникина. Большую роль сыграла Первая конная в боях на Северном Кавказе. Бои в Таврии и в Крыму против войск генерала Врангеля, а затем против отрядов Махно и Петлюры завершили боевой путь Первой конной. От партийной организации этой армии Ворошилова направили на X съезд партии. Он был избран в президиум съезда и председательствовал на некоторых его заседаниях. Вместе с группой делегатов съезда участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа весной 1921 года. За эту военную операцию Ворошилова награждают вторым орденом Красного Знамени. С двумя орденами на груди он появился на очередном заседании съезда партии, за что и удостоился саркастического замечания Ленина. Для членов партии считалось тогда дурным тоном демонстрировать на деловых собраниях или даже на съездах свои награды. На следующее заседание Ворошилов пришел уже в вышитой украинской рубахе и без орденов. На X съезде партии Ворошилов был избран членом ЦК РКП(б). В состав ЦК в 1921 году входило всего 25 членов и 15 кандидатов.

К сожалению, уже в годы Гражданской войны и как военачальник, и как политработник Ворошилов отличился не только на полях сражений. Он, Щаденко и Буденный были причастны к аресту, суду и расстрелу знаменитого в то время героя Гражданской войны, организатора первых конных частей Красной Армии, «первой шашки республики» Б. М. Думенко. Сохранившиеся в деле Думенко ложные и даже нелепые показания Ворошилова, Щаденко, Буденного дали основание вынести поспешный и несправедливый приговор. Вот, например, что говорил Щаденко, имея в виду себя и Ворошилова: «…Мы старались Буденного навести на мысль, что, может быть, он не

понял Думенко и что Думенко затевает авантюру против советской власти, говоря о „черных тучах“, после этого Буденный решил, что, видимо, так оно и есть…» На письменных показаниях Буденного о том, что «со стороны Думенко наблюдались некоторые недовольства к политработникам… Приказы исполнялись Думенко не всегда аккуратно…», Ворошилов поставил «резолюцию»: «Сам он (Думенко. — *Авт.*) ничтожество»[366]. Орджоникидзе и Тухачевский просили поспешно созванный Ревтрибунал воздержаться от ареста или от сурового приговора. Однако организаторы фальсифицированного «дела Думенко» торопились, и сразу же после вынесения приговора он был расстрелян.

Обнаружились в Ворошилове склонности и к изрядному преувеличению своих достижений, и к присвоению чужих успехов. Например, докладывая о борьбе с мятежом Григорьева, он писал: «Под моим личным руководством банды были разбиты…» Одновременно им утверждалось: «Наши части никуда не годятся, а командный состав следует перевешать до единого».

В действительности же очень существенный вклад в разгром григорьевщины внесли командующие направлениями П. В. Егоров и П. Е. Дыбенко. Командующий Украинским фронтом В. А. Антонов-Овсеенко, которому было поручено командование всеми вооруженными силами Украины, отвергая притязания Ворошилова, писал: «Ворошилов был командующим на определенном участке внутреннего фронта. Имел на нем вначале большие неудачи, поправленные удачами на других участках, где командовал не он… Приписывать себе одному успех борьбы с Григорьевым он может лишь по большому недоразумению. Затем — донесения его штаба о разгроме Григорьева под Александрией оказались ложными…

Утверждения Ворошилова как в области его собственных успехов, так и относительно поведения наших частей постыдно преувеличены»[367].

ВО ГЛАВЕ ВОЕННЫХ ОКРУГОВ

Хотя Ворошилов не был профессиональным военным, его оставили после окончания Гражданской войны на военной работе. В 1921–1924 годах он командует крупным Северо-Кавказским военным округом. Партийным руководителем Северо-Кавказского края был в эти годы Микоян, с которым у Ворошилова установились дружеские отношения. Вместе с Орджоникидзе Ворошилов был введен в 1924 году в РВС СССР. Вскоре он стал членом Президиума РВС. Эти назначения явно преследовали цель ограничить влияние в РВС Троцкого и его ближайших сторонников. В мае 1924 года Ворошилова также назначают вместо Н. И. Муралова командующим Московским военным округом. Муралов был одним из героев Гражданской войны. Он отличился на Восточном фронте в боях против Колчака. Но он был политическим союзником и личным другом Троцкого, и Сталин хотел удалить его из московского гарнизона. Поэтому Муралов сменил Ворошилова на посту командующего Северо-Кавказским военным округом. В январе 1925 года ЦК партии принял отставку Троцкого. На пост наркома по военным и морским делам и председателя РВС СССР был назначен М. В. Фрунзе. Оставаясь командующим Московским военным округом, Ворошилов стал также заместителем Фрунзе.

Фрунзе возглавлял Красную Армию всего около года. Он умер в конце 1925 года во время неумело и халатно проведенной медицинской операции. Советский Союз располагал тогда хорошими кадрами боевых командиров, комиссаров и военных специалистов. Многие из них командовали в годы Гражданской войны не только отдельными армиями и дивизиями, но и фронтами, участвуя в планировании и проведении крупномасштабных военных операций. По военному опыту Ворошилов уступал многим. Он был далеко не первым среди равных. Однако некоторые из наиболее выдающихся полководцев Гражданской войны, как, например, Тухачевский, были новичками в большевистской партии и не занимали видного места в партийной иерархии. Некоторые из старых большевиков, отличившихся в годы Гражданской войны, как, например, М. М. Лашевич, хотя и были членами ЦК ВКП(б), но принимали участие в той или иной оппозиции. Поэтому кандидатура Ворошилова на пост наркома по военным и морским делам не вызвала возражений в политбюро, хотя это назначение и комментировалось весьма критически в кругах новой оппозиции.

Мы не собираемся здесь рассказывать о длительной и

многообразной деятельности Ворошилова как руководителя Наркомата по военным и морским делам. Строительству современной Красной Армии и Военно-Морского Флота в нашей стране в условиях капиталистического окружения придавалось не меньшее значение, чем созданию современной промышленности или развитию культуры. У Ворошилова как у наркома обороны было много дел и обязанностей. Однако он выполнял главным образом представительские функции и функции политического руководителя армии, мало занимаясь вопросами военной науки и изучением проблем военной стратегии. Этим он отличался от таких видных военных деятелей, как Б. М. Шапошников, который изучал проблемы деятельности армейских штабов (книга «Мозг армии»), как М. Н. Тухачевский, который считался знатоком стратегии (книга «Вопросы современной стратегии»), как К. Б. Калиновский, который изучал роль танковых соединений (книга «Танки»), и других. В сущности, Ворошилов так и не стал профессиональным военным, и ему не раз не хватало как общего, так и специального военного образования. Возможно, и сам он ощущал свое далеко не полное соответствие занимаемому посту и тем обязанностям, которые налагались на него. Он писал: «Если бы я обладал такими качествами, какие имелись у товарища Фрунзе, мне легко было бы выполнить свои партийные обязанности на той работе, которой я руковожу»[368].

Казалось бы, такая критическая самооценка должна была побудить Ворошилова к энергичной учебе. Но, увы, даже в ноябре 1927 года, беседуя с французской делегацией, он не без гордости говорил: «Я — рабочий, слесарь по профессии, и не имею специальной военной подготовки. Я не служил в старой, царской армии. Моя военная „карьера“ началась с того, что в 1906–1907 гг. я перевозил нелегально оружие из Финляндии в Донецкий бассейн и там строил вместе со всей нашей организацией большевистские военные рабочие дружины. Работал я в то время на заводе, а затем сидел, как полагается всякому приличному большевику, в тюрьмах, был в ссылке (с 1907 до 1914 г. я пробыл с маленькими промежутками в тюрьме и ссылке). С 1914 г. работал в Царицыне, затем в Ленинграде до апреля 1917 г. С апреля пошел на профессиональную партийную работу. В Красной армии работаю с марта 1918 г., но уже с ноября 1917 г. я был на военной работе в качестве революционного „градоначальника“ Ленинграда»[369].

Эти слова без дополнительных комментариев дают представление о том, кто был поставлен во главе военного ведомства. Однако в целом кадры Наркомата обороны в 1926–1936 годах отличались очень высоким профессиональным

уровнем. Для своего времени, может быть, это были лучшие в мире кадры военных руководителей.

В 1926 году Ворошилов был избран в члены политбюро. Едва ли можно было сомневаться в том, что в борьбе с «левой» оппозицией, в которой приняло участие очень много военных и военно-политических работников, Ворошилов неизменно находился на стороне Сталина и большинства ЦК. Например, в 1927 году он адресовал июльско-августовскому пленуму ЦК и ЦКК ВКП(б) свое заявление, направленное против Л. Д. Троцкого, в котором заодно отразилась и застарелая неприязнь Ворошилова к военным специалистам. В заявлении, в частности, говорилось: «Достаточно пробежать хотя бы один том его „сочинений“ „Как вооружалась революция“, чтобы понять эту несложную механику, с помощью которой с исторической сцены исчезают партия, тысячи славных рабочих-коммунаров, сам Ленин, и остается „сказочный герой“ Троцкий, который совместно с несколькими меньшего масштаба „героями“, большей частью специалистами, вооружал революцию»[370].

Ворошилов отличился в годы Гражданской войны. Но среди ее участников было немало людей, которые имели заслуги более весомые, чем он. Среди военачальников Гражданской войны некоторые пользовались большей популярностью и славой, чем Ворошилов. «Отставал» он и по числу боевых наград. У В. К. Блюхера, первого в республике награжденного орденом Красного Знамени, к концу 20-х годов было четыре ордена Красного Знамени, как у Я. Ф. Фабрициуса и И. Ф. Федько, не говоря уже о тех, кто был награжден трижды. Ворошилов был тщеславен, и Сталин использовал этот недостаток. Стала создаваться легенда о Ворошилове, особый культ «рабочего-полководца». Уже через год после назначения Ворошилова наркомом по военным и морским делам начали появляться первые его биографии и рассказы о его подвигах (см.: *Ефимов В. Гай Е.* С нами Ворошилов. М.; Л., 1926; *Вардин И.* Ворошилов — рабочий вождь Красной Армии. М., 1926 и др.). Поэт и писатель К. Алтайский написал не только сборник рассказов, но и поэму о Ворошилове, там есть такие строки:

…Поэт Владимир Маяковский
Зарисовал нам Ильича…
Поэт-партиец Безыменский
Дзержинского нарисовал…
Мы от эпохи поотстали,
Нас мелочи берут в полон.
Еще не зарисован Сталин,
Калинин песней обойден…

Большая тема нас пленила,
Звонка, как бой,
Остра, как штык.
Климент Ефремыч Ворошилов,
Боец, нарком и большевик.

Еще одну поэму о Ворошилове сочинил и 90-летний казахский акын Джамбул. «На тех, кто границы нарушить посмел, обрушишь войска ты, прекрасен и смел, батыр Ворошилов…»

Ворошилов не остался в долгу. В конце 1929 года была опубликована большая статья «Сталин и Красная Армия», положившая начало легенде о Сталине как наиболее крупном полководце Гражданской войны и организаторе главных побед Красной Армии. Ворошилов писал:

«В период 1918–1920 гг. т. Сталин являлся, пожалуй, единственным человеком, которого Центральный Комитет бросал с одного боевого фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее страшные для революции места. Там, где было относительно спокойно и благополучно, где мы имели успехи, — там не было видно Сталина. Но там, где… трещали красные армии, где контрреволюционные силы… грозили самому существованию советской власти… — там появлялся т. Сталин»[371].

Конечно, в 1929 году к историческим фальсификациям следовало подходить все же с некоторой осторожностью. В 1929 году Ворошилов вставляет в приведенный отрывок слово «пожалуй». Он говорит о Сталине как об «одном из самых выдающихся организаторов побед Гражданской войны». Через 10 лет можно было отбросить эти оговорки. В 1939 году в статье «Сталин и строительство Красной Армии» Ворошилов пишет:

«О Сталине, создателе Красной Армии, ее вдохновителе и организаторе побед, авторе законов стратегии и тактики пролетарской революции, будут написаны многие тома.

Мы, его современники и соратники, можем только дать кое-какие штрихи о его огромной и плодотворной военной работе»[372].

Вот еще один пример усердия «первого красного офицера» на этом поприще — выдержка из его выступления на собрании партактива московского гарнизона 20 января 1938 года:

«Ленин умер… На руководство партией претендовали Троцкий, Зиновьев, Каменев и другие. К нашему счастью, в партии имелись старые большевистские кадры, которые объединились и противопоставили чужакам и оппортунистам

революционную линию.

Среди этих людей был человек, доподлинный ленинец, настоящий его ученик. Товарищ Сталин стал заместителем Ленина не потому, что этого хотели те или другие отдельные товарищи или группы, а потому, что в процессе борьбы, в процессе страшных потрясений внутри партии товарищ Сталин определился как истинный партийный вождь, который не потеряется в трудных условиях, как человек, который знает, куда надо вести дело, чего надо добиваться, куда направлять рабочий класс»[373].

В конце 20-х годов Ворошилов еще сохранял черты самостоятельной личности. В 1928–1929 годах, когда Сталин развернул наступление на крестьянство, Ворошилов на заседаниях политбюро иногда высказывал сомнения относительно такой политики. Он опасался, что недовольство крестьянства отразится на боеспособности Красной Армии, укомплектованной главным образом за счет крестьянской молодежи. Слухи о расхождениях Ворошилова со Сталиным были, однако, настолько преувеличены, что находящийся в ссылке Троцкий в некоторых из своих писем говорил о возможности восстания крестьянства против Сталина под руководством Ворошилова и Буденного.

Когда И. Бабель написал в 1926 году знаменитый цикл рассказов «Конармия», Буденный был разгневан и обвинил его в клевете. Неприязненно встретила очерки Бабеля и современная ему критика. Однако не только А. М. Горький, но и Ворошилов встали тогда на защиту писателя.

В 30-е годы Ворошилов все более подпадает под влияние и власть Сталина. В это время он входил в самое ближайшее окружение Сталина и считался его фаворитом. Они сидели вместе в президиумах различных совещаний, стояли рядом на трибуне Мавзолея, вместе бывали на охоте, отдыхали на юге, проводили время на даче Сталина и в его квартире в Кремле. Довольно часто Сталин и Ворошилов посещали Горького, окончательно вернувшегося в СССР. Как-то Алексей Максимович прочел им свою сказку «Девушка и смерть». На последней странице текста сказки Сталин сделал надпись: «Эта штука сильнее, чем „Фауст“ Гете (любовь побеждает смерть). 11.X.31». На следующей странице Ворошилов написал и свой отзыв: «От себя скажу, я люблю М. Горького, как моего и моего класса писателя, который духовно определил наше поступательное движение».

Несколько раз Ворошилову приходилось выезжать за границу. На устраиваемых там приемах Климент Ефремович не танцевал — не умел. Военный офицер, который не умеет танцевать,

производил на Западе странное впечатление. По инициативе Ворошилова в многочисленных домах Красной Армии, которые создавались почти во всех крупных городах, и в командирских клубах в военных городках было введено обучение командиров современным европейским танцам, столь презираемым в 20-е годы комсомольской молодежью.

Конечно, гораздо важнее, чем введение танцев в армейский быт, было интенсивное техническое перевооружение Красной Армии, начавшееся в начале 30-х годов одновременно с форсированной индустриализацией страны. Партия не скрывала, что развитие военной промышленности и максимальное техническое оснащение армии и флота — одна из главных задач первой и второй пятилеток. Еще до 1930 года Красная Армия имела главным образом то оружие, которое досталось ей со времен Первой мировой и Гражданской войн. В следующие четыре года Красная Армия получила большое количество новых танков, артиллерии, средств связи, химической техники. Особенно большая забота была проявлена по отношению к Военно-Воздушным Силам, включая бомбардировочную авиацию и самолеты других типов. Был увеличен и модернизирован Военно-Морской Флот. Выступая на XVII съезде партии, Ворошилов утверждал, что Красная Армия к началу 1934 года технически оснащена лучше, чем французская и американская армии, и более механизирована даже, чем английская армия, которая считалась тогда лучшей в мире по техническому оснащению.

Культ Ворошилова после XVII съезда партии еще более возрос. В это время имена вождей присваивались многим городам и селам. Город Луганск был переименован в Ворошиловград. Крупный город на Северном Кавказе Ставрополь, входивший тогда в Орджоникидзевский край, был переименован в Ворошиловск (прежнее название возвращено городу в 1943 году, когда на Северном Кавказе началась новая волна переименований). Еще несколько городов и поселков в разных частях страны стали носить имя Ворошилова. Появились заводы, колхозы и горные вершины имени Ворошилова. Лучшие стрелки получали почетное звание «Ворошиловский стрелок». Тяжелый советский танк «КВ» был назван так в честь Ворошилова. В одной из областей деревня Остолопово и Остолоповский сельсовет были переименованы в деревню Ворошилове и Ворошиловский сельсовет.

Между тем управление и техническое оснащение Красной Армии в 30-е годы усложнялось, и Ворошилов уже не справлялся с решением сложных проблем военного строительства. В РВС

часто возникали разногласия, тем более что Ворошилов и Буденный продолжали преувеличивать роль крупных кавалерийских соединений в будущей войне, тормозя мотомеханизацию армии.

Перемены были необходимы. В 1934 году Наркомат по военным и морским делам был преобразован в Наркомат обороны. Одним из заместителей Ворошилова стал М. Н. Тухачевский. В книге Лидии Норд о Тухачевском приводится такой отзыв о Ворошилове:

«Все пойдет по-новому, — продолжал он (Тухачевский. — *Авт.*) уже за столом. — Мы с Ворошиловым, Егоровым, Блюхером, Орджоникидзе и другими, вошедшими в Совет Обороны, три недели сидели, днями и ночами, за планами. Ворошилов, надо сказать, очень дубоват, но у него есть то положительное качество, что он не лезет в мудрецы и со всем охотно соглашается…»[374]

Однако переход Красной Армии к механизированным частям и соединениям надолго задержался. Даже в 1938 году Ворошилов все еще утверждал:

«Конница во всех армиях мира переживает, вернее, уже пережила кризис и во многих армиях почти что сошла на нет… Мы стоим на иной точке зрения… Мы убеждены, что наша доблестная конница еще не раз заставит о себе говорить как о мощной и победоносной Красной кавалерии… Красная кавалерия по-прежнему является победоносной и сокрушающей вооруженной силой и может и будет решать большие задачи на всех боевых фронтах»[375].

Такое упорное сопротивление давно назревшим переменам не может не удивлять. Более того, оно покажется и вовсе абсурдным, если вспомнить, что тому же Ворошилову принадлежит другое, вполне разумное высказывание:

«Современный фронт, насыщенный до крайности пулеметным огнем, вряд ли может быть пробит без помощи танка»[376].

Объяснить такую «странность» мышления можно тем, что, не обладая необходимой эрудицией и будучи не в силах поспеть за развитием военной техники и новых форм ее боевого применения, чувствуя все большее и большее свое отставание от современного ему уровня стратегического мышления, но в то же время никак не желая расстаться со своим высоким постом, Ворошилов при прямой поддержке Сталина всячески оттягивал переход РККА к новым принципам организации и управления. Это вызывало критику тех, кто верно понимал характер грядущей войны и не мог смириться с ошибочной позицией наркома обороны. Среди этих высших военачальников был и М. Н. Тухачевский, который, например, в своей статье, опубликованной

в «Красной звезде» буквально накануне его ареста, писал:

«Нам пришлось столкнуться с теорией „особенной“ маневренности Красной Армии, — теорией, основанной не на изучении и учете нового вооружения… а на одних лишь уроках Гражданской войны… Некоторые даже утверждали, что для подготовки атаки бойца Красной Армии можно израсходовать меньше артиллерийских снарядов, чем для подготовки атаки солдата капиталистической армии, объясняя это превосходством духа красноармейца. На самом деле эта самовлюбленность могла бы повлечь напрасные кровавые потери в боях и крупнейшие неудачи»[377].

Понятно, что судьба всех несогласных с точкой зрения наркома обороны СССР Ворошилова, а значит, и с мнением самого Сталина была предрешена…

В ГОДЫ ТЕРРОРА (1936–1938)

«Великий террор» второй половины 30-х годов с особой жестокостью обрушился на военные кадры Советского государства. Без преувеличения можно сказать, что основная и, как правило, лучшая часть руководящих кадров Красной Армии и Военно-Морского Флота была безжалостно перебита в 1936–1938 годах. Эти люди погибли не на поле боя, а в подвалах Лубянки и других тюрьмах страны, а также в «трудовых» концлагерях. Точных данных на этот счет ни у кого нет, но можно с достаточной долей уверенности сказать, что погибло от 25 до 30 тысяч кадровых командиров и военно-политических работников Красной Армии и флота. В 1935 году в СССР ввели звание маршала. Его присвоили пяти военачальникам: Ворошилову, Буденному, Блюхеру, Тухачевскому и Егорову. Но уже в 1937–1939 годах Блюхер, Тухачевский и Егоров были расстреляны как «враги народа». Из комсостава 1935 года во время террора погибли: из 16 командармов 1-го и 2-го ранга — 15, из 67 комкоров — 60, из 199 комдивов репрессировано 136, из 397 комбригов — 221. Из четырех флагманов флота погибло четверо, из шести флагманов 1-го ранга — шестеро, из 15 флагманов 2-го ранга — девять. Погибли все 17 армейских комиссаров 1-го и 2-го ранга, а также 25 из 29 корпусных комиссаров. Из 97 дивизионных комиссаров было арестовано 79, из 36 бригадных комиссаров — 34. Была арестована третья часть военкомов полков[378].

Какова роль в этом страшном избиении военных кадров наркома Ворошилова? У нас нет данных о том, что именно он составлял проскрипционные списки для арестов и расстрелов. Но Сталину и не нужно было, чтобы Ворошилов занимался арестами. Достаточно было того, что он давал санкцию на них и подписывал большую часть списков вместе со Сталиным и Ежовым. Никто из видных военачальников не мог быть арестован без ведома и согласия наркома обороны. И Ворошилов всегда давал такое согласие. Ворошилов способствовал разжиганию шпиономании в армии и на флоте. Еще в августе 1937 года, то есть вскоре после военного суда и расстрела М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича, Б. М. Фельдмана, А. И. Корка и других и самоубийства заместителя Ворошилова Я. Б. Гамарника, нарком обороны Ворошилов и нарком внутренних дел Ежов подписали совместный приказ по Вооруженным Силам СССР. В нем утверждалось, что в СССР, и особенно в Красной Армии, создана разветвленная сеть шпионов различных государств. Отсюда вытекало требование:

всем, кто как-то связан со шпионами, — сознаться; а тем, кто что-то знает или подозревает о шпионской деятельности, — донести. Репрессии нанесли страшный урон боеспособности РККА, обескровили ее кадровый состав, но это не помешало Ворошилову, выступая 23 марта 1939 года перед военными — делегатами XVIII съезда ВКП(б), заявить:

«Мы в основном уже очистились от шпионской мрази, но у нас агенты гестапо еще имеются»[379].

В ряде случаев Ворошилов выступал и в роли прямого соучастника репрессивных органов. И. Федько, назначенный после гибели Тухачевского и Гамарника первым заместителем наркома обороны, оказал явившимся к нему работникам НКВД вооруженное сопротивление и приказал своей охране держать их под прицелом. Одновременно Федько тут же позвонил Ворошилову. Тот сказал Федько, что он, Ворошилов, лично во всем разберется. Но вместе с тем Ворошилов приказал Федько прекратить сопротивление и «временно» подчиниться работникам НКВД. Вскоре Федько был расстрелян по списку, который, несомненно, подписали не только Сталин и Ежов, но и Ворошилов. А вот что рассказывает Г. Л. Блюхер, вдова В. К. Блюхера:

«…нарком (Ворошилов. — *Авт.*) предложил „отдохнуть“ Блюхеру В. К. с семьей на его личной даче „Бочаров ручей“ в Сочи.

И там, в роскошной по тем временам „ловушке“, были арестованы Василий Константинович Блюхер, затем я, затем брат В. К. Блюхера — Блюхер Павел Константинович, капитан ВВС…»[380]

Некоторых из военных атташе СССР за границей вызывали в Москву на прием к Ворошилову, и их арестовывали в приемной наркома обороны. Было очевидно, что это делается с его согласия и одобрения.

Когда Гитлер готовился к нападению на СССР, то он без обиняков ссылался на уничтожение советских военных кадров как на благоприятный для Германии фактор, а фельдмаршал Ф. фон Бок писал:

«С русской армией можно не считаться как с военной силой, ибо кровавые репрессии подорвали ее дух, превратили в инертную машину»[381].

Можно оспорить такие суждения, можно показать их опрометчивость, но нельзя отрицать того, что наряду с другими обстоятельствами и эти оценки использовались нацистским руководством при выработке своих планов.

НЕУДАЧИ В СОВЕТСКО-ФИНСКОЙ ВОЙНЕ

Красная Армия крайне ослабла в результате массовых репрессий. Дело было не только в потере первоклассного состава высших советских кадров. Снизилась дисциплина в армии, где солдаты и младшие командиры переставали доверять старшим командирам. Быстрое выдвижение новых кадров происходило зачастую просто по анкетным данным. При этом командиры взводов становились командирами батальонов, а то и полков, командиры полков и батальонов — командирами дивизий. Почти парализована была на два-три года деятельность военных академий, ослабла военно-инженерная и конструкторская работа. Многие важнейшие начинания прежних командующих были прекращены: например, формирование партизанских баз в западных областях, остановилось строительство оборонительных рубежей вдоль прежней государственной границы. Армия увеличивалась численно, возрастало число полков, дивизий, армейских соединений, но кадров и военного опыта у новых командиров не хватало. А между тем началась Вторая мировая война, и это обстоятельство повышало требования к Красной Армии. Ворошилов, Буденный и новые маршалы СССР — С. К. Тимошенко, Г. И. Кулик, — все из бывшей Первой конной, пытались навести порядок и дисциплину в армии, но не всегда успешно.

Об одном из таких визитов Ворошилова в расположение полка рассказывал не без юмора известный комедийный артист Ю. Никулин, которого призвали в армию перед Отечественной войной:

«Как-то к нам в полк приехал Климент Ефремович Ворошилов. Он был в кубанке, короткой куртке, отороченной мехом, сбоку — маленький браунинг в кобуре. Побывал он и на нашей батарее. Учебная тревога прошла хорошо. Потом Ворошилов вместе с сопровождающими зашел в столовую. Повар, увидев легендарного маршала, от неожиданности потерял дар речи.

— Что, обед готов? — спросил Климент Ефремович.

— Нет, — чуть слышно пролепетал повар. — Будет через час.

— Ах, хитрец, — сказал, улыбаясь, маршал, — боишься, что обедать у вас останемся? Не останемся, не бойся.

Он вышел из столовой и приказал выстроить батарею. Климент Ефремович за отличную боевую подготовку объявил всем благодарность и, сев в черную „эмку“, уехал.

Приезд Ворошилова на нашу батарею стал огромным

событием. Мы в деталях подробно обсуждали все, что произошло. У нас-то все прошло хорошо, а вот в соседнем полку, рассказывали, вышел казус. На одну из батарей Ворошилов нагрянул неожиданно. Дневальный, растерявшись, пропустил начальство, не вызвав дежурного по батарее и не доложив ему о приезде маршала.

— Где комбат? — сразу спросил Ворошилов.

— А вон, в домике, — ответил дневальный.

Ворошилов прошел к домику, отворил дверь и видит: сидит за столом спиной к двери командир батареи в одних трусах и что-то пишет в тетрадке. Ворошилов кашлянул. Комбат обернулся и, тут же подскочив, воскликнул:

— Климент Ефремович! Это вы?!

— Это я, — сказал Ворошилов. — А как ваше имя-отчество?

— Да Павлом Алексеевичем зовут.

— Очень приятно, Павел Алексеевич, — ответил Ворошилов и… взяв комбата под руку, повел его на позицию.

Так и шел комбат на глазах у всех — в трусах — и по приказу Ворошилова объявил тревогу.

Когда все собрались, Ворошилов дал задание: там-то, на такой-то высоте самолет противника. Открыть огонь.

От неожиданности и неподготовленности все пошло скверно: орудия смотрели во все стороны, но только не на цель.

Ворошилов, ни слова не говоря, сел в машину и уехал»[382].

Стремясь создать более выгодные в стратегическом отношении границы на западе, Сталин решил отодвинуть советско-финскую границу, которая на Карельском перешейке проходила слишком близко от Ленинграда. Сам Сталин принял в Кремле финскую делегацию во главе с Юхо Кусти Паасикиви и предложил обменять территорию в 2700 квадратных километров вблизи Ленинграда на 5500 квадратных километров в Карелии. Однако финны должны были потерять при этом не только экономически более освоенные территории, но и свои главные линии укреплений. Финское правительство отклонило это предложение и не реагировало на прямые угрозы войны, с которыми выступил Молотов. Шел ноябрь 1939 года, и финны думали, что Советский Союз не решится начать войну перед началом зимы. Это было заблуждение: утром 30 ноября первые бомбы упали на Хельсинки и Красная Армия перешла советско-финскую границу. Но это была и большая ошибка Сталина, пребывавшего в уверенности, что речь будет идти о короткой и не слишком дорогостоящей военной акции. Ведь против маленькой Финляндии была развернута армия в 450 тысяч человек, 1700 орудий, 1000 танков и 800 самолетов. Финляндия имела под

ружьем 215 тысяч солдат, но всего 75 боевых самолетов, 60 старых танков, несколько сотен орудий[383]. Однако только первую линию финской обороны Красная Армия одолела без большого труда. На второй линии советские части завязли в боях. Атака шла за атакой, но успеха не было. Финны храбро оборонялись, они оказались лучше подготовлены к войне в зимних условиях. Одна за другой втягивались в войну все новые советские дивизии. Ворошилов лично руководил боевыми действиями, часто выезжая на фронт. Однако каждый километр занятой у противника территории приходилось буквально устилать телами убитых и замерзших солдат. Раненые и обмороженные исчислялись сначала десятками, а потом и сотнями тысяч. Зима 1939/40 года оказалась невероятно суровой, морозы достигали временами 50 градусов. В таких условиях батальон финских лыжников мог и остановить, и разбить дивизию Красной Армии.

Неудачи Красной Армии вызывали раздражение и гнев Сталина. Еще до поражения Финляндии Сталин на многих неофициальных встречах выражал по этому поводу свое недовольство. Н. С. Хрущев вспоминал позднее:

«Сталин в беседах, которые были, критиковал военное ведомство, он критиковал Министерство обороны, он критиковал особенно Ворошилова, все сосредоточивал на персоне, на Ворошилове… Я согласен был со Сталиным, и другие были согласны с этой критикой, потому что действительно в первую голову отвечал Ворошилов, потому что он много лет занимал пост министра обороны… Я помню, когда Сталин в пылу гнева острой полемики, а это не на каких-либо заседаниях, это происходило на квартире в Кремле и на Ближней даче. Вот там, я помню, когда Сталин очень критиковал, разнервничался, встал, значит, на Ворошилова, Ворошилов тоже… вскипел, покраснел, поднялся… говорит на критику Сталина: „Ты виноват в этом, ты истребил кадры военные…“ И Сталин ему соответствующую дал отповедь…»[384]

Уже в январе 1940 года Сталин фактически отстранил Ворошилова от непосредственного руководства военными операциями, назначив командующим действующей армией маршала С, К. Тимошенко. Тимошенко получил подкрепление, в том числе несколько дивизий из Сибири. Имея почти 500-тысячную армию, Тимошенко начал генеральное наступление. Лед Финского залива стал столь крепким, что советские танки могли двигаться по нему в обход Выборга. В конечном счете СССР одержал победу, но крайне дорогой ценой. По советским данным, СССР потерял более 250 тысяч солдат[385]. По западным оценкам,

потери нашей страны исчислялись примерно в 300 тысяч солдат.

Итоги Финской кампании рассматривались в апреле 1940 года на расширенном заседании Высшего военного совета. На этом совещании много и довольно остро говорил о промахах наркома обороны Ворошилова Л. З. Мехлис. Некоторые из выступавших спорили с Мехлисом, но было ясно, что сам такой спор стал возможен лишь с одобрения Сталина, Были приняты решения, направленные на усиление боеспособности Красной Армии. Неофициально Сталин дал указание реабилитировать и освободить часть репрессированных командиров Красной Армии. Одновременно было принято решение освободить Ворошилова от обязанностей наркома обороны СССР. На этот пост был назначен С. К. Тимошенко. Во время обороны Царицына Тимошенко командовал полком, в Первой конной армии он был командиром дивизии. После гибели И. Э. Якира Тимошенко возглавил Киевский военный округ, а с января 1940 года командовал войсками на Советско-финском фронте.

Чтобы как-то смягчить удар по престижу Ворошилова, его наградили орденом Ленина и назначили заместителем председателя Совета народных комиссаров. В феврале 1941 года имя Ворошилова было присвоено Академии Генштаба. Однако его реальное влияние в партийной и военной иерархии явно уменьшилось.

ВОРОШИЛОВ В ГОДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Отечественная война началась для Красной Армии тяжелыми поражениями. Уже к концу первого дня гитлеровцы добились ощутимого успеха, а Наркомат обороны и Генеральный штаб стали утрачивать нити управления войсками. Сталин на несколько дней уединился на своей даче и никого не принимал. Во главе созданной 23 июня 1941 года Ставки Главного командования встал Тимошенко. Важная роль принадлежала и Жукову, возглавлявшему Генеральный штаб. Особо тяжелое положение создалось на основном, Западном фронте. Ставка направила туда маршалов Шапошникова, Кулика и Ворошилова. Но и они не смогли ничего изменить или даже овладеть управлением войсками, чтобы упорядочить отступление. Видя разгром и беспорядочный отход многих частей, Ворошилов и Шапошников предложили создать новую линию обороны не по реке Березине, а гораздо восточнее — по среднему течению Днепра. Фактически продвижение немцев удалось временно приостановить еще восточнее — в боях за Смоленск.

Главная ответственность за поражения первого периода войны лежит, конечно, на Сталине. Но и спрос с Ворошилова также очень велик. Он виновен в том, что допустил избиение военных кадров. Он успокаивал страну речами, что Красная Армия якобы имеет более мощные огневые средства, чем любая другая армия, между тем как немецкая армия имела преимущество по большинству видов вооружения. Ворошилов как нарком обороны чрезвычайно преувеличивал роль конницы в будущей войне в ущерб развитию танковых соединений и войск ПВО.

1 июля 1941 года Ворошилова отозвали в Москву. Сталин вернулся к руководству страной и армией. Был создан Государственный Комитет Обороны, в который вошел и Ворошилов. Сталин возглавил Ставку Верховного командования. Буденный — Юго-Западное направление обороны, Тимошенко — Западное, Ворошилов — Северо-Западное. 11 июля Ворошилов с небольшим штабом прибыл в Ленинград, чтобы принять командование отступающими войсками на Северо-Западе. Интересно, что уже в июле не только молодые бойцы, но даже школьники разучивали новую песню, в который был такой припев:

Призыв раздается;
К победе вперед!
В своих полководцах уверен народ.
Веди, Ворошилов,
Веди, Тимошенко,
Веди нас,
Буденный,
В священный поход!

Этот припев был, видимо, добавлен к песне после решения о создании трех оборонительных направлений.

Прибытие Ворошилова и его штаба в Ленинград не вызвало в потрепанных и усталых войсках особого воодушевления. И командиры, и партийные работники на Северо-Западе еще хорошо помнили о неудачной Финской кампании. Тем не менее ленинградская печать приветствовала Ворошилова. По многим предприятиям прошли митинги и собрания. В резолюции, принятой на собрании рабочих и служащих Кировского завода, утверждалось: «Назначение товарища Ворошилова на пост Главнокомандующего войсками Северо-Западного направления еще раз говорит о том, какое громадное внимание партия и правительство уделяют колыбели социалистической революции — городу Ленина… Да здравствует славный полководец Клим Ворошилов! Да здравствует знамя наших побед — великий Сталин!»[386]

Ленинградские поэты сочинили наскоро «Ленинградский марш»:

Трубы, трубите тревогу,
Стройся, к отряду отряд.
Смело, товарищи, в ногу,
В бой за родной Ленинград!..
Всех нас война подружила,
Думой спаяла одной.
В бой нас ведет Ворошилов,
Жданов зовет нас на бой!

Но назначение Ворошилова не изменило неблагоприятной обстановки на фронте. Отступление Красной Армии в Прибалтике продолжалось, и лишь на отдельных участках сражения шли с переменным успехом. К счастью для города, не слишком активно действовала ослабленная недавней войной финская армия. Тем не менее линия фронта постепенно перемещалась на восток, а

численность советских войск и их вооружение уменьшались. Осложняла положение и необходимость эвакуации сотен тысяч людей и множества предприятий из Прибалтики главным образом через Ленинград.

В августе гитлеровцы вышли на дальние подступы к Ленинграду. Ворошилов действовал храбро, но неумело. У него было достаточно смелости, и он часто выезжал на передний край обороны в зону прямой видимости противника. Но ему не хватало твердости в руководстве войсками. В конце августа Ленинград был почти окружен и лишился железнодорожной связи со страной.

9—10 сентября, после потери Шлиссельбурга, Ленинград был окружен окончательно. Ворошилов 10 сентября лично возглавил атаку морских пехотинцев, но это был скорее акт отчаяния. Сталин принял решение сместить Ворошилова и назначить на его место генерала армии Жукова. Жуков немедленно вылетел в Ленинград и прямо с аэродрома отправился в Смольный. С собой он вез короткую записку Сталина Ворошилову: «Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву».

Появление Жукова прервало совещание Военного совета фронта, на котором обсуждалось, что надо сделать, если не удастся удержать Ленинград. Но этот вопрос отпал сам собой, так как Жуков привез и приказ Сталина: не сдавать Ленинград, чего бы это ни стоило.

Никаких формальностей при сдаче командования фронтом не было, и Жуков доложил по прямому проводу в Ставку: «В командование вступил». Ворошилов собрал генералов штаба, чтобы попрощаться. «Отзывает меня Верховный, — с горечью сказал маршал. — Нынче не Гражданская война — по-другому следует воевать…» Ворошилов хотел перед отлетом в Москву дать Жукову какие-либо советы, но последний довольно резко отказался от разговора с ним. Начавшийся уже через несколько дней новый штурм немцами Ленинграда был отбит под командованием Жукова. Как представитель Ставки, Ворошилов некоторое время помогал своему другу, командующему 54-й армией Кулику, который пытался пробиться на помощь Ленинграду с востока. Однако маршал Кулик оказался неспособным умело руководить армией и потерпел поражение. Он был также смещен и строго наказан.

Ворошилова Сталин пощадил. Назначил от ГКО контролировать подготовку резервов Красной Армии в Московском, Приволжском, Среднеазиатском и Уральском военных округах. В сентябре 1942 года Ворошилов стал

Главнокомандующим партизанским движением. Ему был подчинен созданный еще весной 1942 года Центральный штаб партизанского движения, возглавляемый П. К. Пономаренко, первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии. Он-то и был главным руководителем партизанского движения, ибо участие Ворошилова было лишь эпизодическим и формальным. Также чисто формальным было участие Ворошилова и в работе тыла. Бывший заместитель наркома вооружений в 1941–1948 годах В. Н. Новиков вспоминал:

«В 1942 г. приехал в Ижевск член ГКО К. Е. Ворошилов, который занимался тогда формированием новых воинских подразделений. Он провел смотр созданных в нашем регионе воинских частей. На другое утро Климент Ефремович выразил желание осмотреть завод. Начали с цехов, где выпускали винтовки. Когда он пришел на сборку, то на двух конвейерах винтовки текли (ширина конвейерной ленты была около метра) буквально рекой. Операции были разбиты на очень мелкие, с тем чтобы быстрее обучать людей сборке. Ворошилов долго стоял, смотрел, потом говорит мне: „Товарищ Новиков, неужели винтовки могут выпускаться рекой?“ Я сказал, что так идет производство круглые сутки. Он покачал головой и предложил продолжить знакомство с другими цехами. В 6 час. вечера Климент Ефремович неожиданно попросил меня вернуться вместе с ним еще раз в сборочный цех. Пришли — и опять река винтовок. Он сказал: „Чудеса!“[387]»

Когда Красная Армия начала продвигаться на запад, Ворошилов возглавил Трофейный комитет. Он выполнял и другие поручения: вел переговоры с английской военной делегацией, участвовал в Тегеранской конференции, был председателем комиссий по перемирию с Финляндией, Венгрией и Румынией.

Иногда, впрочем, Ворошилов выезжал и на фронт как представитель ГКО. Известен случай, когда во время такой поездки он пожелал прибыть в 9-ю Краснознаменную пластунскую дивизию не на автомобиле, а верхом, мотивируя это своим знанием психологии казаков[388]. В книге В. Карпова «Полководец» рассказывается о том, как в 1944 году после блестяще проведенного Отдельной Приморской армией десанта и захвата плацдарма на Керченском полуострове для координации действий сухопутных войск и флота туда прибыл Ворошилов. Он приказал самолично провести силами Азовской флотилии еще одну десантную операцию, которая закончилась полной неудачей. Но вина за нее была возложена Сталиным на генерала И. Е. Петрова, и потому его временно отстранили от командования армией и понизили в должности[389].

Чем дальше войска Красной Армии продвигались на запад, тем меньше Ворошилов принимал участия в военных делах. В 1943 году он был, например, назначен одним из руководителей комиссии по созданию нового гимна СССР. Десятки раз он прослушивал исполнение многих его вариантов, прежде чем утвердить окончательный. За время войны на груди Ворошилова появилось мало новых наград. Он был награжден в 1944 году орденом Суворова. Свое первое звание Героя Советского Союза Ворошилов получил через 11 лет после окончания войны, к своему 75-летию. Это была просто награда в честь юбилея. На трибуне Мавзолея во время Парада Победы рядом со Сталиным стояли Жуков, Ворошилов и Буденный. Но для Ворошилова это был один из последних эпизодов в его жизни, когда ему пришлось надеть военную форму.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

После войны Ворошилов почти полностью отошел от военных дел. Как член политбюро и Бюро Совета министров СССР он получил новое поручение — возглавил различные управления по культуре. Надо сказать, что Ворошилов иногда «курировал» культуру и до войны. Он, например, вел переписку с Репиным. Сталин очень хотел, чтобы великий русский художник вернулся в СССР. Давние дружеские отношения связывали Ворошилова с художником Налбандяном. Ворошилов же (вместе с Молотовым) осматривал скульптуру «Рабочий и колхозница», перед тем как Сталин осмотрел и одобрил ее. Писатель А. Рекемчук так рассказывает об этом:

«Молотов и Ворошилов остановились, не дойдя полусотни шагов до статуи.

— Ну как? — спросил Молотов. — На свежий взгляд?

Ворошилов смотрел, запрокинув голову.

— Что молчишь? — обеспокоился Молотов. — Неужели не нравится?

— Нравится-то нравится…

— Так что же?

— Первый раз в жизни вижу, чтобы рабочий держал молот в левой руке.

Председатель Совнаркома вдруг оживился, стекла его пенсне засверкали:

— А может быть, он левша? Ты Лескова читал?

— Ладно, — кивнул Ворошилов. Но тотчас, оглянувшись, строго спросил Мухину: — Почему у девушки мешки под глазами? Нельзя ли убрать?

— Хорошо, уберу, — пообещала Вера Игнатьевна.

Климент Ефремович, наклонясь к самому уху Молотова, сказал что-то. Подав знак, чтобы все оставались на месте, они вдвоем обошли изваяние кругом, бдительно вглядываясь в складки шарфа и отметенной ветром юбки (был донос, что в складках просматривается бородатое лицо. — *Р. М.*).

Но при всем тщании нельзя было увидеть того, чего не было и не могло быть.

Они вернулись.

— Что хорошо, то хорошо, — заключил процедуру осмотра Молотов.

А Ворошилов впервые улыбнулся:

— Что здорово, то здорово!

Они направились к машинам, ждавшим у ворот»[390].

И вот теперь Ворошилов был поставлен во главе Бюро культуры при Совете министров СССР. В ведении этого Бюро находились деятельность театров страны, Комитета по делам кинематографии, книгоиздательское дело. В служебном кабинете Ворошилова в Кремле теперь можно было встретить не генералов, а режиссеров, директоров крупных издательств, некоторых артистов. Конечно, основные вопросы культуры решались и ныне помимо Ворошилова. Так, например, ни один кинофильм не выходил на экраны страны без предварительного просмотра самим Сталиным. Однажды режиссер М. И. Ромм долго беседовал с Ворошиловым о создании документальных фильмов к 10-летию битвы под Москвой. Вместе с тем ощущалось, что Ворошилов находится при культуре, а не во главе ее, он просто опасался что-нибудь решать самостоятельно, хотя и был членом политбюро. «Чувствую, что старею и глупею», — сказал в конце беседы Ворошилов.

Чаще всего Ворошилов вмешивался в музыкальные дела, в работу Союза композиторов, оперы, музыкальных театров. У него были некоторые музыкальные способности, он хорошо знал украинские народные песни и любил хоровое пение. Видимо, этого было достаточно, чтобы он возомнил себя таким же «специалистом» по музыке, каким считал себя А. А. Жданов. Ворошилов с большим старанием давал многим композиторам и интерпретаторам различные указания. Один известный артист рассказывал Д. Шостаковичу, как он однажды пел вместе со Сталиным, Ворошиловым и Ждановым. Это было после одного приема, когда все были сильно навеселе. Солисты Большого театра сопровождали пение вождей. Сталин дирижировал, ибо и здесь он не мог позволить кому-то командовать.

Сталин в эти годы не только не считался с Ворошиловым, но часто выказывал ему пренебрежение и недоверие. Существует легенда, что в 1949 году была сделана попытка арестовать жену Ворошилова, которая, как и жена Молотова, была еврейкой. И будто бы Ворошилов схватил не то шашку, не то пистолет и выгнал из своей квартиры явившихся туда чекистов. Эта легенда не соответствует действительности. Никаких попыток арестовать жену Ворошилова не предпринималось. Но некоторые из его родственников были арестованы. К тому же сам Ворошилов все более попадал в опалу «при дворе» Сталина.

На одном из заседаний политбюро после войны обсуждался вопрос о путях развития советского Военно-Морского Флота. На заседание были приглашены командующие основными флотами. Как обычно, Сталин предложил высказываться всем присутствующим, оставляя за собой последнее слово. Мнение

Ворошилова не совпало, однако, с мнением большинства. Завершая прения, Сталин не просто отверг предложения Ворошилова, но при этом сказал: «Не понимаю, для чего хочется товарищу Ворошилову ослабить советский Военно-Морской Флот». Он повторил эту зловещую фразу еще два раза. После заседания все его участники пошли по приглашению Сталина смотреть кинофильм «Огни большого города», который Сталин уже много раз видел. В небольшом просмотровом зале стояли столики с закуской. Никто из присутствующих не сел уже за столик к Ворошилову, он оставался в одиночестве. Когда после окончания фильма зажегся свет, Сталин обернулся и, увидев одиноко сидящего Ворошилова, неожиданно встал и, подойдя, положил ему руку на плечо. «Лаврентий, — обратился Сталин к Берии. — Надо нам лучше заботиться о Ворошилове. У нас мало таких старых большевиков, как Клим Ворошилов. Ему нужно создать хорошие условия». Все молчали, ибо трудно было понять, почему именно к Берии обращался Сталин с предложением «позаботиться о Ворошилове». Заместитель командующего ВМФ СССР И. С. Исаков, присутствовавший на этом заседании политбюро, записал свои впечатления сразу же по приходе домой.

Сталин не только отдалил от себя Ворошилова, но неоднократно выражал ему в присутствии других членов ЦК политическое недоверие и даже заявлял иногда, что Ворошилов является… английским шпионом. Нередко его не приглашали на заседания политбюро. Были случаи, когда Ворошилов, узнав о предстоящем заседании, звонил личному секретарю Сталина А. Поскребышеву и униженно просил: «Узнайте, пожалуйста, можно ли мне приехать на заседание политбюро?»

Тем не менее в 1952 году Ворошилов председательствовал на последнем заседании XIX съезда партии и закрывал этот съезд. Ворошилов был избран в состав расширенного Президиума ЦК КПСС и в состав Бюро Президиума из девяти человек. До конца жизни Сталина только двое членов высшего руководства партии обращались к нему на «ты» — Молотов и Ворошилов. При этом Ворошилов часто называл Сталина Коба.

ВОРОШИЛОВ — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Сразу после смерти Сталина Ворошилов принял участие в совещаниях высших должностных лиц партии и государства, на которых шла речь о распределении власти. В это время пост председателя Президиума Верховного Совета занимал Н. М. Шверник. Он не пользовался большим влиянием и даже не был после войны полноправным членом Политбюро, но лишь его кандидатом. До войны Шверник возглавлял советские профсоюзы. Теперь было решено снова назначить его председателем ВЦСПС. На пост главы Советского государства, то есть председателя Президиума Верховного Совета СССР, был избран Ворошилов.

Вскоре после смерти Сталина Президиум Верховного Совета СССР постановил объявить весьма широкую амнистию, на основании которой из тюрем и лагерей были освобождены сотни тысяч осужденных, главным образом уголовных преступников и так называемых «бытовиков». Поскольку Указ Президиума был подписан Ворошиловым, эта амнистия получила в народе название «ворошиловской». Об этой амнистии многие помнят и до сих пор. Несомненно, для множества людей она была большим благом — в сталинские времена длительные сроки заключения получали многие и за весьма незначительные правонарушения. К различного рода «бытовым» преступлениям людей часто вынуждала тяжелая жизнь. Под амнистию попало и очень небольшое число политзаключенных, но не более одного процента от общего их количества. Видимо, на основании тайной инструкции Берии под амнистию попали и злостные уголовные преступники, грабители, убийцы, рецидивисты, которые, если строго придерживаться текста амнистии, должны были оставаться в лагерях. Берия хотел осложнить обстановку в городах и продлить в них (особенно в Москве) пребывание специальных войск МВД. И действительно, сразу же после «ворошиловской» амнистии в Москве и во многих крупных городах резко возросла преступность и участились наглые ограбления граждан, квартир, магазинов. В результате милиция получила особые полномочия по борьбе с преступностью. Но все это не спасло Берию от возмездия. Чекистам недолго пришлось петь свой новый гимн, написанный к их 35-летнему юбилею, то есть к декабрю 1952 года. В этом гимне их называли «любимцами Сталина, питомцами Берии».

Ворошилов поддержал Маленкова и Хрущева при смещении Берии. После предварительной беседы с Маленковым о Берии Ворошилов не только дал согласие на его арест, но даже расплакался от волнения. Он слишком долго боялся, что Берия действительно возьмет на себя «заботу» о нем.

После ареста Берии в народе была некоторое время популярна частушка:

Цветет в Тбилиси алыча
Не для Лаврентий Палыча,
А для Климент Ефремыча
И Вячеслав Михалыча…

Начавшаяся реабилитация «врагов народа» и особенно доклад Н. С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 года «О культе личности и его последствиях» поставили вопрос об ответственности тех, кто помимо Сталина входил в структуру власти и более или менее благополучно пережил эти годы. Но ни Ворошилов, ни многие другие, к кому был обращен этот вопрос, не желали давать на него исчерпывающий и откровенный ответ, а старались отделаться мало вразумительными объяснениями. Безнравственность оправданий такого рода стала еще более очевидной после самоубийства А. А. Фадеева. Поэтому тут же стали распространяться слухи о том, что причиной его стала какая-то личная трагедия, а в официальном сообщении, опубликованном через день, говорилось, что оно произошло на почве алкоголизма. Воспоминания писателя М. Шкерина свидетельствуют о причастности Ворошилова к этой дезинформации:

«Шолохов был еще в Москве, и я (Шкерин. — *Авт.*) зашел к нему. Потрясая газетой, он неистовствовал:

— Ну ты подумай, какую подлую причину выставили! Прочитал вот, звоню в Президиум ЦК. Разговаривал с Ворошиловым. Зачем, спрашиваю, такую версию опубликовали, посмертно унизили талантливейшего писателя, героя Гражданской войны, вместе с делегатами Десятого съезда партии штурмовавшего мятежный Кронштадт в двадцать первом году, тяжело раненного в том бою, — зачем?! И знаешь, что сказал в ответ Ворошилов ноющим голосом? Он, слышь, нам страшное письмо оставил, на личности членов политбюро перешел! (Ворошилов по привычке все еще говорил „политбюро“)»[391].

Дружной совместной работы с Хрущевым у Ворошилова не получилось. Ворошилов поддержал Молотова, Маленкова и Кагановича, когда они выступили в июне 1957 года против

Хрущева. Линия Хрущева на разоблачение сталинских преступлений очень беспокоила Ворошилова, и он был против его намерения выступить о вреде культа личности еще на XX съезде КПСС. Ворошилов, однако, был не слишком верным союзником Молотова и Маленкова. Когда он убедился, что пленум ЦК не поддержит решение своего Президиума, он снова встал на сторону Хрущева и в выступлении на пленуме решительно осудил своих недавних союзников. Поэтому фамилия Ворошилова не была упомянута в решениях пленума об антипартийной группе. Сам Ворошилов уже в начале июля, выступая в Ленинграде, осудил еще раз «гнусную попытку» Молотова, Маленкова и Кагановича выступить против «ленинского руководства» ЦК КПСС в лице товарища Хрущева. В результате Ворошилов на несколько лет сохранил за собой пост главы государства. Но эта его деятельность не была отмечена ни проблесками государственного ума, ни проявлениями какой-либо инициативы. Зато близких к нему по работе людей иногда удивляли несвойственные раньше Ворошилову признаки скупости. Он, например, очень не хотел отдавать в фонд государства те весьма ценные подарки, которые нередко получал как глава государства во время своих визитов в другие страны или при визитах глав других государств в СССР. Как можно больше из этих подарков Ворошилов старался оставить себе.

Нелояльность, проявленная Ворошиловым в июне 1957 года, все же не была забыта. Город Луганск, который в 1935 году был переименован в Ворошиловград, в 1958 году снова стал Луганском. В 1960 году, когда Ворошилову исполнилось уже 79 лет, он был освобожден от обязанностей председателя Президиума Верховного Совета СССР. Уход Ворошилова с поста главы государства был отмечен торжественной процедурой. Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Были произнесены приличествующие случаю речи. Климент Ефремович остался членом Президиума Верховного Совета. Председателем Президиума был избран 53-летний Л. И. Брежнев.

НА XXII СЪЕЗДЕ КПСС

Ни Молотов, ни Каганович, ни Маленков не присутствовали на XXII съезде КПСС. Ворошилов же был не только избран делегатом этого съезда, но и как член партийного руководства находился в его Президиуме. Ему пришлось выслушать здесь немало обвинений, направленных не только против его недавних политических соратников, но и против него самого.

Уже Хрущев в своем Отчетном докладе, говоря о фракционной антипартийной группе, назвал в числе ее активных участников и Ворошилова. При этом Хрущев сказал, что его позиция не была случайной, ибо и он несет персональную ответственность «за многие массовые репрессии в отношении партийных, советских, хозяйственных, военных и комсомольских кадров и за другие явления подобного рода, имевшие место в период культа личности»[392]. Почти все другие ораторы также упоминали Ворошилова в числе членов антипартийной группы. Особенно резко и аргументированно выступил против Ворошилова председатель Совета министров РСФСР Д. С. Полянский:

«Следует сказать и о поведении тов. Ворошилова как участника антипартийной группы. Всем известны его прежние заслуги перед Родиной. Поэтому Центральный Комитет партии очень снисходительно отнесся к нему. А ведь вы, товарищ Ворошилов, играли активную роль в этой группе, хотя и говорите, что вас „черт попутал“. Мы думаем, что черт тут ни при чем. Вы хотели замести следы своего участия в репрессиях против ни в чем не повинных людей, особенно против кадров военных руководителей, известных всей стране. Будучи членом антипартийной группы, являясь ее активным участником, тов. Ворошилов вел себя дерзко, грубо, вызывающе. В критические минуты он даже отказался встретиться с членами Центрального Комитета партии, требовавшими созыва пленума Центрального Комитета. Он забыл о том, что его избирали в Президиум Центрального Комитета и, следовательно, могли лишить этого высокого доверия. А как он вел себя на пленуме ЦК? Напомню только один момент. Когда Кагановичу было предъявлено обвинение в массовых репрессиях на Кубани, проводившихся по его указанию и при его личном участии, Ворошилов выступил в защиту Кагановича; вскочил с места и, размахивая кулаками, кричал: „Вы еще молоды, и мы вам мозги вправим!“ Мы тогда ответили на его реплику: „Успокойтесь, ЦК разберется, кому следует мозги вправлять!“ Так что вы, товарищ Ворошилов, не

прикидывайтесь Иваном, не помнящим родства. За антипартийные дела вы должны нести полную ответственность, как и вся антипартийная группа»[393].

Во время речи Полянского Ворошилов вел себя очень нервно. Он вставал, садился, затем со злобой бросил какой-то блокнот и вышел из президиума съезда и из зала. Но на следующий день он снова сидел на съезде и слушал выступления, в которых нередко упоминалась и его фамилия. Так, например, А. Н. Шелепин, занимавший в 1961 году пост председателя Комитета государственной безопасности, сказал, в частности, о Ворошилове:

«Накануне расстрела Якир обратился к Ворошилову со следующим письмом: „К. Е. Ворошилову. В память многолетней в прошлом честной работы моей в Красной Армии я прошу вас поручить посмотреть за моей семьей и помочь ей, беспомощной и ни в чем не повинной…“»

И вот на письме человека, с которым долгие годы вместе работал, хорошо знал, что тот не раз смотрел смерти в глаза, защищая советскую власть, Ворошилов наложил резолюцию: «Сомневаюсь в честности бесчестного человека вообще. К. Ворошилов. 10 июня 1937 г.»[394].

Многие из делегатов требовали исключения лидеров антипартийной группы из партии. На 19-м заседании съезда 27 октября 1961 года было, однако, зачитано заявление Ворошилова XXII съезду КПСС. В нем Ворошилов утверждал, что, хотя он и поддержал «ошибочные, вредные выступления» членов антипартийной группы, он «не имел никакого понятия о ее фракционных действиях». Ворошилов писал:

«Глубоко осознав тот огромный вред, который могла нанести нашей партии и стране антипартийная группа Молотова, Кагановича, Маленкова и других, я решительно осуждаю ее фракционную деятельность, направленную на то, чтобы свернуть партию с ленинского пути. Я полностью понимаю серьезность допущенной мною ошибки, когда я поддерживал вредные выступления членов антипартийной группы».

Что касается своего участия в сталинских репрессиях, то Ворошилов заявлял: «Я полностью согласен с проведенной партией большой работой по восстановлению ленинских норм партийной жизни и устранению нарушений революционной законности периода культа личности и глубоко сожалею, что в той обстановке и мною были допущены ошибки»[395].

На следующем заседании съезда Хрущев, подводя итог прениям, хотя и осудил Ворошилова, но призвал проявить к нему великодушие. Хрущев сказал:

«Хочу особо сказать о товарище Ворошилове. Он подходил ко мне, говорил о своих переживаниях… Но мы — политические деятели — не можем руководствоваться лишь одними чувствами. Чувства бывают разные, они могут быть обманчивыми. Здесь, на съезде, Ворошилов слушает критику в свой адрес и ходит как побитый. Но надо было видеть его в то время, когда антипартийная группа подняла руку против партии. Тогда Ворошилов проявлял активность, выступал, как говорится, при всех своих регалиях и в доспехах, чуть ли не на коне.

…Не случайно фракционеры выделили его для встречи с членами ЦК, которые добивались созыва пленума Центрального Комитета. Антипартийная группа рассчитывала, что Ворошилов своим авторитетом сможет повлиять на членов Центрального Комитета, поколебать их решимость в борьбе против антипартийной группы…

Товарищ Ворошилов совершил тяжелые ошибки. Но я, товарищи, считаю, что к нему надо подойти иначе, чем к другим активным участникам антипартийной группы, например, к Молотову, Кагановичу, Маленкову.

…Имя Климента Ефремовича Ворошилова широко известно в народе. Поэтому участие его в антипартийной группе вместе с Молотовым, Кагановичем, Маленковым и другими как бы усиливало эту группу, производило какое-то впечатление на людей, неискушенных в политике. Выйдя из этой группы, товарищ Ворошилов помог Центральному Комитету в его борьбе против фракционеров. Давайте и мы за это доброе дело ответим тем же и облегчим его положение.

Товарища Ворошилова остро критиковали, эта критика была правильной потому, что он совершил большие ошибки, и коммунисты не могут забыть их. Но я считаю, что мы должны подойти к товарищу Ворошилову внимательно, проявить великодушие. Я верю, что он искренне осуждает свои поступки и раскаивается в них»[396]. Эти слова вызвали аплодисменты.

Прощение Ворошилова заключалось в том, что он не был исключен из партии. Но он не был уже избран в новый состав ЦК КПСС и не вошел в другие руководящие органы партии. В печати перестали появляться статьи о Ворошилове и его собственные статьи. Он почти полностью отошел от общественной и политической деятельности. Он далеко не всегда присутствовал на заседаниях Верховного Совета и его Президиума, хотя и избирался в Верховный Совет как в 1962-м, так и в 1966 году.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Ворошилов не был лишен тех привилегий, которыми пользовался в прошлом. Поэтому он спокойно доживал свои последние годы на большой даче-усадьбе в Подмосковье. Семья у него была невелика. Жена Ворошилова, Екатерина Давыдовна, умерла. Своих детей у них не было. Ворошилов воспитывал сына и дочь Фрунзе и приемного сына Петра, от которого у него было двое внуков — Клим и Володя. В середине 60-х годов Ворошилов начал работать над мемуарами. Видимо, в связи с этим он стал посещать Государственную библиотеку имени Ленина, где работала его невестка — жена Петра.

Нередко Ворошилова видели в обеденном зале ресторана «Прага» — излюбленном месте обеда многих привилегированных пенсионеров. Старость сильно изменила его внешность. Окружающие его здесь пенсионеры почти не реагировали на его присутствие. Но в других местах бывало иначе. Все же легенда о Ворошилове еще существовала в умах и сознании людей, несмотря на разоблачения XXII съезда. Поэтому Ворошилова публика принимала иначе, чем Молотова или Кагановича.

Однажды, когда я работал в Ленинской библиотеке, где-то за моей спиной раздались аплодисменты. Я обернулся. По ступенькам, ведущим в зал для чтения газет, спускался Ворошилов. Почти все читатели, а их было не менее тысячи человек, поднялись со своих мест и устроили Ворошилову овацию. Под гром аплодисментов он медленно шел между столами к выходу из зала. Остались молча сидеть на своих местах всего пять-шесть человек, среди которых я увидел и сына Якира Петра, который едва удержался, чтобы не крикнуть что-либо оскорбительное и для Ворошилова, и для приветствовавших его научных работников.

Впрочем, симпатии к Ворошилову после смещения Хрущева стали проявляться и на более высоком уровне. Это вполне укладывалось в рамки той политики частичной реабилитации Сталина, которую весьма влиятельные круги пытались проводить после октябрьского (1964 года) пленума ЦК КПСС. На XXIII съезде КПСС в 1966 году Ворошилов после пятилетнего перерыва был вновь избран членом ЦК КПСС. В газетах и журналах стали печататься статьи о нем, отрывки из его воспоминаний. Среди некоторой части военных и интеллигенции это вызывало протест. Военный историк подполковник В. А. Анфилов, выступая весной 1966 года на совещании в Институте марксизма-ленинизма при обсуждении книги А. Некрича «1941. 22 июня», сказал: «…У меня

сердце кровью обливается, когда он (Ворошилов. — *Авт.*) стоит на трибуне Мавзолея Ленина». В 1967 году было особенно торжественно отмечено 50-летие Октябрьской революции. На совместное заседание ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Совета министров СССР были, естественно, приглашены и такие люди, как Ворошилов и Микоян. Но в президиуме заседания находились и самые старые по стажу члены партии, такие как Федор Николаевич Петров, член КПСС с 1896 года, и Анна Львовна Рязанова, член КПСС с 1899 года, жена известного историка и теоретика марксизма Д. Б. Рязанова, погибшего в годы сталинского террора. Она и сама больше пятнадцати лет провела в лагерях. Получив приглашение на заседание в Кремль, А. Л. Рязанова демонстративно отказалась от участия в нем, заявив, что не желает сидеть рядом с такими людьми, как Ворошилов и Микоян, повинными в гибели многих тысяч старых большевиков. Ее протест, как и следовало ожидать, остался без внимания, подобно многим другим аналогичным протестам. В феврале 1968 года отмечалась еще одна годовщина — 50-летие Красной Армии. По этому поводу Ворошилов удостоился высоких почестей. Он получил вторую медаль «Золотая Звезда» и почетное оружие с золотым гербом СССР. Власти Ростова-на-Дону присвоили Ворошилову звание почетного гражданина этого города. В 1968 году вышла в свет и первая книга его мемуаров «Рассказы о жизни», посвященная главным образом луганскому периоду его деятельности. Рассказывая о своей первой встрече со Сталиным, Ворошилов счел нужным высказать и общее суждение об этом человеке:

«Мы подружились, и вскоре я узнал, что мой новый друг является грузином и зовут его Иосифом Виссарионовичем Джугашвили… Так волею случая много десятков лет назад довелось мне впервые встретиться с человеком, который в дальнейшем под именем Сталина прочно вошел в историю нашей партии и страны. Он прожил большую и сложную жизнь, и хотя его деятельность была омрачена известными всем крупными ошибками, я не могу говорить о нем без уважения и считаю своим долгом в последующем изложении своих воспоминаний… правдиво сказать о нем все, что я знаю и что навсегда сохранилось у меня в памяти»[397].

После такого вступления трудно было рассчитывать на то, что Ворошилов станет действительно правдиво рассказывать о событиях своей жизни. Мои друзья говорили мне, что на одном из приемов Микоян, только что прочитавший книгу Ворошилова, подошел к своему бывшему соратнику по Политбюро и прилюдно спросил его: «Как ты можешь, Клим, после всего, что произошло,

так писать о Сталине?» Ворошилов рассердился: *«Я* писал и буду писать, как считаю нужным». Но Климент Ефремович не успел написать вторую книгу. 2 декабря 1969 года он умер, и его с почестями похоронили у Кремлевской стены. Приближалось 90-летие со дня рождения Сталина, и Брежнев с Сусловым всерьез готовили его реабилитацию, которая не состоялась только из-за активного протеста польской, венгерской и итальянской коммунистических и рабочих партий. Тем временем город Луганск был снова переименован в Ворошиловград, а Академия Генерального штаба стала носить имя Ворошилова, полководца, который не выиграл ни одного сражения в годы Отечественной войны, но потерпел множество поражений, погубив сотни тысяч бойцов и командиров Красной Армии и сдав врагу десятки городов.

Со времени смерти Ворошилова было сделано немало, чтобы возродить легенду о «красном маршале». Было издано несколько альбомов, посвященных Ворошилову, написаны его новые биографии, организованы два мемориальных музея. Но подновленная легенда уже не смогла утвердиться в сознании советских людей. Много нелестных слов о Ворошилове содержится в книге В. Карпова «Полководец». В отрывках из воспоминаний Г. К. Жукова (не вошедших в «годы застоя» в его книгу) говорится, что и в роли наркома обороны, и в роли военачальника Ворошилов всегда был человеком малокомпетентным, что он, в сущности, был дилетантом в военных вопросах[398].

В последние годы своей жизни, оправдывая те или иные действия или бездействие, Ворошилов часто говорил своим знакомым: «Я хочу, чтобы меня похоронили у Кремлевской стены». Его желание сбылось, и Брежнев возложил венок на его могилу. Но сегодня на этой могиле нет цветов, и люди проходят равнодушно мимо гранитного бюста Ворошилова, рядом с которым стоят на особо почетном месте гранитные бюсты Жданова и Буденного, Сталина и Суслова, Брежнева и Черненко.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ «НАСЛЕДНИК» СТАЛИНА (Г. М. Маленков)

ОН МОГ БЫ ЕЩЕ ЗАСЕДАТЬ В ПОЛИТБЮРО

Навещая в Измайлове в больнице для старых большевиков свою знакомую, в одной из палат я увидел Георгия Максимилиановича Маленкова, бывшего премьера советского правительства, многолетнего фаворита и даже наследника Сталина. Он приехал проведать свою жену Валерию Алексеевну, которой был обязан началом своей карьеры. Маленков сильно похудел, но, хотя и был стар, отнюдь не смотрелся дряхлым стариком. Было заметно, что он тщательно следит и за своим внешним видом, и за здоровьем. Странно было сознавать, что в нескольких шагах от меня сидит человек, который когда-то хладнокровно отправлял на казнь и страдания десятки тысяч тех самых старых большевиков, для лечения которых и была построена эта огромная больница в Измайлове. Еще более странно было предположить, что этот человек из другой эпохи мог бы еще и в 1980 году заседать в политбюро или возглавлять правительство. Ведь Маленков был всего на несколько месяцев старше М. А. Суслова и на несколько лет моложе А. Я. Пельше, которые тогда еще были влиятельными членами политбюро. В начале 80-х годов наше руководство было самым старым (по возрасту) в мире, и Маленкову вполне нашлось бы место среди этих людей, близких ему также по взглядам и убеждениям.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ БИОГРАФИИ

О Маленкове трудно написать даже самый краткий очерк. В сущности, это был человек без биографии, деятель особых отделов и тайных кабинетов. Он не имел ни своего лица, ни собственного стиля. Он был орудием Сталина, и его громадная власть означала всего лишь продолжение власти Сталина. И когда Сталин умер, Маленков сумел удержаться у руководства страной и партией чуть более года. Наследство Сталина оказалось чрезмерно тяжелой ношей для Маленкова, и он не смог сохранить его в своих, как обнаружилось, не слишком сильных руках.

Георгий Маленков родился 8 января 1902 года в семье служащего. Согласно краткой официальной биографии, он ушел добровольцем на фронт защищать советскую власть и в апреле 1920 года вступил в партию. Был политработником эскадрона, полка, бригады и даже политуправления Восточного и Туркестанского фронтов. Однако, по неофициальным данным, он служил всего лишь писарем в политическом отделе и никогда не поднимал бойцов в атаку. Он плохо стрелял и едва держался на коне, но хорошо вел делопроизводство. По окончании Гражданской войны Маленков не стал возвращаться домой в Оренбург, а приехал в Москву и в 1921 году поступил в Высшее техническое училище. В мае 1920 года он женился на Валерии Голубцовой, которая занимала незначительную должность в аппарате ЦК РКП(б). Этот брак был первой ступенькой в стремительной партийной карьере Маленкова.

УСПЕХИ В КАБИНЕТНОЙ РАБОТЕ

До начала 1925 года Маленков был студентом Высшего технического училища. Многие студенты — члены партии 1923–1924 годов — увлекались Троцким, и платформа троцкистской оппозиции нередко собирала большинство в студенческих ячейках того времени. Но Маленков с самого начала стоял на ортодоксальных позициях и выступал против троцкистов и их платформы. Когда после поражения Троцкого была создана комиссия по проверке студентов — членов партии, поддерживавших оппозицию, в нее вошел и 22-летний студент Георгий Маленков. Его активность была замечена. По совету и настоянию жены Маленков оставил институт перед самым окончанием ради должности технического секретаря Оргбюро ЦК РКП(б). Он проявил себя отличным канцеляристом. Года через два Маленков стал техническим секретарем политбюро.

Когда Маленкову исполнилось 50 лет, в приветствии ЦК о нем говорилось как об «ученике Ленина» и «соратнике Сталина». Маленков не был, конечно, «учеником Ленина», которого мог видеть только издалека. Но со Сталиным он встречался часто, как и любой технический работник аппарата политбюро. Молодой Маленков не был главным лицом в этом небольшом техническом аппарате, он подчинялся личному секретарю Сталина А. Поскребышеву. Однако Маленков не слишком долго задержался на чисто технической работе.

В конце 20-х годов Сталин добился смещения Н. А. Угланова с поста первого секретаря МК партии. Было сменено и все бюро столичной организации, обвиненное в принадлежности к так называемому «правому» уклону. Во главе московской организации вначале встал Молотов, но в 1930 году вождем московских большевиков был избран Л. М. Каганович. Он-то и выдвинул Маленкова на более ответственную работу. Маленков стал заведующим орготделом в Московском комитете партии. Фактически это был отдел кадров, с помощью которого осуществлялись все назначения в московских райкомах, а также утверждались секретари всех крупных первичных партийных организаций. В это время Маленков познакомился со многими лидерами партии и с молодыми выдвиженцами, например, с Н. С. Хрущевым. Работу по чистке Московской партийной организации от бывших оппозиционеров (тогда это означало еще лишь исключение из партии или понижение в должности и только в крайнем случае — арест) Маленков провел, с точки зрения Кагановича, да и Сталина, очень хорошо. Между тем Сталин сразу

же после XVII съезда партии стал перестраивать весь аппарат ЦК ВКП(б), подготавливая его к предстоящим новым и более жестоким чисткам. Ему нужны были свежие кадры. Сталин и раньше знал Маленкова. К тому же Каганович был о Маленкове лучшего мнения. И когда возник вопрос о назначении нового заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК, выбор Сталина пал на Маленкова.

Почти одновременно с Маленковым Сталин выдвинул на самые ответственные посты в партийном аппарате и Н. И. Ежова. Ежов стал секретарем ЦК ВКП(б) и занял вместо Кагановича пост председателя Комиссии партийного контроля. Между Ежовым и Кагановичем началась скрытая вражда из-за влияния на Сталина, которую последний только поощрял. Маленков, хотя не был еще членом ЦК, принял сторону Ежова и вскоре стал одним из его ближайших друзей, тогда как с Кагановичем у него сложились теперь крайне неприязненные отношения. Под руководством Ежова и при активном участии Маленкова в первой половине 1936 года в стране была проведена проверка партийных документов. Фактически это была еще одна чистка партии и канцелярская подготовка террора. На каждого члена партии заводилось весьма подробное «личное дело».

ТАЙНЫЕ ПРУЖИНЫ ТЕРРОРА

Если Сталин был главным организатором и вдохновителем массового террора 1937–1938 годов, то Ежов — главным исполнителем этой страшной кровавой кампании. Именно Ежов был назначен в 1936 году наркомом внутренних дел СССР, возглавил карательные органы, которым предоставлялись чрезвычайные полномочия по выявлению, изоляции и уничтожению тех людей, которых стали теперь называть «врагами народа». Маленков действовал в тени, но именно он был одним из тех, кто под руководством Сталина приводил в движение наиболее важные тайные пружины террора. В книге «Крушение поколения» И. Бергер, однако, писал: «Маленков в отличие от Молотова и Кагановича не нес прямой ответственности за сталинский террор 30-х годов»[399]. Это мнение ошибочно. Формально Маленков не входил тогда ни в какие руководящие государственные органы. Он присутствовал в качестве делегата на XVII съезде партии, но не был избран ни членом, ни кандидатом в члены ЦК ВКП(б), не вошел он и в комиссии партийного и советского контроля и даже в Центральную ревизионную комиссию. Формально он не участвовал, таким образом, даже в пленумах ЦК, включая и февральско-мартовский пленум 1937 года. И тем не менее, находясь во главе отдела руководящих парторганов ЦК, Маленков играл в событиях 1937–1938 годов не менее важную роль, чем Ежов, Берия, Каганович и Молотов. Наделенный чрезвычайными правами, Маленков руководил репрессиями не только в тиши своего кабинета, но и непосредственно на местах, в различных республиках и областях. Было немало случаев, когда он лично присутствовал на допросах и пытках арестованных партийных руководителей. Так, например, Маленков вместе с Ежовым выезжал в 1937 году в Белоруссию, где был учинен настоящий разгром партийной организации республики. Осенью этого же года Маленков с Микояном побывали в Армении, где также был репрессирован почти весь партийный и советский актив этой республики. При участии Маленкова составлялся план репрессий во всех областях РСФСР, затем в его отделе подбирали новые кандидатуры секретарей обкомов и горкомов на место арестованных и расстрелянных.

Чтобы замаскировать масштабы террора, в январе 1938 года в Москве был проведен пленум ЦК, который рассмотрел вопрос «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии…». На этом пленуме присутствовали всего 28 из 71 члена ЦК, избранного на XVII съезде партии. Лишь несколько человек с

тех пор умерло, тогда как почти 40 человек было к тому времени арестовано. Характерно, что пленум обсуждал доклад Маленкова, который формально не был членом ЦК. Январский пленум ЦК не остановил массовых репрессий, которые еще много месяцев свирепствовали по всей стране.

В 1937–1938 годах Маленков работал в постоянном контакте с Ежовым. В журнале «Партийное строительство», который некоторое время редактировался Маленковым, мы можем найти множество восхвалений Ежова — «сталинского наркома», «верного стража социализма». Но Маленков не разделил судьбы Ежова и с конца 1938 года стал тесно сотрудничать с Л. П. Берией, сменившим Ежова на посту главы НКВД.

ПОЯВЛЕНИЕ НА ОТКРЫТОЙ СЦЕНЕ

По существу, только в 1939 году Маленков начинает выходить из тайных кабинетов власти и появляться на открытой политической арене. На XVIII съезде ВКП(б) Маленков возглавил мандатную комиссию и сделал на пятом заседании съезда доклад о составе съезда. Он был избран в члены Центрального комитета ВКП(б), а на пленуме ЦК 22 марта 1939 года — секретарем ЦК. В этот Секретариат, возглавляемый Сталиным, вошли также А. А. Андреев и А. А. Жданов. С тех пор Маленков неизменно входил в состав этого органа ЦК, который в повседневном практическом руководстве партией играл при Сталине, пожалуй, даже большую роль, чем политбюро. Маленков был избран также членом Оргбюро ЦК. Отдел руководящих партийных органов ЦК был реорганизован в Управление кадрами ЦК ВКП(б), во главе которого по-прежнему оставался Маленков.

Постепенно стал расширяться круг проблем, которыми теперь занимался Маленков как секретарь ЦК. Ему было поручено, например, контролировать развитие промышленности и транспорта. Когда в феврале 1941 года состоялась XVIII Всесоюзная конференция ВКП(б), посвященная хозяйственным проблемам и итогам выполнения первых лет третьего пятилетнего плана, то главный доклад на ней о задачах промышленности и транспорта сделал Маленков. Тогда же состоялся пленум ЦК, на котором Маленков был избран кандидатом в члены политбюро. Он занял отныне прочное место в ближайшем окружении Сталина.

МАЛЕНКОВ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Когда началась Отечественная война, Маленков, к удивлению многих, вошел в первый же состав Государственного Комитета Обороны, хотя он не был еще в то время полноправным членом Политбюро. В первые два года войны Маленкову приходилось выезжать во главе специальных комиссий на участки фронта, где создавалась угрожающая ситуация. В августе 1941 года он находился в Ленинграде, осенью того же года — на фронте под Москвой, в августе 1942 года как член ГКО прибыл в Сталинград — помочь в организации обороны города. Но постепенно Маленков перестал принимать участие в решении чисто военных вопросов и сосредоточился на отдельных проблемах военно-оборонного производства. Его главной задачей стало оснащение Красной Армии самолетами. Как известно, после огромных потерь советской авиации в первые недели войны германская армия имела превосходство в воздухе до конца 1942 года. Однако соотношение сил стало меняться в 1943 году. Советская промышленность сумела обеспечить отечественные ВВС большим количеством современных машин, и уже к моменту сражения на Курской дуге превосходство в воздухе стало переходить к Красной Армии. Определенные заслуги в налаживании производства самолетов были и у Маленкова, в связи с чем ему было присвоено в сентябре 1943 года звание Героя Социалистического Труда. Осенью того же года Маленков возглавил Комитет при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от оккупации.

В 1944 году, когда победа СССР над Германией вполне определилась, в ЦК ВКП(б) было проведено под руководством Маленкова специальное идеологическое совещание. На этом совещании ставился вопрос о пересмотре отношения к немецкому классическому наследию. Было, в частности, принято решение «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII — начала XIX вв.». Совещание продолжалось несколько дней. Как раз тогда Сталин и высказал свою многозначительную по форме, но нелепую по содержанию мысль о том, что немецкая классическая идеалистическая философия была консервативной реакцией на французскую революцию. Сталин добавил также, что для немецких философов были характерны апологетика прусской монархии и третирование славянских народов. Было решено сохранить присужденную ранее Сталинскую премию только за первыми двумя томами «Истории философии» и изъять третий том, посвященный немецкой

классической философии.

Осенью того же 1944 года Сталин созвал в Кремле расширенное совещание, на которое были приглашены члены политбюро и Секретариата ЦК, первые секретари республиканских и областных комитетов партии, руководители оборонной промышленности, армии и государственной безопасности. Речь шла о «еврейской проблеме». В своем вступительном слове Сталин — правда, с некоторыми оговорками — высказался за «более осторожное» назначение евреев на руководящие должности в государственных и партийных органах. Каждый из участников совещания понял, однако, что речь идет о постепенном вытеснении лиц еврейской национальности с ответственных постов. Наиболее подробным на этом совещании было выступление Маленкова, который обосновывал необходимость «повышения бдительности» по отношению к еврейским кадрам. Вскоре после совещания в ЦК ВКП(б) партийные комитеты различных уровней получили подписанное Маленковым директивное письмо, которое тогда в партийных кругах называли «маленковским циркуляром». В нем перечислялись должности, на которые назначение людей еврейской национальности было нежелательно. Одновременно вводились и некоторые ограничения при приеме евреев в высшие учебные заведения.

Сразу же после войны Маленков возглавил Комитет по демонтажу немецкой промышленности. Его работа на этом посту была нелегкой и подвергалась критике, так как многие влиятельные ведомства боролись за то, чтобы получить как можно больше оборудования. В этот период возникли споры и ухудшились личные отношения между Маленковым и председателем Госплана Н. А. Вознесенским. Для рассмотрения конфликтов была создана комиссия во главе с Микояном. Она вынесла неожиданное решение — прекратить вообще демонтаж немецкой промышленности и наладить производство товаров для СССР в Германии в качестве репарации. Это решение было утверждено на политбюро, несмотря на возражения Кагановича и Берии.

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»

Репрессии 30-х годов привели к гибели сотен тысяч опытных руководителей и к выдвижению на высокие посты сотен тысяч новых людей, не обладавших достаточным опытом руководящей работы. Однако начавшаяся вскоре Отечественная война принесла не только громадные людские и материальные потери. Война выдвинула новых государственных деятелей, талантливых полководцев, хозяйственников, заслуги и достижения которых нельзя было игнорировать даже Сталину. Одну из таких групп составляли бывшие партийные и хозяйственные работники Ленинграда, им покровительствовал также А. А. Жданов, влияние которого на Сталина, особенно в области идеологии и руководства коммунистическим движением, явно возросло.

После войны Маленков — полноправный член политбюро. Стал членом политбюро и Берия, с которым у Маленкова установились вполне доверительные и близкие к политическому союзу отношения. Но среди новых членов политбюро был и Н. А. Вознесенский, игравший в руководстве экономикой теперь большую роль, чем Каганович, Микоян или Маленков. Секретарем ЦК ВКП(б) был избран и А. А. Кузнецов, который не только возглавил Управление кадров, но и стал курировать органы МВД и МГБ. Это ослабило позиции Маленкова в аппарате ЦК. Жданов и Вознесенский явно доминировали теперь в области идеологии и общественных наук, где ни Берия, ни Маленков никогда не чувствовали себя особенно сильными. Между тем Сталин уже во второй половине 1948 года стал часто болеть, в 1949 году он перенес, по-видимому, первое кровоизлияние в мозг. Все это усилило борьбу за власть среди ближайшего сталинского окружения. На короткое время, еще до болезни Сталина, жертвой этой борьбы стал и сам Маленков. Не без участия сына Сталина Василия было создано провокационное дело о низком уровне советской авиационной промышленности. В результате были арестованы командующий ВВС Красной Армии главный маршал авиации А. А. Новиков, член ЦК ВКП(б) А. И. Шахурин, работавший в годы войны наркомом авиационной промышленности СССР, а также многие другие работники авиапромышленности и военные авиаторы. Все эти аресты отразились и на Маленкове. Он был освобожден от работы в аппарате ЦК и направлен в Ташкент. Эта «ссылка» длилась, однако, недолго. Особенно большие усилия для полной реабилитации и возвращения в Москву Маленкова приложил Берия.

Берия в это время вел сложную интригу, направленную на компрометацию Жданова, Вознесенского и их ближайшего окружения. Маленков стал помогать Берии. Между Ждановым и Маленковым давно уже существовали крайне неприязненные отношения. Жданов и его ближайшие друзья считали Маленкова неграмотным выдвиженцем и в своем кругу называли его Маланьей — это был намек на женоподобный внешний облик тучного Маленкова. Берии и Маленкову удалось убедить Сталина, которого и без того раздражали теоретические претензии Жданова и Вознесенского, в «сепаратизме» Ленинградской партийной организации и выдвиженцев из Ленинграда. Так возникло «ленинградское дело», жертвой которого стали все руководители Ленинградской партийной организации во главе с П. С. Попковым. Репрессии распространились потом вниз и охватили сотни и тысячи партийных и комсомольских работников Ленинграда, ученых, тружеников народного хозяйства. Они двинулись и вверх, приведя к аресту и гибели Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова, М. И. Родионова и других ответственных работников партийного и советского аппарата. Маленков взял на себя разгром Ленинградской партийной организации, для чего выехал в Ленинград. Берия руководил репрессиями в Москве. Жданов, который недавно сам возглавлял погромные идеологические кампании, фактически был отстранен от руководства и умер у себя на даче в возрасте 52 лет при не вполне выясненных обстоятельствах.

Недавно материалы «ленинградского дела» были вновь рассмотрены Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС. В опубликованном заключении недвусмысленно говорится: «Вопрос о преступной роли Г. М. Маленкова в организации так называемого „Ленинградского дела“ был поставлен после июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС. Однако Г. М. Маленков, заметая следы преступлений, почти полностью уничтожил документы, относящиеся к „Ленинградскому делу“. Бывший заведующий секретариатом Г. М. Маленкова — А. М. Петроковский сообщил в КПК при ЦК КПСС, что в 1957 году он произвел опись документов, изъятых из сейфа арестованного помощника Г. М. Маленкова — Д. Н. Суханова. В сейфе в числе других документов была обнаружена папка с надписью „Ленинградское дело“, в которой находились записки В. М. Андрианова, личные записи Г. М. Маленкова, относящиеся ко времени его поездки в Ленинград, более двух десятков разрозненных листов проектов постановлений политбюро ЦК, касающихся исключения из ЦК ВКП(б) Н. А. Вознесенского, конспекты выступлений Г. М. Маленкова в Ленинграде и записи,

сделанные им на бюро и пленуме Ленинградского обкома и горкома партии. Во время заседаний июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС Г. М. Маленков несколько раз просматривал документы, хранившиеся в сейфе Д. Н. Суханова, многие брал с собой, а после того как был выведен из состава ЦК КПСС, не вернул материалы из папки „Ленинградское дело“, заявив, что уничтожил их как личные документы. Г. М. Маленков на заседании КПК при ЦК КПСС подтвердил, что уничтожил эти документы»[400].

Еще совсем недавно сын Маленкова ставил под сомнение факт прямого участия своего отца в репрессиях[401]. Выводы КПК, однако, позволяют внести ясность и в этот вопрос: «С целью получения вымышленных показаний о существовании в Ленинграде антипартийной группы Г. М. Маленков лично руководил ходом следствия по делу и принимал в допросах непосредственное участие. Ко всем арестованным применялись незаконные методы следствия, мучительные пытки, побои и истязания»[402].

После смерти Жданова Маленков принял также и его функции в области идеологии. Под его началом набирала силу антисемитская кампания. Маленков принимал активное участие в создании фальсифицированного «дела Еврейского антифашистского комитета», по которому весной 1952 года приговорены к расстрелу начальник Совинформбюро и бывший заместитель министра иностранных дел С. А. Лозовский, писавшие на языке идиш литераторы И. Фефер, П. Маркиш, Л. Квитко и другие известные деятели науки и культуры.

Председатель военной коллегии Верховного суда СССР генерал-лейтенант юстиции А. А. Чепцов, который был принужден подписать несправедливый приговор, после июньского Пленума ЦК 1957 года по требованию Г. К. Жукова дал письменное объяснение, в котором писал:

«Я позвонил ему (Маленкову. — *Авт.*) по телефону, просил принять и выслушать меня… Через несколько дней я был вызван к Маленкову, который вызвал также Рюмина и т. Игнатьева (заместитель министра и министр госбезопасности. — *Авт.*).

Я полагал, что Маленков меня поддержит и согласится с моими доводами… Однако, выслушав мое сообщение, он дал слово Рюмину, который стал меня обвинять в либерализме к врагам народа… обвинял в клевете на органы МГБ СССР и отрицал применение физических мер воздействия. Я вновь заявил, что Рюмин творит беззаконие, однако Маленков заявил буквально следующее: „Вы хотите нас на колени поставить перед этими преступниками, ведь приговор по этому делу апробирован

народом, этим делом политбюро ЦК занималось 3 раза, выполняйте решение ПБ“.

…Мы, судьи, как члены партии вынуждены были подчиниться категорическому указанию секретаря ЦК Маленкова»[403].

Когда Маленков узнал, что по требованию Сталина его дочь Светлана развелась со своим мужем, в котором вождь усмотрел еврея, то он велел своей дочери Воле поступить так же, ибо зять его был евреем.

ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК В ПАРТИИ

После гибели Вознесенского и Кузнецова, а также после смерти Жданова влияние Маленкова в партийном и государственном руководстве значительно возросло. По мере того как Сталин отдалял от себя таких старых соратников, как Молотов, Ворошилов, Каганович и Микоян, он все более и более приближал к себе Маленкова. Когда в декабре 1949 года «Правда» начала публиковать большие статьи членов политбюро, посвященные 70-летию Сталина, то первой была опубликована статья Маленкова и лишь затем Молотова. Для всех, кто понимал значение подобных вещей, это было признаком особого доверия.

Не брезговал Маленков и мелким угодничеством. По его поручению накануне 70-летия Сталину готовился подарок — перевод юношеских стихотворений вождя с грузинского языка на русский. Переводчик (известный поэт Арсений Тарковский) в спешном порядке выполнил заказ Маленкова, но стихи Сталина так и не были напечатаны. Чутье на этот раз изменило Маленкову — слава стихотворца вождя не привлекала.

В 1950–1952 годах Маленков был, безусловно, вторым по значению человеком в партии. Влияние Маленкова увеличивалось также благодаря его дружбе с Берией. Сталин приблизил к себе в это время еще двух человек — Хрущева и Булганина, однако их значение в партийно-государственных делах было гораздо меньшим.

Маленков был молчалив и осторожен, но его интеллект и даже роль в партии часто преувеличивались западными авторами и современными дипломатами. Георг Бартоли утверждал, что Сталин доверял Маленкову все свои тайны и поэтому последний «знал все обо всех». Бартоли писал о Маленкове:

«Он умен и осторожен, как дикий кот. Один французский политик, который встречался с Маленковым в период его подъема, говорил мне: „Он напоминал мне юного Лаваля“. Подобно последнему он соединял в себе острый ум с величайшим самообладанием и осмотрительностью. Джилас, который его раньше встречал, выразился о нем в таком смысле: „Он производит впечатление скрытного, осторожного и болезненного человека, но под складками жирной кожи, казалось бы, должен жить совсем другой человек, живой и умный человек с умными, проницательными черными глазами“[404]».

В книге А. Авторханова «Технология власти» можно прочесть: «Нынешняя КПСС — детище двух людей: Сталина и Маленкова. Если Сталин был ее главным конструктором, то Маленков — ее

талантливый архитектор»[405].

С подобным утверждением нельзя согласиться. Маленкова ошибочно было бы называть «архитектором», а тем более «талантливым архитектором» партийного строительства. В лучшем случае он был одним из нескольких «прорабов», причем далеко не из самых способных. Может быть, именно это и дало Сталину повод сделать Маленкова своим фаворитом. Сталин плохо переносил присутствие возле себя истинно талантливых людей.

В начале 50-х годов Маленков контролировал от имени Сталина не только партийный аппарат. Как член политбюро и секретарь ЦК он вмешивался в вопросы развития промышленности и транспорта. Однако в первую очередь ему было поручено руководство сельским хозяйством — как раз в это время с большой пропагандистской шумихой началось осуществление так называемого «сталинского плана преобразования природы». Большое значение придавалось и «трехлетнему плану» ускоренного развития животноводства. Маленков не мог справиться с такими огромными проектами хотя бы потому, что они исходили из ошибочных представлений о реальном состоянии советского сельского хозяйства к началу 50-х годов.

После смерти Жданова Маленков занимался также и некоторыми идеологическими проблемами.

Эпизодически ему приходилось и раньше решать вопросы, связанные с идеологией и культурой. Так, например, еще во время войны Маленков разбирал дело поэта Сельвинского. В 1942 году Илья Сельвинский написал стихотворение «России», в котором были такие строки:

Сама как русская природа,
душа народа моего —
она пригреет и урода,
как птицу, выходит его…

Через год в словах об «уроде» кто-то сумел вычитать скрытый смысл. Сельвинского вызвали с фронта в Москву. Сохранилась его дневниковая запись: «Заседание Оргбюро ЦК вел Маленков. „Кто этот урод?“ — металлическим голосом спросил он. Я начал было объяснять ему смысл этого четверостишия, но он меня перебил: „Вы тут нам бабки не заколачивайте. Скажите прямо и откровенно: кто этот урод? Кого именно имели вы в виду? Имя?“ — „Я имел в виду юродивых“. „Неправда! Умел воровать, умей и ответ держать!“ Вдруг я понял, что здесь имеют в виду Сталина:

лицо его изрыто оспой, мол, русский народ пригрел урода…

Неизвестно, как и откуда в комнате появился Сталин. Неся, как обычно, одну руку в полусогнутом состоянии, точно она висела на перевязи, он подошел к Маленкову и стал тихо о чем-то с ним разговаривать. Насколько я мог судить, речь шла не обо мне. Затем Сталин отошел от Маленкова, собираясь, видимо, возвратиться к себе, и тут взглянул на меня: „С этим человеком нужно обращаться бережно — его очень любили Троцкий и Бухарин…“

Я понял, что тону. Сталин уже удалялся. „Товарищ Сталин! — заторопился я ему вдогонку. — В период борьбы с троцкизмом я еще был беспартийным и ничего в политике не понимал“. Сталин остановился и воззрился на меня напряженным взглядом. Затем подошел к Маленкову, дотронулся ребром ладони до его руки и сказал: „Поговорите с ним хорошенько: надо… спасти человека“.

Сталин ушел в какую-то незаметную дверцу, и все провожали его глазами. Маленков снова обратился ко мне: „Ну, вы видите, как расценивает вас товарищ Сталин! Он считает вас совершенно недостаточно выдержанным ленинцем“. — „Да, но товарищ Сталин сказал, что меня надо спасти“. Эта фраза вызвала такой гомерический хохот, что теперь уже невозможно было всерьез говорить о моем „преступлении“.

Возвратился домой совершенно разбитым: на Оргбюро я шел молодым человеком, а вышел оттуда — дряхлым стариком. Боже мой! И эти люди руководят нашей культурой»[406].

Как один из руководителей «идеологического фронта», Маленков назначал и снимал главных редакторов журналов. В 1950 году А. Т. Твардовскому неожиданно предложили возглавить журнал «Новый мир». Вместе с Фадеевым и Симоновым Твардовский был приглашен к Маленкову, на столе у которого лежала голубая книжка «Нового мира». Маленков спросил: «Вы знаете, чем толстый журнал отличается от тонкого?» Твардовский промолчал, а Маленков, выдержав паузу, наставительно сказал: «Толстый журнал печатает вещи с продолжениями». В одном из журналов в передовой статье вместо фразы «Страны народной демократии идут от капитализма к социализму» было напечатано: «Страны народной демократии идут от социализма к капитализму». Вопрос об этой ошибке, которую кое-кто счел «идеологической диверсией», разбирался лично Маленковым. На этот раз он проявил «снисходительность», и дело обошлось без арестов. Виновные отделались лишь строгими партийными взысканиями.

Маленков, Берия, Булганин и Хрущев были постоянными посетителями ночных ужинов у Сталина. Сталин и сам теперь

нередко терял присущую ему прежде умеренность в еде и питье. Он очень часто спаивал и Маленкова. Уже под утро охрана привозила Маленкова домой, и два-три человека приводили его в чувство в большой ванной комнате. Только к середине дня он обретал способность работать.

В начале 50-х годов на экраны страны вышел двухсерийный фильм «Сталинградская битва». В одном из его эпизодов показано, как Маленков, прибывший будто бы с особыми полномочиями на Сталинградский фронт, выступает перед уходящими в бой солдатами и говорит им о Сталине. Это был художественный фильм, где роли вождей исполняли известные артисты. Не было тайной, что картину несколько раз просмотрел и редактировал сам Сталин. Поэтому появление в фильме Маленкова расценивалось как знак особого доверия.

После войны у нас в стране не проводилось ни съезда, ни Всесоюзной конференции партии, что было явным нарушением устава. Однако необходимость в созыве очередного съезда партии становилась все более настоятельной. Дело было не только в том, чтобы отчитаться за проделанную после 1939 года работу. Необходимо было обновить партийное руководство и избрать новый состав ЦК. Со времени XVIII съезда прошел целый исторический период. Война, послевоенное строительство, новая международная политика и новые репрессии существенно изменили характер партийного и государственного руководства. Некоторые из членов ЦК ВКП(б) были арестованы или даже физически уничтожены, часть из них умерла или отошла от активной деятельности.

С другой стороны, выдвинулось много новых людей, которые руководили крупнейшими министерствами, ведомствами, областными и даже республиканскими партийными организациями, но которые не состояли в ЦК.

Подготовкой нового съезда занималась специальная комиссия ЦК, возглавляемая Маленковым. Именно ему Сталин поручил сделать на съезде Отчетный доклад. Конечно, это тоже было признаком особого доверия. Сам Сталин в то время был уже слишком слаб и стар, чтобы в течение трехчетырех часов произносить Отчетный доклад перед большой аудиторией. Но этого обстоятельства не знал никто, кроме самого ближайшего окружения. И не это было тогда главным доводом. Культ личности Сталина достиг в тот период таких размеров, что было бы странным ставить его перед необходимостью в чем-то отчитываться перед партией и народом и выслушивать какие-либо критические замечания делегатов съезда. Должность генерального секретаря ЦК ВКП(б) была упразднена. Сталин

оставался в партии лишь секретарем. Наибольшее значение приобрела, как и во времена Ленина, должность председателя Совета министров СССР, которую занимал Сталин. Роль партии вообще была снижена. Партия не могла, например, контролировать деятельность карательных органов, которые подчинялись непосредственно Сталину. В этих условиях Сталин вовсе не считал своей обязанностью чтение Отчетного доклада на предстоящем съезде партии. К тому же незадолго до съезда в печати появился его новый труд «Экономические проблемы социализма в СССР», который сразу же был объявлен «гениальным» и «классическим». Он и должен был послужить основой для работы предстоящего съезда, тогда как Отчетный доклад казался лишь протокольной необходимостью. Такова была обстановка в нашей стране перед XIX съездом партии.

Авторханов утверждает, что перед съездом происходила какая-то закулисная борьба между Сталиным и Маленковым, в которой Маленков «осмелился открыто возражать Сталину» и даже одержал над ним политическую победу. «Уже к смерти Сталина, — пишет Авторханов, — партия и ее аппарат фактически находились в руках Маленкова… В 1952 году на XIX съезде Маленков выступил с Политическим отчетом ЦК партии, который должен был, собственно, делать сам Сталин. После этого для всех было ясно — либо Сталин ему бесконечно доверяет и готовит в его лице себе преемника, либо Маленков и для Сталина стал такой силой, с которой приходится считаться. В свете последовавших по-еле смерти Сталина событий я считаю правильным последнее предположение»[407].

Все это чистые домыслы. Маленков при жизни Сталина никогда не осмеливался возражать ему, а тем более вступать с ним в какую-то борьбу. Только полное послушание Маленкова и его безоговорочная лояльность могли быть основой того доверия, благодаря которому Сталин поручил делать Политический отчет на XIX съезде именно Маленкову. Но это вовсе не означало, что он определен в преемники Сталина. Сталин не думал о смерти, он собирался еще жить и править страной долго. Более того, он намечал тогда провести новый тур репрессий, и съезд партии должен был послужить одной из подготовительных ступеней к ним.

XIX СЪЕЗД ПАРТИИ

Нет необходимости особо останавливаться на содержании того Отчетного доклада, который был сделан Маленковым на XIX съезде партии. Его схему можно было без труда наметить заранее. Маленков не стал говорить о событиях Отечественной войны или о том, что ей предшествовало, хотя именно это было главным между XVIII и XIX съездами партии. Первый раздел своего доклада Маленков посвятил теме ослабления мировой капиталистической системы в результате мировой войны и обострения международного положения, проявлением чего была шедшая в то время война в Корее, а также «холодная война» между двумя мировыми системами.

Значительное внимание в докладе было уделено различным аспектам борьбы за мир, а также отношениям между СССР и дружественными ему странами. Маленков отметил успехи промышленности, в крайне приукрашенных тонах говорил о состоянии сельского хозяйства. Так, например, он привел очень завышенные и не соответствовавшие действительности данные о больших урожаях зерна и под бурные аплодисменты заявил, что «зерновая проблема, считавшаяся ранее наиболее острой и серьезной проблемой, решена с успехом, решена окончательно и бесповоротно»[408].

Не прошло и двух лет, как было установлено, что в стране существует крайне острый дефицит зерна, сельское хозяйство переживает тяжелый кризис и данные о валовых сборах зерна, которые приводил в своем докладе Маленков, основаны на фальсификации. Как известно, зерновая проблема в СССР не решена и до сих пор, она остается острой и серьезной поныне. В разделе доклада об укреплении советского государственного и общественного строя Маленков повторил известный сталинский тезис о необходимости всемерно укреплять и усиливать государственный аппарат, включая и карательные органы. Говоря о партийном строительстве, Маленков полностью оправдывал проведенные перед войной массовые репрессии. По его утверждению, в 30-е годы в нашей стране были уничтожены «выродки», «капитулянты», «гнусные предатели», «изменники», которые якобы только ждали военного нападения на Советский Союз, рассчитывая нанести в трудную минуту «удар в спину в угоду врагам нашего рода». Маленков заявил:

«Разгромив троцкистско-бухаринское подполье, являвшееся центром притяжения всех антисоветских сил в стране, очистив от врагов народа наши партийные и советские организации, партия

тем самым своевременно уничтожила всякую возможность появления в СССР „пятой колонны“ и политически подготовила страну к активной обороне»[409].

Как и следовало ожидать, в разделе об идеологических проблемах Маленков ссылался в первую очередь на недавно опубликованную работу Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

Затронул Маленков и проблемы литературы. Он посетовал, что в нашей литературе и в искусстве до сих пор отсутствуют такие виды художественных произведений, как сатира.

«Неправильно было бы думать, — сказал Маленков, — что наша советская действительность не дает материала для сатиры. Нам нужны советские Гоголи и Щедрины, которые огнем сатиры выжигали бы из жизни все отрицательное, прогнившее, омертвевшее, все то, что тормозит движение вперед»[410].

Разумеется, что заявление было чистейшей воды демагогией. Любая сатира и после XIX съезда продолжала рассматриваться как очернительство или клевета. Через год после съезда, когда Сталина уже не было в живых, сатирик Юрий Благов написал по поводу заявления Маленкова эпиграмму:

Мы за смех, но нам нужны
Подобрее Щедрины
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали.

Маленков попытался даже дать некоторые теоретические определения. Так, например, он посвятил несколько минут в своем докладе «марксистско-ленинскому» определению понятия «типическое», «типичность». «Типичность, — заявил Маленков, — соответствует сущности данного социально-исторического явления, а не просто является наиболее распространенным, часто повторяющимся, обыденным»[411].

Критик и литературовед В. Ермилов во втором издании своей книги о Гоголе поспешил отметить, что высказывания Маленкова о типическом имеют ценность первостепенного научного открытия: «Для решения многих важнейших вопросов марксистско-ленинской эстетики, теории социалистического реализма важнейшее значение имеют замечательные по своей новизне, научной точности, широте взгляда на искусство положения доклада тов. Г. М. Маленкова о соотношении между типичностью и преувеличением, заострением художественного образа… Положения доклада тов. Г. М. Маленкова зовут художника к творческой смелости, широте, богатству,

многообразию художественных способов проникновения в сущность нашей действительности, художественных форм и средств выражения типического»[412].

Однако другие литературоведы, обратившись к той же проблеме, с некоторым смущением обнаружили, что определение Маленкова почти полностью совпадает с тем, которое было дано в первом издании «Литературной энциклопедии» в статье «Тип», подписанной псевдонимом П. Михайлов (в действительности она принадлежала перу литератора Д. Святополк-Мирского, репрессированного в конце 30-х годов и погибшего в лагерях).

XIX съезд избрал новый состав ЦК ВКП(б), список которого был подготовлен Секретариатом ЦК и одобрен Сталиным. Неожиданными стали, однако, итоги первого пленума нового ЦК, на котором следовало избрать руководящие органы Центрального Комитета. Открыв пленум, Сталин предложил избрать не политбюро, а Президиум ЦК, как это было определено теперь новым Уставом. Сам Сталин зачитал и список нового Президиума ЦК из 25 членов и 11 кандидатов. В списке оказались люди, которые никогда не входили в окружение Сталина, а с некоторыми из них он даже не встречался. Предложение Сталина было одобрено, хотя и вызвало недоумение у многих членов недавнего политбюро. Хрущев писал по этому поводу в своих воспоминаниях:

«Он (Сталин. — *Авт.*) не мог бы этот список сам составить. Кто-то ему составил. Я, признаться, подозревал, что это сделал Маленков, но скрывает, нам не говорит. Я потом его так, по-дружески допрашивал. Я говорю, слушай, я думаю, что ты приложил руку… Он говорит, я тебя заверяю, что я абсолютно никакого участия не принимал. Сталин меня не привлекал и никаких поручений не давал, и я, следовательно, никаких предложений не готовил. Ну, тогда мы еще больше удивились…»[413]

Было избрано также Бюро Президиума из 9 человек. Но из этого Бюро Сталин уже после пленума избрал пятерку для руководства партией. В нее вошли: Сталин, Маленков, Берия, Хрущев и Булганин. Был избран и Секретариат ЦК из 10 человек, ведущую роль в котором должен был играть Маленков.

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК В ПАРТИИ

Вопрос о преемнике Сталина возник сразу же после того, как члены высшего руководства страны узнали о его безнадежном состоянии. У постели умирающего вождя между ближайшими его соратниками происходили осторожные переговоры о распределении власти. Маленков разговаривал об этом с Берией, а Хрущев с Булганиным. В сущности, все были согласны с тем, что именно Маленков должен будет занять наиболее важный в то время пост председателя Совета министров СССР. Это предложение внес Берия, Хрущев и Булганин согласились с ним. Однако одновременно было решено освободить Маленкова от обязанностей секретаря ЦК КПСС и сформировать более узкий Секретариат из пяти человек: С. Д. Игнатьева, П. Н. Поспелова, М. А. Суслова, Н. С. Хрущева и Н. Н. Шаталина. Никто из этих пяти человек не считался «первым секретарем», только Хрущев был членом нового, более узкого Президиума ЦК, и поэтому он председательствовал на заседаниях Секретариата. Тем не менее именно Маленков в первые месяцы после смерти Сталина оказался первым лицом не только в руководстве государственным аппаратом, но и в партии. Он председательствовал на заседаниях Президиума ЦК, с ним нужно было согласовывать все решения директивного характера.

На похоронах Сталина Маленков первым произнес краткую речь. По форме она напоминала известную «Клятву» Сталина, то есть его речь от 26 января 1924 года на II Всесоюзном съезде Советов. Только вместо повторяемых Сталиным слов: «Клянемся тебе, товарищ Ленин» — Маленков повторял слова: «Наша священная обязанность состоит в том…»

В «Правде» появилась фотография, на которой были изображены Сталин, Мао Цзэдун и Маленков. Все остальные политики, стоявшие рядом, были удалены умелым ретушером. Сталин, Мао Цзэдун и Маленков были запечатлены во время подписания советско-китайского Договора о дружбе и взаимной помощи 14 февраля 1950 года. Это была фальсификация. Дело в том, что эти государственные деятели никогда не фотографировались вместе. Подобный монтаж имел очевидную цель — возвеличить, укрепить авторитет нового советского лидера. На фотографии Сталин и Мао Цзэдун словно внимательно слушали Маленкова…

Маленков предпринимал шаги для своего продвижения к вершине власти, и в первое время после смерти Сталина его слово по всем важнейшим вопросам оставалось решающим. И он

же занял достаточно активную позицию в деле критики культа личности. На заседание Президиума ЦК КПСС 10 марта 1953 года, проходившее под председательством Маленкова, были вызваны «идеологи» П. Н. Поспелов, М. А. Суслов, главный редактор «Правды» Д. Т. Шепилов. Как вспоминал Поспелов, в ходе заседания Маленков подверг редакцию газеты резкой критике, заметив, что природа многих ненормальностей, имевших место в истории советского общества, крылась в культе личности. Подчеркнув, что перед страной стоят задачи углубления процесса социалистического строительства, Маленков отметил: «Считаем обязательным прекратить политику культа личности»[414].

Разумеется, перед Маленковым после смерти Сталина возникло много сложных проблем. Он не мог, да и не хотел решать их единолично. Но и как позволить, чтобы кто-либо из членов Президиума ЦК взял бы на себя решение важных политических и организационных вопросов? На этой почве у Маленкова стали возникать конфликты с Берией, который произвел ряд важных перестановок в МВД — МГБ и стал вести себя так, как будто он заранее был уверен в одобрении Маленковым всех своих действий. Маленков считался другом Берии, но он не собирался быть пешкой в его руках. Это и привело к разрыву их политической дружбы и к тайному сговору с Хрущевым, в результате которого Берия был смещен и арестован.

Летом 1953 года Маленков выступил на сессии Верховного Совета СССР с важными предложениями по экономическим проблемам. Одним из них было значительное снижение налогов с крестьянства и аннулирование всех прежних долгов колхозов и колхозников. Маленков также сказал, что отныне партия может больше уделять внимания развитию промышленности группы Б, то есть предметов потребления. По мнению Маленкова, темпы развития производства средств производства могут быть несколько сокращены, а высвободившиеся фонды направлены на выпуск нужных населению потребительских товаров. Эти предложения надолго обеспечили Маленкову популярность среди населения и особенно среди крестьянства, ибо деревня впервые за много лет почувствовала некоторое облегчение. Среди простых людей появился и упорно держался слух, что Маленков — племянник или даже приемный сын В. И. Ленина. Главным основанием для подобной легенды было, вероятно, то обстоятельство, что мать Маленкова носила фамилию Ульянова. Она работала в первой половине 50-х годов директором санатория на станции Удельная Казанской железной дороги.

Помогала освобождению многих незаконно репрессированных людей, пока сын не сказал ей, чтобы она не вмешивалась не в свои дела.

Маленков работал много, но держался уже тогда не только скромно, но и замкнуто. Он был недоступен даже для весьма ответственных работников; например, председатель КГБ И. А. Серов часто не мог подолгу попасть к нему на прием. Маленков крайне нетерпимо относился к пьянству, которое в последние годы правления Сталина стало обычным явлением в верхах партии. Воспоминания о пьянках у Сталина, видимо, вызывали отвращение у Маленкова. По его распоряжению были закрыты многие пивные и распивочные, что привело вскоре к славной традиции распивать «на троих» в подворотнях и подъездах. Несколько раз Маленков встречался и беседовал с видными экономистами, одного из которых он попросил внести «любые предложения», которые могли бы улучшить положение в экономике. Одновременно Маленков пытался укрепиться в руководстве страны, предполагая провести для этой цели некоторые перемещения. Так, например, у него сложились очень плохие отношения с Сусловым и соответственно с его близким другом — первым секретарем ЦК КП Литвы А. Ю. Снечкусом, которого Маленков хотел заменить другим руководителем.

В Литву была направлена специальная комиссия ЦК партии, возглавляемая ответственным работником аппарата ЦК Ю. В. Андроповым. Однако комиссия не нашла достаточных оснований для того, чтобы признать работу партийного руководства Литвы неудовлетворительной. На заседании политбюро доклад комиссии получил одобрение, как и выступление самого Снечкуса. Маленков не решился в этих условиях выдвинуть свое предложение о снятии Снечкуса. После заседания Маленков подошел к Андропову, взял его за локоть и тихо сказал: «Я тебе этого никогда не прощу»[415]. И действительно, Андропов был вскоре освобожден от работы в аппарате ЦК и направлен послом в Венгрию. Он вернулся в ЦК уже в 1957 году.

Интеллигенция в отличие от крестьянства, которое, конечно же, ничего не знало о всей прежней деятельности Маленкова, относилась к нему с недоверием или даже с неприязнью. В стихотворении «О России», отражая эти настроения, поэт Наум Коржавин тогда писал:

> В тяжелом, мутном взгляде Маленкова
> Неужто нынче вся твоя судьба?..

Однако дипломаты по-прежнему гораздо больше

симпатизировали Маленкову, чем энергичному и грубоватому Хрущеву, который нередко шокировал их своими вопросами и поведением. Американский посол Чарльз Болен писал в своих воспоминаниях:

«Впервые я встретил Маленкова на кремлевском банкете во время войны, но у меня не было случая поговорить с ним. Всегда казалось, что он незаметно стоит на заднем плане. В этот период он производил впечатление робота, самый зловещий прототип Сталина, с крупным, мрачным, почти садистским лицом, с челкой черных волос на лбу, с неуклюжей полной фигурой и репутацией злодея во время чисток 30-х годов. Хотя, конечно, все сталинские помощники, включая Хрущева, приложили руку к этим чисткам. Избежать этого было невозможно.

Но в бытность мою послом я значительно улучшил мнение о Маленкове, чему способствовали наши встречи на кремлевских банкетах. Его лицо становилось очень выразительным, когда он говорил. Улыбка наготове, искры смеха в глазах и веснушки на носу делали его внешность обаятельной… Его русский язык был самым лучшим из тех, что я слышал из уст советских лидеров. Слушать его выступления было удовольствием. Речи Маленкова были хорошо построены, и в них видна была логика. Представлялся он негромким, немного высоким голосом, и акцент указывал на образованность этого человека… Более важно то, что Маленков мыслил, на мой взгляд, в наибольшей по сравнению с другими советскими вождями степени на западный манер. Он, по крайней мере, разбирался в нашей позиции, и хотя он ее не принимал, но все же, я чувствовал, понимал ее. С другими лидерами, особенно с Хрущевым, не было никаких точек соприкосновения, никакого общего языка…»[416]

ОСЛАБЛЕНИЕ ВЛАСТИ И ВЛИЯНИЯ МАЛЕНКОВА

Удаление Берии косвенным образом привело сразу же к ослаблению власти и влияния Маленкова: исчез из руководства важный союзник. Между тем ни Молотов, ни Каганович, ни Ворошилов, ни Микоян не питали никаких симпатий к Маленкову и были склонны поддерживать более простого и откровенного Хрущева. Многие обвинения, которые выдвигались Прокуратурой СССР против Берии, задевали и Маленкова. Это в первую очередь касалось «ленинградского дела». К тому же сам Берия, находясь под следствием, пытался писать Маленкову различные записки, что вынуждало последнего как-то оправдываться перед другими членами политбюро. Сказывался и тот простой факт, что Маленков, привыкший быть на вторых ролях при Сталине, не обладал достаточно твердым характером, чтобы теперь играть в партии первую роль. Он опасался принимать важные решения, проявляя колебания и неуверенность. Сталкиваясь с возражениями, он не мог настоять на своем. Пребывание в партийном аппарате не могло выработать у Маленкова тех качеств, которые у Хрущева развились благодаря десятилетней самостоятельной работе на Украине. К тому же Маленков, как оказалось, не слишком хорошо знал проблемы и состояние народного хозяйства, и особенно сельского. Маленков даже не претендовал на руководство сельским хозяйством и с облегчением передал подготовку всех основных реформ в этой области Хрущеву, который не только фактически, но и формально возглавил Секретариат ЦК, став первым секретарем.

Арест Берии и суд над ним, закончившийся вынесением смертного приговора, сопровождались изменениями всего персонального состава карательных органов, во главе которых был поставлен ближайший сторонник Хрущева генерал Серов. Одновременно функции МВД — МГБ были значительно урезаны, в их задачу теперь не входил контроль за деятельностью партийных органов, а напротив, МВД — МГБ были поставлены под твердый контроль ЦК КПСС, и прежде всего Секретариата ЦК, то есть Хрущева. Маленков уже не мог использовать, подобно Сталину, карательные органы в качестве опоры своей власти.

Эти факторы к осени 1953 года значительно ослабили роль Маленкова. Высший партийный аппарат все увереннее и прочнее брал под свой контроль государственные и общественные организации, а первым человеком в партии был теперь уже не

Маленков, а Хрущев. Без одобрения Хрущева не принимались никакие важные решения и назначения. В 1954 году казалось, что только Хрущев знает, что надо делать, дабы громоздкий корабль советского управления двигался вперед. Именно Хрущев выдвигал большую часть важных предложений во внутренней и внешней политике. Маленков просто не поспевал за своим энергичным и деятельным соратником. А главное, у него не было сторонников в руководстве, которые бы видели в нем своего шефа и покровителя, были бы обязаны ему своим выдвижением и готовы без оговорок выполнять его указания. В этих условиях вопрос о смещении Маленкова с поста главы правительства становился лишь вопросом времени. Когда началась реабилитация всех пострадавших по «ленинградскому делу», а также более отчетливо выявилась ответственность Маленкова за плохое состояние сельского хозяйства, тяжелый кризис которого скрывался фальсифицированными данными, Маленков не стал даже бороться за сохранение своей власти и ведущего положения в партийно-государственной верхушке. 24 января 1955 года в «Правде» была опубликована статья Д. Т. Шепилова «Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма», в которой содержались критические замечания о Маленкове. И хотя фамилия последнего не упоминалась, адресат этих обвинений легко прочитывался.

На следующий день, 25 января, пленум ЦК принял решение освободить Маленкова от обязанностей главы правительства. Было зачитано его заявление с признанием своих ошибок и ответственности за плохое состояние сельского хозяйства. Маленков ссылался в последнем случае на свою «малоопытность». На пленуме с критикой Маленкова выступили некоторые из членов ЦК и Президиума ЦК, в числе которых был и Молотов. Однако критика была не слишком резкой. Через несколько дней стенограмма январского пленума была зачитана во всех партийных организациях. Вскоре решения пленума формально одобрил Президиум Верховного Совета СССР, который назначил Маленкова министром электростанций СССР.

В день пленума ЦК многие родные и близкие Маленкова собрались у него в особняке. Такие особняки в районе Мосфильмовских улиц были только недавно построены для членов политбюро по инициативе самого Маленкова. Все были обеспокоены и ждали хозяина дома. Он приехал очень поздно. Войдя в гостиную и увидев родных и близких, Маленков с явным облегчением сказал: «Все остается по-старому». Его сразу поняли. Никто не ждал, что Маленков и дальше будет главой правительства. «Остается по-старому» означало, что Маленков

продолжает быть членом Президиума ЦК, что он будет не только министром, но и одним из заместителей председателя Совета министров СССР. А это, в свою очередь, подтверждало все прежние привилегии: что он будет жить в том же особняке и что он и его ближайшие родственники будут пользоваться тем же спецобслуживанием.

Было бы, однако, неверным думать, что Маленков столь легко смирился с происшедшими переменами. Внешне он сохранил с Хрущевым самые лучшие отношения, бывал даже на всех его семейных праздниках, делал подарки его родственникам. Но при этом Маленков мечтал о возвращении власти. По свидетельству Эдварда Кренкшоу, который встречался и беседовал с Маленковым в Англии в конце 1956 года, Маленков, обычно очень молчаливый (а тем более с иностранцами), неожиданно и со злостью заявил: «Я еще вернусь».

В АНТИПАРТИЙНОЙ ГРУППЕ

Вместо Маленкова председателем Совмина СССР был назначен Н. А. Булганин.

Может быть, Маленков и удовлетворился бы своей более скромной ролью, но политика дальнейшего развенчания культа личности Сталина и более глубокого и основательного расследования его преступлений, которую проводил Хрущев, пугала Маленкова. Он высказывался против постановки этих проблем на XX съезде партии, но не смог помешать Хрущеву прочесть свой знаменитый доклад. Сам Маленков, выступая на съезде, сказал всего лишь несколько фраз о вреде «культа личности», что это извращение неизбежно ведет к принижению роли партии и ее руководящего центра, к подавлению творческой активности партийных масс, к безапелляционности единоличных решений, произволу. Основную же часть своей речи он посвятил проблемам электрификации СССР.

Разоблачение культа Сталина неизбежно ставило вопрос и об ответственности Маленкова, так же как и других приближенных вождя, за репрессии и гибель ни в чем не повинных людей, среди которых было немало выдающихся деятелей партии и государства. Правда, в 1956 году были реабилитированы далеко не все незаконно репрессированные люди. Уже в 1957 году Хрущев настоял на реабилитации большой группы военных деятелей во главе с Тухачевским и Якиром, арест и расстрел которых был санкционирован в 1937 году политбюро (сам Хрущев в это время еще не входил в политбюро). Было начато расследование, берущее под сомнение законность и обоснованность приговоров по таким фальсифицированным политическим процессам 30-х годов, как процессы Зиновьева — Каменева, Радека — Пятакова, Бухарина — Рыкова, в результате которых были приговорены к расстрелу десятки виднейших соратников Ленина, деятелей Октябрьской революции и Гражданской войны. Все это переполнило чашу терпения большинства членов Президиума ЦК. Их объединил страх ответственности. Организаторами фракционной группы были Молотов и Каганович, но к ним сразу же присоединился и Маленков. Поражение этой группы было концом политической и государственной карьеры Маленкова. Он был исключен из Президиума ЦК и из ЦК КПСС и снят с ответственной работы в Совете министров СССР.

Маленкова назначили директором Усть-Каменогорской ГЭС, построенной в верхнем течении Иртыша. Вскоре его перевели

директором Экибастузской ГРЭС. Так же, как и Каганович, Маленков был весьма либеральным директором, и ему однажды обком партии объявил выговор «за панибратство с рабочими».

В 1961 году после XXII съезда КПСС он был исключен из партии. На съезде говорили о преступлениях Маленкова, о его близости к Ежову и Берии и о многом другом. Он мог считать, что еще слишком легко отделался.

После XXII съезда КПСС Маленкову и Кагановичу все еще не позволяли вернуться в Москву. Каганович получил такое разрешение только в 1965 году, а Маленков — в 1968-м, после выхода на пенсию.

МАЛЕНКОВ НА ПЕНСИИ

Переход из мира власти и привилегий, крайне замкнутого и в значительной мере секретного, в общий мир со всеми его трудностями и проблемами был крайне тяжел для всех, кого удаляли от власти. Но особенно он был невыносим для чопорного и не приспособленного к обычной жизни Маленкова, уже с молодости оказавшегося в советских «коридорах власти». Без поддержки своей жены Валерии Алексеевны, которая как личность оказалась сильнее и умнее своего мужа, Маленкову было бы совсем трудно. Он и раньше не отличался особой общительностью. Он не предлагал журналам своих мемуаров, не занимался в читальных залах московских библиотек. Можно предположить поэтому, что он решил не писать своих воспоминаний.

Маленков, как утверждает его сын, большую часть года проводил в доме своей матери в поселке Удельная под Москвой. Раньше он ездил по Москве и ее пригородам только в бронированном лимузине. Теперь же приходилось брать билеты на обычную электричку. В пути он молчал, иногда перебрасывался замечаниями с женой. Маленков сильно похудел, и поэтому его не всегда узнавали даже сверстники. Ежегодно летом Маленков отдыхал и лечился в привилегированных санаториях.

Однажды Маленков случайно встретился со старым большевиком Ю. Фридманом. «А ведь я, Георгий Максимилианович, именно благодаря вам провел пятнадцать лет в лагерях», — сказал Фридман. «Я ничего об этом не знал раньше», — ответил Маленков. «Но я же сам видел вашу подпись на моем деле», — возразил Фридман. Маленков, не желая продолжать разговор, быстро отошел в сторону.

Несколько раз в течение последних двадцати лет Маленков посещал по каким-то своим делам Министерство электростанций СССР. Кроме дочери, у него два сына, оба они ученые, доктора наук. О них я слышал только хорошие отзывы.

Необщительность и чопорность Маленкова скрывали не столько значительность, сколько посредственность его личности. Его преступления не будут забыты, сколь бы усердно он их ни отмаливал, пока был жив.

Маленков умер в январе 1988 года в возрасте 86 лет. О его смерти наша печать ничего не сообщала в отличие от смерти Молотова. Отставного премьера похоронили узким семейным кругом на Кунцевском кладбище, и здесь не было ни одного

западного корреспондента, они узнали о смерти Маленкова только через две недели. Все же большинство газет западных стран, пусть и с опозданием, подробно комментировали смерть несостоявшегося наследника Сталина. Мне трудно говорить о Маленкове как о талантливом государственном деятеле, способности которого были лишь деформированы или погублены страшной эпохой сталинизма. Нет, он был человеком вполне адекватным своей эпохе, которая находила и выдвигала таких людей.

СЕРЫЙ КАРДИНАЛ
(М. А. Суслов)

ГЛАВНЫЙ ИДЕОЛОГ ПАРТИИ

В конце января 1982 года печать и радио СССР сообщили о смерти на восьмидесятом году жизни «после непродолжительной тяжелой болезни» члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР, дважды Героя Социалистического Труда Михаила Андреевича Суслова. Через четыре дня после смерти Суслов был похоронен с такими официальными почестями, каких с марта 1953 года не удостаивался в столице ни один из усопших руководителей партии и государства, высших военачальников.

А между тем Суслов, казалось бы, не принадлежал к тем политическим деятелям нашей страны, которые в последнее десятилетие привлекали внимание внешнего мира. О Суслове говорили и писали мало, да и сам он не стремился к «паблисити» и предпочитал держаться в тени. Он не пытался занимать видных государственных постов, никогда не был ни министром, ни заместителем председателя Совета министров СССР и лишь в Верховном Совете исполнял «скромную», незаметную должность председателя Комиссии по иностранным делам Совета Союза. Суслов слишком хорошо знал и природу, и механизм политической власти. Почти всю свою жизнь он трудился в аппарате партии. Он был, как и Маленков, прежде всего аппаратчиком, но, конечно, гораздо более искушенным и искусным. Суслов поднимался вверх по ступеням партийной иерархии медленнее и упорнее других. При этом каждый его шаг к вершинам власти имел вполне определенную нравственную цену. 33-летний Молотов был уже одним из секретарей ЦК РКП(б), так же как и 33-летний Каганович. Микоян в свои 33 года был наркомом и кандидатом в члены политбюро. Маленков в 33 года заведовал одним из самых важных отделов ЦК. 33-летний Суслов же служил лишь рядовым инспектором Комиссии советского контроля. Он был достаточно осторожен и избегал излишней персональной ответственности. Но прочность и основательность его постепенного продвижения обеспечивали аккуратность и исполнительность, ревностное «проведение» указов и постановлений, отсутствие самостоятельных и решительных шагов и действий. И свою почти 80-летнюю жизнь Суслов закончил не скромным пенсионером и не почетным членом ЦК, а человеком, облеченным огромной властью, занимающим, по существу, второе место в партийной иерархии. Поэтому смерть его вызвала многочисленные отклики, толкования и прогнозы.

В последние 17 лет своей жизни Суслов считался главным идеологом партии. В СССР в еще недавнем прошлом идеология была не только областью пропаганды и агитации или сферой общественных наук, но также и важнейшим инструментом власти. Никто не мог занять крупный пост ни в одной общественной или государственной организации, если он строго (пускай и формально) не придерживался партийной идеологии марксизма-ленинизма. Основы марксизма-ленинизма «тщательно» изучались во всех общеобразовательных школах и всех высших учебных заведениях, независимо от их профиля. Присуждение любой научной степени, будь то по физике, математике или астрономии, литературоведению и юриспруденции, требовало предварительной сдачи экзаменов по марксистско-ленинской философии. До недавних пор человек, обвиненный в отходе от марксистской идеологии, а тем более «уличенный» в полемике и несогласии с ней, рисковал не только своей карьерой.

Как член политбюро ЦК, отвечающий за вопросы идеологии, Суслов находился на вершине пирамиды, состоящей из множества идеологических учреждений. В ЦК КПСС он контролировал деятельность таких отделов, как Отдел культуры, Отдел агитации и пропаганды, Отдел науки и учебных заведений, два международных отдела. Суслову были подотчетны деятельность Политуправления Советской Армии, Отдел информации ЦК, выездная комиссия ЦК, Отдел молодежных и общественных организаций. Под его руководством и контролем работали Министерство культуры СССР, Государственный комитет по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Госкино и Гостелерадио СССР. Вся печать, цензура, ТАСС, связь КПСС с другими коммунистическими партиями и внешняя политика государства — все это входило в сферу «влияния» Суслова. Ему приходилось, разумеется, работать в тесном контакте с КГБ и Прокуратурой СССР, особенно в той части проблем, которые объединялись не слишком ясным понятием «идеологическая диверсия». Немало забот доставляло Суслову и развившееся в 60—70-е годы движение диссидентов. Много внимания он уделял фактическому (или, как принято было говорить, «партийному») руководству деятельностью Союза писателей СССР. Он принимал участие во всех основных совещаниях писателей. Не менее бдительным слыл Суслов и по отношению к другим творческим организациям: он «вникал» в работу и Союза художников, и Союза журналистов, и Союза кинематографистов, в репертуарную политику театров и даже эстрады. Система партийного просвещения, общество «Знание», подготовка школьных учебников, система научных институтов по

общественным наукам, отношения Советского государства с различными религиями и церковными организациями — вот далеко не полный перечень проблем, которыми должен был заниматься Суслов.

Особой его заботой было проведение многочисленных юбилеев, 50- и 60-летия советской власти, 50-летия образования СССР, 100- и 110-летия со дня рождения В. И. Ленина — всего не перечислишь.

В 1949 году Михаил Андреевич был одним из главных организаторов пышно-помпезных торжеств по случаю 70-летия И. В. Сталина; в 1964-м — юбилейной кампании к 70-летию Н. С. Хрущева, в 1976 и 1981 годах — главным организатором чествований «верного ленинца» Л. И. Брежнева, отмечавшего «вместе со всей страной» свое 70- и 75-летие.

Сам Суслов при этом был подчеркнуто скромен в личной и общественной жизни. Но он умел, если это было необходимо, потакать тщеславию других. Однако многие из указанных выше юбилейных кампаний проводились с такой вызывающей примитивностью и сопровождались столь грубой ложью и лестью, что люди нередко задавались мыслью: чего же на самом деле добивается Суслов — поднять или уронить авторитет восхваляемых им лидеров партии?

Если многие секретари ЦК или другие высшие руководители нередко отличались (и отличаются) грубостью и высокомерным пренебрежением к подчиненным, то Суслов почти всегда был крайне вежлив и внимателен к рядовым служащим партийного аппарата и потому пользовался в его звеньях несомненной симпатией. Однако более наблюдательные сотрудники отмечали, что взгляд светлых, почти белесых глаз Суслова был неприятен; к нему трудно было подойти запросто; при всей внешней корректности и вежливости он не мог подчас скрыть присущей ему сухости и равнодушия к судьбам людей. Его длинные и тонкие пальцы напоминали больше руки пианиста, а не крестьянина, каким он был по своему происхождению.

Если сравнить портреты Суслова 50-х и конца 70-х годов, то можно с удивлением заметить, что особых изменений его внешность не претерпела. Наверное, время не коснулось ее? Уже в конце 40-х Михаил Андреевич производил впечатление «молодого старика» (или делал вид), хотя, скажем, в 1949-м ему исполнилось лишь 47 лет. Достаточно высокого роста, сутулый (может, сказывалась привычка, выработавшаяся у многих в окружении Сталина, — стараться казаться ниже ростом), худой, даже суховатый, с неярким, малозапоминающимся лицом. Подобную неизменность и «законсервированность» подчеркивала

и манера Суслова одеваться. В конце тех же 40-х на смену мешковатому кителю и широченной кепке пришли костюмы, фасон которых оставался практически тем же, казенно-архаичным, на протяжении почти 20 лет. Суслов предпочитал двубортные пиджаки с широкими отворотами траурно-черного или безлико-серого цветов, смотревшиеся на его фигуре как-то неуклюже, словно на вырост, а также темные галстуки. Какого-либо раскрепощения или фривольности в своем внешнем виде Суслов не позволял. Неизменной деталью были небольшие очки в строгой, старомодной оправе. Несомненно, Суслов был натурой цельной — он не менял своих привычек и привязанностей не только в «вопросах большой политики», но и в мелочах.

Никто как будто не обвинял Михаила Андреевича в жадности к материальным благам и наградам, в стяжательстве, в каких-либо излишествах, дорогу к которым открывала власть. Кое-кто из людей «верхнего круга» советского общества даже подсмеивался порой над его чрезмерным аскетизмом. Но этот аскетизм был скорее отражением мудрой уверенности Суслова в том, что настоящая и подлинная власть «равнодушна» к внешней мишуре (этому был и другой известный пример — И. Сталин). Кроме того, личный аскетизм отнюдь не сочетался у Суслова с непримиримостью к излишествам своих партийных соратников, если речь не шла о вопросах идеологии. Известно немало случаев, когда Суслов был крайне снисходителен к тем видным партийным и государственным чиновникам, которые нередко путали собственный карман с государственным, погрязли в коррупции, взятках и прочих материальных злоупотреблениях. Немало бумаг и докладных записок, которые должны были бы послужить поводом для немедленного судебного разбирательства и последующего сурового наказания отдельных министров, секретарей обкомов, руководителей целых республик, прекращали свое «движение» в многочисленных сейфах кабинета Суслова. Может быть, это и было одной из причин его власти и могущества?

Думается, что подобные скрытые «нити влияния» в те годы массовой коррупции были самыми надежными и прочными. Известна, например, роль М. А. Суслова в некогда нашумевшем деле «Океан». Свидетельствует старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР К. К. Майданюк: «Во-первых, начиналось оно (дело „Океан“. — *Авт.*) как обычное хозяйственное. То, что это мафиозный спрут, стало очевидным позже. И тут нельзя не отметить личную смелость Найденова… А, во-вторых, когда „засветились“ высокие посты, Найденова грубо сбросили с занимаемой должности. Сделали это, как стало

известно, Суслов и Кириленко, чтобы отвести угрозу от Медунова»[417].

Более того, Суслов всегда очень ревниво относился к сохранению видимости внешней чистоты, нравственного благополучия и «подлинной близости» окружавшей его партийной элиты к «массам». Он нередко негодовал, если светлый, мифологизированный образ «слуги народа» кем-то подвергался сомнению, или — еще хуже и крамольнее — критиковался. Правда и реальное положение вещей в таких случаях Суслова мало интересовали. Характерный эпизод в своих воспоминаниях приводит журналист И. Шатуновский, в былые годы (опираясь на идею Л. И. Брежнева) опубликовавший в «Правде» фельетон об излишнем пристрастии жен и прочих многочисленных родственников функционеров к путешествиям в служебных автомобилях — по магазинам, ателье, баням и т. п. Публикация статьи с описанием подобных «нравов» вызвала недвусмысленную реакцию главного идеолога: «После обеда мне позвонил редактор „Крокодила“ Мануил Семенов: „Я только что из „большого дома“. Твой сегодняшний фельетон в пух и прах разделал Суслов. Кричал, что „Правда“ натравливает народ на руководящий аппарат… Так что смотри!“ Я усмехнулся. А чего мне смотреть. Суслов не в курсе дела. Узнает, кто подсказал тему, и умоется… Я принимал поздравления еще два дня. На третий грянул гром. Случилось это на редколлегии, которую вел… заместитель главного… „Так вот, товарищи, мы получили очень строгое замечание от Михаила Андреевича, — сказал он. — Фельетон „Теща на 'Волге'“ признан ошибочным и вредным…“ Мне показалось, что я ослышался. Что происходит? Брежнев против того, чтобы чьи-то тещи ездили на персональных машинах, а Суслов, выходит, „за“!.. Между тем в мою голову продолжали лететь кирпичи: „Натравливает народ на руководящий аппарат. Потрафляет обывательским вкусам… Пытается вбить клин в морально-политическое единство…“[418]» И подобные случаи не единичны.

Путь к реальной, поистине всеохватной власти и могуществу Суслову открыл октябрьский (1964 г.) пленум ЦК КПСС, проходивший под лозунгом «стабильности». Речь шла о стабильности в политике, руководстве, идеологии. И тем не менее 60-е и 70-е годы стали временем больших перемен и во внутренней, и во внешней политике, и в составе руководства. Из членов Президиума ЦК КПСС, которые обсуждали в октябре 64-го вопрос о смещении Хрущева, продолжали заседать в политбюро только три человека: Л. И. Брежнев, А. П. Кириленко и М. А. Суслов. Большая часть членов старого Президиума была смещена,

меньшая похоронена у Кремлевской стены. Теперь рядом с ними покоится и прах Суслова.

В аппарате ЦК уже давно прозвали Суслова «серым кардиналом». Имелись в виду не только масштабы его власти, но и тщательно скрываемые источники влияния, а также стремление формировать и направлять политические события из-за кулис. Создание политического портрета Суслова — задача сложная. С одной стороны, сказывается пока невосполнимый дефицит архивных документов, способных нарисовать детальную объективную картину, с другой (думается, читатели ощутили это уже при первом знакомстве с биографией Суслова) — серьезным препятствием становится сам образ жизни и стиль поведения Михаила Андреевича, сознательно ориентированный на строгие, сугубо официальные формы: встречи, выступления, статьи и т. п. Естественно, с годами вокруг личности Суслова накопилось немало легенд и откровенной лжи. В 70-е годы многое из прежде содеянного и сказанного тщательно «отредактировал» М. А. Суслов самолично. Рождаются мифы и сегодня.

Восстановление исторической правды — главная цель этой книги. Мы попытаемся осветить основные этапы политической карьеры Суслова.

О ЛИЧНОСТИ, СУДЬБЕ И ЭПОХЕ

Загадка политического долголетия Суслова

Прежде чем непосредственно приступить к истории Михаила Андреевича Суслова, необходимо предварительно кратко объясниться. Биография Суслова на первый взгляд может показаться заурядной, удручающе однообразной и даже скучной. Да и сам образ главного идеолога лишен ярких, резких красок — и не сравнится в этом с фигурами Берии, Сталина или Хрущева. Однако внешняя обыкновенность обманчива. Парадокс заключается в том, что в судьбе Суслова масса тайн и вопросов, за неприметностью и «стертостью» облика проступает хитрая, расчетливая, властолюбивая натура.

Поэтому, нарушая принятые законы жанра, начнем жизнеописание Суслова преднамеренно «с конца» — с попытки хоть частично разобраться в загадках его личной судьбы и отраженной в ней эпохи. Для того чтобы облегчить читательское восприятие, яснее почувствовать смысл происходивших событий, постараемся прислушаться к неровному пульсу времени и ощутить своеобразие течения истории. Попытаемся наметить главные ориентиры общественного сознания и поведения тех лет: безраздельное господство идеологии (приобретавшей порой откровенно мифологические черты), «огосударствление» жизни, в том числе и частной, регламентация и ритуализация форм поведения, формирование особого, «идеологизированного» языка (если воспользоваться сходным определением Д. Оруэлла — «новояза»).

Стремление автора наметить вехи будущего маршрута продиктовано своеобразием предмета исследования — многолетним становлением политического деятеля авторитарной эпохи. Предварим первый (и, наверное, главный) недоуменный вопрос читателей: как такой человек — безынициативный, осторожный и нерешительный — мог свыше 40 лет удерживаться у власти и, более того, оказывать влияние, формировать «идеологию» огромной страны? Что питало и укрепляло его могущество?

Очевидцы вспоминают, что в течение долгих лет одной из излюбленных присказок Михаила Андреевича была следующая: «Партии не нужны таланты, партии нужны преданные люди». Что ж, афоризм столь же неопровержимый в былые времена, сколь и характерный — здесь средоточие представлений Суслова, итог

его политического развития.

Для появления фигуры, подобной Суслову, в высшем эшелоне власти, безусловно, должны были существовать определенные условия, почва и «стимулирующая» идеологическая среда. Начиналось все в конце 20-х… Именно тогда, на переломе эпох, в период резкой смены идеологических ориентиров, формировался и воспитывался М. А. Суслов. Нэп был искусственно прерван, и здоровое в своей основе развитие нового общества (его базиса и надстройки) стало постепенно тормозиться и деформироваться. Противостояние различных течений и групп внутри партии по вопросам политической и «генеральной» линии все более превращалось в беспринципный спор за их единоличное влияние на ход событий, а затем в жестокую непримиримую борьбу за личную власть конфликтующих между собой партийных вождей. Борьба против «правой» и «левой» оппозиции, о которой как о несомненной заслуге Михаила Андреевича упоминается в его биографиях, была уже открытой борьбой за власть, расправой с инакомыслящими. Новому руководству были чужды выстраданный опыт Ленина или Бухарина, их гибкость, практическая мудрость, стремление найти компромисс в критической ситуации, постепенно (а не разом, с наскока) решать острые социальные и экономические проблемы. Все уже диктовала сила, а также взятые из наследия левого радикализма нетерпимость, нигилизм, презрение к объективным законам общества и элементарному здравому смыслу.

Одновременно развивался процесс духовно-нравственного перерождения части правящей партийно-государственной элиты, готовой удержаться на верху управленческой пирамиды любыми средствами, с помощью любых доктрин. Таким образом, борьба за необходимое вначале сохранение власти стала содержанием, сутью самой этой власти, борьбой ради борьбы. Творчество и самобытность все активнее вытеснялись охранительным догматизмом. Человек идеи безнадежно уходил в прошлое, на смену ему все увереннее выдвигался слуга идеи. Впрочем, и сама идея неузнаваемо изменилась.

Остановимся подробнее на произошедших в идеологии изменениях, несомненно повлиявших на сознание и поступки М. А. Суслова. С конца 20-х годов политика все меньше опирается на научные разработки и все более утрачивает связи с действительностью. В результате негативных процессов в верхних эшелонах власти были отброшены разумные рекомендации и выводы обществознания, экономической науки. В противоположность ленинской идее добровольности всех форм социалистической кооперации, искажая ее смысл, сталинское

руководство варварскими методами провело насильственную кампанию «сплошной коллективизации». Деревню обобществили. На север и восток под лозунгом «ликвидации кулачества как класса» отправили на голодную смерть многомиллионное зажиточное крестьянство. Страну охватил зерновой, продовольственный кризис. Такова была цена начатого идеологического эксперимента. Естественно, гонениям подверглись и объективно, беспристрастно мыслящие экономисты, поскольку они не соглашались обосновывать соответствующей «теорией» социализма порочную административно-политическую акцию. Их сопротивление подавлялось путем идеологических репрессий и физического уничтожения. Неудивительно, что теория социалистического хозяйства все дальше уходила от науки, поиска истины, реальной жизни. Она была вынуждена фальсифицировать научные данные, оправдывая ошибочную, порой просто преступную политику в деревне Сталина, Молотова и других руководителей, узурпировавших власть. Подобные метаморфозы потрясли все сферы идеологической жизни, все отрасли обществознания. Итог и апофеоз процесса — появление «Краткого курса истории ВКП(б)».

Результатом образования сталинской тоталитарной системы стало не просто замедление в развитии идеологической жизни, но ее жестокая деформация, превращение идеологии в то, что К. Маркс и Ф. Энгельс называли «ложным сознанием». Общественные науки превратились, по существу, в служанок светской религии. Им отводилась жалкая роль — комментировать откровения Сталина и его сподвижников. Всякое отступление от должного и дозволенного жестоко подавлялось. Реальные общественные процессы как бы втискивались в прокрустово ложе извращенной идеологии.

Сложившаяся и обслуживающая режим тоталитарная идеология требовала не мысли и рассуждений, а поклонения и слепой веры; не самостоятельности, а исполнительности; не таланта, а преданности. Личность нивелировалась в сложившейся системе до набора необходимых государству качеств и ценна была не своей индивидуальной неповторимостью, а вульгарной и насильственно внедряемой социальностью — стремлением быть как все. И чем выше в строгой иерархической структуре государства находился человек, тем меньше он принадлежал самому себе, тем ограниченнее была у него возможность выбора (в том числе и нравственного) и тем больше он становился частью целого.

Вступая на тернистый путь партийной карьеры в начале 30-х

годов, Суслов постепенно хорошо усвоил правила игры и поведения, диктуемые обстоятельствами. Более того, желание подчиняться и служить было ему близко внутренне, психологически. Поэтому не надо было преодолевать в себе никаких моральных барьеров, он все делал добровольно и сознательно. Время требовало безгласных и не раздумывающих. И посредственности было гораздо легче выжить и продвинуться «вверх». Как мы уже говорили, сутью власти стала борьба за власть — а здесь требовались хитрость, расчет, умение плести интриги, такт и гибкость. И в этом Михаил Андреевич с годами преуспел.

Может возникнуть естественный вопрос: насколько Суслов был искренен в отстаивании идеологических догм на протяжении своей многотрудной карьеры? В 30—40-е годы это не было актуальным. Авторитарной идеологии не важно, насколько искренна вера человека, главное — форма, демонстративная преданность и не знающая сомнений беспощадность в борьбе с врагами. Позднее, с годами, ревностно служа тоталитарной идее, Михаил Андреевич настолько сросся и слился с ней, что она стала для него естественной и единственной реальностью. В 60—70-е годы хорошо помнивший тексты «классиков» Суслов мог на любой случай привести цитату, а точнее, подогнать под авторитетное высказывание жизнь.

Существуя в каком-то своем, закрытом для посторонних мире, он болезненно реагировал на любые посягательства, отталкивая и не замечая ни насущных проблем, ни требований действительности. А последняя все стремительнее удалялась от излюбленных и изношенных лозунгов и догм. На исходе жизни М. А. Суслов многим, даже во внешнем облике, напоминал чеховского человека в футляре. Характерные эпизоды вспоминает бывший ответственный работник аппарата ЦК КПСС Ф. Ф. Петренко: «Мне представляется, что политическое мышление этого загадочного человека было ортодоксальным и во многом догматичным. Он, между прочим, чуть ли не единственный из всей когорты руководителей, кто читал Ленина. Однако воспринимал в нем скорее букву, чем дух. Большой аскет, по-своему честный и скромный. Два раза в год он имел обыкновение вызывать к себе главного бухгалтера ЦК, открывать перед ним ящик стола, где лежала зарплата за последние шесть месяцев, и большую часть ее отдавать в партийную кассу. Многие отмечали за ним и странность ходить в калошах, в одной и той же старенькой шляпе. Но, видно, привычка… Помню, в 66-м меня включили в состав делегации, возглавляемой Сусловым. В Болгарии тогда происходили события, требующие нашей

политической поддержки Живкова и его сподвижников. Андропов и поручил мне написать для Михаила Андреевича несколько оптимистических речей о дружбе двух стран. Закончив работу, я пошел к Суслову. И представьте мое удивление, когда после прочтения текста он не сделал ни одного сколько-нибудь принципиального замечания!.. Признаться, такая непритязательность теоретика партии вызвала во мне недоумение… Ну а наша беседа в Софии — и другое чувство. Мы возвращались с очередного митинга, и я заговорил о гласности, интересуясь: почему советскому народу так мало известно о деятельности политбюро? Ведь это в высшей степени странно… Михаил Андреевич слушал внимательно, а когда я задал вопрос в лоб, просто-напросто его проигнорировал. Тут-то у меня и возникло сомнение в способности некоторых наших политических деятелей воспринимать требования времени»[419].

Как всякая замкнутая в себе, чуждая критики и развития, тоталитарная идеология постепенно приобретала поистине мифологические черты; здесь и культивировавшаяся идея «живого бога», и слитности времени: прошлое существует одновременно и наравне с настоящим (вспомним переосмысление фигур Ивана Грозного и Петра Первого при Сталине); неразличение слова и предмета (взрыв официальной риторики и экспансии «псевдореволюционной» фразеологии во все сферы жизни). Внутренняя несвобода мышления и поведения привела к невиданному ранее развитию театральной стихии жизни. «Театральность» заявила о себе еще в первые годы советской власти: не случайно революция 1905 года именовалась «генеральной репетицией», а Октябрьская — «сменой декораций»; в 1920 году театральный режиссер Н. Н. Евреинов осуществил беспрецедентную по масштабам постановку — инсценировал штурм Зимнего дворца. При сталинском режиме, помимо парадов, физкультурных праздников, «театральность» приняла трагические формы — в многочисленных судебных процессах или массовых идеологических кампаниях-расправах…

На партийной работе М. А. Суслов постепенно приобрел и качества опытного постановщика и режиссера (борьба с «космополитизмом», юбилей Сталина). В 60—70-е годы «театральность» уже обернулась откровенным фарсом, или театром абсурда: именно так воспринималось большинством создание по инициативе Суслова «живой легенды» — Леонида Ильича Брежнева. Другим воплощением господства этой театральной стихии стали бесконечные митинги, собрания, встречи. Соответственно вырабатывался и определенный тип руководителя. Для большей наглядности приведем отрывок из

некогда популярной книги П. Павленко «Счастье» (дневники школьников конца 40-х пестрели «мудрыми» цитатами и сентенциями из этого сочинения): «Тут вспомнилось ему (главному герою политработнику Воропаеву. — *Авт.*)… он шел однажды лесом и вдруг издали приметил: мальчик лет десяти, соорудив из досочек игрушечную трибуну и поставив на нее черепушку вместо стакана с водой, увлеченно произносил какую-то речь, изредка прихлебывая из черепка и потрясая кулаком, как это делал и сам Воропаев. Неглубокий сосновый борок, вразвалку сбегавший с холма к дороге, насквозь просвечивался солнцем, и оттого каждое дерево стояло как бы в солнечной лунке. А мальчик находился в тени и был отчетливо виден с дороги. Он играл один, далеко от жилья. О чем он рассказывал, кого защищал или обвинял? Что делалось в этом маленьком сердце, когда его ручонка, постучав по трибуне, устремлялась вперед, как у бронзового Ленина?.. Этот мальчик-оратор был его духовным созданием»[420]. Вот такие идиллические игры.

Итак, история нередко походила на митинг. Тоталитарный режим, да и позднейшие эпохи выработали определенный язык и соответственно стиль поведения: все здесь было строго расписано и ритуализовано. О сходном явлении размышлял в своем романе «1984» Д. Оруэлл: «Новояз должен был не только обеспечить знаковыми средствами мировоззрение и мыслительную деятельность приверженцев ангсоца (английского социализма. — *Авт.*), но и сделать невозможными любые иные течения мысли… Лексика была сконструирована так, чтобы точно, а зачастую и весьма тонко выразить любое дозволенное значение, нужное члену партии, а кроме того, отсечь все остальные значения, равно как и возможности прийти к ним окольными путями… Новояз был призван не расширить, а сузить горизонты мысли… Для политических целей прежде всего требовались четкие стриженые слова, которые имели ясный смысл, произносились быстро и рождали минимальное количество отзвуков в сознании слушателя»[421].

Именно усиленное овладение и умелое манипулирование подобным языком обеспечивало власть. В биографии главного идеолога читателя не должно смущать обилие выдержек и цитат из речей и выступлений Суслова. Потому что высказывания Михаила Андреевича здесь не просто иллюстрация его позиций и оценок, это нечто большее. Слова становятся формой поведения, поступком, важнейшим инструментом политической власти. Сравним три высказывания Суслова разных эпох. «Кое-где еще сохранились вражеские элементы, но житья мы им не дадим». Это конец 30-х. «Они („лесные братья“ в Литве. — *Авт.*) продолжают

творить черное дело, совершая злодеяния, которым научились у немецко-фашистских захватчиков и извергов». Это середина 40-х. «Нападки ревизионистов отбиты, и они вынуждены были отступить с позором, но идейные бои на этом не прекращаются». Мысли по поводу развития искусства на исходе 50-х. За постоянной решительностью и непримиримостью, за поиском врагов и виноватых Суслов играет роль неутомимого борца, чей удел — «вечный бой».

Впрочем, как и во всем, он был осторожен и не блистал ораторским искусством. Он предпочитал проверенную фразеологию и ссылки на чужие авторитеты, не терпел «лирики» или чрезмерной «игры воображения», хорошо понимая, что образное красноречие может завести слишком далеко.

Другой стороной официальной риторики стало появление множества условных обозначений и эвфемизмов, что обеспечивало видимую прочность авторитарной идеологии. Одним из излюбленных эвфемизмов (в том числе и для Суслова) стало выражение «народ» или, более расплывчато, «народные массы». Как только не клялись и не ссылались на их мнение и благо! А в основе лежали глубокое неуважение к отдельному человеку, представление о народе как о безликой толпе, которой нужны не идеи, а лозунги, не разумная логика, а громкие посулы.

Таким образом обрисовались особенности данной работы; затронуты лишь некоторые причины политического долголетия Суслова. Важно и другое — отмеченное своеобразие идеологической эпохи обусловливает и формы повествования. Так, помимо документов, воспоминаний современников, помимо анекдотов, то время ярко запечатлено и на страницах газет. Эту особенность советской газетной хроники точно подметил А. И. Солженицын: «На Западе может так быть, что поток газетный не увлекает за собой жизнь или не отражает ее. Благодаря обилию и свободе прессы. В истории раннего Советского Союза, да и позднего, газеты имели совершенно другое значение. Наши газеты были пулеметными очередями, фразы наших газет расстреливали и делали события»[422].

В НАЧАЛЕ ПУТИ

Первые тридцать лет

Нам мало что известно о первых тридцати годах жизни Михаила Суслова. И в Большой советской энциклопедии, и в Исторической, в некрологе по случаю смерти и разного рода биографических очерках об этом периоде говорится в одинаковых выражениях и одинаково скупо.

М. А. Суслов родился 21 ноября 1902 года (по новому стилю) в селе Шаховском Хвалынского уезда Саратовской губернии (ныне Ульяновской области) в бедной крестьянской семье. Отец Суслова — Андрей Андреевич, также родом из Шаховского (родился в 1882 году), с детства испытал привычные для крестьянского мальчика голод, нужду и упорный труд. Но то ли сердце у него к земле не лежало и скучны были крестьянские заботы, то ли решил зарабатывать другим способом, чтобы прокормить оставшуюся в селе семью, то ли тянуло мир посмотреть, — в 1904 году он надолго покидает родные места. Уезжает на заработки в далекий Баку, где и поступает на работу на нефтепромысел.

Судя по всему, события 1905 года не прошли мимо Андрея Андреевича, после революции он ненадолго попадает под надзор полиции. Человек деятельный и энергичный, Суслов много путешествует по стране (может, от извечной тяги к странствиям и поискам справедливости, а может, по более прозаичным причинам: в надежде на легкий и скорый заработок). Он часто меняет род занятий и место работы. После долгой разлуки (в конце 1912-го) возвращается в родное Шаховское, где в семье уже подрос сын Михаил, ставший опорой для матери. Но на родине старший Суслов задерживается ненадолго: в 1913 году он работает в организованном им сельском кооперативе в Шаховском, а в 1916-м, собрав артель плотников (видимо, предпринятое дело опять пошло неудачно), уезжает с ней в Архангельск. Там его застают Февральская, а затем и Октябрьская революции. В это смутное время Суслов-старший избирается в местный Совет рабочих и солдатских депутатов. В 1919 году, вернувшись на родину, он вступает в члены РКП(б), служит в Хвалынском укоме и горсовете. В автобиографии Андрей Андреевич упоминает и о горестных семейных событиях: болезни двух его детей в 1920 году. Это был тиф. С середины 20-х годов ни о судьбе отца Михаила Суслова, ни о его младших братьях или

сестрах нам ничего не известно. Во всяком случае, в отличие от семьи Кагановичей, никто из членов семьи Суслова не принимал заметного участия в политической жизни нашей страны. Мать Михаила Андреевича дожила до 90-летнего возраста и умерла лишь в начале 70-х годов в Москве, Суслов проявлял к ней сыновнюю заботу и преданность. Что же касается его взаимоотношений с отцом, то о их характере можно лишь догадываться. Возможно, долгие разлуки и отсутствие отцовских рук в раннем детстве запали в память сына, став причиной некоторого отчуждения. Так или иначе, отца своего Суслов вспоминал крайне редко. Да и воспоминаниями о своем детстве он не любил делиться. Исключение составил разве что эпизод во время избирательной кампании в Верховный Совет РСФСР в Ростове-на-Дону в 1938 году. Тогда М. А. Суслов в речи перед колхозниками-избирателями рассказал о впечатлениях своей юности: «А вспомните, товарищи, прошлое, когда миллионы трудящихся были бесправными, забитыми, угнетенными. Я вспоминаю свои молодые годы. Тяжелое было мое детство, как и детство многих тогда бедных крестьянских ребят. У моего отца никогда не было лошади. Душили нищета и голод. Душили помещики и купцы. 800 крестьянских дворов нашего села имели меньше земли, чем имели два соседских помещика»[423].

Однако в привычной для 30-х годов, слишком общей и гиперболизированной речи Суслов, мягко говоря, исказил действительность. Село Шаховское (800 крестьянских дворов!) было огромным и весьма зажиточным. Как и в других больших селах, помимо земледелия здесь процветали промыслы и торговля. Естественно, было сильно и социальное, имущественное расслоение: здесь имелось много зажиточных (кулацких) и крепких (середняцких) хозяйств, много было и бедноты.

В деревне М. А. Суслов получил начальное образование (наверняка окончил приходскую школу при церкви). Как принято говорить, он стал рано проявлять революционную активность. Когда в стране начали создаваться комитеты бедноты, молодой Суслов вошел в бедняцкий комитет родного Шаховского. В феврале 1920 года вступил в ряды РКСМ, принимал участие в организации сельских комсомольских ячеек. Что же стоит за этими скупыми строками его официальной биографии?

Думается, как и везде, комбеды участвовали в распределении земли, организации коммун, в «борьбе с кулаками», помогали в проведении продразверстки, изымая хлебные излишки у всех более или менее зажиточных мужиков. Что двигало Сусловым в его революционной деятельности? Это могла быть искренняя убежденность в справедливости идеалов, провозглашенных

революцией, а могла быть и обыкновенная ненависть и зависть к тем, кто лучше работает и лучше живет. Но все это лишь предположения.

До нас дошел любопытный документ той эпохи — «Протокол № 2 заседания активных работников Хвалынской городской организации КСМ от 9 декабря 1922 года». На собрании еще юный Михаил Суслов читал собственное сочинение — реферат под названием «О личной жизни комсомольца». Наверное, уже тогда стал складываться начетнический и догматический стиль мышления, столь характерный для главного идеолога страны в его зрелые годы. Уже тогда жесткие и аскетические требования к нравственной стороне поведения молодежи лектор изложил в виде «заповедей», «что можно и что нельзя делать комсомольцу». Затем этот новоявленный «кодекс морали» решено было опубликовать и распространить по другим ячейкам.

В 1921 году в 19-летнем возрасте Суслов стал членом Коммунистической партии. Вскоре по путевке местной партийной организации он приехал в Москву и поступил на Пречистенский рабфак, который успешно окончил в 1924 году. С 1924 по 1928 год Суслов учился в Московском институте народного хозяйства имени Г. В. Плеханова, одновременно ведя педагогическую работу в Московском химическом техникуме имени Карпова и в Московском текстильном институте. Позднее (для повышения квалификации) он стал слушателем Экономического института красной профессуры, который готовил в то время кадры «красных преподавателей», новую «партийную интеллигенцию». Состав преподавателей и в Институте имени Плеханова, и в Институте красной профессуры был очень сильный, так что можно предположить, что Суслов получил неплохую экономическую подготовку. Вопросы экономики, политэкономии и, более конкретно, своеобразия переходного периода в 20-е годы были в центре партийных дискуссий. Какие позиции отстаивал Суслов? Из биографии мы можем узнать, что «активно боролся как против левой, так и против правой оппозиции».

В 1929 году молодой ассистент начал читать курс политэкономии в Московском университете и в Промышленной академии. В этой академии как раз в 1929–1930 годах учился Н. С. Хрущев. Между студентами академии, пришедшими непосредственно с партийной работы, и преподавателями были совсем иные, менее официальные отношения, чем принято традиционно. К тому же Хрущев был избран секретарем партийной организации академии и по должности контактировал с преподавателем одной из ведущих дисциплин. Поэтому можно без колебаний сказать, что Хрущев и Суслов знали в этот момент

друг друга. Однако никакого близкого знакомства между ними тогда не возникло. Это произошло лишь в конце 40-х годов.

Научная карьера, видимо, не прельщала М. А. Суслова, и, очевидно, поэтому он выбирает другой путь.

37-Й И ДРУГИЕ ГОДЫ

Весной 1931 года решением ЦК Суслов был направлен на работу в Центральную контрольную комиссию ВКП(б) и Наркомат рабоче-крестьянской инспекции — единый (до 1934 года) партийно-государственный контрольный орган. Должность ему определили скромную — инспекторскую.

Что же входило в его обязанности? Об этом можно судить по ежемесячным пространным отчетам, публиковавшимся в специальном разделе «Правды» — «Листок ЦКК и РКИ». Здесь содержалась подробная информация о всех событиях и сферах деятельности контрольных органов. Внутри аппарата ЦКК существовали различные отделы, связанные с той или иной областью народного хозяйства или государственного управления. Структура центрального аппарата дублировалась местными органами. Но с начала 30-х практически все звенья ЦКК — РКИ были задействованы в массовых политических кампаниях: это могла быть «борьба с ослаблением дисциплины на промышленных предприятиях» или «очистка» торговой сети «от спекулянтов и бюрократов». Зимой 1933 года на слете колхозников Сталин высказал озабоченность нечеткой работой МТС и ремонтных мастерских. Оказалось, что классовый враг портит советский трактор не только в поле, но и всячески старается задержать его ремонт. Кроме того, он коварно срывает и дезорганизует работу мастерских. Естественно, перед контрольными органами была сформулирована экстренная задача — «разоблачить кулака и его пособников, пролезших в машинно-тракторные мастерские». ЦКК — РКП взяла под свое систематическое наблюдение 21 МТС. Время до посевной еще оставалось, и контроль ширился. По выявленным фактам «саботажа» были возбуждены уголовные дела. 12 марта 1933 года в «Правде» появилось сообщение: «От коллегии ОГПУ… Коллегия ОГПУ, рассмотрев в судебном заседании своем от И марта 1933 г. дело арестованных — выходцев из буржуазных и помещичьих классов, государственных служащих в системе Наркомзема и Наркомсовхозов — по обвинению их в контрреволюционной вредительской работе в области сельского хозяйства в районах Украины, Северного Кавказа, Белоруссии, постановила:

За организацию контрреволюционного вредительства в машинно-тракторных станциях и совхозах ряда районов Украины, Северного Кавказа и Белоруссии, нанесшего ущерб крестьянству и государству и выразившегося в порче и уничтожении тракторов и сельскохозяйственных машин, умышленном засорении полей,

поджоге машинно-тракторных мастерских и льнозаводов, дезорганизации сева, уборки и обмолота с целью подорвать материальное положение крестьянства и создать в стране состояние голода, — ПРИГОВОРИТЬ К ВЫСШЕЙ МЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ — РАССТРЕЛУ…»[424]

Апрель 1933 года стал во многом переломным в судьбе Михаила Андреевича. 28 апреля было принято постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) о чистке партии. Согласно этому документу, из партии вычищались: «1) классово чуждые и враждебные элементы, обманным путем пробравшиеся в партию и остающиеся там для разложения партийных рядов; 2) двурушники, живущие обманом партии, скрывающие от нее свои действительные стремления… 3) открытые и скрытые нарушители железной дисциплины партии… 4) перерожденцы, сросшиеся с буржуазными элементами… 5) карьеристы, шкурники и обюрократившиеся элементы… 6) морально разложившиеся…»[425] Как видно, приведенные формулировки так же категоричны, как туманны и расплывчаты. Как обнаружить, например, скрытых нарушителей дисциплины или перерожденцев? Как поймать за руку двурушников, плетущих свои коварные интриги? Кто такие шкурники?

Дело руководства чисткой во всесоюзном масштабе было поручено Центральной комиссии по чистке в составе: председателя Я. Э. Рудзутака (бывшего наркома РКИ) — его на этом посту вскоре сменил Л. М. Каганович; С. М. Кирова, Е. М. Ярославского, Н. И. Ежова, М. Ф. Шкирятова, И. А. Пятницкого и других. Были определены сроки и последовательность мероприятий. Несомненно, существовала разнарядка, регламентировавшая минимальное количество неблагонадежных. Все шло по плану. С 1 июня чистку должны были начать в Московской, Ленинградской, Уральской, Киевской и других областях. Для каждого региона были сформированы центральные комиссии. Помимо трех постоянных членов в каждую из них входили и сотрудники ЦКК — объем предстоявшей работы и документации был огромен. М. А. Суслов участвовал в комиссии по чистке Уральской области. Председателем ее был назначен Б. А. Ройзенман.

Как же проверяли большевики Урала свои ряды? Был составлен график, определена последовательность прохождения районов и предприятий. На местах также создавались комиссии по чистке. Но, не доверяя местным коммунистам, в состав каждой для «укрепления» вошли сотрудники ЦКК. На собраниях по чистке обсуждали каждого. (В стране иногда доходило до курьезного: газеты сообщали, например, о партийной чистке

только что возвращенных на Большую землю героев-челюскинцев — «Челюскинцы на партийной проверке».) Предполагалось, что на обсуждении «очищавшемуся» в глаза, откровенно говорится о его грехах и недостатках. Он же, в свою очередь, должен быть предельно самокритичен. Какие уродливые формы все это массовое «покаяние» принимало в действительности, несложно представить.

С первых же шагов комиссия ЦК по Уралу столкнулась с определенными трудностями. Обнаружилось, что член Областной контрольной комиссии Уфимцева «содействовала исключенным из партии троцкистам. Будучи членом Уральской областной КК и работая в партколлегии, она стремилась все проходящие дела троцкистов проводить через свои руки, стараясь восстановить их в партии»[426]. В другом случае в Березниковском районе «окопалась беспринципная группа», выступившая против чистки. В августе 33-го Ройзенман опубликовал первый отчет о проделанной работе. К приведенным в нем фактам М. А. Суслов был непосредственно причастен. «По 90 ячейкам, закончившим чистку к 18 августа, проверено 3124 человека (2503 члена и 621 кандидат партии). Из этого числа исключено 749 человек, или 24 %. Каковы основные причины исключения из партии? По 45 ячейкам, закончившим чистку к 10 августа, был произведен подробный анализ исключенных… Если всех исключенных разбить по тем категориям, какие даны в постановлении ЦК и ЦКК, то мы получим следующую картину: классово чуждые, враждебные элементы, обманным путем пробравшиеся в партию, — 20,2 %, двурушники… — 11,2 %; открытые и скрытые нарушители железной дисциплины партии и государства — 28,2 %; перерожденцы, сросшиеся с буржуазными элементами, — 15,6 %, карьеристы, шкурники, обюрократившиеся элементы… — 10,2 %; морально разложившиеся — 14,6 %…»[427]

Успешное завершение уральских мероприятий послужило поводом к новому назначению — в Черниговскую область, проверявшуюся на втором этапе. Кроме председателя Б. Ройзенмана, его постоянных заместителей Богданова и Забуткина в число сотрудников ЦКК в Черниговскую комиссию вошел проявивший себя с лучшей стороны, исполнительный и «принципиальный» Михаил Андреевич Суслов.

«Первые уроки чистки партийной организации Черниговщины» (так называлась отчетная статья Ройзенмана в «Правде») были малоутешительными. Ситуация осложнялась тем, что из числа рекомендованных местным обкомом 184 коммунистов для работы в комиссиях было отобрано лишь 40 человек, остальные оказались неблагонадежными; имели

небольшой партстаж, были замечены в оппортунизме, притуплении бдительности и проч. Тем большая нагрузка выпала на сотрудников комиссии по чистке, в том числе и на М. А. Суслова. Контроль ужесточился и по другой причине. Членам центральной комиссии ЦК пришлось столкнуться с явлением для Уральской области малохарактерным. Местные партийные ячейки оказались «густо засорены националистами»: «Несколько примеров. Парторг сельской организации деревни „Красные партизаны“ Носовского района Шульга, будучи одновременно заведующим школой и преподавателем обществоведения, сросся с националистами и антисоветскими людьми, покровительствовал воспитанию детей в религиозном духе… Возьмем, далее, Нежинский педагогический институт (это бывшая знаменитая Нежинская гимназия, в которой некогда учился Н. В. Гоголь. — *Авт.*)… Во время чистки здесь была разоблачена группа национал-уклонистов во главе с бывшим директором института Парад ой и его заместителем Тихим. В прошлом году, в момент разгрома главных сил украинского национализма, эти люди ограничились лицемерным признанием своих ошибок, а на деле сохранили свои националистические взгляды и пытались протаскивать их в своей педагогической деятельности»[428].

Другим существенным препятствием «разворачиванию чистки» стало неожиданное отсутствие самокритики у «очищавшихся». Они слишком много говорили о собственных достижениях.

В сельских районах были выявлены многочисленные «кулацкие пособники», а также предотвращена попытка «скрыть преступления» и «обмануть бдительность масс». Черниговская областная газета «Більшовик» подробно публиковала «календарь» чистки, отчеты о проделанной работе комиссии Б. Ройзенмана, а также его обращения к областному прокурору Бондареву — некоторым из разоблаченных грозило судебное разбирательство. В этой атмосфере страха и подозрительности крепла политическая бдительность М. А. Суслова, рос его авторитет. После разделения аппарата ЦКК — РКИ он становится членом Комиссии советского контроля.

Мы не случайно вынесли в заголовок раздела 1937 год. Потому что, как жил и действовал в эти трагические для страны дни М. А. Суслов, нам документально неизвестно. Остаются лишь предположения: по долгу службы каким-то образом он принимал участие в происходивших событиях. Очевидно другое — в 1938 году он уже секретарь Ростовского обкома партии. Повышение столь же стремительное, сколь и значительное.

Обратимся к фактам «ростовского периода» биографии

Суслова. Немало современников убеждены в его непосредственной ответственности за репрессии в Ростове-на-Дону и Ростовской области. Однако эта уверенность основывается лишь на том, что в годы террора Суслов находился на руководящей партийной работе в этом крае. Сам же Михаил Андреевич нередко говорил друзьям, что он не уничтожал, а, напротив, способствовал восстановлению Ростовской партийной организации. Но это была только часть правды.

У нас, как отмечалось выше, нет никаких данных о личном участии Суслова в массовом насилии 1937–1938 годов.

Но эти кампании, уничтожившие основную часть партийного актива, несомненно, открыли чиновнику Комиссии советского контроля путь к быстрому продвижению наверх. «Избиение» кадров проходило в Ростовской области по общему для всей страны сценарию. Аресты здесь были настолько массовыми, что на некоторых предприятиях не осталось парторгов, да и не из кого их было выбирать. В результате партийная организация области была попросту обескровлена. Кроме этого, арестам подвергались и тысячи беспартийных специалистов: инженеров, хозяйственных работников. Множились «дела» по диверсиям, актам саботажа или шпионажа в пользу многочисленных иностранных разведок. На место «выбывших» поспешно выдвигались новые руководители — в прошлом рядовые рабочие-«стахановцы». Но им было слишком трудно полноценно заменять опытных и сведущих специалистов, обеспечить выполнение плана. Позднее, уже после XX съезда, М. А. Суслов, как и другие члены ЦК, выступал на предприятиях и заводах с разъяснением принятых на съезде решений. Поддерживая критику «культа личности», обличая «искривления ленинской кадровой политики» в 30-е годы, сам М. А. Суслов считал себя непричастным к творившемуся беззаконию. Тогда же и была публично выдвинута версия о его помощи Ростовской партийной организации, значительно пострадавшей от репрессий.

Как раз в описываемом 1938 году курс сталинской политики насилия и произвола изменился, наметился как бы новый его этап. Последовала временная «волна» реабилитаций и амнистий — некоторые из пострадавших были освобождены и даже восстановлены в прежних должностях. Многие поверили в надвигавшиеся «либеральные» реформы. Место «предателя» и «врага народа» Ежова занял новый человек — Л. П. Берия. В Ростовской области также сменилось начальство НКВД — сюда был направлен В. Абакумов.

Как и повсеместно, вся ответственность за «ошибки» и «случавшиеся перегибы» была возложена на местное руководство.

Ростовская область не стала исключением. В Ростовском обкоме, как позднее открылось, «окопались участники правотроцкистской контрреволюционной организации». Из Москвы для разбирательства и наведения «большевистского порядка» был прислан бывший председатель ЦКК и нарком РКИ, а ныне секретарь ЦК ВКП(б) (с 1935 г.) А. А. Андреев. Именно «помощь» ЦК содействовала тому, что эта «шайка врагов была выкорчевана и призналась в своих преступлениях». Комиссия обнаружила и причину кризиса: «Было допущено серьезное нарушение выдвинутого товарищем Сталиным большевистского принципа подбора кадров по политическому и деловому признакам». Более того, «враги, оказавшиеся в руководстве Ростовской областью», подбирали работников «по осужденному партией признаку семейственности». Особая вина в содеянном лежала на «бывшем первом секретаре обкома тов. Евдокимове… Но ЦК ВКП(б) поправил тов. Евдокимова (он был снят с должности и вскоре репрессирован. — *Авт.*) и дал в подкрепление руководству партийной организацией группу новых работников» (среди которых находился и новый третий секретарь обкома М. А. Суслов. — *Авт.*). Подобные итоги были подведены на 1-й Ростовской областной партийной конференции 8 июня 1938 года исполняющим обязанности первого секретаря обкома Б. А. Двинским[429]. Тогда же о проделанной им за короткий срок работе отчитался и М. А. Суслов, в ведении которого оказались кадровые вопросы.

«Областная парторганизация и обком партии провели большую работу по реализации решений январского Пленума ЦК ВКП(б) по ликвидации последствий вражеской деятельности в партийной работе», — авторитетно заверил Суслов. Имея большой опыт и заслуги в работе контрольных органов, Михаил Андреевич возглавил местную партийную комиссию контроля, разбиравшую поступавшие жалобы и апелляции невинно пострадавших людей. Вот некоторые цифры, приведенные им тогда: «За 1937 год по Ростовской области было исключено из партии 2,5 тысячи коммунистов… Вражеское руководство оставило нам в наследство к 1 января 1938 года 2 тысячи апелляций. В Ростовской области после январского пленума ЦК разобрано свыше 4 тысяч апелляций, из них только в обкоме партии обновленным руководством рассмотрено 2100 апелляций. На это ушла уйма времени, уйма сил, энергии, и разбирали мы апелляции довольно внимательно… За эти 5 месяцев мы выдали 1300 партийных документов восстановленным в партии… Перед нами стоит большая задача — вовлечь в партийную работу, в общую партийную семью восстановленных в партии. Их в нашей

области свыше 2 тысяч человек»[430].

Кроме этого, для усиления областной партийной организации Сусловым было принято в ряды ВКП(б) свыше 3 тысяч человек. Однако некогда обрисованная им «объективная» картина «восстановительной работы» новой партийной власти (впрочем, так же как и точность статистических данных) не должна вводить в заблуждение. По отношению к большинству невинно пострадавших членов партии Суслов занимал жесткую и непримиримую позицию, продиктованную неуклонным «классовым подходом». Областная газета «Молот» достаточно регулярно извещала о заседаниях руководимой Сусловым комиссии обкома и принятых ею решениях по апелляциям. Эти отчеты, несомненно, подтверждают ту положительную роль, которую сыграла комиссия в судьбе некоторых несправедливо пострадавших коммунистов. Очевидно и другое: на совести Суслова сотни и сотни искалеченных людских судеб. Вот лишь некоторые красноречивые выдержки из газетных материалов, подтверждающих это: «…Личное дело Фельдман М. И. Муж Фельдман Матильды Ильиничны, с которым она жила в течение 9 лет, разоблачен как враг народа. Фельдман не только знала о связях своего мужа с заграницей, но и сама поддерживала связь с родственниками мужа, проживающими в трех иностранных державах». Или: «Бюро Ростовского обкома ВКП(б) рассмотрело в присутствии апеллирующих апелляции на исключение из партии Полуботко Г. С., Позднякова В. А., Эггер С. С… Полуботко Георгий Спиридонович скрыл от партии то, что отец его был владельцем меблированных комнат в Ростове… Поздняков Василий Александрович скрыл при вступлении в партию, что его отец (ныне репрессированный) имел наемных рабочих. Женился на дочери жандарма…» Или еще один типичный для нравов «общей партийной семьи» отрывок: «Утвердить исключение из партии… Блажевской Елизаветы Францевны за связь с родственниками, оказавшимися врагами народа… Авошниковой Мелании Андреевны за притупление большевистской бдительности и сокрытие от партийной организации ареста своего мужа, оказавшегося врагом народа…»[431] За подписью М. А. Суслова в январе 1939 года появился и следующий документ: «Утвердить решение об исключении из членов партии Шесновец А. А. за неоказание помощи в разоблачении своего мужа (иными словами — за недоносительство. — *Авт.*), оказавшегося врагом народа, и как потерявшую бдительность…»[432] То же решение со сходной формулировкой последовало в отношении еще четырех бывших коммунистов.

Нетрудно догадаться, каким был дальнейший путь этих

прошедших партийное разбирательство людей. Многих ожидали лишение работы, мытарства в поисках заработка, недоверие бывших друзей и знакомых и, наконец, ссылка, лагерь…

С приходом в обком «обновленного руководства» атмосфера страха и подозрительности не рассеялась, доносы и репрессии в области не прекратились. Насилие лишь изменило масштаб. В уже процитированном выше выступлении Суслов убежденно провозглашал необходимость продолжения «классовой борьбы»: «С каждым днем обновленное руководство обкома партии постепенно нащупывает, где у нас политически неблагополучно с руководством районов. Была проведена большая очистительная работа. Но это не значит, что кое-где еще не удалось притаиться вражеским элементам. Я думаю, что кое-где им удалось сохраниться, но житья мы им не дадим, выкорчуем до конца и наверняка»[433]. И это обещание «выкорчевать до конца» Суслов последовательно и с энтузиазмом выполнял. Летом 1938 года по инициативе Михаила Андреевича, а также на основании полученного доноса был проведен разбор двух персональных дел секретарей Пролетарского (сельского) райкома ВКП(б) — В. Н. Лосева и Л. И. Сулименко. Вот выдержки из принятого решения: «…указания областной партийной конференции о том, что первоочередной задачей большевиков Ростовской области является полное истребление всех до одного презренных фашистских агентов — троцкистов, бухаринцев и прочей мрази, прошли мимо внимания тт. Лосева и Сулименко. Больше того, тт. Лосев и Сулименко проявили преступную политическую беспечность в отношении врагов народа, пробравшихся на руководящие посты в районе, они не только не обеспечили проверки поступивших сигналов, но, напротив, поддерживали с этими лицами „семейные отношения“ и проводили с ними групповые пьянки…»[434] Раскрытый заговор был доказан и несомненными связями обвиняемых с прежним разоблаченным руководством области. Впрочем, это был не последний «успех» бдительного Михаила Андреевича.

Таким образом, хотя 37-й остается белым, неизведанным пятном биографии Суслова, последующие поступки неопровержимо свидетельствуют: он был убежденным проводником сталинской кадровой политики, основанной на тотальном недоверии и насилии, политики, претерпевшей после рубежного 37-го лишь внешние, косметические изменения, суть же оставалась прежней.

Обязательной составной частью партийной карьеры в то время было депутатство в Советах, несмотря на весь формальный ритуальный характер подобного «народного представительства».

В зависимости от чина и ранга это могли быть местные, республиканские или союзный Советы. Успехи в руководстве Ростовским обкомом обеспечили Суслову и этот важный шаг в восхождении по ступеням власти. Впервые М. А. Суслов стал депутатом Верховного Совета РСФСР. Выборы состоялись летом 1938 года. Вся предвыборная кампания проводилась четко и слаженно, организовывались митинги и собрания, на которых избиратели заранее «отдавали свои голоса» И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову и т. д. (по порядку) и кому-нибудь из местных представителей власти. Отчеты о предвыборных мероприятиях, сведения о кандидатах регулярно публиковались. М. А. Суслов баллотировался по Мечетинскому (сельскому) избирательному округу. 14 июня 1938 года в одноименной станице третий секретарь обкома огласил на 5-тысячном митинге (согласно газетной информации) свою предвыборную программу: «…вместе с вами я буду еще беспощаднее громить шпионов, диверсантов и вредителей, чтобы наш народ спокойно жил, свободно трудился и весело отдыхал. А трудимся мы действительно свободно, отдыхаем действительно весело, живем, как никто…»[435] Здесь Михаил Андреевич, видимо, позволил себе «скрыто» процитировать известный сталинский афоризм. Интересно, что в одном из агитационных сообщений «Наш кандидат М. А. Суслов» колхозник-избиратель особо подчеркнул, что «М. А. Суслов известен своей непримиримостью к врагам советской власти».

Помимо местных партийных функционеров, служащих НКВД, рабочих и колхозников-ударников от Ростовской области по традиции в Верховный Совет России были избраны и два руководителя из столицы: А. И. Микоян и П. С. Жемчужина (жена В. М. Молотова). Несомненно, состоялось и знакомство Суслова с ними. Областная газета опубликовала фотографию, запечатлевшую членов ростовской делегации — на ней изображены Никита Изотов, А. И. Микоян, П. С. Жемчужина, М. А. Суслов и другие. К своим новым знакомым Михаил Андреевич относился внимательно, с подчеркнутым уважением, как принято было говорить, «прислушивался к мнению старших товарищей». Этим взаимоотношениям была суждена долгая история. Когда последовал арест Жемчужиной, Суслов работал секретарем ЦК и был непосредственным соавтором кампании «борьбы с космополитизмом», позднее, во времена Н. С. Хрущева, он сталкивался с Молотовым, а Микоян нередко бывал его резким оппонентом (в «венгерских событиях», на октябрьском (1964 г.) пленуме ЦК КПСС).

По мере успешного решения «кадровых вопросов» круг

обязанностей и «интересов» третьего секретаря менялся и значительно расширялся: Суслова все более влекло к насущным идеологическим проблемам. Конец 1938 года ознаменовался значительным событием — увидел свет печально известный «Краткий курс истории ВКП(б)».

Ростовская газета «Молот», как и другие печатные органы Советского Союза, полностью опубликовала текст этой книги. В завершение публикации М. А. Суслов выступил со статьей «За глубокое изучение истории ВКП(б)». Отмечая «ценнейший вклад» учебника в «сокровищницу революционной теории», автор особенно выделил «замечательную ясность, простоту, выразительность» в сочетании с «мудростью и глубиной», с «подлинно научным изложением истории партии»[436]. Думается, эта книга никогда не была для Суслова просто архивным документом. «Краткий курс» окончательно сформировал политическое мышление и поведение будущего главного идеолога партии.

Еще одним важным выступлением на ниве просвещения и пропаганды стала другая «разъяснительная» статья Суслова — «Всесоюзная перепись населения — всенародное дело». Как ответственный за кадровые вопросы, он непосредственно курировал проведение переписи в области. Логика упомянутого «сочинения» столь же «проста, ясна и выразительна», как и в почитаемой Сусловым книге: «…советская статистика — единственная в мире правдивая, точная статистика. Напротив, буржуазная статистика — о ней говорилось, что она что дышло: куда повернешь, туда и вышло…» Значительная доля рассуждений была отведена предупреждениям и призывам к «большевистской бдительности»: «Последыши классовых врагов будут стараться и у нас, на том или ином участке, сорвать перепись населения, извратить действительные результаты переписи, дискредитировать перепись всякими нелепыми провокационными слухами и выдумками… Мы должны извлечь все уроки из переписи населения СССР в 1937 году, когда враги народа сорвали ее, злостно извратив правительственные инструкции…» На самом деле собранные в 1937 году статистические данные достаточно объективно свидетельствовали о зияющих демографических провалах, о «цене» сталинских преобразований.

3 января 1939 года решением Ростовского обкома ВКП(б) М. А. Суслов был утвержден вторым секретарем обкома. Правда, потрудиться в новой должности ему не пришлось — 22 февраля 1939 года ростовский «Молот» известил, что М. А. Суслов «освобожден ввиду избрания его на другую должность».

Открывалась новая страница биографии.

СОЛДАТ ПАРТИИ

Ставрополье (1939–1941)

21 февраля 1939 года в жизни Михаила Андреевича Суслова случилось значительное и долгожданное событие: состоялся чрезвычайный 4-й пленум краевого комитета ВКП(б) в городе Ворошиловске — так недавно был наречен в честь красного маршала центр края — Ставрополь. Пленум рассмотрел организационный вопрос. Обсудив и приветствовав своевременность появления специального решения ЦК ВКП(б) «О работе Орджоникидзевского[437] крайкома партии», пленум освободил первого секретаря крайкома Д. Г. Гончарова как не справившегося с возложенными на него обязанностями и избрал на эту должность рекомендованного для укрепления кадрового состава («подорванного» бывшим руководителем края) М. А. Суслова. Так Суслов преодолел еще одну «крутую» ступеньку в партийной иерархии. После официального представления участникам пленума в ответном слове он с пафосом произнес: «Я солдат партии. И готов, не жалея времени и сил, работать на том участке борьбы, который мне доверил ЦК ВКП(б)…»

Оценивая деятельность Суслова в довоенные годы, можно отметить, что в ней не было каких-либо чрезвычайных событий и решительных поступков. С именем нового первого секретаря не связано «выдающихся успехов» в промышленности и сельском хозяйстве, хотя Ставрополье — край издавна плодородный и урожайно изобильный; не удались и помпезные торжества по поводу завершения очередной «народной», «великой сталинской стройки» — Невинномысского канала. Культурная и политическая жизнь области также не обогатилась в своем официальном однообразии — решительным политиком и меценатом Михаил Андреевич никогда не был, да и не стремился быть. Хроника его пребывания на посту первого секретаря крайкома — это постоянная череда заседаний, постановлений и директивных, похожих одна на другую речей. Правда, у этой казенной и размеренной повседневности была и другая трагическая сторона — продолжавшиеся аресты, страх и каждодневный безрадостный труд. Но для Суслова это было временными издержками и необходимым «материалом» на пути решения «больших» задач.

За проводившимися мероприятиями трудно разглядеть личность, индивидуальность человека, понять его внутренние

колебания и надежды; не уловить и какого-то творческого, нешаблонного подхода. Чаще всего это повторение и разъяснение документов, принятых ЦК или Совнаркомом. М. А. Суслов весь в рамках своей высокой должности. Настойчиво стремится «втиснуть» живую жизнь с ее проблемами и противоречиями в узкое пространство бумажной логики, подчинить ее железной бюрократической воле, разрешить все острые и наболевшие вопросы разом — буквой приказа или постановления. Стиль руководства Суслова, окончательно определившийся и утвердившийся в эти годы, сосредоточен на тщательном, пунктуальном и аккуратном исполнении постановлений. Это верноподданническая самоотверженность в проведении в жизнь «мудрых» указаний вождя или коллективной воли (весьма загадочное сочетание) партии, следование намеченной линии любой ценой.

По авторитетным в среде партийных руководителей образцам Суслов формировал и собственный строгий и аскетический образ, строил свое поведение. По воспоминаниям людей, знавших Михаила Андреевича по Ставрополью, в его облике не было ничего естественного, полнокровного, открытого. Он осознавал себя в первую очередь лицом, облеченным властью, «верным солдатом партии», частью отлаженной машины партийно-государственного управления (в настоящее время названного командно-бюрократической системой). Именно в себе, в своем идеологически выверенном руководстве (а не где-то на заводах или колхозных полях) видел Суслов средоточие переустройства мира, условие будущего процветания. Может быть, как и другой «государственный человек» — Шмаков (персонаж философско-сатирической повести А. Платонова «Город Градов»), Михаил Андреевич в часы раздумий задавался вопросом: «Кто я такой?» или «Кто мы такие?» И в ответ в его сознании созревало что-то вроде следующего: «Мы заместители пролетариев! Стало быть, к примеру, я есть заместитель революционера и хозяина! Чувствуете мудрость? Все замещено! Все стало подложным! Все не настоящее, а суррогат! Были сливки, а стал маргарин: вкусен, а не питателен! Чувствуете, граждане?.. Поэтому-то так называемый, всеми злоумышленниками и глупцами поносимый бюрократ есть как раз зодчий грядущего членораздельного социалистического мира»[438].

Как уже говорилось, дореволюционное Ставрополье — край, имевший высокую аграрную культуру и развитое животноводство, щедрые урожаи зерна и овощей, изобилие фруктов. Местный земледелец в большинстве хозяйственный, зажиточный. Уровень жизни гораздо выше среднего в крестьянской России. Все это явно

раздражало Суслова своим вопиющим несоответствием принятой исторической схеме — о закабаленном труде и нищенском существовании до революции. И он усердствовал в обвинениях прошлому, рассчитанных на короткую историческую память: «На фоне беспросветной нужды, постылой жизни большинства крестьянства счастливую жизнь принес колхозный строй». Последнее утверждение тоже слишком далеко от действительности. Насильственная коллективизация (в крае она завершилась поздно: в Карачае и Черкесии лишь к 1937–1938 гг.), спровоцированный голод, превращение добровольного труда крестьян-производителей в подобие военной казармы с принудительным режимом не принесли людям счастливой жизни. И Михаил Андреевич был сторонником жесткой линии «огосударствления» сельского хозяйства, врагом всякой, исключая коллективную, собственности. Диктат могущественных партийных и советских органов, скрупулезная регламентация всех действий на земле, постоянная угроза наказания — вот те обиходные методы, на которые опирался Михаил Андреевич Суслов (как и огромное большинство его соратников-руководителей). С присущей ему обстоятельностью будущий «главный идеолог» черпал подтверждение подобной политики в «учении нашего мудрого и великого вождя тов. Сталина» (М. А. Суслов). Особенно близко к сердцу пришлись слова Сталина, произнесенные им на пленуме ЦК ВКП(б) в январе 1933 года и не раз впоследствии полновесно процитированные Сусловым: «Партия, если она хочет руководить колхозным движением, должна входить во все детали колхозной жизни и колхозного руководства… она должна знать все происходящее в колхозах, чтобы вовремя прийти на помощь и предупредить грозящие колхозам опасности»[439]. Что же это за опасности, угрожавшие колхозам после 20 лет советской власти?

Наверное, к ним относились приусадебные участки колхозников. На собрании партийного актива города Ворошиловска в июне 1939 года Суслов с возмущением привел «многочисленные и убедительные примеры нарушения устава сельхозартели о размерах приусадебных участков колхозников». Осудив «распространившуюся практику разбазаривания земель», вскрыв ее главную причину, которая, само собой разумеется, заключалась в «проникновении в колхозы частнособственнических буржуазных тенденций при оппортунистическом попустительстве местных партийных и советских органов»[440], Суслов горячо приветствовал своевременное появление постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома «О мерах охраны общественных земель колхозов от

разбазаривания» и сами меры, направленные на «восстановление справедливости». Под контролем Суслова в крае было проведено «возвращение излишков» приусадебных крестьянских земельных участков колхозам. Многие из них остались «неокультуренными» и поросли бурьяном.

Вероятно, не менее опасным было отсутствие исполнительности и должного контроля «на местах». Это поистине хронический недуг авторитарно-бюрократической системы. Как бюрократ-идеалист, Суслов убежденно и искренне верил в магическую силу приказов и считал, что невыполнение бумажных параграфов — основное препятствие на пути к всеобщему счастью и благополучию. В правильности поступавших свыше постановлений он никогда не позволял себе усомниться (так же, впрочем, как и в собственных). Поэтому вся вина и ответственность за приключавшиеся неудачи ложились на низовые партийные и советские органы (в том числе и колхозные). Весьма показательно в этом отношении одно из аграрных постановлений — «О мероприятиях по завершению осенне-полевых работ», подписанное М. А. Сусловым в октябре 1939 года: «Основными причинами недопустимого отставания в осенне-полевых работах являются: а) неумение руководителей… партийных, советских организаций и земельных органов правильно расставить силы и средства для обеспечения своевременного выполнения государственных планов, растерянность и самотек в работе; б) совершенно неудовлетворительная постановка массово-политической работы и слабое развертывание социалистического соревнования… Особо нетерпимым является ослабление трудовой дисциплины…»[441]

Для повышения сознательности, а точнее страха, М. А. Суслов нередко рекомендовал использовать административные и… уголовные наказания. Так, на бюро крайкома в июне 1940 года резко осуждались факты выдачи колхозникам зерна в счет трудодней. И хотя колхозникам надо было чем-то кормить свои семьи, Суслов расценил случившееся как саботаж и угрозу государственным хлебозаготовкам, настояв на привлечении виновных к уголовной ответственности[442].

При подобном характере управления сельским хозяйством каждая посевная или уборочная кампания в области проводилась как отчаянное наступление на фронте. Для передачи официального энтузиазма и трудового подъема (а на самом деле — для прикрытия лихорадки, которая постоянно била заорганизованное сельское хозяйство) в ставропольских, так же как и в центральных газетах употреблялись устойчивые, за многие последующие годы ставшие привычными образные

выражения: «битва за урожай», «борьба за ускорение темпов хлебосдачи» и т. п. К сожалению, подобная риторика давно утратила свой условный переносный смысл и весьма точно передает сложившуюся систему административного нажима и недобровольного труда в колхозах.

М. А. Суслову, заступившему на пост первого секретаря крайкома, пришлось испытать всю тяжесть и неблагодарность руководства сельским хозяйством. Ужесточение мер и угрозы не компенсировали потерь урожая. Неудачи могли повлечь осложнения в карьере. Но в наследство Михаилу Андреевичу досталась запущенная и заброшенная стройка, начатая еще в 1936 году, — котлован Невинномысского оросительного канала. Забегая вперед, нужно отметить, что окончательно в эксплуатацию канал был сдан лишь в 1948 году. Он стал подавать воду из реки Кубани в реку Егорлык, охватив территории Ставропольского края, юго-восточных районов Ростовской области и северных — Краснодарского края.

Естественно, в сложившихся критических обстоятельствах Суслов стремился проявить инициативу, «оправдать доверие» и возложенную на него ответственность, ликвидировать «прорыв» любой ценой. Успех строительства, несомненно, мог повлиять на дальнейшие перипетии его политической биографии. Так по его воле запустелая стройка превратилась в триумфальную, массовую, «народную». Правда, работали здесь не заключенные. Сюда было согнано около 35 тысяч колхозников-добровольцев, труд которых был дешев, выгоден и бесправен. Забирали по разосланной разнарядке, нередко «для порядка» привлекали конвой. Цифра участников «трудового похода» колеблется в тогдашних газетах от 34 до 40 тысяч. Объявленная «народная стройка» на самом деле оказалась подневольной, а разрекламированный энтузиазм и «развернувшееся социалистическое соревнование» — обязательными. Началу «решительного штурма» предшествовали многолюдные показные митинги, на одном из которых перед «армией энтузиастов» с приветственной, полной общих восторженных фраз и клятв речью выступил М. А. Суслов. Условия труда были тяжелейшими: по 14–16 часов в день, практически без отдыха и выходных, впроголодь, только вручную. Взрывные работы проводились наспех, без соблюдения простейших правил безопасности. В результате несколько человек погибло. Стройка, естественно, строго охранялась войсками НКВД. Некоторые колхозники тайком «бегали» к своим семьям, другие просто «дезертировали». К виновным применялись уголовные наказания. Несколько раз для «непосредственного руководства» строительством выезжал

Михаил Андреевич. В местной печати появился фотоснимок, на котором первый секретарь неуклонным и придирчивым государственным взором следил с высокого насыпного холма за ведущимися работами.

Предварительные итоги первого этапа строительства Суслов подвел на митинге 25 мая 1940 года: «Трудности действительно были большие… Надо было проложить ложе, по существу, для большой реки, прорыть канал, способный пропускать 75 кубометров воды в секунду. Но никакие трудности не смогли устоять перед могучим походом армии колхозников, участников народной стройки… С именем Сталина эта армия штурмом брала всякие препятствия…» Удивительное расстояние пролегло между реальным положением вещей и их празднично-фальшивым отражением. В речи Суслова правда и ложь поменялись местами: «Великая победа, одержанная на народной стройке… есть победа могучего, несокрушимого, всепобеждающего колхозного труда, созданного и руководимого большевистской партией, великим вождем народов тов. Сталиным». Что ж, перефразируя Достоевского, можно заметить, что Суслов удивительно ловко мог оборачивать «словечки». Как трагическая ирония звучат сегодня и другие его рассуждения: «Разве мыслима была бы эта победа в условиях разобщенного единоличного крестьянского труда… Только колхозное социалистическое хозяйство, объединяющее труд дотоле разобщенных производителей, создало условия для появления великой, богатырской, непобедимой силы колхозного труда»[443].

На апрель 1941 года был намечен очередной этап «интенсивного» строительства. Для этого на «любимую стройку нашего края» (М. А. Суслов) тем же способом было «собрано» 25 тысяч колхозников. Но дальнейшие работы по завершению Невинномысского канала были прерваны войной. Таким образом, триумфального пуска очередной победной «сталинской стройки» не получилось. Работы были завершены уже без Суслова, в 1948 году. Но несмотря на то что его реальный вклад в строительство канала был минимален, что с его именем связаны скорее самые тяжелые и трагические страницы в осуществлении этого проекта, в 1982 году Невинномысскому каналу было присвоено имя М. А. Суслова. Памятная табличка об этом заменила взорванное ранее каменное изваяние «отца народов», тени которого Михаил Андреевич остался предан до конца своей жизни.

Еще более плодотворной и значительной стороной его руководства стало принципиальное и «планомерное» осуществление «кадровой политики» — этой второй, после идеологии, «страсти» Суслова. К 1939 году в этой сфере

деятельности у него был накоплен значительный опыт. Имелось и серьезное научное обоснование проводимых действий; Михаил Андреевич называл его еще «непревзойденным по глубине учением о кадрах». Вот оно дословно: «После того как выработана правильная партийная линия, проверенная на практике, кадры партии становятся решающей силой партийного и государственного руководства». Афоризм (или лозунг), весьма характерный для мышления И. В. Сталина: очевидные и банальные вещи приобретают в его изложении «загадочную» многозначительность и некий всеобъемлющий смысл. Как известно, своеобразным рубежом в сталинской кадровой политике стал 1937 год. На 4-й краевой конференции ВКП(б) (февраль 1939 г.), посвященной предстоящему XVIII съезду партии, Суслов заявил: «Все наши победы завоеваны в жестокой борьбе с остатками классовых врагов — троцкистами, бухаринцами, буржуазными националистами, шпионами и диверсантами, агентами иностранных разведок, пытавшимися сорвать социалистическое строительство… восстановить капиталистическое рабство в нашей стране»[444].

Позднее по долгу службы Михаилу Андреевичу, как и в Ростове-на-Дону, пришлось рассматривать дела некоторых врагов народа. Речь шла и о частичной реабилитации «необоснованно исключенных из партии подлинных большевиков». Правда, судя по заявлению Суслова на 5-й краевой конференции ВКП(б) (март 1940 г.), в результате проведенного разбирательства выяснилось, что «значительную группу среди заключенных составили по преимуществу выходцы из классово чуждой орды — из враждебных партий». Там же Суслов коснулся и необходимости нового очищения рядов партии от чуждых элементов и необходимости соблюдать дисциплину: «Всякое потворство нарушителям партийной и государственной дисциплины есть попустительство мелкобуржуазной распущенности, которая зачастую граничит с саботажем. Разгильдяй, организационно распущенный элемент зачастую является объективно проводником вредительской деятельности врагов народа, которые используют каждую щелочку нарушения дисциплины в своих вражеских целях»[445]. Изложенные жесткие требования стали основой массовых чисток, охвативших Ставропольский край. Только одних партийных работников Сусловым было заменено около 1570 человек.

Поддержание дисциплины повсеместно, особенно в условиях приближавшейся войны, основывалось на нагнетании атмосферы страха, боязни наказания, на насильственных и карательных мерах. Авторитарная власть никогда не доверяла своим

гражданам. Поэтому к «воспитательно-просветительской работе» в подобных случаях прибегали редко. Впрочем, и методы «агитации» были весьма своеобразными — в определении их Суслов в который раз был солидарен с мудрой сентенцией Сталина: «Агитировать не значит уговаривать, но и изобличать». И Михаил Андреевич нередко усердствовал в этом занятии на пленумах крайкома, партийных совещаниях. Особенно ревностно изобличались различные нарушители дисциплины или «объективно вредители». Не случайно проведение в жизнь известного довоенного Указа от 26 июня 1940 года «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», вынужденного и чрезвычайного, М. А. Суслов рассматривал как «образец социалистического отношения к труду»[446]. Воплощение этого «образца» само собой потребовало резкого ужесточения репрессивных мер. Выступая на собрании партактива Ворошиловска, Суслов назвал такие факты: «По неполным данным, по предприятиям и учреждениям… допущено свыше 1000 прогулов. Столь позорные цифры мы не имели бы, если бы у лодырей, прогульщиков и летунов не было своих покровителей»[447]. Собственные общие рассуждения Михаил Андреевич проиллюстрировал и конкретным примером (что бывало крайне редко): один из директоров предприятий, Сидоров, принял справки о посещении поликлиники (медицинскую справку о болезни тогда было получить очень трудно, и нередко люди были вынуждены работать больными до изнеможения) от «двух прогульщиц», вместо того чтобы «немедленно передать о них дело в суд». Впрочем, и судами первый секретарь был недоволен — «суды оказались медлительными и допускали излишний либерализм».

В бюрократической авторитарной системе управления не было места для конкретного живого человека с его обыденными нуждами, болями и радостями. Он в глазах партийного чиновника был лишь исполнителем, обязательным и послушным, или — наоборот. Но человеческий, «стихийный» материал трудно поддавался организации. Это создавало неразбериху и серьезные проблемы для Суслова. Тем не менее стиль политического руководства, сложившийся в стране в 20—30-е годы, был хорошо им освоен и отработан. Он был тем более удобен, что не имел нравственных измерений, ему были чужды уважение, сочувствие, хоть какое-то гуманное отношение к людям.

Впрочем, помимо несознательных граждан немало хлопот доставляла и… природа. Один из вечных и непокорных врагов всех «государственных людей» и бюрократов. Особенно ее

строптивый нрав сказывался в сельском хозяйстве. И здесь, в этом изнурительном противостоянии, М. А. Суслов публиковал постановление за постановлением. Свидетельством всепроникающего и поистине всеобъемлющего масштаба руководства жизнью Ставрополья могут служить многие «шедевры» бумажного творчества, скрепленные подписью первого секретаря Орджоникидзевского крайкома. Вот один из них — постановление, озаглавленное по-боевому многозначительно: «Об осенне-зимних мероприятиях по борьбе с клопом-черепашкой». Изданный указ категорически требовал «созвать… краевое совещание вторых секретарей РК ВКП(б), заведующих райзо и старших агрономов райзо по вопросам борьбы с клопом-черепашкой», а также «провести инструктивное совещание заведующих колхозными хатами-лабораториями»[448]. Этот документ очень походит на попытки упоминавшегося уже платоновского Шмакова укротить природу: «Всегда в ней (в природе. — *Авт.*) что-нибудь случается… А что, если учредить для природы судебную власть и карать ее за бесчинство? Например, драть растения за недород! Конечно, не просто пороть, а как-нибудь похитрее — химически, так сказать!»[449] Другие, не менее красноречивые в своей абсурдности указы подтверждали право жителей отдаленного горного колхоза производить черепицу для своих домов, ежегодно «настаивали» на очевидных для каждого крестьянина «решительных мероприятиях по борьбе с сорняками».

Крайком партии во главе с М. А. Сусловым все время находился в самой гуще событий. Не успевали отгреметь шумные и помпезно-фальшивые торжества, посвященные празднованию очередной годовщины со дня рождения М. Ю. Лермонтова (на территории края находился Пятигорск и другие памятные места, связанные с жизнью поэта), как зарождалась и лихорадочно развертывалась следующая кампания: или уборка хлопка, или хлебосдача, или разбор подозрительно участившегося падежа скота и т. д. и т. п. Все это, естественно, сопровождалось массой указов и постановлений с их неизменно официальным, строгим и лаконичным «слогом»: «обратить внимание», «предупредить», «потребовать», «указать», «снять»…

Особенно тщательно, активно, с подлинным энтузиазмом обсуждались в крае «проблемы» изучения «Краткого курса истории ВКП(б)», названного его страстным и пламенным пропагандистом Емельяном Ярославским «завоеванием исторической мысли марксизма». Суслов потратил немало времени и сил на успешное проведение общекраевой кампании за «массовое всенародное овладение» этой «азбукой марксизма».

Ему пришлось держать речь о необходимости «усиления пропаганды великой книги» на 6-м пленуме Орджоникидзевского крайкома (сентябрь 1939 г.), на собрании партийного актива города Ворошиловска (сентябрь 1939 г.), на отчетной краевой партийной конференции (март 1940 г.). Освоение этого «памятника» сталинской историографии в стране чем-то походило на вынужденную механическую зубрежку разного рода «риторик» и «катехизисов» в дореволюционной бурсе. Правда, наказание за «ученические ошибки» было далеко не бурсацким.

По инициативе М. А. Суслова партийные организации края «соревновались» в темпах и количестве прочитанных глав. Как факт недопустимой «политической нерадивости» рассматривалась излишняя медлительность в штудировании разделов книги. «Некоторые партийные организации и их руководители, вместо того чтобы по-большевистски взяться за дело руководства пропагандой марксизма-ленинизма, встали на путь своеобразного невмешательства в дело политического образования коммунистов, предоставили изучение истории ВКП(б) самотеку. Такое отношение к вопросам руководства пропагандой привело к тому, что многие партийные, советские и хозяйственные руководящие работники не приступили к изучению истории партии или остановились на первых главах учебника („Краткого курса“. — *Авт.*)»[450]. Зато ощутимый прилив догматического вдохновения у Суслова вызвали «настоящие стахановские темпы» в освоении новоиспеченного учебника сталинской истории: в одной из колхозных парторганизаций «тт. Русанов и Песков законспектировали и изучили 12 глав „Краткого курса“[451]».

В 1941 году жизнь в крае была полна привычных трудовых забот и надежд. Продолжалась «народная стройка» Невинномысского канала, намечался очередной «штурм высот» в сельском хозяйстве: постановлениями в который раз предписывалось увеличить урожай хлопка и довести сбор зерновых до ста пудов с гектара. Но это были последняя мирная зима и последняя мирная весна.

В ГОДЫ ВОЙНЫ (1941–1944)

22 июня 1941 года началась самая страшная в истории страны война. Войска, отступая, несли огромные потери, лишь редкие воинские части оказывали долгое сопротивление гитлеровским захватчикам. Обозначился частичный паралич верховной власти. Сталин с трудом оправился от «сокрушительного и коварного» удара по своим надеждам, стратегическим планам и «дружеским намерениям». (Как известно, 28 сентября 1939 г. по инициативе Сталина был заключен советско-германский Договор о дружбе и границе.) Кризис продолжался до 3 июля, когда вся страна услышала неожиданное и забытое: «Братья и сестры!»

Молчанием встретил начало войны и Михаил Андреевич. Страх и боязнь собственной решительности, терпеливое выжидание указаний продлились почти до конца сентября — 25-го числа на краевом партактиве Суслов огласил «программу действий». 2 октября его доклад «Великая Отечественная война и задачи парторганизации края» был опубликован всеми печатными органами Ставрополья. Посильная оценка давалась первым месяцам войны. Исказив факты и цифры этих самых тяжелых и жестоких для государства дней, Суслов обнародовал свое весьма любопытное умозаключение о несомненных преимуществах Советского государства над агрессором, которые неизбежно в конечном счете принесут победу: «Огромные потери в людях на Восточном фронте требуют все новых и новых пополнений. Между тем Германия в два раза беднее Советского Союза людскими ресурсами и еще беднее она военнообученными резервами»[452]. В этой последовательной для Суслова логике отразилась сущность исповедуемой им тоталитарной идеологии: люди — «винтики», «пушечное мясо».

Ставрополье в силу своего географического и экономического положения было объявлено Верховным главнокомандующим «ближайшим к фронту тыловым районом». Военные нужды потребовали значительного увеличения сельскохозяйственной продукции и ускоренного развития оборонной промышленности в крае.

Внешне за бережно пестуемое сельское хозяйство Суслов был спокоен: «Наше социалистическое сельское хозяйство является самым крупным и самым механизированным во всем мире сельским хозяйством, дающим в изобилии все продукты

сельского хозяйства: хлеб, хлопок, шерсть, кожу, молоко и мясо»[453]. В противовес этой сбивчивой браваде реальные тяготы и нужды войны диктовали свои суровые требования и законы. Основная тяжесть крестьянских забот легла на плечи женщин, стариков и детей. Но и здесь чувство естественного сострадания и сопричастности людям уступало место привычному для Суслова официальному энтузиазму, рожденному очередным «прозрением» «мудрого и великого»: «Товарищ Сталин неустанно учит нас, что женщина в колхозах большая сила. Держать эту силу под спудом — значит допустить преступление. Задача выдвижения женщин в колхозах особенно настоятельна теперь, в условиях войны, когда женщина стала прямо-таки решающей силой»[454].

В последующих, тщательно авторизованных биографиях Михаила Андреевича особо подчеркивалась его «близость к массам» в «дни суровых испытаний». Но объективный анализ поведения Суслова в те годы придает этим привычным формулировкам характер лицемерной мистификации. Прежде всего поражают постоянная подозрительность и непрекращающееся недоверие, которые испытывал Суслов к своим землякам и соотечественникам. У неискушенного может создаться впечатление, что край кем-то специально был «заселен» неблагонадежными, недисциплинированными, «сомнительными элементами» (как любил выражаться Михаил Андреевич). И не дай бог первому секретарю допустить какой-нибудь недогляд, ослабить контроль — сразу же случаются непоправимые ошибки, непростительные просчеты или, хуже того, скрытые и явные диверсии. Впрочем, этому обострившемуся в годы войны страху Суслова имеются и иные объяснения. Те простые, «обыкновенные» труженики, которые так нуждались, по убеждению Суслова, в бдительном руководстве, гораздо глубже чувствовали трагедию времени. Они понимали, какое горе и нужду несет война, сколько сил, терпения и ответственности она потребует от каждого. Росла сила их самосознания и свободы. Страх и насилие как основание бюрократической власти и благополучия Суслова обесценивались, и он мог вполне оказаться не ко времени. Поэтому все непримиримее становился язык указов и директив: «…кое-где к руководству фермами и бригадами пробрались чуждые и негодные элементы. Необходимо очистить животноводческие фермы от этих „волков“, одевающих иногда овечьи шкуры»[455]; все деятельнее и подробнее становились издаваемые «хозяйственные» указы: «Бюро крайкома постановляет. Обязать обкомы, райкомы и горкомы, директоров и начальников политотделов МТС… организовать безусловную вязку хлебов в снопы и складывание их в крестцы… Установить

постоянный контроль за качеством уборки, не допускать огрехов, оборудовать комбайны и лобогрейки зерноуловителями… Вслед за уборкой немедленно производить сгребание и ручной сбор колосьев…»[456]

Все стремительнее возносилась на политическом небосклоне страны «агрономическая звезда» «народного академика» Трофима Денисовича Лысенко. Множились его чудо-проекты, крепли щедрые обещания. За проведенные в Ставрополье годы М. А. Суслов так и не стал искушенным в ведении сельского хозяйства, неподатливого на скорые указы. Но, как всегда, компенсируя собственные неудачи и просчеты, был активен и распорядителен в организации очередной кампании. Под его руководством еще в январе 1942 года, готовясь к предстоящей посевной, пленум крайкома подробно рассмотрел «вопрос о мероприятиях по накоплению дополнительных ресурсов посадочного материала путем срезки верхушек клубней картофеля по методу академика Лысенко». В результате обсуждения вышеупомянутую систему рекомендовано было внедрить повсеместно, а к выполнению задания «привлечь комсомол, партийные и профсоюзные организации, школьников».

Впрочем, военная повседневность была заполнена массой других забот. В начале войны в крае прошла мобилизация, на фронт отправились и тысячи добровольцев. Всего на полях сражений воевало 320 тысяч ставропольцев. На территории Ставрополья наряду с другими были сформированы кавалерийские части: из горцев Карачая и Черкесии, кубанских и терских казаков. Большинство конных соединений было уничтожено гитлеровцами в начале войны. Стратегическая роль конницы, с упорством обреченных отстаивавшаяся Ворошиловым и Буденным, провалилась. Правда, были и редкие исключения. На всю страну прославилась кавалерийская группа Льва Михайловича Доватора. В самом начале войны, в августе-сентябре 1941 года, эта кавалерийская часть провела успешный рейд по тылам противника в Смоленской области. Корпусу, основу которого составляли ставропольцы, кубанские и терские казаки, было присвоено звание гвардейского. В дальнейшем 2-й гвардейский корпус участвовал в обороне Москвы, где нес огромные потери. 19 декабря 1941 года на подступах к Рузе погиб в бою генерал-майор Доватор.

В 1978 году Суслов не без гордости вспоминал свою переписку с Доватором во время кровопролитных сражений за столицу: «Боевые добровольческие части из края направлялись во 2-й гвардейский корпус генерала Л. М. Доватора. В начале декабря крайком получил письмо генерала, в котором он просил

прислать пополнение. Вот этот живой документ боевой эпохи, написанный на простом листке бумаги: „Мне выпала счастливая доля командовать славными патриотами, какими являются казаки Кубани и Терека. Очень многие из них за доблесть и мужество награждены правительственными наградами, многие пали смертью храбрых. Теперь мы стоим неприступной стеной на подступах Москвы, но нас мало. Я был бы счастлив, если бы от вас получил хоть бы человек пятьсот, чтобы и впредь сохранить состав 2-го гвардейского корпуса из кубанцев и ставропольцев и чтобы корпус высоко держал боевые традиции орджоникидзевцев…“ Ставропольцы горячо откликнулись на эту просьбу. Через две недели мы уже могли сообщить Доватору, что посылаем 500 конников на выносливых лошадях, снаряженных оружием, сделанным на заводах, фабриках и мастерских наших городов…»[457]

Ставропольцы, как и жители других районов, поддерживали семейную связь со своими воюющими земляками. Местные газеты регулярно публиковали отрывки из фронтовых писем. На фронт отправлялись посылки с продуктами и теплыми вещами. В июле 42-го был организован первоочередной сбор продовольствия для блокадного Ленинграда. Фронт стремительно приближался. В июле, развивая летнее наступление, немецкие войска захватили Ростов-на-Дону и стали быстро продвигаться по территории Северного Кавказа. Отступление было настолько быстрым и беспорядочным, что в некоторых районах края части Красной Армии уходили на восток за несколько дней до того, как сюда приходили немецкие дивизии. Остановить немецкое наступление удалось только близ города Орджоникидзе (ныне — Владикавказ). Немецкая оккупация продлилась, однако, менее полугода. Когда фашистские войска «почувствовали» сталинградский котел, им пришлось вывести свои части со Ставрополья к Ростову и выровнять, таким образом, линию фронта.

Когда над Ставропольским краем непосредственно нависла угроза оккупации, краевой комитет партии начал эвакуацию материальных ценностей, скота, вывоз зерна. Но в надвигавшемся и быстро нараставшем хаосе многое из задуманного не удалось. Тем не менее часть предприятий была уничтожена, часть демонтирована.

К лету 1942 года Ставкой Верховного главнокомандования первому секретарю крайкома Суслову было поручено — в случае прорыва немецких войск — возглавить подполье и партизанское движение края. Сразу же развернулась лихорадочная работа по организации партизанских отрядов — предполагалось

комплектовать их в каждом районе и городе. В горах Карачаево-Черкесии были созданы опорные базы — склады продовольствия, вещей и оружия. Когда 1 августа немецкие войска ворвались в пределы края, был образован Ставропольский комитет обороны. Местом базирования крайкома вначале был определен Пятигорск, но к тому времени город уже находился под угрозой захвата, и поэтому Суслов вместе с частью аппарата крайкома переправился под Кизляр, объявленный вскоре центром большого партизанского района. Отсюда Суслов, как член Военного совета Северной группы войск Закавказского фронта и начальник партизанского движения края, должен был руководить подпольем и партизанскими отрядами.

В первые дни военных действий на Ставрополье Суслов обратился к трудящимся, находившимся на временно оккупированных врагом территориях, с воззванием: «Советские патриоты! Помогайте всеми силами и средствами славным партизанам! Не давайте немцам ни минуты покоя, бейте немцев везде, взрывайте их штабы и склады, пусть каждый метр нашей земли несет смерть гитлеровцам». Но вскоре после освобождения оккупированных районов отношение Суслова ко «временно находившимся» изменилось, став жестким и непримиримым.

Партизанские отряды вели боевые действия в горах Карачая и Черкесии, в степях Ставрополья и бурунах Кизляра. Статистика этих операций, приведенная в середине 70-х годов, такова: за время своего пребывания здесь гитлеровцы потеряли 8 тысяч убитыми и ранеными (в 43-м году, со слов Суслова, эта цифра составляла 6 тысяч), было уничтожено: 1 самолет, 8 бронемашин, 21 танк, более 100 автомашин, взорвано 17 мостов, у оккупантов отбито более 82 тысяч крупного рогатого скота, около 6 тысяч лошадей.

Роль М. А. Суслова в истории партизанского движения края оценивается по-разному. Думается, необходимо привести эти противоречащие и даже взаимоисключающие точки зрения. По официальной, общепринятой до недавнего времени версии, Суслов активно организовывал и координировал деятельность партизанских отрядов, имеет несомненные заслуги в Великой Отечественной войне. В подтверждение этого еще с 40-х годов бытует одна героическая легенда: при отступлении Суслов участвовал в одном из боев и помог медсестре спасти раненого пулеметчика. Правда, мы располагаем свидетельствами и письмами очевидцев и участников тех далеких военных событий. Их искренние воспоминания утверждают: роль Суслова в развернувшейся партизанской борьбе весьма далека от восторженных оценок. В частности, указывается, что именно

Михаил Андреевич был повинен в развале и малой эффективности партизанского движения в первые месяцы. Срочное «перемещение» штаба под Кизляр было обыкновенным бегством: Суслову, стремившемуся скорее скрыться от наступавших гитлеровских войск, пришлось переодеться в простого крестьянина.

Партизанское движение края не было столь повсеместным, всеобщим и массовым, как это принято описывать. Выступления отрядов были не только самостоятельными, но и разрозненными. Единого управления «из центра» не существовало. На то имелись свои причины. Во-первых, срок пребывания гитлеровцев на Ставрополье был незначительным — 5 месяцев. Во-вторых, создание партизанских формирований в некоторых районах провалилось: наспех закладывавшиеся базы были обнаружены, определенные успехи имела здесь и гитлеровская пропаганда (о чем речь ниже). Штаб же практически бездействовал; Суслов в острой критической ситуации не проявил ни решительности, ни умения организовывать людей. Да и так называемый штаб, а на самом деле часть аппарата крайкома, попросту скрывался в буйных камышах в районе Кизляра. Есть свои легенды и об этом. Покидая Ворошиловск, Суслов взял с собой только насущно необходимое; среди прочего оказались и избранные тома сочинений И. В. Сталина и В. И. Ленина. В полевых условиях первый секретарь и начальник партизанского штаба не только клал их в изголовье — аккуратно связанная стопка книг чаще служила ему сиденьем, спасая от холода промерзлой земли.

О том, что «военная карьера» Суслова оказалась неудачной, говорит и другое — его поведение сразу после ухода оккупантов. Первый секретарь предпринял успешный реванш, «выявив» и наказав «подлинных виновников» военных неудач и собственных просчетов.

Несмотря на недолгое пребывание гитлеровцев на землях Ставрополья, захватчики, как и везде, оставили после себя кровавую память. Погибло около 30 тысяч мирных жителей, тысячи были угнаны в Германию. Около двух тысяч патриотов сгинуло в застенках гестапо в Пятигорске — здесь действовало хорошо организованное подполье. Из того же Пятигорска было вывезено в концлагеря все еврейское население (около 3 тысяч). Сразу же после вывода немецких войск были открыты «захоронения» сотен расстрелянных граждан в Железноводске, Буденновске и других местах. Огромный ущерб был нанесен и народному хозяйству края. В ноябре 1943 года Суслов привел следующую статистику разорения: немецкие грабители вывезли из края 30 миллионов пудов зерна, разрушили 3577

животноводческих построек, 2773 зернохранилища и 2577 овощехранилищ, уничтожили 4 тысячи тракторов, более тысячи комбайнов, 11766 плугов. Количество продуктивного скота сократилось на 63,3 процента. Общий ущерб сельского хозяйства исчислялся 11 миллиардами рублей[458].

Не забывал Михаил Андреевич о том, что «долгих пять месяцев трудящиеся края не слышали пламенного большевистского слова — слова правды». В результате образовавшегося вакуума сознание и психология людей оказались «отравленными» вражеской пропагандой. Поэтому подчеркивалось «особое значение» поддержания революционной бдительности для пережившего оккупацию края.

Ситуация еще более усугублялась тем, что многие из некогда насильственно созданных колхозов в первые же месяцы оккупации распались. Этому, несомненно, способствовало введение оккупационными властями так называемого «нового земельного порядка», предполагавшего передачу земли и средств производства в частную собственность. И в некоторых районах Ставрополья это «законодательство» имело определенный успех. Это хорошо было известно и М. А. Суслову, сразу после освобождения истово и сурово обличившему этот «закон». В речи, посвященной ликвидации последствий фашистской оккупации, Михаил Андреевич сказал: «Немецкие мошенники очень много кричали об их так называемом новом земельном законе для оккупированных областей… На самом деле „получение земли в единоличное пользование“ превращало людей в рабов… Весь смысл фашистского так называемого земельного закона состоит в том, чтобы до конца разграбить наши деревни, обезземелить колхозников, передать всю нашу колхозную и совхозную землю в руки немецких кулаков и помещиков-баронов, а наших колхозников превратить в бессловесных баранов, работающих на баронов»[459].

Для восстановления социалистического колхозного уклада колхозам и совхозам края были списаны долги, выделена дополнительная техника. Были предприняты и другие меры: в рамках укрепления «революционного порядка» проведена массовая кампания по выявлению неблагонадежных, «шпионов», гитлеровских агентов. Тысячи крестьян были репрессированы. Вот характерная установка Суслова тех лет, сформулированная им в статье «Вопросы колхозного строительства в освобожденных районах»: «Укрепляя общественную собственность, нельзя не учитывать, что немецкие оккупанты всячески разжигали мелкособственнические тенденции наиболее отсталой части колхозников. Гитлеровские мерзавцы, конечно, оставили свою

агентуру, рассчитывая, что ей удастся путем воровства и вредительства подрывать общественную собственность колхозов. Сейчас особенно важно усилить охрану социалистической собственности и беспощадно расправляться с жуликами, ворами и другими пособниками немецким оккупантам, которые посягают на основу колхозного строя»[460]. Для «укрепления» тех же основ, а также для демонстрации успехов восстанавливаемого сельского хозяйства Суслов весной 1943 года изъял подчистую все зерно из личных закромов крестьян, а также полностью «обобществил» принадлежавший им крупный рогатый скот. Несомненно, это было отмечено.

М. А. Суслов делал все от него зависящее, чтобы его чрезмерное усердие и рвение дошли до Верховного. 26 января 1943 года состоялся «дебют» Суслова в «Правде», опубликовавшей его статью «В освобожденном крае», после чего завязалась взаимная переписка между Ставрополье и Кремлем. По традиции, утвердившейся в те годы, многие руководители областей и районов нередко публично обращались к Иосифу Виссарионовичу со своими думами, чаяниями, высокими обязательствами. Иосиф Виссарионович, в свою очередь, аккуратно отвечал своим многочисленным корреспондентам со страниц газет. И вот 9 апреля 1943-го на такое послание «решился» и Суслов. «Письмо товарищу Сталину» было обнародована. Приведем некоторые выдержки из этого документа: «Любимый вождь, дорогой учитель, родной отец наш Иосиф Виссарионович! Почти полгода в неволе томились трудящиеся Ставропольского края, потоками лилась кровь наших детей, женщин и стариков. Гитлеровские мерзавцы истребили в крае свыше тридцати тысяч советских граждан… И теперь, когда черные дни тяжелой неволи остались позади, трудящиеся Ставрополья, Черкесии и Карачая в знак горячей любви к своей Отчизне, доблестной освободительнице Красной Армии и безграничной преданности Вам, наш мудрый вождь и гениальный полководец, всю свою жизнь, все свои силы отдают на великое святое дело освобождения любимой Родины от чужеземных поработителей… Примите, дорогой Иосиф Виссарионович, нашу сердечную благодарность за избавление трудящихся Ставрополья от фашистской нечисти, за возвращенную свободу и жизнь. Будьте здоровы, родной наш отец, живите долгие и долгие годы.

Секретарь Ставропольского крайкома ВКП(б)

М. Суслов»[461].

Думается, комментарии излишни. Но «изящество слога» Суслова, несомненно, достигло здесь небывалых для него высот. Если бы Михаилу Андреевичу посчастливилось жить где-нибудь в

восемнадцатом столетии, его талант красноречия, владение ритмом (в письме явно ощутимо влияние античных гекзаметров и былинных стихов) позволили бы ему войти в число пусть не самых значительных, но зато самых активных и плодовитых приближенных ко двору одописцев. Впрочем, вполне вероятно, в составлении письма участвовал и В. В. Воронцов — секретарь местного крайкома по пропаганде и агитации. Этой удачной совместной работе и сотрудничеству была уготована еще долгая жизнь.

Как водится, Сталин не оставил без внимания письмо. И 27 апреля поступил ответ: «Ставрополь. Секретарю Ставропольского крайкома ВКП(б) товарищу Суслову. Передайте колхозникам и колхозницам, рабочим и работницам, инженерно-техническим работникам, служащим, учителям, врачам, женам военнослужащих, комсомольцам, пионерам и школьникам Ставропольского края, собравшим 40 100 ООО рублей и облигациями госзаймов 6 300 000 рублей на строительство танковой колонны „Ставропольский колхозник“, бронепоезда „Комсомолец Ставрополья“ и авиазвена „Пионер“, сдавшим зерно и масличные культуры в фонд Красной Армии и пославшим подарки и теплые вещи фронтовикам, мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. Сталин»[462].

В январе 1943-го городу, «с честью носившему» имя красного маршала, из-за катастрофического военного провала этого «полководца» на фронтах Великой Отечественной было возвращено исконное название — Ставрополь. Что не означало, однако, возвращения бережного отношения к традициям. Это подтверждает и акт вандализма, совершенный тогда же по приказанию Суслова. Речь идет о взрыве (ничем не обоснованном) Казанского кафедрального собора в Ставрополе. Жители города решили возвести эту церковь в память избавления от страшной эпидемии чумы 1810 года, унесшей многие жизни. В 1843 году состоялась торжественная закладка храма. Через сто лет Казанский собор был варварски уничтожен. И хотя фронт к весне откатился от Ставрополья довольно далеко, Суслов объяснил свое решение военной необходимостью — высокая колокольня собора послужила бы слишком хорошим ориентиром для наводки вражеских орудий.

Во время войны и оккупации всего лишь несколько сотен проживающих в Ставрополье карачаевцев поддержали гитлеровскую администрацию. В областном центре Микоян-Шахаре был сформирован так называемый Карачаевский национальный комитет, сотрудничавший с оккупантами. Но

большинство жителей Карачая не оказывали содействия этой организации, а напротив, поддерживали партизан. Тем не менее в ноябре 1943 года почти 80-тысячное карачаевское население было поголовно депортировано в Среднюю Азию и Казахстан — на «спецпоселение». Карачаевская автономная область была юридически и фактически ликвидирована, Микоян-Шахар переименован в Клухори. 14 долгих лет продолжалось изгнание. И лишь в 1957 году справедливость была восстановлена, правда, только отчасти. Оставшиеся в живых, перенесшие унижение, голод, смерть близких карачаевцы вернулись на родную землю. Тогда же, в 57-м, Клухори стал называться Карачаевском, вновь была образована автономия в составе РСФСР.

Разумеется, решение о выселении мусульманских народностей с Северного Кавказа и из Поволжья было «обдумано» и принято в Москве Государственным Комитетом Обороны, Сталиным; закладывался будущий фундамент послевоенной политики репрессий. Однако верно и доказано то, что Ставропольский крайком партии полностью поддержал это решение и помог провести его в жизнь. Более того, по имеющимся сведениям, первый секретарь крайкома М. А. Суслов сыграл не последнюю и весьма зловещую роль в развернувшемся насилии. Сыграл не только по долгу службы, но и по личной инициативе.

Сразу же после освобождения, зимой 1942/43 года, ничто, казалось, еще не предвещало беды. Газетная хроника того времени пестрела известиями об успешном возрождении колхозов в Карачае, весной — о полевых работах, а позднее — о развернувшейся уборке. В марте 1943 года была опубликована и следующая информация (поданная как рапорт М. А. Суслову): «Трудящиеся Малого Карачая, освобожденные Красной Армией от немецко-фашистского ига, начали, по призыву колхозников аула Элькуш, сбор средств на строительство эскадрильи боевых самолетов „Колхозник Карачая“. Воодушевленные замечательными победами советских войск на фронтах Отечественной войны, трудящиеся района за короткий срок собрали 500 тысяч рублей. Председатель колхоза имени Сталина тов. Аджиев внес из личных сбережений 11 500 рублей, а председатель колхоза аула Учкекен Магомет Салпагаров — 10000 рублей»[463].

Корреспонденты подробно описывали и «специальное совещание стариков» (старейшин), съехавшихся практически из всех аулов Карачая. С удовлетворением отмечалось, что из 726 присутствовавших стариков слово взяли 92 человека. О чем они говорили? Разговор шел о пережитой фашистской оккупации и об острых насущных заботах. «Немецко-фашистские захватчики

обманули карачаевский народ, — заявил в своем выступлении старик из аула Учкекен Абук Хубиев, — Гитлер прислал нам из Берлина Коран, но скажу прямо, что немцы никогда не были мусульманами, а мусульмане не были немцами. Им не мусульмане нужны, а богатство наше нужно, но мы его не отдадим. Если потребует наша Родина, то я, несмотря на свою старость, пойду вместе с сыновьями бить немцев», — заключил старик. Было составлено и коллективное письмо Сталину: «Горе и позор принес Гитлер на наши седые головы. Пять месяцев гитлеровские солдаты и гестаповцы убивали, грабили, издевались над нашим свободолюбивым народом. Позади остались месяцы рабства, сыны Карачая вновь влились в дружную семью народов Советского Союза, взращенную тобой, наш любимый друг и вождь»[464].

Эти старики, как и весь карачаевский народ, были уже обречены. «Любимый друг и вождь» уготовил им страшную участь. Его непреклонность и безжалостность к «врагам» были хорошо известны. Уже в декабре 1943 года названия городов и аулов Карачая попросту исчезли со страниц газет, хозяйственных отчетов и докладов. Слово «карачаевцы» также было забыто, народ как бы ушел в небытие, перестав существовать официально. Так было на бумаге, но не в жизни.

Естественно, никакой информации о насильственном выселении не публиковалось. Все происходило тайно, без огласки. В развернувшейся «подготовительной» работе М. А. Суслов оказывал посильную поддержку ведомству Л. П. Берии в сборе фальшивых обвинений и свидетельств «преступлений» карачаевцев против советской власти. Была организована и пропагандистская кампания в поддержку вершимого насилия и произвола. При участии Суслова была создана легенда о «массовом предательстве», о якобы действовавших в горах Карачая 65 бандах. И кровавые преступления «фашистских пособников» были изобличены и впоследствии обнародованы. Бандами карачаевцев якобы была расстреляна большая группа отступавших красноармейцев. Но самым безжалостным и горьким для карачаевцев стало обвинение в гибели ребятишек из детдома. До последнего времени у селения Нижняя Теберда находился памятник этим загубленным детским душам. И виновными, судя по надписи, кроме фашистов, были и «местные националисты». Уже в конце 80-х прокуратурой края предпринималось официальное расследование. Вывод: все вышеперечисленные и бытовавшие со времени Суслова обвинения облыжны и не соответствуют действительности. Среди добытых фактов и доказательств совершенных «преступлений» свое место заняли и

нарочито мифологизированные рассказы и просто слухи. Вот одна из бытовавших в те годы легенд. В 1942 году карачаевцы в знак благодарности и дружбы преподнесли Адольфу Гитлеру подарок — богато инкрустированные седло, уздечку и белого коня. Это, конечно, тоже было фальшивкой.

Акция по выселению проводилась руководством НКВД Ставропольского края в тесном взаимодействии и сотрудничестве с местным партийным руководством. М. А. Суслов был непосредственно связан с начальником Управления НКВД по Ставропольскому краю Ткаченко, в ведении которого находилось непосредственное осуществление операции. По сути, это было первое крупномасштабное мероприятие в предстоящем сталинском плане «наказания» и переселения «народов-предателей». Так что местный крайком и НКВД в каком-то смысле были «первопроходчиками». Успешное проведение репрессивной кампании обеспечило Суслову, отвечавшему за идеологическую «постановку» развернувшейся драмы, повышение и назначение в Литву, где опыт карачаевской расправы ему, несомненно, пригодился.

В ночь на 2 ноября 1943 года войска НКВД численностью примерно 60 тысяч человек (наверное, из расчета один солдат на одного «врага народа») окружили практически все карачаевские аулы и селения. Людей выгоняли из домов, сажали в грузовики. Но транспорта не хватало, тогда в колоннах, под конвоем людей направляли на ближайшую железнодорожную станцию (она располагалась достаточно далеко — в 70 километрах от Микоян-Шахара). Там уже карачаевцев «распихивали» по «телячьим вагонам». Дорога предстояла долгая. Среди депортированных были в основном старики, женщины и дети. В патриархальных мусульманских семьях детей, как правило, было много. В среднем 7–8 человек. Так что большинство пострадавших составили именно они. Практически все взрослое мужское население (15 тысяч человек) было призвано в Красную Армию и находилось на фронте.

Естественно, застигнутые врасплох, напуганные люди были мало подготовлены к длительному и трудному переезду, успев захватить с собой лишь скудный домашний скарб и кое-что из продуктов. Остальное имущество подлежало конфискации. Но тяжелый переезд в битком набитых вагонах для скота, долгие стоянки в тупиках на узловых станциях в ожидании отправки, антисанитария и царившая неразбериха — все это было лишь началом жестоких испытаний для небольшого карачаевского народа. Составы направлялись в безлюдные районы Средней Азии и Казахстана. Там в холод и метель, прямо на заснеженной

промерзлой земле люди разбивали палатки и наспех сколачивали ветхие бараки. Начались голод и болезни. Уже первые месяцы унесли тысячи жизней, всего же погибло больше половины переселенных карачаевцев, среди них около 22 тысяч детей. И все-таки мужественный народ выстоял и выжил. Данные современной демографии таковы: в 1979 году карачаевцы составили 131 тысячу человек, в 1990 году их число достигло 160 тысяч.

По результатам проведенной операции начальником НКВД была подготовлена докладная записка в Народный комиссариат внутренних дел СССР на имя заместителя наркома С. Н. Круглова. Время сохранило документ. Вот его текст: «В ноябре 1943 г. были депортированы из Карачаевской автономной области 14 774 семьи — 68 938 карачаевцев. После выселения основного контингента Управление Народного комиссариата СССР по Ставропольскому краю выявило еще 329 карачаевцев. Все были выселены в места основного проживания.

Начальник Управления НКВД по Ставропольскому краю Ткаченко

Заместитель начальника Управления НКВД по Ставропольскому краю Ивлев»[465].

М. А. Суслов несет персональную ответственность за аресты и репрессии советских и партийных работников, карачаевцев по национальности. Имеются свидетельства, что по личному указанию Суслова был арестован известный советский патриот, мужественный командир разведгруппы, а потом секретарь Учкуланского райкома ВКП(б) Мудалиф Каракозович Батчаев. «Вина» его заключалась в том, что он на пленуме крайкома посмел критиковать Суслова[466]. Позднее, на состоявшемся в начале 1944 года партактиве в Ставрополе, Михаил Андреевич запальчиво бросил: «Мы выжили карачаевцев из горных ущелий, теперь надо выжить отсюда их дух!» Но политика репрессий в крае коснулась не только карачаевского народа, жертвами ее стали многие из честных советских граждан, волей случая оказавшихся на оккупированной немцами территории.

В период активных боевых действий на Северном Кавказе М. А. Суслову как члену Военного совета Северной группы войск подчинялся и полковник Л. И. Брежнев, который был тогда начальником политотдела 18-й армии и который, в частности, помогал Суслову в налаживании гражданской и хозяйственной жизни на Северном Кавказе. Но это было лишь мимолетное знакомство, так как 18-я армия после взятия Новороссийска ушла на запад. Можно заметить в этой связи, что еще через 10 лет Л. И. Брежнев, уже в звании генерал-лейтенанта, был назначен

заместителем начальника Главного политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота. В этот период он также должен был выполнять директивы секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова. В некоторых работах по советской истории высказывается предположение, что уже тогда возник некий политический союз между старшим по возрасту и положению Сусловым и Л. И. Брежневым. Один из авторов намекает, что Суслов, предвидя неизбежное столкновение с выдвинувшимся на первые роли Н. С. Хрущевым, стал хитроумно и дальновидно выдвигать Брежнева как будущего преемника или соперника Хрущева[467]. Для 1953–1954 годов такая гипотеза безосновательна. И Суслов и Брежнев тогда относились к Хрущеву с несомненной лояльностью. Но вернемся к карьере Суслова.

В конце лета — начале осени 1944 года Суслов на некоторое время покидал Ставрополье. Предположительно целью его поездок была Москва. Кремль готовил новое назначение, и в ЦК обсуждались все сложности и нюансы будущей ответственной работы Суслова… Задачи, поставленные партией перед Михаилом Андреевичем, были крайне трудны, а сроки — сжаты.

Уезжая в Литву, Суслов покинул Ставрополь не навсегда. Уже достигнув вершин власти, он в зрелые годы был не чужд ностальгии: его тянуло к прошлому, к прежним местам, где некогда прошла юность. Не случайно маршруты этих сентиментальных путешествий лежали в родное село Шаховское — его Михаил Андреевич посетил в 1966 году во время торжеств по случаю награждения Ульяновской области орденом Ленина, а в 1978 году побывал в Ставрополье. Повод для этого был существенный. Летом 1977 года область собрала рекордный урожай зерновых и овощей, прославилась на всю страну рожденным здесь «ипатовским методом» (он был разрекламирован повсеместно). Вообще для ставропольцев, как и для всех граждан Союза, 1977 год был памятен и «всенародным обсуждением», и принятием новой Конституции СССР, объявленной важным этапом на пути к заветной цели. И еще, как писали местные газеты, «юбилейный год Октября по счастливой случайности стал и вехой на календаре истории родного города» — Ставрополь отметил свое 200-летие.

7 июля 1977 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР — наградить город Ставрополь орденом Октябрьской Революции. Для вручения этой награды и прибыл М. А. Суслов.

И мая 1978 года. Ставропольский аэропорт в торжественном убранстве. На площади аэровокзала были собраны трудящиеся города, партийные и советские работники, ветераны, передовики, юноши и девушки, пионеры и школьники. М. А. Суслов медленно

спускается по трапу. Навстречу ему — первый секретарь краевого комитета КПСС М. С. Горбачев, председатель исполкома краевого Совета народных депутатов И. Т. Тарасов, первый секретарь Карачаево-Черкесского обкома КПСС В. С. Мураховский и другие должностные лица.

Михаил Андреевич тепло здоровается со всеми встречающими, сердечно отвечает на бурные приветствия собравшихся в аэропорту трудящихся. По традиции отечественного гостеприимства представители рабочих коллективов преподносят высокому гостю хлеб-соль, а юные пионеры — букеты цветов. На улицах Ставрополя тоже царит праздник. Собранные в рабочее время тысячи рабочих, служащих, студентов высматривают в проезжающем кортеже лицо Суслова и, узнав, возбужденно и громко приветствуют. 12 мая торжественная церемония вручения ордена. Взобравшись на трибуну, Михаил Андреевич под громкую овацию собравшихся оглашает личное приветствие Л. И. Брежнева. Затем произносит долгую речь. Он подробно говорит о значении Ставрополья как крупнейшего сельскохозяйственного района страны… «Примечательно, что в крае энергично внедряются новые принципы управления производством и прогрессивные методы использования сельскохозяйственной техники. Пример такой работы на уборке урожая показали… труженики Ипатовского района. Сегодня их опыт широко известен. Он был одобрен Центральным комитетом партии»[468]. Далее Суслов затронул свою излюбленную тему — «достижения реального социализма». И словно позабыв трагедию 1943 года, произнес: «Примером огромных социалистических преобразований является Карачаево-Черкесская автономная область — область с современной развитой экономикой и высокой культурой…»[469]

Ответную речь держал М. С. Горбачев: «Мы выражаем самую сердечную признательность Центральному комитету партии, советскому правительству за высокую оценку вклада ставропольцев в коммунистическое строительство. Душевное, отеческое поздравление Леонида Ильича Брежнева вызывает в каждом из нас горячее желание все силы и знания отдавать дальнейшему расцвету нашей великой Родины… Праздник нынче пришел в каждый дом, в каждую семью. И все особенно рады тому, что в нем принимает участие близкий и дорогой нам человек — Михаил Андреевич Суслов, секретарь ЦК КПСС, член политбюро, в прошлом первый секретарь Ставропольского комитета партии. С именем Михаила Андреевича связаны многие достижения ставропольцев и в годы социалистического строительства, и в период борьбы с немецко-фашистскими

захватчиками…»[470] Что ж, таков был заведенный ритуал.

ЭМИССАР СТАЛИНА

Уроки Литвы (1944–1946)

В 1944 году большая часть территории Литвы была освобождена Красной Армией от немецкой оккупации. Во главе партийной организации встал опытный подпольщик, еще в конце 20-х годов избранный секретарем ЦК КПЛ, — А. Снечкус. Но Сталин мало доверял старым подпольщикам. Кроме того, внутреннее положение в республике было сложным и напряженным. Включение в состав СССР, как доподлинно известно сегодня, предусмотренное и обеспеченное «секретными протоколами» к советско-германскому договору 1939 года, многими воспринималось как насильственный захват суверенного государства. Поэтому коммунисты не пользовались здесь особенным влиянием и популярностью, значительная часть католического литовского населения выступала против «советизации» Литвы. Однако страшные годы немецкой оккупации и будни Второй мировой войны повлияли на взгляды и представления многих литовцев. Симпатии к СССР усилились, и все больше людей смотрели на советскую власть с искренней надеждой, видя в ней защиту и гарантию от возвращения фашистских порядков.

По указанию Сталина было решено сформировать специальное Бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР. Подобные органы были также созданы в других прибалтийских республиках и Молдавии. По существу, был разработан единый план установления и укрепления советской власти на этих «неспокойных» территориях. Председателем Бюро ЦК ВКП(б) по Литве был назначен Суслов. В состав Бюро вошли Ф. Ковалев и генерал-майор Ткаченко — тот самый «отличившийся» начальник Управления НКВД по Ставропольскому краю, руководивший вместе с Михаилом Андреевичем выселением карачаевцев с родных земель. Членами Бюро стали также А. Снечкус и председатель Совнаркома Литвы М. Гедвилас. Суслов проработал председателем Бюро до весны 1946 года (впоследствии этот пост занял В. Щербаков). Но это было самое трудное, требующее ответственных решений время.

Бюро ЦК ВКП(б), наделенное чрезвычайными полномочиями, стало высшей властью в республике. Только оно окончательно решало все без исключения политические, идеологические, кадровые, экономические и культурные вопросы; информировало

ЦК ВКП(б) о положении в Литве и готовило все постановления ЦК по республике. Авторитет Бюро был тем более высок, что в непосредственном его подчинении находились части Красной Армии, расквартированные здесь, и многочисленные войска НКВД.

Бюро под руководством Суслова с первых же дней активно включилось в работу. С 27 по 30 декабря 1944 года проходил 4-й пленум ЦК КП(б) Литвы, на котором рассматривался вопрос о недостатках и задачах политической работы парторганизаций Литвы. С большой директивной речью выступил М. А. Суслов. Внимательно прислушаемся к произнесенному им тогда.

По традиции «доклад» начался со вступительной торжественно-праздничной риторики: «Трудящиеся Литвы, освободившись от немецко-фашистских оккупантов, вновь обрели в дружной семье народов Советского Союза свободу и независимость, напряженно трудятся над скорейшим восстановлением разрушенного врагом народного хозяйства и с каждым днем расширяют свою помощь фронту»[471]. Далее следовало выражение официального недовольства медлительностью и либерализмом в изменении ситуации в республике. «Но успехи в деле ликвидации последствий немецкой оккупации были бы больше, если бы в работе партийной организации Литвы не было допущено крупных ошибок и недостатков». Последние сводились главным образом к отсутствию решительности в «разоблачении и пресечении деятельности литовско-немецких националистов, в затяжке проведения земельной реформы» и т. п. Естественно, в условиях сталинской диктатуры был невозможен постепенный, мирный и бескровный процесс «врастания» республики в новую государственную систему, невозможно было и проведение промежуточных реформ (тем более демократического характера), невозможно было опираться и на просветительско-пропагандистские методы работы. М. А. Суслов был убежденным последователем и проводником иной политической линии. Следуя мудрой логике отца народов, он считал универсальным средством решения всех сложных социально-экономических и политических проблем одно — насилие. И с первых же шагов в Литве он стремился продемонстрировать собственные силу, принципиальность и непримиримость. На пленуме Суслов выступил за первоочередное ужесточение репрессивных мер, призвал проявить революционную бдительность, «очистить советский аппарат от чуждых элементов, смелее выдвигать из низов проверенных и преданных Советской власти работников»[472].

На 4-м пленуме ЦК КП(б) Литвы был рассмотрен и организационный вопрос: от обязанностей секретаря ЦК был освобожден В. Нюнка (за излишнюю мягкость и либерализм). Это было знаменательное начало. В дальнейшем кадровая политика Бюро во главе с М. А. Сусловым в масштабах всей республики дала весьма ощутимые результаты. Были заменены практически все руководящие партийные и советские кадры. Даже самые простые обязанности не доверялись местным специалистам. Их сменили прибывшие из других республик. С конца 1944-го до апреля 1946 года в Литву по просьбе ЦК КП(б) приехали 6116 работников[473]. Партийная организация республики за это время стремительно росла, но литовцев в ней на 1 января 1945 года было 31,9 процента[474].

Задачи массовой кадровой чистки были подтверждены и расширены на 5-м пленуме ЦК КП(б) Литвы, проходившем 16 апреля 1945 года. Здесь также с большой речью выступил М. А. Суслов. Он подвел предварительные итоги репрессивной кампании, с удовлетворением отметив, «что в последнее время в республике проделана значительная работа по разоблачению и пресечению преступной деятельности буржуазных националистов, проделана известная работа по укреплению советских и хозяйственных кадров»[475]. Интересно, что как раз в начале апреля Председатель Президиума Верховного Совета Литвы Ю. Палецкис вручил «в торжественной обстановке» правительственные награды ряду сотрудников НКВД за успешную работу.

Тем не менее результаты достигнутого не удовлетворяли Суслова, Москва все время торопила. И он был по-прежнему тверд и непреклонен: «…еще не принято решительных мер к очищению советского и хозяйственного аппарата, в особенности республиканских наркоматов, от враждебных и политически сомнительных элементов»[476]. Докладчик с возмущением привел многочисленные примеры «довольно густой засоренности вражеской нечистью» и «сомнительными элементами» некоторых наркоматов, ведомств и уездных организаций. Сегодня трудно привести имена и фамилии тех, кто (из сведений НКВД) упоминался в речи Михаила Андреевича. Как трудно пока назвать всех, кто пострадал и был невинно осужден в результате провозглашенных Сусловым репрессивных установок. К сожалению, отчеты и стенограммы заседаний Бюро ЦК ВКП(б) по Литве хранились в архиве Института марксизма-ленинизма (ныне Российский институт социальных и национальных проблем) и доступ к ним был крайне ограничен.

Тактика выявления и борьбы с «врагами народа» была уже

четко отлажена и опробована в предшествующие годы. Опытен был в ней и Суслов. При этом он весьма точно указал литовским товарищам в тогдашней своей речи и источник ее «теоретического обоснования» — выступление Сталина на мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». Суслов разделял авторитетное убеждение о дальнейшем обострении классовой борьбы в ходе строительства социализма (отголоски этой теории отчетливо проявились позднее, в 70-е годы). В подобном духе Суслов сделал закономерный прогноз: «Буржуазно-националистические элементы чем дальше, тем больше маскируют свою подрывную деятельность, стараются всячески проникнуть в наши советские и хозяйственные органы»[477]. Поэтому следовало усиливать работу по очищению советского и хозяйственного аппарата, проводя ее «не как кратковременную кампанию, а систематически и упорно, памятуя, что враги будут всячески маскироваться»[478].

Для большей эффективности репрессий необходимо было создать и поддерживать атмосферу страха и всеобщей подозрительности. Этого и требовал Суслов: «Партийные организации должны покончить с безнаказанностью для политических ротозеев и примиренцев к буржуазно-националистическим и прочим антисоветским элементам и их покровителям»[479].

Особенно жестокой и непримиримой была позиция Суслова по отношению к литовской интеллигенции. Большинство деятелей культуры, не принявших советской власти, выехали из республики еще осенью 1944 года. Родину покинуло около 90 литераторов, что составляло почти две трети членов довоенного Общества литовских писателей. Оставшиеся в большинстве своем знали, какие тяжкие испытания выпали на долю литовцев в годы немецкой оккупации, искренне верили в социалистическое будущее Литвы и потому добровольно стремились помочь своему народу в восстановлении разрушенного хозяйства и строительстве нового общества. Казалось, что сознательная поддержка и созидательная энергия этой части литовской интеллигенции и были необходимы для нормализации обстановки, гражданского мира и будущих трудных реформ. Насущной задачей было привлечение этих людей к сотрудничеству. Но, как большевик «сталинской закалки», Суслов отличался холопским презрением и подчеркнутым недоверием к людям интеллигентских профессий, а к писателям, художникам, музыкантам относился с еще большей злобой. «Бывшая» буржуазная интеллигенция Литвы представлялась ему главным

очагом крамолы и «бесплодного либерализма». Поэтому именно на этих людей и обрушился главный удар сталинской репрессивной машины. Среди пострадавших в те годы были известные литераторы: К. Корсакас, Ю. Балтушис, Э. Межелайтис, Т. Тильвитис, К. Борута.

После установления советской власти было организовано правление Союза писателей Литвы, утвержденное в конце 1944 года Советом народных комиссаров республики. В это правление вошли многие бывшие сотрудники «Третьего фронта» — журнала левой оппозиции 30-х годов. Одним из организаторов его был в свое время К. Борута. Его трагическая судьба типична для «левой», либеральной интеллигенции прежней Литвы, испытавшей горькое разочарование в своих идеалах. Она тем более интересна, что во многом волей-неволей тесно переплелась с биографией Суслова, лично ответственного за творившееся беззаконие и искалеченные жизни.

Вначале последовал шумный разгром романа К. Боруты «Мельница Балтарагиса» — первого крупного и самобытного художественного произведения, опубликованного при советской власти в Литве. Книга писателя была подвергнута уничтожающей критике за «антинародную» позицию автора. Затем последовал арест его отца. Но впереди ждали новые испытания. Пришлось пережить жестокие репрессии, выпавшие на долю литовского крестьянства, которое насильно сгоняли в колхозы, а над сопротивлявшимися устраивали расправы. Все это не могло пройти мимо совести писателя. Одно из подобных страшных впечатлений, потрясших Боруту, запомнилось на всю жизнь. На площади городка Пренай, по дороге в Друскининкай, вместе с другим литовским писателем — Б. Сруогой Борута видел трупы «лесных братьев», брошенные по распоряжению Суслова на всеобщее устрашение. «Такого ужаса я не испытывал даже в гитлеровском лагере Штутгоф», — сказал тогда Сруога. Для К. Боруты наступило горькое отрезвление. И надо отдать должное мужеству писателя: обстоятельства не сломили его. На литературных собраниях, стуча кулаком по столу, Борута протестовал против осуществлявшейся политики «ликвидации кулачества как класса», открыто насмехался над фальшивыми стихами, которые воспевали вождя и учителя, а некоторых своих друзей в глаза называл приспособленцами. Видимо, одним из них и был написан донос, повлекший за собой арест и тюремное заключение. Другие нашли смелость направить Суслову прошение о помиловании К. Боруты, отстаивая невиновность и честное имя писателя. Ответа они не получили.

Вот характерный отрывок из позднейших воспоминаний

Боруты: «Мы не писали, но по другим причинам. Одни из нас были оглушены, ошеломлены, опустошены, измучены, другие, со своими старыми, буржуазных времен привычками и идеологией, не успели определиться, понять советские порядки. Как от всего этого сразу избавиться и включиться в восстановительную работу? Не все такие гибкие, чтобы, как флюгер, поворачиваться с каждой переменой ветра. Терпение и время требуются каждому совестливому человеку, тем более писателю — он прежде всего должен переделать самого себя, перенять новую идеологию, приобрести новые привычки, чтобы суметь и другим помочь переориентироваться и включиться в перестройку своего края.

Но это никого не волновало. Кто не успел, тому дали по башке и оттолкнули, как какого-то прокаженного»[480].

Не меньшего драматизма исполнены судьбы других деятелей культуры Литвы «буржуазной поры», добровольно оставшихся в республике и пытавшихся включиться в созидательную работу: П. Юодялиса, К. Янкаускаса, К. Якубенаса, А. Билюнаса — все они были осуждены без вины и позже реабилитированы, некоторые посмертно. Не миновала горькая чаша испытаний и «молодых» авторов — Э. Межелайтиса, П. Вайчюнаса и других: их творчество было раскритиковано и признано идеологически ошибочным и вредным в духе известного послевоенного постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Тернистым был путь и остальной части литовской интеллигенции, оставшейся со своим народом, готовой к сотрудничеству с новой властью. Газеты 1945 года сообщали о процессе над сельским врачом из западной части Литвы, «уличенным» в «пособничестве» «лесным братьям» (на самом деле он просто не смог оставить без помощи раненого человека). Возрастающее недовольство вызывали у Суслова местные суды. Он требовал одного — подавления и жестокого наказания «для изобличенных врагов и их пособников». Факты и реальные обстоятельства дел его мало интересовали, а любое затянувшееся расследование или попытка защиты подсудимых расценивались как намеренное попустительство или диверсия. Впрочем, количество рассматриваемых дел гражданскими судами все время сокращалось, зато заметно увеличился «объем работы» военных трибуналов. Недоверие и подозрительность окружали местных инженеров и служащих. Любая неудача или ошибка квалифицировалась Сусловым как саботаж. С трудом приспосабливались к быстро меняющимся обстоятельствам профессура, преподаватели и учителя: недовольных и несогласных направляли на «перевоспитание». Переселения и лагерей не избежали и многие католические священники. Правда,

здесь Суслов был достаточно осторожен и в открытую конфронтацию с церковью не вступал.

За короткое время маленькой прибалтийской республике пришлось пережить не только «тридцать седьмой год», но и «год великого перелома». Одним из важнейших направлений «реформаторской» деятельности Бюро ЦК ВКП(б) по Литве стало «успешное проведение» земельной реформы, а затем и начало коллективизации сельского хозяйства.

Еще на 4-м пленуме ЦК КП(б) Литвы М. А. Суслов настаивал на «полном освоении земель безземельными и малоземельными крестьянами, которые снова получили от советской власти землю»[481]. Кроме этого, Суслов потребовал резкого ужесточения мер по отношению к «враждебному кулацкому элементу». В принятой на пленуме резолюции говорилось о «необходимости решительно проводить конфискацию земель и имущества тех хозяйств, члены семьи которых участвуют в буржуазно-националистических бандах», и о значительном сокращении земельных участков кулаков и тех хозяйств, владельцы которых (или члены семьи) поддерживали в годы оккупации немцев. Суслов и здесь прямо следовал за бесчеловечной практикой массовых репрессий 30-х годов, проводившихся с «высочайшего соизволения», когда нормой стала ответственность детей за «вину» отца, когда жены расплачивались (нередко жизнью) за мнимые преступления своих мужей. Но все это было лишь началом последующей широкомасштабной кампании раскулачивания и репрессий, началом «выселения врагов народа» и их семей, началом постепенного уничтожения трудолюбивого и хозяйственного литовского крестьянина. В то время как насильственно разрушался рождавшийся веками хозяйственный уклад, по инициативе М. А. Суслова в столице республики был созван I республиканский съезд трудовых крестьян.

Со времен Ставрополья Михаил Андреевич был уже опытным организатором всякого рода показных мероприятий. В тот исторический момент необходимо было продемонстрировать первые успехи сталинской аграрной политики в Литве. 29 марта в Вильнюсе перед тщательно отобранной и «отсеянной» аудиторией Суслов подвел предварительные итоги земельной реформы: «Советская власть за счет помещиков и кулаков, сидевших на шее трудовых крестьян, наделила землей 59 828 хозяйств бывших батраков, безземельных и малоземельных крестьян, передав им бесплатно в вечное пользование (?! — *Авт.*) 416666 гектаров доброкачественной земли». Далее докладчик предался размышлениям о скором будущем, рисуя «светлые перспективы», открывающиеся перед литовским крестьянством: «Советская

власть представляет широчайшие возможности для трудового крестьянства, и от него зависит, как лучше использовать эти возможности и развивать свое хозяйство, повысить свое материальное благосостояние». Дальнейшие рассуждения были исполнены откровенной демагогии и отточенной казуистики: «Ну а как быть с колхозами? — спросите вы. Можно ли развивать индивидуальное хозяйство или надо обязательно идти в колхозы? Советская власть не принуждает крестьян вступать в колхозы. Колхозы — дело добровольное»[482].

Однако в реальной действительности все было совсем иначе. Оказывалось массированное давление на единоличников. Многие из зажиточных крестьян облыжно обвинялись в содействии «националистическим бандам» или сотрудничестве с фашистами. Индивидуальное хозяйство последовательно подрывалось мерами экономического и социального характера. Кулаки и «середняки» (правда, эти термины мало подходят к своеобразию литовской деревни) облагались непомерными налогами. Но главным рычагом преобразований сельского хозяйства был все тот же, испытанный и безотказный, — насилие. Кампании хлебозаготовок, заготовок мяса, молока, кормов велись, по меткому определению самого Михаила Андреевича, «по-военному». И это нужно понимать буквально. Нередко излишки или спрятанные продукты изымались специальными отрядами НКВД (чем-то напоминавшими «продотряды» 20-х). «По-военному» проходили и посевные мероприятия. Зерно, естественно, распределялось централизованно и выборочно. Ежегодное относительное выполнение намеченных планов также обеспечивалось насильственными мерами. Организовывались «показательные суды» над саботажниками. Газеты тех лет пестрели характерными заголовками: «Сломить кулацкий саботаж молокопоставок», «К чему приводит успокоенность и попустительство кулакам», «О кулацких махинациях и либеральных судьях» и т. д. и т. п.

К колхозам отношение было иным. На том же съезде М. А. Суслов откровенно заявил: «Мы не можем и не должны скрывать от вас своего мнения и всегда будем говорить, что единственным путем решительного подъема сельского хозяйства и коренного улучшения всех условий жизни крестьянина является путь объединения мелких хозяйств в крупные общественные хозяйства. Это теперь доказано практикой, проверено Великой Отечественной войной и стало общеизвестным. Об этом вам скажут десятки миллионов колхозников»[483]. Все это было ложью. Ибо те десятки миллионов колхозников, на счастливый опыт которых ссылался Суслов, нищенствовали и жили

впроголодь, были полностью бесправны, не имея паспортов и свободы передвижения, и походили скорее на феодальных «крепостных», чем на свободных социалистических тружеников. Впрочем, Суслов это неплохо знал по Ставрополью.

Введение колхозов в Литве стало нелегким, затянувшимся на долгие годы делом. Слишком сильны и жизнеспособны оказались традиции индивидуального (хуторского, фермерского) способа ведения сельского хозяйства. История насильственной коллективизации конца 20-х — начала 30-х годов, потрясшая в свое время Россию, Украину и Белоруссию, повторилась в Литве — в меньших масштабах, но не менее кроваво.

Сразу же после ухода немцев в республике организовалось упорное сопротивление новой власти, переросшее в длительную и жестокую партизанскую войну. В сущности, это была гражданская война, в которой часть литовского населения поддержала Красную Армию и советскую власть, а другая часть с оружием в руках выступила против установления советских порядков. Состав партизанских отрядов «лесных братьев» был сложным и неоднородным. Здесь были лица, сотрудничавшие с оккупантами, богатые крестьяне, дети литовской буржуазии. Но было немало и простых литовцев, выступавших за независимость Литвы. Борьба была очень трудной и кровопролитной. В ходе этого жестокого противостояния значительная часть населения республики просто депортировалась в Сибирь. Из городов высылались представители буржуазии и других «чуждых классов», члены бывшей литовской администрации, лидеры национальных партий, представители литовской интеллигенции. Из сельских областей депортировались крестьяне, обвиненные в помощи «лесным братьям».

Ситуация с «лесными братьями» не поддается однозначной оценке, она сложна и запутанна[484]. Ради исторической справедливости необходимо осознавать многослойность и противоречивость литовского «сопротивления». Нельзя видеть в этом движении лишь «борьбу за свободу страны», независимость и справедливость, как и нельзя сводить все к подрывной деятельности «бандитских, националистических» формирований, этаких «отщепенцев», оторванных от своего народа.

Несомненно, большую роль здесь играли националисты, ориентированные на Запад, связанные с английской, американской, шведской разведками. Эти силы были рождены в годы гитлеровской оккупации. По рекомендации англичан в 1942 году был образован «Союз борцов за освобождение Литвы», а в 1944-м — подпольный центр под названием Верховный комитет освобождения Литвы. Нельзя не принимать во внимание эту

главную антифашистскую направленность движения на первых порах. Но объектом борьбы за независимость, помимо Третьего рейха, нередко (и тому были свои причины) назывался Советский Союз. После успешного наступления Красной Армии в июне-июле 1944 года часть вооруженных формирований осталась на родине и ушла в леса, часть переправилась на Запад. С установлением новых советских законов и порядков борьба становилась все более жесткой и непримиримой. Основную силу «лесных братьев» первоначально составляли вооруженные отряды по 20–30 человек, члены которых носили военную форму буржуазной Литвы. Уже в 1947 году был организован координационный центр — президиум Общедемократического движения сопротивления.

В короткий срок — с 1945 по 1947 год — состав «лесных братьев» существенно изменился. Кроме бывших фашистов сюда входили фанатики-националисты, утверждавшие насилие, убийства и террор как единственное средство политической борьбы. Для запугивания людей, срыва мероприятий советской власти «лесные братья» устраивали так называемые «варфоломеевские ночи»: одновременно проводились террористические акты в ряде мест одного уезда или волости. Убийства совершались с особой жестокостью. Вместе со взрослыми не щадили стариков, детей и даже грудных младенцев. Однако членами отрядов становились и простые литовцы, крестьяне, сельские учителя и городская интеллигенция. Кто-то из них искренне заблуждался или боялся угроз «братьев». Таких было меньшинство. Другие, поначалу верившие в социалистическое преображение Литвы, были напуганы и не могли примириться с кровавой жестокостью и беспощадностью, сопутствовавшими установлению новых порядков.

Трагическая ситуация еще более усугублялась негибкой и жесткой позицией, занятой Бюро ЦК ВКП(б) по Литве во главе с М. А. Сусловым. Он был принципиальным противником любых переговоров или компромиссов с «лесными братьями». По его приказу для устрашения населения запрещалось хоронить убитых бандитов, их трупы выставляли на площадях городов и сел. Широко применялись и «профилактические меры»: выселялись целые деревни, заподозренные в контактах с «лесными братьями», заложниками брались семьи и родственники ушедших в леса литовцев.

Суслов несколько раз публиковал статьи, посвященные характеристике (слово «анализ» к ним никак не применимо) внутренней ситуации в республике. Первая появилась сразу же после завершения 4-го пленума ЦК КПЛ в журнале «Большевик» (Вильнюс) и содержала достаточно полное изложение директив,

сформулированных Сусловым на заседании пленума. В сложившейся обстановке одной из акций, призванных продемонстрировать стабилизацию обстановки в республике, ее успешное развитие в составе Советского Союза, должны были стать выборы в Верховный Совет СССР в феврале 1946 года. Как известно, подобные демократические мероприятия в сталинские годы носили внешний, «косметический», формальный характер. Это была лишь очередная шумная пропагандистская кампания, никак не повлиявшая на изменение положения в Литве. Как издавна было заведено, депутатами со всеобщего одобрения выдвинули И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. П. Берию и прочих «верных сталинцев» государственного масштаба. Помимо них кандидатами в депутаты стали партийные и советские руководители Литвы. Депутатом Совета Союза Верховного Совета СССР по 636-му избирательному округу Вильнюса был избран Михаил Андреевич Суслов. Накануне выборов в «Советской Литве», центральном органе компартии Литвы, появилась его большая статья, озаглавленная «Союз и дружба народов СССР — основа их свободного развития и процветания».

Статья достаточно полно отражает «глубину» проникновения автора в сложившуюся в республике критическую ситуацию, обрисовывает уровень «идейных основ» подхода М. А. Суслова к решению насущных политических и национальных проблем. Статья построена традиционно, на примитивных контрастах. С одной стороны, беспощадно обличается «отживший буржуазный режим», приведший Литву к «деградации». Суслов не стеснялся в выборе эпитетов и сравнений. Не менее красноречивы, прямолинейны и предельно просты характеристики «лесных братьев»: «Трудно найти во всей истории человечества более жуткие примеры черного предательства, чем предательство литовско-немецких националистов… Они продолжают творить черное дело, совершая злодеяния, которым научились у немецко-фашистских захватчиков и извергов». Массовое сопротивление и недовольство проводимой политикой, естественную озабоченность людей судьбой национальной культуры Суслов объясняет не менее четко «лживой пропагандой, которая в течение многих лет проводилась литовскими и немецкими фашистами», а также «глубокой психологической травмой и отравлением сознания», происшедшими в результате этой пропаганды.

Конечно, на самом деле Суслову была глубоко безразлична история Литвы. Он никогда не утруждал себя ни знакомством с прежними точными цифрами и фактами, ни изучением национальных традиций и обычаев. Для него литовцы мало чем

отличались от латышей или, скажем, белорусов. Зато всегда «классовым инстинктом» Михаил Андреевич понимал, что в намеренном унижении и забвении прошлого заключен успех сегодняшнего руководства, энтузиазм и поддержка сталинских реформ, будь то коллективизация сельского хозяйства или строительство «новой социалистической культуры». Поэтому в другой своей части статья была исполнена обещаний благополучия и расцвета культуры, восторженной апологии сталинской национальной политики с изложением ее общих мест. Как обычно, текст изобиловал ссылками и цитатами из высказываний и трудов Калинина, Молотова и, конечно, Сталина.

Сейчас при рассмотрении тех далеких событий у читателя в который раз может возникнуть ощущение, что М. А. Суслов был всего лишь аккуратным исполнителем, пусть иногда чрезмерно усердным, чужой политической воли. Что никаких других действий в тех исторических обстоятельствах он не мог, да и не умел предпринять. Но этим доля его личной ответственности в содеянном вряд ли уменьшится. Тем более что от успеха миссии в Литве зависела дальнейшая карьера Михаила Андреевича, его собственное будущее. И он не останавливался в сомнениях, использовал любые средства для достижения заветной цели — «оправдать доверие партии» на порученном ответственном посту.

Думается, что последствия жестоких мер Суслова могли бы иметь еще более трагический характер, если бы им не противостояла гибкая, дипломатическая позиция А. Снечкуса, посильно стремившегося выработать хоть какое-то компромиссное решение. По его инициативе были составлены обращения к «лесным братьям», в которых вместе с требованием прекратить борьбу, сложить оружие и сдаться содержались гарантии сохранить жизнь и свободу тем, кто не был повинен в преступлениях и убийствах. Естественно, в сложившихся условиях доверия к подобным заверениям уже не было. Интересно, что в своих позднейших статьях и выступлениях, затрагивавших послевоенные годы, Снечкус высказывался о Суслове только с положительной стороны. Однако на похороны Снечкуса в 1974 году Михаил Андреевич не приехал.

Суслову, как и некоторым другим партийным работникам, трудно было «разделить вместе с народом» послевоенные голод, нужду и тяжелое бремя разрухи. Он существовал в ином, особом, изолированном от других, сытом и благоустроенном мире. По свидетельствам очевидцев, в Вильнюсе Суслов «отоваривался» в специальном магазине по карточкам (с поэтическим названием «Букет»). Новые бюрократические порядки утверждали и новые нравы. Когда большинство населения жило впроголодь — здесь

вдоволь снабжали икрой, марочным коньяком и шоколадом, заморскими фруктами.

Суслов оставил в Литве, да и во всей Прибалтике недобрую память, посеял обиду и ненависть. Когда он умер, многие из помнивших его жестокость в Литве открыто радовались.

Несмотря на относительный успех миссии Суслова в Литве, все его действия тщательно контролировались, и на основании собранных данных составлялось досье для ведомства Берии. Вот что вспоминает об этом генерал-майор В. Ф. Некрасов: «Трудно взвесить меру вины каждого из его (Берии. — *Авт.*) помощников, но все они люди одной системы. Можно привести пример. Возьмем выдержки из документа, характеризующего систему слежки ведомства Берии за руководителями даже верхнего эшелона: „…выступления т. Суслова (М. А. Суслов был тогда председателем Бюро ЦК ВКП(б) по Литве) на пленумах ЦК и различных совещаниях носят наставительный характер. К этим… речам местные руководители так уже привыкли, что не обращают на них внимания… Лично т. Суслов работает мало…“ Берия разослал документ Сталину, Молотову, Маленкову в июле 1945 года»[485]. Но никаких последствий для Суслова эта бумага не имела. К тому же результаты его «работы» были налицо. У одного из адресатов Берии возникла другая идея — заменить руководство Литвы, сместить А. Снечкуса. Г. М. Маленков (это был он) направил в республику специальную комиссию ПК, возглавленную одним из ответственных работников аппарата — Ю. В. Андроповым. Однако комиссия не нашла достаточно оснований для того, чтобы признать работу руководства Литвы неудовлетворительной. «Миссия» Суслова была оценена положительно. Его ждали Москва, ЦК, повышение. Но при этом у Михаила Андреевича появился и явный недоброжелатель, весьма влиятельный в партии человек — Маленков.

Справедливости ради необходимо рассказать еще об одной «знаменательной» встрече М. А. Суслова с Литвой, происшедшей в ноябре 1973 года, когда член политбюро ЦК КПСС прибыл для запоздалого вручения республике высокой награды — ордена Дружбы народов. Как один из главных организаторов торжеств по случаю 50-летия СССР, Михаил Андреевич среди прочих праздничных мероприятий сам выделил одно — поочередное награждение всех союзных республик за успехи, заслуги, интернациональную помощь. Среди руководителей партии и государства были распределены маршруты и места праздничных «путешествий». Себе Михаил Андреевич оставил Литву — слишком многое связывало его жизнь с ней. Суслов к тому времени находился на вершине власти, а Литва прошла почти 30-

летний путь в составе СССР. Официально-парадный характер состоявшейся встречи, тон произнесенных речей и услышанных славословий свидетельствуют о том, что прошлое (тем более «застойное») сопротивляется и никак не поддается примитивному истолкованию. Оно было нашим общим, и ответственность и вина за творившийся подчас исторический фарс не могут быть односторонними. Без признания этого взаимопонимание и движение вперед вряд ли возможны.

Вот хроника визита М. А. Суслова. 28 ноября 1973 года на совместном заседании ЦК КПЛ и Верховного Совета республики с вступительным приветственным словом выступил тогдашний председатель литовского «парламента» М. Шумаускас. «Нам особенно приятно, — заявил он под продолжительные аплодисменты, — что вручить республике столь высокую и почетную награду — орден Дружбы народов — к нам приехал дорогой и уважаемый гость, которого очень хорошо знают в республике…»

М. А. Суслов не преминул поделиться с собравшимися собственными воспоминаниями о пережитом: «Мне, в свое время работавшему в Литве, особенно приятно разделить сегодня с вами чувство глубокого удовлетворения оценкой заслуг и достижений социалистической Литвы… Вспомните, что представляла Литва в годы буржуазного господства: она была отсталой, зависящей от западных капиталистических стран и полностью лишенной каких-либо перспектив в собственном развитии. Ныне социалистическая Литва — цветущая индустриальная республика. Об этом красноречиво говорит тот факт, что объем промышленного производства в 1973 году возрос по сравнению с 1940 годом в 39 раз. *(Аплодисменты.)* Промышленное производство в Литве за последние 22 года росло втрое быстрее, чем, например, в Швеции, Дании или Норвегии. *(Это известие было встречено бурными аплодисментами.)».* В ответном слове первый секретарь ЦК КПЛ А. Снечкус поблагодарил Михаила Андреевича за «интернациональную помощь», оказанную в трудное время руководством Бюро ЦК ВКП(б) по Литве: «В послевоенные годы вы делили с нами тяготы тех дней, и я уверен, что выражу общее мнение, если скажу еще раз, что мы счастливы видеть вас здесь»[486].

После вручения ордена под торжественную мелодию юноши и девушки в национальных костюмах преподнесли «дорогому гостю» памятную ленту. На ней «искусными народными мастерами» были вытканы слова: «Уважаемому Михаилу Андреевичу Суслову от трудящихся Литвы».

СВЕРЯЯ ВРЕМЯ ПО КРЕМЛЕВСКИМ… (1947–1953)

Итак, вернемся снова в 40-е. Сталин был вполне удовлетворен результатами миссии Суслова в Литве. В 1946 году Михаил Андреевич был переведен на работу в Москву и вскоре на пленуме ЦК ВКП(б) избран секретарем ЦК. В Секретариат в тот период входили А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, Г. М. Маленков, Г. М. Попов и сам И. В. Сталин.

Атмосфера первых послевоенных лет была наполнена пьянящим воздухом победы, чувством освобождения, верой в силу государства и ожиданием обязательных будущих перемен. Этим был проникнут и одухотворен тяжелейший труд по возрождению разоренной страны. Но подспудно, в безвестной глубине, сталинский режим увеличивал число своих жертв — их пополнили сотни тысяч репатриированных после войны советских граждан, бывшие советские военнопленные, возвращавшиеся и возвращаемые на родину. А на «поверхности» разыгрывался очередной политический спектакль: разворачивались новые масштабные кампании. Тоталитарная идеология нуждалась в постоянном воспроизводстве: новые противники и враги придавали оскудевавшим догмам видимость жизни и движения. Особенные перемены потрясли сферу культуры. Первый мощный «разящий» удар по «отщепенцам» и «перерожденцам» был нанесен известным «ждановским» постановлением «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» (1946). Далее последовали новые погромные директивы, коснувшиеся кинематографии («О кинофильме „Большая жизнь“») и музыки («Об опере „Великая дружба“»).

В те годы страницы печатных изданий щедро отводились разного рода теоретическим «упражнениям» уже заслуженных или еще только формировавшихся, набиравших силу «молодых» идеологов. Популярность своими пространными рассуждениями о произведениях литературы и роли культуры вообще, «размышлениями» над ленинским и сталинским наследием снискал «гвардии майор Д. Шепилов» (так иногда он подписывал статьи). А рядом помещались традиционные, обстоятельные и тяжеловесные обзоры (среди которых особенно выделялись характеристики вышедших очередных томов собраний сочинений Ленина и Сталина) П. Н. Поспелова. Продолжал свои «исследования» международного рабочего движения и «ошибок» западной социал-демократии будущий кандидат в члены политбюро, соратник Михаила Андреевича Б. Н. Пономарев. С

принципиального разоблачения «безответственных измышлений» в воспоминаниях А. С. Аллилуевой (родственницы Сталина по линии последней жены) начал успешную карьеру будущий вице-президент АН СССР П. Н. Федосеев. «Оттачивали перо» и другие «творцы-идеологи»: А. Я. Пельше (тогда секретарь ЦК КП(б) Латвии по пропаганде) и «философ» М. Б. Митин. Завоевывал признание впоследствии заслуженный журналист-международник Ю. Жуков. Идеология расширяла свое влияние и контроль за всеми сферами общественной жизни и общественного сознания. Существенно менялся и ее язык.

На первый взгляд эта волна активности не затронула М. А. Суслова, секретаря ЦК ВКП(б), но только на первый взгляд. Суслов не выступал публично с «глубокими» теоретическими сочинениями. Он избегал суеты, огласки и излишней ответственности, однако тонко улавливал и усваивал этот вырабатывавшийся новый язык.

По своей высокой должности Михаил Андреевич принимал участие во всех проходивших в столице официальных мероприятиях. И вот долгожданное: его имя стало упоминаться в почетном списке среди прочих. 20 июня 1947 года на открытии сессии Верховного Совета РСФСР в ложе правительства, как всегда, появился И. В. Сталин. Единое чувство овладело в тот момент собравшимися. В восторженном порыве российские депутаты стоя приветствовали «всенародного избранника» и «первого депутата», а также его «верных соратников»: Молотова, Берию, Жданова, Микояна, Маленкова, Булганина и — впервые — Суслова. Михаил Андреевич удостоился чести присутствовать на торжествах по случаю 800-летия Москвы, лицезреть Всесоюзный парад физкультурников и воздушный праздник в Тушине.

Были у него и повседневные обязанности. Как секретарь ЦК он курировал важнейший участок идеологической работы — печать. Видимо, не случайно в ноябре 1947-го за «кипучую энергию и большие организаторские способности» коллективы газет «Правда», «Комсомольская правда», «Пионерская правда», а также издательства «Правда» выдвинули его кандидатом в депутаты Моссовета.

Но главное испытание ждало Суслова впереди. 21 января 1948 года стало исторической датой в его многотрудной жизни, одновременно итоговой и сулящей перспективы. По бытовавшей в те времена традиции торжественно отмечалась лишь годовщина смерти В. И. Ленина, а не день рождения, как это сложилось в последующие годы. В этом был свой смысл и своя символика. И вот после скорбной паузы, воцарившейся под сводами Большого театра, Н. М. Шверник на весь зал громко произнес: «Слово для

доклада предоставляется секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Михаилу Андреевичу Суслову…» Что чувствовал Суслов, когда шел к трибуне и произносил речь, что пережил, ощущая за спиной пронзительно лукавый и усталый взгляд вождя или кивки его верных соратников? Может, у него дрожали руки от страха и волнения, путались слова? Тем не менее он говорил, громоздя чеканные формулы или, как определял Маяковский, «слова-глыбы»: «Почти четверть века после смерти Ленина большевистская партия твердо и неуклонно идет по ленинскому пути, борется и побеждает под знаменем ленинизма. Все эти годы победоносное знамя ленинизма высоко несет верный ученик и соратник Ленина — вождь большевистской партии, достойный преемник и великий продолжатель дела Ленина — товарищ Сталин…»[487] Произнеся эту восторженную тираду, Суслов остановился. Естественно, эти «слова товарища Суслова присутствующие встречают бурной овацией в честь вдохновителя и организатора всех наших побед…». Первый шаг сделан, и Михаил Андреевич еще увереннее продолжал. Он говорил о всепобеждающей силе ленинизма, воплощенной в современном здании социалистического общества в СССР, об успехах восстановления народного хозяйства, о расцвете советского демократизма и, конечно, о роли партии, которая оказалась сильна, монолитна и крепка, как никогда. Закончил свой доклад Суслов провозглашением здравиц…

В апреле 1948 года в Москве проходило совещание редакторов краевых и областных газет. Подытоживая обсуждение, с большой назидательной речью выступил Суслов. Выразив неудовлетворенность невысоким уровнем провинциальной печати, он отметил: «Особое значение приобретает коммунистическое воспитание трудящихся, преодоление пережитков капитализма в сознании людей в настоящий период, в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму… Известные решения ЦК по вопросам литературы и искусства дают подлинную программу могучего подъема всей идеологической работы партии. Эти решения направлены на воспитание у советского человека самых лучших качеств, качеств человека коммунистического общества, на воспитание наших людей в духе советского патриотизма»[488].

Взаимоотношения Суслова и Жданова — интересный и малоизведанный сюжет. Думается, в определенном смысле Михаил Андреевич был учеником и восприемником Андрея Александровича, идеолога опытного и искушенного. Суслов высказывал ему подчеркнутое уважение, признавая старшинство.

В отличие от Жданова, Суслов-идеолог избегал публичности и конкретики (вряд ли в его устах можно представить подобные ждановским характеристики Зощенко и Ахматовой, бестактные оценки Шостаковича). Суслов был осторожнее и хитрее, предпочитал тайные и наиболее могущественные нити влияния и контроля. Об этом свидетельствует и «механизм» руководимых им кампаний.

Суслов и Жданов сотрудничали. В марте 1948-го Суслов участвовал в совещании деятелей советского музыкального искусства, обсуждавшего итоги «общественного просмотра» оперы Вано Мурадели «Великая дружба». Он внимательно слушал доклад Жданова о «неблагополучном положении на музыкальном фронте». Во второй половине июня того же года в Румынии проходило совещание представителей Информационного бюро коммунистических партий. В повестке дня стояло обсуждение вопроса о положении в компартии Югославии. По настоянию советской стороны был осужден отход ее от марксизма, «в первую очередь» в результате неверной политики Тито, Карделя, Джиласа… Была раскритикована «теория мирного врастания капитализма в социализм» (идеи вроде оппортуниста Бухарина) вопреки учению о классах и классовой борьбе. Были отвергнуты как ошибочные «рассмотрение индивидуального крестьянства как единого целого», пренебрежение ролью марксистско-ленинской партии, другие просчеты югославов. Советскую делегацию, в состав которой вошли Жданов, Маленков и Суслов, возмутил отказ КПЮ отчитаться в своих действиях перед Информбюро. Был провозглашен курс на фактический подрыв КПЮ изнутри, ставка делалась «на здоровые силы» югославской компартии (то есть на просталинские).

В конце августа скончался А. А. Жданов. 1 сентября 1948-го. Белорусский вокзал. Молотов, Каганович, Берия, Шкирятов, Суслов вынесли гроб с телом А. А. Жданова. Несколько позднее Михаилу Андреевичу пришлось столкнуться с сыном Жданова — Юрием Андреевичем, заведующим Отделом науки ЦК. Суслов возглавил комиссию ЦК, разбиравшую деятельность Ю. Жданова, посмевшего выступить в 1948 году (год знаменитой сессии ВАСХНИЛ, разгромившей «вейсманистов-морганистов») против «народного академика» Т. Д. Лысенко.

Смерть Жданова, несомненно, укрепила позиции Суслова, облегчила его дальнейшее продвижение. В начале 1949 года Михаил Андреевич был назначен главным редактором «Правды» (одновременно он работал заведующим Отделом агитации и пропаганды ЦК). Что же собой представляла газета в те годы? Изменилось что-нибудь в ней за время руководства Суслова? Нет.

Ни свежих, интересных идей, ни глубоких аналитических статей на страницах «Правды» не появилось. Да и структура номеров и круг привлекаемых авторов остались прежними. Суслов поддерживал традиции. Итак, как же выглядела «Правда» образца 1949–1950 годов?

На первых страницах из номера в номер с завидным постоянством публиковались пространные обращения и рапорты И. В. Сталину от республик, областей, районов, отдельных предприятий и колхозов. В них было много радующих цифр и громких обещаний. Кстати, среди них появилось известие о пуске Невинномысского оросительного канала. Секретарь Ставропольского обкома И. Бойцов, рассказывая о грандиозности завершенного проекта, не премйнул отметить роль М. А. Суслова, непосредственно осуществлявшего руководство стройкой, а также обратился с благодарностью к И. В. Сталину, который, как оказалось, выдвинул идею создания оросительного канала еще в 1924 году. «Всенародное спасибо Сталину» было растиражировано «Правдой» после нового очередного снижения государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары. Газета смогла поместить лишь малую толику из громадного потока приветствий и благодарностей.

Кроме этого, вторая страница номера обычно отводилась материалам по истории партии, теоретическим статьям (вроде опубликованных в 1949-м фундаментальных статей Г. Деборина «Партия Ленина — Сталина в борьбе за строительство коммунизма» или Д. Шепилова «Империализм как высшая стадия…»). Среди авторов-идеологов помимо примелькавшихся отечественных почетное место занимали идейные соратники из дружественных стран и компартий: Б. Берут (Польша), Г. Георгиу-Деж (Румыния), Э. Ходжа (Албания), Т. Живков (тогда еще секретарь болгарской компартии), Э. Хонеккер (председатель Центрального совета Союза свободной немецкой молодежи). На страницах «Правды» появлялись и теоретические опусы Мао Цзэдуна и Лю Шаоци (в конце 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика).

В зависимости от важности и политической конъюнктуры располагались международные известия. Полностью печатались выступления А. Я. Вышинского в ООН. Характер и оценочную окраску в подаче зарубежной информации нетрудно себе представить. Множились сообщения об очередном непреодолимом кризисе капитализма, о нищете и разрухе, поразивших Европу в результате «обанкротившегося плана Маршалла» (об этом красочно повествовал из Парижа Ю. Жуков). Особенно нелицеприятные и обескураживающие

разоблачительные материалы появлялись о деятельности клики «Тито — Ранковича», не принявшей сталинской казарменной модели социализма. Публиковались подробные отчеты о судебных процессах над «югославскими шпионами», «орудовавшими» в других странах народной демократии. В 1950 году в Болгарии судили «югославских шпионов», готовивших покушение на маршала Ворошилова и других «руководителей демократических стран».

В противовес этому на глазах «разрушающегося дряхлого здания капитализма» из стран народной демократии поступали оптимистические сообщения о новых и новых успехах.

Как главный редактор центральной газеты, Суслов понимал, что за «Правдой» закреплена особая роль — в отличие от других печатных органов она высказывает истину в последней инстанции, направляет и формирует общественное мнение и его оценки. Поэтому важна не оригинальность и яркость изложения, талантливый анализ событий или публикация интересных материалов (все то, что составляет в современном представлении лицо газеты). Важно другое — правильность, идеологическая «выдержанность» и «полновесность» каждого номера. Как идеологический руководитель партии, Суслов был воспитан и сложился именно в сталинский период: печать догматизма, боязнь самостоятельности и оригинальности мысли сохранилась у него на всю жизнь. Главным его стремлением с первых же шагов на поприще идеологии было не допустить какой-либо идеологической ошибки, то есть не вступить в противоречие с текущими политическими установками. Он хорошо усвоил, что посредственность и серость идеологических выступлений никем не преследуются, тогда как лишь одна идеологическая ошибка может обернуться крахом всей его заслуженной политической карьеры.

Эту печать идеологической «выдержанности» и оскопленности несут и материалы газеты по вопросам литературы и искусства, которым «Правда» отводила огромное место. Месяцами регулярно газета рассказывала о многочисленных лауреатах сталинских премий, подробно извещала о «новых свершениях» советской кинематографии. К ним относились фильмы «Сталинградская битва» и «Падение Берлина». Автор последней, поистине мифологической эпопеи М. Чиаурели часто делился с читателями раздумьями о насущных задачах современного кинематографа. Не менее масштабные перспективы в развитии советской музыки отмечал Т. Хренников, рассказавший в газете о ее новом этапе, о «разгромленном, но еще проявляющемся формализме».

В специальном разделе «Критика и библиография» печатались отзывы о только что выпущенных книгах «Честь смолоду» А. Первенцева и «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского.

Кроме этой текущей и обыденной повседневности этап руководства Суслова «Правдой» (49—51-й годы) ознаменовался тремя значительными событиями, на каждом из которых следует остановиться подробно. В отличие от своего предшественника Жданова Суслов не стремился к разрекламированным публичным выступлениям, не искал для себя сомнительных лавров знатока или оратора. Он отдавал предпочтение тактике закулисных расправ. А центральная газета в подобных предприятиях служила ему надежным и эффективным инструментом. Поступавшие директивы не должны были связываться непосредственно с его именем, инициатива была безымянной или всенародной (что одно и то же). Основной груз ответственности за исполнение ложился на других; а таковых в строго иерархической системе тоталитарной идеологии было множество. Это были конкретные люди, с именами, заслугами, должностями. Вольные или невольные участники разгромных кампаний, они могли быть подозрительно медлительными и молчаливыми или чересчур рьяными исполнителями, могли соревноваться в успехах борьбы с «идеологическими врагами», могли допускать перегибы и ошибки. Это походило на театр марионеток: за движениями и словами, казалось бы, живых кукол чувствовалась опытная рука мастера, направлявшая их; а нити, за которые по необходимости дергали, растворялись для зрителей в царившей темноте.

Именно по подобному сценарию и разворачивалась в начале 1949 года кампания против «безродных космополитов», непосредственным инициатором и организатором которой был Михаил Андреевич Суслов. 28 января 1949 года в «Правде» на третьей странице появилась анонимная статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», в которой, в частности, говорилось: «В театральной критике сложилась антипатриотическая группа последышей буржуазного эстетства, которая проникает в нашу печать и наиболее развязно орудует на страницах журнала „Театр“ и газеты „Советское искусство“. Эти критики утратили ответственность перед народом, являются носителями глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему безродного космополитизма… Им чуждо чувство национальной гордости. Такого рода критики пытаются дискредитировать передовые явления нашей литературы и искусства…» Критик Ю. Юзовский «непочтительно высказывался о горьковских „Мещанах“» и, «цедя сквозь зубы слова барского

поощрения, с издевательской подковыркой» рассуждал о пьесе А. Сурова «Далеко от Сталинграда».

В статьях другого «космополита» — А. Гурвича была замечена иная «форма маскировки», а именно «злонамеренная попытка противопоставить советской драматургии классику». Кроме этого, упомянутый А. Гурвич имел искаженное представление «о национальном характере русского советского человека». Другой участник «антипатриотической группы» обрушился на пьесу А. Софронова «Московский характер». Было упомянуто также, что объектом наиболее «злобных клеветнических выпадов» стали пьесы, удостоенные высокой награды — Сталинской премии. В заключении статьи следовали «оргвыводы»: «Перед нами… система антипатриотических взглядов… На происходившем недавно пленуме правления Союза советских писателей было положено начало разоблачению и разгрому антипатриотической группы критиков».

Разумеется, неблагополучное положение в театральной критике не было чем-то исключительным, и призыв «Правды» был услышан повсеместно. Сразу же обнаружились и были выявлены «космополиты и антипатриоты» в других сферах искусства и культуры. Президент Академии художеств СССР А. Герасимов откровенно рассказал (в «Правде» же) о «больших успехах и творческих победах» советского изобразительного искусства в «борьбе с космополитизмом и формализмом», известных «своей лакейской угодливостью перед уродливыми явлениями упадочного искусства буржуазного Запада». Герасимов привел и список «распоясавшихся критиков-антипатриотов»: А. Эфрос, А. Роом, О. Бескин, Д. Аркин, Н. Пунин, Я. Пастернак и другие. А. Эфрос, например, выдвинул «клеветническую версию о провинциальном характере русской классической и современной живописи», «оплевал Сурикова, Репина». Другой — О. Бескин — «своими злобными нападками и бессовестной травлей» довел художника Яр-Кравченко до того, что тот был вынужден снять из выставочного зала свое «талантливое полотно» — «М. Горький читает товарищам Сталину, Молотову и Ворошилову свою сказку „Девушка и смерть“» (да-да, ту самую сказку, которую Иосиф Виссарионович почитал «посильнее „Фауста“ Гете». — *Авт.*). За эту картину художник, естественно, удостоился Сталинской премии 1948 года.

Требование «разгромить буржуазный космополитизм» теперь уже в киноискусстве «подхватил» министр кинематографии СССР И. Большаков. «Лидером» антипатриотических сил в самом массовом из искусств оказался, по наблюдению Большакова, ленинградский режиссер Л. Трауберг (автор известных

произведений отечественного кино — «Новый Вавилон», трилогии о Максиме). Министр отметил, что «вся деятельность Трауберга в кинематографии проходила под знаком оголтелого буржуазного эксцентризма — разновидности формализма». Кроме того, на собрании актива творческих работников кинематографии (выступили И. Пырьев, Г. Александров, М. Донской, М. Ромм) была «изобличена» в «раболепии перед реакционной американской кинематографией» целая группа кинокритиков. Космополиты «пробрались» и в Академию архитектуры — там их разрушительная работа ознаменовалась трудами Д. А. Аграновича «Формирование архитектурной композиции города» и С. А. Кауфмана «Итало-римская архитектура», следы пробуржуазных антипатриотических настроений были замечены и в советской юридической науке.

Во власти космополитических сил оказалась и часть советского литературоведения. Еще 11 января 1949 года в «Правде» появилась статья некоего Л. Климовича «Против космополитизма в литературоведении». Климович подверг уничтожающей критике книгу замечательного, энциклопедически образованного филолога В. М. Жирмунского «Узбекский народный героический эпос» (1947), созданную в соавторстве с Х. Зарифовым. По мнению рецензента, авторы стоят на узких «позициях буржуазного космополитизма, пользуются методологией по существу своему последовательно формалистической». Позднее на алтарь идеологических идолов были принесены и десятки новых жертв. Среди них был «разоблачен» в 1949 году, а затем и арестован талантливейший исследователь русской литературы и самобытный ученый, ленинградский профессор Г. А. Гуковский. В 1950 году он скончался в местах заключения. В то же время очередное давление идеологического пресса испытал на себе и русский философ-литературовед М. М. Бахтин (еще до войны сосланный в Саранск).

Судьбы многих претерпевших в 1949–1950 годах деятелей культуры различны. Некоторые публично признали ошибки и раскаялись, другие были сломлены или репрессированы. Впрочем, сами пострадавшие были людьми разных убеждений, разного таланта и нравственных принципов. Многие из них до этого вполне соответствовали установкам сталинского конформизма, имели определенные заслуги перед режимом… Так, упоминавшийся критик А. Гурвич вслед неистовому рапповцу Л. Авербаху и А. Фадееву посвятил разгромные статьи творчеству Андрея Платонова и сыграл не последнюю роль в травле и отлучении писателя от читателей (от литературы

Платонова не способен был отлучить никто). «…До какого абсурда, до какого тупика и какой клеветы докатился Платонов, подменяя в своих произведениях могучий русский народ, классовое самосознание пролетариата и его боевую революционность рахитичными, убитыми жалостью нищими, блаженными, косными и отчаявшимися людьми»[489] — так писал А. Гурвич на страницах «Красной нови» в 1937 году. И делал закономерный и очень знакомый по наступившему.49-му году вывод: «Платонов антинароден, поскольку истинные качества русского народа извращены в его произведениях». Вот такие строки, вполне совпадающие с погромными статьями марксистского вульгаризатора В. Ермилова, обвинившего в 1947 году А. Платонова в «клевете» (за рассказ «Возвращение»), а в 1949-м громившего с трибуны «разоблаченного антипатриота» Гурвича. Действительная парадоксальность сталинской тирании заключалась еще и в том, что подчас трудно было определить (или разделить), кто жертва, а кто палач.

Вдохновляемая Сусловым массовая кампания борьбы с космополитами защищала отнюдь не таланты, а откровенно серые и посредственные произведения, наводнившие искусство. Потому что, говоря о фальши изображения, критика как бы ставила под сомнение и само изображение. Не случайно наиболее агрессивными и истовыми «охотниками за ведьмами» стали люди беспомощные в творческом отношении, чиновники от искусства.

Практически все (и преследуемые, и обличители) восприняли «очищение» от космополитизма как продолжение «ждановских» постановлений ЦК, как часть общего «партийного руководства» культурой. Тоталитарная идеология в очередной раз укрепляла свои позиции расправой с мнимыми, выдуманными врагами. Да и общественная атмосфера в стране была удобной. С одной стороны, осложнилась международная обстановка, начиналась «холодная война», с другой — использовались естественные патриотические чувства людей, окрепшие после победы, их направляли в нужное режиму русло. Была у этой кампании и другая нечистоплотная, практически нескрываемая сторона — антисемитизм. Большинство «антипатриотов» составили лица еврейской национальности.

Вслед за опубликованной анонимной директивой состоялось партийное собрание Союза писателей СССР, а затем и собрание московских драматургов и критиков. На последнем выступил заместитель генерального секретаря Союза писателей К. Симонов, публично проведший анализ корней «враждебной советскому искусству деятельности критиков-антипатриотов»: «Космополитизм в искусстве — это стремление подорвать

национальные корни, национальную гордость, потому что людей с подрезанными корнями легче сдвинуть с места и продать в рабство американскому империализму… Космополитизм в искусстве — это стремление поставить на место Горького Сартра, на место Толстого — порнографа Миллера (А. Миллер — известный американский драматург. — *Авт.*)…»[490]

Среди литераторов и деятелей искусства, волей-неволей поддержавших разоблачение космополитов-антипатриотов, также были люди разной судьбы и морали. Кто-то, испытывая муки совести, пытался смягчить удар, а кто-то подобострастно неистовствовал в обвинениях и приговорах. На упомянутом собрании драматургов особенно выделялся «политически заостренный» (так его обозначила «Правда») доклад А. Софронова: «Диверсант от театральной критики, литературный подонок Борщаговский долгое время наносил вред советскому искусству и драматургии… Разоблачение критиков-антипатриотов уже дает свои плоды. Мы чувствуем… горячее желание еще лучше работать». Позднее, в конце 60-х, в ожесточенной борьбе против «Нового мира» Твардовского (ее опять-таки курировал Суслов) главный редактор журнала «Огонек» А. Софронов, лишь немного изменив скудный стиль разоблачений, остался столь же верноподданнически агрессивен.

Казалось, после «очищения» от «заразы буржуазного низкопоклонства» «освобожденное» советское искусство порадует читателей новыми совершенными художественными творениями, исполненными высокого патриотического чувства. Вроде бы, по наблюдениям К. Симонова, появились и «первые вестники» будущих «больших успехов». Среди них: «Огненная река» Вадима Кожевникова, «Карьера Бекетова» А. Софронова, «Головин» С. Михалкова (Симонов при этом скромно умолчал о собственном детище — драме «Русский вопрос»). На самом деле все это были посредственные, беспомощные и схематичные произведения, лишенные всякой динамики, с героями-резонерами и декларируемым официальным патриотизмом. Тем не менее «приток» патриотических произведений вызвал и появление многочисленных хвалебных отзывов на страницах «Литературной газеты», «Культуры и жизни» и «Правды».

Уровень возносимых пьес был столь очевидно невысок, а язык скуден и скучен, что вскоре в той же «Правде» была опубликована новая безымянная статья — «О посредственной пьесе и приятельских рецензиях» (речь шла об «Огненной реке» В. Кожевникова). Впоследствии появление бессодержательных и бесконфликтных произведений, а также неадекватная оценка их критикой были проанализированы в статье А. Фадеева «О

литературе и литературной критике».

Суслов всегда избегал крайностей и явных издержек, занимая подчеркнуто объективную, принципиальную «большевистскую позицию». Одним из последствий очищения от космополитизма стало окончательное закрытие (или фактический разгром) знаменитого Камерного театра Александра Таирова. По иронии судьбы отчаявшийся режиссер обратился за помощью к М. А. Суслову, веря в его здравый смысл и могущество, но не ведая о его роли в развернувшейся травле. Вот отрывки из письма Таирова (март 1950 года): «Глубокоуважаемый Михаил Андреевич! В тяжелом раздумье, в котором я сейчас нахожусь, я чувствую не только потребность, но и необходимость обратиться в ЦК партии с горячей просьбой указать мне выход из создавшегося положения. Представьте себе, что на пути человека, полного энергии и сил, знающего, куда и зачем он идет, возникает стена, пробить которую он не в состоянии. Как быть?..» Далее Таиров, изложив обстоятельства «реорганизации» Камерного театра и фактической безработицы его самого и А. Коонен, заключил полное безысходности и надежды послание словами: «Как художники мы не можем от него отступиться (от своего права на работу. — *Авт.*), а как граждане своей соц. Родины не имеем на это права. Вот в чем заключается трагизм нашего положения, из которого мы и просим ЦК нас вывести… Я был бы Вам бесконечно признателен за возможность личной беседы, в которой я чувствую серьезную потребность…»[491] Как и следовало ожидать, письмо и просьба Таирова остались без ответа.

3 декабря 1949 года было сообщено о создании общественного комитета по организации мероприятий в связи с приближавшимся 70-летием Сталина. В него вошли партийные, советские руководители, деятели культуры. Значительную роль в подготовке юбилея сыграл член комитета М. А. Суслов. В его обязанности, в частности, входило информационно-пропагандистское «обеспечение» будущего грандиозного праздника-спектакля. «Правда» организовала целый конвейер публикаций в честь юбилея: отчеты о развернувшемся социалистическом соревновании, статьи первых секретарей компартий союзных республик, освещение практически всех сфер деяний и свершений «мудрого» и «великого» — Октябрьской революции, новой Конституции, победы в Великой Отечественной и т. д. и т. п. В заслугу Суслову можно отнести появление и следующих неформальных, удивляющих искренностью и наивностью материалов.

8 декабря 1949 года в газете был помещен репортаж Б.

Полевого «Народная любовь. В залах подарков И. В. Сталину». Умиление автора вызвали необыкновенные экспонаты, представленные там: «Тут и письмо индусов с пожеланием товарищу Сталину долгих лет здоровья на благо всего трудящегося человечества, написанное на одном-единственном зернышке риса, и головной убор почетного индейского вождя, присланный в дар величайшему воину И. В. Сталину, избранному почетным вождем индейских племен…»[492]

Затем последовала обширная подборка современного фольклора: «О Сталине мудром, родном и любимом прекрасную песню слагает народ…» Здесь были и частушки:

Взвейтесь, птицы, взвейтесь выше
И летите стаями,
Отнесите в Кремль привет Дорогому Сталину,

и отрывки из песни, записанной в Литве:

У Сталина-отца шестнадцать дочерей,
Нет дружбы, что меж ними, сильней и горячей,

и сказка «Как нужду прогнали».

Кроме того, появились пространные очерки-воспоминания о Сталине его соратников: Маленкова, Молотова, Берии, Кагановича, Микояна, Хрущева, Косыгина, изданные впоследствии отдельными брошюрами. «Правда» печатала подробный отчет о торжественном заседании 21 декабря 1949 года, а затем в течение месяца публиковала речи и поздравления. Лично Михаил Андреевич не выступал, но, не жалея сил и способностей, «режиссировал» проводившиеся мероприятия. Впрочем, желание угодить вождю у Суслова после юбилея не иссякло. Стареющий Сталин на склоне жизни все более «уступал» мелочным соблазнам тщеславия, изыскивая новые области, в которых он мог бы «произнести решающее слово» и обессмертить тем самым свое имя.

По долгу службы, характеру полученного образования, а более всего от личного усердия М. А. Суслов принимал участие в дальнейшей разработке политэкономической теории. Нередко он курировал работу более сведущих и опытных специалистов. В связи с этим любопытный и весьма характерный для того времени эпизод вспоминает Д. Шепилов, оказавшийся волей случая на приеме у Сталина: «Сталин начал издалека: новое время требует новой экономики.

У руководителей, „командиров производства“, как он сказал, очень низкий уровень экономической грамотности. Нужно создать, очень быстро, хороший массовый учебник по политэкономии социализма. Как я понял, это поручалось мне и еще двум крупным ученым… Сталин сделал заказ. Жесткие сроки. Нас троих „спрятали“ на одной из подмосковных дач. Суслов в конце каждой недели звонил и требовательно справлялся: как идут дела? Когда можно прочитать текст? Товарищ Сталин ждет… Помните это!»[493] Все эти «новые» политэкономические идеи подготовили, как известно, работу Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

Но если «вторжение» в область политэкономии было для Сталина понятным и закономерным, то внезапное «увлечение» филологической наукой выглядело как своего рода нелепый казус. Играл ли Суслов какую-то роль в развернувшейся на страницах возглавляемой им газеты дискуссии о языке? Несомненно. И хотя наверняка он не был инициатором этой очередной кампании, поставлена она была успешно и с размахом. Обратимся к фактам.

9 мая 1950 года «Правда» поместила статью до сих пор мало известного в научных кругах лингвиста А. Чикобавы «О некоторых вопросах советского языкознания». Публикация эта была предварена небольшой заметкой «От редакции»: «В связи с неудовлетворительным состоянием, в котором находится советское языкознание, редакция считает необходимым организовать на страницах газеты „Правда“ свободную дискуссию, с тем чтобы путем критики и самокритики преодолеть застой в развитии советского языкознания и дать правильное направление дальнейшей научной работе в этой области». Суть выступления Чикобавы сводилась к критике языковой теории Н. Я. Марра, ставшей определяющей в сфере науки о языке. Не вдаваясь в научные тонкости спора, отметим лишь, что выступавшие за Чикобавой в «Правде» филологи-лингвисты И. Мещанинов, Н. Чемоданов, Б. Серебренников, В. Виноградов и другие настаивали на плодотворности общих идей Н. Я. Марра, имевших методологическое значение.

20 июня 1950 года наступила развязка. Как выяснилось, к Сталину обратилась «группа товарищей из молодежи» с предложением высказать его мнение по вопросам языкознания в печати. Особенно молодых людей взволновали «проблемы марксизма в языкознании». И, как выразился Сталин, «к этому делу я имею прямое отношение». Статья «Относительно марксизма в языкознании» была построена по принципу катехизиса (очевидно, для окончательной ясности) — на вопросах

и ответах. Вот некоторые выдержки из этого труда: «*Вопрос*. Правильно ли поступила „Правда“, открыв свободную дискуссию по вопросам языкознания? *Ответ*. Правильно поступила… Создалась замкнутая группа непогрешимых руководителей, которая, обезопасив себя от всякой возможной критики, стала самовольничать и бесчинствовать… Дискуссия… выставила на свет божий этот аракчеевский режим и разбила его вдребезги. Признав „некоторые“ ошибки Н. Я. Марра, „ученики“ Н. Я. Марра, оказывается, думают, что развивать дальше советское языкознание можно лишь на базе „уточненной“ теории Н. Я. Марра, которую они считают марксистской. Нет уж, избавьте нас от „марксизма“ Н. Я. Марра…» Нетрудно представить, как скоро наступило это «избавление». Соображения Сталина были восприняты как «боевая программа построения марксистского языкознания» (так называлась статья Т. Ломтева в «Правде»).

Помимо организации массовых кампаний, принесших ему очевидный авторитет и выгоду, Суслов был занят и другими делами. «Однажды (дело было в сентябре 1951 г.) находящаяся в СССР делегация английских женщин — весьма редкое тогда событие — обратилась к пригласившей их стороне с просьбой разрешить посещение женского лагеря. Естественно, хозяева растерялись. Звонок в соответствующее управление МВД. Там, конечно, решить не могут. Обращение выше — к заместителю министра госбезопасности Серову. Тот тоже в этом вопросе бесправен. К министру Круглову. Та же картина. Выход на Суслова. И он ничего не может решить»[494]. В конечном счете только Г. Маленков, посоветовавшись со Сталиным, дал разрешение.

В начале 50-х годов Суслов продолжал заниматься и международными вопросами: он возглавил советскую делегацию и делал доклад «Защита мира и борьба с поджигателями войны» в ноябре 1949-го на совещании Информационного бюро коммунистических партий в Будапеште. Принял активное участие в подготовке XIX съезда партии и вместе с небольшой «бригадой» разработал несколько вариантов речи Сталина (окончательная редакция которой осталась за Иосифом Виссарионовичем). Об укрепившемся доверии руководства к Суслову свидетельствует тот факт, что он был включен Сталиным в состав расширенного Президиума ЦК КПСС. Но это назначение таило и немалые опасности. В декабре 1952 года чем-то недовольный Сталин резко заметил Суслову: «Если вы не хотите работать, то можете уйти со своего поста». Ошеломленный Суслов нашелся, заявив, что будет работать везде, где сочтет нужным партия. «Посмотрим», — с оттенком угрозы произнес Сталин. Однако этот конфликт не

получил продолжения.

Вскоре Сталин умер. Как воспринял это событие Михаил Андреевич? Об этом вспоминает Д. Шепилов: «Тогда я работал главным редактором „Правды“. Страна притихла, все ждали известий из Москвы: как там Сталин… Утром пятого — звонок, голос Суслова: „Быстро приезжайте на „уголок“ (так в кремлевском обиходе именовали кабинет вождя). Товарищ Сталин умер…“ И положил трубку…»[495]

Кончалась страшная эпоха, и в муках рождалось новое время. Но, как оказалось, опытный идеолог и аппаратчик Суслов уже был готов к переменам и неожиданным поворотам. А пока, как и другие «верные соратники», он прощался со Сталиным, нес почетный караул у тела покойного вождя в Колонном зале Дома союзов. Он был полон высокой скорби, и ничто не могло нарушить ее. В связи с этим интересный эпизод того памятного для страны дня описывает музыкант Р. Дубинский: «В центре зала, за тройным кольцом охраны, в открытом гробу лежал Сталин. Из-за портьеры появилась группа высших руководителей партии и направилась к гробу… Мимо нас прошел со скрипкой в руках Давид Ойстрах и остановился рядом с Гауком. Ойстрах поднял к плечу скрипку, Гаук — свою дирижерскую палочку. Зал заполнили звуки „Меланхолической серенады“ Чайковского… В зал стала вливаться человеческая река. Слышны были громкие всхлипывания, плач и подвывания. Мы увидели, как к Ой-страху подошел какой-то высокий мужчина с серым лицом. „Суслов“, — прошептал мне Александров. Ойстрах, продолжая играть, полуобернулся и что-то выслушал. И тотчас темп чуть ускорился, скрипка зазвучала светлее и менее выразительно. Суслов возвратился в строй почетного караула»[496].

После смерти Сталина состав Президиума ЦК КПСС был сокращен. Суслова в нем не оказалось, но он остался секретарем ЦК. Шел 1953 год.

«ЗАКОНСЕРВИРОВАННЫЙ СВОБОДОЛЮБЕЦ»

В окружении Хрущева

Чрезвычайно энергичный, чуждый какого-либо догматизма, склонный к переменам и реформам, Хрущев был по своему характеру и политическому темпераменту прямой противоположностью осторожному и скрытному Суслову. В своей администрации Хрущев сам был и главным идеологом, и министром иностранных дел, он непосредственно сносился с руководителями других коммунистических партий. И хотя энергии Никите Сергеевичу хватало на все, ему нужен был член Президиума ЦК, который руководил бы повседневной деятельностью многочисленных идеологических учреждений. Выбор Хрущева пал на Суслова…

Очевидно, что стиль идеологического мышления Суслова — авторитарный, закосневший в узком догматизме, сформировавшийся в сталинские годы — с трудом вписывался в живую, устремленную к переменам политику Хрущева. Суслову пришлось проявить особую тактическую гибкость, изменить (частично, конечно) свои прежние позиции и взгляды. Впрочем, способности к мимикрии у Михаила Андреевича были выработаны годами партийной и аппаратной работы.

Характер взаимоотношений между Сусловым и Хрущевым постоянно менялся. Эта «подвижность» мало проявлялась внешне. Тем более любопытно проследить этапы скрытого противодействия. Вряд ли многое в деятельности Хрущева нравилось Суслову. Но ситуация требовала оставить идеологические разногласия и избрать иную линию поведения. Дело и в том, что в начале 50-х годов у Суслова сложились весьма напряженные и даже неприязненные отношения с Г. М. Маленковым (начало конфликту положил уже описанный «литовский эпизод»). Поэтому возвышение и укрепление позиций Маленкова, ставшего одной из ведущих политических фигур после смерти Сталина, не сулили ничего хорошего ни Суслову, ни людям, на которых он опирался и которым покровительствовал. Положение усугублялось выводом в 1953 году М. А. Суслова из состава Президиума ЦК. Поэтому неудивительно, что в той острой борьбе, которая вскоре развернулась между Хрущевым и так называемой «антипартийной группой», Суслов прочно выбрал

сторону Хрущева. Последний же в условиях обострившегося конфликта весьма и весьма нуждался в сторонниках и поддержке. Итак, вначале союз состоялся.

Существенные разногласия внутри руководства выявились и обострились уже в 1954 году. Позднее, на январском (1955 год) пленуме ЦК КПСС, по информации Хрущева было указано на моральную ответственность Маленкова за известное сфабрикованное «ленинградское дело». Маленков, защищаясь, сослался на то, что не смог разобраться в его изначальной провокационной сущности. Но главной причиной последовавшего тогда освобождения Маленкова от поста Председателя Совета министров СССР и от председательствования в Президиуме ЦК КПСС стала резкая критика деятельности и позиции Маленкова как главы советского правительства. Это решение поддержал секретарь ЦК М. А. Суслов, впрочем, так же как Каганович и Молотов.

На июльском (1955 год) пленуме ЦК КПСС настала «очередь» В. М. Молотова. Здесь нелицеприятному разбору подверглась его ортодоксальная позиция в вопросе урегулирования отношений с Югославией и СКЮ. После речи А. И. Микояна, заявившего о том, что «Молотов живет только прошлым и вдохновляется злобой, которая накопилась у него за время этой советско-югославской драки», слово взял М. А. Суслов. Он подчеркнул: «Молотов неправильно, не по-ленински противопоставил пролетарский интернационализм политике равноправия народов и сделал отсюда неправильные и вредные для нашей политики выводы»[497]. На пленуме были рассмотрены и организационные вопросы: в состав Президиума включили новых членов (сторонников Хрущева) — Суслова и Кириченко.

Как известно, внутрипартийная борьба достигла драматической кульминации на бурно проходившем заседании Президиума ЦК КПСС в июне 1957 года. Речь тогда шла о судьбе страны — дальнейшем развитии начатых реформ или «откате» назад, в сталинское прошлое. Молотов и Маленков неожиданно поставили вопрос о снятии Хрущева. Никита Сергеевич, однако, решительно отверг все обвинения, ссылаясь на достигнутые в последнее время экономические успехи и существенные сдвиги во внешней политике. В острых прениях в поддержку Хрущева выступили три члена Президиума: Микоян, Суслов и Кириченко. Семеро остальных (Молотов, Маленков, Ворошилов, Каганович, Булганин, Первухин и Сабуров) добивались его отставки. В итоге Президиум вынес решение сместить Хрущева с поста первого секретаря ЦК КПСС, но он, поддержанный сторонниками, отказался подчиниться решению и потребовал созвать пленум ЦК.

Решающий для Хрущева июньский пленум начался с доклада Суслова, изложившего суть возникших разногласий, не скрывая при этом собственной поддержки Хрущева. Затем выступили Молотов, Маленков, Каганович, Булганин. Они повторили свои обвинения Хрущеву, пытались обосновать отстаиваемые позиции и упорно защищались. Поражение особенно страшило этих людей, боявшихся не только за свою карьеру в партии, но по привычке, укоренившейся в годы репрессий, и за собственную жизнь. Поэтому пленум продолжался непривычно долго, несколько дней: с 22 по 29 июня. На всех заседаниях Суслов защищал линию Хрущева. Выбор был сделан им гораздо раньше, и отступать было невозможно. Думается, как опытный аппаратчик, он тонко уловил перспективы развернувшейся борьбы и поддерживал того, на чьей стороне были реальная власть и сила. О том, что это был во многом прекрасно рассчитанный тактический ход, свидетельствуют дальнейшее развитие событий и поведение Суслова.

К вопросу об «оппозиции», «фракции» Михаил Андреевич возвращался и в дальнейшем, на XXI и XXII съездах партии. Сравнение его выступлений, кажется, многое может прояснить. Для первого характерны сдержанный тон, краткость и лаконичность оценок: «Разгромив и отбросив прочь антипартийную группу Маленкова, Кагановича, Булганина и Шепилова, выступившую против ленинской политики Центрального Комитета, против коренных интересов советского народа, партия еще более сплотила свои ряды и представляет собой могучую крепость…»[498] На XXII съезде, когда позиции лидера партии Н. С. Хрущева были сильны, как никогда, от прежней осторожности и привычной взвешенности в речи Суслова не осталось и следа. В ней доминировали яростный обличительный пафос и негодование оратора. Процитируем красноречивый отрывок: «В первые годы после XX съезда партия встретилась с ожесточенным сопротивлением со стороны антипартийной группы Молотова, Кагановича, Маленкова, Ворошилова, Булганина и других, пытавшихся сбить партию с ленинского пути, вернуть ее к временам культа личности. Эта презренная группа оторвавшихся от народа фракционеров, как известно, упорно противодействовала проведению в жизнь таких важных и горячо одобряемых всем советским народом мероприятий, как освоение целинных земель, перестройка руководства промышленностью и строительством, развертывание внутрипартийной демократии, восстановление революционной законности и др. Многие лица из этой группы непосредственно виновны в массовых репрессиях в период культа личности против

честных коммунистов. Во внешней политике антипартийная группа, особенно Молотов, всячески противодействовала проводимому Центральным комитетом курсу на осуществление принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем, на обеспечение прочного мира. Фракционная деятельность могла нанести серьезный ущерб партии и стране. Партия идейно разгромила и отбросила прочь жалкую группку оппозиционеров. Жизнь полностью опрокинула их взгляды, показала их полное банкротство»[499].

Стиль этого выступления (если набор штампов и изношенных выражений можно именовать стилем) чем-то напоминает разоблачительные речи Суслова сталинской поры. Опять все то же стремление быть объективным, а все грехи и просчеты «списывать» на других. Очевидно, что от прежней взвешенно-выжидательной позиции не осталось и следа. Суслов полностью, демонстративно поддерживает Хрущева, пытаясь даже опередить его по части резкости и беспощадности оценок.

Особенно важным, если не переломным в развитии карьеры Суслова при Хрущеве стал XX съезд. Июльский (1955 г.) пленум постановил созвать очередной партсъезд 14 февраля 1956 года. Как обычно, для его подготовки были сформированы различные комиссии. В то время в ЦК существовала специальная комиссия, занимавшаяся реабилитацией репрессированных в прежние годы. Н. С. Хрущев предложил создать еще одну комиссию, которой поручить расследование деятельности И. В. Сталина. Естественно, что бывшие верные соратники Молотов, Ворошилов, Каганович бурно воспротивились этой идее. Лишь благодаря активной поддержке «молодых» членов Президиума, в том числе Суслова и Кириченко, комиссия была сформирована, руководство ею поручено заслуженному идеологу и аппаратчику П. Н. Поспелову. Как и следовало ожидать, уже первые результаты работы были ошеломляющими. Однако идея выступить с «разоблачением» Сталина на съезде, «родившаяся» у Никиты Сергеевича, поддержки не получила. Доклад «О культе личности и его последствиях» был прочитан 24–25 февраля. По одной из версий, те же «молодые» сторонники уже в ходе съезда высказались за выступление, по другой — все это было личной инициативой Хрущева. Существенно следующее: М. А. Суслов не только поддержал публичное осуждение «культа личности», но и «откровенно» раскритиковал его «последствия» в ближайших для него сферах — идеологии и общественных науках. При знакомстве с его речью, полной справедливой критики, поражает один момент: по сути все, что представлялось тогда Суслову устаревшим, безжизненным, вредным для «творческого развития

марксизма-ленинизма», как нельзя более полно характеризует именно его, Суслова, стиль политического руководства, мышления, именно его манеру выступать с громкими обличениями, пряча собственное мнение и личную ответственность за неоспоримые авторитеты. Но собственные ошибки и недостатки остались здесь вне критики, без упоминаний. Объективная и «принципиальная» позиция «справедливой критики», обрушившейся на безымянных «других», не касается персональной вины Суслова в происходившем. И весь пафос его выступления на XX съезде убеждает: сам Суслов свободен от «обветшалого» наследия, он все отчетливо видит и не менее принципиально оценивает. В дальнейшем мы не раз убедимся, что подобная гибкая тактика будет часто приносить Суслову ощутимую политическую выгоду.

Но вернемся к XX съезду. Осудив «заседательскую суетню и бумажную писанину», «поглощающие основное время и силы» в ряде партийных организаций, Михаил Андреевич остроумно заключил: «Ну а секретарские папки вовсе не дали молока», очевидно, вспомнив собственные горькие мытарства в Ставрополье.

Основная часть выступления была посвящена происшедшему в годы культа отрыву идеологической работы от жизни: «В отчетном докладе ЦК тов. Н. С. Хрущев дал всестороннюю характеристику идеологической работы партийных организаций, показал, что главный недостаток ее в настоящее время состоит в отрыве в значительной мере от жизни, в неумении обобщать и распространять в массах передовые, проверенные жизнью образцы коммунистического строительства, а также в слабой активности ее в деле борьбы с отрицательными явлениями, тормозящими наше движение вперед». Далее Суслов перешел к собственным замечаниям: «В результате прежде всего отрыва от практики части экономистов и философов получили широкое распространение начетничество и догматизм. Суть дурной болезни, называемой начетничеством, состоит не просто в том, что зараженные ею к делу и не к делу приводят цитаты, а в том, что верховным критерием своей правоты они считают не практику, а наличие по тому или иному вопросу высказывания авторитетов. У них теряется вкус к изучению конкретной действительности. Все подменяется подбором цитат и искусством манипуляции ими. Всякое малейшее отступление от цитаты считается ревизией основ… Не подлежит сомнению, что распространению догматизма и начетничества сильно способствовал культ личности. Поклонники культа личности (здесь Суслов из их числа себя исключает. — *Авт.*) приписывали

развитие марксистской теории только отдельным личностям и целиком полагались на них (любопытный поворот в рассуждениях. И кого же имел в виду Суслов: Маркса, Энгельса, Ленина, может быть, Сталина или еще кого-нибудь? — *Авт.*). Все же остальные смертные должны якобы лишь усваивать и популяризировать то, что создают эти отдельные личности (наверное, здесь Суслов исходит из собственного трудного опыта пропаганды „Краткого курса“? — *Авт.*). Таким образом, игнорировались роль коллективной мысли нашей партии и роль братских партий в развитии революционной теории, роль коллективного опыта народных масс. Партия никогда не мирилась с догматизмом, но в настоящее время борьба с ним приобрела особую остроту. Переживаемое нами время делает задачу творческого развития марксизма как нельзя более актуальной». Но, видимо, или упомянутая «дурная болезнь» оказалась слишком заразной, либо давали себя знать рецидивы приобретенного в былые годы хронического недуга — М. А. Суслов, словно позабыв, что говорил выше, подкрепил собственные размышления авторитетной (используемой во все времена) цитатой: «В. И. Ленин, отмечая творческий характер марксизма, подчеркивал, что „мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях…“[500]» Впрочем, В. И. Ленин был не единственным источником для ссылок. Гораздо чаще в своем докладе (вот она, сила привычки!) Суслов упоминал высказывания Н. С. Хрущева, сопровождая их одобрительными оценками вроде: «Не меньшее значение имеют положения…» — или: «Тов. Хрущев дал совершенно правильный, марксистский ответ…» и т. п.

Однако внимательный анализ выступления Михаила Андреевича убеждает в неожиданном: многие идеи Хрущева им скрыто не разделялись и не поддерживались. По ходу изложения и публичного «осмысления» некоторых положений доклада Хрущева Суслов все время искусно смещает акценты, не явно полемизирует с ними. Вот характерный пример: «Как показал тов. Н. С. Хрущев, в современной исторической обстановке по-новому должен ставиться вопрос о неизбежности войн… Сейчас соотношение сил на мировой арене изменилось коренным образом в пользу сторонников мира, а не войны… Теперь, при новых исторических условиях, имеются мощные силы, которые располагают серьезными средствами для того, чтобы не допустить развязывания войны империалистами, а если они все

же попытаются ее начать, — сокрушить агрессоров и вместе с войной похоронить навсегда капиталистический строй, тот общественный строй, который не только обрекает подавляющее большинство населения — трудящихся на жестокую эксплуатацию, фактическое бесправие и страдания от нищеты и недоедания, но и ввергает периодически их в чудовищные, кровопролитные войны»[501].

В этом своеобразном комментарии к принципу мирного сосуществования двух систем за привычной для делегатов политической фразеологией слышатся все та же угроза и классовая непримиримость в духе прежней, сталинской идеологии, в сторону которой оратор все время смещает «изложение». Суслов тайно и явно продолжает отстаивать прежние догмы и ценности, осторожно выступая с конца 50-х годов против внутренней и внешней политики Хрущева, всячески противодействуя дальнейшим разоблачениям Сталина, углублению критики.

Что касается внешней политики, то важную роль Суслов сыграл в развитии венгерских событий 1956 года. Обратимся к воспоминаниям участника той будапештской осени В. Фомина. Венгерская молодежь находилась под сильным впечатлением известий из Польши: летом 56-го в Гданьске была расстреляна мирная демонстрация, страну лихорадили непрекращающиеся забастовки. Под лозунгами демократических реформ состоялась манифестация венгерских студентов. В ходе ее произошел штурм радиоцентра, который охраняли сотрудники госбезопасности. Пролилась кровь, появились первые жертвы. Вечером посол СССР в Венгрии Ю. В. Андропов передал в Москву просьбу венгерского правительства о вводе советских войск в Будапешт для «поддержания порядка». Первые части Особого корпуса вошли в столицу ночью 24 октября. Они были встречены выстрелами. Советские воинские части несли потери (число которых до сих пор неизвестно). После 28 ноября правительство Имре Надя объявило происходившие волнения «народным движением» и одновременно настаивало на полном выводе советских войск из страны. Но это не остановило насилия, лишь усугубив ситуацию (в момент начавшегося вывода советских войск экстремисты захватили горком партии в Будапеште, расстреляв его защитников). Далее В. Фомин рассказывает следующее: «Что же касается переговоров о выводе наших войск из Венгрии, на которых я присутствовал в качестве переводчика, то им, как выяснилось позже, отводилась другая роль. Они стали частью операции советских войск, которую и осуществили в ночь на 4 ноября 1956 года. 3 ноября 1956 года наша военная делегация во

главе с заместителем начальника Генерального штаба ВС СССР генералом армии М. С. Малининым прибыла в Будапешт. Переговоры проходили в парламенте. В конце их договорились, что окончательное решение будет принято на встрече в расположении наших войск… Когда все вопросы были решены, венгерская делегация ждала машин, чтобы ехать обратно в Будапешт, и мы даже предложили им по бокалу вина, в комнате появилась группа сотрудников КГБ во главе с председателем Комитета генералом армии И. А. Серовым. Члены венгерской делегации были арестованы. Судьба их сложилась по-разному: двое провели в заключении несколько лет, а министра обороны генерала Пала Малетера судили и повесили»[502].

2 ноября 1956 года был получен приказ «ликвидировать контрреволюционный мятеж в Будапеште». К 10 ноября сопротивление было фактически сломлено. Естественно, что «вторичный» ввод войск и арест венгерской делегации на переговорах не были инициативой военачальников или руководителей КГБ. Решение было принято высшим руководством во главе с Н. С. Хрущевым. Об атмосфере и обстоятельствах, в которых оно было утверждено, можно судить по одному весьма интересному эпизоду.

В конце октября (предположительно в ночь с 29 на 30-е) в Будапешт прибыла особая советская делегация, состоявшая из А. И. Микояна и М. А. Суслова. Ее задачей были непосредственные переговоры с венгерским руководством, выяснение обстановки и предварительные выводы по выходу из сложившегося кризиса. Как вспоминает сопровождавший «высоких» руководителей Ю. Соболев, Суслова и Микояна под усиленным конвоем каждого в отдельном танке доставили с аэродрома прямо к зданию парламента Венгрии. Судя по всему, переговоры были недолгими. О характере беседы с Имре Надем и о существе принятых решений (или возникших разногласий) за отсутствием точных документальных данных остается только догадываться. Но, думается, именно этот визит внес «окончательную ясность» в позицию советского руководства. Любопытен и следующий факт: в своих мемуарах Н. С. Хрущев утверждает, что Микоян был яростным противником ввода и использования войск в венгерских событиях. Видимо, его мнение не стало определяющим. Жесткая же позиция, отстаиваемая Сусловым, нашла поддержку у большинства членов Президиума ЦК и в конечном счете у Н. С. Хрущева.

Впрочем, об узости и ортодоксальности взглядов Суслова на международные проблемы указывал и сам Хрущев. Так, острая полемика развернулась в ЦК по вопросу об изменении

политического курса в отношении Югославии. Известно, что Хрущев много сделал для нормализации отношений между нашими странами, снижения напряженности, установления нормальных экономических и культурных связей. Суслова же не переставала раздражать «самостоятельность» югославов, о чем говорил Н. С. Хрущев в своих воспоминаниях: «Как мы можем восстанавливать отношения с югославами, возражали некоторые, когда они уже скатились к капитализму? Их экономика поглощена американским монополистическим капиталом; восстановлена частная собственность; созданы частные банки. Особенно возражал против попытки ослабить напряженность в отношениях между нами и югославами Михаил Суслов. Он настойчиво утверждал, что Югославия перестала быть социалистической страной»[503].

Выработанная партийной карьерой привычка Суслова к догматизму и пустопорожней прямолинейности мысли с годами только крепла: он по-прежнему считал «сталинскую», авторитарную модель социализма единственно верной и возможной, отвергая свой, самобытный путь в социализме. И он использовал любой случай обострения отношений с Югославией, любые разногласия, чтобы вновь подчеркнуть свою убежденность. Процитируем его инвективы на XXI съезде партии: «Теоретически несостоятельны и практически вредны взгляды ревизионистской руководящей группы Союза коммунистов Югославии, пытающейся принизить значение государства и государственных органов, тем самым идейно разоружить рабочий класс в борьбе за победу социализма»[504].

Не менее ортодоксальным и негибким было отношение Суслова к современной западной социал-демократии. В начале 60-х годов социал-демократическое движение Европы достигло определенных успехов, в изменившейся исторической обстановке были приняты новые программы. Они и вызвали ожесточенное неприятие Суслова, публично «заклеймившего» подобные документы за «оппортунизм» и «ревизионизм». Для Михаила Андреевича, воспитанного в «обожествлении» «классовой борьбы» (усиленном вульгарным сталинским духом), самым «тяжким грехом» социал-демократов стал отказ от этого устаревшего понятия. «Оппортунистами» была отброшена и идея социалистической революции, ликвидации буржуазного государства. А как западные социал-демократы обошлись с излюбленным лозунгом всех партийных демагогов «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»? Он был объявлен «зловещим порождением эпохи первой промышленной революции» и заменен всякого рода «космополитическими межгосударственными

комбинациями», вроде объединения Европы. Все это для Суслова, верившего в незыблемость теории вопреки живой, меняющейся действительности, было лишь «средством для „западной демократии“ (то есть для капитализма) выстоять в соревновании с социализмом»[505]. Впрочем, последующие десятилетия столь же мало изменили систему взглядов и ценностей Суслова. Их полновесный отголосок прозвучал в конце 70-х в так называемой дискуссии вокруг «еврокоммунизма».

Оценивая противодействие Суслова Хрущеву, необходимо отметить и несомненное совпадение их позиций в некоторых вопросах. Эту объективную почву для сотрудничества Суслов нередко искусно эксплуатировал, особенно в критических для себя ситуациях. Отчетливо это проявилось в формировании партийной политики по отношению к развитию культуры и к творческой интеллигенции. Взгляды и вкусы (если здесь уместны эти слова) Н. С. Хрущева, сложившиеся в 30-е годы, были авторитарны и весьма примитивны. Увы, сказывалось отсутствие знаний и культуры. Отсюда непосредственная вера в естественность и необходимость директивных указаний и жесткого партийного контроля за развитием искусства. Отсюда же подозрительное отношение ко всему необычному, сложному и непонятному. Правда, в отличие от Суслова здравый смысл Хрущева иногда брал верх (как, например, в истории с публикацией повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»).

Но все-таки чаще Хрущев, как и Суслов, был непреклонен и догматичен, не желая ни разбираться в особенностях природы художественного таланта, ни вникать в творческие поиски и заботы художников. Он искал прямых и предельно «ясных путей»: литература и искусство оставались для него лишь «служанками» идеологии.

Любопытный факт «сотрудничества» Хрущева и Суслова зафиксировал в своих мемуарах В. Е. Семичастный. История касалась разгрома романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Накануне пленума к Хрущеву в Кремль пригласили Семичастного и Аджубея. Там был и Суслов. «Он (Хрущев. — *Авт.*) меня пригласил, наговорил текст и говорит — включите это в доклад, Хрущев сам диктовал, а мы потом с Аджубеем пригладили как могли, а если бы я произнес все, что он наговорил, это было бы еще сильнее… Там была фраза: правительство СССР не будет возражать, если Пастернак окажется на Западе. Я говорю: „Я же не правительство“. А Хрущев отвечает: „Вы произнесите, а мы вам из президиума поаплодируем“. Так и было»[506].

Как один из руководителей идеологического аппарата, М. А.

Суслов нередко в своих выступлениях эпохи «оттепели» «размышлял» о «видном месте в общественной жизни печати, литературы и искусства». Отметив на XXI съезде партии «несомненную важность» и плодотворность встреч и бесед в ЦК КПСС с писателями, композиторами и художниками, он взял на себя смелость сформулировать условия, необходимые для «роста искусства», будто это горох на грядке. Вот они: «Важным условием, обеспечивающим рост нашего искусства, является решительная и непримиримая борьба против чуждых идейных влияний. Только при полной ясности идейных позиций художник может создавать произведения, нужные народу. Вот почему наши враги и их прислужники — ревизионисты приложили столько усилий для того, чтобы посеять сомнения, породить неясность в умах неустойчивых людей в среде работников искусства и тем самым увести их с единственно правильного пути. Нападки ревизионистов отбиты, и они вынуждены были отступить с позором, но идейные бои на этом не прекращаются»[507]. Все это выискивание идейных «диверсантов» и «сомневающихся» по духу мало чем отличается, скажем, от пресловутых «космополитов», «терзавших» в конце 40-х советское искусство.

Суслов оставался верен себе. Его выступление на следующем, «историческом» XXII съезде было столь же по-военному красноречиво и беспощадно. Вначале оратор коснулся общих задач: «Необходимо всемерно развивать и приумножать славные традиции искусства социалистического реализма, воспитывая у советских людей, особенно у молодежи, готовность к подвигу, героизму, чувство революционной непримиримости к происками врагов». Далее Михаил Андреевич раскритиковал художников за конкретные ошибки и идейные просчеты. Речь шла в первую очередь о фильме Эльдара Рязанова «Человек ниоткуда» — довольно безобидной фантастической сатирической комедии. Впрочем, судя по всему, Суслов сам ее не видел, а видел только большую афишу кинотеатра «Художественный», мимо которого волею судьбы пролегал маршрут «правительственной трассы». Придирчивому взгляду Суслова, видимо, привычному к безупречным цветущим фигурам сталинских атлетов, явно не понравилось изображение человека, одетого в шкуру. В этом было что-то тревожное. На самом деле артист С. Юрский играл в комедии дикаря, оказавшегося в непривычных условиях советской цивилизации. Но этого взгляда оказалось вполне достаточно для того, чтобы снять картину из проката. Фильм вышел на экраны страны лишь в 1989 году. Итак, на XXII съезде М. А. Суслов сказал: «К сожалению, нередко еще появляются у нас бессодержательные и никчемные книжки, безыдейные и

малохудожественные картины и фильмы, которые не отвечают высокому призванию советского искусства. А на их выпуск в свет расходуются большие государственные средства. Хотя некоторые из этих произведений появляются под таинственным названием, как „Человек ниоткуда“ *(оживление в зале),* однако в идейном и художественном отношении этот фильм явно не оттуда *(оживление в зале. Аплодисменты)*. Известно также, откуда взяты, сколько (немало) и куда пошли средства, напрасно затраченные на производство фильма. Не пора ли прекратить субсидирование брака в области искусства?»[508] Вот такой уровень анализа, снабженный некоторой долей официального юмора.

В 60-е годы М. А. Суслов все чаще начинает «вплотную» заниматься вопросами культуры. На одной из официальных встреч партийного руководства с деятелями литературы и искусства произошло его знакомство с А. И. Солженицыным. Александр Исаевич приводит интересный эпизод в книге «Бодался теленок с дубом»: «Когда в декабре 1962 года на кремлевской встрече Твардовский… водил меня по фойе и знакомил с писателями, кинематографистами, художниками по своему выбору, в кинозале подошел к нам высокий, худощавый, с весьма неглупым лицом человек и уверенно протянул мне руку, очень энергично стал ее трясти и говорить что-то о своем крайнем удовольствии от „Ивана Денисовича“, так тряс, будто теперь ближе и приятеля у меня не будет. Все другие себя называли, а этот не назвал. Я осведомился: „С кем же…“ — незнакомец и тут себя не назвал, а Твардовский мне укоризненно вполголоса: „Михаил Андреевич…“ Я плечами: „Какой Михаил Андреевич?..“ Твардовский с двойной укоризной: „Да Суслов!!“… И даже как будто не обиделся Суслов, что я его не узнал. Но вот загадка: отчего так горячо он меня приветствовал? Ведь при этом и близко не было Хрущева, никто из политбюро его не видел — значит, не подхалимство. Для чего же? Выражение искренних чувств? законсервированный в Политбюро свободолюбец? — главный идеолог партии!.. Неужели?»[509]

Позднее, в конце 60-х — начале 70-х годов «законсервированное» свободолюбие «главного идеолога» станет для А. И. Солженицына куда более явным и ощутимым. Именно с ведома Суслова был запрещен к печати практически набранный, готовый «Раковый корпус». Именно Суслов станет безмолвным и безответным адресатом многих главных критических обращений и писем писателя. И наконец, именно Суслов будет могущественным организатором беспрецедентной травли Солженицына после публикации «Архипелага ГУЛАГ», а позднее санкционирует его насильственную высылку за пределы СССР.

То, что в декабре 1962 года так удивило Солженицына, было отчасти проявлением привычной для Суслова вежливости, которая иногда даже походила на угодливость, если бы не громадная власть и высокие посты, которыми располагал Михаил Андреевич. Он был предельно корректен со всеми, кого приглашал в свой кабинет. Крайне любезен был, например, с Василием Гроссманом, с которым встретился в 1961 году. А между тем речь тогда шла совсем не о похвалах.

Встрече предшествовали драматические обстоятельства. Рукопись романа «Жизнь и судьба» (впервые появившаяся на страницах журнала «Октябрь» только в 1988 году) в феврале 1961 года была неожиданно арестована: органы КГБ изъяли в разных квартирах и редакциях все копии и черновики. Гроссман обратился с письмом к Хрущеву с просьбой «вернуть свободу» его книге: «…я прошу, чтобы о моей рукописи говорили и спорили со мной редакторы, а не сотрудники Комитета государственной безопасности. Нет смысла, нет правды в нынешнем положении, в моей физической свободе, когда книга, которой я отдал свою жизнь, находится в тюрьме, ведь я ее написал, ведь я не отрекался и не отрекаюсь от нее». Через некоторое время Гроссмана вызвали к Суслову.

С. Липкин так передает подробности той продолжительной беседы: «Суслов похвалил Гроссмана за то, что он обратился к первому секретарю ЦК. Сказал, что партия и страна ценят такие произведения, как „Народ бессмертен“, „Степан Кольчугин“, военные рассказы и очерки. „Что же касается „Жизни и судьбы“, — сказал Суслов, — то я этой книги не читал (обстоятельство, весьма напоминающее эпизод с картиной Рязанова, да и вообще манеру «идеологического» руководства. — *Авт.*), читали два моих референта, товарищи, хорошо разбирающиеся в художественной литературе, которым я доверяю, и оба, не сговариваясь, пришли к единому выводу — публикация этого произведения нанесет вред коммунизму, советской власти, советскому народу“. Суслов спросил, на что Гроссман теперь живет, узнав, что он собирается переводить армянский роман по русскому подстрочнику, посочувствовал, трудна, мол, такая двухступенчатая работа, обещал дать указание Гослитиздату — выпустить пятитомное собрание сочинений Гроссмана, разумеется, без „Жизни и судьбы“. Гроссман вернулся к вопросу о возвращении ему арестованной рукописи. Суслов сказал: „Нет, нет, вернуть нельзя. Издадим пятитомник, а об этом романе и не думайте. Может быть, он будет издан через двести — триста лет“[510]».

Впрочем, благожелательность и участие Суслова в судьбе

писателя оказались фальшивыми. Пятитомник так и не был издан, а вскоре Гроссмана практически совсем перестали печатать.

В конце 50-х состоялось знакомство академика А. Д. Сахарова с М. А. Сусловым. Вот как Андрей Дмитриевич передает подробности затянувшейся до ночи беседы: «В конце 1957 года ко мне пришел с просьбой о помощи Г. И. Баренблат, молодой теоретик-механик… Произошла беда с его отцом, известным эндокринологом Исааком Григорьевичем Баренблатом… Исаак Григорьевич был арестован; обвинение — рассказывал своим пациентам анекдоты о Хрущеве и Фурцевой…

Было очевидно, что кто-то донес. В дальнейшем оказалось, что это был даже не пациент, а один из старых сослуживцев, которого Исаак Григорьевич считал своим другом. Я решил написать письмо самому Н. С. Хрущеву и с помощью Григория Исааковича осуществил это; в тот же день я отвез письмо в отдел писем ЦК и стал ждать ответа. Примерно через две недели (уже в начале января) меня вызвал начальник Общего отдела ЦК и после разных маневров и вопросов о моих отношениях с Баренблатом и долгих вздохов: „Так говорить о таких уважаемых людях!“ сказал мне, что Хрущев поручил разобраться с моим письмом М. А. Суслову. Через два дня меня действительно вызвал Суслов. Было уже поздно, часов 8 вечера, когда я вошел в его огромный кабинет в Кремле. У окна стоял какой-то странный столик резной работы; на нем был накрыт чай на двоих. Мы уселись друг против друга; радом был письменный стол, на котором лежала папка с делом Баренблата и блокнот, в котором Суслов делал иногда пометки. Суслов, разговаривая, пил чай и прикусывал печенье. Я сделал несколько глотков из своего стакана. „Мне очень приятно с вами познакомиться, Андрей Дмитриевич. Вы просите за этого, как его фамилия..?“ „За доктора Баренблата. Я убежден, Михаил Андреевич, что он не сделал ничего, что могло бы требовать уголовного наказания. Он честный человек, очень хороший врач“. „Я ознакомился с его делом. Он говорил недопустимые вещи. Он не наш человек. У него нашли 300 тысяч рублей, а питался он макаронами в студенческой столовой“.

Я совершенно не нашелся, что возразить по поводу макарон, но я почувствовал тогда и убежден сейчас, что за этим скрывался какой-то глубокий психологический подтекст, быть может (я фантазирую сейчас), ненависть к бессребреникам эпохи партмаксимума или просто „классовая“ ненависть к скопидомам? Я сказал только, что 300 тысяч вполне могут быть честно накопленными популярным врачом (по новому курсу это было всего 30 тысяч). Я сказал потом, что анекдоты — это не то, чего

может опасаться великое государство, что Баренблат доказал на войне, что он честно принимает и защищает наш строй. Слова не могут ничего значить рядом с делами. Суслов слушал меня со слегка снисходительным видом. Он несколько раз повторил свою фразу о недопустимости высказываний Баренблата (не конкретизуя, каких именно). Я же в ответ повторял свое: что слова — не более чем слова. Это „заклинивание“ начинало приобретать опасный характер. Наконец Суслов сказал: „Я еще раз ознакомлюсь с этим делом. Давайте перейдем к другому вопросу. Знакомы ли вы с этим решением?“ И он положил передо мной листок с решением политбюро об объявлении об одностороннем прекращении СССР ядерных испытаний. Это была обрезанная ножницами часть страницы машинописного текста, с обычным красным штампом на полях, предупреждающим о недопустимости выписок. „Мы объявим об этом на предстоящей сессии Верховного Совета в марте. Как вы относитесь к этому решению?“ Я, крайне взволнованный, ответил: „Я ничего не знал об этом решении. Мне кажется, что никто у нас на объекте, включая научного руководителя объекта Юлия Борисовича Харитона, ничего об этом не знает. Я считаю очень важным прекратить ядерные испытания. Они наносят огромный генетический вред, но мне кажется, что о решении такого масштаба было бы необходимо предупредить нас заранее, мы бы „подчистили“ все „хвосты“.

Суслов не стал уточнять смысл моей последней фразы; это, вероятно, вывело бы беседу за пределы его желаний и полномочий. Вместо этого он опять изменил тему беседы. „Вы употребили слова 'генетические последствия'. Что вы думаете о генетике? Вот Курчатов сейчас организует генетическую лабораторию, что это — нужное дело, или можно обойтись?“

Я ответил целой „лекцией“. Я сказал, что генетика — это наука огромного теоретического и практического значения и ее отрицание в нашей стране в прошлом нанесло колоссальный вред. Первоначально генетика возникла из наблюдений над наследственностью и изменчивостью, так сказать, чисто логическим, умозрительным путем. Но сейчас она получает новое глубокое теоретическое обоснование в виде молекулярной биологии (я рассказал о ДНК). Именно молекулярной биологией и будут заниматься в новой лаборатории у Курчатова. Я считаю, что это важное, необходимое начинание. Организовать такую лабораторию в ВАСХНИЛ невозможно, пока там заправляют авантюристы и интриганы.

Суслов очень внимательно выслушал меня, задавал вопросы и делал пометки в своем блокноте. Я не помню, произносилось ли

имя Лысенко явно, но во всяком случае косвенно оно подразумевалось в самом неодобрительном аспекте. Мне неизвестно, предпринимал ли Суслов какие-либо шаги, касающиеся спора лысенковцев с генетиками, до октября 1964 года — до падения Хрущева. Но зато я думаю, что, когда настал этот момент, Суслов мог вспомнить полученные от меня за шесть лет до этого теоретические сведения, быть может, он даже заглянул в свой блокнотик.

Что касается того дела, по которому я пришел, то тут не было непосредственных результатов. Исаака Григорьевича Баренблата осудили, и он был приговорен к 2 (или к 2,5) годам заключения. Однако через год Баренблата освободили досрочно. Хотелось бы думать, что мое вмешательство этому способствовало“[511]».

В 1962 году в отношениях Хрущева и Суслова обозначился давно вызревавший кризис. Первым шагом к ослаблению влияния Суслова стало решение Никиты Сергеевича назначить Л. Ф. Ильичева председателем Идеологической комиссии ЦК КПСС. Суслов был постепенно отстранен и от составления докладов и выступлений. Ему понадобилось все его влияние в аппарате, все умение «плести интриги», использовать «скрытые рычаги» воздействия, чтобы остановить начавшийся процесс и попытаться вернуть прежнюю власть и авторитет. Способ был избран надежный и испытанный — отвлечь внимание и отличиться в какой-нибудь масштабной идеологической акции или кампании.

Поэтому М. А. Суслов принял посильное участие в ставшем позднее легендарным посещении Н. С. Хрущевым выставки «художников-новаторов» в Манеже 1 декабря 1962 года. По специальной просьбе Отдела культуры ЦК КПСС на выставке были представлены работы около 60 авторов из студии Э. М. Белютина. Всего же в студию входило почти 600 человек (большинство из которых — члены Союза художников), работавших в графике, книжной иллюстрации, архитектуре. Последствия этой встречи для многих оказались роковыми. Конечно, были уже не сталинские времена, когда, скажем, уличенных в «безродном космополитизме» могли арестовать. Но людей по-прежнему лишали возможности работать, печататься, преподавать…

Многие справедливо считают, что визиту Хрущева в Манеж предшествовала тщательная подготовка. И в сценарии этого драматического фарса, несомненно, чувствуется опытная рука Суслова, стремившегося использовать или создать любую критическую ситуацию для укрепления собственных, заметно пошатнувшихся позиций. О его действительной роли в развернувшихся событиях свидетельствуют многие очевидцы.

Попробуем проследить поведение Суслова в тот памятный день глазами одного из них — Элия Михайловича Белютина.

«Где тут главный, где господин Белютин?» — спросил Хрущев. Головы Косыгина, Полянского, Кириленко, Суслова, Шелепина, Ильичева, Аджубея повернулись в мою сторону. Этой фразой кончилось наше «подпольное» существование. То, что мы сделали с моими учениками, становилось фактом, для признания которого съехались черные машины к подъезду бывшей царской конюшни… Черная масса людей вышла из-за последнего щита в зале первого этажа и стала подниматься по лестнице. Было тихо. Мы стояли группой. Нас было тридцать мужчин и одна женщина. Возраст — от 25 до 35 лет. Многие с бородами, длинными волосами, мрачные и молчаливые. На последнем марше мы стали аплодировать. Хрущев прошел несколько ступенек. «Спасибо, — сказал он, — за приветствие. Куда?» Я вышел вперед и рукой показал на наш зал. «Спасибо, — снова сказал Хрущев. — Но вот они (он махнул рукой за спину) говорят, что у вас там мазня. Я еще не видел, но им верю». Я пожал плечами и открыл дверь нашей Голгофы. Хрущев остановился. Комната была пуста. Электрический свет заливал стены, на которых висели яркие пейзажи, портреты, картины. Они были экспрессивны по цвету и рисунку. Я не спал больше двух суток, отбирая их, чтобы сделать выставку «понятнее». Абстракции висели только в углах и в другой комнате.

В дверях задержалась свита Хрущева. Надо всеми поднималась худая зловещая голова Суслова. Хрущев оглядывал стены. Картины чем-то ему, наверное, нравились, и это задерживало его. Он явно не мог к чему-то намеченному приступить и начинал злиться. Менялся на глазах, мрачнел, бледнел. Эта эмоциональность была удивительна для руководителя государства. И, глядя на его опустошенное, недовольное лицо, я почти физически услышал, как заскрипело колесо Фортуны. Действие спектакля началось еще внизу. Мы были его лишенными права голоса свидетелями…

Это эмоциональное колебание еще явно можно было остановить, если бы Ильичев, будучи председателем Идеологической комиссии, того захотел. Но он был всего лишь услужливым газетчиком, и где ему было сравниться с Сусловым, который тут же начал развивать тему «мазни», «уродов, которых нарочно рисуют художники», того, что нужно и что не нужно советскому народу. И снова цифры, затраченные на закупку всего этого «возмутительного, так называемого искусства». Очевидно, посещение нашей экспозиции вообще было необязательным, но существовал какой-то сценарий… Хрущев в окружении плотной

толпы бросился в обход вдоль стен… Он ругался почти у всех картин, тыкая пальцем и произнося уже привычный, бесконечно повторяющийся набор ругательств. Потом сделал третий круг и остановился у картины Л. Мечникова, изображавшей вариант Голгофы. «Что это такое?»— Хрущев опять повышал голос. Все время стоя в стороне от табуна облепивших его людей, я начинал понимать театральное действие, которое «наш родной Никита Сергеевич» устраивал для своих, в общем, немногочисленных зрителей. Ему явно живопись чем-то нравилась, за исключением нескольких картин, и он никак не мог подвести ее под тот разнос, на который толкал его Суслов. «Вы что — мужики или педерасты проклятые, как вы можете так писать? Есть у вас совесть? Кто автор?» Леонид Мечников, капитан-лейтенант Военно-Морского Флота в отставке, был более спокоен, чем рядовые пехотинцы Люциан Грибков и Владимир Шорц. На вопрос об отце (Хрущев всех пытал в тот день этим вопросом. — *Авт.*) он ответил, что его помнит и тот еще жив. «И вы его уважаете?» — «Естественно», — ответил Мечников. «Ну а как он относится к тому, что вы так пишете?» — «А ему это нравится», — сказал Леонид. Хрущев несколько остолбенело посмотрел на красивое лицо морского офицера, а в это время другой Леонид — Рабичев, обращаясь к Хрущеву, сказал: «Никита Сергеевич, мы все художники — ведь очень разные люди и по-разному видим мир. И мы много работаем в издательствах, а Элий Михайлович нам очень помогает это свое восприятие перевести в картину, и мы ему очень благодарны…» Хрущев спокойно выслушал эти слова и, посмотрев несколько секунд в лицо Рабичева, направился дальше. Но всем стало очевидно, что перелом какой-то произошел и что Хрущеву теперь будет трудно взвинтить себя до недавней ругани… «Ну, ладно, — сказал Хрущев, — а теперь рассказывайте, в чем тут дело». Это был уже какой-то шанс, и я увидел, как по-разному насторожились Суслов, Шелепин, Аджубей… Я говорил обычными словами, которыми стало принято объяснять живопись. Хрущев слушал молча, наклонив голову. Он, похоже, успокаивался. Никто нас не прерывал, и чувствовалось, пройдет еще пять — десять минут, и вся история кончится. Но этих минут не случилось. Посередине моего достаточно долгого объяснения сухая шея Суслова наклонилась к Хрущеву, и тот, посмотрев на мое спокойное лицо, неожиданно взорвался: «Да что вы говорите, какой это Кремль! Это издевательство! Где тут зубцы на стенах — почему их не видно?» И тут же ему стало не по себе, и он добавил вежливо: «Очень общо и непонятно. Вот что, Белютин, я вам говорю как Председатель Совета Министров: все это не нужно советскому

народу. Понимаете, это я вам говорю!»… Наступившая пауза действовала на всех. А то, что я, не выдержав, после слов «это не нужно советскому народу» повернулся к Хрущеву спиной, еще больше накалило обстановку. И Суслов, откровенно заинтересованный в дальнейшем ее обострении, решил снова сыграть на мне. Его голос был мягок и хрипловат: «Вы не могли бы продолжить объяснения?»— «Пожалуйста», — сказал я, глядя в его умные холодные глаза, загоревшиеся, как у прирожденного игрока. «Эта группа считает, что эмоциональная приподнятость цветового решения картины усиливает образ и тем самым создает возможность для более активного воздействия искусства на зрителя». — «Ну а как насчет правдивости изображения?» — спросил Суслов. «А разве исторические картины Сурикова, полные неточностей, образно не правдивы?» Возникала дискуссия, где недостаточные знания ставили Суслова в слишком неудачное положение ученика, и он круто повернул. «А что это изображает?» — спросил он, показывая на жутковатый пейзаж Вольска Виктора Миронова. «Вольск, — сказал я. — Город цементных заводов, где все затянуто тонкой серой пылью и где люди умеют работать, будто не замечая этого». Хрущев стоял рядом, глядя то на одного, то на другого, словно слова были теннисными мячами и он следил за силой ударов. «Как вы можете говорить о пыли! Да вы были когда-нибудь в Вольске?» — почему-то почти закричал Суслов. В голосе его была неожиданная страстность, и я даже подумал, не был ли он там первым секретарем городского комитета партии. «Это не фантазия, а пейзаж с натуры, — сказал я. — Вы можете проверить». — «Да там все в белых халатах работают! Вот какая там чистота!» — продолжал кричать Суслов… Белые халаты… Я вспомнил этот город, серый, с чахлыми деревцами. Пыль, которая была видна за много километров. «Да что это за завод? Тут изображен „Красный пролетарий“, да? Так почему же у него столько труб? У него их только четыре», — не унимался Суслов. Его уже явно наигранное возмущение должно было показать, что он полностью согласен с Хрущевым в том, что «мазня» еще к тому же компрометирует советскую промышленность. «При чем здесь трубы? Художник, создавая образ города, имел право для усиления впечатления написать несколько лишних труб», — сказал я. «Это вы так думаете, а мы думаем, что он не имел права так писать», — продолжал Суслов. Я пожал плечами и молча улыбнулся. Люди вдруг начали двигаться. Хрущев, которому, вероятно, надоел неубедительный диалог Суслова, повернулся, чтобы пройти в соседнюю комнату, где стояли скульптуры Неизвестного…[512]»

И далее Хрущев со свитой проследовал в зал Эрнста

Неизвестного. Последний так описывал завязавшееся тогда знакомство: «Хрущев обрушился на меня с криком, что я проедаю народные деньги, а произвожу дерьмо. Я же утверждал, что он ничего не понимает в искусстве. Разговор был долгий, но в принципе он сводился к следующему: я доказывал, что его спровоцировали и что он предстает в смешном виде, поскольку не профессионал, не критик и даже эстетически безграмотен. Он же утверждал обратное… И я ему говорил, что это провокация, направленная не только против интеллигенции и против либерализации, но и против него. Как мне казалось, это находило в его сердце некоторый отклик, хотя не мешало ему по-прежнему нападать на меня»[513].

Неизвестный не упоминает о репликах или реакции Суслова в течение этой длительной беседы. Но об этом совсем нетрудно догадаться. Тем более что Михаил Андреевич оказался злопамятен. И позднее сыграл в судьбе Неизвестного важную роль. Вот что об этом рассказывал сам скульптор: «Международный отдел ЦК… стал моим другом. У них были свои задачи, и я им был очень нужен. А внутренний отдел по-прежнему оставался моим врагом, он и в 1976 году, так же как и четырнадцать лет назад, не хотел, чтобы я ездил за границу. Андропов вроде бы что-то обещал, потом мне говорят: нет, не получилось, против Суслов, он вообще тебя сгноить хочет. Кончилось тем, что один знакомый чекист (довольно крупный чин) мне так и сказал: „Эрнст, тикай, пока не поздно, тикай! Лучше — по „еврейской линии“. А то вместо Запада поедешь на Восток“. Вот так все и началось»[514].

Но вернемся в Манеж декабря 1962 года. Тот же Белютин подробно описывает «пейзаж после битвы» в зале Неизвестного: «Хрущев уже спускался по лестнице, размахивая руками, весь в красных пятнах. Рядом с ним шел, не скрывая торжества, Суслов и явно обеспокоенный Косыгин. У всех, даже у фотокорреспондентов, на лицах застыло изумление. И вдруг в полутьме комнаты, соединяющей верхние залы, раздался ликующий голос Серова (президент Академии художеств СССР. — *Авт.*). Он почти кричал, потный, толстый, в свои пятьдесят лет готовый скакать, прыгать от восторга. Он кричал, обращаясь к скульптору и одному из руководителей официального Союза художников Белашовой: „Случилось невероятное, понимаете, невероятное: мы выиграли!„…Все было кончено. Комедия обернулась трагедией“[515]».

Итак, результат «встречи» в Манеже должен был удовлетворить М. А. Суслова. Тем не менее ощутимых выгод этот политический спектакль Суслову не дал — ситуация еще

оставалась неясной и весьма зыбкой. Участь художников, принесенных в «жертву» зимой 62-го, была решена. А приход к власти Л. И. Брежнева и «долгожданное» укрепление идеологических позиций Суслова еще более усугубили трагизм положения.

В 1974 году многие участники группы Белютина решились на мужественный гражданский поступок — они направили Суслову письмо с требованием о его отставке. Во многом это был беспрецедентный по тем временам шаг. Думается, документ заслуживает того, чтобы привести его текст полностью: «Мы, художники, подвергшиеся остракизму более десяти лет назад в результате безобразного скандала, учиненного Н. С. Хрущевым в Манеже, и все эти годы наперекор травле Министерства культуры и жестокой неприязни с вашей стороны, т. Суслов, продолжавшие творчески работать и верить в будущее советского искусства, отказываемся дальше молчать.

К этому вынуждает нас не наше положение — быть творчески заживо погребенными, наверное, наш удел, — а та удивительная настойчивость, с которой Вы, человек, руководящий идеологической работой, проводите в жизнь курс своей политики.

Достаточно включить телевизор, чтобы понять, какое преимущество предоставляется певцам и актерам сталинских лет в праве олицетворять советскую культуру. А радом с ними фильмы 1930—1950-х годов, возобновленные постановкой балеты столетней давности, этнографические ансамбли с частушками и чечетками, которые должны представлять нашу сельскую молодежь, имеющую законченное среднее образование и составляющую 40 % поступающих в наши вузы студентов. Все это должно символизировать расцвет нашей сегодняшней культуры.

О живописи нечего и говорить. Для Вас социалистический реализм — это некое среднее арифметическое, некая сумма канонизированных и Вами дозволенных приемов, за которыми нет поисков и, значит, нет стремления художника найти свой собственный голос в искусстве.

И это еще не самое страшное в искусстве. Искусство ведь, как река, — его не остановят ни Ваши плотины, ни железобетонное русло запретов и разрушений, по которому Вы с завидным упорством пытаетесь направить его вспять. Самое страшное, что все это делается Вами сознательно, с единственной целью — лишить русского человека духовной жизни, превратить его в робота, способного выполнять самое нелепое и жестокое Ваше желание. Ваша установка — на примитивизацию советской культуры, на пропаганду убогих идеалов и отрицание сложности духовных интересов советского человека. Ваш основной

идеологический принцип — принцип оглупления народов СССР, позволяющий Вам создавать почву для нарушения всех законов нормальной жизни человеческого общества.

Вы прекрасно знаете, что не так просто заставить деятелей культуры творить во вред своему народу, и поэтому Вы самими методами своего руководства прививаете советскому народу неверие в свои творческие силы, нигилизм, а для такого рода работы Вы создали на практике некую финансовую элиту, которая одна, как идеальная исполнительница Ваших указаний, имеет право распределять заказы, главенствовать в творческих союзах, получая за свою деятельность невиданные в истории мирового искусства и Запада денежные гонорары.

Неужели Вы, занимаясь вопросами идеологии, не сознаете этой чудовищной моральной карикатуры на советскую культуру, когда санкционируете Вучетичу за памятник героям Великой Отечественной войны гонорар в размере двух с половиной миллионов рублей! Для того чтобы поддержать свою концепцию неотрывного от XIX века и оранжерейного для наших дней искусства, Вы прибегаете к методу прямой подтасовки фактов, используя созданный Вами, в обход всех, аппарат информации и воздействия. Еще до Манежа по Вашей санкции была создана видимость некоей художнической оппозиции с нарочитым антисоветским уклоном. В эту сеть „подпольных“ художников были включены так называемые „лианозовцы“ (Рабин и Кропивницкий с семьями), А. Глезер и еще целый ряд имен. Все они, согласно Вашей программе, получили право и обязанность постоянно остаться с иностранцами, показывать им и продавать за любую валюту „ради хлеба насущного“ свои работы.

Приставленный к этим „подпольным“ художникам Ваш же сотрудник Г. Костаки руководил многими художественными диссидентами на зарплате. Зачем Вам нужна эта провокация, т. Суслов?

Вы хотели бы убедить всех, что каждый ищущий художник прежде всего политический диссидент и что именно поэтому советская культура должна опираться на налбандянов, вучетичей, томских, превращенных с Вашей помощью в советских миллионеров? Зачем Вы порочите таким образом советское общество, деятелей культуры, зачем создаете почву для необоснованных обвинений и ничем не оправданных подозрений?

Но Вы это хорошо понимаете, и отсюда Ваши попытки теоретического обоснования собственной позиции и администрирования, попытки доказательства необходимости „сдерживания развития культуры“, „возврата к классике“, соблюдения спасительного, с Вашей точки зрения, статус-кво.

Только жизнь идет вперед — как бы Вы ни хотели ее остановить, это не в Ваших и не в чьих иных руках. Формально Вы руководите идеологией. Но для того, чтобы руководить, надо быть во главе движения. В тех же теоретически оправдываемых задних рядах, которые Вы для себя выбрали, его остается или комментировать или оплевывать.

Никакие лозунги Ваших непосредственных помощников о гармонии и взаимопонимании не могут ни скрыть, ни залатать той пропасти, которую Вы год от года углубляете в нашей культурной жизни. Все передовое, честное, советское Вы провозглашаете плохим и антисоветским. Кто дал Вам право расставлять подобные оценки? Партия? Народ? Но в представлении народа Вы связаны прежде всего с оправданием и проведением в жизнь культа личности в худших его проявлениях. Наука? Но Вы бесконечно далеки от нее. Демагогические фразы, подтасовки, волюнтаристские обобщения, не имеющие ничего общего ни с теорией исторического материализма, ни с действительной жизнью советского общества, — вот весь Ваш „научный“ багаж, а с ним сейчас занимать такой пост, товарищ Суслов, нельзя.

С 1939 года Вы находитесь у кормила руководства идеологией. Именно Вы являетесь автором идеологической версии культа личности, вызвавшего злейшие нарушения закона и права. Именно Вы послужили основным мотором ждановщины, и Вы в 1962–1963 годах стали человеком, остановившим развитие советской живописи. Неужели Вы не видите всего того вреда, который причинили и продолжаете причинять Советскому государству?

Если у Вас не хватает сейчас, в 70 с лишним лет, силы воли покинуть свой пост и Ваши слова о верности Ленину только пустой звук, мы, художники, говорим Вам: хватит издеваться над советским народом! Он заслужил право на доверие. Он своими руками сделал все замечательное, что есть в нашей стране, превратил отсталую неграмотную страну в величайшую державу мира, и ему принадлежит право иметь свое, советское, а не Ваше, товарищ Суслов, сусловское искусство, свою советскую музыку, свой советский театр, свою советскую, а не сусловскую культуру!

МЫ ТРЕБУЕМ, ЧТОБЫ ВЫ УШЛИ В ОТСТАВКУ!

Э. Белютин, Е. Радкевич, Р. Голышко, Н. Левянт, И. Шмелева, А. Крюков… (всего 100 человек)»[516].

Естественно, после подобного выступления участники этой смелой акции были обречены на «безмолвие» и фактическое подпольное творчество и существование. Лишь спустя 28 лет, опять-таки в декабре, но уже 1990 года, в том же здании бывших

царских конюшен прошла отчетная выставка художников из студии Э. М. Белютина. Забвение не состоялось.

Но вернемся в 60-е… Власть по-прежнему уходила из рук Суслова, сфера его влияния все больше ограничивалась. А конфронтация с Хрущевым, внутренне тлея, грозила перерасти в открытый конфликт. Ни разного рода идеологические кампании, ни страстные речи в поддержку курса Хрущева уже ощутимых результатов не приносили.

Существенным свидетельством изменившейся ситуации стал июньский (созван 18 июня 1963 года) пленум ЦК КПСС. На нем с «фундаментальной» речью выступил «сомнительный соперник» Суслова Л. Ф. Ильичев. Доклад «Очередные задачи идеологической работы партии» обсуждали обстоятельно несколько дней. М. А. Суслов, удаленный от общего руководства идеологией, в прениях не выступал. Ему был поручен весьма важный, сложный и трудоемкий участок — связи с компартиями других стран, и в первую очередь с китайской компартией. От него здесь требовались не только особая осторожность, выдержанность, но и принципиальность в отстаивании идей XX съезда, многие из которых он не разделял и подчас с большим трудом скрывал свое несогласие. Опытный «докладчик и демагог», он был вынужден покорно и настойчиво произносить «чужие», чуждые для него слова и мысли.

А ситуация в отношениях с Китаем в начале 60-х с каждым месяцем все обострялась. На том же июньском пленуме ЦК Суслов, Андропов, Пономарев изложили участникам пленума суть разногласий с КПК и обрисовали сложившуюся политическую обстановку. Таким образом, ЦК был вынужден нарушить принятые обязательства не вступать в открытую полемику с Китаем. Это был ответный шаг на опубликованное и разосланное китайской компартией письмо с резкой критикой и осуждением линии КПСС.

Согласно договоренности стороны еще попытались урегулировать конфликт путем переговоров, состоявшихся между представителями КПК и КПСС с 5 по 20 июля 1963 года в Москве. В советскую делегацию вошли М. А. Суслов (руководитель), В. В. Гришин, Ю. В. Андропов, Л. Ф. Ильичев, Б. Н. Пономарев и П. А. Сатюков (тогдашний главный редактор «Правды»). В ходе напряженного, порой нелицеприятного обсуждения острых, конфликтных вопросов какого-либо согласия достичь не удалось. 14 июля к тому же было обнародовано Открытое письмо ЦК КПСС о возникших расхождениях с КПК. Документ был подготовлен не без участия Суслова. 21 июля поступило официальное сообщение об обеде, устроенном в честь отъезда китайской делегации (Н. С.

Хрущев в переговорах участия не принимал). С китайской стороны присутствовали Дэн Сяопин (член политбюро, генеральный секретарь КПК, глава делегации), Пын Чжэнь, Кан Шэн и другие. Замирение не состоялось, встреча осталась незавершенной. По предложению китайцев она была прервана. Правда, договорились о ее продолжении, чему не суждено было сбыться. Известно, что в ходе переговоров «завязался» интересный догматический спор между Дэн Сяопином и Сусловым, своего рода теоретический диспут в толковании некоторых положений марксизма-ленинизма, соревнование цитат. Увы, успех в этом изнурительном состязании не сопутствовал Михаилу Андреевичу.

Китайско-советские отношения продолжали ухудшаться (пока, правда, все ограничивалось разногласиями в идеологии). С конца июля М. А. Суслов уже фактически не участвует в многочисленных официальных мероприятиях, его имя исчезает из принятого списка. Многие увидели в этом знак близкой отставки. Михаил Андреевич появился лишь на торжественной встрече Нового, 1964 года — года, ставшего переломным в судьбе государства.

В феврале 1964 года прошел очередной пленум ЦК, посвященный интенсификации сельского хозяйства. О выступлении Суслова ничего не сообщалось. Тем не менее он прочел там огромный многочасовой доклад о советско-китайских отношениях. Известие об этом появилось в «Правде» лишь 3 апреля. Текст был полностью опубликован большинством печатных органов. Подобная задержка произошла по тем же тактическим соображениям — не усугублять и без того напряженную обстановку.

Доклад Суслова — документ во многом примечательный. Во-первых, это было наиболее глубокое, аналитическое и цельное выступление за всю его предшествующую и последующую политическую карьеру (в чем несомненная заслуга помощников и отдела ЦК, возглавляемого Ю. В. Андроповым). Во-вторых, доклад отмечен совсем не характерной для Суслова резкостью и принципиальностью, четкостью расстановки акцентов. Михаил Андреевич опять-таки был вынужден выступать в не свойственной для себя манере, высказывать противоречащие собственной позиции оценки (Маяковский называл это — «наступать собственной песне на горло»). Попытаемся подробнее обрисовать это парадоксальное в биографии Суслова событие.

Во вступительной части Михаил Андреевич начал с обозрения общей картины все углублявшегося кризиса во взаимоотношениях КПСС и КПК: «Если проанализировать эволюцию взглядов и действия руководства КПК, начиная с

Московского совещания 1960 года, то можно увидеть, что все эти годы китайские руководители вели дело не к устранению, а к обострению возникших разногласий. Начав с ревизии некоторых тактических установок мирового коммунистического движения, они шаг за шагом углубляли свои расхождения с КПСС…»[517] В чем же заключалась суть разногласий? «Новые оценки и выводы, сделанные в результате коллективных усилий братских партий на основе творческого применения принципов марксизма-ленинизма к условиям нашей эпохи, — о роли мировой социалистической системы, о путях строительства социализма и коммунизма, о возможности предотвращения мировой войны, о мирном сосуществовании стран с различным социальным строем, о необходимости борьбы против идеологии и практики культа личности, о формах перехода к социализму в развитых капиталистических странах и освободившихся от колониализма странах — все это извращается и, по существу, отбрасывается китайским руководством»[518]. Мы не станем подробно останавливаться на всех проблемах, затронутых Сусловым в своем обширном и обстоятельном критическом разборе. Отметим лишь два момента, относящихся к отмеченному выше несовпадению позиций и идей. Суслов занял и отстаивал необычную для себя позицию по отношению к Югославии, высказавшись за возможность, уместность и жизнеспособность различных «моделей» социалистического общества: КПК изменила свое отношение к Югославии. Теперь Югославия называется «контрреволюционным отрядом особого назначения американского империализма… Если исходить не из субъективных взглядов, а из объективных законов, из учения марксизма-ленинизма, невозможно отрицать, что Югославия является социалистической страной и при этом позиции социализма в Югославии крепнут… Но мы исходим из того, что наличие разногласий ни в коем случае не является основанием для „отлучения“ Югославии от социализма».

Другим ярким местом в рассуждениях Суслова стали защита и обоснование правильности линии, избранной XX съездом КПСС. Докладчик осудил практику культа личности и провозгласил необходимость дальнейшей борьбы против сталинизма. Любопытно, что это было последнее публичное критическое выступление Суслова о Сталине. Если после 1964 года Михаил Андреевич и затрагивал эту тему, то говорил о ней осторожно, в полутонах, соблюдая «объективность» «заслуг и ошибок», последние же с годами выглядели все незначительнее.

Возмущаясь тем, что китайские руководители проявляют демонстративные симпатии к людям, которые «выброшены из

рядов нашей партии», Суслов отметил: «Уже известны факты расправы, учиненной Сталиным и разоблаченными впоследствии участниками антипартийной группы, над видными деятелями Коммунистической партии и Советского государства. Но мало этого, как выяснилось, Молотов вместе со Сталиным дал санкцию на осуждение к высшей мере также и жен этих деятелей по так называемому „Списку № 4 жен врагов народа“ (имеются в виду супруги Косиора, Чубаря, Дыбенко и других. — *Авт.*)… Во многих случаях Молотов старался, как говорится, быть „большим католиком, чем сам папа“[519]».

Как уже говорилось, это было последнее, самое резкое и жесткое обличение сталинизма Сусловым. Его личная неискренность одновременно стала и серьезным испытанием для Михаила Андреевича, а может быть, и унижением. Думается, этого Хрущеву Суслов простить не мог.

Это подтверждают и воспоминания Ф. М. Бурлацкого, размышлявшего о феномене долгого и загадочного сосуществования Хрущева и Суслова: «Почему Хрущев так долго терпел в своем руководстве Суслова, в то время как убрал очень многих оппонентов? Трудно сказать — то ли он хотел сохранить преемственность со сталинским руководством, то ли испытывал странное почтение к мнимой марксистско-ленинской учености Михаила Андреевича, но любить он его не любил. Я присутствовал на одном заседании, на котором Хрущев обрушился с резкими и даже непримиримыми нападками на Суслова. „Вот пишут за рубежом, сидит у меня за спиной старый сталинист и догматик Суслов и только ждет момента сковырнуть меня. Как считаете, Михаил Андреевич, правильно пишут?“ А Суслов сидел, опустив худое, аскетическое, болезненное, бледно-желтое лицо, не шевелясь, не произнося ни слова и не поднимая глаз».

И далее Бурлацкий подробно воссоздает предысторию выступления Суслова по «китайскому вопросу»: «На февральском пленуме ЦК партии 1964 года Хрущев обязал Суслова выступить с речью о культе личности Сталина. Это поручение было передано мне и… Белякову… Вначале пытались диктовать стенографисткам, но ничего не получалось. А не получалось потому, что не знали, как писать для Суслова. Позиция его была известна — осторожненькая такая позиция, взвешенная, всесторонненькая, сбалансированная, лишенная крайностей и резких красок. А поручение Хрущева было недвусмысленное: решительно осудить устами Суслова культ личности»[520].

В ходе массового и повсеместного (в союзных республиках, компартиях других стран) обсуждения доклада Суслова и

принятого по нему постановления ЦК КПСС не раз отмечались «глубина и принципиальность анализа» документа, проявленная «забота о коренных интересах мировой системы социализма…». Несмотря на успех, М. А. Суслов продолжал отодвигаться на вторые и третьи роли в партийно-государственной иерархии. Он не сопровождал Хрущева во время его визитов на ведущие — с точки зрения политической конъюнктуры — совещания и съезды зарубежных компартий. В мае 1964 года Суслов возглавил делегацию КПСС (в нее вошли П. Е. Шелест и Б. Н. Пономарев) на XVII съезде компартии Франции. А затем, уже в июле 64-го, участвовал в похоронах председателя ФКП Мориса Тореза, выступив на траурном митинге в Париже. Летом того года Н. С. Хрущев отдыхал в Крыму. Казалось, ничто в тот момент не предвещало будущих стремительных перемен.

Подойдя к драматическому финалу истории взаимоотношений Суслова и Хрущева, несколько слов необходимо сказать о других взглядах на этот сюжет. Своеобычную, если не сказать экстравагантную точку зрения обосновывает в своих трудах западный историк А. Авторханов (см. его публикацию в журнале «Огонек», № 27 за 1990 г.). По его мнению, Суслов и именно он был подлинным вдохновителем и режиссером XX съезда, генератором его новаторских идей. Хрущев же выглядит непоследовательным и роковым оппонентом этого мятежного, «скрытого свободолюбца». Думается, приведенные и рассмотренные нами факты придают этой версии оттенок легенды или исторического анекдота.

Выступая с разъяснением итогов июньского пленума ЦК, XXII съезда, Суслов не раз восклицал: «Мы не дадим в обиду нашего дорогого Никиту Сергеевича!» Однако весной 1964 года (а вероятно, и ранее) именно Суслов стал вести конфиденциальные беседы с некоторыми членами Президиума и влиятельными членами ЦК об отстранении Н. С. Хрущева от руководства партией и страной. Главными союзниками Суслова были А. Н. Шелепин, не так давно назначенный председателем Комитета партийно-государственного контроля, и Н. Г. Игнатов, не избранный на XXII съезде в Президиум ЦК, но входивший в Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Активную роль в подготовке октябрьского (1964 г.) пленума, принявшего решение об освобождении Хрущева, играл и председатель КГБ В. Е. Семичастный.

Вокруг октябрьского пленума и его главных организаторов и «героев» существуют весьма и весьма противоречивые, даже взаимоисключающие точки зрения. Одну из оригинальных версий отстаивает, например, бывший первый секретарь ЦК Компартии Украины П. Е. Шелест: «При Хрущеве Суслов не считался вторым

человеком в руководстве, как это стало при Брежневе. Доклад, с которым Суслов выступил, готовили другие товарищи. По идее с ним должен был выступать Брежнев или в крайнем случае Подгорный. Брежнев просто сдрейфил, а Подгорный категорически отказался. Тогда поручили сделать это Суслову. Если Шелепин, как утверждает Медведев, и принимал какое-то участие в подготовке материалов к пленуму, то Суслов до последнего времени не знал о предстоящих событиях. Когда ему сказали об этом, у него посинели губы, передернуло рот. Он еле вымолвил: „Да что вы?! Будет гражданская война“[521]».

Думается, в подобной интерпретации слишком много неувязок и противоречий. Как такой осторожный, да еще и боявшийся «гражданской войны» Суслов вдруг решился? Что побудило преодолеть мучивший его страх? Как он взял на себя, по существу, всю полноту ответственности после отказов Брежнева и Подгорного? Слишком все перечисленное не вяжется с обычным стилем его поведения. Впрочем, в этом видится другое. Победа Хрущева или дальнейшее его руководство не сулили Михаилу Андреевичу ничего хорошего. Поэтому он должен был контролировать ситуацию. Как блестящий тактик аппаратной, скрытой борьбы, он до определенного момента держался на втором плане, предпочитая, чтобы всю тяжесть подготовки пленума на себя взяли другие. Он же проявил инициативу на конечном этапе.

Итак, именно М. А. Суслов сделал на пленуме доклад, продолжавшийся всего один час. И с политической, и с теоретической точек зрения доклад был крайне поверхностным, начисто лишенным даже попытки как-то проанализировать сложившуюся ситуацию.

Главное место в нем отводилось перечислению личных недостатков или «грехов» Хрущева, и все это хаотично, без разбора. Но в этом и заключался расчет: как и на переломном XX съезде, обличая и критикуя других, Суслов как бы незаметно «уходил» от собственной вины. Позиция этакого «третейского судьи», выразителя «коллективной воли партии» как бы снимала с него личную ответственность за происходившее.

Что же было поставлено в упрек Хрущеву? Суслов сказал, что Никита Сергеевич допустил крупные ошибки в своей работе, в руководстве партией и правительством, принимал необдуманные, торопливые решения. В последние два-три года Хрущев сосредоточил в своих руках всю полноту власти и стал ею злоупотреблять. Все достижения и успехи в стране он относил к своим личным заслугам, совершенно перестал считаться с членами Президиума, не прислушивался к их мнению, постоянно

всех поучал.

В основном эти замечания были справедливы. Нужно, однако, отметить, что Хрущев сосредоточил в своих руках всю полноту власти не два-три, а пять-шесть лет назад и что члены Президиума слишком редко делали ему критические замечания, гораздо чаще поддакивали. Большая часть непродуманных и поспешных решений Хрущева проводилась им через Президиум и пленумы ЦК КПСС, и сам Суслов ни разу не попытался хоть как-то противодействовать.

Весьма критически оценил Суслов в своем выступлении на пленуме разделение партийного руководства по производственному принципу. Эта работа представлялась ему началом создания как бы двух самостоятельных партий: рабочей и крестьянской. Тем не менее, проводимая в конце 1962 года, эта реформа не встретила возражений на пленуме ЦК и лично Суслов тогда ее одобрил.

Справедливо было подмечено и зарождение нового культа: Суслов говорил о том, что в последние годы в печати все больше и больше писалось о заслугах Хрущева. Конечно, и в идеологических органах партии, и в прессе недостатка в подхалимах не ощущалось. Но ведь и сам Михаил Андреевич сыграл в этой кампании не последнюю роль.

Если на XX съезде КПСС, оценивая положения доклада Хрущева, Суслов проявлял сдержанную солидарность: «Тов. Н. С. Хрущев дал совершенно правильный, марксистский ответ на этот важнейший вопрос (о формах перехода к социализму в разных странах. — *Авт.*)»; «Тов. Н. С. Хрущев дал убедительные ответы на самые жизненные вопросы»[522], то тон речи на XXII съезде неузнаваемо преобразился — здесь и дифирамбы, и восхищение, и откровенная лесть: «К XXII съезду Коммунистическая партия пришла еще более могучей и несокрушимой когортой, еще более близкой и родной советскому народу, тесно сплоченной вокруг своего ленинского Центрального Комитета во главе с выдающимся ленинцем, крупнейшим деятелем нашей партии Никитой Сергеевичем Хрущевым»[523].

Резко критически отозвался Суслов на пленуме о предложениях Хрущева по созданию специализированных управлений в сельском хозяйстве. Записку Никиты Сергеевича по этому вопросу Президиум ЦК отозвал и обсуждение ее отложил. Хрущев, сказал Суслов, возомнил себя специалистом во всех областях: в сельском хозяйстве, дипломатии, науке, искусстве — и всех поучал. В ГДР он держался как в одной из областей СССР, учил немцев вести сельское хозяйство. Многие материалы, подготовленные аппаратом ЦК, Хрущев публиковал под своим

именем.

В первой части этих упреков Суслов безусловно прав. Хрущев не страдал от избытка скромности и даже американскому кукурузоводу Р. Гарету при посещении фермы сделал ряд «ценных» замечаний, с которыми тот не мог согласиться. Но второй упрек несправедлив и на фоне складывавшихся в аппарате ЦК традиций просто смехотворен. Многие послания и заявления Хрущева действительно готовил аппарат, но это и входило в его обязанности. Да и мыслимо ли, в 1963–1964 годах Никита Сергеевич все время активно работал, разъезжал по стране, принимал многочисленные государственные и партийные делегации, выезжал в Югославию, ГДР, Африку и т. п., организовывал встречи — и везде произносил пространные и обширные речи. Впрочем, другие руководители государства тоже часто зачитывали заранее составленные помощниками речи. Тот же Суслов, выступая на пленумах ЦК, съездах компартий Востока и Запада, произносил речи, подготовленные для него аппаратом.

Здесь гораздо существеннее другой аспект: насколько тот или иной руководитель или государственный чиновник принимал участие в подготовке собственных выступлений, насколько слова, произносимые с официальных трибун, соответствовали направлению его собственных мыслей (если, конечно, таковые имелись). Несомненно, что Н. С. Хрущев гораздо в большей мере участвовал в создании и редактировании речей, чем Суслов. Не случайно, что в 70-е годы XX века живая мысль и живое слово звучали с высоких трибун очень редко.

По свидетельству Суслова, рассылая членам Президиума записки, Хрущев требовал письменных заключений, давая для этого иногда лишь 40–45 минут. Никто не мог составить за столь короткий срок письменных заключений, и заседания Президиума превращались в формальность.

Вероятно, подобные случаи имели место, но не как правило, а как исключение. Хрущев не мог лишить членов Президиума ЦК права голоса, хотя бывали ситуации, как, например, в дни Карибского кризиса, когда он был вправе требовать от них самого быстрого ответа на те или иные предложения.

На октябрьском пленуме Суслов упрекнул Хрущева в том, что тот так запутал управление промышленностью, создав госкомитеты, совнархозы, что сегодня крайне трудно все это распутать. Промышленность же стала работать гораздо хуже, чем при прежних методах управления.

Этот упрек был справедлив, хотя опять-таки делать одного Хрущева ответственным за малопродуктивную работу и плохое управление — значит упрощать сложившуюся кризисную

ситуацию (не вникать в ее глубинные экономические причины), а также обходить вину других руководителей, в том числе и свою.

Суслов также заявил, что Н. С. Хрущев проводил неправильную политику ценообразования. Повышение цен на мясо, молочные продукты, некоторые промтовары ударило по материальному благополучию рабочих. Непродуманную политику вел Хрущев и в отношении животноводства, в результате чего было вырезано много коров и сократилось поступление мяса.

Михаил Андреевич был прав, обвиняя Хрущева за ошибки в животноводстве. Но если повышение цен на мясо и молочные продукты было признано неверным, то почему новые цены сохранились и после октябрьского пленума? Почему происходило повышение цен на многие промтовары и в 60—70-е годы?

Хрущев был неосторожен в своих выступлениях и беседах, продолжал критику Суслов. Никита Сергеевич в самом деле и в частных разговорах с корреспондентами и бизнесменами, и при встречах с главами государств, и с ораторской трибуны нередко говорил не только с излишней, но подчас и с обескураживающей откровенностью, в выражениях не стесняясь. Стенограммы любых бесед Хрущева тщательно редактировались и затем одновременно публиковались в зарубежной и отечественной печати.

Докладчик напомнил членам ЦК и о некоторых ошибочных решениях в области внешней торговли. По его словам, за 10 лет работы Хрущев не только ни разу не принял министра торговли, но и ни разу ему не позвонил.

Из примеров самоуправства Хрущева Суслов привел эпизод с Тимирязевской академией. Узнав, что там есть ученые, не согласные с его сельскохозяйственными рекомендациями, Никита Сергеевич решил выселить академию из Москвы, а ее факультеты рассредоточить по глубинке в разных местах. При этом он говорил: «Нечего им пахать по асфальту». Суслов сообщил, что члены Президиума ЦК не поддержали Хрущева и под разными предлогами оттягивали переселение опальной академии.

Эти обвинения справедливы. Если перевод Министерства сельского хозяйства СССР и РСФСР на базу совхозов «Михайловское» и «Яхрома», расположенных в 100–120 километрах от Москвы, был очевидно ошибочной мерой, то попытка разрушить Тимирязевскую академию могла служить примером нелепого самоуправства и самодурства.

Критике подверглись многие другие аспекты сельскохозяйственной политики Хрущева. Выступая против паров, Никита Сергеевич снимал с работы директоров совхозов, которые оставляли в своих хозяйствах чистые пары, не считаясь с их доводами. Он хотел освободить от должности и первого секретаря

ЦК КП Казахстана Кунаева, отстаивавшего чистые пары, снял министра сельского хозяйства К. Г. Пысина, не дав никаких разъяснений членам Президиума.

В последние годы Хрущев развернул ничем не оправданное наступление против приусадебного хозяйства колхозников. Он даже распорядился уменьшать и урезать приусадебные участки, что вызвало раздражение в деревне, так как отрезанные земли обычно ничем не засевались и зарастали бурьяном. Хрущев предложил Академии наук СССР открыть вакансию для избрания академиком сторонника Лысенко Н. Нуждина. На заседании Академии наук А. Д. Сахаров отвел эту кандидатуру. Лысенко выступил в связи с этим с грубой речью и позже «пожаловался» Хрущеву. Тот был разгневан и заявил, что если Академия наук будет заниматься политикой, то «мы такую академию разгоним, она нам не нужна». Естественно, об этом стало известно в академических кругах. Да и Т. Д. Лысенко уже был не столь влиятелен, как в те годы, когда его «защищал» М. А. Суслов. Во многих областях Хрущев предложил ликвидировать колхозы, ссылаясь на их нерентабельность, взамен же создавать государственные хозяйства. Между тем Суслов придерживался противоположного мнения, считая колхозы более прибыльными и производительными. В результате всего этого во многих районах личное хозяйство колхозников и рабочих совхозов деградировало до уровня более низкого, чем в 1953 году.

В заключение Суслов поставил уже риторический вопрос: «Могли ли раньше призвать Хрущева к порядку?» Оказалось, «члены Президиума это делали, предупреждали Хрущева, но, кроме грубого отпора и оскорблений, они ничего от него не слышали». Завершая свой доклад, Суслов сделал вывод, что смещение Хрущева — это проявление не слабости, а смелости и силы и должно послужить уроком на будущее[524].

Сегодня, с расстояния прожитого времени, очевидно, что октябрьский пленум и те, кто победил на нем, привели страну к нравственному, политическому и экономическому кризису. Но для Суслова смена власти означала возвышение и упрочение его позиций в руководстве партии. Необычная для него, решительная линия поведения и зачитанный на пленуме доклад были хорошо продуманными тактическими шагами. В глазах многих создавался ореол (пусть и весьма призрачный) принципиального, верного идеям «ленинского коллективизма» коммуниста, принципиального «борца за чистоту идеи». Это гарантировало Михаилу Андреевичу при начавшемся «распределении портфелей» одно из главных мест в высшем эшелоне власти.

БЕГ НА МЕСТЕ ИЛИ ДВИЖЕНИЕ ВСПЯТЬ?

Идеология в 70-е годы

После вынужденной отставки Н. С. Хрущева «обновленное» руководство партии уже не в первый раз провозгласило необходимость «коллективного руководства» и недопустимость возникновения какого-либо нового культа личности (было даже утверждено решение о запрещении совмещать важные посты в государстве: до этого Н. С. Хрущев помимо первого секретаря ЦК КПСС был «по совместительству» и премьер-министром). Хотя Л. И. Брежнев и стал первым, а с 1966 года — генеральным (XXIII съезд партии единодушно «откликнулся» на выдвинутое Егорычевым предложение ввести или восстановить утраченный с «ленинских времен» титул) секретарем ЦК КПСС, он еще не пользовался на первых порах такой властью и влиянием, как в 70-е годы. Несмотря на прочность позиций, «отвоеванных» на октябрьском пленуме, отношения Суслова с другими членами Президиума (а затем Политбюро) основывались на хорошо маскируемом соперничестве, на глубоком противостоянии. Но Михаил Андреевич на избранном тернистом пути был готов к борьбе.

Не меньшим, чем Суслов, влиянием пользовался в партийно-государственном аппарате А. Н. Шелепин. Именно между ними и развернулась острая закулисная борьба за положение в партии. К концу 1965 года казалось, что верх в этой борьбе берет молодой и более энергичный Шелепин, прозванный в партийном обиходе «железным Шуриком». Многие из личных друзей Шелепина похвалялись, что скоро именно он станет первым секретарем ЦК. Однако опытный и осторожный Суслов, опираясь на поддержку Брежнева, сумел потеснить Шелепина, который стал не первым, а третьим секретарем. Это было началом краха его столь многообещающей карьеры. М. А. Суслов между тем добился и удаления из Секретариата ЦК своего бывшего конкурента — Л. Ф. Ильичева, функции которого были переданы П, Н. Демичеву. Специалист по химическому машиностроению, Демичев, может быть, удовлетворительно справлялся с обязанностями первого секретаря Московского горкома партии, но как секретарь по идеологии он оказался слабым, некомпетентным и безынициативным. Зато был исполнителен и гибок, доверительно прислушиваясь к мнению Суслова, проводил и отстаивал его линию. На XXIII съезде КПСС весной 1966 года многие

наблюдательные делегаты сумели заметить, что именно Суслов и есть главный режиссер съезда.

Нелегким оказалось «приспособление» Суслова к новому лидеру партии — Л. И. Брежневу, тот был поначалу весьма самостоятелен и строптив. Михаилу Андреевичу пришлось столкнуться и с некоторыми протеже Брежнева. Его новым противником в ЦК оказался выдвиженец Леонида Ильича С. П. Трапезников, назначенный заведующим Отделом науки и учебных заведений. Трапезников возглавил не только этот важнейший отдел ЦК, но и кампанию за реабилитацию Сталина, которая все интенсивнее проводилась в 1965–1966 годах. Суслов сумел использовать это чрезмерное рвение в собственных интересах. Тогда он был против резкого изменения курса, осознавая, что общественное мнение к нему не подготовлено. Как искушенный идеолог, он был сторонником постепенного, медленного процесса реабилитации. Так и случилось в дальнейшем.

Итак, не считая в середине 60-х подобную реабилитацию целесообразной или, во всяком случае, своевременной, Суслов не стал поддерживать сторонников Трапезникова. Напротив, сдерживал их.

В 1966 году пять докторов исторических наук, среди которых был и А. М. Некрич, направили Суслову письмо с подробным и обоснованным протестом против попыток «воскрешения» Сталина. Помощник Суслова В. Воронцов сообщил авторам послания, что с его содержанием Михаил Андреевич согласен и что ответ на него будет дан на XXIII съезде КПСС. Однако на съезде Суслов не выступал, так же как и многие другие члены Президиума ЦК. Вообще аудитория XXIII съезда стала последней, слышавшей идеологические рассуждения Суслова. После 1964 года ему не было особой надобности в публичном утверждении своих взглядов. Он предпочитал скрытое, опосредованное влияние через чужие голоса и чужие руки. Поэтому на последующих партийных форумах, неизменно занимая место в президиуме, Суслов лишь иногда вел собрание, выполнял ритуальные, представительские функции (зачитывал поздравления и приветствия, как, например, на *XXVI* съезде).

Когда в следующем после XXIII съезда, 1967 году в Комитете партийного контроля решался вопрос об исключении А. М. Некрича из партии, Суслов отказал историку в личной аудиенции и демонстративно не стал вмешиваться в дела КПК. Как победа набиравших силу сталинистов над более умеренными кругами партийного руководства была воспринята и замена главного редактора «Правды» А. М. Румянцева, вокруг которого еще раньше образовалась группа талантливых публицистов и

журналистов.

В том же году Суслов настоял на смещении председателя КГБ В. Е. Семичастного, близкого друга Шелепина. Поводом для этого послужили побег в США дочери Сталина С. Аллилуевой и неудачные попытки КГБ вернуть ее в СССР. Председателем КГБ был назначен Ю. В. Андропов, который до этого работал под руководством Суслова, возглавляя один из международных отделов ЦК КПСС. Думается, что это назначение не случайно. Это подтверждает и Ф. Бурлацкий, много лет проработавший с Ю. В. Андроповым: «Андропова Суслов не любил и опасался, подозревая, что тот метит на его место»[525].

Суслова очень испугали события в Чехословакии 1967–1968 годов. Ему казалось, что в этой стране происходит то же самое, что в Венгрии в 1956 году. Суслов не мог понять и смириться с возможностью каких-либо демократических преобразований в устоявшейся единой авторитарно-бюрократической модели социализма (провозглашение существования различных вариантов социалистического развития оказалось лишь пустой фразеологией). Принесенный «Пражской весной» лозунг «социализма с человеческим лицом» был расценен Сусловым как влияние буржуазных, оппортунистических теорий. А отказ руководства Чехословакии от диктата компартии и коммунистической идеологии, стремление к расширению гражданских и общественных прав, к экономическим преобразованиям воспринимались как попытка реставрации капитализма.

Принятие решения сопровождалось пропагандистской кампанией, твердившей о возраставшем экстремизме, готовящихся расправах над коммунистами и т. п. В этом узкодогматическом пространстве и был разрешен вопрос о вводе войск Варшавского договора на территорию Чехословакии. Суслову и его сторонникам пришлось столкнуться с незначительным сопротивлением на политбюро. Большинство было «за». В оправдание этой насильственной, осужденной сегодня акции была разработана (не без участия Суслова) теория так называемого «общего пространства и общих интересов» социалистической системы, согласно которой национальные интересы отдельного государства не могли быть выше интересов всего социалистического лагеря. Это означало, что возникновение «угрозы» социализму в одной из стран оправдывало вмешательство извне для защиты имевшихся «завоеваний».

Мы уже не раз ссылались на «глубокое» знание главным идеологом страны марксистских первоисточников. Суслов любил цитировать, используя тщательно подобранные к каждому

конкретному случаю полновесные цитаты. В годы культа личности в ряду авторитетных высказываний первое место занимали, естественно, ссылки на Сталина, щедро сопровождавшиеся восторженными эпитетами, но при случае Михаил Андреевич мог «щегольнуть» (правда, в более скромной «аранжировке») цитатой из Кагановича, Берии, Калинина. В 60-е годы в ход пошли ссылки на Хрущева, но особенно возрос авторитет ленинского слова. Ф. Бурлацкий вспоминает характерный случай: он с коллегой представил Суслову предназначенную для его выступления статью. Михаил Андреевич счел нужным «оснастить» ее подходящими цитатами из Ленина: выдвинул ящик обширной личной картотеки с тщательно подобранными и расписанными на все случаи жизни изречениями Владимира Ильича. После недолгих поисков нужные «мысли» были найдены.

Но начитанность и осведомленность Суслова в трудах классиков марксизма-ленинизма были поверхностными, отражали тот общий схоластический и догматический подход к Марксу и Ленину, который доминировал в советской идеологии, исключая всякое творческое отношение к их наследию. В 1969 году произошел «скандальный» случай, весьма типичный.

С конца года началась подготовка к празднованию 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Как известно, большая часть интенсивной идеологической работы в 60— 70-е годы сосредоточивалась вокруг подобных юбилеев и праздничных дат. Нередко это был повод к очередному пересмотру или поправкам к отечественной истории. Естественно, что ленинский юбилей предполагалось отметить особенно торжественно. Большая группа работников аппарата ЦК КПСС и несколько научно-исследовательских институтов задолго начали подготовку большого доклада, который собирался произнести «верный ленинец» Л. И. Брежнев. Этот доклад должен был и сам по себе стать важнейшим и определяющим на ближайшее время событием в жизни партии и страны. Почти весь предъюбилейный год Институт марксизма-ленинизма трудился и над другим документом — Тезисами ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина (таково было полное официальное название). Эта работа намечала общее направление пропагандистской подготовки юбилея. Изучение сформулированных там идей предполагалось сделать главным предметом обсуждения для всей разветвленной сети партийного просвещения: в документе содержались итоговые оценки основных этапов развития Советского государства, КПСС и международного рабочего движения.

Работа над тезисами была завершена к концу 1969 года, и 23 декабря в газете «Правда», других центральных органах печати они были опубликованы. В сущности, готовил этот документ не только Институт марксизма-ленинизма. Уже после завершения «черновой» работы большая группа сотрудников разных отделов ЦК КПСС в течение двух-трех месяцев дорабатывала текст. Совершенствование тезисов происходило не в помещении ЦК, а на специально отведенной государственной даче в Подмосковье. В этом затворничестве прорабатывался и тщательно обсуждался и каждый тезис в отдельности, и каждая фраза этого довольно пространного документа.

Как раз, по стечению обстоятельств, в архиве Института марксизма-ленинизма был обнаружен листок, написанный рукой Ленина и содержащий крайне важные, по мнению работников института, теоретические положения. Конечно, об этой любопытной многообещающей находке было немедленно доложено не только заведующему Отделом науки ЦК КПСС С. П. Трапезникову, но и непосредственно самому Суслову. Последний всегда одобрял своевременные «сюрпризы». Отметив несомненную важность обретенного ленинского документа, «главный идеолог» распорядился положить его в основу одного из готовившихся юбилейных тезисов. Это и было выполнено при составлении тезиса под номером 14, посвященного задачам пролетариата развитых капиталистических стран. В публикации «Правды» от 23 декабря этот тезис можно было прочесть в следующей редакции: «Основную революционную силу в развитых капиталистических странах составляет рабочий класс, борющийся против империализма в его цитаделях. Ленин высоко оценивал пролетариат индустриальных государств, отмечая, что это „наша главная надежда, наш главный устой“» (Т. 37. С. 363)…

В наброске плана доклада о международном положении и основных задачах Коминтерна Ленин отметил пять «социальных факторов силы» рабочего класса: «1) число, 2) организованность, 3) место в процессе производства и распределения, 4) активность, 5) образование. С тех пор как Ленин высказал эту мысль, численность рабочего класса резко увеличилась, неизмеримо повысились его организованность и политическая активность, общеобразовательная и профессиональная подготовка. Под воздействием самой капиталистической действительности все большее число рабочих новых профессий и интеллигенции, связанных с обслуживанием передовой техники, осознают свою полную зависимость от государственно-монополистической системы, убеждаются в необходимости замены капитализма новым общественным строем, вливаются в

антиимпериалистический поток».

При обсуждении тезисов перечисленные выше «пять социальных факторов силы» рабочего класса ни у кого не вызвали возражений, не породили никаких сомнений. Наоборот, некоторые из академиков (в области общественных наук), принимавшие участие в обсуждении документа, предлагали «расширить», «развернуть» эти «факторы». А между тем для всякого, кто знаком с произведениями Ленина не по отдельным цитатам, должно было бы показаться странным (если не абсурдным) приписывание Ленину слов, ему никогда не принадлежавших и тем более не характерных для его политической линии. Дело в том, что Владимир Ильич всегда решительно возражал против попыток меньшевиков связать вопрос о революционных возможностях пролетариата в системе капиталистического производства с его численностью или образованием. Ленин считал, что само положение пролетариата в капиталистическом обществе дает ему решительное преимущество и перевес над другими социальными силами. Поэтому даже сравнительно малочисленный российский пролетариат может победить буржуазию, объединив вокруг себя беднейшее крестьянство. Капитализм и капиталисты, говорил также Ленин, будут всегда стараться оставить рабочий класс необразованным. Поэтому партия пролетариата должна вначале взять власть в свои руки и наряду с другими задачами позаботиться о подлинном образовании всех трудящихся, и рабочего класса в особенности. (Мы здесь не обсуждаем верность ленинских оценок и выводов.)

Конечно, социальная обстановка в развитых капиталистических странах в 60—70-х годах XX века существенно отличалась от той ситуации, которая складывалась до 1917 года в царской России и Западной Европе. Притупилась поэтому былая острота некоторых споров и дискуссий. И вовсе не вопрос о численности и образовании рабочего класса как факторах социалистической революции разделял в 1969-м, да и в 1989 году коммунистов и социал-демократов Западной Европы. Но в 1920-м проблемы, вошедшие в злополучный 14-й тезис, были одним из главных предметов споров и разногласий между коммунистами и социал-демократами. И людям, знакомым с дискуссиями тех лет, было бы просто невозможно представить, чтобы Ленин сказал что-либо в поддержку или защиту вышеперечисленных «социальных факторов силы».

В Полном собрании сочинений В. И. Ленина не было ранее опубликовано упомянутого в тезисах ЦК «наброска плана доклада о международном положении и основных задачах Коминтерна»,

что и позволило руководству Института марксизма-ленинизма заявить о важной для теории находке. Было объявлено, что набросок вместе с другими прежде не публиковавшимися ленинскими документами будет включен в готовящийся очередной Ленинский сборник, издание которого также было приурочено к апрелю 1970 года. Никто из составителей Ленинского сборника не выразил по поводу публикаций никаких сомнений — ведь памятная, хотя и не характерная для ленинских взглядов и стиля фраза о «пяти социальных факторах силы» была действительно написана рукой Ленина.

Однако специалистам по ленинскому наследию было ведь хорошо известно, что Владимир Ильич, особенно после Великой Октябрьской революции, никогда не писал полного текста своих речей и докладов, даже на очень важных и ответственных форумах партии. Обычно он набрасывал схематичный план, излагая в нем собственные мысли и идеи в сокращении, впрочем, как и мнения оппонентов по конкретному вопросу. Можно было поэтому предположить, что неожиданно вновь обнаруженная ленинская запись касательно «факторов силы» была обыкновенной выпиской или цитатой какого-либо другого выступления или работы. Проверить это было вовсе не затруднительно. Нужно было лишь повнимательнее прочесть застенографированный и выправленный полный текст доклада Ленина на И конгрессе Коминтерна, который был опубликован в 31-м томе 4-го издания его собрания сочинений. Однако по совершенно непонятным причинам эта элементарная мысль не посетила никого из многочисленных «доверчивых» составителей и «сочинителей» Тезисов ЦК. Никто не провел обыкновенной для всякого автора или редактора сверки.

В ленинский том заглянули гораздо позже, когда Тезисы ЦК КПСС были широко опубликованы 23 декабря в большинстве советских газет, а через сутки — в большинстве центральных газет социалистических стран. По нашим данным, первый запрос или недоуменный протест пришел из бывшей ГДР, где, как оказалось, знают хорошо не только тексты самого Ленина, но и немецких теоретиков социал-демократического направления. Составители Тезисов ЦК КПСС, пережив неприятный конфуз, заглянули наконец в ленинский том и с глубоким изумлением и тревожным смятением обнаружили, что слова о «социальных факторах силы» принадлежат вовсе не «вождю мировой революции», а его часто критикуемому оппоненту — австрийскому социал-демократу Отто Бауэру. Это оказалась всего лишь цитата из книги О. Бауэра «Большевизм или социал-демократия?», само название которой говорило о позиции автора.

Ленин сделал необходимую выписку из Бауэра, чтобы категорически и решительно возразить оппоненту, причем с такой резкостью, которая была присуща Владимиру Ильичу. Вот что в действительности сказал Ленин в своем докладе: «Книга Бауэра будет полезным, хотя и своеобразным дополнением к учебникам коммунизма. Возьмите любой параграф, любое рассуждение у Отто Бауэра и докажите, в чем тут меньшевизм, где тут корни взглядов, ведущих к практике предателей социализма… такова будет задача, которую с пользой и с успехом можно бы предлагать на „экзаменах“ для проверки того, усвоен ли коммунизм. Если вы этой задачи решить не можете, вы еще не коммунист и вам лучше не входить в коммунистическую партию.

Отто Бауэр превосходно выразил всю суть взглядов всемирного оппортунизма в одной фразе, за которую, — если бы мы свободно распоряжались в Вене, — мы должны были бы поставить ему при жизни памятник. Применение насилия в классовой борьбе современных демократий — изрек О. Бауэр — было бы „насилием над социальными факторами силы“.

Вероятно, вы найдете, что это звучит странно и непонятно? Вот образец того, до чего довели марксизм, до какой пошлости и защиты эксплуататоров *можно* довести самую революционную теорию. Нужна немецкая разновидность мещанства, и вы получите „теорию“, что „социальные факторы силы“, это — число, организованность, место в процессе производства и распределения, образование»[526].

Наверное, у многих от ленинского подлинника засосало под ложечкой или защемило в левом боку, а кто-то с надеждой вспомнил, что 30-е уже миновали. И было отчего: рассуждения Отто Бауэра, которые Ленин полагал выражением сути современного ему оппортунизма, которые он считал опошлением марксизма и продуктом немецкой разновидности мещанства, составители тезисов ЦК КПСС приписали самому Ленину.

Что было делать? Никто, конечно, не подумал открыто признать вопиющую ошибку. Ведь это бросало тень не только непосредственно на «виновника», отвечавшего за формулировку 14-го тезиса, — Эрика Пантелеевича Плетнева, работавшего консультантом в Отделе агитации и пропаганды ЦК КПСС. Э. П. Плетнев был только «стрелочником». А как быть со всеми другими составителями юбилейного документа? Ведь тезисы неоднократно и обстоятельно обсуждались. Как быть с Трапезниковым, который мнил себя знатоком ленинизма? А главное — как должен был вести себя «ведущий идеолог» страны, славившийся с давних пор «отменным знанием» высказываний классиков, бдительно хранивший чистоту марксистской мысли и

обладавший повышенной чуткостью ко всяким разновидностям оппортунизма? Как объясняться на политбюро?

Решили никого не наказывать и исправить ошибку без всякой огласки и лишнего шума. Газеты опубликовали обновленные Тезисы ЦК КПСС. Без всяких «социальных факторов силы» они появились в журнале «Коммунист», а позднее были выпущены отдельной брошюрой. И все участники истории постарались побыстрее забыть этот неприглядный, но поучительный эпизод.

Как мы отмечали выше, с тезисами было связано не только курьезное происшествие; это был документ, многие положения которого делали еще один шаг (согласно тактике, избранной Сусловым) в прошлое сталинизма. Как была воспринята публикация тезисов, красноречиво свидетельствует в своем дневнике А. И. Кондратович (в 1969 г. — заместитель А. Т. Твардовского по журналу «Новый мир»): «Опубликованы Тезисы ЦК к 100-летию Ленина. Удручающе длинный, пустословный документ, отличающийся, впрочем, одной характерной для нашего времени особенностью. Кажется, что писали его две разных руки (вот пресловутая объективность Суслова. — *Авт.*). Одна — одно, другая — совершенно иное. Как две струи: одна вода горячая, другая столь же холодная. А. Т. (Твардовский. — *Авт.*): „И струи эти никак не соприкасаются…“ Я прочитал А. Т. фразу: „Партия отвергает любые попытки направить критику культа личности и субъективизма против интересов народа и социализма, в целях очернения истории социалистического строительства, дискредитации революционных завоеваний, пересмотра принципов марксизма-ленинизма“. А. Т. даже потемнел, услышав это, и я сразу подумал, что он думает о своей поэме (имеется в виду „По праву памяти“, увидевшая свет в СССР лишь в 1987 г. — *Авт.*). Теперь ей полная крышка. „Любые попытки, — сказал, покачивая головой. — Так это значит — ничего нельзя“[527]».

Проводя линию постепенной, осторожной реабилитации, Суслов в конце 1969 года не поддержал уже почти полностью подготовленный проект реабилитации Сталина в связи с его 90-летием. Однако тот же Суслов фактически руководил разгоном тогдашней редакции «Нового мира» — журнала, который выражал настроения наиболее прогрессивной части советской творческой интеллигенции, упорно отстаивал линию XX съезда. Когда главный редактор журнала А. Т. Твардовский сумел связаться с Сусловым по телефону и выразил ему свой протест, Суслов спокойно ответил: «Не нервничайте, товарищ Твардовский. Делайте так, как советует вам Центральный Комитет». Впрочем, у этого отчаянного поступка была своя предыстория, на которой

следует остановиться подробнее.

Александр Трифонович Твардовский сталкивался с Сусловым не однажды. О многих из этих памятных встреч он рассказал в воспоминаниях. Одна из них произошла в 1958 году, еще во времена Хрущева. Была развернута кампания против Комитета по Ленинским премиям, куда входил Твардовский, не присудившего высокой награды в области литературы никому. Это возмутило Суслова. Как принято, организовали письмо работников завода «Серп и Молот» с протестом; оно появилось в «Правде» 24 апреля под заголовком «Достойно оценить достижения литературы и искусства». Выдвигалось требование пересмотреть решение. Вот отрывки из «рабочих тетрадей» Твардовского 1958 года: «28.IV. Новости: кампания в газетах против Ленинского комитета. Дело представляется фокусом нынешних обстоятельств в искусстве. Комитету предлагают, по существу, „передумать“, признать ошибкой свое решение. Если так произойдет, это будет зловещим делом, и я всерьез думаю, что тогда я должен буду уклониться от журнала, тогда это будет делом безнадежным начисто… 6.V… Третьего дня на Комитете — изготовление письма. Вчера у Суслова — победа правого дела, похвалы „мужеству и стойкости“ Комитета, чувство удовлетворения (выступал первым после Тихонова, обошедшего как-то всю остроту положения и приумолкнувшего после слов Суслова: „А может быть, учесть замечания общественности?“). Суслов при прощании: — Я не мог сказать вам при всех (почему?), но теперь скажу, что мне очень нравится все, что вы делаете последнее время. Вы, оказывается, и в прозе и т. п. Да, у вас идет накопление на Ленинскую, — сказал он еще при Фурцевой (министр культуры СССР в те годы. — *Авт.*), полагая, что больше всего этим меня осчастливит»[528].

После 1964 года Суслов становится самым могущественным противником «Нового мира», нравственной и литературной позиции, отстаиваемой журналом. Проследим это обострявшееся с годами противостояние глазами очевидца — А. Кондратовича. Уже близко к «развязке» событий, в 1969 году, он писал: «Мы вроде смертника. Нам терять нечего. И в этом наше великое преимущество: мы можем разговаривать так, как мы думаем. Это удивляет, обескураживает начальство и заставляет их побаиваться нас. Стань мы немножко другими, начни подлаживаться — и нас тут же растопчут. А нас боятся растоптать, хотя очень хотят и скорее всего когда-нибудь сметут. Но тоже со страхом и опаской…»[529] Нараставшее с годами противоборство принимало различные формы: рукописи, публиковавшиеся в журнале, подвергались жесточайшей и нелепой цензуре, а некоторые, несмотря на все усилия редакции,

натыкались на глухую стену безразличия (так было, например, с «Раковым корпусом» А. Солженицына и с поэмой «По праву памяти» А. Твардовского). Избранная журналом линия подвергалась нападкам — помимо критических выступлений, вроде «письма одиннадцати», опубликованного в «Огоньке», позиции «Нового мира» единодушно отвергались «трудящимися»: организовывались письма таксистов, рабочих, осуждавших Твардовского. Несомненно, журнал сложился как коллектив единомышленников, и поэтому, не затрагивая непосредственно слишком заметную и независимую фигуру Твардовского, борьбу вели с редакцией, настаивая на необходимости кадровых перестановок. Первый организационный кризис возник еще в 1966 году, когда были освобождены от должностей Закс и Дементьев. Тогда вопрос об отставке Твардовского еще остро не стоял, и Кондратович вспоминает, как «А. Т. минут 20 пререкался с Сусловым, отказываясь работать, когда без его ведома и согласия убирают работников (Дементьева и Закса), и тот угрожал партийной дисциплиной, которая обяжет А. Т. остаться на посту».

В начале 1969 года еще сохранялось видимое хрупкое равновесие: «А. Т. рассказал, со слов Симонова, что недавно в Ленинграде выступал Демичев (секретарь ЦК. — *Авт.*). И ему в ряду других были заданы два вопроса: „Что вы думаете делать с Солженицыным?“ Ответ: „Мы с ним боремся, противодействуем его влиянию“. Вопрос: „Собираетесь ли вы что-то делать с „Новым миром“?“ (Разгонять — подразумевалось.) „Это дело сложное, — ответил Демичев. — Во-первых, в редколлегию этого журнала входит выдающийся писатель, первый секретарь Союза писателей Федин. Во-вторых, у этого журнала есть одна особенность: они умеют находить новые таланты“. „И в-третьих, — добавил, смеясь, А. Т., — я понял так, что пусть они выявят нам несколько талантов, а то еще маловато, и тогда-то мы их и прикроем“[530]».

Помимо Демичева, исполнявшего волю Суслова, были задействованы влияние и возможности Союза писателей, именно там в конце 69-го — начале 70-го встал вопрос о кадровых изменениях в «Новом мире». Продолжая отстаивать журнал, Твардовский понимал всю безвыходность положения. После разговора с К. В. Воронковым (оргсекретарем СП СССР) в кругу друзей «А. Т. доказывал им, что сопротивляться бесполезно. „Все согласовано. Воронков не будет говорить, ссылаясь на Петра Нилыча (Демичев. — *Авт.*). Он — чиновник, и он знает, что такие ссылки нельзя делать. А Демичев тоже трусит и тоже согласовал. Что в таком случае делать? Идти против силы?.. Дальше оставаться нельзя, да я и не останусь, если меня оставят: журнал

мы все равно не сможем делать. Это ясно. То, что происходит сейчас, — всерьез и надолго…“[531]»

Итак, в феврале 70-го на секретариате Союза писателей СССР в отсутствие Твардовского было принято решение об укреплении редколлегии и аппарата журнала: были освобождены Кондратович, Лакшин, Виноградов, Марьямов, Сац. Твардовский подал давно уже заготовленное прошение об отставке, может быть, в глубине души еще надеясь на этот последний призрачный шанс. После некоторого молчания отставка была принята. А Суслов, как известно, посоветовал Твардовскому не нервничать и довериться ЦК.

В те годы нередко запрещалась продажа книг, весь тираж которых уже был отпечатан. Обращаясь к Суслову, издательские работники ссылались на большую проделанную работу и значительные затраты. «На идеологии не экономят», — лаконично отвечал в таких ситуациях Суслов. И вместе с тем в идеологических вопросах он был не только догматичен, но часто крайне мелочен, упрям. Именно Суслов через своего помощника В. В. Воронцова решал вопрос о том, где именно нужно создать музей Маяковского (?) и «кого больше любил» поэт в конце 20-х годов: Лилю Брик, которая была еврейкой, или русскую Татьяну Яковлеву, жившую в Париже. В 16-м номере «Огонька» за 1968 год появилась статья В. Воронцова и А. Колоскова «Любовь поэта», посвященная личной жизни Маяковского. Многие события, факты, цитаты были тенденциозно, намеренно искажены. Статья вызвала справедливое возмущение. С. Кирсанов обратился в секретариат Союза писателей с просьбой осудить публикацию. К. Симонов направил письмо в «Литературную газету». За этим последовали новые статьи в «том же духе» А. Колоскова уже без подписи В. Воронцова, которая по понятным причинам была снята. По исходившим из аппарата Суслова (а возможно, и лично от главного идеолога) указаниям запрещены были публикации возмущенных писем читателей и фильмы С. Юткевича о Маяковском, где в кадрах появлялась Л. Брик[532].

Суслов был ярым противником публикации мемуаров Г. К. Жукова, и из-за этого работа над ними продвигалась крайне медленно, что стоило Жукову по крайней мере одного инфаркта. В рукопись книги вносились произвольные изменения, порой вставлялись не только фразы, но и целые страницы, написанные отнюдь не рукой прославленного маршала. С другой стороны, многие куски из рукописи изымались. Вот что вспоминает о существовавшей «редактуре» Д. Волкогонов: «Было время, когда в отделе печати Главпура в соответствии с высокими указаниями Суслова и его аппарата просматривались все мемуары. Мне

приходилось говорить с людьми, которые в 50-е, 60-е годы и позже знакомились с воспоминаниями военачальников. Рукописи долго ходили „по кругу“ в высоких инстанциях, и авторам было хорошо известно, что можно писать, а что нельзя. Прежде всего благодаря фильтру в книги не попадали факты, выводы, события, статистика, наблюдения, размышления, оценки, которые могли „очернить“ нашу историю. И история выглядела вполне благополучной»[533].

И это касалось не только войны. Еще на октябрьском (1964 г.) пленуме ЦК КПСС в вину Хрущеву, в частности, вменялась поддержка Лысенко, без которой тот был бы бессилен. В дальнейшем, однако, Политиздат выпустил (и переиздал) книгу Н. П. Дубинина «Вечное движение», в которой трагические события, происходившие в генетике в 40—50-е годы, объяснялись «искренними заблуждениями» «народного академика». Такой нейтральный, сглаживающий острые проблемы подход к недавнему прошлому был поддержан Сусловым, для которого это было и его собственным прошлым. В этом плане весьма характерный эпизод приводит в своих воспоминаниях И. Шатуновский. После октябрьского пленума Суслов распек и снял главного редактора «Правды» П. А. Сатюкова за то, что тот поместил в газете за последний год 283 снимка Хрущева, в то время как в последний год жизни Сталина было напечатано лишь девять его изображений[534].

Мы не знаем, думал ли Суслов о том, что он может возглавить со временем партию. Однако усиление личной власти Брежнева и расширение его аппарата, независимость многих его действий и выступлений вызывали раздражение Суслова. В конце 1969 года на пленуме ЦК Брежнев произнес речь, в которой подверг резкой критике многие недостатки в хозяйственном руководстве и в экономической политике. Эта речь была подготовлена его помощниками и референтами и не обсуждалась предварительно на политбюро. Здесь не было никакого нарушения норм «коллективного руководства», поскольку основным докладчиком на пленуме был не Брежнев, он выступал лишь в прениях по докладу. Тем не менее эта речь была воспринята как директивная. Суслов усмотрел в этом угрозу собственной власти. После пленума Суслов, Шелепин и Мазуров направили в ЦК КПСС письмо, в котором критиковали некоторые положения речи Брежнева. Предполагалось, что возникший спор будет обсужден на весеннем пленуме ЦК. Слухи о зреющем конфликте «просочились» в зарубежную печать. МИД был вынужден выступить с официальным опровержением. Пленум так и не состоялся. Брежнев заранее заручился поддержкой наиболее

влиятельных членов ЦК, и Суслов, Шелепин и Мазуров сняли свои возражения. Шелепин еще продолжал по ряду вопросов выступать против Брежнева, пытаясь усилить свое влияние в руководстве. В результате он был вначале перемещен на руководство профсоюзами, а затем и вовсе удален из политбюро. Суслов, всегда избегавший открытой конфронтации, перестал выступать с какими-либо новыми претензиями. Он избрал путь медленного, постепенного усиления своего влияния, в чем и добился к середине 70-х годов значительного успеха.

Ввод войск Варшавского договора в Чехословакию и расправа с «Пражской весной» в 68-м, разгон «Нового мира» в 1970-м — два важных рубежа, две разграничительные вехи, за которыми уже отчетливо проявилось масштабное наступление сил, до тех пор действовавших скрыто и разрозненно. Начинается явный, ничем не стесненный процесс реакции и «загнивания». Вся идеологическая жизнь в стране все жестче контролировалась Сусловым и его аппаратом. Конечно, при желании, непредвзято можно отметить некоторые успехи в разных областях науки и культуры в 70-е годы. Но это были отдельные живые ростки на засоряемом, разоренном и неплодоносящем поле культуры. В целом наблюдались не столько рост и развитие общественной мысли и искусства, сколько их архаизация, стремительное движение вспять, в «эпические» 30-е. Если 60-е были временем надежды, временем многих перспективных начинаний во всех областях культуры, искусства, общественных наук, то уже к концу десятилетия «живой пульс» стал затихать и еле был слышен в 70-е, заглушенный шумом парадных речей, пустых славословий и фальшивых монументальных книг.

Этим мы во многом обязаны руководству Суслова. Для интеллигенции, для всех, кто причастен к творчеству, это было глухое десятилетие испытаний и гражданских поступков. Подлинная творческая индивидуальность опять пробивалась сквозь толщу догм, стереотипов и бдительных охранительных окриков. Так было с фильмами и рассказами В. Шукшина, с романами Ю. Трифонова, с «Канунами» В. Белова, с песнями В. Высоцкого и музыкой А. Шнитке. Опять все истинно художественное развивалось вопреки системе, а не благодаря ей.

Собственный творческий потенциал Суслова оказался поразительно ничтожен. И хотя при жизни и в некрологе его именовали «крупным теоретиком», на самом деле он не внес в марксистскую теорию ничего нового, не сказал здесь ни одного оригинального слова. За свою 35-летнюю деятельность на ответственных постах в ЦК партии Суслов не написал ни одной книги, и все его «сочинения» уместились в трех не слишком

больших по объему томах. Но что это за труды? Читать их подряд невыносимо скучно, одни и те же выражения и идеологические штампы «кочуют» из одной речи в другую. Суслов как будто сознательно избегает ярких мыслей и сравнений, он не употребляет шуток, и его выступления почти никогда не сопровождаются ремарками вроде: «смех», «громкий смех», «движение в зале», «оживление» и т. п.[535] Да и что мы найдем в собрании его сочинений из трех томов, выпущенных в 1982 году?

Его речи как секретаря Ростовского обкома и Ставропольского крайкома — это обычные выступления рядового работника: о воспитании молодежи комсомолом, о долге народного учителя нести в народ свет знаний, о важности своевременной и хорошей обработки земли, о необходимости добровольно работать для фронта и храбро сражаться против фашистов. К тому же все это речи-близнецы, из них напрочь убран колорит эпохи, они выхолощены и «оскоплены» современной «объективистской» правкой. Об истинных мыслях и словах Суслова «сталинской эпохи» они сообщат мало достоверного.

Сделавшись ответственным работником ЦК КПСС, Суслов не сказал ничего глубокого и значительного. Добрых два десятка речей были произнесены им при вручении орденов Саратовской, Черновицкой, Павлодарской, Ульяновской, Ленинградской, Новгородской, Тамбовской областям, городам Одессе, Брянску, Ставрополю и другим. Все это были так называемые речи «на случай», готовившиеся сотрудниками аппарата ЦК и соответствующего обкома. Множество таких же заранее подготовленных аппаратчиками речей Суслов произнес на съездах зарубежных компартий. Не отличались оригинальностью и его традиционные речи перед избирателями различных округов, от которых он баллотировался в Верховный Совет СССР и РСФСР. Большое место в «творческом наследии» Суслова занимают юбилейные доклады — в годовщины смерти или рождения Ленина, в годовщины Октябрьской революции, к 70-летию II съезда РСДРП и 40-летию VII конгресса Коминтерна, к 150-летию со дня рождения Карла Маркса. Если основную речь к тому или иному юбилею произносил Брежнев, то Суслов обычно публиковал по этому поводу статью в журнале «Коммунист». Неинтересны и доклады, которые Суслов регулярно делал на всесоюзных совещаниях идеологических работников или преподавателей общественных дисциплин. Как правило, он всегда обходил наиболее интересные и злободневные вопросы, избегал самостоятельных оценок. К тому же, готовя свои выступления для публикации в сборниках, Михаил Андреевич тщательно их

редактировал. Он полностью убирал как порицания, так и критику и Сталина, и Хрущева, исключал примеры «подрывной деятельности» участников «антипартийной группировки», в частности Молотова.

Неудивительно, что сборники речей и статей Суслова почти не пользовались спросом в книжных магазинах. Первый тираж в 100 тысяч экземпляров не расходился более двух лет, хотя эти книги продавались в любом книжном киоске. Для нашей страны это очень небольшой тираж, так как в Советском Союзе тогда имелось не менее миллиона работников, профессионально занимавшихся проблемами идеологии и общественными науками. Вероятно, не более 20–30 тысяч преподавателей и пропагандистов истратили 2 рубля для приобретения в свои личные библиотеки томиков Суслова. Не слишком впечатляющий результат многолетней деятельности главного идеолога партии!

Вместе с тем и в урезанном виде эти «сочинения» несут отпечаток, «слепок» личности автора (даже факт их редактуры говорит о многом).

Несмотря на скудность теоретического багажа, издание избранных сочинений Суслова не прошло не замеченным для читателя. В «Правде» 11 мая 1977 года появилась статья «Верной ленинской дорогой» с подзаголовком «К выходу в свет двухтомника речей и статей М. А. Суслова „На путях строительства коммунизма“». Безымянный обозреватель отмечал парадоксальную вещь: доклады и речи Суслова, относящиеся к различным этапам деятельности партии, собранные вместе, представляли собой единое целое. А смысл этого «целого» состоял в следующем: «В произведениях, включенных в двухтомник, раскрываются последовательность и целеустремленность теоретической и политической, организаторской и идейно-воспитательной деятельности КПСС, опирающейся на незыблемые принципы марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма».

В рецензии (если убогий дифирамб можно отнести к этому жанру) Суслов предстал вдохновенным и глубокомысленным теоретиком. Особенно был отмечен его вклад в развитие теории «развитого социалистического» общества: «…важное значение ныне имеет творческая разработка нашей партией актуальных теоретических и практических проблем развитого социалистического общества, составляющего… закономерный этап в становлении коммунистической формации». В статьях, докладах и выступлениях М. А. Суслова проблемы зрелого социализма занимают центральное место. Для развитого социалистического общества характерны «могучий взлет…

экономики и систематическое повышение материального и культурного благосостояния советских людей». Вступление советского общества в этап развитого социализма означает «начало непосредственного созидания материально-технической базы коммунизма», «динамичное развитие общественных отношений, укрепление сплоченности всех классов и социальных групп, братской дружбы и сотрудничества всех наций и народностей великой Советской Родины». Думается, сегодняшний читатель за лавиной обрушившейся на него современной фразеологии уже поотвык от этого «сладостного» фарисейства. Тем не менее действительно Михаил Андреевич был одним из родоначальников понятий «развитой» и «реальный социализм», служащих образцом уклончивости и неопределенности в теории. Впрочем, различие между «реальным» и «развитым» и в те годы под силу было объяснить лишь самым изощренным схоластам; теперь же оно и вовсе утратило всякую актуальность.

Еще одним весомым теоретическим новшеством Суслова стало внедрение в общественное сознание понятия «советский народ». Впрочем, помимо новаторских идей Михаил Андреевич отстаивал и «развивал» уже сложившиеся, традиционные положения марксистско-ленинского учения. Как свидетельство его зрелой и принципиальной мысли автором рецензии был выделен подход к вопросу «о роли партии в современных условиях»: «Руководящая роль КПСС, партии рабочего класса, ставшей авангардом всего советского народа, выражающей его коренные интересы, является важнейшим гарантом наших дальнейших успехов в деле коммунистического преобразования мира. Эта научная истина, многократно проверенная исторической практикой, получила в двухтомнике трудов товарища М. А. Суслова разностороннее освещение».

У Суслова, как у всякого руководителя, существовавшего в особом, «выдуманном» пространстве, были свои представления, планы и мечты. Особое место в современном ему советском обществе Михаил Андреевич отводил политработникам, людям с ясными, четкими позициями, не сомневающимся и преданным делу. Эта «когорта комиссаров» представлялась ему реальной и весьма эффективной силой государственного управления. «Мы должны во всеоружии передовой революционной теории неустанно бороться против всех классовых противников в идеологической области, завоевывать умы и сердца миллионов и миллионов людей на всех континентах силой вдохновляющего примера нового общественного строя и страстностью пропаганды… Ведь современные партийные работники — это преемники ленинской гвардии профессиональных

революционеров»[536], — делился сокровенным М. А. Суслов со слушателями специально реорганизованной по его прожекту Академии общественных наук при ЦК КПСС 1 сентября 1978 года.

Взгляды или, точнее, иллюзии Суслова, по природе своей утопически-просветительские, воплощаясь, оборачивались своей неприглядной противоположностью. Если он искренне полагал, что «устная политическая агитация» должна была заинтересовать людей, «нацелить их на повышение производительности труда», «возбудить их творческую энергию», то в действительности это приводило к апатии, цинизму или полному равнодушию. Ибо слишком велик был разрыв между идеальной действительностью речей, лозунгов и постановлений и правдой обыденной жизни.

Наверное, одной из составляющих основ «реального социализма» был незыблемый авторитет личной власти. Суслов всячески способствовал прославлению заслуг генерального секретаря перед советским народом, созданию мифа о ярком мыслителе, писателе и полководце. Раздуваемый им же культ Брежнева Суслов использовал в своих интересах. Вообще характер взаимоотношений между Сусловым и Брежневым к середине 70-х годов существенно изменился: ушли в прошлое прежнее недоверие, подозрительность и некоторое соперничество. Отношения достигли полной гармонии. Леонид Ильич полностью доверял Суслову, а порой и просто не мог обойтись без его мудрого, взвешенного совета. Чем немощнее и безынициативнее становился Брежнев, тем больше он искал опоры и помощи в узком кругу «соратников». Показательны в этом смысле высказывания бывшего помощника К. У. Черненко В. А. Печенева: «Брежнев отнюдь не являлся человеком, которым кто-то вертел как хотел. Положение было куда более сложным и драматичным. Особое влияние на него как будто оказывали три человека: М. А. Суслов, которого лично я знал едва-едва, Ю. В. Андропов, на которого я немного работал, и К. У. Черненко, в тот период я знаком с ним еще не был. Причем мнение Суслова, а также Андропова, имевшего, кстати, всегда особый вкус к теории, для него, как мне показалось, было решающим. „А что по этому поводу Миша считает?“ — обычно спрашивал он при обсуждении спорных вопросов, имея в виду Суслова»[537].

А Михаил Андреевич, прекрасно изучив психологию Брежнева, его излишнее добродушие, склонность к льстивым речам и подношениям и т. п., успешно это «эксплуатировал». Не случайно на всех торжественных церемониях, с каждым годом умножавших заслуги и ордена Леонида Ильича, именно Суслов произносил приветствия «от имени и по поручению» и вручал награды.

К знаменательной дате — 70-летию Л. И. Брежнева — Суслов «продумал» и предложил на политбюро ряд мер по укреплению авторитета Леонида Ильича. Среди них важная роль отводилась сочинению подробной, обширной биографии Брежнева, которая поэтапно отразила бы «славный путь» «верного ленинца», но, увы, даже привлечение к работе большого числа сотрудников Института марксизма-ленинизма ощутимых результатов не дало. Вместо внушительного и поучительного в воспитательном смысле труда появилась весьма тощая и малоубедительная брошюра. Впрочем, некоторых она «глубоко перепахала». К ним принадлежал академик П. Н. Федосеев, выступивший в «Правде» с призывом глубже «вчитываться в лаконичные строки биографии» «этой кипучей и целеустремленной» натуры.

В 1977 году, после опубликования проекта новой Конституции СССР (под непосредственным контролем Суслова), произошли существенные изменения в высшем эшелоне власти. Некоторые связывали смещение с поста председателя Президиума Верховного Совета СССР «пострадавшего» Н. В. Подгорного с его неуживчивым и властным характером. Но бытовало и другое объяснение. Тщеславный до мелочей и капризов, Леонид Ильич не мог оставаться равнодушным к тем почестям, которые обычно сопутствовали высокой должности главы государства. Ему хотелось эскорта истребителей в небе, салюта в честь прибытия, прохождения войск и т. п. Так или иначе, 16 июня в 10 часов утра на 6-й сессии Верховного Совета СССР 9-го созыва М. А. Суслов выступил с предложением: избрать на освободившийся пост главы государства (Н. В. Подгорный подал заявление об отставке в связи с уходом на заслуженный отдых) Леонида Ильича Брежнева. Мотивировал он выдвижение кандидатуры следующим образом: «Вся наша партия и весь советский народ знают Леонида Ильича Брежнева как выдающегося деятеля нашей партии, Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения… Леонид Ильич пользуется безграничным доверием и любовью нашей партии и советского народа… Уже в течение многих лет товарищ Брежнев фактически выступает и перед лицом нашего народа, и перед лицом всего мира как самый авторитетный представитель Коммунистической партии и Советского социалистического государства»[538]. После утверждения в новой роли Брежнев отправился с официальным визитом во Францию.

Неудача с кратким биографическим очерком не обескуражила Суслова. Но эта одна из первых попыток была лишь началом последующего сотворения легенды, целого цикла мифов из истории страны «эпохи Брежнева». Он поддержал необычную и

довольно изящную идею создания подробной автобиографии, тем более что помимо интересных и поучительных фактов из пережитого личность Брежнева «открылась» бы согражданам еще одной неизведанной гранью — литературным талантом. Были подобраны авторский и редакторский коллективы. Думается, не имеет смысла излагать подробную историю подготовки, публикации и всенародного обсуждения нашумевшей некогда мемуарной трилогии. Гораздо важнее выделить роль Суслова в этой кампании, объединившего разрозненные усилия в мощный пропагандистский поток.

После «Малой Земли», неожиданно прояснившей роль полковника Брежнева в сражениях Великой Отечественной, последовало невиданное событие: не успев освоиться с радостью от повышения в чине (в мае 1976 г. Леониду Ильичу было присвоено звание Маршала Советского Союза), Брежнев удостоился высшей военной награды СССР — ордена «Победа». 20 февраля 1978 года М. А. Суслов вновь выполнял почетное поручение. Обратившись к Брежневу, одетому в новый маршальский мундир и устремившему умиленный, растроганный взгляд куда-то вдаль, Суслов произнес: «Дорогие товарищи! Мне выпала очень приятная миссия — выполнить поручение Президиума Верховного Совета СССР и вручить генеральному секретарю… Маршалу Советского Союза, нашему товарищу и другу Леониду Ильичу Брежневу высшую военную награду — орден „Победа“… Этой высокой наградой отмечается ваш большой вклад в победу советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне… Награждение вас, Леонид Ильич, высшим военным орденом в преддверии 60-летия Советской Армии и Военно-Морского Флота глубоко символично и закономерно… В их рядах вы, как боевой армейский политработник, прошли фронтовыми дорогами Великой Отечественной войны весь ее огненный путь — от трудного начала и до победного конца. Вы — участник кровопролитных сражений на легендарной Малой земле, боев за Украину и Кавказ, за освобождение Румынии, Венгрии, Польши, Чехословакии. Находясь всегда на передовой, в гуще воинов, показывая пример несгибаемой стойкости и отваги, вы вдохновляли их на героические дела во славу Советской Родины».

Тем временем переиначивание истории разворачивалось полным ходом: к каждому дню рождения личность Брежнева представала все более героической, легендарной и… смехотворной. И здесь возникает закономерный вопрос: насколько искренен был Суслов, выступая инициатором этих мероприятий? Да, это усиливало его позиции при беспомощном и

больном генсеке. Но представляется, что все это не было дьявольским, коварным замыслом. Отдавая должное хитрости и практическому уму Суслова, следует отметить, что он сам настолько сросся с этим выдуманным, оторванным от реальности миром, что непритворно верил в его существование.

В конце 1978 года тон речи Суслова при вручении очередной Звезды Героя Советского Союза приобрел задушевный, интимный оттенок: «Дорогой Леонид Ильич, мы… работая вместе с вами, повседневно ощущаем ваше глубокое человеческое обаяние, видим в Вас замечательный пример человека, отдающего свои силы служению партии и народу, образец коммуниста-ленинца, внимательного и принципиального, чуткого и заботливого к людям»[539]. Этот поток лицемерия и лести несколько поутих спустя два года. В 1980-м, вручая имениннику орден Октябрьской Революции, Михаил Андреевич был краток и лаконичен.

Мы уже говорили, что к официальным почестям сам Суслов был равнодушен, главным для него оставалось ощущение власти. В личной жизни он был аскетичен, не стремился к постройке роскошных особняков, не устраивал богатых приемов, никогда не злоупотреблял напитками. Не особенно заботился и о карьере своих детей: его дочь Майя и сын Револий никогда не занимали видных постов. Суслов не имел научных степеней и званий и никогда не домогался их, как это делали Л. Ф. Ильичев, получивший звание академика, или С. П. Трапезников, который после нескольких скандальных провалов стал все же членом-корреспондентом Академии наук СССР. Напротив, именно Суслов провел в ЦК решение, запрещавшее работникам, занимающим видные посты в аппарате, добиваться каких-либо академических званий. Он пытался остаться в стороне от вакханалии бесконечных награждений, охватившей высших партийных чиновников по примеру генсека[540]. Лишь в 1978 году, сознавая необходимость происходящего для укрепления интернациональных связей, он принял от генерального секретаря ЦК КПЧ, президента ЧССР Густава Гусака высшую государственную награду Чехословакии — орден Клемента Готвальда «за выдающиеся заслуги в деле укрепления дружбы и развития братского сотрудничества между советским и чехословацким народами, за его творческий вклад в развитие марксизма-ленинизма». Два дня спустя (23 ноября) уже Т. Живков вручил Суслову орден Георгия Димитрова, особо отметив заслуги Михаила Андреевича «как крупного теоретика и страстного борца за чистоту марксизма-ленинизма».

Последним актом разворачивавшегося на глазах страны горького фарса стало празднование 75-летия Брежнева —

последнего юбилея, организованного Сусловым. По размаху мероприятий, потоку поздравлений и славословий оно превзошло, пожалуй, даже сталинское 70-летие. Вручая Л. И. Брежневу последнюю в его жизни (четвертую по счету и третью за 5 лет) Звезду Героя Советского Союза, уже разбитый болезнью и недомоганием Суслов произнес выспреннюю и витиеватую речь: «Искренние, идущие от сердца слова уважения и глубокой признательности вам — выдающемуся деятелю Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения, верному продолжателю бессмертного дела Ленина, пламенному борцу за мир и социальный прогресс на земле — высказывают миллионы людей планеты»[541]. Суслов не испытывал стыда или угрызений совести, выступая от имени миллионов. Дряхлеющий и плохо соображавший Брежнев был во многом удобной, обеспечивающей стабильность для Суслова политической фигурой. Власть, сосредоточившаяся в руках главного идеолога, становилась все более масштабной и неконтролируемой. Безусловно, наступил пик его политической карьеры.

Но вернемся от периферии идеологической жизни к ее средоточию — культуре. Здесь Суслову не нравилось все, что хоть как-то выходило за средний уровень. Известно, например, что ему не очень понравился роман Вс. Кочетова «Чего же ты хочешь?». Слишком откровенный сталинизм шокировал Михаила Андреевича. Когда же Кочетов покончил жизнь самоубийством, по настоятельному требованию Суслова в печати появилось сообщение только о его скоропостижной смерти. «Не будем увеличивать число самоубийц в русской литературе», — заключил Суслов (ранее, в 50-х, он был одним из инициаторов сокрытия трагического завещания Александра Фадеева).

Но больше, чем беспомощная проза Кочетова, Суслова крайне раздражали песни Высоцкого, спектакли на Таганке в постановке Юрия Любимова. Он долго не разрешал к прокату фильм Шукшина «Калина красная». Проекту же снять картину о Степане Разине вовсе не суждено было осуществиться. Участь малого экрана (демонстрации на окраинах страны, в клубах и т. п.) разделили и фильмы А. Тарковского, и острый сатирический памфлет Э. Рязанова «Гараж». В области киноискусства у Суслова были иные приоритеты. Особый интерес он проявил к съемкам фильма «Солдаты свободы», где на экране появлялся молодой будущий маршал Брежнев в исполнении Е. Матвеева. Вот как актер вспоминает особенности и последствия той «ответственной роли»: «…когда я играл Емельяна Пугачева, никто не мог проверить, так ли в точности выглядел мой герой. А генсека

каждый день видели на экране телевизора. Как решить, например, такой вопрос. Брежнев всю жизнь мягко, по-южному произносил букву „г“. Показывать ли это на экране? Я взял один из своих текстов и убрал все слова с этой буквой. Заменил их синонимами. Но следующий текст был документальным. Тут уже нельзя было исказить ни слова. Как мне рассказывали, по этому поводу были консультации с Сусловым. Суслов, вникнув в проблему, подумал и сказал: „Про меня говорят, что я окаю. А я считаю, что я совсем не окаю“. Это восприняли как руководящее указание. В фильме наш герой говорил нормально. Особое отношение к моей роли еще яснее почувствовалось после того, как картина вышла на экран. Я сыграл всего лишь два маленьких эпизода в огромной киноэпопее. Но где бы ни писали о фильме, их непременно упоминали. Кадры со мной в роли Брежнева можно было увидеть во всех газетах и журналах»[542].

Видимо, когда-то воплощенный на киноэкране образ будущего генсека не дает покоя актеру, не «отпускает» его и сегодня. В другом своем интервью история с памятной ролью так интерпретирована Е. Матвеевым: «…что касается фильма… Я был утвержден Сусловым: „Вы коммунист. Это вам партийное задание!“ Попробуйте отказаться после этого. Что, мне теперь не жить, если я коммунист?»[543]

М. А. Суслов внимательно следил и за общественными, литературно-критическими дискуссиями, разворачивавшимися в конце 60-х — начале 70-х годов. Он явно не одобрял и набиравшее силу в конце 60-х годов русское «почвенничество», выразителем идей которого стали некоторые публикации, в частности в журнале «Молодая гвардия». Однако когда один из ответственных работников аппарата ЦК КПСС, А. Н. Яковлев, опубликовал 15 ноября 1972 года в «Литературной газете» большую статью «Против антиисторизма», где критиковал различного рода проявления «социальной патриархальщины и национализма», она тоже не понравилась Михаилу Андреевичу определенностью и самостоятельностью суждений. Хорошо зная практику, при которой для ответственных работников статьи и речи составляются сотрудниками «менее ответственными», Суслов попросил помощника выяснить, кто же готовил для Яковлева нашумевшую статью. Помощник вскоре доложил, что статью написал сам Яковлев. «Что он, Ленин, что ли», — с раздражением заметил Суслов.

Очень жесткому и всеохватному контролю Суслова подлежали и средства массовой информации. Он часто становился решающей инстанцией, определявшей судьбу той или иной публикации или передачи. Пристальное внимание главного

идеолога было приковано и к телевидению практически с первых его шагов. Бывший председатель Гостелерадио М. А. Харламов вспоминает: «Весной 1962-го, когда я пришел в комитет, было принято высокое решение, чтобы руководящие деятели систематически выступали перед народом. Микоян с группой депутатов Верховного Совета только что вернулся из Японии. Где же найти лучшую трибуну, чем телевидение? Предлагаю Микояну выступить. Думаю: „Пусть заодно увидит, в каких условиях работаем“. Он отнекивается: „Я не против, но вы сначала согласуйте“. По совету секретаря ЦК Ильичева звоню Суслову. „Вот, говорю, Михаил Андреевич, был Микоян в Японии, видел там много интересного и полезного, хорошо бы народу об этом рассказать. Тем более есть решение ЦК по этому вопросу… И Косыгин вот в Афганистан ездил, тоже бы мог выступить“. После паузы длиной в Атлантический океан слышу скрипучий голос: „Я своего согласия на это не даю. Если настаиваете, звоните Брежневу“… Брежнев, как известно, все вопросы любил решать половинчато. „Что касается депутата Микояна — пусть выступает, а в отношении Косыгина… здесь свои сложности…“[544]» Достижения технического прогресса значительно облегчили Михаилу Андреевичу в 70-е решение проблем «объективности» телевидения. Появилась запись программы, а с ней и возможность тщательной предварительной подготовки идеологически выдержанных передач. Живая мысль и живое слово (не говоря уже о гласности в современном понимании) крайне редко звучали с экранов. По идее Суслова в цикл политических передач был включен и «Ленинский университет миллионов» — скучнейшая еженедельная программа, посвященная актуальным проблемам теории и практики марксизма-ленинизма.

Интересовала Суслова и строгость идеологической подачи радиопередач. Он долго сопротивлялся появлению на радио новой программы — «Маяк», ибо не склонен был доверять инициативе и дикторскому голосу в прямом эфире: программа создавалась как оперативная, сам комментатор обрабатывал полученный материал и выступал с ним.

Привыкший к медленному, размеренному ритму общественной жизни 70-х, Суслов настороженно относился ко всякому новому начинанию, тем более если оно хоть как-то поднималось над общим серым уровнем. Он препятствовал созданию нового интересного журнала «Радио и телевидение». Причем замечание, сделанное им Н. Н. Месяцеву, председателю Гостелерадио, носило скорее формальный характер: «Не бережете бумагу», «воздуха много». Но дело было не в воздухе, а в содержании статей. В «РТ» собрались хорошие журналисты.

Работали Л. Лиходеев, В. Моев, А. Васинский, И. Саркисян. Даже сейчас те старые номера журнала выглядят достойно и на фоне перестройки. Перечитайте материалы о демократии, о важной роли телевидения и радио для создания общественного мнения. Публикации В. Хлебникова, И. Бабеля, да мало ли… Перестарались. Поступило указание ограничить творчество аннотациями к передачам. А один номер просто не выпустили в продажу. Там были размышления А. Стреляного по поводу книги «Что такое колхоз?»[545].

Здесь описан лишь единичный случай работы средств массовой информации в 70-е годы. Для печатных органов были выработаны определенные стереотипы в подаче (и даже расположении) публикуемых материалов. Все это делало газеты похожими одна на другую; естественно, везде присутствовала одна официальная позиция и оценка. Для того чтобы уловить оттенки подхода, надо было быть внимательным читателем и неплохим стилистом: известно, например, что сообщения о «встрече в дружеской обстановке» и «в теплой дружеской обстановке» обозначали совершенно разный уровень взаимоотношений между странами или партиями.

На 70-е годы приходится новый этап расцвета жанра эпопей и многотомных семейных хроник. Эту официальную сторону литературы представляли романы Г. Маркова, А. Иванова, А. Чаковского. В них не было ни подлинной борьбы страстей, ни самобытных характеров, язык их был откровенно «деланый», псевдонародный и скудный. Вместо сюжета господствовала схема (вспомним «кулаков», «вредителей» у А. Иванова в «Вечном зове» или «мудрого Сталина» у Чаковского в «Блокаде»), вместо людей изображался какой-то набор черт, а то и просто маска. Сложные духовные искания, конфликты с совестью или жесткостью обстоятельств, подлинный трагизм прошлого и настоящего в «большом стиле» социалистического реализма заменялись суррогатом, надуманными столкновениями и противоречиями.

Подлинная проблемность или даже сомнения не допускались ни по отношению к настоящему, ни по отношению к прошлому. Характерен эпизод с выходом в СССР одного из лучших романов Э. Хемингуэя — «По ком звонит колокол». Автор не мог не сказать всей правды о гражданской войне в Испании, изобразив хаос и штабную неразбериху интербригад, поведав о кровавых зверствах комиссара Марти, расстреливавшего своих, республиканцев. Попытки опубликовать роман наталкивались на противодействие М. А. Суслова (к нему обратилась Д. Ибаррури, указав на искажение образов коммунистов у американского писателя). Роман увидел свет лишь в 1968 году (в 3-м томе собрания

сочинений) опять-таки со значительными купюрами[546].

Сюжет с выходом книги Хемингуэя — лишь типичнейший случай в ряду сотен и сотен других. Для приукрашивания, примитивизации истории или сокрытия истины купировались, сокращались произведения Толстого, Достоевского (публикация писем и «Дневника писателя» в академическом собрании сочинений долгое время была под вопросом), Горького, Булгакова и других зарубежных и отечественных авторов. Многие из них находились в опале или просто подлежали забвению. С каким трудом, например, вышли первое сильно сокращенное издание «Философии общего дела» Н. Федорова или книга А. Лосева о Вл. Соловьеве (тираж последней вообще полностью разослали по провинции). И эти примеры можно множить и множить. Конечно, не обязательно в каждом конкретном случае запрет исходил непосредственно от Михаила Андреевича. Созданная и поддерживаемая им разветвленная система цензуры, маленькие и большие чиновники были не только хорошими исполнителями, но и весьма инициативными работниками.

«И В ГРОБ СХОДЯ, БЛАГОСЛОВИЛ…»

Последние годы жизни

Суслов был не слишком крепок здоровьем. В молодости он перенес туберкулез, в более зрелом возрасте у него развился сахарный диабет. Когда он работал в Ставрополье и Литве, то после бурных объяснений с тем или иным работником у него случались припадки, сходные с эпилептическими. В 1976 году Суслов перенес инфаркт миокарда. Он уже не выносил больших нагрузок и не мог много работать. По требованию врачей занимался делами не более трех-четырех часов в день. Правда, по необходимости режим часто нарушался.

Обычно большинство правительственных машин двигалось по отведенной для них полосе на стремительной скорости — около 120 километров в час. Но Суслов не позволял своему шоферу делать более 60 километров в час. Так «тихоходом» он достигал Кремля, иногда останавливая машину возле Исторического музея. От Вечного огня через Александровский сад медленно шел в Кремль. Более продолжительных прогулок позволить себе не мог. Когда у Суслова побаливало сердце, он не возвращался домой, а оставался на ночь в специальной палате правительственной больницы на улице Грановского.

В последние годы дел не убавлялось. Все основные решения о «диссидентах» — высылка А. И. Солженицына, ссылка А. Д. Сахарова, «обмен» Л. Корвалана (руководителя компартии Чили) на В. Буковского, арест активистов «хельсинкских групп» — принимались при участии Суслова. Среди разбиравшихся дел «диссидентов и антисоветчиков» было и дело А. Зиновьева, опубликовавшего в 1976 году на Западе книгу «Зияющие высоты» — глубокий социологический анализ современного советского общества. Возмущенный Суслов вначале настаивал на аресте, но затем Зиновьева только уволили с работы, лишили званий и наград (за участие в Великой Отечественной войне). Когда же в 1978 году за рубежом появился новый антиутопический роман Зиновьева «Светлое будущее», в котором открыто критиковался Л. И. Брежнев, официальному терпению наступил предел. Во избежание судебного процесса автору вместе с семьей было предложено покинуть страну в течение пяти дней.

На исходе 70-х у Суслова сложились хорошие отношения с художником Ильей Глазуновым, долгое время считавшимся чуть ли не опальным живописцем. Тот получил разрешение устроить

огромную персональную выставку в Манеже, что считалось большой честью. Успех был шумным и превзошел все ожидания. И. Глазунов написал портрет Суслова (до этого по фотографиям он изобразил Леонида Ильича на фоне Кремля и собора Василия Блаженного). Суслову собственный портрет понравился. Конечно, сближение вовсе не означало поддержки Сусловым пестрой и разноидейной группы русофилов, у них были другие могущественные покровители в советских верхах.

Немало хлопот в начале 80-х возникло у Суслова с театральными делами. Разгорелся спор между Институтом марксизма-ленинизма и МХАТом по поводу постановки пьесы М. Шатрова «Так победим!» — о последних годах жизни Ленина. В этой полемике за решением Секретариата ЦК о запрете стояло «авторитетное мнение» Суслова. В духе времени автор пьесы ожидал скорых оргвыводов — лишения партбилета[547]. Чтобы спасти спектакль, Шатров и главный режиссер театра О. Ефремов решили обратиться в политбюро к Черненко, так как Брежнев был болен и уже плохо ориентировался в реальной жизни. Для Черненко неожиданно оказалось выгодным защитить пьесу и театр. Авторам была предоставлена возможность «улучшить свое произведение». Немало неприятностей Суслову по-прежнему доставлял и Театр на Таганке.

Кроме этого, ему пришлось заниматься и некоторыми щепетильными делами о хищениях и коррупции, в которых оказались замешаны крупные партийные работники и люди с достаточно громкими фамилиями. У Андропова был собран огромный разоблачительный материал. К таким перегрузкам Суслов уже оказался неспособен. Он сильно постарел, у него были поражены атеросклерозом сосуды сердца и мозга, ему нельзя было не только много работать, но и волноваться. Но высокий пост обязывал: творившееся кругом наваливалось, принося неприятные известия и конфликты. После одного внешне спокойного, но крайне резкого по существу разговора у Суслова возникло острое нарушение кровообращения в сосудах мозга. Он потерял сознание и через несколько дней скончался.

Последние годы его жизни за обыденной, текущей суетой ознаменовались и важными событиями. Суслов был активным участником обсуждения и разрешения важнейших вопросов: 100-летия со дня рождения Иосифа Сталина, ввода советских войск в Афганистан и широкомасштабного кризиса государственной власти в социалистической Польше. Этим, по сути, увенчались многолетние усилия Михаила Андреевича на поприще идеологии. Остановимся подробнее на каждом из событий.

Мы уже рассказывали о том, что с середины 60-х годов

вначале подспудно, а затем и в открытую под предлогом исторической объективности или защиты социализма от нападок буржуазной идеологии происходила медленная, но неуклонная реабилитация Сталина. В литературе (издаваемой в СССР) правда о той эпохе «пробивалась» намеками. Зато широко распространялась иная версия «заслуг»: Сталин — организатор побед в Отечественной войне, «мудрый полководец», коллективизация — это решительный шаг вперед в сельском хозяйстве, сопровождавшийся кулацким саботажем, и т. п. Все это так или иначе воспроизводилось в массовых тиражах романов Стаднюка, Маркова, Чаковского, А. Иванова. Тот же миф усиленно пропагандировался кино (эпопея «Освобождение» Ю. Озерова). Историческая наука и вовсе была зажата в узкие рамки допустимого.

Итак, 100-летний юбилей Сталина, по сути, завершил и оформил документально все предшествующие усилия, весь «накопленный опыт». Была сделана попытка навсегда «закрыть» вопрос о сталинизме, сформулировав окончательные подходы и оценки: «Исполнилось 100 лет со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина (Джугашвили) — видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения» — так начиналась редакционная статья «Правды» от 21 декабря 1979 года. Попробуем разобраться в предложенной в ней М. А. Сусловым «концепции» исторических событий. «Объективность» (это поистине символичное для мышления и поведения Суслова слово) утверждалась уже с первых характеристик «сложной и противоречивой исторической фигуры» Сталина. Задним числом выхолащивался и критический заряд первых разоблачительных документов — они были сведены к довольно банальному и отстраненному выводу: «Партия дала исчерпывающую оценку деятельности Сталина в решениях своих съездов, в постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 года „О преодолении культа личности и его последствий“. В этих документах отмечено, что деятельность Сталина необходимо рассматривать в связи с конкретной исторической обстановкой, объективно оценивая как положительные, так и отрицательные стороны его деятельности».

В чем же заключалась декларируемая под предлогом юбилея объективность? Анализ сосредоточился не на социально-политических, экономических корнях и истоках сталинизма, а ушел в сторону описания часто надуманных и гипертрофированных в пользу сусловской версии «исторических обстоятельств». Это был первый опыт строительства социализма, а непроторенная дорога чревата ошибками и заблуждениями, да

и движение было затруднено ожесточенной классовой борьбой, которая сделала вопрос «кто кого?» главным и однозначным; и партию подрывали враждебные течения — троцкисты, бухаринцы, националисты… Все это вызвало «временные ограничения демократии», то есть и жесткий курс (а следовательно, масштабное насилие), избранный Сталиным. В этой годами, десятилетиями разрабатываемой Сусловым (вслед вульгарному марксизму) детерминистской схеме «личность — обстоятельства» последние, когда нужно, играют поистине фатальную роль. Отсюда политика Сталина представала единственно необходимой, что косвенно оправдывало преступления сталинизма: «В борьбе за победу социализма огромную роль сыграли руководящие кадры Коммунистической партии и Советского государства. В их числе был и И. В. Сталин. Он активно отстаивал принципы марксизма-ленинизма, дело партии. Он решительно выступал против троцкистов, правых оппортунистов, против происков империализма. В этой политической и идейной борьбе Сталин приобрел большой авторитет и популярность». Итак, все вернулось на круги своя. Когда-то предложенная «Кратким курсом» история партии вновь почти через сорок лет была реанимирована Сусловым.

Очевидно, что из сегодняшних дней мы, «искушенные» знанием — горьким и ужасающим, — видим это настойчивое стремление «переписать» историю и обелить сталинизм. Ведь ни слова не сказано о миллионах жертв насильственной коллективизации и спровоцированного голода, о цене социалистической индустриализации, о лжи и фальсификации процессов над «идейными врагами», о многом другом. Здесь критическим возмущенным комментариям не будет конца.

Но помимо имевшегося «диктата обстоятельств» природа и корни сталинизма истолковывались и далее примитивно и убого — как следствие личных недостатков самого Сталина, невольным заложником которых стал он сам, подталкиваемый льстецами, а вместе с ним и вся многострадальная страна: «В первые годы без В. И. Ленина Сталин считался с его критическими замечаниями. Но в дальнейшем он стал переоценивать свои заслуги, уверовал в собственную непогрешимость. Некоторые ограничения внутрипартийной и советской демократии, неизбежные в обстановке ожесточенной борьбы с классовым врагом и его агентурой, Сталин стал возводить в норму, обосновывая это своим ошибочным тезисом об обострении классовой борьбы в условиях социализма. Были допущены серьезные нарушения советской законности и массовые репрессии. В результате невинно пострадали многие видные деятели партии и

государства, крупные военачальники, честные коммунисты и беспартийные советские люди». Таким образом, преступный террор против собственного народа преподносился и под расплывчатой формулировкой «невинно пострадали», и в странном (видимо, ограниченном 37-м годом) порядке перечисления, с бесконечными оговорками и объяснениями. Кроме того, перечисленные объективно отрицательные стороны затем затмевались мифом о Сталине — стратеге и военачальнике, организаторе послевоенного восстановления страны.

Вся эта неуклюжая, безнравственная реабилитация осуществлялась и с другой целью: показать неизменность и поступательность развития государства, когда отдельные ошибки Сталина никак не затронули социализм, подчеркнуть преемственность руководства.

В конце 1979 года резко обострилась внутриполитическая обстановка в Афганистане: борьба за власть между враждующими группировками в правящей революционной партии приняла вооруженные формы. Нестабильность усугублялась и внешним курсом Х. Амина, пришедшего к руководству после убийства Тараки, и ростом сопротивления вооруженной оппозиции. В этой катастрофической ситуации руководство Афганистана (во главе с Б. Кармалем) обратилось к Советскому Союзу с просьбой оказать военную помощь и ввести войска. Как теперь известно, решение принималось приватно, узким кругом лиц в политбюро. Сторонником вооруженной поддержки был и М. А. Суслов. О последствиях этого непродуманного шага сегодня сказано достаточно. Приведем лишь отрывок из воспоминаний А. А. Громыко (министра иностранных дел СССР): «В соответствии с Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве (от 5 декабря 1978 г.) правительство республики Афганистан обратилось к Советскому Союзу с просьбой оказать поддержку Афганской народной армии. Дополнительную остроту обстановке придало убийство генерального секретаря ЦК Народно-демократической партии Афганистана Тараки, от правительства которого исходили просьбы о помощи. Этот кровавый акт произвел потрясающее впечатление на все советское руководство. Л. И. Брежнев особенно тяжело переживал его гибель… После того как решение было принято на Политбюро (12 декабря 1979 г.), я зашел в кабинет Брежнева и сказал: „Не стоит ли решение о вводе наших войск оформить как-то по государственной линии?“ Брежнев не стал отвечать сразу. Он взял телефонную трубку: „Михаил Андреевич, не зайдешь ли ко мне? Есть потребность посоветоваться“. Появился Суслов. Брежнев проинформировал его о нашем разговоре. От себя он

добавил: „В сложившейся обстановке, видимо, нужно принимать решение срочно — либо игнорировать обращение Афганистана с просьбой о помощи, либо спасти народную власть и действовать в соответствии с советско-афганским договором“. Суслов сказал: „У нас с Афганистаном имеется договор, и надо обязательства по нему выполнять быстро, раз мы уже решили. А на ЦК обсудим позднее…“[548]»

Реакция в мире на ввод «ограниченного контингента советских войск» в Афганистан была бурной и по преимуществу негативной. Да и внутри страны отношение было далеко не однозначно. Потребовались масштабные пропагандистские усилия в средствах массовой информации. По вопросу об Афганистане высказались практически все партийные руководители на встречах с избирателями (в Верховный Совет РСФСР). В феврале 1980 года Суслов на собрании избирателей в Тольятти больше внимания посвятил не проблемам города или области, а международной обстановке: «Действия агрессивных сил империализма и реакции особенно наглядно проявились в связи с событиями в Иране и Афганистане. Империализм использует любые средства для усиления вмешательства во внутренние дела Ирана в целях обеспечения своих корыстных интересов. Напротив, наше правительство неизменно выступает за развитие добрососедских отношений с Ираном на основе равенства, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга… Объединенные силы реакции развернули после освободительной революции в Афганистане активную подрывную деятельность против его народа, повели, по сути дела, необъявленную войну против этой страны с целью задушить революцию и использовать территорию Афганистана для провокаций против Советского Союза. Помощь в борьбе с внешней агрессией, оказанная Советским Союзом Афганистану по просьбе его руководства, была использована правительством США в качестве предлога для того, чтобы развернуть кампанию шантажа, клеветы и угроз в адрес нашей страны»[549].

Не успело пройти и несколько месяцев с начала боевых действий в Афганистане, как партийное руководство страны было поставлено еще перед одной болезненной проблемой: острый политический и социальный кризис разразился в Польше. Причем Михаил Андреевич побывал в ПНР в феврале 1980 года, где принял участие в работе VIII съезда ПОРП. Уже тогда в атмосфере чувствовалась напряженность. Озабоченность этим прозвучала и в речи Суслова, адресованной делегатам съезда: «В докладе (первого секретаря ПОРП Э. Терека. — *Авт.*) и выступлениях делегатов трезво и откровенно сказано и о непростых проблемах,

и о трудностях, с которыми вы сейчас сталкиваетесь… Потребуется, конечно, много сил и настойчивости, чтобы решить задачи, которые вы перед собой ставите, добиться дальнейшего упрочения позиций социализма во всех сферах жизни, построения развитого социалистического общества»[550].

Гроза разразилась к осени 80-го. Начались массовые забастовки и выступления рабочих (в Гданьске, Щецине и других местах), выдвигавших наряду с экономическими и социальными еще и политические требования. Тогда же организационно оформился свободный профсоюз «Солидарность», превратившийся в главную оппозиционную силу существующей власти. Э. Терек и другие партийные руководители, замешанные в коррупции и прочих должностных преступлениях, ушли в отставку. Первым секретарем ПОРП стал С. Каня. После затянувшейся конфронтации начались переговоры правительства с бастующими и лидерами «Солидарности». Как интерпретировались социальные потрясения в Польше в советской прессе, нетрудно представить. Растерянный Суслов (как и некоторые влиятельные члены политбюро) был сторонником «силовой» линии. Приведем краткую хронику событий: в октябре в Варшаве состоялось заседание Комитета министров иностранных дел государств — участников Варшавского договора, 30 октября первый секретарь ЦК ПОРП С. Каня и председатель Совета министров ПНР Ю. Пиньковский прибыли для переговоров в Москву, в начале ноября прошли совместные учения советских и польских войск, в начале декабря 7-й пленум ЦК ПОРП принял решение о созыве чрезвычайного IX съезда партии, 5 декабря произошла встреча руководящих деятелей государств Варшавского договора в Москве. В советскую делегацию входили Брежнев, Суслов и Тихонов. В ходе двусторонних переговоров Суслов стремился отговорить польский ЦК от проведения чрезвычайного съезда ПОРП путем не контролируемых аппаратом прямых выборов делегатов. Но он смог добиться лишь некоторой отсрочки съезда. По инициативе Суслова было составлено письмо ЦК КПСС руководству Польской объединенной рабочей партии.

Обстановка в Польше в течение 1981 года все время ухудшалась. Ощутимой разрядки и стабилизации не принес и IX съезд ПОРП. Думается, в Москве не раз обсуждался вопрос о «военной помощи» Польше. Но восторжествовала разумная позиция. Развязка наступила 15 декабря, когда ТАСС сообщил, что в ПНР введено военное положение на территории всей страны. Во главе государства встал Военный совет национального спасения с В. Ярузельским. Это было необходимое компромиссное

решение, которое, несомненно, спасло польское общество от дальнейшего раскола и возможной гражданской войны. Незадолго до смерти Суслова, в начале января 1982 года, состоялась острая дискуссия с руководством компартии Италии о правомерности введения военного положения в Польше.

…Смерть Суслова вызвала немало толков и прогнозов, но немногие испытывали чувство искреннего горя и сожаления, проходя мимо его гроба в Колонном зале Дома союзов или наблюдая за торжественной процедурой похорон по телевизору. На небольшом кладбище у Кремлевской стены уже не так много свободных участков. Но для Суслова нашли место рядом с могилой Сталина.

ПОСЛЕ СМЕРТИ

М. А. Суслов и судьба авторитарно-бюрократической системы

Попробуем восстановить в общих чертах хронику событий, последовавших за кончиной Суслова 25 января 1982 года. 27 января «Правда» и другие газеты напечатали некролог и медицинское заключение о смерти. В течение нескольких дней гроб с телом покойного был выставлен для прощания в Колонном зале Дома союзов. Газеты были полны сообщений об официальной скорби. Церемония прощания была хорошо организована. 29 января состоялись похороны.

Траурный митинг на Красной площади открыл Генеральный секретарь Л. И. Брежнев, среди прочих высоких слов и восхвалений произнесший также: «Неоценим вклад Михаила Андреевича в идейно-воспитательную работу партии, в разработку ее важнейших теоретических документов, в формирование и претворение в жизнь международной политики КПСС». Далее следовали еще более «точные» характеристики: «Он (Суслов. — *Авт.*) был известен коммунистам и широким кругам трудящихся многих стран как человек, беззаветно преданный великому учению Маркса — Энгельса — Ленина, твердо стоящий на страже его революционных принципов и активно помогающий его творческому развитию нашей партией на основе опыта современной эпохи».

Прошло время — и мы ясно ощутили последствия влияния главного идеолога на международные отношения (резко ухудшившиеся после введения советских войск в Афганистан); с трудом начали избавляться от наследия той жесткой и негибкой политики, о «неоценимом вкладе» Суслова в которую говорил Брежнев. Прошло время — и риторический образ «стоящего на страже» Суслова воспринимается буквально как синоним охранительства, а понятие «творческое развитие» в данном случае предстает как воплощение догматизма, мертвенности мысли и торжества «высокой» демагогии, демагогии лозунгов и общих мест.

Дифирамбы Брежнева подхватил секретарь Московской партийной организации В. В. Гришин: «Он (Суслов. — *Авт.)* являл собой образец высокой партийности, организованности, ленинского стиля в работе… Михаил Андреевич был верным соратником Леонида Ильича Брежнева, пламенным пропагандистом и проводником ленинского курса». Прошло

время — и слова о «верном соратнике» и «проводнике» (которые с равным основанием можно отнести и к эпохе сталинизма, и к годам руководства Хрущева) звучат иронически, почти как насмешка.

Затем выступил вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев. Он убежденно провозгласил: «Вся деятельность т. Суслова являла живой пример ленинской партийности в идеологии и высокой политической бдительности… Многочисленные кадры советской интеллигенции высоко ценят заботу Суслова о развитии науки и культуры, о научно-техническом и культурном прогрессе нашей социалистической Родины…»[551]

Прошло время — и возвращенные из небытия книги, спектакли, кинофильмы, картины и музыкальные произведения, а главное — множество искалеченных судеб художников достаточно свидетельствуют о цене этой самой «бдительности» и «заботы». Прошло время — и мы осознали (может быть, еще не в полной мере) ответственность выступавших тогда с трибуны Мавзолея ораторов за экономический и духовный застой в стране, за необыкновенно развившуюся коррупцию, взяточничество, воровство, нравственное безразличие, ложь и лицемерие.

Прошло время — и воссозданная нами сцена «проводов в последний путь» (несмотря на трагизм смерти любого человека) воспринимается скорее как трагический фарс. Следующим его актом стали мероприятия по увековечению памяти Суслова. В постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР говорилось: «Решено присвоить имя М. А. Суслова Ростовскому государственному университету и Невинномысскому оросительному каналу в Ставропольском крае, а также установить мемориальные доски в память М. А. Суслова на здании Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова, в котором он учился, на здании Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, где М. А. Суслов вел преподавательскую работу, и на доме № 19 по улице Большая Бронная в г. Москве, где он жил. Кроме того, поручено Мосгорисполкому, Ленгорисполкому и Ульяновскому облисполкому решить соответственно вопрос о присвоении имени М. А. Суслова одной из новых улиц в г. Москве и г. Ленинграде и одной из средних школ в Ульяновской области, а Министерству морского флота — о присвоении имени М. А. Суслова одному из пассажирских морских судов»[552].

Правда, некоторые «материальные знаки» памяти оказались недолговечными. Летом 1988 года мемориальная доска на здании МГУ (факультет журналистики) оказалась… залитой чернилами.

Конечно, подобный способ протеста вряд ли можно одобрить. То же самое повторилось, однако, в Ставрополье — мемориальная табличка на бетонном сооружении Невинномысского канала также была облита краской. В столице события развивались стремительно. Руководство факультета журналистики обратилось в партком университета с просьбой снять доску. Испорченный мемориальный знак временно прикрыли мешковиной, но после того как она несколько раз была сорвана, заключили в основательный металлический футляр с надписью «Ремонт». Ни студенты, ни преподаватели вуза не хотели соглашаться с присутствием имени Суслова на здании первого университета страны, здании, непосредственно связанном с историей отечественной культуры (здесь преподавали В. О. Ключевский, С. М. Соловьев, Ф. И. Буслаев, Н. Е. Жуковский и другие). Был проведен опрос общественного мнения, в результате которого выяснилось, что многим будущим экономистам и историкам имя бывшего главного идеолога вообще неизвестно, а большинство опрошенных студентов и преподавателей (86 %) высказались за удаление «спорной мемориальной доски». Эту просьбу поддержали ректорат и партком МГУ. В феврале 1989 года здание было освобождено от мемориальной доски.

Видимо, ту же участь разделят и два музея Суслова, созданные после его смерти как бы по инициативе местных властей. Один был открыт в городе Хвалынске, в здании, некогда возведенном по личному распоряжению Михаила Андреевича в канун собственного 75-летнего юбилея. Наверное, о своем мемориале Суслов заботился заблаговременно. Тогда же внутри были выложены три больших панно из кварцита, изображавшие Суслова, Брежнева и Ленина. Часть экспозиции составили документы, фотографии и личные вещи Суслова, переданные его дочерью. Другой весьма схожий по фондам музей был организован в родном селе Шаховском Ульяновской области.

Правда, ситуация, складывающаяся вокруг «мемориала» Суслова на его родине, в селе Шаховском, сложная и неоднозначная. В конце зимы 1988 года здесь прошли своего рода «политические демонстрации» против… очернения и осквернения «светлой памяти» знатного и заслуженного земляка, дважды Героя Социалистического Труда, бывшего члена политбюро, почетного пионера местной школьной дружины и т. д. и т. п.

Шаховчане в «праведном гневе» воспрепятствовали съемкам приехавшей в село группы Центрального телевидения, а позднее составили возмущенное письмо в центральные органы с требованием прекратить порочащие имя Суслова выступления в прессе и по телевидению. Впрочем, подобная самоотверженность

в отстаивании «честного имени» земляка объясняется не только благородным стремлением к исторической справедливости, а имеет и обыденные, вполне «земные» причины.

К чести М. А. Суслова, он не забывал родного села, не обходил его помощью и заботой, своим покровительством и «вельможной милостью». Так, после разорительного пожара, случившегося в 1949 году, пострадавшему Шаховскому была оказана срочная необходимая помощь (Суслов, по рассказам местных старожилов, тогда уже секретарь «сталинского» ЦК, откликнулся на просьбы односельчан-ходоков).

В 60—70-е годы с ростом могущества и влияния главного идеолога в стране его отношения с земляками становились все более теплыми и трогательными, к несомненному удовольствию обеих сторон. Шаховское постоянно стало ощущать действенную заботу и попечение своего властного чиновного уроженца. Главный инженер областного управления коммунального хозяйства А. В. Слесарев вспоминает: «Шаховское начали штурмом благоустраивать, строить новые здания и сооружения: библиотеку, гостиницу, Дом культуры, школу, котельную… В институте Ульяновскграждан-проект открыли зеленую улицу для проектирования объектов села… Для строительства были мобилизованы… строители из Ульяновска и Димитровграда, а также коммунальщики областного центра. Село Шаховское стало в области объектом строительства № 1. Все важное и срочное отступило на второй план…»[553]

Впрочем, в Шаховском в долгу перед Сусловым не желали оставаться. В старой школе был восстановлен «сусловский» класс-музей, новая школа стала носить имя Михаила Андреевича (он сам торжественно перерезал алую ленточку на открытии под аплодисменты), «следопыты» обнаружили в окрестном лесу некую «сусловскую поляну», Суслова произвели в почетные пионеры, а стараниями местных живописцев было создано монументальное полотно «В родных местах», на котором Михаил Андреевич был изображен в глубоком раздумье на берегу реки Избалык. Местное телевидение выпустило документальный фильм о пребывании Суслова в родных местах. Чтобы «высокий гость» не испытывал неудобств и мог отдохнуть от неусыпных государственных забот, в селе выстроили небольшую, но прекрасно оборудованную по тем временам гостиницу. Но все же, несмотря на все старания, в настоящие дни обширный «персональный мемориал» пребывает в запустении.

В последние годы общественность страны все активнее выступает за переименование объектов, носящих имя Суслова. Но пока еще существует средняя школа в Ульяновской области, еще

бороздит морские просторы теплоход «Михаил Суслов» (в 1989 году он был зафрахтован бывшей ГДР, и дальнейшая судьба его неизвестна). И все же избавиться от имени Суслова на зданиях гораздо легче, чем изжить оставленное им наследство в области идеологии, политики и культуры.

Прорыв всей громоздкой и угрюмой плотины, сковывавшей свободное течение общественной и духовной жизни нашей страны, начался, как известно, в апреле 1985 года. Попытка социализма обрести новый нравственный статус одновременно должна была повлечь неизбежную политическую смерть М. А. Суслова, а точнее, той авторитарной идеологической системы, творцом и слугой которой он был. Но недуг оказался более серьезным и запущенным, чем виделось поначалу; рождающееся в муках новое нередко поражено этой тяжелой наследственной болезнью.

Международная атмосфера стала чище и свободнее в результате последовательных инициатив нашего государства; мир постепенно освобождается от угнетавшего страха и недоверия, от затяжной и изнурительной конфронтации. «Холодная война», непрерывное тление которой укрепляло и поддерживало власть Суслова, оправдывая безжизненные идеологические догмы, после Парижской встречи в верхах 1990 года и объединения Германии ушла в прошлое. Отказ от узкого классового подхода, удерживавшего «железный занавес» между миром и страной, открытость и признание главенства общечеловеческих ценностей — все это возвращает международным отношениям нормальное, человеческое измерение. Политическая линия Суслова «сломлена» и внутри Восточной Европы: отказ от силы и диктата в социалистическом лагере привел к распаду авторитарных режимов ГДР, Чехословакии, Болгарии, Румынии.

Значительные сдвиги осуществились и во внутреннем положении страны. Не будем останавливаться подробно на позитивных переменах в политической и общественной жизни; сегодня необходимо отметить другое: в ходе перестройки «наследство» Суслова (поначалу, казалось, безнадежно устарелое и обветшалое), стиль идеологического мышления и поведение, рожденные авторитарной системой, претерпели неожиданную метаморфозу, переродились. Отсутствие политического реализма и здравого смысла, нетерпимость к чужому мнению и любому инакомыслию, нагромождение новых политических стереотипов и мифов, попытки отвлечь внимание от собственной некомпетентности и бесплодия масштабными пропагандистскими кампаниями, поисками виноватых, — весь этот «багаж» Суслова понадобился снова.

Рубежом, разделившим историческое развитие страны на две эпохи, стали три августовских дня 1991 года. Три дня испытаний. Это была, вероятно, последняя отчаянная попытка агонизировавшей авторитарно-бюрократической системы реанимировать, спасти себя, повернуть движение государства вспять. Знакомым «сусловским» духом повеяло от обращений, документов, посулов и обвинений, обнародованных ГКЧП. Но даже запущенный по традиции маховик разоблачительных кампаний (вроде борьбы с преступностью, коррупцией в новых коммерческих структурах) начал пробуксовывать. Увы, вновь разрабатывалась старая, знакомая по октябрю 1964 года, версия: за словами о благе страны, о спасении Отечества, о восстановлении чести и достоинства советского гражданина скрывались все те же партийно-государственные интриги, та же беспощадная и беспринципная борьба за власть, искренняя вера в обветшалые и опрокинутые временем догмы, всякое отсутствие чувства реальности и здравого смысла. Вновь была продемонстрирована скудость предложенных политических средств выхода из кризиса: стремление разрешить все острые экономические, национальные проблемы силой, чрезвычайными мерами.

Удалось избежать масштабных насилия и кровопролития. По иронии судьбы путч носил почти трагифарсовый характер: слишком очевидны были цели переворота, ясна пусто-порожность и беспомощность лозунгов и речей, слишком не соответствовали выбранным высоким ролям «спасителей» страны люди, захватившие власть. Общество выдержало испытание. Горький, очищающий опыт свободы, сознание собственного человеческого достоинства и права на человеческую жизнь, обретенные за короткое время перестройки, оказались сильнее страха и лжи.

В августе победила демократия. Но катастрофическое состояние в экономической, финансовой и политической областях не изменилось. Трудные, неразрешенные вопросы остались. Кризис продолжает нарастать и углубляться.

И главное. Завершился (или оборвался) курс, начатый в 1985 году, — курс эволюции общества, постепенных реформ и мирного парламентского перехода от тоталитаризма к демократии. Уникальное умение проводить среднюю линию в общественном развитии (находить компромиссы, избегать открытой борьбы и конфронтации, добиваться согласия) в который раз было отвергнуто. И вина за это лежит не только на старых, цеплявшихся за власть партийногосударственных структурах. Опять востребован столь знакомый России по XX веку путь быстрой ломки, скачков и революции. А этот путь неизбежно

обострил политическую борьбу за власть. Долгожданное освобождение от авторитаризма и тоталитаризма вновь может остаться иллюзией. Слишком многие черпают свое вдохновение в сусловском стиле руководства.

После августовского путча стремительными темпами начался развал старого Союза. Фактически были подорваны выстраданные результаты ново-огаревского процесса, отброшены результаты мартовского всенародного референдума. Центробежные силы были ускорены начавшимся после переворота быстрым разрушением центральных структур власти, сказались и результаты прежней изнурительной борьбы. Несомненно, рост национального самосознания, возрождение культуры и языка, стремление к национальному самоопределению и построению собственной государственности можно только приветствовать. Это процесс естественно-исторический. Уходит в прошлое сталинская империя, основанная на диктате силы, подавлении национального чувства и повсеместном внедрении интернационализма (ложно понятого как нечто серое и безликое). Но освобождение от наследия сусловых в области национальной политики и отношений заключается не только в том, чтобы утвердить национальное достоинство и свободу, отбросив как ненужное бывшее ранее в употреблении понятие «советский народ», не только в том, чтобы провозгласить независимость, незыблемость границ, ввести собственную валюту и армию. Самое сложное — установление подлинно демократического правопорядка. А пока образовавшийся вакуум нередко заполняется все теми же жесткими структурами, близкими тоталитаризму, но с другим лицом и названием. Это, хотя и скрыто, содержится в самой сути власти некоторых бывших союзных республик. Здесь и деление населения на граждан «исконных», облеченных правами, и граждан «второго сорта» (и никакие ссылки на «насильственный брак» и заселение не могут служить этому оправданием); здесь и отказ от очевидной логики: добившись права на самоопределение, нельзя препятствовать в этом другим народам; здесь и массовое распространение привычной «революционной» фразеологии и риторики: о врагах народа и нации, об агентах Кремля и ставленниках имперской Москвы, виноватых во всех бедах и неудачах новой власти; здесь и политические преследования инакомыслящих, контроль за прессой и другими средствами массовой информации, негласная цензура и т. п.; здесь и постоянно подогреваемая и неутихающая политическая борьба, в которой одна кампания сменяется другой. И за всем этим скрываются некомпетентность, безграмотность, отсутствие практического опыта и навыков руководства,

безответственность, дефицит политической культуры и реализма.

И все-таки согласие и новый союз необходимы. Иначе вполне вероятно образование на месте бывшей державы неустойчивой системы республик, разрозненных, зависимых и враждующих друг с другом. Эта угроза тем более реальна, так как процессы государственной эрозии охватывают и РСФСР. Может повториться уже пережитый опыт Февральской революции 1917 года, когда каждый уездный городишко стремился быстро объявить себя самостоятельной независимой республикой. В качестве исторического курьеза можно упомянуть о провозглашении в апреле 1917 года Шлиссельбургской державы, в которой каждая волость мыслилась чем-то подобным американским штатам.

В свое время о характере нарождавшихся в России республиканских, демократических движений размышлял русский философ и правовед И. А. Ильин: «Рассматривая республиканское движение в России XIX и XX века, исследователь все время изумляется тому отсутствию чувства ответственности, которое республиканцы обнаруживают на каждом шагу. Им и в голову не приходит, что они судят о незнаемом как о чем-то простом и ясном; — что они не знают ни веры, ни правосознания, ни хозяйства, ни истории, ни соблазнов того народа, судьбами которого они хотят распоряжаться; — что все политические суждения их отвлеченны и схематичны, а по отношению к России беспочвенны и претенциозны; — что у них нет никакого политического опыта, а есть только заимствованная на Западе политическая доктрина. Отравленные бакунинской верой в то, что „дух разрушения есть созидательный дух“, они ожидают „спасения“ от исторического крушения России и воображают, что переход к демократической республике удастся русскому народу без особых затруднений»[554].

Для утверждения демократии и полного изживания остатков авторитарно-бюрократической системы, помимо трудных экономических реформ, необходимо формирование новой политической культуры и гражданского правосознания. Современное общество болезненно политизировано. А это создает почву для воспроизводства тоталитарных привычек и порядков. Как верно писал тот же И. А. Ильин: «Политика отнюдь не должна поглощать духовные силы и творческий досуг народа. Кипение в политических разногласиях, страстях и интригах есть своего рода „ярмарка тщеславия“, азарт честолюбия, школа интриги, скачка с препятствиями, растрата народных сил и жизненных возможностей»[555]. Политика должна стать сферой деятельности профессионалов. Не менее существенно и другое: воспитание гражданского правосознания, независимого и не подчиняющегося

идеологии и партийным установкам, основанного на сочетании чувства свободы и сознательной дисциплины.

Тектонический сдвиг в последние годы произошел в обширном пространстве культуры. Отечественная история, втиснутая в жесткую мертвенную схему «Краткого курса», начинает высвобождаться от узости классового подхода, возвращаясь к правде факта и многообразию интерпретаций. Наконец-то впервые за годы советской власти вышла к читателю «История государства Российского» Н. Карамзина, доступными стали глубокие исследования С. Соловьева и В. Ключевского. Постепенно в массовом потоке воспоминаний, документов, публикаций вырисовывается трагический образ отечественной истории XX века.

Со временем пришло понимание того, что за 70 лет марксизм не стал единственно «правильным и верным» учением, потому что все «прочие идеалистические бредни» (определение в духе Суслова) с порога отвергались; непрочитанные и неисследованные, они огульно приговаривались к забвению. Часть нашего национального богатства составляет «нравственно взыскующая» русская религиозная философия — Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Розанов, В. Соловьев, П. Флоренский. К сожалению, традиции ее оказались искусственно прерванными. В трудном, почти кризисном положении оказалась марксистская теория, да и материалистическая философия вообще. Слишком непосильной для творчества стала монополия сусловых.

Искусство постепенно раскрепощается, шаг за шагом высвобождаясь из идеологического плена. Торжество соцреализма, некогда провозглашенное с высоких трибун и зафиксированное в учебниках, при здравом рассмотрении оказалось фантомом, этаким подпоручиком Киже, возникшим ниоткуда и исчезнувшим неизвестно куда. Сегодня соцреализм представляет собой исторический интерес. Жесткий партийный диктат, рассматривавшийся Сусловым как главное средство развития культуры, тоже приобретает оттенок архаики. Более того, публично признаны ошибочность и неуместность директивных, в духе ждановских постановлений, методов руководства. Постепенно от идеологических стереотипов и вульгарных социологических схем движение литературы возвращается в единственно возможную систему координат: нравственно-эстетическую. Особенно это очевидно теперь, когда мы «заново» обрели, казалось, навсегда запрещенные книги А. Платонова, М. Булгакова, В. Гроссмана, В. Шаламова, А. Ахматовой, Ю. Домбровского и многих других. Положен конец и пресловутому разрыву отечественной словесности на «два

потока», на две истории. Удивительно органичной частью российской культуры предстал творческий опыт деятелей послеоктябрьской эмиграции: Е. Замятина, И. Шмелева, Б. Зайцева, В. Ходасевича, В. Набокова, А. Аверченко и многих других, до недавнего времени с нелегкой руки сусловых носивших тяжеловесные, «чугунные» ярлыки «белогвардейщины», «идеологически чуждых», «заблудившихся» и т. п. Многое глубже и яснее им было видно издалека, в вынужденном изгнании.

Весь этот вулканический процесс вызвал и неизбежную масштабную переоценку прежних идеалов и устоявшихся взглядов. Еще предстоит освободить зерна от плевел, создать подлинную историю советской литературы: драматичную, исполненную страстей и конфликтов вместо «пресной» и благостно прогрессивной в духе сусловских представлений. Заинтересованного, непредвзятого осмысления ждет творчество былых столпов советской литературы — М. Горького, В. Маяковского, М. Шолохова, А. Толстого, А. Фадеева, переживших личную трагедию, испытавших на себе и давление системы, и искушение близостью власти. Эти писатели больше всего пострадали от безжизненной односторонности оценок официальной идеологии.

Постепенно, хотя и болезненно, в сфере духовной культуры восстанавливается единственно возможный и плодотворный способ ее существования — диалог (утраченный еще после революции). Вместо нетерпимости, суррогата деления на «свое» и «чужое» с последующими оргвыводами (как было заведено у Суслова и подчиненного ему аппарата) предполагается уважение к иной точке зрения. Необходимо заинтересованное стремление понять и причаститься к ее внутреннему личностному смыслу. И после — спорить и взаимообогащаться. Диалог потребует воспитания серьезного и свободного от идеологических предрассудков читателя, становления нового языка общения писателей, критиков. Увы, пока полемические страсти и идеологическая непримиримость усиливаются, мешая нормальному течению духовной жизни. При этом предвзятость, нежелание выслушать противоположную сторону, внутренняя несвобода, навязывание собственных, без сомнений понимаемых как единственно правильные политических убеждений отличают не только ретроградов и ревнителей старины, но и авторов, приверженных демократии и прогрессу. Слишком всеобъемлющ оказывается культурный вакуум, созданный Сусловым. Но некоторые шаги все же сделаны. Это показательно и по отношению к именам и книгам А. Галича, Н. Коржавина, В. Максимова, А. Солженицына, некогда насильно высланных или

вынужденных уехать из СССР не без содействия Суслова, и по отношению к зарубежным писателям — Д. Оруэллу, О. Хаксли, А. Кестлеру и другим.

Возрождаются не только книги, но и художественные фильмы. А. Тарковский, К. Муратова, А. Сокуров, А. Михалков-Кончаловский — вот далеко не полный перечень режиссеров, произведения которых возвращены на экраны страны за последние годы. Более того, наконец советский зритель может самостоятельно разобраться и оценить фильмы Л. Бюнюэля, Ф. Феллини, Б. Фосса, М. Феррери, М. Формана, сам может «ужаснуться» «разложению и деградации» современной западной поп- и рок-культуры. Сам может увидеть «извращенное восприятие действительности» С. Дали или «формализм и безыдейность» русского авангарда XX века. Сегодня приобщение к каждому новому имени художника или мыслителя, к его самобытному таланту, индивидуально неповторимому восприятию мира становится важным общественным актом, разрушающим ту внушительную стену между человеком и культурой, которую столь старательно вслед за Ждановым возводил и Суслов.

Творчеству (и авторскому, и читательскому) возвращен существенный его момент — свобода выбора темы, подхода, точки зрения того или иного фильма, той или иной книги, статьи. Скудный, официально умеренный рацион канул в Лету. Но здесь рождается парадокс, грозящий остановить начавшийся процесс на полпути. Свобода столкнулась с зияющим отсутствием культуры: самовыражение и в части словесного ремесла, и особенно кинопроизводства обернулось или разнузданной «чернухой», или странной одержимостью, не знающей никаких рамок морали. У всякой свободы, и художественной в том числе, есть то, что не дает ей превратиться в хаос, а делает фактом культуры. Это — ответственность. Ответственность (перед совестью или перед Богом) писателя, режиссера, с одной стороны, и читателя, зрителя — с другой. Об этом в свое время напряженно размышлял М. Бахтин: «Три области человеческой культуры: наука, искусство и жизнь — обретают единство только в личности, которая приобщает их к своему единству. Но связь эта может стать механической, внешней… Что же гарантирует внутреннюю связь элементов личности? Только единство ответственности. За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своей жизнью, чтобы все пережитое и понятое не осталось бездейственным в ней. Но с ответственностью связана и вина. Не только понести взаимную ответственность должны жизнь и искусство, но и вину друг за друга. Поэт должен помнить, что в пошлой прозе жизни

виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребовательность и несерьезность его жизненных вопросов. Личность должна стать сплошь ответственной…»[556]

Было бы иллюзией полагать, что авторитарную идеологическую систему с разветвленным аппаратом и «пленной мысли раздраженьем» легко устранить. Попытка проследить судьбу одного человека (пусть и весьма типичную), разобраться в роли, которую сыграл Суслов в истории нашей страны, — лишь незначительный шаг в этом направлении. То и дело воспроизводятся «двойники» Михаила Андреевича, «люди из бумажки», маленькие наполеоны. И среда их обитания отнюдь не ограничивается старым гос- и партаппаратом; подобием Суслова наводнены новые демократические структуры, политизированные и идеологизированные совсем в прежнем духе. Могущество системы — и в угнетающем контроле за личностью и сферами общественной жизни, в стойкости стереотипов и мифов, навязанных прежде, и новых, втолковываемых сегодня. Сила ее в осевшем страхе, несвободе, оборачивающейся нетерпимостью, в постоянной оглядке на авторитеты. И поэтому пока имя Суслова принадлежит не только прошлому…

ВСЕСОЮЗНЫЙ СТАРОСТА (М. И. Калинин)

Михаил Иванович Калинин — один из виднейших руководителей советской власти и коммунистической партии. Соратник как В. И. Ленина, так и Сталина, он 27 лет находился на посту руководителя верховного органа государственной власти — председателя ВЦИК, потом ЦИК СССР, еще позднее председателя Президиума Верховного Совета СССР. Тем не менее в наше время всеобщей и активной переоценки как многих важнейших событий советской истории, так и почти всех ведущих лидеров КПСС и Советского государства о Калинине говорят и пишут не так часто.

Несмотря на его высокие должности и звания, при жизни Калинину отводилась чаще всего второстепенная, формальная, представительская роль. В иерархии реальной власти Калинин и в 20-е годы занимал не слишком высокое место, а в 30—40-е годы он был попросту бесправен. О нем ходило множество легенд и мифов, о нем писали книги, его подпись стояла под важнейшими документами времени, его называли Всесоюзным старостой. Однако со временем все это стало лишь бутафорией, приукрашенным фасадом, маскировавшим сущность сталинской диктатуры. Конечно, ответственность за весьма умелое выполнение этой роли лежит и на самом Михаиле Ивановиче. И тем не менее его жизненный путь не поддается однозначной оценке, он слишком сложен и противоречив, а по-своему даже трагичен. Попытка хотя бы в общих чертах разобраться в перипетиях драматической судьбы М. И. Калинина входит в задачу нашего очерка.

***

Михаил Калинин родился 7 ноября 1875 года в деревне Верхняя Троица Корчевского уезда Тверской губернии. В многодетной семье небогатого крестьянина Ивана Калиныча и его жены Марии Васильевны Михаил был первенцем, и ему рано пришлось заниматься хозяйством, чтобы помочь прокормить семью. Учиться грамоте Михаил начал у отставного и не особенно грамотного солдата, но в 11-летнем возрасте он смог поступить в начальное земское училище, четырехлетний курс которого он окончил за два года с похвальной грамотой. Он не знал, куда ему теперь деться, и охотно поступил «мальчиком для домашних

услуг» в семью местных помещиков Мордухай-Болтовских, глава которой — генерал и инженер путей сообщения — взял Михаила в свой дом в Петербург. Обязанности лакея молодой Калинин исполнял, по его собственным воспоминаниям, небрежно и плохо, хотя продержался в доме Мордухай-Болтовского почти четыре года. У генерала имелась неплохая библиотека, и Михаил смог прочитать здесь множество книг. В 18-летнем возрасте он смог поступить учеником токаря на казенный военный завод «Старый арсенал», где по вечерам посещал также заводскую школу.

В середине 90-х годов Михаил Калинин перешел работать токарем на известный Путиловский завод, где и завязались его первые политические знакомства. В 1896 году он стал членом Союза борьбы за освобождение рабочего класса. Союз этот был организован при активном участии Ленина, но сам Владимир Ильич в это время был уже арестован. Калинин много читал, и среди различных революционных течений тех лет он сразу же отдал предпочтение социал-демократам, партия которых формально была провозглашена в 1898 году. Очень рано проявилось у Калинина и желание не только к практической, но и творческой работе — его заметки публиковались в газете «Рабочая мысль», он составлял листовки, организовал вокруг себя небольшой кружок из рабочих. Все это привело к первому аресту Калинина и его первой ссылке, но не в Сибирь, а в Тифлис, а затем и в Ревель.

Вскоре после начала первой русской революции М. И. Калинин возвращается в Петербург и становится осенью 1905 года одним из руководителей рабочих дружин Нарвского района столицы. В эти дни он впервые встречается и знакомится с В. И. Лениным. Михаил Иванович был как бы «полупрофессиональным» революционером. Хотя он входил в Союз металлистов Петербурга, был участником IV съезда РСДРП, кандидатом в члены ЦК РСДРП и членом Русского бюро ЦК, он все время находился на легальном положении, и именно работа на заводах оставалась для него главным средством существования. Однако именно тот факт, что Калинин вел в основном практическую деятельность на фабриках и заводах, приводил молодого революционера к частым конфликтам с полицией. Достаточно сказать, что Калинин арестовывался 14 раз и содержался под стражей более 32 месяцев. Но дознание так и не кончалось осуждением, так как полиция часто не могла определить, с кем именно она имеет дело: Калинин часто менял и места работы, и партийные клички — Чужестранец, Живой, Никанор, Август из Ревеля и другие.

В дни Февральской революции М. И. Калинин находился в

Петрограде на нелегальном положении. Он принял участие в массовых демонстрациях и стачках рабочих столицы, не без его участия в столице был восстановлен Петроградский комитет большевиков. Он помог также созданию «Правды», где вскоре под разными псевдонимами стали появляться заметки и статьи самого Калинина.

В 1917 году М. И. Калинин много работал в большевистской фракции Петроградского совета. Надо отметить, что он не сразу принял как «Апрельские тезисы» Ленина, так и муниципальную политику, предложенную Лениным. Калинин считал, что на местном уровне большевики должны вступать в блок с эсерами, меньшевиками и другими левыми партиями, чтобы более эффективно бороться с кадетами и правыми партиями. Позднее он принял тезисы и платформу партийного руководства, но отношение Калинина к огромным массам промежуточных, или, по тогдашней терминологии, «мелкобуржуазных», слоев всегда отличалось от позиции основной части руководства большевиков. На VI съезде партии Калинин не был избран членом ЦК РСДРП. Но он продолжал оставаться одним из наиболее влиятельных и деятельных руководителей Петроградского комитета партии, роль которого в столице была исключительно велика.

В августе 1917 года М. И. Калинин был избран по списку большевиков в руководство Центральной городской думы. А вскоре после победы Октябрьской революции, когда декретом Совнаркома Петроградская дума была распущена и на выборах в ее новый состав большевики одержали впечатляющий успех (188 мест из 200), именно М. И. Калинин был избран председателем этой думы, или городским головой. Однако старые формы муниципальной власти неизбежно вступали в противоречие с новыми условиями. Было принято поэтому решение распустить и новую думу со всеми ее комиссиями, и создать при Петроградском совете более централизованный комиссариат городского хозяйства, во главе которого также встал М. И. Калинин.

Положение в городе было крайне тяжелым. Дворцы, включая и Зимний дворец, практически не охранялись, канализация во многих частях города вышла из строя, простой народ голодал, возрастала угроза эпидемий. К тому же Петроград перестал быть столицей страны — правительство и руководство ЦК переехали в Москву, опасаясь захвата города наступающими германскими дивизиями.

М. И. Калинин и его соратники по комиссариату работали много. Из окраин города было переселено в брошенные или реквизированные квартиры в центре около 300 тысяч рабочих.

Восстанавливалась работа бань, проводилась массовая дезинфекция, налаживалось электрическое хозяйство, для безработных организовывали общественные работы, распределялись скудные запасы продовольствия. Крупные жилые дома были конфискованы у их прежних владельцев. При этом деятельность петроградских властей не ограничивалась границами одного города. Петроград стал фактически столицей всех северных губерний, а также Новгородской губернии, образовавших так называемую Северную коммуну (в нее входили кроме Петроградской и Новгородской губерний также Псковская, Олонецкая, Архангельская и Вологодская).

Калинина в эти недели тяжелейшей работы не оставляла мысль, что большевики слишком изолируют себя от громадных масс мелкой буржуазии и это усложняет выполнение их революционных задач и ведет к излишним тяготам и жертвам. В 1917 году Ленин весьма резко отреагировал на предложения Михаила Ивановича. «Я резко восстаю, — заявлял Ленин, — против товарища Калинина, ибо блок с мелкой буржуазией, с шовинистами — немыслим. Малейшая мысль о блоке с мелкой буржуазией, поддерживаемой буржуазией, это — предательство социализма»[557].

Но Калинина не убеждали доводы В. И. Ленина, и в течение 1918 года он направил Владимиру Ильичу несколько писем, защищая интересы мелкой буржуазии, сильно ущемляемой политикой военного коммунизма. Как известно, осенью 1918 года Ленин провозгласил изменение политики партии по отношению к середняку, и все так называемые комбеды были отменены декретом Совнаркома. Но положение городской мелкой буржуазии продолжало оставаться тяжелым. Калинин решил выступить публично. 25 января 1919 года в «Петроградской правде» (№ 18) была «в порядке дискуссии» опубликована статья М. И. Калинина «Мелкая буржуазия и диктатура пролетариата».

«Я думаю, — писал Калинин, — не погрешая против основных принципов коммунизма, мы можем дать мелкой буржуазии не меньше, чем давал ей капиталистический строй… Наше советское правительство должно гарантировать право на мелкую собственность… Мало ограничиться лишь политическими поблажками, если мы не укрепимся экономически, то таковое сближение будет кратковременным… Международное политическое положение заставляет нас искать более или менее длительного союза с нею, длительный же союз может быть укреплен только экономически… И тут невольно возникает вопрос, какие компенсации мы можем предложить мелкой буржуазии?.. Правительство должно гарантировать право на

мелкую собственность… Правительство разрешает крестьянину, ремесленнику, кустарю, мелкому огороднику, мелкому торговцу, молочнику пользоваться наемным трудом под контролем Совета профессиональных союзов. Большего мелкий буржуа в истории никогда не имел, и его претензии дальше не идут».

По тем временам это были не только разумные, но и смелые предложения. И прежний опыт Калинина и накапливающиеся трудности непосредственного хозяйственного руководства убеждали его, что «военный коммунизм», который в 1919 году еще так не называли и не считали временной политикой, уже изжил себя, что эта политика не может обеспечить ни экономической, ни социальной стабилизации, но для этого надо развивать хотя бы мелкое частное, индивидуальное предпринимательство.

Хотя Ленин и теперь не соглашался с предложениями Калинина, во всяком случае в их полном объеме, именно репутация Михаила Ивановича, как защитника интересов среднего крестьянства и мелкой буржуазии, побудила Владимира Ильича предложить кандидатуру Калинина на высший в РСФСР пост председателя ВЦИК после неожиданной смерти Я. М. Свердлова, сочетавшего до марта 1919 года пост председателя ВЦИК с должностью руководителя Оргбюро ЦК РКП(б).

Калинин был единодушно избран председателем ВЦИК. В то время ему исполнилось 44 года, хотя со своей неизменной бородкой он выглядел старше. Изменилось и положение Калинина в партийном руководстве. Он стал членом Оргбюро ЦК РКП (б) и кандидатом созданного в 1919 году Политбюро ЦК РКП(б).

***

На посту председателя ВЦИК Калинин работал много и энергично. Вскоре после своего избрания он предпринял поездку по стране и побывал на большинстве фронтов Гражданской войны — на сформированном для этой цели агитационно-инструкторском поезде «Октябрьская революция».

Всего за 2 года после избрания председателем ВЦИК Калинин посетил 50 губерний, 220 городов, 280 волостей, более 300 железнодорожных станций. И везде речи, беседы, встречи — нередко по 4–5 раз в день. Именно в это время Калинина стали в народе уважительно называть Всероссийским старостой. Как известно, старосты были в прошлом у деревенских общин и их избирали обычно из числа наиболее грамотных и уважаемых

крестьян. Для простого крестьянина названия «комиссар», «председатель ВЦИК» были малопонятны, а «всероссийский староста» — это что-то понятное, свое.

Троцкий позднее писал, что это он предложил первым кандидатуру Калинина, тогда как Ленин предлагал кандидатуру Л. Каменева. Есть версия и о том, что Троцкий, поздравляя Калинина с избранием, воскликнул: «Твой отец был деревенским старостой, а ты теперь — всероссийский!» Но мы не располагаем фактами, подтверждающими, что отец Калинина был действительно деревенским старостой.

Ленин согласился на кандидатуру Калинина, а почетное неофициальное звание «всероссийский староста» Михаил Иванович получил от народа.

Калинин не только агитировал «за Советскую власть». Ему поручалось и вести важные переговоры с ее неустойчивыми союзниками или противниками. Он, например, успешно провел переговоры с Н. Махно о совместных действиях против Деникина. Но он не справился с ситуацией в Кронштадте, куда еще до начала восстания его направили для урегулирования вспыхнувшего здесь волнения.

Речь Калинина на большом митинге на Якорной площади успеха не имела. Когда он прибыл в Кронштадт, то гарнизон встретил его приветственным салютом и музыкой. Однако после неудачных переговоров и выступлений Михаилу Ивановичу вообще с большим трудом удалось выбраться из мятежной крепости. Он не сумел найти компромиссного решения и в запальчивости назвал кронштадтцев «предателями», «мошенниками», угрожая им жестоким подавлением в случае неподчинения распоряжениям ВЦИК и Совета народных комиссаров. Чем кончилось выступление Кронштадта — хорошо известно, как известно, что этот трагический эпизод из истории Гражданской войны ускорил принятие новой экономической политики (нэпа).

Калинин полностью поддержал новую экономическую политику. Еще в 1919–1920 годах во время своих поездок по стране он убедился в неэффективности продразверстки и нередко отменял те или иные жестокие меры по конфискации продовольствия у крестьян, которые предписывала центральная власть. На этой почве у него случались конфликты и с Лениным. Можно привести, например, одну из телеграмм Ленина (написанную, впрочем, рукой наркома продовольствия Цюрупы): «Симбирск и по месту нахождения Председателю ВЦИК Калинину. Продовольственники станции Атящево жалуются, что Вашим распоряжением отправляется картофель мешочников,

цены взвинчены, заготовки приостановлены. Считаем абсолютно необходимым воздержаться от дачи технических конкретных указаний и распоряжений по продовольственным вопросам, отменяющих декреты, нарушающих общую продовольственную политику. От имени Политбюро ЦК Ленин. 13 мая 1919 г.»[558].

В 1921–1922 годах в Поволжье возник страшный голод. Активное участие в помощи голодающим принял и ВЦИК во главе с Калининым. Он занимался, однако, не только всеми делами голодающих губерний. М. И. Калининым был подписан и Декрет ВЦИК от 23 февраля 1922 года об изъятии церковных ценностей в целях получения средств для борьбы с голодом. Эта мера, предложенная Лениным, была направлена не только на помощь голодающим, но и на то, чтобы сломить сопротивление церкви, которая с самого начала Октябрьской революции не поддержала советское правительство. В ряде городов и районов изъятие церковных ценностей привело к столкновениям с верующими и к жестоким наказаниям священников. Вообще как главе государства Калинину приходилось подписывать не только распоряжения об отмене смертных приговоров, но и приведении их в исполнение. Даже при агитационном поезде Михаила Ивановича функционировал революционный трибунал, возглавляемый представителем ВЧК.

Окончание Гражданской войны и принятие новой экономической политики привели к относительно быстрой стабилизации как внутреннего, так и международного положения нашей страны. Образовался новый Союз Советских Социалистических Республик — СССР, и в ЦИК СССР в первые годы председательствовали по очереди главы ЦИК союзных республик. Мало кто знает, например, что в первые 3 месяца существования СССР на заседаниях ЦИК председательствовал не М. Калинин, а Г. Петровский — глава украинского ЦИК. Но с увеличением числа союзных республик их руководители становились не сопредседателями, а заместителями председателя ЦИК СССР, которым стал М. И. Калинин. Он теперь меньше ездил по стране, но расширил прием населения, причем часы и дни приема граждан самим Калининым указывались в печати.

В своих последних статьях и заметках В. И. Ленин предлагал расширить контрольные права ВЦИК по отношению к наркоматам и всему СНК, а также расширить представительство рабочих и крестьян в составе ЦИК и ВЦИК. Вместе с тем Владимир Ильич нередко незаслуженно обходил вниманием попытки Калинина самостоятельно решать идеологические и теоретические вопросы советского строительства. Ленин ценил в Калинине в первую очередь его опыт практической работы и умение завязывать

тесные контакты с беспартийными массами. Известно, что при обсуждении разного рода вопросов в политбюро Ленин не раз поворачивался к Калинину и с дружеской иронией спрашивал: «А что скажет по этому поводу глава государства?» Глава государства!

Как писал позднее Л. Троцкий: «Калинин не скоро научился узнавать себя под этим высоким псевдонимом. Бывший тверской крестьянин и петербургский рабочий, он держал себя на своем неожиданно высоком посту достаточно скромно и, во всяком случае, осторожно. Лишь постепенно советская пресса утвердила его имя и авторитет в глазах страны. Правда, правящий слой долго не брал Калинина всерьез… Благодаря широкому охвату своих встреч и бесед он вносил немало ценных житейских наблюдений. Его предложения, правда, принимались редко. Но его соображения выслушивались не без внимания и так или иначе принимались в расчет…»[559]

С началом новой экономической политики к мнению и предложениям Калинина стали прислушиваться гораздо более внимательно, ибо оказалось, что эти предложения бывшего тверского крестьянина и петербургского рабочего во многих случаях куда более разумны, чем предложения самоуверенного и более европейски образованного Троцкого да и многих других коллег Калинина в политбюро. Можно сказать с уверенностью, что именно в период 1924–1928 годов, когда в стране стала поощряться частная экономическая инициатива, изменилась общественная атмосфера и появилась, пусть и весьма относительная, свобода дискуссий. Именно в это время Калинин сумел реализовать свои лучшие качества: опыт и знание крестьянской психологии и уклада, внимание к интересам городских мелкобуржуазных слоев, нелюбовь к жестким, насильственным мерам. Теперь уже не только пресса, а частые выступления Калинина в прессе утверждают его авторитет.

На время нэпа приходятся и лучшие теоретические работы Калинина, его лучшие выступления на съездах и пленумах партии. Показателен такой факт: еще за несколько месяцев до начала XIII съезда партии Калинин опубликовал в «Крестьянской газете» текст своего предполагаемого выступления на съезде и обратился к читателям газеты высказать откровенно свое мнение. Писем было много, часть из них публиковалась вместе с ответами Михаила Ивановича. Калинин призывал в своих статьях не злоупотреблять понятием «кулак» и в практической работе, и в политике, убедительно показывая на многих примерах, что в «кулаки» и «лишенцы» (люди, лишенные избирательных прав) многие партийные и советские органы на местах записывают

крестьян, которые должны служить примером трудолюбия, а не разоблачаться, как «кулаки».

Известно, что многие из видных большевиков, главным образом из числа «левой» оппозиции, боролись против углубления политики нэпа. Даже Ф. Дзержинский, возглавлявший тогда не только ГПУ, но и ВСНХ, предлагал нередко принимать жесткие меры против частников. Между тем суровые меры против частных торговцев и мелких промышленников наносили ущерб не только нэпманам, но и всему населению городов и сел. Калинин решительно протестовал против свертывания политики нэпа, хотя идейное руководство новой экономической политикой осуществляла группа Бухарина, Рыкова и Томского. Обычно Калинин всегда соглашался с предложениями этой группы в политбюро.

К сожалению, политика нэпа не только не получила развития, но и не смогла утвердиться в нашей стране даже в ее достаточно умеренных формах. Логика борьбы политических течений в обществе и логика борьбы за личную власть, развернутая в первую очередь Сталиным, стала все больше и больше отражаться на экономической политике партии, внося в нее элементы волюнтаризма и авантюризма, не совместимые с рыночными отношениями и нормальным экономическим развитием. С 1928 года в партии началась борьба с так называемым «правым» уклоном, 1929 год получил в нашей истории наименование года «великого перелома», 1930 год стал началом «сплошной коллективизации» и «ликвидации кулачества как класса».

Калинин не был сторонником ни чрезвычайных, ни крайних мер в деревне и городе. На первом этапе борьбы с правыми Калинин поддерживал Бухарина и его группу. Это делали нередко также и такие члены и кандидаты в члены политбюро, как Ворошилов, Киров, Микоян, Куйбышев. На каждого из них Сталин оказывал все более и более сильное давление.

Калинин никогда не был тем, кого принято называть сильным лидером. Не чужды были ему и многие человеческие слабости, а также развращающее влияние власти и привилегий, которых он не хотел лишиться. Поэтому шантаж и давление Сталина достигли цели: Калинин был политически и морально сломан, и с начала 30-х годов уже никогда, в сущности, не выступал против Сталина. В награду за «послушание» Сталин оставил Калинину все его посты и привилегии.

Калинин полностью поддержал в 1930–1931 годах все драконовские меры сталинского руководства против крестьянства и городской мелкой буржуазии. В архиве Калинина можно найти сотни тысяч писем крестьян с описанием ужасов

коллективизации. Но только в нескольких случаях Калинин оказал помощь отдельным середнякам, которых также нередко выселяли на север и восток как «кулаков».

Подпись Калинина стоит под постановлением ЦИК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации…». Этот закон от 7 августа 1932 года привел к аресту и длительному заключению миллионов бедняков и середняков — «за колоски», как говорили в народе. Голодных крестьян арестовывали за «кражу» горсти зерна у колхоза, хотя именно эти люди вырастили это зерно. Подпись Калинина скрепляет и Постановление о паспортной системе, превратившее сельских жителей в граждан «второго сорта», практически в крепостных, лишая их свободы передвижения. Подпись Калинина стоит и под чудовищным по своей жестокости постановлением от 1 декабря 1934 года «О порядке ведения дел о подготовке и совершении террористических актов». Это постановление оставалось главной юридической нормой для большей части псевдосудебных процедур 30—40-х годов. Но и система внесудебных репрессий, распространение всех видов уголовного законодательства на детей с 12-летнего возраста и многие другие акты сталинского произвола были одобрены не только резолюциями Сталина или Молотова, но и актами ЦИК СССР за подписью Калинина. Уголовное наказание за опоздание, прогул, за самовольный уход с работы, за мелкие хищения — все это драконовское законодательство 1940 года также скреплено подписью Михаила Ивановича.

Но и имя Калинина мы встречаем теперь гораздо чаще не только в печати. Многие приветствия вождям партии и правительства направляются в Москву на имя Сталина, Молотова, Калинина.

Еще в 1925 году жители Кимрского уезда Тверской губернии хотели переименовать небольшой город Кимры в честь М. И. Калинина. Тот очень просил воздержаться от подобного решения, мотивируя свою просьбу следующим образом: «Я считаю совершенно излишним переименовывать уезд моим именем. У нас и так все переименовывается. Я считаю, что старые названия надо сохранять. Быстрые переименования, по вдохновению, ничем не вызываются, и они бесполезны… Правду говорят, что новая метла чисто метет, но наша власть и так много переименовывала… Кимры — название очень интересное, по-моему, его надо беречь. Кроме того, Калининский уезд уже имеется, кажется, в Белоруссии, волостей — тоже достаточное количество, поэтому я решительно возражаю. Это нецелесообразно практически, и, наконец, это доказывает нашу

чрезмерную спешку, наше неуважение до известной степени к прошлому. Конечно, мы боремся с прошлым, строим новое — это верно, но все, что было ценного в прошлом, мы должны брать. Вот когда мы умрем и пройдет лет пятьдесят после нашей смерти и наши потомки поймут, что мы совершили что-то заслуживающее внимания, тогда они смогут вынести решение, а мы еще молоды, товарищи, и мы не можем себя оценивать. Слишком самоуверенно думать, что мы заслуживаем переименования места нашим именем»[560].

Это был не театральный жест, но трезвая самооценка, характеризующая отсутствие у Калинина 20-х годов чрезмерного тщеславия и амбиций. Но в 30-е годы мы видим уже другого Калинина. Он возражал против переименования города Твери, но уступил давлению Сталина. Более того, постановление ЦИК о переименовании города Твери в город Калинин было подписано самим Калининым, хотя такое постановление мог бы подписать в 1931 году любой из заместителей Калинина. Но из робкого оппонента Сталина он уже превратился в его соратника — безвольного, безвластного и послушного.

В 1936–1938 годах жестокий террор обрушился и на ЦИК СССР. Были арестованы большинство членов ЦИК СССР, а позднее и многие члены Президиума Верховного Совета СССР. Я уже не говорю о сотнях работников аппарата, который обслуживал ЦИК СССР и Верховный Совет СССР. Известна судьба секретаря ЦИК СССР, недавнего друга не только Калинина, но и Сталина, А. С. Енукидзе, который был расстрелян в 1937 году. Погибли и другие секретари ЦИК СССР: А. Ф. Кисилев, И. А. Акулов, И. С. Уншлихт (уцелел лишь А. Ф. Горкин). Именно Калинин должен был давать санкцию на арест работников и членов ЦИК и Верховного Совета, хотя среди них имелось немало и его личных друзей.

Бывший член ЦИК СССР, бывший председатель горсовета города Казани П. Аксенов, сумевший выжить в страшных условиях лагерей и через 18 лет после ареста вернувшийся в Казань, где он стал почетным гражданином города, был награжден орденом Ленина в связи с 90-летием, рассказывал мне, что его арестовали прямо на заседании ЦИК СССР. Его попросили пройти из зала заседаний в кабинет Калинина, где кроме хозяина сидели трое работников НКВД, предъявивших Аксенову ордер на арест. Михаил Иванович плакал и со слезами на глазах обнял Аксенова, произнося тихим голосом что-то вроде просьбы о прощении. Но, тепло попрощавшись с Аксеновым, Всесоюзный староста тут же отстранился, предоставив действовать сотрудникам НКВД. О полной внутренней опустошенности и безволии Калинина свидетельствует и такой эпизод. В

сохранившейся стенограмме встречи Калинина с жителями Хибиногорска Мурманской области (ныне город Кировск) записана такая фраза Калинина: «Ничего у меня не просите, я человек безвластный. Обращайтесь к Молотову».

Репрессии коснулись и семьи самого М. И. Калинина. В 1938 году была арестована и осуждена на 15 лет лагерей жена Калинина. В последние годы они жили раздельно, но не в разводе. Еще в 1931 году жена Калинина руководила одной из строек на Алтае, потом работала в Верховном суде РСФСР. Имеется свидетельство, что она резко выступала на партийных собраниях, заявляя, что многие решения Верховного суда недостаточно обоснованы. Калинин несколько раз униженно просил Сталина об освобождении жены. Он просил об этом и в начале войны, но Сталин высокомерно ответил, что разберется в этом деле после окончания войны. Был арестован, но освобожден в 1940 году муж дочери Калинина — кадровый военный. Уже после войны при не выясненных до конца обстоятельствах покончил с собой сын Калинина — Валерьян Михайлович, долгое время работавший в США.

Калинин и в 1937–1938 годах получал, видимо, миллионы писем от заключенных и их родственников. Некоторые из них я читал по архивным копиям. Особенно тяжело читать письма детей, которые просили за своих родителей. Но на письмах нет пометок, сделанных рукой Михаила Ивановича, он, в сущности, и не пытался кому-либо помочь, хотя его биографы и приводят несколько случаев вмешательства Калинина в судьбу арестованных. Калинин продолжал вести и прием посетителей. Но если речь заходила о помощи арестованным, Калинин нередко отвечал: «У меня жена арестована, и я не могу ей ничем помочь. И вам я также ничем не могу помочь».

В годы Отечественной войны М. И. Калинин не входил в состав Государственного Комитета Обороны. Он оставался формальным главой государства, принимал послов, подписывал указы Президиума о награждениях и вручал награжденным самые высокие награды. Калинин выезжал нередко на фронт и в освобожденные районы, выступал по радио и в печати. Конечно, эта деятельность была теперь гораздо менее интенсивной, чем во время Гражданской войны. Но Калинину было к началу войны уже 65 лет, и он не отличался крепким здоровьем.

За годы войны было опубликовано более 100 речей, статей и бесед Калинина, более 30 брошюр, а также много сборников его произведений. Однако если в 20-е годы в статьях и беседах Калинина можно встретить немало интересных и оригинальных мыслей и наблюдений, то всего этого начисто лишены работы

Калинина 30—40-х годов. Его произведения собраны в сборники по тематическому признаку — «Калинин о коммунистическом воспитании», «М. И. Калинин об искусстве и литературе», «М. И. Калинин о вопросах советского строительства». В этой связи в официальных биографиях Калинина представляют нередко как выдающегося теоретика, крупнейшего марксиста, как человека, внесшего немалый вклад в развитие советской литературы и искусства. Но все это не более чем миф. Я — кандидат педагогических наук и при изучении педагогики должен был в обязательном порядке читать работы не только Ушинского или Макаренко, но также и Калинина. Почти все его выступления и статьи на педагогические темы содержат прописные истины, в них нет даже элементов какой-либо оригинальной системы коммунистического воспитания. Столь же мало нам, педагогам, помогал в нашей практической работе и сборник статей Калинина «О коммунистической нравственности». Думаю, что то же самое могли бы сказать и писатели, и художники.

Почти сразу же после окончания войны Калинин тяжело заболел. Сталин выполнил свое обещание и распорядился освободить жену Калинина и снять с нее обвинения. Она еще смогла ухаживать за больным мужем и, когда Михаил Иванович скончался в 1946 году, сопровождала гроб с телом мужа, идя к месту его погребения на Красной площади вместе со Сталиным и другими членами политбюро.

Легенды о добром и отзывчивом Всесоюзном старосте живы и по сегодняшний день. И тем не менее мы не можем забыть того факта, что Калинин был все-таки одной из важных фигур в свите Сталина, прикрывая своей популярностью в народе и авторитетом произвол тоталитарного режима. Жители старинного русского города Твери были поэтому совершенно правы, когда потребовали изменить название своего города. Они перестали гордиться своим земляком.

БИБЛИОГРАФИЯ

Авторханов А. Загадки смерти Сталина. Франкфурт-на-Майне, 1976. *Аллилуева С.* Только один год. Нью-Йорк, 1970.

Бартоли Г. Когда умер Сталин. Штутгарт, 1974.

Бергер И. Крушение поколения. Флоренция, 1973.

Бухарин Н. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.

Волкогонов Д. Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина: В 2 кн. М., 1989.

Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1971.

Гнедин Е. Выход из лабиринта. Нью-Йорк, 1982.

Гнедин Е. Из истории отношений между СССР и фашистской Германией. Нью-Йорк, 1977.

Гнедин Е. Катастрофа и второе рождение. Амстердам, 1977.

Елагин Ю. Укрощение искусства. Нью-Йорк — Иерусалим — Париж, 1952.

Иванов Ю. Осторожно: сионизм! М., 1969.

Караулов А. Вокруг Кремля: Книга политических диалогов. М., 1990.

Кольман Арношт (Эрнест). Мы не должны были так жить. Нью-Йорк, 1982.

Кондратьев З. Дороги войны. М., 1968.

Куманев Г. Война и железнодорожный транспорт СССР. М., 1988. *Кэхан С.* Кремлевский волк. Нью-Йорк, 1987.

Левитин-Краснов А. Рук твоих жар. Тель-Авив, 1979.

Мальков П. Записки коменданта Кремля. М., 1967.

Мандельштам Н. Воспоминания. Париж, 1970.

Мемуары Д. Шостаковича. (Записаны С. Волковым). Гамбург, 1979.

Молотов В. В борьбе за социализм. М., 1935.

Никулин Ю. Почти серьезно… М., 1982.

Новиков В. Накануне и в дни испытаний. М., 1988.

Норд Л. Маршал Тухачевский. Париж, 1978.

Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. Нью-Йорк — Иерусалим — Париж, 1983.

Полетаев В. На путях к новой Москве. М., 1961.

Свирский Г. На лобном месте. Лондон, 1979.

Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1988.

Стаднюк И. Война. М., 1981.

Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1939.

Троцкий Л. Портреты революционеров. Вермонт, 1988.

Хрущев Н. Воспоминания. Избранные отрывки. Нью-Йорк,

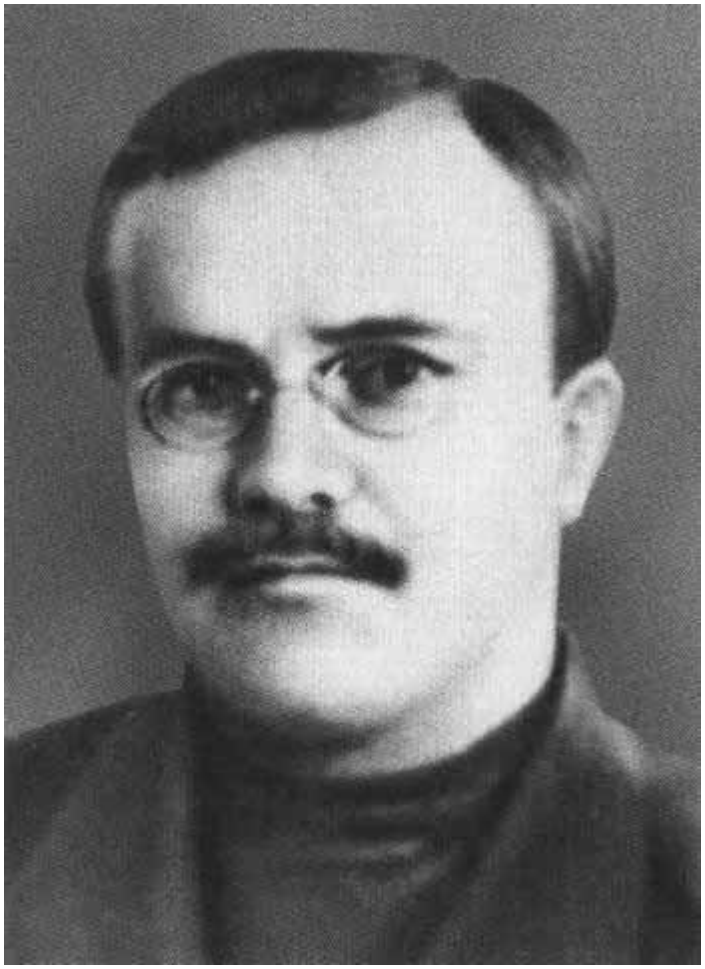
1979.

Черчилль У. Вторая мировая война. Кн.1. От войны до войны (1919–1939). Нью-Йорк, 1954.

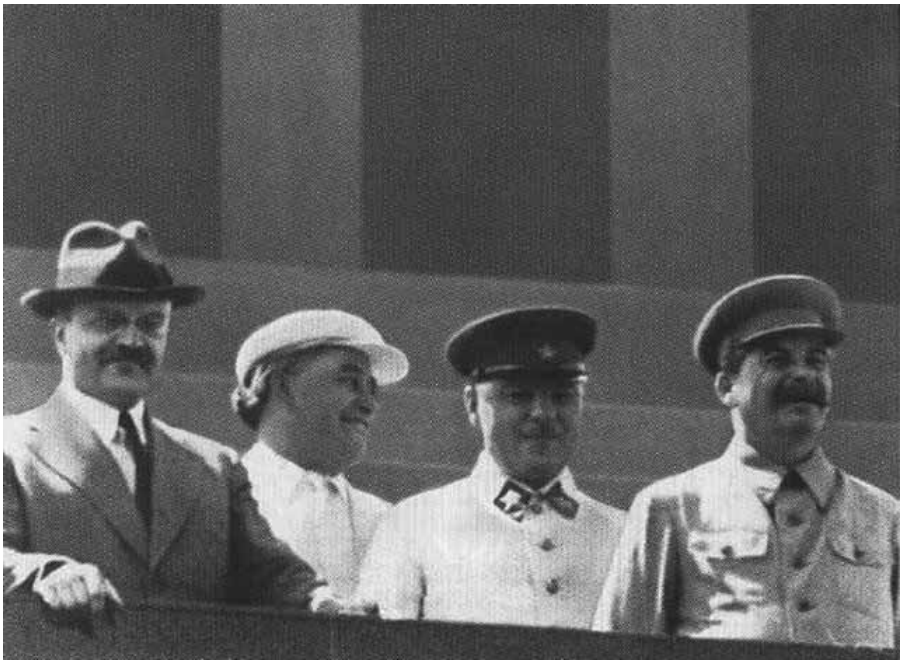
Шахурин А. Крылья победы. М., 1985.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Иосиф Виссарионович Сталин.



Вячеслав Михайлович Молотов.



И. Сталин, К. Ворошилов, Г. Димитров и В. Молотов на трибуне Мавзолея. *1939 г.*

Выборы в Верховный Совет Союза ССР. На избирательном участке И. Сталин, В. Молотов и К. Ворошилов. *1937 г.*

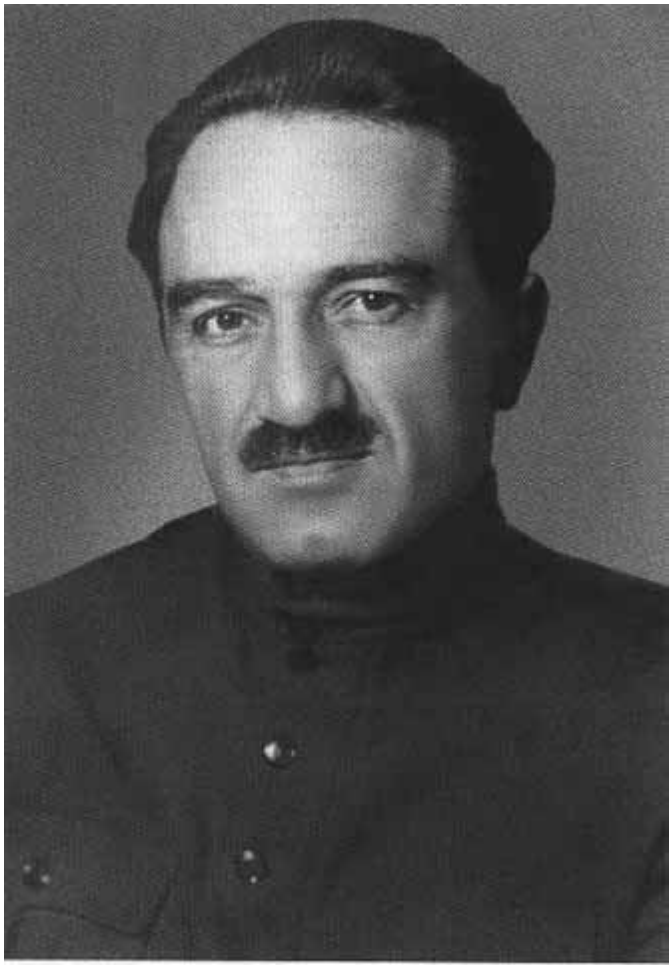
Демонстрация трудящихся, приуроченная к выборам в Верховный Совет Союза ССР. *1937 г.*

В. М. Молотов за рабочим столом в Кремле.

Ближайшее окружение И. Сталина. *Нижний ряд*: Г. Орджоникидзе, В. Молотов, С. Киров. *Верхний ряд*: К. Ворошилов, Л. Каганович, В. Куйбышев.

Лазарь Моисеевич Каганович.

Раньше Московский метрополитен носил имя Л. Кагановича.



Анастас Иванович Микоян.

С. Киров, Л. Каганович, С. Орджоникидзе, И. Сталин, А. Микоян возвращаются с первомайского парада. *1932 г.*

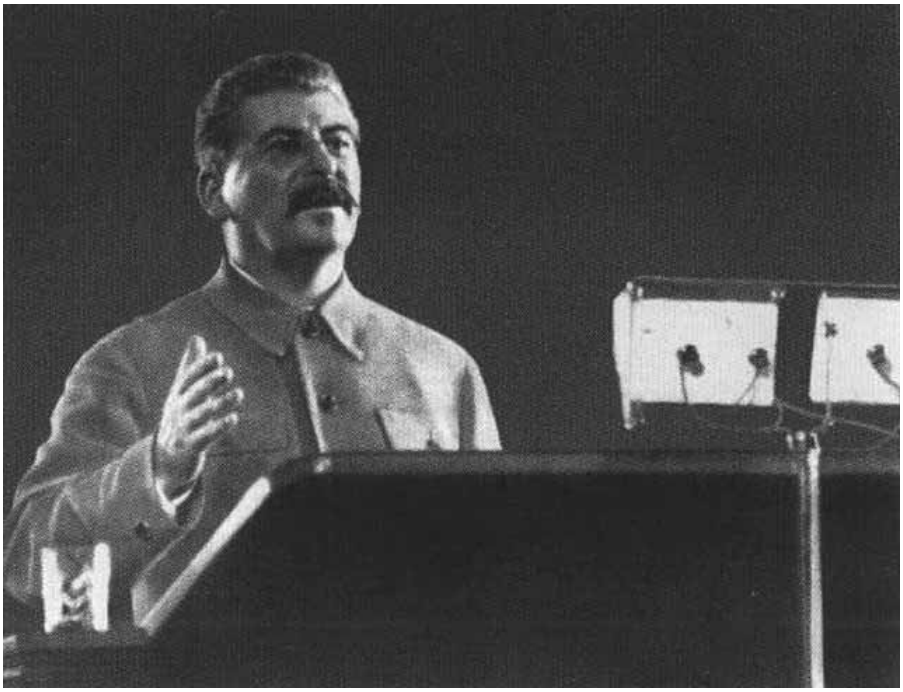
Первые лица государства — И. Сталин, С. Орджоникидзе и А. Микоян.

И. Сталин со своим окружением на партийной конференции.

Климент Ефремович Ворошилов.

И. Сталин и К. Ворошилов, друзья и сподвижники. *1935 г.*

Иосиф Сталин и Климент Ворошилов в Кремле. *Художник Л. М. Герасимов. 1938 г.*



И. Сталин выступает на предвыборном собрании избирателей. *11 декабря 1937 г.*

Л. Берия и Г. Маленков перед парадом на Красной площади.

И. Сталин, Л. Берия, А. Микоян и Г. Маленков направляются на трибуну Мавзолея.

Георгий Максимилианович Маленков.

Дружеское рукопожатие генералиссимуса И. Сталина и шефа-идеолога партии М. Суслова.

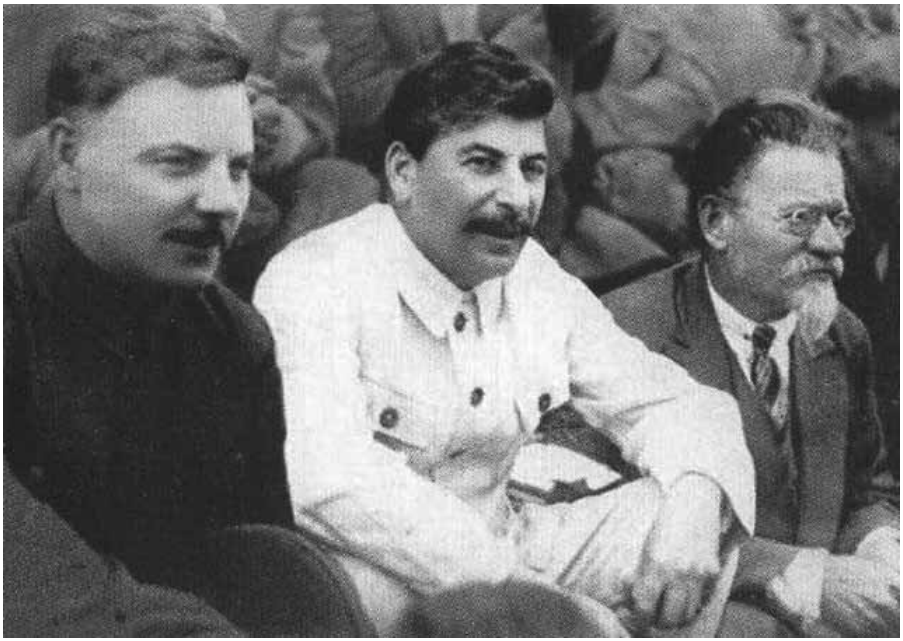
Михаил Андреевич Суслов.

Справа налево: член Президиума ЦК КПСС М. Суслов, председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Шверник, зам. председателя Совмина СССР В. Малышев.

Михаил Иванович Калинин.

Добрый дедушка Калинин среди детей.

Тверь, родной город М. Калинина.



И. Сталин в окружении соратников. *Слева*: К. Ворошилов, *справа*: М. Калинин.

Заседание Президиума Верховного Совета СССР.

Военный парад на площади им. В. В. Куйбышева. На трибуне представители советского правительства М. И. Калинин и К. Е. Ворошилов. *Куйбышев, 7 ноября 1941 г.*

notes

Примечания

1

Смит Х. Русские. Нью-Йорк, 1976. С. 195–196.

2

См.: *Буков К., Самородов А.* Правая рука // Московская правда. 1989. 6 апреля.

Молотов В. В борьбе за социализм. М., 1935. С. 76.

Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Париж, 1970. С. 167.

5

Подробнее об этом см.: *Зеленин И. Е.* О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С. 12–13.

6

Сейчас главы из этой книги опубликованы и у нас. См.: Огонек. 1989. № 46–52.

7

Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. Нью-Йорк — Иерусалим — Париж, 1983. С. 154–159.

8

См.: *Вайнштейн Л.* Дело братьев Старостиных // Московские новости. 1989. 29 января.

9

«За ненадобностью вернуть гр-ну Капице…» Три письма из личного архива // Советская культура. 1988. 21 мая.

10

«Протестую против безудержного своевластия». Переписка академика И. П. Павлова с В. М. Молотовым // Советская культура. 1989. 14 января.

11

Елагин Ю. Укрощение искусств. Нью-Йорк, 1952. С 101.

12

См.: Волкогонов Д. Триумф и трагедия // Октябрь. 1988. № 12. С. 117.

13

Гнедин Е. Из истории отношений между СССР и фашистской Германией. Нью-Йорк, 1977. С. 34–35.

Bohlen C. Witness to History. N. Y., 1973. P. 64.

Рощин А. В Наркоминделе накануне войны // Международная жизнь. 1988. № 4. С. 124–126.

16

См.: *Назарова З.* Письмо в редакцию журнала «Международная жизнь» // Международная жизнь. 1988. № 1. С. 116.

17

Гнедин Е. Катастрофа и второе рождение. Амстердам, 1977. С. 291.

18

Цит. по: *Рощин Л.* В Наркоминделе накануне войны // Международная жизнь. 1988. № 4. С. 126.

Bohlen C. Witness to History. P. 74.

Bohlen C. Witness to History. P. 82.

21

Правда. 1989. 28 декабря.

22

Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР. 31 октября — ноября 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 9.

23

Там же. С. 8.

24

Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. От войны до войны (1919–1939). Нью-Йорк, 1954. С. 387–388.

Bohlen C. Witness to History. P. 380.

Левитин-Краснов А. Рук твоих жар. Тель-Авив, 1979. С. 105–108. О встрече Сталина с руководителями Русской православной церкви можно прочесть и в советских изданиях. См., например: Атеистические чтения. 1990. Вып. 19. С. 52–55.

27

Цит. по: Время и мы. (Иерусалим — Париж — Нью-Йорк). 1979. № 48. С. 161–162.

28

Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1988. С 241–242.

29

См.: *Идашкин Ю.* Знакомый по портретам Давнее интервью с В. М. Молотовым // Литературная Россия. 1988. 22 июля.

30

Правда. 1953. 10 марта.

31

Цит. по: Der Spiegel. 1986. № 36. S. 149–150.

Коммунист. 1955. № 14. С. 127–128.

Гнедин Е. Выход из лабиринта. Нью-Йорк, 1982 С. 112.

Проблемы истории и современность. «Круглый стол» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 2. С. 50.

Micunovic V. Moskovske godine 1956/1958. Zagreb, 1977. S 61, 63.

36

См.: *Micunovic V.* Moskovske godine 1956/1958. S. 446–447.

37

См.: *Буков К., Самородов А.* Правая рука // Московская правда. 1989. 6 апреля.

Аджубей А. Те десять лет // Знамя. 1988. № 6. С. 96.

Аллилуева С. Только один год. Нью-Йорк, 1970. С. 353.

Семенов Ю. Ненаписанные романы // Нева. 1988. № 7. С. 77–78.

Стаднюк И Начало одного начала//Огонек 1986 № 34 С 4–5.

42

Стаднюк И. Война. М., 1981. С. 487–490. (Имя Молотова часто встречается в романах о войне А. Маковского и в романе В. Соколова «Вторжение».)

43

Буачидзе К. Такое длинное, длинное письмо Виктору Астафьеву. Рукопись. Тбилиси.

Идашкин Ю. Знакомый по портретам. Давнее интервью с В. М. Молотовым //Литературная Россия. 1988. 22 июля.

Абрамия К. В гостях у Молотова//Московские новости. 1986. 6 июля.

Известия. 1986. И ноября.

Иванов Ю. С. Осторожно: сионизм! М., Политиздат, 1969. С. 76.

Советский патриот. 1990. № 4. С. 14.

49

Советская Белоруссия Минск 1937 4 ноября. С 2–3.

Советская Белоруссия. Минск. 1937. 4 ноября. С. 3.

51

Ленинское знамя. 1992. 29 января.

52

О Кагановиче в Воронеже. — См.: Коммуна, Воронеж, 24 октября 1934; 26 октября 1934 и 3 ноября 1932.

53

Правда Востока. Ташкент. 1937. 9 декабря. С. 1.

Там же. Ташкент. 1937. 14, 20 ноября. С. 1.

Правда Востока. Ташкент. 1937. 11 декабря. С. 1.

Знание — сила. 1989. № 7. С. 80–81.

Вісті Всеукраіньского Виконавчого Комітету Рад Робітничих, Селяньских Червоноармійшских депутатів. 1925. 6 ноября.

Труд. 1926. 30 октября. С. 3.

Правда. 1926. И ноября. С. 5–6.

Правда Украины. 1988. 11 октября.

Комсомолець Украіни. Харьков. 1927. 7 апреля.

Пролетарий. Харьков. 1927. 4 ноября. С. 2.

63

Пролетарий. Харьков. 1927. 13 октября. С. 1.

Пролетарий. Харьков. 1927. 10 ноября. С. 3.

Там же. 1927. 29 ноября. С. 6.

Пролетарий, Харьков. 1927. 17 ноября. С. 2.

Там же. 29 ноября. С. 6.

Там же. 5 ноября. С. 2.

Там же. 17 ноября. С. 2.

Пролетарий. Харьков. 1927. 17 ноября. С. 2.

71

Коммунист. Харьков. 1928. 24 января.

Там же. 22 января.

Пролетарий. Харьков. 1927. 19 ноября. С. 2.

Пролетарий. Харьков. 1927. 27 ноября. С. 2.

Там же. 1927. 8 декабря. С. 3.

Пролетарий. Харьков. 1927. 6 декабря. С. 3.

Там же. 29 ноября. С. 6.

78

Архив Института истории партии при ЦК КПУ. Ф. 1. Оп. 145а. Ед. хр. 99. Л. 101–103.

Знамя. 1989. № 9. С. 5.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 154.

81

ЦГАОР. Ф. 5451. Оп. 13. Ед. хр. 7. Л. 1.

Там же. Л. 233–238.

83

ЦГАОР. Ф. 5451. Оп. 13. Ед. хр. 7. Л. 243–244.

Труд. 1929. 3 ноября. С. 1.

Там же. С. 2.

Бухарин Н. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.

С. 269.

Там же. С. 264.

Бухарин Н. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.

С. 270.

89

Там же. С. 278.

Правда. 1989. 3 февраля. С. 3.

Неделя. 1989. № 14. С. 6.

92

Труд. 1929. 10 ноября. С. 1.

93

Речь Кагановича. ЦГАОР. Ф. 5451. Оп. 13. Ед. хр. 3. Л. 269–294.

На литературном посту 1930 № 4 С 1

95

Свидетельство делегатов конференции С И Бердичевской и М Цимхлес.

Советский экран. 1989. № 11. С. 14.

Рабочая Москва. 1930. 4—15 июня.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 156.

Московские новости. 1988. № 46.

Вопросы философии. 1989. № 7. С. 134–135.

101

Ежегодник философского общества СССР. 1987–1988. С. 253, 259.

102

Ежегодник философского общества СССР. 1987–1988. С. 266–267.

103

Известия ЦК КПСС 1990. № 2. С. 43.

Алаторцева А. Советская историческая периодика. М., 1989. С. 206.

105

Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 350–361.

Вопросы истории КПСС. 1989. № 5. С. 97.

Вопросы истории КПСС. 1989. № 5. С. 98.

Театр. 1988. № 6. С. 66.

109

Вечерняя Москва. 1989. 14 ноября. С. 3.

110

Правда. 1933. 2 ноября. С. 1.

Неделя. 1989. № 30. С. 10.

Литературная Россия. 1989. 12 мая. С. 18.

113

История СССР. 1989. № 2. С. 11.

Там же. С. 12.

Неделя. 1989. № 30. С. 10.

116

Советская Кубань. Краснодар. 1988. 29 декабря.

117

История СССР. 1989. № 2. С. 11.

118

Правда. 1933. 7 января. С. 2.

119

История СССР. 1989. № 2. С. 12.

Из материалов группы устной истории МГИАИ.

121

История СССР. 1989. № 2. С. 15.

Там же. С. 13.

123

Там же. С. 14.

Правда. 1933. 3 января. С. 2.

125

Там же. 1 января.

История СССР. 1989. № 2. С. 10.

КПСС в резолюциях. М., 1953. Ч. 2. С. 730.

Там же. С. 736.

129

Все цитаты из этой речи. — Правда. 1933. 20 января. С. 2–3.

130

Правда. 1933. 16 февраля. С. 1.

131

Там же. 18 февраля. С. 1–3.

История СССР. 1989. № 2. С. 12.

Неделя. 1989. № 30. С. 10.

История СССР. 1989. № 2. С. 19.

135

Ветеран. 1989. № 42. С. 9.

136

Из воспоминаний И. П. Алексахина.

137

Память. Исторический сборник. Париж, 1982. Вып. 5. С. 365.

138

Правда. 1933. 10 ноября. С. 2.

Знамя. 1989. № 9. С. 20.

Аврора. Ленинград, 1989. № 10. С. 15.

141

Кольман Арношт (Эрнест). Мы не должны были так жить. Нью-Йорк, 1982. С. 192.

142

Гудок. 1934. 27 октября. С. 1.

Знамя. 1989. № 9. С. 21.

144

Рабочая Москва. 1935. 16 июля.

Вопросы истории КПСС. 1989. № 5. С. 97.

146

Рабочая Москва. 1931. 4 июля. С. 2.

История Москвы. М., 1959. Т. 6. Кн. 2. С. 11.

Архитектура и строительство Москвы. 1988. № 9. С. 21.

Там же. 1988. № 11. С. 10.

Там же. № 5. С. 8.

151

История Москвы. С. 29.

Полетаев В. На путях к новой Москве. М., 1961. С. 43.

Горизонт. 1988. № 4. С. 39.

154

Мальков П. Записки коменданта Кремля. М., 1967. С. 125–127.

Полетаев В. Е. Указ соч. С. 48.

156

Рабочая Москва. 1934. 30 июля. С. 2.

157

Огонек. 1987. № 46. С. 21.

Знамя. 1988. № 6. С. 86.

Полетаев В. Е. Указ. соч. С. 41–42.

160

Рабочая Москва. 1931 4 июля. С 2.

161

Правда. 1939. 21 декабря. С. 5.

162

Рабочая Москва. 1931. 4 июля. С. 2–4. (См.: все выдержки из доклада).

163

История Москвы. С. 26.

164

Рабочая Москва. 1934. 30 июля. С. 1.

Горизонт. 1988. № 4. С. 41.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 111–112.

Горизонт. 1988. № 4. С. 42.

168

Правда. 1933. 2 ноября. С. 1.

Полетаев В. Е. Указ. соч. С. 49.

170

Рабочая Москва. 1935. 16 июля. С. 1.

171

Там же.

Архитектурная газета. 1935. 16 июля. С. 3.

173

История Москвы. С. 26.

История СССР. 1989. № 1. С. 65.

175

История Москвы. С. 29.

Грамматические ошибки сделаны Сталиным.

177

Все процитированные документы о Сухаревой башне — «Известия ЦК КПСС». 1989. № 9. С. 112–114.

178

Гудок. 1935. 6 апреля. С. 4.

Вопросы истории. 1981. № 8. С. 91.

180

Рабочая Москва. 1934. 30 июля. С. 1.

181

Там же.

Горизонт. 1988. № 4. С. 44.

183

Архитектурная газета. 1935. 19 июля. С. 2; 1935. 16 августа. С. 1.

184

Кольман Арншот (Эрнест). Мы не должны были так жить. Нью-Йорк, 1982. С. 164–165.

185

Архитектурная газета. 1935. 22 июля. С. 1.

186

Правда. 1935. 11 июля. С. 1.

187

Архитектура и строительство Москвы. 1989. № 1. С. 21.

188

История Москвы. С. 36; Архитектура и строительство Москвы 1988. № 5. С. 3.

189

Архитектура и строительство Москвы. 1990. № 3. С. 10.

Вопросы литературы. 1989. № 3. С. 214.

191

Неделя. 1989. № 25. С. 11.

192

Правда. 1935. 1 марта.

193

Рабочая Москва. 1935. 8 января.

194

Гудок. 1935. 6 марта.

195

Гудок. 1935. 9 марта.

196

Правда. 1935 16 марта.

197

О посещении Кагановичем Чернобыля нам рассказал уже цитировавшийся выше Р. С. Федченко.

198

Правда. 1935. 22–30 мая.

199

Рабочая Москва. 1935. 14 июля С. 1.

200

Рабочая Москва. 1935. 14, 18 июля.

201

Там же. 17 июля. С. 1.

Там же. 2 августа. С. 1.

203

Гудок. 1935. 27 августа — 1 сентября.

Вопросы литературы. 1989. № 5. С. 186.

205

Наш современник. 1988. № 5. С. 175.

206

Гудок. 1934. 9 октября. 1935. 20 марта.

207

Гудок. 1935. 15 августа.

См.: Транспортный рабочий. Ташкент. 1935.

209

Гудок. 1935. 3 марта.

210

Гудок. 1935. 11 марта.

211

Транспортный рабочий. Ташкент. 1935. 10 марта.

212

Гудок. 1935. 20 марта.

213

Там же. 1934. 9 октября.

214

Рабочий край. Иваново. 1937. 3 апреля.

215

Правда. 1936. 2 августа.

216

Гудок. 1935. 2 апреля.

217

Там же. 1935. 9 апреля.

218

Гудок. 1935. 19 августа.

219

Там же. 4 и 5 июля.

220

Там же. 15 августа.

221

Там же. 2 августа.

Советский экран. 1989. № 11. С. 15.

223

Правда. 1937. 13 февраля.

Вопросы истории КПСС. 1989. № 5. С. 99.

225

Гудок. 1935. 1 апреля.

226

Там же. 15 августа.

227

Литературный критик. 1936. № 8. С. 114–128. (По другим данным, отзыв Сталина о Платонове был связан с его рассказом «Усомнившийся Макар».)

Правда Востока. Ташкент. 1937. 23 ноября.

229

Гудок. 1935. 15 апреля.

Московская правда. 1989. 10 января. С. 3.

231

Свидетельство Б. И. Гвоздарева.

Правда. 1961. 26 октября.

Там же. С. 5.

234

Гудок. 1935. 10 августа.

Горизонт. 1988. № 7. С. 59.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 71.

Там же. С. 72.

Советская культура. 1989. 18 апреля.

239

Театральная жизнь. 1989. № 21. С. 27.

240

Правда. 1937. 11 февраля.

Нева. 1989. № 12. С. 165.

242

Правда. 1937. 25 января.

243

Высказывания Я. А. Лившица и И. А. Князева. — См.: Правда. 1937. 30 января. С. 4.

24 часа. Ленинград. 1989. Июнь. Вып. 1.

245

Литературная газета. 1937. 30 марта.

Правда. 1937. 17 марта.

247

Правда. 1937. 15 февраля.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 49, 54.

Там же. 1989. № 4. С. 56.

Там же. С. 57.

251

Правда. 1961. 31 октября. С. 3.

Очерк истории Ивановской партийной организации. Иваново, 1967. С. 296.

253

Рабочий край. Иваново, 1937. 5 апреля и 9 апреля.

Там же. 18 апреля.

255

Там же. 29 мая.

Вопросы истории. 1990. № 9. С. 138–149.

257

Правда. 1937. 12 ноября.

258

Там же. 21 ноября.

259

Правда. 1937. 20 ноября.

260

Там же. 26 ноября.

261

Там же. 27 ноября.

Вопросы истории КПСС. 1989. № 5. С. 101.

Вопросы истории. 1990. № 6. С. 77–79.

Уральский рабочий. Свердловск. 1937. 11 декабря.

265

Правда Востока. Ташкент. 1937. 20 ноября.

266

Там же. 1937. 11 декабря.

267

Мемуары Д. Шостаковича. (Записаны С. Волковым.) Гамбург, 1979. С. 107.

Правда. 1938. 19 января.

Новиков В. Накануне и в дни испытаний. М., 1988. С. 23.

Правда. 1938. 13 марта.

271

Там же. 27 марта.

Правда. 1938. 19 марта.

Сельская молодежь. 1989. № 4. С. 3.

Вопросы истории КПСС. 1989. № 5. С. 100–101.

Шахурин А. Крылья победы. М., 1985. С. 12, 50–51.

Правда. 1941. 21 февраля.

277

Гудок. 1941. 2 марта.

Гудок. 1941. 9—23 апреля.

Кэхан Стюарт. Кремлевский волк. Нью-Йорк, 1987. С. 201–202.

280

См.: *Некрич А. М.* 1941. 22 июня. М., 1965. С. 111–126; Международная жизнь. 1989. № 2. С. 127–139.

281

Обстоятельства ночи с 21 на 22 июня. См.: *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 232–237.

Куманев Г. Война и железнодорожный транспорт СССР. М., 1988. С. 48.

283

Там же. С. 77.

Огонек. 1989. № 31. С. 18.

285

Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 31.

Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 25–57.

Кондратьев З. Дороги войны. М., 1968. С. 13–14.

Куманев Г. Указ. соч. С. 59.

Кондратьев З. Указ. соч. С. 15.

Куманев Г. Указ. соч. С. 62.

291

Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 40.

Там же. 1989. № 3. С. 32.

Шахурин А. Крылья победы. М., 1985. С. 111–112.

Куманев Г. Указ. соч. С. 115.

295

Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 34.

Московская правда. 1987. 16 октября. С. 3.

Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 34.

Гудок. 1990. И февраля. С. 4.

Куманев Г. Указ. соч. С. 122.

300

Гудок. 1942. 7 января и 8 февраля. С. 2; 11 февраля. С. 1.

301

Куманев Г. Указ. соч. С. 123.

Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 43.

Куманев Г. Указ. соч. С. 125.

304

Николай Константинович Байбаков — в 1944 году нарком Министерства нефтяной промышленности, с 1965-го — заместитель председателя Совмина СССР, председатель Госплана.

305

Байбаков Н. 40 лет в правительстве. Деловая жизнь. 1991. № 21. С. 69–70.

Куманев Г. Указ. соч. С. 172.

Куманев Г. Указ. соч. С. 190.

За рубежом. 1989. № 38. С. 18.

309

Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 50.

310

Сведения о работе Кагановича в МСМ предоставил Б. И. Гвоздарев.

Молдавия литературная. 1989. № 12. С. 137.

Театральная жизнь. 1989. № 10. С. 29.

Молдавия литературная. 1989. № 12. С. 138.

Театр. 1988. № 12. С. 167.

315

Театральная жизнь. 1989. № 21. С. 27.

316

Бергер И. Крушение поколения. Флоренция, 1973. С. 288.

317

Правда. 1949. 8 декабря.

24 часа. Ленинград. 1989. Июнь. Вып. 1. С. 11.

319

Авторханов А. Загадка смерти Сталина. Франкфурт-на-Майне. 1976. С. 226–227.

Сельская молодежь. 1989. № 12. С. 7–8.

321

Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 57–58.

322

Известия. 1925. 3 ноября.

Правда. 1988. 3 октября.

324

Рабочая Москва. 1935. 17 июля.

325

Там же. 15 июля.

326

Там же. 21 июля.

327

Московская правда. 1989. 10 января.

Родина. 1990. № 2. С. 72. Здесь и в некоторых случаях далее нами используется статья С. Панферова о пребывании Кагановича в Асбесте «Железный Лазарь: конец карьеры».

Родина. 1990. № 2. С. 74.

Правда. 1961. 27 октября.

331

Там же. 20 октября.

Правда. 1961. 21 октября.

333

Там же.

Цитаты из стенограммы заседания. См.: Вопросы истории КПСС. 1989. № 5. С. 96–102.

335

Свидетельство В. П. Уманской.

Крокодил. 1989. № 35. С. 8.

337

Рабочая трибуна. 1990. 11 февраля.

338

Смена. Ленинград. 1989. 10 февраля.

339

Цит. по: *Микоян С* Политическое долголетие // Книжное обозрение 1989. № 1

В 30-е годы как покупатели, так и продавцы картин и ценностей избегали гласности. Сегодня большая часть картин из Эрмитажа уже не находится в частных руках. Гульбенкян подарил свою коллекцию Португалии. Картины из коллекций Меллона выставлены в Вашингтонской галерее. Часть картин приобретена или получена в дар голландскими музеями и Лувром.

341

Рабочая Москва. 1935. 18 ноября.

342

Книга о вкусной и здоровой пище. М.; Л., 1939. С. 72, 104, 288, 332.

343

Коммунист (Ереван). 1937. 11 ноября, 8 декабря.

Микоян А. Доклад на собрании актива партийных, советских и общественных организаций Москвы, посвященном 20-летию ВЧК — ОГПУ — НКВД // Правда. 1937. 21 декабря.

345

Из воспоминаний В. Гусарова. Рукопись.

Свидетельство А. В. Снегова.

347

Рабочая Москва 1935 24 января.

348

Цит. по: *Павлов Д.* Из записок наркома // Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 122–123.

349

Микоян С. Политическое долголетие // Книжное обозрение. 1989. № 1.

350

Цит. по: *Павлов Д.* Из записок наркома // Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 125–126.

351

Хрущев Н. Воспоминания. Избранные отрывки. Нью-Йорк, 1979. С. 152.

352

См.: XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. С. 302, 323, 325, 326.

353

Цит. по газете «Русская мысль» (Париж). 1976. 5 февраля.

См.: *Свирский Г.* На лобном месте. Лондон, 1979. С. 136.

Цит. по: New Leader. 1959. 3 feb.

Алексеев А. Карибский кризис. Как это было // Эхо планеты. 1988. № 33. С. 31.

Алексеев А. Карибский кризис. Как это было // Эхо планеты. 1988. № 33. С. 32.

Микоян ошибся, указав возраст своих коллег. В 1964 году, в декабре, Брежневу исполнилось 58 лет, Косыгину — 60.

359

Запись сделана старыми большевиками И П. Гавриловым и Е. П. Фроловым.

360

Микоян С. Предисловие к статье А. И. Микояна «В первый раз без Ленина» // Огонек. 1987. № 50. С. 4.

361

Микоян С. Политическое долголетие // Книжное обозрение. 1989. № 1.

Ulam A. B. Stalin: The Man and His Era. N. Y., 1973. P. 392.

363

Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. Т. 41. Ч. 1. Приложение. Стб. 96.

Цит. по: *Парийский В., Жаворонков Г.* В немилость впавший… // Советская культура. 1989. 23 февраля.

365

Ленинский сб. Т. 37. С. 138, 139.

366

См.: *Старое Н.* Первая шашка республики // Известия. 1988. 15 авг.

367

Цит. по: *Фесенко А. П.* К оценке роли К. Е. Ворошилова в разгроме григорьевщины//Вопросы истории. 1988. № 10. С. 188.

368

Цит. по: *Чистяков Б.* Наркомвоенмор номер три // Смена (Ленинград). 1989. 19 февраля.

Ворошилов К. Е. Статьи и речи. М., 1937. С. 174–175.

Цит. по: *Чистяков Б.* Наркомвоенмор номер три // Смена (Ленинград). 1989. 19 февраля.

371

Сталин: Сборник статей к 50-летию со дня рождения. М., Л., 1929. С. 57.

Ворошилов К. Е. Сталин и Вооруженные Силы СССР. М., 1951. С. 66.

Цит. по: *Чистяков Б.* Наркомвоенмор номер три // Смена (Ленинград). 1989. 19 февраля.

Норд Л. Маршал Тухачевский. Париж, 1978. С. 102. (Лидия Норд лично знала Тухачевского на протяжении многих лет. Однако ее книга содержит не только подлинные факты, но и много недостоверных слухов и сплетен, что очень снижает ее значение как источника. Мнение Тухачевского о Ворошилове, однако, вряд ли могло быть иным. Тухачевский очень ценил М. В. Фрунзе, но не считал Ворошилова авторитетом в чисто военных делах и вообще профессиональным военным. Кстати, не слишком высокого мнения об умственных способностях Ворошилова был не только Тухачевский.)

Цит. по: *Ненароков А.* Броня и кони // Московские новости. 1988. апр.

Цит. по: *Чистяков А.* Наркомвоенмор номер три // Смена (Ленинград). 1989. 19 февраля.

377

Цит. по: *Анфилов В.* Самые тяжкие годы // Литературная газета. 1989. 22 марта.

По подсчетам автора. — *Ред.*

379

Цит. по: *Анфилов В.* Самые тяжкие годы // Литературная газета. 1989. 22 марта.

380

Военно-исторический журнал. 1989. № 1. С. 3 обложки.

381

Цит. по: *Чистяков Б.* Наркомвоенмор номер три // Смена (Ленинград). 1989. 19 февраля.

Никулин Ю. Почти серьезно… М., 1982. С. 75–76.

Эти данные взяты автором из иностранных источников. В советской прессе см. об этом: Правда. 1989. 30 ноября; Аргументы и факты. 1989. № 47.

Хрущев Н. С. Воспоминания. Нью-Йорк, 1981. Кн. 2. С. 39–40.

385

См.: *Чудаков А.* Реквием карельских болот // Комсомольская правда. 1989. 14 ноября.

Ленинградская правда. 1941. 13 июля.

Новиков В. Н. Армии нужно оружие // Вопросы истории. 1985. № 12. С. 84.

388

См.: *Чистяков Б.* Наркомвоенмор номер три // Смена (Ленинград). 1989. 19 февр.

389

См.: *Карпов В.* Полководец // Новый мир. 1983. № 12. С. 99—100.

Рекемчук А. Госприемка 1937 года // Советская культура. 1988. августа.

391

Рукопись из архива автора.

392

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. М., 1962. Т. 1. С. 105.

393

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. М., 1962. Т. 2. С. 43–44.

Там же. С. 403.

395

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. С. 589–590.

396

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. С. 589, 590.

Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни. М., 1968. Кн. 1. С. 247–248.

См.: *Ицков И, Бабак М.* Маршал Жуков // Огонек. 1986. № 48. С. 7.

399

Бергер И. Крушение поколения. С. 294.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 133–134.

401

См.: Из редакционной почты // Горизонт. 1988. № 12. С. 16.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 130.

403

Цит. по: *Ваксберг А.* Заслуженный деятель // Литературная газета. 1989. 15 марта.

Бартоли Г. Когда умер Сталин. Штутгарт, 1974. С. 96–97.

Авторханов А. Технология власти. 2-е изд. Франкфурт-на-Майне, 1977. С. 634.

Цит. по: *Озеров Л.* Возвращение // Книжное обозрение. 1988. № 38.

Авторханов А. Технология власти. С. 641–642.

Правда. 1952. 6 октября.

Правда. 1952. 6 октября.

Там же.

Правда. 1952. 6 октября.

Ермилов В. Н. В. Гоголь. 2-е изд., доп. М., 1953. С. 437.

Хрущев Н. С. Воспоминания: Избранные отрывки. С. 103–104.

См.: *Опенкин Л. А.* На историческом перепутье // Вопросы истории КПСС. 1990. № 1. С. 110.

415

Это и некоторые другие утверждения автора оспаривает сын Г. М. Маленкова. См.: Горизонт. 1988. № 12. С. 16.

Bohlen C. Witness to History. P. 369–370.

Известия. 1990. 23 марта.

Шатуновский И. Человек в футляре // Огонек. 1989. № 4. С. 27.

419

Речь для Серого кардинала. Интервью с Ф. Ф. Петренко // Московский комсомолец. 1991. 16 марта.

Павленко П. Собрание сочинений. В 6 т. М., 1953. Т. 2. С. 70.

421

Оруэлл Д. «1984» и эссе разных лет. М., 1989. С. 200, 201.

422

Александр Солженицын: Телеинтервью на литературные темы с Н. А. Струве. Париж, 1976. Март // Литературная газета. 1991. № 12. С. 11.

423

Молот (Ростов-на-Дону). 1938. 17 июня.

Правда. 1933. 12 марта.

425

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 6. С. 46–47.

Правда. 1933. 9 июля.

427

Правда. 1933. 21 августа.

Правда. 1934. 7 июля.

429

Молот (Ростов-на-Дону). 1938. 9 июня.

430

Там же. 11 июня.

431

Молот (Ростов-на-Дону). 1938. 24 октября.

432

Там же. 12 января.

433

Молот (Ростов-на-Дону). 1938. 11 июня.

Там же. 2 августа.

435

Молот (Ростов-на-Дону) 1938 17 июня.

436

Молот (Ростов-на-Дону) 1939 12 января.

437

Так называлось Ставрополье с 1937 по 1943 г. Выходившая тогда газета — орган крайкома ВКП(б) — также переименовывалась. В 1937–1943 гг. называлась «Орджоникидзевская правда», с 1943 г. — «Ставропольская правда».

Платонов А. Избранные произведения. М., 1983. С. 264.

Сталин И. Сочинения. Т. 13. С. 224.

Орджоникидзевская правда. 1939. 11 июня.

Орджоникидзевская правда. 1939. 18 октября.

442

Там же 1940 16 июня.

443

Орджоникидзевская правда. 1940, 3 июня.

444

Орджоникидзевская правда 1939 27 февраля

445

Там же 1940 14 марта.

Орджоникидзевская правда. 1940. 18 августа.

447

Там же.

Орджоникидзевская правда. 1939. 14 октября.

449

Платонов А. Избранные произведения. С. 253.

Орджоникидзевская правда. 1939. 15 сентября.

451

Там же. 1940. 14 марта.

Орджоникидзевская правда. 1941. 2 октября.

453

Там же.

Орджоникидзевская правда. 1942. 10 марта.

455

Там же.

Орджоникидзевская правда. 1942. 10 июля.

Ставропольская правда. 1978. 13 мая.

Ставропольская правда. 1943. 19 ноября.

459

Там же. 13 марта.

460

Суслов М. А. Вопросы колхозного строительства в освобожденных районах // Партийное строительство. 1943. № 23. С. 21.

461

Ставропольская правда. 1943. 9 апреля.

462

Там же. 27 апреля.

463

Ставропольская правда. 1943. 5 марта.

Там же. 18 мая.

В бессрочную ссылку // Московские новости 1990. № 41. С. 11.

466

См.: *Логинов Ю.* Боль моя, Карачай // Социалистическая индустрия. 1989. 14 июля.

467

См.: *Морозов М.* Леонид Брежнев. Биография. Штутгарт — Берлин — Кельн — Майнц, 1973. С. 91.

Ставропольская правда. 1978. 13 мая.

469

Там же.

Ставропольская правда. 1978. 13 мая.

471

Советская Литва. 1945. 4 января.

472

Советская Литва. 1945. 4 января.

473

См.: История Литовской ССР (с древнейших времен до наших дней). Вильнюс, 1978. С. 476.

См.: Коммунистическая партия Литвы в цифрах. 1918–1976. Вильнюс, 1977. С. 256.

475

Советская Литва. 1945. 18 апреля.

476

Советская Литва. 1945. 18 апреля.

477

Там же.

Там же.

479

Советская Литва. 1945. 18 апреля.

480

Из архива Казиса Боруты (1905–1965) // Вопросы литературы. 1990. № 1. С. 206.

481

Советская Литва. 1945. 4 января.

482

Советская Литва. 1945. 1 апреля.

483

Там же.

См. подробнее: *Борисов Ю.* Только факты: националистическое подполье в Литве. 40—50-е годы //Союз. 1990. № 10. С. 11.

485

Десять «железных» наркомов Интервью с В Ф. Некрасовым // Комсомольская правда. 1989. 29 сентября.

Советская Литва. 1973. 30 ноября.

Правда. 1948. 22 января.

Правда. 1948. 14 апреля.

489

Красная новь. 1937. № 10. С. 195.

Правда. 1949. 28 февраля.

Цит. по: Театральная жизнь. 1989. № 23. С. 23, 24.

Правда. 1949. 8 декабря.

493

Цит. по: *Волкогонов Д.* Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2 кн. М., 1989. Кн. II. Ч. 2. С. 33.

Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Кн. II. Ч. 2. С. 68.

495

Цит. по: *Волкогонов Д.* Триумф и трагедия. Кн. II. Ч. 2. С. 198.

Дубинский Р. Ночь после смерти Сталина // За рубежом. 1989. № 33. С. 16.

Барсуков Н. Еще впереди XX съезд… // Правда. 1989. 17 ноября.

Внеочередной XXI съезд КПСС. 27 января — 5 февраля 1959 года: Стенографический отчет. М., 1959. Т. I. С. 367.

XXII съезд КПСС. 17–31 октября 1961 года: Стенографический отчет. М., 1962. Т. I. С. 516–517.

500

XX съезд КПСС. 14–25 февраля 1956 года: Стенографический отчет. М., 1956. Т. I. С. 284–285.

501

XX съезд КПСС. 14–25 февраля 1956 года: Стенографический отчет. М., 1956. Т. I.С. 271–272.

502

Мы им наш новый мир построим. Интервью с В. И. Фоминым // Комсомольская правда. 1990. 5 декабря.

503

Хрущев вспоминает. М., 1971. С. 359.

Внеочередной XXI съезд КПСС: Стенографический отчет. Т. I. С. 362.

XXII съезд КПСС: Стенографический отчет. Т. I. С. 523.

Караулов А. Вокруг Кремля: Книга политических диалогов. М., 1990. С. 43.

507

Внеочередной XXI съезд КПСС: Стенографический отчет. Т. I. С. 365.

XXII съезд КПСС: Стенографический отчет. Т. I. С. 528.

509

Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Париж, 1975. С. 326–327.

Липкин С Жизнь и судьба Василия Гроссмана//Литературное обозрение. 1988. № 7. С. 101.

Сахаров А. Воспоминания // Знамя. 1990. № 12. С. 62–64.

Белютин Э. Хрущев и Манеж//Дружба народов. 1990. № 1. С. 136–142.

513

Время и мы. Нью-Йорк — Тель-Авив — Париж, 1977. № 41. С. 176.

Караулов А. Вокруг Кремля. С. 399.

515

Белютин Э. Хрущев и Манеж // Дружба народов. 1990. № 1. С. 143–144.

Белютин Э. Хрущев и Манеж//Дружба народов. 1990. № 1. С. 159–161.

517

Правда. 1964. 3 апреля.

518

Там же.

Правда. 1964. 3 апреля.

Бурлацкий Ф. Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них… М., 1990. С. 180–181.

521

О Хрущеве, Брежневе и других. Интервью с П. Е. Шелестом // Аргументы и факты. 1989. № 2.

522

XX съезд КПСС: Стенографический отчет. Т. I. С. 271, 273.

523

XXII съезд КПСС: Стенографический отчет. Т. I. С. 517.

524

См.: Никита Сергеевич Хрущев: Материалы к биографии. М., 1989. С. 196–201.

Бурлацкий Ф. Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них… С. 179.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 230; *его же.* Сочинения. 4-е изд. Т. 31. С. 204–205.

527

Кондратович А. Последний год // Новый мир. 1990. № 2. С. 222.

528

Твардовский А. Из рабочих тетрадей (1953–1960) // Знамя. 1989 № 8. С. 175–176.

529

Кондратович А. Последний год// Новый мир. 1990. № 2. С. 197.

530

Кондратович А. Последний год // Новый мир. 1990. № 2. С. 196.

531

Там же. С. 207.

532

См. подробнее: *Катанян В.* «Операция „Огонек“» // Книжное обозрение. 1989. № 43. С. 6, 8–9.

533

Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Кн. II. Ч. 1. С. 345.

534

См.: *Шатуновский И* Человек в футляре // Огонек. 1989. № 4. С 28.

535

Любопытно, что один из главных помощников Суслова — В. Воронцов был собирателем поговорок и афоризмов. Но при подготовке речей Суслова ему практически не удавалось вставить в тексты что-нибудь интересное из своей коллекции. Вообще составители речей Суслова отмечают, что он очень редко вносил какие-либо существенные изменения, разве что исключал некоторые фразы и абзацы.

Правда. 1978. 2 сентября.

537

Кремлевские тайны. Вверх по лестнице, ведущей вниз. Интервью с В. А. Печеневым //Литературная газета. 1991. № 4 С. 3.

Правда. 1977. 17 июня.

Правда. 1978. 20 декабря.

Справедливости ради надо сказать, что и у Суслова наград хватало: две Звезды Героя Социалистического Труда, пять орденов Ленина, другие ордена и медали. — *Ред.*

541

Правда. 1981. 20 декабря.

542

Как я играл Брежнева. Интервью с Е. Матвеевым // Советская культура. 1990. 27 января.

543

Я старался… Интервью с Е. Матвеевым // Огонек. 1990. № 19. С. 9–10.

Эфир времен Хрущева. Интервью с М. А. Харламовым // Журналист. 1989. № 6 С. 35.

545

В годы «культпросвета». Интервью с Н. Н Месяцевым //Там же. 1989. № 1. С. 39.

См.: *Орлова Р.* Русская судьба Хемингуэя // Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 97–102.

547

См.: *Михаил Шатров:* У политика всегда есть выбор. Интервью с М. Ф. Шатровым // Международная жизнь. 1989. № 4. С. 14.

548

Цит. по: *Забродин В.* Новогодний розыгрыш? // Литературная Россия. 1991. № 2. С. 18.

Правда. 1980. 21 февраля.

550

Там же 13 февраля.

Все выступления см.: Правда. 1982. 30 января.

Правда. 1982. 16 февраля.

553

Миндубаев Ж. Бюст в центре села // Сельская молодежь. 1989. № 9.

С. 16.

Ильин И. А. О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. № 5. С. 113.

Там же. С. 123.

Бахтин М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 3.

ПСС. Т. 31. С. 253.

ПСС. Т. 50. С. 311.

559

Троцкий Л Портреты революционеров Вермонт, 1988. Изд. Чалидзе. С. 241–242.

560

Архив НМЛ 1925. Ф. 78. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 9.